Гражданская солидарность в реализации государственной культурной политики:

взаимодействие власти, общества и бизнеса

Якутск – Москва 2015

НКО Фонд поддержки и развития отечественной культуры,
театрального искусства, русского языка
«МТФ «Русская классика»»

Научно-образовательное культурологическое общество

Научно-образовательный центр
«Гражданское общество и социальные коммуникации»
Института государственной службы и управления РАНХиГС

Гражданская солидарность в реализации государственной культурной политики:

взаимодействие власти, общества и бизнеса

Сборник материалов Культурного форума регионов России
(Якутск – Москва, 25 сентября 2015 года)

Составители и общая редакция:
О.Н. Астафьева и О.В. Коротеева

ЯКУТСК – МОСКВА
2015

УДК 008+316.7
ББК 60.523+71.0
Г75

При реализации проекта используются средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 25.07.2014 № 243-рп и на основании конкурса, проведенного Обществом «Знание» России.

Г75 **Гражданская солидарность в реализации государственной культурной политики: взаимодействие власти, общества и бизнеса:** сборник материалов Культурного форума регионов России (Якутск – Москва, 25 сентября 2015 года)/Сост., общ.ред. Астафьевой О.Н., Коротеевой О.В. – М.: ИП Лядов К.В., 2015. – 576 с.

Книга включает материалы Культурного форума регионов России, на котором рассматривались вопросы взаимодействия власти, бизнеса и общества в контексте гражданской солидарности (Якутск – Москва, 25 сентября 2015 года).

В статьях экспертов, ученых-исследователей, руководителей сферы культуры и образования, представителей общественных советов и объединений, региональных общественных палат, а также некоммерческого сектора, практиков-управленцев, сотрудников учреждений социокультурной сферы, творческих деятелей, представляющих около тридцати субъектов Российской Федерации, многосторонне раскрываются проблемы реализации «Основ государственной культурной политики», предлагаются пути межсекторного и межведомственного взаимодействия, делается попытка концептуализации ориентиров и выбора вектора дальнейшего развития.

В книге освещены проблемы культуры и гражданского общества, образования и воспитания, подготовки кадров управления в социокультурной сфере; анализируется состояние русского языка как основы культуры и консолидации нации, раскрываются региональные практики культурного развития регионов в контексте новых стратегических задач развития России.

ISBN 978-5-4465-0783-2

Составители не несут ответственности за высказанные точки зрения и мнения авторов.

© Коллектив авторов, 2015

© Астафьева О.Н., Коротеева О.В., сост., общ.ред., 2015

© НКО Фонд поддержки и развития отечественной культуры, театрального искусства, русского языка, «МТФ «Русская классика», 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 4

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ.
ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ:
КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ОРИЕНТИРОВ И ОПРЕДЕЛЕНИЕ
ВЕКТОРА РАЗВИТИЯ 5

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ.
КУЛЬТУРА КАК ЦЕЛЬ РАЗВИТИЯ: ПОНЯТИЯ И ПРОЦЕССЫ 119

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ.
ЦЕННОСТИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА
И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СУБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ 204

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ.
ОБРАЗОВАНИЕ И ВОСПИТАНИЕ:
КАДРОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ
И СФЕРЫ КУЛЬТУРЫ 299

РАЗДЕЛ ПЯТЫЙ.
РУССКИЙ ЯЗЫК – ОСНОВА КУЛЬТУРЫ
И КОНСОЛИДАЦИИ НАЦИИ 381

РАЗДЕЛ ШЕСТОЙ.
РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ
В КОНТЕКСТЕ НОВЫХ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ЗАДАЧ 460

СПИСОК АВТОРОВ 570

ГЕОГРАФИЯ СБОРНИКА

РЕСПУБЛИКА АДЫГЕЯ
РЕСПУБЛИКА АЛТАЙ
РЕСПУБЛИКА БАШКОРТОСТАН
РЕСПУБЛИКА БУРЯТИЯ
КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКАЯ РЕСПУБЛИКА
РЕСПУБЛИКА ДАГЕСТАН
РЕСПУБЛИКА КАРЕЛИЯ
РЕСПУБЛИКА КОМИ
РЕСПУБЛИКА КРЫМ
РЕСПУБЛИКА СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ – АЛАНИЯ
РЕСПУБЛИКА ХАКАСИЯ
АЛТАЙСКИЙ КРАЙ
КРАСНОЯРСКИЙ КРАЙ
ХАБАРОВСКИЙ КРАЙ
БРЯНСКАЯ ОБЛАСТЬ
АМУРСКАЯ ОБЛАСТЬ
ВОЛГОГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ
ВОЛОГОДСКАЯ ОБЛАСТЬ
НИЖЕГОРОДСКАЯ ОБЛАСТЬ
РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТЬ
САРАТОВСКАЯ ОБЛАСТЬ
СВЕРДЛОВСКАЯ ОБЛАСТЬ
ТУЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ
ЧЕЛЯБИНСКАЯ ОБЛАСТЬ
УЛЬЯНОВСКАЯ ОБЛАСТЬ
ЯРОСЛАВСКАЯ ОБЛАСТЬ
МОСКВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
СЕВАСТОПОЛЬ
ПРИМОРСКИЙ КРАЙ
ИВАНОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

Раздел первый

ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ОРИЕНТИРОВ И ОПРЕДЕЛЕНИЕ ВЕКТОРА РАЗВИТИЯ

Кочеляева Н.А.,
Музычук В.Ю.
(Москва)

ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ: НОВЫЕ ОРИЕНТИРЫ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Культурная политика и вопросы развития культуры в Российской Федерации в последнее время приобрели качественно новый сдвиг, характеризующийся усилением внимания к ним на самом высоком уровне. Прошедший 2014 год Указом Президента Российской Федерации № 375 от 22.04.2013 года был объявлен Годом культуры в Российской Федерации, а текущий 2015 – Годом литературы[1]. В течение 2014 года рабочая группа во главе с Руководителем Администрации Президента РФ С.Б. Ивановым и при непосредственном участии Советника Президента РФ по культуре и искусству В.И. Толстого занималась подготовкой уникального документа, определяющего цели и стратегические задачи государственной культурной политики, а также ключевые принципы ее реализации – Основ государственной культурной политики (далее по тексту – Основы ГКП). В конце мая 2014 г. документ[2] был представлен на широкое общественное обсуждение, после чего был существенно доработан и переработан с учетом поступивших замечаний.

Параллельно была создана рабочая группа, в задачи которой входила подготовка материалов к совместному заседанию Государственного Совета и Совета при Президенте РФ по культуре и искусству. Основу материалов составил Доклад «О государственной культурной политике», дополненный приложениями, касающимися состояния нормативно-правовой базы в области культуры федерального и регионального уровней, финансового обеспечения отрасли, опыта архитектурной политики, а также приведен анализ успешных региональных практик, зарубежной практики в области культурной политики, ряд социологических исследований и др.[3] Доклад базировался на экспертных

[1] Указ Президента Российской Федерации от 12.06.2014 г. № 426 «О проведении в Российской Федерации Года литературы» // Официальный портал Президента Российской Федерации. Режим доступа: URL: http://kremlin.ru/acts/bank/38558. Дата обращения 01.07.2015.

[2] См.: Проект Основ государственной культурной политики. Общественное обсуждение // Министерство культуры Российской Федерации [Официальный сайт]. Режим доступа: URL: http://mkrf.ru/open-ministry/public-discussions/detail.php?ID=498935 (дата обращения 05.09.2015); Проект «Основ государственной культурной политики» // Российская газета [Официальный Интернет-портал]. 16.05.2015. Режим доступа: URL: http://www.rg.ru/2014/05/15/osnovi-dok.html (дата обращения 05.09.2015).

[3] О государственной культурной политике (электронная версия материалов). Материалы

оценках и исследованиях[1] состояния культуры в Российской Федерации, которые выявили и зафиксировали проблемные поля в сфере культуры[2]. Авторы доклада, ссылаясь на результаты социологического исследования, проведенного в конце 2013 г. Институтом социологии РАН и Государственным институтом искусствознания «Цели и приоритеты культурной политики современной России: мнения экспертов и позиция населения»[3], отмечали, что наиболее острой проблемой, препятствующей развитию современной российской культуры, является недооценка со стороны властных элит стратегической значимости культуры для успешной модернизации общества и экономического роста[4]. Как следствие такого подхода к культуре и культурной политике были констатированы иные проблемы, в числе которых названы: неадекватность критериев оценки результатов культурной деятельности; сложности межведомственного взаимодействия по вопросам развития культуры; слабое понимание специфики культуры как сферы деятельности; «порочный круг» недофинансирования культуры; низкий уровень оплаты труда работников культуры и искусства; инфраструктура культуры, не отвечающая вызовам нового времени[5].

Поиск решений для преодоления существующих проблем фокусировался вокруг региональных практик реализации культурной политики[6], разработки целей и направлений новой государственной культурной политики[7], а также управленческой модели и инструментов ее

к Совместному заседанию Государственного совета РФ и Совета при Президенте РФ по культуре и искусству. [Электронный ресурс].

[1] См., например: Итоговый доклад о результатах экспертной работы НИУ ВШЭ и РАНХиГС по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года «Стратегия-2020: новая модель роста – новая социальная политика»: http://2020strategy.ru/2020; Культура и люди. ВЦИОМ. Пресс-выпуск 2522 от 25.02.2014: http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114722; Обзор культурной политики в Российской Федерации: Аналитический доклад // Совет Европы (CouncilofEurope); отв. ред.: К. Разлогов, Т. Санделл. Ульяновск: ООО «Мастер-Студия», 2013; Общественное мнение – 2013. М.: Левада-центр, 2014; Цели и приоритеты культурной политики современной России: мнения экспертов и позиция населения. Аналитическая записка по итогам экспертного опроса в рамках общероссийского социологического исследования. М., 2013; и др.

[2] См.: Доклад о государственной культурной политике // О государственной культурной политике (электронная версия материалов). Материалы к Совместному заседанию Государственного совета РФ и Совета при Президенте РФ по культуре и искусству. [Электронный ресурс]. Глава I. Анализ государственной политики в сфере культуры и последствий ее реализации. С. 7-19.

[3] Цели и приоритеты культурной политики современной России: мнения экспертов и позиция населения. Аналитическая записка по итогам экспертного опроса в рамках общероссийского социологического исследования. М., 2013.

[4] Доклад о государственной культурной политике // О государственной культурной политике (электронная версия материалов). Материалы к Совместному заседанию Государственного совета РФ и Совета при Президенте РФ по культуре и искусству. [Электронный ресурс]. С. 7.

[5] Там же, С. 11.

[6] Доклад о государственной культурной политике // О государственной культурной политике (электронная версия материалов). Материалы к Совместному заседанию Государственного совета РФ и Совета при Президенте РФ по культуре и искусству. [Электронный ресурс]. Глава III. Инициативы и культурные практики регионов России. С. 43-52.

[7] Доклад о государственной культурной политике // О государственной культурной политике

реализации[1]. В результате были предложены подходы «к практическому достижению стратегических целей, сформулированных в «Основах государственной культурной политики», обозначены связанные с ними новые задачи, намечены направления совместных действий на федеральном, региональном и муниципальном уровнях»[2].

Авторами доклада подчеркивалось, что «действующей силой, субъектом культурной политики должно стать все общество, включая все уровни власти и всех субъектов культуры»[3]. Это позволило бы учитывать региональные особенности, местную специфику, культурную самобытность локальных, этнических, творческих, территориальных сообществ при выработке региональных культурных политик на основе стратегических целей, задаваемых государственной культурной политикой, что в конечном итоге должно способствовать гармонизации отношений в обществе и становлению единого культурного пространства Российской Федерации. Необходимыми шагами для достижения обозначенных целей, по мнению авторов доклада, должно стать: реформирование системы управления государственной культурной политикой, включая создание координирующего органа, ответственного за ее реализацию, и финансовых механизмов; разработка нормативно-правовой базы, обеспечивающей реализацию государственной культурной политики; создание системы мониторинга реализации культурной политики[4].

Основы ГКП были подписаны Указом Президента РФ 24 декабря 2014 г. перед началом совместного заседания Государственного совета РФ и Совета по культуре и искусству при Президенте РФ[5]. Как отмечено в преамбуле этого документа, «настоящие Основы определяют главные направления государственной культурной политики и представляют собой базовый документ для разработки и совершенствования

(электронная версия материалов). Материалы к Совместному заседанию Государственного совета РФ и Совета при Президенте РФ по культуре и искусству. [Электронный ресурс]. Глава II. О целях и направлениях новой государственной культурной политики. С. 27-42.

[1] Доклад о государственной культурной политике // О государственной культурной политике (электронная версия материалов). Материалы к Совместному заседанию Государственного совета РФ и Совета при Президенте РФ по культуре и искусству. [Электронный ресурс]. Глава IV. Создание условий для реализации государственной культурной политики. С. 43-52.

[2] Доклад о государственной культурной политике // О государственной культурной политике (электронная версия материалов). Материалы к Совместному заседанию Государственного совета РФ и Совета при Президенте РФ по культуре и искусству. [Электронный ресурс]. С. 6.

[3] Доклад о государственной культурной политике // О государственной культурной политике (электронная версия материалов). Материалы к Совместному заседанию Государственного совета РФ и Совета при Президенте РФ по культуре и искусству. [Электронный ресурс]. Глава IV. Создание условий для реализации государственной культурной политики. С. 44.

[4] Доклад о государственной культурной политике / О государственной культурной политике (электронная версия материалов). Материалы к Совместному заседанию Государственного совета РФ и Совета при Президенте РФ по культуре и искусству. [Электронный ресурс]. Глава IV. Создание условий для реализации государственной культурной политики. С. 43-52.

[5] Основы государственной культурной политики. Утверждены Указом Президента Российской Федерации № 808 от 24 декабря 2014 г. // Официальный портал Президента Российской Федерации. Режим доступа: URL: http://kremlin.ru/acts/bank/37088. Дата обращения 01.07.2015.

законодательных и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, регулирующих процессы культурного развития в Российской Федерации, а также государственных и муниципальных программ»[1]. Таким образом, был принят документ, закладывающий основы для разработки иных нормативно-правовых актов, документов и программ в области культурного развития страны, статус которого является беспрецедентным – выше этого документа только Конституция Российской Федерации.

Беспрецедентность этого документа выражена также в том, что впервые на государственном уровне культура рассматривается как важнейшая часть личностного, общественного и государственного развития: «Принимая настоящие Основы, государство впервые возводит культуру в ранг национальных приоритетов и признает ее важнейшим фактором роста качества жизни и гармонизации общественных отношений, залогом динамичного социально-экономического развития, гарантом сохранения единого культурного пространства и территориальной целостности России»[2]. Впервые культура становится ключевым инструментом развития страны, связанным с влиянием на самые различные аспекты развития. В документе особым образом подчеркивается, сколь велико значение культуры в формировании идентичности государства и его граждан: «На протяжении всей отечественной истории именно культура сохраняла, накапливала и передавала новым поколениям духовный опыт нации, обеспечивала единство многонационального народа России, воспитывала чувства патриотизма и национальной гордости, укрепляла авторитет страны на международной арене»[3]. Принятые Основы ГКП также впервые отражают уникальный опыт Российской Федерации в формировании и гармонизации межкультурного взаимодействия в условиях культурного разнообразия, обусловленного историей развития нашего государства: «Накоплен уникальный исторический опыт взаимовлияния, взаимообогащения, взаимного уважения различных культур – на этом естественным образом веками строилась российская государственность»[4].

Важнейшим сдвигом, касающимся выработки подходов к формулированию и реализации культурной политики, отраженным в принятых Основах ГКП, является переосмысление культуры, связанное с пониманием ее роли как ресурса развития государства: «Культура России

---

[1] Преамбула / Основы государственной культурной политики. Утверждены Указом Президента Российской Федерации № 808 от 24 декабря 2014 г. // Официальный портал Президента Российской Федерации. Режим доступа: URL: http://kremlin.ru/acts/bank/37088. Дата обращения 01.07.2015.

[2] Введение / Основы государственной культурной политики. Утверждены Указом Президента Российской Федерации № 808 от 24 декабря 2014 г. // Официальный портал Президента Российской Федерации. Режим доступа: URL: http://kremlin.ru/acts/bank/37088. Дата обращения 01.07.2015.

[3] Введение / Основы государственной культурной политики. Утверждены Указом Президента Российской Федерации № 808 от 24 декабря 2014 г. // Официальный портал Президента Российской Федерации. Режим доступа: URL: http://kremlin.ru/acts/bank/37088. Дата обращения 01.07.2015.

[4] Там же.

– такое же ее достояние, как и природные богатства. В современном мире культура становится значимым ресурсом социально-экономического развития, позволяющим обеспечить лидирующее положение нашей страны в мире»[1]. В документе подчеркивается, что «на протяжении всей отечественной истории именно культура сохраняла, накапливала и передавала новым поколениям духовный опыт нации, обеспечивала единство многонационального народа России, воспитывала чувства патриотизма и национальной гордости, укрепляла авторитет страны на международной арене»[2], а «утверждение приоритета культуры призвано обеспечить более высокое качество общества, его способность к гражданскому единству, к определению и достижению общих целей развития»[3].

Уникальность Основ ГКП заключается в том, что впервые на государственном уровне принят документ стратегического значения, утверждающий широкое понимание культуры, которая здесь трактуется как «совокупность формальных и неформальных институтов, явлений и факторов, влияющих на сохранение, производство, трансляцию и распространение духовных ценностей (этических, эстетических, интеллектуальных, гражданских и т. д.)»[4]. Принятое понимание культуры дополнено в Основах ГКП принципами культурной политики, среди которых утверждаются равенство граждан в реализации их культурных прав, открытость и взаимодействие с другими народами и культурами, соответствие решений (экономических, технологических и структурных) целям культурной политики, свобода творчества и невмешательство государства в творческую деятельность и делегирование государством части полномочий по управлению культурой общественным институтам[5]. Таким образом, согласно Основам ГКП наряду с государством институты гражданского общества, включая профессиональное и экспертное сообщество, являются **равноправными** субъектами культурной политики, а интересы самых различных культурных групп должны учитываться либо гармонизироваться с общими задачами государственной культурной политики.

Утвержденные в целях гармонизации общества и укрепления гражданского единства принципы государственной культурной политики и широкий подход к пониманию культуры должны нацеливать в столь деликатной сфере на бесконфликтное (по возможности) развитие

[1] Там же.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Общие положения / Основы государственной культурной политики. Утверждены Указом Президента Российской Федерации № 808 от 24 декабря 2014 г. // Официальный портал Президента Российской Федерации. Режим доступа: URL: http://kremlin.ru/acts/bank/37088. Дата обращения 01.07.2015.

[5] Принципы государственной культурной политики / Основы государственной культурной политики. Утверждены Указом Президента Российской Федерации № 808 от 24 декабря 2014 г. // Официальный портал Президента Российской Федерации. Режим доступа: URL: http://kremlin.ru/acts/bank/37088. Дата обращения 01.07.2015.

культуры в самых различных ее проявлениях и сферах воздействия, что потребовало переосмысления управленческих подходов и механизмов реализации государственной культурной политики. Речь в данном случае идет, в первую очередь, о несводимости культуры к сфере услуг, системе культурно-досуговых учреждений и некоторым иным сферам деятельности, как это традиционно трактуется в границах ведомственного подхода, связанного с реализацией полномочий Министерством культуры РФ[1] и региональными ведомствами, ответственными за политику в сфере культуры. Новое понимание государственной культурной политики исходит, прежде всего, из необходимости развития межведомственного взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления всех уровней по вопросам развития культуры, сохранения и укрепления единого культурного пространства, активной поддержки государством гражданских инициатив, а также активизации участия граждан в культурной деятельности и включенности общества в целом в культурные процессы, происходящие в стране.

Соблюдение этих условий в процессах реализации государственной культурной политики обусловило необходимость комплексного совершенствования системы управления[2], для чего необходимо сформировать институты по выработке, обеспечению реализации и мониторингу достижения целей государственной культурной политики. Согласно Основам ГКП, необходимо создать надведомственный координационный орган для осуществления организационного, аналитического и информационного обеспечения разработки и реализации государственной культурной политики[3], наделенный обширным спектром полномочий: начиная от разработки Стратегии реализации государственной культурной политики[4] и заканчивая

[1] См.: Положение о Министерстве культуры Российской Федерации (в ред. Постановлений Правительства РФ от 24.10.2011 № 859, от 28.01.2012 № 43, от 19.04.2012 № 349, от 19.06.2012 № 606) // Министерство культуры РФ [Официальный сайт]. Режим доступа: URL: http://mkrf.ru/ministerstvo/ (дата обращения 04.09.2015). В разделе I «Общие положения», п. 1 указано: «Министерство культуры Российской Федерации (Минкультуры России) является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере культуры, искусства, культурного наследия (в том числе археологического наследия), кинематографии, архивного дела, туристской деятельности, авторского права и смежных прав и функции по управлению государственным имуществом и оказанию государственных услуг в сфере культуры и кинематографии, а также по охране культурного наследия, авторского права и смежных прав, по контролю и надзору в указанной сфере деятельности».

[2] Комплексное совершенствование системы управления / Основы государственной культурной политики. Утверждены Указом Президента Российской Федерации № 808 от 24 декабря 2014 г. // Официальный портал Президента Российской Федерации. Режим доступа: URL: http://kremlin.ru/acts/bank/37088. Дата обращения 01.07.2015.

[3] Организационное, аналитическое и информационное обеспечение разработки и реализации государственной культурной политики / Основы государственной культурной политики. Утверждены Указом Президента Российской Федерации № 808 от 24 декабря 2014 г. // Официальный портал Президента Российской Федерации. Режим доступа: URL: http://kremlin.ru/acts/bank/37088. Дата обращения 01.07.2015.

[4] Согласно Поручениям Президента РФ проект Стратегии государственной культурной политики должен быть представлен к 31 мая 2015 г. (пункт 1а): Поручения Президента РФ

проведением мониторинга реализации государственной культурной политики и ее анализом[1]. В качестве ресурсного обеспечения процесса реализации культурной политики предлагается создание Российского фонда культурного развития[2].

На сегодняшний день для практического обеспечения полноценной реализации Основ ГКП необходимо не только реализовать установки документа в части совершенствования системы управления, но также обеспечить реализацию всех необходимых шагов от разработки Стратегии государственной культурной политики до обеспечения механизмов реализации, включая нормативно-правовой инструментарий, финансовое обеспечение и научно-аналитическое сопровождение всех процессов.

Загребин С. С.
(Челябинская область)

К ВОПРОСУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ, БИЗНЕСА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Культурная политика в России длительное время не имела статуса самостоятельного направления в общей политике государства. Культурные программы и проекты реализовывались в русле более крупных стратегических направлений развития государства и общества. Данная тенденция доминировала как в дореволюционный, так и в советский

от 22.01.2015 г. № Пр-93 / Президент Российской Федерации [Официальный сайт]. Режим доступа: URL: http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/47511 (дата обращения 05.09.2015).

[1] Организационное, аналитическое и информационное обеспечение разработки и реализации государственной культурной политики / Основы государственной культурной политики. Утверждены Указом Президента Российской Федерации № 808 от 24 декабря 2014 г. // Официальный портал Президента Российской Федерации. Режим доступа: URL: http://kremlin.ru/acts/bank/37088. Дата обращения 01.07.2015.

[2] Ресурсное обеспечение разработки и реализации государственной культурной политики / Основы государственной культурной политики. Утверждены Указом Президента Российской Федерации № 808 от 24 декабря 2014 г. // Официальный портал Президента Российской Федерации. Режим доступа: URL: http://kremlin.ru/acts/bank/37088. Дата обращения 01.07.2015.

период отечественной истории.[1] Вместе с тем культурная политика как инструмент влияния власти на социокультурные процессы всегда имела место и полностью зависела от общего политического курса и социально-экономических реалий. В постсоветской России культурная политика также не выделялась в качестве самостоятельной сферы властных отношений, а развивалась в общем русле процессов либерализации и демократизации власти, экономики, социума. Нормативно-правовая база, регулирующая сферу культуры, выводила культуру в пространство рыночных отношений, определяла культуру как сферу услуг, навязывала учреждениям культуры роль и функции коммерческих предприятий. Власть, бизнес, учреждения культуры и искусства, институты гражданского общества реализовывали собственные культурные проекты, исходя из своих интересов, не соотнося эти проекты с какой-либо стратегической задачей власти, не заботясь об общенациональном значении реализуемых программ.

В данном процессе были как позитивные, так и негативные тенденции. С одной стороны, сфера культуры, освободившись от политической цензуры, обрела полную свободу творчества. С другой стороны, эйфория от отсутствия каких-либо ограничений спровоцировала появление большого количества некачественных произведений культуры и искусства, лишённых этических и эстетических оснований, отрицающих гуманитарные ценности и тем самым оказывающих деструктивное влияние на общество. С одной стороны, независимость деятелей культуры и искусства от каких-либо государственных институтов предоставляла полную свободу самореализации. С другой стороны, творческая интеллигенция оказалась незащищённой от жесткого влияния рыночной экономики. Например, многие художники лишились мастерских, не имея возможности оплачивать растущую арендную плату за помещения. Российские театры вступили в неравную конкурентную борьбу с шоу-бизнесом и массовой коммерческой культурой[2]. В результате в постсоветский период вся сфера культуры оказалась ареной идейной и художественной борьбы полярных течений и направлений, стала активно утрачивать статус национальной ценности, оказалась в глубоком духовном и художественном кризисе.

Позитивным видится обращение власти к проблеме формирования и реализации самостоятельной, сбалансированной культурной политики. Утверждённые Президентом РФ в декабре 2014 года «Основы

[1] Загребин С.С. Культурная политика российского государства в конце XIX – первой трети XX вв. (общенациональные доминанты и региональные особенности). Челябинск, 2006.; Загребин С.С. Проблема изучения культурной политики в динамике исторического развития: опыт историко-культурологического анализа // Фундаментальные проблемы культурологии. М., СПб.: Новый хронограф, Эйдос, 2009. Т. VII. Культурное многообразие: теории и стратегии. С. 197-204.

[2] Загребин С.С. Современный российский театр: проблема художественного позиционирования в условиях либерального общества и рыночной экономики // Социум и власть. Челябинск. 2008. № 3. С. 123-126.

государственной культурной политики»[1] являются фундаментальным документом, на основе которого может быть сформирована новая парадигма развития национальной культуры. Представляется возможным выделить три базовых парадигмы российской культуры в постсоветский период. Первая парадигма сформировалась в 1991-2001 гг. и может быть условно обозначена «культура как свобода». Вторая парадигма оформилась в 2001-2009 гг. и может быть названа «культура как товар». Третья парадигма начала формироваться в 2009-2014 гг. и может быть обозначена «культура как ценность», «культура как миссия», «культура как социальное благо», все три определения взаимосвязаны и взаимодополняемы.

Новая парадигма понимания культуры и культурной политики, заложенная в «Основах культурной политики», отличается масштабным видением сущности феномена культуры. Культура определяется как «совокупность формальных и неформальных институтов, явлений и факторов, влияющих на сохранение, производство, трансляцию и распространение духовных ценностей (этических, эстетических, интеллектуальных, гражданских и т. д.)». Причём в документе постоянно идёт расширение объёма понятия «культура» при определении других базовых дефиниций, таких как объекты и субъекты культуры, культурная деятельность и культурное наследие и др. В итоге в пространство культуры включается весь универсум материальных и духовных артефактов (объектов, ценностей, смыслов, ресурсов), вся система отношений всех участников культуросозидательного процесса, всех акторов социокультурных коммуникаций во времени и пространстве[2].

Соответственно, и понятие «культурная политика», обозначенная как «действия, осуществляемые органами государственной власти Российской Федерации и общественными институтами, направленные на поддержку, сохранение и развитие всех отраслей культуры, всех видов творческой деятельности граждан России и формирование личности на основе присущей российскому обществу системы ценностей», имеет тенденцию к смысловому расширению. В документе произошёл очень важный поворот в государственной риторике от узковедомственного понимания культуры и культурной политики как относящихся исключительно к сфере деятельности учреждений культуры и искусства к принципиально новому пониманию культуры, преодолевающему ведомственную и институциональную разобщённость целостной культурной системы. Следует выделить обозначенный в документе принцип единения науки, образования, искусства как основы «для понимания общественной миссии культуры как инструмента

[1] Утверждены Основы государственной культурной политики [Электронный ресурс]: Режим доступа: WWW. URL: президент.рф/новости/47325 07.03.2015.

[2] Основы государственной культурной политики [Электронный ресурс]: Режим доступа: WWW. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/47325 09.04.2015.

передачи новым поколениям свода моральных, этических и эстетических ценностей, составляющих ядро национальной самобытности»[1].

Культурная политика обрела статус деятельности общенационального значения, охватывающей все сегменты общественного бытия и общественного сознания. Так, в документе отмечено, что «Государственная культурная политика России охватывает такие сферы государственной и общественной жизни, как: все виды культурной деятельности, гуманитарные науки, образование, межнациональные отношения, поддержка русской культуры за рубежом, международное гуманитарное и культурное сотрудничество, а также воспитание и самовоспитание граждан, просвещение, развитие детского и молодежного движения, формирование информационного пространства страны»[2].

Новое понимание культурной политики принципиально изменило и отношение к субъектам реализации культурных программ государства. В «Основах культурной политики» чётко сказано, что «разработка и реализация государственной культурной политики нуждается в научной обоснованности предпринимаемых преобразований, в приоритетном развитии гуманитарных наук и осуществляется при тесном взаимодействии государства и общества»[3]. Таким образом, ***культурная политика из государственного проекта превращается в проект общенациональный.*** Государство перестаёт быть единственным субъектом культурной политики, передавая часть своих полномочий по формированию и реализации культурной политики от органов федеральных государственной власти на уровень местного самоуправления; от министерств и ведомств, курирующих сферу культуры – самим учреждениям культуры и искусства, творческим союзам и иным организациям, осуществляющих свою деятельность в сфере искусства, науки, образования, воспитания и пр., тем самым расширяя сферу культурной политики до пространства всего общества[4].

Столь революционные изменения базовых оснований культурной политики представляются своевременными и позитивными. Вместе с тем реализация принципов новой культурной политики может встретиться с серьёзными трудностями. Попробуем обозначить основные проблемы, которые могут возникнуть при разработке Стратегии государственной культурной политики и при реализации основных принципов новой культурной политики на практике.

Основными субъектами данного процесса должны стать власть, бизнес и институты гражданского общества. Возникает вопрос, возможна ли выработка консолидированной позиции этих субъектов в отношении базовых ориентиров культурной политики при условии, что длительное

---

[1] Основы государственной культурной политики [Электронный ресурс]: Режим доступа: WWW. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/47325 09.04.2015.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] См.: Астафьева О.Н. Теоретические основы культурной политики и интегрирование идеи культуры в общественный дискурс // Библиотековедение. 2014. № 6. С.13-19.

время эти субъекты культурного процесса реализовывали собственные культурные программы, опираясь на прежние парадигмы развития культуры.

Власть сформулировала свои приоритеты в культурной политике, однако, в структуре самой власти имеются полярные взгляды на способ трактовки тех или иных положений «Основ культурной политики», о чём свидетельствует, скажем, обсуждение данного документа на совместном заседании Госсовета и Совета по культуре и искусству в декабре 2014 года. Президент РФ В.В. Путин в своём выступлении отметил, что в «Основах культурной политики» отразилось ***новое понимание культуры как миссии, как общественного блага.*** В данном контексте, подчеркнул Президент, «на первый план выходят процессы просвещения граждан…», повышения внимания к их «духовному, творческому развитию, воспитанию патриотизма, а также созданию на всей территории России качественной культурной среды, доступных культурных благ, равных условий для творческой деятельности». Фактически, Президент подчеркнул примат новой парадигмы понимания культуры. А в выступлениях чиновников вновь звучали, пусть и завуалированно, но идеи прежней культурной парадигмы – «культура как товар». Так, один из выступающих активно доказывал тезис, что «по-настоящему успешными становятся те учреждения культуры, во главе которых стоят не только большие мастера искусств, но и люди, знающие, что такое грамотное управление и маркетинг»[1], приводил примеры успешной финансовой деятельности отдельных учреждений культуры. Фактически, оратор утверждал примат менеджмента и маркетинга над художественными ценностями, то есть продолжал толковать культуру как товар или услугу, на словах соглашаясь, что культура есть общественное благо.

В кадровой политике власти продолжается ориентация на «эффективный менеджмент» в культуре в большей степени, нежели на качество и уровень культурного развития. В данном вопросе позиция чиновников вполне понятна, им необходимо, чтобы учреждения культуры и искусства были «успешными финансовыми предприятиями», и по этой логике учреждениями культуры должны управлять профессиональные менеджеры. К сожалению, в ориентации на прибыльность учреждений культуры упускается самое существенное. Культура как общественная ценность, как благо, как миссия, по определению не может быть прибыльной, поскольку ориентируется на метафизические ценности. Культура не может стать бизнесом, лишь отдельные сегменты культурной системы способны приносить коммерческую выгоду и финансовую прибыль. При этом эти сегменты, представленные отдельными учреждениями культуры, как правило, ориентированы на обеспеченную публику и не доступны широким слоям социума.

[1] Совместное заседание Госсовета и Совета по культуре и искусству, 24 декабря 2014 года [Электронный ресурс]: Режим доступа: WWW. URL: президент.рф/новости/47324 07.03.2015.

Позиция бизнеса в отношении культуры и культурной политики, по определению, строится на прагматических основаниях. Отдельные благотворительные акции лишь подчёркивают уникальность меценатской поддержки отдельных культурных проектов. Призывы власти к социальному партнёрству пока не находят массовой поддержки со стороны бизнеса. В этом вопросе весьма конструктивными представляются предложения Министра культуры РФ В.Р. Мединского по вопросу создания нормативно-правовой базы поддержки меценатства, по выработке системы морального поощрения в виде публичного чествования благотворителей на самом высоком уровне. Интересны и предложения по вопросу льготной аренды и приватизации памятников культуры, нуждающихся в реставрационно-ремонтных работах[1]. Как видим, инициатива вновь исходит от власти, а собственно бизнес-сообщество публично не выступает с какими-либо инициативами.

Институты гражданского общества являются важным субъектом культуры и культурной политики. Проблема в том, что в постсоветский период российское общества оказалось резко дифференцировано по имущественному показателю и стратифицировано по социальному статусу. Социокультурное пространство оказалось раздроблено многообразием политических партий, этнических и конфессиональных организаций, профессиональных групп, субкультурных общностей, многообразием культурных идентичностей. В этих условиях институты гражданского общества могут стать антагонистами в продвижение собственных представлений о культуре и культурной политике.

Кроме этого, «украинский кризис» расколол российское общество на «либералов» и «патриотов». При всей условности подобного деления социума, сущностные ориентиры полярных общественных сил обозначены достаточно чётко. На первый взгляд «украинский кризис» слабо соприкасается с вопросами культуры, и позиции «либералов» и «патриотов» имеют локальный характер. В действительности же разделение общества на два полярных лагеря имеет прямое отношение к культуре, к культурной политике. «Либералы» ориентируются на стандарты европейской модернизации и тотальной глобализации. «Патриоты» утверждают примат ценностей традиционной культуры.

«Основы государственной культурной политики» задают чёткий вектор развития российской культуры, по возрождению и укреплению ***традиционных культурных ценностей***. Такой вектор развития отечественной культуры приветствуют «патриоты» и резко отрицают «либералы». Следует заметить, что пусть условное, но достаточно определённое деление социума на «либералов» и «патриотов» разделяет и власть, и бизнес, и гражданское общество. Следовательно, достигнуть консенсуса, сформировать общенациональную консолидированную позицию по развитию российской культуры, по сущностным вопросам

[1] Совместное заседание Госсовета и Совета по культуре и искусству, 24 декабря 2014 года [Электронный ресурс]: Режим доступа: WWW. URL: президент.рф/новости/47324 07.03.2015.

стратегических приоритетов культурной политики представляется весьма проблематичным.

«Украинский кризис» расколол и российскую интеллигенцию, что проявилось в коллективных письмах pro et contra «крымской проблемы». Профессор И.В. Сибиряков, исследовавший данную тему, сделал весьма неутешительный вывод: «крымский кризис» 2014 года убедительно показал, что российская интеллигенция по-прежнему не может тотально консолидироваться в оценке масштабных социально значимых политических явлений и процессов; что позиция интеллигенции в современной России не имеет существенного решающего значения для формирования т. н. общественного мнения; что процессы трансформации внутри данной социальной группы, которые начались еще в 90-е гг. XX в. далеки от своего завершения»[1].

В этих условиях представляется важным активизация гражданской инициативы, в том числе и на региональном уровне. В октябре 2014 года Совет Уральских Бирюковских чтений (а это институт гражданского общества) организовал Четвёртый Уральский симпозиум исследователей интеллигенции. Тема симпозиума была обозначена так: «Культурная политика и интеллигенция: выбор стратегии развития». В симпозиуме приняли участие деятели образования, науки и культуры: преподаватели и студенты вузов, журналисты, литераторы, актёры и режиссёры, работники библиотек, представители власти, бизнеса, творческих союзов. И главное, с докладами выступили представители различных идейных и мировоззренческих позиций, в том числе те, кого мы сегодня называем «либералами» и «патриотами». Получился заинтересованный социокультурный диалог, основанный на взаимном уважении и стремлении понять, осмыслить позицию каждого выступающего. В результате удалось сформулировать общее понимание идеи культуры и принципов культурной политики. Приведём итоговый документ симпозиума.

ДЕКЛАРАЦИЯ, принятая участниками Четвёртого Уральского симпозиума исследователей интеллигенции, 15 октября 2014 года, город Челябинск.

Современные геополитические процессы в мире, системные трансформации российского общества, нацеленные на инновационное развитие и модернизацию социально-экономических отношений, актуализируют значение КУЛЬТУРЫ в жизни и поступательном развитии социума. КУЛЬТУРА в современном мире может стать как фактором риска, так и базисом стабильности и гармонизации.

Глобализация как социокультурный феномен порождает не только интеграционные процессы, но и риски обострения культурных противоречий этнического и конфессионального характера. В этих условиях возникает необходимость объединения усилий КУЛЬТУРЫ,

[1] Сибиряков И.В. Российская интеллигенция и события в Крыму весной 2014 года: коллективные письма и обращения // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2015. Т. 15. № 2. С. 48-51.

НАУКИ, ВЛАСТИ, БИЗНЕСА в пространстве формирования взаимного уважения всех культур, составляющих российский социум. КУЛЬТУРА каждой этнической, религиозной, социальной группы, каждого российского региона уникальна и неповторима; из многообразия национальных и региональных культур слагается единая российская КУЛЬТУРА, имеющая многовековую историю.

Российская КУЛЬТУРА должна быть доступна для освоения всеми слоями и группами многонационального российского социума. Мы призываем государственные и муниципальные органы исполнительной и законодательной власти формировать и реализовывать сбалансированную ГОСУДАРСТВЕННУЮ КУЛЬТУРНУЮ ПОЛИТИКУ, направленную на сохранение и приумножение исторического и культурного наследия, на создание условий доступности культурных ценностей, на обеспечение равных возможностей творческой деятельности и самореализации в сфере культуры каждому члену российского общества.

Региональная культурная политика должна стать органической частью общероссийской государственной культурной политики, должна учитывать специфические особенности Южного Урала как особого природно-климатического и историко-культурного феномена. Региональная культурная политика должна объединить усилия СОЦИУМА в культуросозидательной деятельности, учитывая интересы всех групп населения и специфику всех сфер, форм, проявлений региональной культуры.

Региональная культурная политика должна быть направлена на сохранение и приумножение исторического и культурного наследия народов Южного Урала, представленное всей совокупностью материальных и нематериальных ценностей. Материальные ценности культуры: архитектурные памятники и сооружения, ландшафтные и природные заповедники, археологические объекты, музейные, книжные, архивные фонды, предметы прикладного и народного искусства и иные материальные культурные артефакты, имеющие социокультурную значимость и ценность. Нематериальные ценности культуры: языки, говоры, фольклор, традиции, обычаи, традиционные формы семейных отношений и уклады жизни, представления об устройстве мира народов, народностей и иных этнических и традиционных конфессиональных групп, а также иные нематериальные феномены, имеющие социокультурную значимость и ценность.

Мы призываем Законодательное собрание Челябинской области разработать и принять КОНЦЕПЦИЮ РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ, в которой отразятся ВСЕ направления и подсистемы глобального универсума КУЛЬТУРЫ.

От имени и по поручению участников Четвёртого Уральского симпозиума исследователей интеллигенции настоящую декларацию подписали: Загребин Сергей Сергеевич, доктор исторических наук, профессор, председатель Совета Уральских Бирюковских чтений, член Общественного совета по вопросам образования и науки

Законодательного собрания Челябинской области, Заслуженный работник культуры РФ; Ткаченко Станислав Олегович, директор Челябинского государственного Музея изобразительных искусств, лауреат Премии «Золотая Лира», член Коллегии Управления культуры Администрации города Челябинска; Шишов Кирилл Алексеевич, председатель Челябинского областного Фонда Культуры, член Общественной палаты Челябинской области, Заслуженный работник культуры РФ. 15 октября 2014 года, город Челябинск.

Декларация Уральского симпозиума исследователей интеллигенции может служить примером консолидации разноплановых позиций в вопросах формирования региональной культурной политики, примером социокультурного диалога различных общественных групп и примером социального партнёрства в культуре. Следует заметить, что на федеральном уровне власть, бизнес, гражданское общество в настоящее время реализуют собственные политические и экономические интересы. В этих условиях, по нашему мнению, возрастает роль государства как интегрирующего фактора общественного развития. Именно федеральная государственная власть должна проявить волю для активизации деятельность региональных властей, для привлечения национально-ориентированного бизнес-сообщества и патриотически настроенных институтов гражданского общества к процессу реализации новой культурной политики. Именно федеральная власть должна установить принципы социального диалога «либералов» и «патриотов» в общем коммуникативном пространстве отечественной культуры. В таком случае общество может надеяться, что социокультурные разногласия будут постепенно сглаживаться, в поступательном движении сохранения и развития единой российской культуры.

Астафьева О.Н.
(Москва)

АКТУАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКЕ ГОСУДАРСТВА

Политические и цивилизационные «вызовы» XXI меняют культурные приоритеты национальных государств – членов разных глобальных и региональных объединений. Исходя из этого, решение вопросов внутренней политики в социальной и культурной области рассматривается как путь к преодолению дисбалансов между инновационными глобализационными трендами и локализацией, ориентированной на сохранение традиций и национально-культурной самобытности. Следование одной из них, без учета потенциала другой, в конечном счете, не способствует ни поддержке культурного разнообразия, ни стимулированию современных трендов общественного развития. Фокусирование внимания политиков и ученых на комплексном подходе к анализу регионального социокультурного развития, с учетом этнокультурного состава местных сообществ и желания граждан принимать активное участие в развитии культурной среды[1], закладывает основания для разработки особой *модели социокультурной самоорганизации и гражданского общества.* В настоящее время – это один из важных аспектов национальной безопасности России.

Тенденции последних лет показывают, что трактовка культуры как многомерного феномена – результата человеческой деятельности, представленной в своих множественных формах и типах, и выступающей *как совокупность взглядов, убеждений, традиций, ценностей и практик, характеризующих разные социальные группы* людей, складывающихся на протяжении длительного времени, передающихся от поколения к поколению, – не укладывается в ведомственные границы. Культурой характеризуется образ жизни и социальные связи; культура является основой личностного становления и показателем его свободы, выступая источником творчества и самоорганизации. Однако общеизвестно, что культурой обеспечивается не только порядок и успешность социального взаимодействия людей. Культура – источник конфликтных семантических пространств, расхождений людей в ценностях и смыслах, способный приводить в действие стихийные механизмы социальных систем, слабо поддающиеся управленческим воздействиям. Исходя из этого, в число

[1] В данном случае под культурной средой понимается пространственное распределение культуры, ее символических и нормативных ресурсов, а также ценностно-смысловая матрица как комплекс социальных образцов и установок, языка, нравов, влияющих на культурные предпочтения граждан и регулирующих их социальное поведение в рамках конкретного территориального образования.

целей государственной культурной политики включается сложнейшая задача – разработка механизмов влияния на социокультурные процессы с целью создания условий для свободной культурной деятельности людей, развития позитивных отношений в обществе и воспитания взаимопонимания между его членами.

В специальных исследованиях, посвященных культурной политике как одному из стратегических направлений внутренней политики Российской Федерации, обеспечивающей национальную безопасность страны в современных условиях, выделены наиболее острые проблемы, решение которых связывается с деятельностью государства в ближайшее десятилетие. Среди них: укрепление социальной солидарности и повышение сплоченности российского народа, обеспечение национального единства страны и мобилизации всех интеллектуальных и духовных ресурсов народов России, формирование условий для создания высоких духовно-нравственных и эстетических ценностей на основе традиций и достижений профессионального искусства и др. Кроме того, к числу актуальных относится поиск корректных инструментов регулирования информационной среды, прежде всего, ресурсами культуры, которые должны снизить давление агрессивной рекламы и пропаганды образа жизни, основанного на вседозволенности и насилии, проявлению расовой, национальной и религиозной нетерпимости[1]. Особое внимание авторских коллективов направляется на прогнозирование позитивных трендов, а также негативных последствий и угроз при игнорировании рекомендаций и опыта их снижения в разных странах. Выявление культурологических оснований концепции информационной безопасности, раскрытие специфики и направлений развития духовной культуры в парадигме национальной безопасности, обеспечивающих сбережение единого культурного пространства во всем его многообразии, сохранение национальных традиций, обучение русскому языку, воспитание молодежи в духе интеллектуальной свободы и социальной ответственности, рост гражданского самосознания и развитие институтов гражданского общества[2] – эти идеи развернуты и теоретически обоснованы в научно-исследовательской работе, подготовленной по заказу Министерства культуры Российской Федерации[3].

---

[1] См.: Астафьева О.Н., Колин К.К. Концептуальные основы государственной политики в области духовной культуры для обеспечения единства российского народа и национальной безопасности Российской Федерации. Челябинск: ЧГАКИ, 2010.

[2] См.: Культурное наследие в условиях информационного общества: коллективная монография /Астафьева О.Н., Веденин Ю.А., Гендина Н.И., .Колин К.К., Сменсарев Г.В., Суконкин А.В. и др. Челябинск: ЧГАКИ, 2011. С.175-176.

[3] Аналитический отчет по научно-исследовательской работы по теме «Основные угрозы в сфере национальной безопасности, в предупреждении которых активную роль должна играть эффективная культурная политика государства, и национальный опыт противодействия этим угрозам средствами культуры». Выполнена по заказу Министерства культуры РФ / Науч.рук. проекта Г.В. Сменсарев. М., 2011.

Заметим, что значительная часть целей и задач культурной политики, отнесенных к сфере национальной безопасности, также включена в «Основы государственной культурной политики» (далее – «Основы...»)[1]. Культура оказалась в центре общественного внимания, а «Основы...» стали реакцией общества на *«социальный запрос» на концептуальное обновление культурной политики и переосмысление отношения государства к культуре, преодоление «ведомственного» отношения к культуре и пересмотра принципов ее регулирования.*

В связи с серьезными изменениями, связанными со смещением геополитических интересов и социокультурной динамикой, актуализировался ряд проблем, в той или иной мере затрагивающих коммуникативные аспекты культурной политики, которые также обозначены в утвержденных «Основах...». Речь идет о развитии гражданского общества и внедрении принципов взаимодействия, способствующих достижению основных стратегических целей государственной культурной политики: формированию гармонично развитой личности и укреплению единства российского общества посредством приоритетного культурного и гуманитарного развития, а также укреплению гражданской идентичности и использованию всех ресурсов культуры для воспитания и образования, для доступа граждан к знаниям, информации, культурным ценностям и благам. Принципам гражданского общества отвечает и делегирование государством части своих полномочий по управлению сферой культуры общественным институтам. В контексте задач культурной политики социального государства, каким является Россия, укрепление социальной справедливости и солидарности, достижение экономического прогресса, охрана окружающей среды, демократия и человеческое достоинство выступают составляющими конкурентоспособности и безопасности государства.

«Общество и солидарные отношения» чаще всего рассматриваются как политическая, чем социокультурная проблема. Вследствие того, что в течение длительного времени в массовом сознании закреплялась трактовка солидарности как ценности, наделенной идеологическим оттенком классовости, концепт «солидарность» и поныне сохраняет подобные коннотации. Во многом это мешает его продвижению в качестве принципа гражданского общества в России.

В контексте задач государственной культурной политики солидарность рассматривается, прежде всего, через признание в обществе *прав людей на активное участие в социальных отношениях и коммуникациях, полноценное участие в культурной жизни, независимо от физических возможностей, уровня платежеспособности и других факторов.* Роль гражданского общества, обладающего консолидирующими социально-

[1] См.: Указ Президента Российской Федерации № 808 от 24 декабря 2014 года «Основы государственной культурной политики» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172706/http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172706/.

культурными ресурсами граждан, объединенных в разного рода внегосударственные ассоциации, заключается в обеспечении защиты прав всех граждан и соблюдении условий национальной безопасности, в целом – условий для успешного взаимодействия между социальными и политическими институтами. В совокупности это выступает основанием для гражданской солидарности и равноправного партнерства, реализуемых в разных формах и базирующихся на нравственном фундаменте.

Одной из таких форм, выполняющих коммуникативно-координационные функции между обществом и органами управления, выступают социальные и культурные проекты, которые являются не только государственными (бюджетными) проектами, а предполагают участие в них на принципах партнерства общественных и некоммерческих организаций, фондов и отдельных граждан. Так в обществе воспитывается понятие общих целей, чувство сопричастности и солидарности, характеризующее деятельностное участие в социальной жизни, упрочивающее коллективную идентичность.

Тема «солидарности» встроена в проблематику «культурной демократии», которая, в свою очередь, тесно взаимосвязана с пониманием прав человека в культуре. Закрепление их границ в законодательных документах и следование через систему стандартов выступает одним из критериев, определяющих модель культурной политики государства. Такой подход в определенной степени обеспечивает исполнение культурных (специфических, особых) прав в условиях рыночных отношений, что и выступает основанием для распространения «солидарности» в обществе, трактуемой в духе высшего проявления демократических гуманистических ценностей. Переведенная на количественный уровень показателей, солидарность проявляется в системе стандартов на потребление культуры, предоставляемых субсидий и льгот. Важным представляется тот факт, что само «наполнение» стандартов содержанием (собственно, культурой) также весьма разнородно. Вопрос о стандартах сложен и дискуссионен, теоретически слабо проработан, однако полностью отказаться от создания условий и возможностей для потребления культурных ценностей как «общего блага» в условиях рыночных отношений означает ослабление уровня солидарности в социальном государстве, отказ от признания участия в культурной жизни и потребления культурных ценностей как права человека.

Следует принять во внимание, что многие страны требуют от правительств применения гибкого подхода к национальным стандартам и их использованию как ориентира для разработки в разных территориях, имеющих разные возможности, адаптированию стандартов к региональной специфике с их обязательной корректировкой в каждые пять лет в сторону приближения к общегосударственным[1]. Для России, сохраняющей региональные диспропорции, решение данной проблемы представляется актуальной. Однако это базовое положение культурной

[1] См.: Laaksonen A. Making culture accessible: access, participation and cultural provision in the context of cultural rights in Europe. Strasbourg: Council of Europe, 2010.P.114.

политики, констатируют зарубежные эксперты, не получило поддержки, и в культурной политике европейских стран закрепился иной принцип стандартизации: сделать показатели такими, чтобы даже отдельные территории, обладающие минимальным инфраструктурным и кадровым ресурсом, смогли приблизиться к их выполнению. На наш взгляд, и такой подход не лишен серьезных недостатков. С одной стороны, он обеспечивает следование принципам «Всеобщей декларации прав человека»[1] в виде положений о праве человека на полноценную творческую самореализацию, на активное участие в культурной жизни и социальных процессах, в общественных делах, связанных с разными сторонами окружающей действительности (в том числе, с охраной культурного и природного ландшафта), тем самым наделяя каждого человека реальным правом участия в культурой политике. С другой стороны, любое занижение показателей и критериев выступает ограничением для социокультурного развития общества и его граждан.

Из принципов солидарности и прав человека вытекает идея диверсификации культурного участия как отвечающая положениям о поддержке и сохранении культурного разнообразия, о поощрении активного участия в совместной культурной жизни и создания условий для участия в обсуждении при принятии решений относительно качества культурной жизни, наконец, обеспечения справедливости и равного доступа к культурным ресурсам. В совокупности эти принципы и составляют суть «культурной демократии»[2].

Не ставя под сомнение действенность данных принципов, обратим внимание на то, что их внедрение тесно связано с развитием концепции «многосубъектной» культурной политики. На протяжении ряда десятилетий она обсуждалась в России и включена в положения «Основ…», предопределяя необходимость концептуального пересмотра стратегических целей культурной политики. Исходя из этого, принятие «Стратегии…»[3] по времени должно совпадать с процессом пересмотра компетенций и распределением полномочий на разных уровнях власти, тем самым обозначая начало административной реформы, ориентированной на гражданское общество.

В пользу такого подхода свидетельствуют *тенденции к активизации местных сообществ* как акторов локальных и региональных культурных политик, идущие от разных институциональных и неинституциональных структур предложения о создании *координирующего надведомственного органа*, направляющего совместные усилия государства и гражданского общества на социокультурное развитие.

---

[1] См.: Всеобщая декларация прав человека. Принята Генеральной ассамблеей ООН. 10.12.1948 г. ст. 22, 24, 26, 27.

[2] См.: Laaksonen A. Making culture accessible: access, participation and cultural provision in the context of cultural rights in Europe. Strasbourg: CouncilofEurope, 2010.P.11.

[3] В настоящее время разрабатывается проект «Стратегии развития культуры до 2025 года», который в ближайшее время будет представлен на общественное обсуждение (далее в тексте – «Стратегия…»).

Другой проблемной точкой, по мнению политиков и ученых разных стран, выступают *«неравномерность» и «разнотемповость» территориального социокультурного развития.* Рассматривая эти особенности в рамках концепции «локализации», их внимание фокусируется на самоорганизации этнокультурных сообществ, что порождает не меньшие трудности для национальной и культурной политики государства. Дело в том, что исторически сложившиеся по культурным признакам местные сообщества в настоящее время в большей степени различаются по административно-территориальным признакам, так как «граница» делит территорию и местную власть, но не традиции жизнеустройства и культуру в целом. Признается, что сегодня это одна из конфликтных зон многих современных национальных государств и наличие разновекторных полюсов (ориентация на сохранение этнокультурного разнообразия или масскультовой гомогенности глобальной культуры) вносит коррективы в приоритеты региональных и локальных культурных политик. Одним из таких является активное внедрение новых видов культурной деятельности и культурных практик в разных странах. Но и они, по мнению Б. Брайна, тем не менее, не решают таких актуальных для современной Европы проблем, как достижение *социального сплочения и общей коллективной идентичности*, оказавшимися более сложными для разных государств, по сравнению с социально-экономическими достижениями[1].

Один из позитивных вариантов развития культуры представлен в модели культурной политики ЮНЕСКО, базирующейся на принципах концепции устойчивого развития. Использование творческих ресурсов культуры в общественном развитии[2] расширяет экономические пространства той или иной страны за счет уникальных товаров, событий, туристических продуктов и пр., т. е. быстро растущих секторов[3]. Формируется стратегия культурной политики, основанная на признании важной роли культуры в моделях жизнеустройства в контексте глобальных процессов и проблем геополитики.

С одной стороны, о значимости «надведомственной» трактовки культуры для развития общества, как системы ценностей, смыслов, символов, пространства свободы и творчества, области самореализации личности, не одно десятилетие высказывались ученые, творческие работники, общественные деятели. С другой стороны, разделяя факт признания общественной миссии культуры как фактора роста качества жизни и гармонизации общественных отношений, выскажем озабоченность *отсутствием аналитических и экспертных заключений относительно хода трансформации существующей системы*

---

[1] См.: Barry Brain. Culture and Equality: an egalitarian critique of multiculturalism. USA: Harvard University Press, 2001.

[2] См.: Декларация ЮНЕСКО, принятая в Ханчжоу (май 2013 г.) «Обеспечить центральное место культуры в политике устойчивого развития». Режим доступа: http://www.unesco.org/new/fileadmin/MULTIMEDIA/HQ/CLT/pdf/final_hangzhou_declaration_russian.pdf.

[3] См.: Fleming T., dr. A Creative Economy Green Paper for the Nordic Region // Tom Fleming Creative Consultancy, UK in cooperation with the Nordic Innovation Centre (NICe). November, 2007. P.5.

управления сферой культуры на всех уровнях власти и последствий предстоящего реформирования. В проекте «Основ…» идея создания *межведомственного координирующего органа* государственной власти и общества появилась в виде предложения, оставляющего больше вопросов, чем ответов относительно его полномочий и компетенций. Считать ли это непреднамеренным упущением, которое будет исправлено и учтено при разработке «Стратегии….»?

Обращаясь к тексту «Основ…», принципиально важным представляется то, что создание координационного органа рассматривается в контексте задач по расширению системы организационного, аналитического и информационного обеспечения разработки и реализации государственной культурной политики. В компетенции нового субъекта культурной политики включена подготовка проекта стратегии и уточнение стратегических задач по ее реализации, внесение предложений о корректировке действующих и принятии при необходимости новых государственных программ, предусматривающих межведомственную координацию деятельности по реализации стратегии[1].

Нам представляется, что еще на стадии подготовки текста «Стратегии…» можно бы развернуть общественное обсуждение разных сценариев относительно механизмов координации деятельности субъектов культурной политики в контексте снижения рисков при переходе к новой управленческой парадигме. По одному из возможных сценариев отказ от «ведомственной» трактовки культуры приведет к необходимости обоснования и проведения развернутой институциональной реформы. По другому сценарию, появление координационного «надведомственного» органа будет способствовать уточнению полномочий и сфер ответственности в разных областях культурной деятельности и координации взаимодействия между разными органами исполнительной власти. Это позволит реализовать «Основы..» и «Стратегию…» без серьезного вмешательства в институциональную матрицу, хотя необходимо создание органа, который мог бы производить сбор и мониторинг информации о наличии и концентрации рисков в системе. А также «пользуясь административными инструментами, добиваться того, чтобы система не впадала в чрезмерную зависимость от какого-нибудь одного источника риска, института или класса институтов. Но и сами регулирующие органы должны подвергаться мониторингу: для этого <…> информация о подверженности рискам должна обнародоваться регулярно и публично, по прошествии должного количества времени»[2].

---

[1] См.: Указ Президента Российский Федерации «Об утверждении Основ государственной культурной политики» // Собрание законодательства Российской Федерации. Издательство "Юридическая литература", 29 декабря 2014, N 52, ст. 7753.

[2] Раджин Р.Г. Линии разлома: скрытые трещины, все еще угрожающие мировой экономике. Пер. с англ. И. Фридмана при участии Н. Эдельмана. Изд.2. М.: Изд. Института Гайдара, 2013. С.319-320.

На стадии формирования нового субъекта культурной политики следует учитывать условия, при которых государственные институты управления работают эффективно: когда проводится *взвешенная культурная политика*, создающая условия для развития культуры общества и всех граждан; когда *субъекты культурной политики компетентны* для правильного выбора инструментов и решений; наконец, когда *в успешности реформ заинтересовано большинство населения* страны.

В настоящее время переход общества от *продуцирования идей культурной политики непосредственно к процессу социокультурного развития* связывается с утверждениями о возможном отказе от «тестирования» новой институциональной модели регулирования, поскольку любые уточнения могут рассматриваться как инициация очередной административной реформы. Интеллектуальное конструирование и теоретические концептуализации, проведенные на этапе обсуждения «Основ…» требуют уточнения *общих смыслов культурной политики и направлений преобразований в обществе в тексте* «Стратегии…», которая и должна стать основанием для принятия конкретных решений.

Сложность перехода от оперативного уровня принятия решения на стратегический связывается *с потребностями в профессиональных кадрах,* обладающих навыками критического мышления и способностью видеть систему в целом и объективно оценивать перспективы ее развития.

Таким образом, подводя итоги, отметим, что переход общества от *продуцирования идей культурной политики непосредственно к процессу социокультурного развития* не исключает периода «тестирования» новой институциональной модели регулирования, но любые уточнения не всегда завершаются административной реформой. Интеллектуальное конструирование и теоретические концептуализации, проведенные на этапе обсуждения «Основ государственной культурной политики», требуют уточнения *общих смыслов культурной политики России и направлений преобразований в обществе* в тексте «Стратегии…», которая и должна стать основанием для принятия конкретных решений относительно административной реформы.

Обратим внимание на то, что в настоящее время сохраняют свою актуальность следующие проблемные точки культурной политики и факторы, не способствующие скорейшему внедрению в практику концептуальных положений «Основ…»:

— неравномерность культурной среды, обусловленная сохраняющейся региональной дифференциацией и состоянием местного самоуправления, слабой разработанностью системы взаимодействия местных органов власти и населения;

— наметившаяся тенденция на переформатирование «Основ…», адресованных всему обществу, ведомственной властно-управленческой вертикалью, что неминуемо приведет к ослаблению социокультурной самоорганизации, соответственно, затормозит процесс внедрения принципа «партисипативного управления»;

— медленное внедрение механизмов гражданского общества, таких как общественная экспертиза государственной культурной политики, мониторинг взаимодействия ее субъектов результатов государственно-общественного диалога;

— потребность в профессиональных кадрах, обладающих специальными компетенциями и управленческими навыками критического мышления и способностью видеть систему в целом, объективно оценивать перспективы ее развития и действовать в контексте обозначенных в «Основах…» целей и задач.

Последовательные усилия для решения актуальных задач культурной политики будут способствовать достижению когерентности действий институтов власти, общества и бизнеса. Освоение институтами гражданского общества и внедрение «общественной экспертизы» позволит оценивать систему управления как эффективно воздействующую на качество культурной среды и состояние культурного капитала. В целом, только *консолидация гражданских инициатив, поддерживающих диалог власти и общества, укрепит солидарность как условие для развития каждого человека и реализации его прав в культуре.*

Без учета внешних и внутренних «вызовов», изменяющихся ценностей и общественных приоритетов, без внедрения новых моделей взаимодействия культурная политика будет по-прежнему слабо влиять на социокультурную ситуацию в России.

Кондаков И.В.
(Москва)

КУЛЬТУРНАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Культурная консолидация – не только регионов, но и социальных групп, слоев, страт, наконец, творческих индивидуальностей – совсем непростая социокультурная и собственно управленческая проблема, имеющая несколько измерений. Одного желания консолидировать культурные силы – от кого бы оно ни исходило (отдельных менеджеров, властных структур, деятелей культуры и т. п.) – недостаточно. В каждом конкретном случае существует конфигурация объективных обстоятельств, в той или иной мере способствующих или препятствующих консолидации культуры. Только с их учетом можно проектировать и осуществлять культурную консолидацию.

Подобные конфигурации исторически изменчивы. Во многих случаях нацию консолидирует какое-либо значительное историческое потрясение. Таковы в российской истории, например, были Отечественная война 1812 г., Великая Отечественная война, а из более ранних событий – сопротивление монгольскому нашествию, Куликовская битва, отпор польской интервенции и конец Смутного времени. Все это – примеры не только политической и социальной, но и культурной, духовной консолидации народа и национальной элиты.

Но рядом с этими примерами возникают и другие, прямо им противоположные. Например, российско-германская война 1914 г., называвшаяся современниками Второй Отечественной, будучи фрагментом Первой мировой войны, никакой консолидации российского общества не вызвала, несмотря на раздававшиеся повсюду лозунги: «Отечество в опасности!», «Война до победного конца!» и т. п. Более того, она послужила детонатором Февральского и Октябрьского этапов Русской революции 1917 г. и последовавшей страшной Гражданской войны в России. Не вызвала общенационального подъема и русско-японская война 1904 г., послужившая подобным же детонатором начального этапа Русской революции (1905-1907 гг.). Локальные же войны, которые вела Россия в XVIII в. (например, русско-турецкие войны) никакой консолидации российского общества не вызвали. Даже петровская победа под Полтавой, на общественный резонанс которой очень рассчитывал Петр I, вызвала только литературно-художественные отклики в русской культуре (от Ломоносова до Пушкина), т. е. способствовала консолидации лишь российской культурной элиты.

Вообще же локальные военные конфликты ведут скорее не к консолидации, а к расколу общества (вспомним из относительно свежих примеров отечественной истории афганскую и обе чеченские войны). Подобную роль (даже еще более ярко) играют революции, восстания, мятежи, которые, являясь источниками смуты и раскола, в конечном счете разжигают гражданскую войну (в различных версиях и масштабах).

Неоднозначный эффект вызывают все попытки консолидировать общество на культурной почве. Так, например, Крещение Руси, имевшее эпохальное значение для восточных славян, само по себе не привело Киевскую Русь к консолидации на почве принятия христианства. Сопротивление христианизации со стороны язычества имплицитно продолжалось вплоть до монгольского нашествия (его следы заметны еще в «Слове о полку Игореве»), что стало прочной основой для двоеверия и обрядоверия. Острые дискуссии на рубеже XV–XVI вв. между сторонниками преп. Иосифа Волоцкого и св. Нила Сорского вокруг византийской концепции единства церкви и государства выявили глубокие противоречия в интерпретации православия. Но малейшие попытки реформирования православной церкви во второй половине XVII в. патриархом Никоном с целью консолидации православных церквей привели к непримиримому религиозному расколу, продолжавшемуся века.

Петровские реформы, ставившие своей целью вестернизировать Россию и приобщить русскую культуру к европейским ценностям науки и техники, также не консолидировали российское общество, даже в части его культурной элиты, которая почти сразу раскололась на сторонников и противников реформ. Более чем столетие спустя эта полемика трансформировалась в противостояние западников и славянофилов, которое в различных формах продолжалось вплоть до настоящего времени. До сих пор отношение к европейским ценностям и к глобализационным процессам (у истоков которых в России находились патр. Никон, Петр I и Екатерина II) в российском обществе далеко не однозначное.

Екатерина, стремившаяся консолидировать российское общество на основании европейского либерализма и объединения культурной и правящей элиты России в единое сообщество, в конечном счете отступила от своего культурно-политического проекта и свернула идею конституции. В результате ее реформаторских усилий произошел раскол просвещенного дворянства на консерваторов, верных монархическому принципу, и либералов, заразившихся республиканскими идеалами Французской революции – лозунгами «свободы», «равенства» и «братства». Консерваторы, уже при Николае I, сформулировали альтернативные европейским идеалы: «православие» – «самодержавие» – «народность» («уваровская триада») и соответствующую концепцию культурной политики – «официальная народность». В ответ либералы еще более политизировались, породив движения декабристов, петрашевцев. Параллельно в среде разночинцев сформировались идеалы «революционных демократов», выступавших сторонниками радикальных демократических преобразований и широкого народного просвещения. Ни о какой культурной консолидации российской интеллигенции на протяжении XIX в. не могло быть и речи.

Даже великие русские мыслители второй половины XIX в. (примерно одного интеллектуального круга) – К. Леонтьев, Н. Данилевский и В. Соловьев – были оппонентами друг другу почти по всем актуальным философским, историческим и научным вопросам. То же можно сказать и о трех величайших русских писателях-классиках – Л. Толстом, Ф. Достоевском и А. Чехове, не совпадавших между собой ни по мировоззрению, ни по методу, ни по стилю и шедших в своих творческих исканиях в противоположных и взаимоисключающих направлениях.

Впрочем, к рубежу XIX–XX вв. русская культура, переживавшая пору своего ренессанса, демонстрировала свои возможности консолидации на почве такого интегративного явления, как символизм. Философы и художники, религиозные деятели и литераторы, политики и ученые сходились между собой в символическом мышлении и языке. Однако и в это время наибольшей культурной консолидации люди Русского Ренессанса, по выражению Н. Бердяева, жили не только на разных этажах, но и в разных веках. Более того, Бердяев утверждал, что именно в начале XX в. в русской культуре появляются люди «двоящихся мыслей». В. Ленин

в это же время пришел к идее «двух культур» в одной, что он наблюдал особенно отчетливо на примере России. Эти «дуализм и расколотость» Серебряного века и привели в конечном итоге к социокультурному взрыву – революции и гражданской войне в России. Потому и вступление России в Первую мировую войну не привело к консолидации общества и культуры. После революции русская культура жестко раскололась на советскую культуру и культуру эмигрантскую (Русского Зарубежья), между которыми опустился «железный занавес».

Посмотрим с точки зрения культурной консолидации на советскую эпоху. В 1920-е годы, после кровопролитной Гражданской войны и диктатуры военного коммунизма в Советской России шла ожесточенная борьба между различными идейными группировками в политической идеологии, философии, литературе и искусствах за гегемонию одной из них над всеми остальными. Поэтому условно консолидировать молодую советскую культуру оказалось возможно лишь в рамках «культурного нэпа», на почве признания плюрализма и равноправия всех наличных течений (Резолюция ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» 18 июня 1925 г.). Консолидация советской культуры на этом этапе оказалась довольно «мягкой» и размытой и представляла собой довольно широкое и аморфное проблемное поле.

Спустя менее десятилетия ЦК ВКП(б) уже пришлось принимать прямо противоположную концепцию советской культуры (Постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» 23 апреля 1932 г.), согласно которой в директивном порядке распускались все литературно-художественные группировки ради создания единого Союза писателей (и т. д.). Это была уже волевая консолидация советской культуры сверху. Одновременно с литературой в 1930-е гг. были огосударствлены Академия наук СССР, советские кино, музыка и театр, архитектура… Возникла единая, монолитная советская культура тоталитарного типа; любое инакомыслие было уничтожено; любая оппозиция (не только политическая, но и культурная) была объявлена вне закона. Таким образом, была достигнута полная (даже абсолютная) консолидация советской культуры, очень жесткая и однозначная. Она была построена на последовательной селекции и множестве запретов и ограничений. Советские литературы и искусство были консолидированы вокруг метода социалистического реализма, представлявшего собой неразложимую амальгаму искусства и партийной политики. Советские философия и наука были консолидированы вокруг марксистско-ленинской идеологии – в соответствии с ленинским постулатом: «Учение Маркса всесильно, потому что верно».

Преобладание *центростремительных* тенденций в обществе, способствующих максимальной консолидации культуры вокруг политического «ядра», неразрывно связано с укреплением «вертикали власти» и внедрением авторитарных методов управления. Именно такой была культурная политика Ивана Грозного, Петра I, Николая I, Ленина и Сталина. В такие периоды консолидация культуры жесткая, но хрупкая:

она отторгается деятелями культуры и с кризисом вертикали быстро распадается.

Преобладание *центробежных* тенденций в обществе способствует, напротив, минимальной консолидации культуры, причем на основе плюрализма мнений и оценок, диалога, демократического консенсуса и толерантности, мультикультурализма. К культурной политике такого типа можно отнести в значительной части политику Екатерины II, Александра II, Серебряный век русской культуры, короткий промежуток раннесоветской культуры 1920-х гг. (до Великого перелома), периоды «оттепели» и «перестройки» в позднесоветской культуре, постсоветский период 1990-х гг. Консолидация этого типа – слабая и «мягкая», но более устойчивая, т. к. в ней происходит стихийная саморегуляция и балансировка различных тенденций, коррелирующих между собой.

Поскольку центростремительные и центробежные процессы в истории России постоянно сменяют друг друга, в культуре России происходит своего рода «*пульсация*»: то стяжение культурных тенденций в общую равнодействующую, своего рода плотный «жгут», воплощающий единый «стиль эпохи»; то «разбегание» и автономизация различных тенденций, образующих «широкополосный» вариативный процесс. Соответственно, консолидационные тенденции в истории культуры то ужесточаются и сужаются, то расширяются и слабеют.

Каждая из фаз консолидационной динамики обладает своими относительными достоинствами и недостатками: жесткая консолидация позволяет быстро достигнуть культурного единства, граничащего с унификацией; мягкая консолидация дает больше свободы творческим индивидуальностям, расширяет возможности стилевого и мировоззренческого поиска. Жесткая консолидация напоминает стиль казарменной дисциплины и характеризуется высокой управляемостью (образец – сталинская эпоха); мягкая – создает атмосферу дискуссионного клуба (образец – культура Серебряного века). Жесткая консолидация воплощает приоритет государства и связана с политизацией культуры, усилением цензуры и идейного контроля; мягкая – приоритет культуры, демонстрирующей свободу от политики и государственного давления, оппозиционность государству и инакомыслие. За счет подобной «пульсации» происходит развитие культуры.

Современная ситуация в России характеризуется одновременным присутствием как центростремительных, так и центробежных тенденций в культуре. Почвенничество и космизм, авторитаризм и демократия, глобализм и антиглобализм соперничают на всех уровнях российской культуры. Все это осложняет культурную консолидацию.

Культурная консолидация регионов, особенно в такой полиэтнической и поликонфессиональной стране, как Россия, обладает дополнительными особенностями. Во-первых, многонациональная культура России принципиально гетерогенна, а потому не может быть унифицирована; ее разнородность и «разноуровневость» сохранятся при любых обстоятельствах. Во-вторых, плюрализм национальных образов мира

и культурных языков, составляющий трудноразрешимую проблему для культурной интеграции, выявляет особое своеобразие российской культуры, по своей многомерности и многогранности сопоставимой с «миром миров» европейской или даже всемирной культуры. В-третьих, российская культура, в отличие от американской, не является «мельницей наций», «плавильным котлом» культурной интеграции, но представляет собой многоцветную «мозаику», неповторимую именно в своей несводимой к «одному знаменателю» множественности составляющих.

Невозможно «консолидировать» национальные регионы, не учитывая их этнокультурную специфику, но именно эта специфика не дает возможности выявить то общее содержание, которое может объединить столь различные в культурном отношении территории и их население. В дореволюционное время интегратором нацменьшинств была имперская доминанта, во многом предполагавшая колониальную зависимость национальных окраин от центра. В советское время имперская компонента сохранялась, но ей была придана социалистическая направленность, хотя Сталин никогда не упускал из виду известную «русификацию» окраин. В постсоветское время и имперский, и социалистический факторы интеграции России оказались дискредитированы и волей-неволей отпали. Однако отличие *интеграции* культур от их *консолидации* заключается в том, что интеграция осуществляется по преимуществу «сверху», а консолидация идет, как правило, «снизу», от субъектов культур, стремящихся к объединению ради решения совместных задач.

Сохранилась – практически во всех российских регионах – *ностальгия по советской идентичности* (по-разному и в различной степени выраженная). Она, несомненно, обладает выраженным потенциалом культурной консолидации. Но здесь важно различать тяготение к устоявшейся традиции или даже к повседневной привычке «жить и работать по-советски» и память о *советском глобалитете* (включающем статус сверхдержавы и военный паритет с США, авторитет первой в мире социалистической страны, научные, художественные и спортивные достижения советской культуры и др.). Помимо памяти о советском глобалитете (который, к слову сказать, не может быть произвольно воссоздан за счет восстановления советской эмблематики или советской идеологии), в культурах бывших советских регионов заложена память о перенесенной травме утраты, слома советского глобалитета, носящей необратимый характер. Это означает, что любые «игры» с советским глобалитетом небезопасны: потерянные культурные реалии не забываются, но и не подлежат «воскрешению»; мечты о советском прошлом не становятся (и не могут стать) постсоветским будущим.

Другое дело – *глобалитет русской культуры*, базирующийся на более чем тысячелетнем опыте истории отечественной культуры, ее богатой и противоречивой генетике, которая состоит из множества приобретений и потерь, которая суммируется из целого ряда культурно-исторических периодов и многоярусных пластов культурного наследия. Среди всех национальных культур больших и малых народов Российской Федерации

только русская культура обладает общепризнанным глобалитетом (включающим, как и все другие культурные глобалитеты, «всемирную отзывчивость», мировое признание и всемирное влияние). Русская культура существует и функционирует в глобальном контексте, в постоянном диалоге с другими мировыми культурами, в настойчивом стремлении утвердить свой статус мировой культуры среди других великих культур.

Ни одна другая национальная культура России не может быть представлена в глобальном контексте в одном ряду с французской, английской, немецкой, итальянской, американской, еврейской, китайской, японской, арабской, персидской и др. культурами, обладающими или когда-либо обладавшими глобалитетом. Поэтому русская культура, как и русский язык, репрезентирующий ее мировому сообществу, выступает в России не только как средство межнационального общения и основание диалога культур, но и как универсальный коммуникативный канал, соединяющий локальные культуры РФ с мировой культурой и ее историей, и как мощный информационный ресурс общероссийской культуры.

Любые попытки местных национальных элит прокламировать мировое значение своих культур и предлагать пути и средства их эффективного вхождения в мировую культуру (например, татарской, якутской, адыгской, калмыцкой, ханты-мансийской и т. п.) помимо русской – утопичны и безуспешны. И надежды на альтернативные коммуникативные каналы (англо-американский, пантюркистский, угро-финский и т. п.) овладения глобалитетом – совершенно бесперспективны, поскольку в любом из подобных вариантов игнорируется российский социокультурный контекст, вне которого национальные культуры российских регионов не имеют значения, а в рамках которого опора на фундаментальные ценности и традиции русской культуры неизбежна и необходима.

Современная культурная консолидация российских регионов осложняется еще тем, что региональные культуры обладают различной *архитектоникой*, в которой запечатлена история каждой данной культуры, осмысленная с современных позиций как аккумуляция культурно-исторического и цивилизационного наследия региона. На фоне русской культуры, архитектоника которой включает: языческие истоки, христианскую культуру Киевской Руси, наследие «монгольского ига», московское средневековье, Русское барокко, Русское просвещение (включая русский классицизм и сентиментализм), русскую культурную классику (включая романтизм и реализм), Серебряный век (включая символизм и авангард) и все фазы истории советской культуры. Ни одна из национальных культур российских регионов не обладает столь богатой и сложно организованной архитектоникой, как русская культура.

Многие локальные культуры, до революции не имевшие своей письменности и региональной истории, обладают крайне бедной архитектоникой, состоящей всего из 2-3-х уровней, из которых первый, глубинный, представляет собой традиционную культуру, находящуюся на уровне родоплеменных отношений, а последний, лежащий на

поверхности, – искусственно привитую советскую культуру. Отрешаясь от традиций и идеологических установок советизма, региональные национальные культуры сознательно или стихийно возвращаются к своим исконным ценностям и ритуалам едва ли не первобытной эпохи, которые абсолютизируются как ключевые для региона и нации. Ясно, что погружение региональных культур в собственную архаику, «упивание» ею как «основой основ» национально-культурной идентичности знаменуют «попятное движение» в культурном развитии и отдаляет регионы от общероссийской культурной консолидации.

Другой распространенный случай современной интерпретации региональных культур – трехступенчатая архитектоника, средним звеном которой является пласт культурного наследия, тесно связанный с приобщением региона к той или иной мировой религии (христианству, исламу, буддизму и т. п.). В результате «снятия» поверхностного пласта советского наследия основным содержанием региональной культуры, определяющим ее национальную идентичность, становится конфессиональная компонента, значение которой приобретает гиперболизированные размеры и воспринимается как официальная норма.

При догматизации конфессионального наследия как цивилизационного фундамента региона никакая культурная консолидация в принципе невозможна: силовая «православизация» или «исламизация» региональной культурной политики не оставляют шансов не только для «инаковерия», но нередко и для религиозной толерантности (веротерпимости). В случае же интеграции мировой религии с местным религиозным колоритом (например, соединения православия с исконным шаманизмом в Саха-Якутии) возможности для консолидации с другими регионами еще больше сужаются. Это значит, что культурная консолидация регионов должна проектироваться при условии относительной секуляризации региональных культур, развития просвещения, популяризации науки, поддержки литературы и искусства, распространения современной медиакультуры.

Подведем предварительные итоги нашим размышлениям.

1. Культурная консолидация определяется совокупностью объективных и субъективных факторов, которые необходимо учитывать в культурной политике.
2. К объективным факторам культурной консолидации относится соотношение центробежных и центростремительных тенденций в общественной жизни.
3. Преобладание центростремительных тенденций благоприятно для осуществления консолидации с точки зрения центра. Преобладание центробежных процессов благоприятно для консолидации культуры с точки зрения периферии.
4. В современных условиях целесообразно сочетание принципов «жесткой» и «мягкой» форм культурной консолидации; гармонизация интересов центра и регионов.

5. При проектировании культурной консолидации российских регионов важно учитывать их национальную и конфессиональную специфику, но не преувеличивать ее значение.
6. Преимущественный акцент на этнокультурные и конфессиональные особенности регионов, апелляция к местной архаике препятствуют их консолидации и способствуют дезинтеграции культурного пространства России.
7. Не следует преувеличивать значение ностальгии по «советскому» как консолидирующего фактора современной российской культуры, поскольку реставрация советской цивилизации в масштабах всей страны или ее отдельных регионов иллюзорна и в принципе невозможна, как и консолидация на почве советской архаики.
8. Важнейшим фактором культурной консолидации российских регионов является постоянное присутствие и влияние русской культуры и русского языка как интеграторов российской и мировой культуры.
9. Русская культура, единственная из локальных культур России обладающая глобалитетом, способствует интеграции российских регионов в мировую культуру и их приобщению к достижениям человечества во всех сферах деятельности.
10. Для выравнивания уровня региональных культур (по образцу русской культуры) необходимо добиваться наращивания архитектоники локальных культур за счет организации просвещения, пропаганды достижений науки и техники, поддержки литературы и искусства, развития медиакультуры и инноваций в сфере современных знаний и технологий.

Синецкий С.Б.
(Челябинская область)

ГРАЖДАНСКАЯ СОЛИДАРНОСТЬ КАК ОСНОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

Идея гражданской солидарности в современном российском научном дискурсе занимает периферийное место. За пятнадцать лет XXI века было выполнено относительно незначительное количество диссертационных работ, посвященных различным аспектам солидарности: гражданскому (Маслова Н.А.), социальному (Зверев М.К.), политическому (Миронов Р.В.), культурному (Фирулина Е.Г.). Специально стоит выделить работу Г.В. Берестенькова, посвященную рассмотрению роли и смысла органической солидарности в формировании правовых концептов регулирования жизни общества. Повышение интереса к теме гражданской солидарности можно считать симптомом неудовлетворенности теми моделями взаимодействия, которые используются в социокультурной политике и управленческой практике последних десятилетий. В первую очередь, речь о моделях государственного патернализма и социального партнерства.

Государственный патернализм, предполагающий доминирование государства в большинстве сфер хозяйства, многократно описан и проанализирован различными авторами[1]. В современной российской действительности госпатернализм все больше воспроизводит советский тип отношений. Основная ответственность за качество жизни возлагается на государство, а от граждан взамен требуется политическая лояльность и некритичное отношение к исполнению ряда госфункций, таких, как формирование бюджета, расходование бюджетных средств, принятие политических решений и т. п. Сложившаяся к настоящему времени в России модель госпатернализма не соответствует рыночным принципам организации хозяйства (рыночной экономике), особенно в условиях ослабления бюджетонаполняющих отраслей. Она не стимулирует развитие предприимчивости, способствуя выработке иждивенческих установок у критической массы граждан, вытесняет из экономики креативный класс. Кроме этого, госпатернализм на

[1] См.: Гайдар Е.Т. У реформаторов вновь появился шанс // Собр. соч. том 8.; Гоголев П.В. Конституционно-правовые основы патернализма и партнерства в отношении коренных малочисленных народов севера, Сибири и Дальнего востока России. автореф. … дис. доктора юрид. наук : М.: МГУ им. М. В. Ломоносова. 2014; Ермоленко Т.Ф. Патернализм в России: Культурологический анализ. дис. … доктора философских наук: 24.00.01 Ростов-на-Дону: РостГУ, 2000; Литвина С.А. Установки на патернализм по отношению к политической власти как транскоммуникативные образования и их взаимосвязи с элементами образа социального мира в ментальности россиян. дис. … канд. психол. н. Томск: ТГУ, 2005.; и др.

практике противоречит идее гражданской солидарности, приводя общество к расколу по правовому статусу: в любых спорных ситуациях «простой человек» находится в проигрышной ситуации по сравнению с госслужащим.

Социальное партнерство как управленческая практика сегодня представлена в двух основных вариантах:

1. Как система коллективных договоров работников с работодателями. Принципиально определяется как «система взаимодействия социальных субъектов, социально-экономические интересы которых принципиально различны, а иногда и противоположны, однако достижение этих интересов невозможно без определенного согласования позиций субъектов»[1]. Практикуется на крупных системообразующих предприятиях. Предполагает включение в коллективный договор позиций, защищающих минимально необходимый для социальной стабильности набор прав работников. Обозначенный вариант социального партнерства эффективен при наличии реально независимых и сильных профсоюзов (его еще называют «тредьюнионистским»), которых в России крайне мало. Ограничением здесь также является то, что подобными договорными отношениями объективно не охватывается население, занятое в малом и среднем бизнесе, неработающее население и т. п., а это огромный сегмент общества.

2. Как межсекторное социальное партнерство – «конструктивное взаимодействие организаций из двух или трех секторов (государство, бизнес, некоммерческий сектор) при решении социальных проблем, обеспечивающее синергетический эффект от «сложения» разных ресурсов и «выгодное» каждой из сторон и населению»[2]. Данный тип партнерства также оказывается не универсальным уже в силу его преимущественной локализации в проблемных полях социума. Межсекторное социальное партнерство (МСП) может быть эффективным при двух условиях: реально независимом (от государственной и муниципальной власти) бизнесе и развитом гражданском обществе. В России оба условия, по сути, отсутствуют, что сводит межсекторное социальное партнерство к несистемным акциям и проектам. Нередко такие проекты весьма удачны и очевидно полезны, но они не определяют общую социокультурную ситуацию и не формируют партнерской культурной среды.

Очевидно, что каждая из обозначенных моделей может быть эффективной лишь в своем сегменте социально-экономических отношений, но не играет ключевой роли в консолидации общества.

Таким образом, сохраняется проблема недостаточного гражданского единства общества, его инфантилизации, затрудняющая относительно бесконфликтное преодоление экономико-политических трудностей, с которыми столкнулась современная Россия. Более того, мы

---

[1] Кубицкий С.И. Перспективы развития социального партнерства субъектов рынков образования и труда в России: монография. М.: ИД «АТиСО», 2008. С.64.

[2] Якимец В.Н. Межсекторное социальное партнерство: основы теории, принципы, механизмы. М.: Едиториал УРСС, 2004. С.151.

считаем возможным усилить проблему, указав на недостаточность культурного единства российского социума. Это требует использования административно-силовых инструментов для поддержания его целостности и мобилизационной управленческой политики для воплощения сколько-нибудь значимых проектов. Вероятно, нарастающий социальный дискомфорт, вызванный указанной проблематикой, потребовал обращения к теме гражданской солидарности как возможному шансу избежать глубокого гражданского кризиса.

В контексте сказанного «Основы государственной культурной политики», утвержденные Указом Президента РФ 24 декабря 2014 г. (№ 808), являются важным основанием для выстраивания новых управленческих практик. Несмотря на то, что «в новейшей истории России задача разработки и реализации государственной культурной политики, направленной на формирование гармонично развитой личности и укрепление единства российского общества посредством приоритетного культурного и гуманитарного развития ставится впервые» («Основы…», ст. VIII), российская гуманитарная наука и управленческая практика создали немало наработок и образцов социальных взаимодействий, которые могут выступить ориентирами для новой стратегии культурной политики. На наш взгляд, это, в первую очередь, образцы оргуправленческой практики, связанные с социальной активностью самих граждан и самоорганизационными процессами, инициируемыми активистами в территориальных сообществах[1]. Тем не менее, приступая к системной реализации Основ государственной культурной политики, необходимо определиться с фундаментальными основаниями культурной политики, договориться о ее методологии. В данном случае необходимо опираться на раздел II «Основ…» где в п. 1 говорится о необходимости «обеспечить готовность государства и общества ответить на вызовы современного мира». Что же это за вызовы?

Во-первых, это смена ключевого ресурса, обеспечивающего конкурентоспособное развитие любого социума. В современном мире таким ресурсом становится интеллект. Конкурентоспособность теперь будет определяться в первую очередь устройством систем «извлечения» интеллектуальных ресурсов из социумов, конвертации интеллекта в решения, действия, изобретения. На оптимизацию этого

[1] Альманах. Межсекторные взаимодействия (методология, технологии, правовые нормы, механизмы, примеры). Настольная книга – 2000. Под ред. Н.Л. Хананашвили. Российский благотворительный фонд «Нет алкоголизму и наркомании» (Фонд «НАН»). М.: 2000; Альманах. Межсекторные взаимодействия (методология, технологии, правовые нормы, механизмы, примеры). Настольная книга – 2001. Под ред. Н.Л. Хананашвили. Российский благотворительный фонд «Нет алкоголизму и наркомании» (Фонд «НАН»). М.: 2001; Бодренкова Г.П. Системное развитие добровольчества в России: от теории к практике. М.: АНО «СПО СОТИС», 2013; Гражданские инициативы и будущее России. Под. ред. М.И. Либоракиной и В.Н. Якимца. М.: Школа культурной политики, 1997; Местные сообщества: проблемы социокультурного развития: сб. науч. Статей. Рос.ин-т культурологии; [Под ред. Ю.М. Резника и Н.И. Мироновой] М., 2010; Особенности развития социального партнерства в индустриальном регионе России (на примере Челябинской области). Златоуст: 2000; и др.

будут направлены и политические устройства разных сообществ-стран. Интеллект становится главным ресурсом и, соответственно, главным объектом конкуренции. Таким образом, на разных уровнях общественно-государственного устройства необходимо создавать «инфраструктуры интеллектуального обеспечения». Какие же элементы таких инфраструктур уже существуют в нашей стране в «заготовках»?

1. Основой таких инфраструктур могут выступать образовательные учреждения любых уровней (от детских садов до вузов). Именно они изначально призваны формировать культуру мышления, навыки генерации идей, создания проектов и т. п. Сама среда данных учреждений должна способствовать творчеству, придумыванию, поиску, игре ума… Любая попытка создания нового должна поощряться, максимальное количество идей должны иметь шанс на апробацию. Образовательные учреждения должны стать дебюрократизированными свободными интеллектуальными зонами (по аналогии с СЭЗ).

2. Система грантов, тендеров, конкурсов и т. п. Данная система в России существует пока номинально. Она не оперативна, не сегментирована должным образом, крайне сложна и забюрократизирована. Практически отсутствуют ориентированные на школьников и студентов микрогранты ($200-500), которые должны составлять основу такой системы. Нет качественной и оперативной экспертизы эффективности распределения и использования грантовых средств. Отсутствует система публичной презентации идей и результатов их внедрения. Практически не участвует в грантовом процессе бизнес, либо такое участие номинально.

В грантовый процесс необходимо вовлекать любых инициативных граждан, от ученых до домохозяек, независимо от места их места жительства. Важно не то, где (в какой стране) проживает человек и какое у него гражданство, а то, на какое сообщество будет работать его идея, где будут использоваться его интеллектуальные ресурсы, опыт и т. д. Особенно это касается наших соотечественников, выезжающих за рубеж на постоянное место жительства. Они должны восприниматься как агенты российской культуры и интеллектуальные доноры для России. Это позволит сохранять единство нации, расширять сферу влияния страны и сохранять интеллектуальную базу. Именно так поступает Китай, стимулируя выезд населения, распространяя, таким образом, китайскую культуру по всему миру и способствуя радикальному улучшению среды проживания в самом Китае за счет привлечения инвестиций и освоенных технологий.

3. Научные подразделения (лаборатории, музеи) при промышленных предприятиях, профильные НИИ. Россия – страна, обладающая значительным промышленным комплексом, который, в свою очередь, имеет собственную научно-производственную и мемориальную инфраструктуру. Несмотря на определенную закрытость этой инфраструктуры, она также является частью культурного пространства и может быть в той или иной степени задействована в процессах интеллектуализации населения.

4. Центры научно-технической информации (ЦНТИ), аккумулирующие и делающие доступными региональным научным сообществам наиболее интересные образцы научной мысли, независимо от места их появления. Система поиска, каталогизации и презентации информации, существующая в ЦНТИ, позволяет ученым и специалистам быть в курсе большинства актуальных научных событий (открытий, изобретений, гипотез и т. д.).

5. Научные общества учащихся (НОУ), существующие во многих крупных городах страны. НОУ – уже, по сути, инновационная среда, структурными элементами которой являются:

— научные общества учащихся в наиболее сильных общеобразовательных учреждениях регионов;

— система разноуровневых конференций и олимпиад;

— вузы-партнеры, обеспечивающие научное руководство работами школьников, их экспертизу и оценку;

— летние выездные школы (лагеря), объединяющие наиболее успешную в научном плане молодежь (победителей конференций и олимпиад). В рамках таких школ проводятся семинары, лаборатории и творческие встречи с ведущими учеными региона и страны. Рекреационная деятельность участников школ переплетена с творческим поиском и интеллектуальной самореализацией. В настоящее время научные общества учащихся и их летние школы финансируются на уровне поддержания жизнеспособности и во многом являются делом энтузиастов.

К сожалению, перечисленные элементы потенциальной инфраструктуры формирования и использования интеллекта не являются системой, не связаны между собой, не имеют координирующей системы менеджмента и мониторинга эффективности. Ее собственно культурный эффект не просчитан.

По сути, в свете новых вызовов необходимо разрабатывать культурные модели и соответствующие технологии использования общественного интеллекта. Впервые общественный интеллект начинает напрямую конкурировать с интеллектом элит. С большой долей вероятности мир может вновь стать биполярным. Новая биполярность будет основана на конкуренции общественного и элитаристского интеллектов. В настоящее же время общественный интеллект является крайне важным дополнением элитаристского.

Во-вторых, это новые требования к культурной среде. Культурная среда должна обеспечивать генерацию и сохранение разнообразия, ибо только разнообразие является естественным условием рождения новых идей, открытий, изобретений и т. д.

Россия – страна, изначально имеющая «ген разнообразия». На ее огромной территории собраны сотни локальных культур, традиций, опытов хозяйствования и т. д. Это разнообразие должно восприниматься как важный ресурс и учитываться в законодательном процессе (например, в национальных республиках могут быть узаконены некоторые традиции, поддерживаемые большинством коренного населения).

Разнообразие должно культивироваться и на уровне идей, ибо новое рождается на столкновении противоположного. Чем больше различных идей сталкиваются в одном пространстве, тем выше требования к их качеству, строже отбор, выше шансы на взаимодополнение и, как следствие – открытие.

Разнообразие обеспечивается запретом на безвозвратное устранение из социальной памяти ранее накопленных культурных модификаций. Упорядочивание осуществляется путем экспертизы и регулирования активности (от минимизации – вплоть до перевода в музейные форматы – до оптимального внешнего стимулирования) различных культурных явлений. В данном случае остается справедливым указание Макса Вебера на то, что «наш интерес к тем феноменам, которые выступают перед нами в качестве явлений культуры, всегда связан с их *культурным значением*, возникающим вследствие отнесения их к самым различным ценностным идеям. Поэтому так же, как существуют различные «точки зрения», с которых мы можем рассматривать явления культуры в качестве значимых для нас, можно руководствоваться и самыми различными принципами отбора связей, которые надлежит использовать для создания идеального типа определенной культуры»[1].

Искусство культурной политики заключается в сохранении разнообразия в процессе упорядочивания социокультурной ситуации. История знает огромное количество примеров, когда неумелые вмешательства в культуру приводили к результатам, прямо противоположным целевым установкам политиков. Типичный пример – Союз Советских Социалистических Республик. Огромные возможности осуществления здесь культурной политики были сведены на нет безыскусным администрированием, прямолинейной агитацией, неприкрытым навязыванием. Такая административная «культурная политика» не просто возбуждала интерес к «запретным плодам» и рождала скепсис в отношении собственного официоза – в стратегическом плане она не позволяла сформироваться иммунитету к инокультурным влияниям, что привело к довольно быстрому вытеснению советской культуры западной, как только приоткрылся «железный занавес».

В-третьих, трансграничность социоэкономических процессов, взаимозависимость народов как следствие глобализации. Экономики государств стремительно кооперируются благодаря взаимному проникновению технологий, диверсификации рынков сбыта, миграционным потокам, возможности удаленной работы, туризму и др. Проблемы, возникающие в более или менее экономически крупной стране немедленно негативно отражаются на экономиках других стран. Россия не является ни локальной, ни закрытой экономикой, она очень глубоко интегрирована в мировую экономическую систему, что требует более толерантного отношения к иным культурам, жизненным устройствам,

[1] Вебер М. «Объективность» познания в области социальных наук и социальной политики // Культурология. XX век: антология. М., 1995. С. 582.

интересам и ценностям. Изоляционизм в любых проявлениях приводит к потере рынков, деловых связей, технологическому отставанию и, в итоге, ослаблению конкурентоспособности. В том числе способности сопротивляться инокультурной экспансии.

Наиболее жизнеспособными традиционно являются культуры открытые, способные ассимилировать лучшие инокультурные образцы и обладающие иммунитетом от негативного инокультурного контента. Такой иммунитет можно получить лишь в соприкосновении, сравнении, но не благодаря запретам.

Указанные вызовы не в первый раз фиксируются в научных дискуссиях, однако для традиционной российской культуры являются весьма дискомфортными. Это неизбежно проявляется в управленческих решениях различных уровней. Гражданская солидарность понимается нами как общественный консенсус (в лице представителей различных социокультурных групп) в отношении культурной политики, направленной на преодоление рудиментарных свойств, сохраняющихся в российских культурных практиках. Именно так могут быть учтены интересы бизнеса – как экономически интернационального сектора экономики, интересы общественных объединений – как аккумуляторов интересов различных групп и слоев населения, интересы государства – как управляющего субъекта, обеспечивающего необходимые условия для развития бизнеса и общества.

Надо осознавать, что солидарность возможна по отношению (на основании) чего-то. Нет предмета – нет солидарности. Для формирования гражданской солидарности обществу должен быть предъявлен образ культуры будущего, отвечающий основным ожиданиям. Здесь необходимо учесть принципиальную особенность современной культурной политики – зависимость от контекста, в котором она создается и реализуется. Сам образ культуры будущего может и должен корректироваться в процессе осуществления культурной политики с учетом, в том числе и достигнутых культурных изменений, удерживая, таким образом, интерес и внимание лидеров мнений, а, следовательно, и общества. В этом смысле образ культуры будущего – это не завершенное описание, а условная линия горизонта, отдаляющаяся по мере попытки приблизиться к ней. Гражданская же солидарность – совместная выработка образа общего будущего, обеспечивающая консенсус ключевых общественных сил в процессе движения к нему.

Тульчинский Г.Л.
(Санкт-Петербург)

КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР КОНСОЛИДАЦИИ И СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА РЕГИОНАЛЬНОГО СОЦИУМА

Обычно в обсуждении роли и значении культуры в социально-экономическом развитии различаются два плана культуры: в широком смысле и узком («отраслевом»). В первом случае речь идет о культуре как «способе жизни» – системе порождения, отбора, сохранения, воспроизводства и трансляции социального опыта. Это дает возможность широкого культурологического анализа на различных уровнях реализации культурных практик: цивилизационном, национальном, этническом, субкультуральном, профессиональном, возрастном... Во втором случае речь идет о профессиональной сфере деятельности (сфере культуры, культурных индустриях), связанной с конкретными организационными формами отбора и сохранения культурно-исторического наследия (музейное и библиотечное дело, памятники и памятные знаки, охранные зоны, празднование знаменательных и памятных дат, поддержка традиционных и этнографических искусств и ремесел); воспроизводством и продвижением творческой художественной элиты (среднее специальное и высшее художественное образование, творческие конкурсы); культурными процессами (музыкальная и театральная жизни, концертная деятельность, фестивали, кино- и видеопроизводство и прокат; выставочная деятельность, галерейное дело и арт-бизнес; любительская деятельность; отдых и развлечения – от клубного дела до игротек и массовых форм досуга); а также экономическая, финансовая и информационная поддержка этих видов деятельности (государственная культурная политика и регулирование, спонсорство и благотворительность, работа СМИ).

В докладе предпринимается попытка сближения обоих планов дискурса культуры на материале социально-культурных технологий консолидации регионального социума.

Вклад сферы культуры в социально-экономическое развитие региона

Начнем с отраслевого уровня. На уровне обыденного сознания, в публицистике, а иногда и в сознании некоторых представителей политической элиты значение сферы культуры и трактуется довольно поверхностно: либо «жалостливо-заботливо», либо «цинически-утилитарно». В первом случае она воспринимается как «жалкая и убогая» – в том смысле, что ее жалеть надо, и она «богоугодна», «не во вред». «Культура только требует денег, никакого дохода не приносит», «это индустрия зрелищ, развлечений», «пусть дети лучше в музей или на концерт

сходят, тем по улице болтаться» – ряд таких расхожих представлений можно продолжать и продолжать. Во втором случае в ней видят один из инструментов пропагандистской обработки масс. Однако еще в советское время сильные мира сего понимали потенциал сферы культуры. И отнюдь не только пропагандистский. Сокровища из музейных запасников активно и без особой огласки продавались за рубеж. По тому же пути идет и некоторая часть отечественной политической и бизнес-элиты. Учреждения культуры расположены в престижных местах, представительных зданиях и помещениях, музейные фонды, театральные костюмы и декорации, оборудование и инвентарь имеют определенную стоимость. Недаром «продвинутая» часть делового мира стремится получить объекты культуры в «доверительное управление», видя в сфере культуры еще одну ренту.

Между тем, конкретное рассмотрение показывает серьезный вклад сферы культуры в развитие регионов, который становится предметом все более пристального внимания и исследований. В Европе первое такое исследование было проведено в 1984 г. в Цюрихе[1]. Начиная с 1985 г. публикуются результаты исследования экономического значения профессиональных искусств в Нидерландах[2]. С 1988 года начались систематические исследования рентабельности культуры в Германии (Нойс, Северный Рейн-Вестфалия, Рурская область, Кельн…)[3]. Показательно на этом фоне бурное развитие инфраструктуры сферы культуры современного Берлина. Систематический анализ вклада сферы культуры и искусств в региональное развитие был предпринят при разработке ряда отечественных программ поддержки и развития сферы культуры Санкт-Петербурга, Республики Коми, Красноярского края, Пермского края и других регионов России[4].

С учетом результатов этих исследований можно выделить несколько уровней роли (вклада) культуры и искусства в развитии современного общества.

(I) Прямой вклад сферы культуры в экономику:

— Сфера культуры способна создавать рабочие места, она участвует в обеспечении занятости. Речь идет о создании рабочих мест по соответствующим собственным рынкам услуг, обладающим существенным инвестиционным потенциалом, осуществляя непосредственный вклад в развитие экономики конкретного региона (занятость, налоговые и прочие отчисления). Такие рабочие места могут создаваться не обязательно на бюджетные финансовые средства. Сфера культуры вполне способна в этом плане к самоорганизации, и

---

[1] Die wirtschaftliche Bedeutung der Zuricher Kulturinstitute. Zurich, 1985.

[2] Meer daneenmiljard. De economischebetekenis van de professionelekunsten in Amsterdam. Amsterdam, 1985; Hendriks M.L.,Verhorst J. De economischebetekenis van de professionelekunst in Utrecht. Utrecht, 1993; De economischebetekenis van de kunst.Tilburg, 1994; Appreciating the Arts. The Social and Economic Significance of the Professional Arts for Amsterdam.Amsterdam, 1996.

[3] См. например: Kulturwirtschaft in Nordrhein-Westfalen. Kultureller Arbeitsmarkt und Verflechtungen. 3. Kulturwitschaftsbericht NRW. Dusseldorf, 1998.

[4] См. ТульчинскийГ.Л., ШековаЕ.Л. Менеджментвсферекультуры. СПб: Лань, 2011.

если в чем и нуждается со стороны органов власти, так, прежде всего, в организационной поддержке.

— Сфера культуры, реализуя соответствующие услуги, обеспечивает социализацию работников других отраслей и сфер деятельности, а также членов их семей. Речь идет не просто об отдыхе и развлечениях «после тяжелого трудового дня», а именно о полноценной социализации и самореализации личности, участии в развитии человеческого капитала региона.

— Создание базы и инфраструктуры развития некоторых отраслей, существование и развитие которых предполагает достаточно развитую сферу культуры. Очевидным примером в этом плане является туризм. Свыше 70% мирового туризма составляет туризм «культуральный»: люди едут, прежде всего, знакомиться с культурно-историческим наследием, памятниками культуры, музеями, яркими и своеобразными событиями в культурной жизни. Даже конгрессный и бизнес-туризм все равно предполагают их подкрепление и дополнение культурными проектами и программами. Другим примером может служить сфера образования.

(II) Прямое социальное влияние:

— Обеспечение социально-значимых видов деятельности, организация отдыха, позитивно влияющих на сознание людей, отношения между ними, способствующих духовному развитию личности и общества в целом, раскрытию их творческого потенциала.

— В элитарной, массовой культурах, андерграунде вырабатывается и предлагается разнообразие возможных образцов и моделей социального поведения.

— Культура и искусство повышают ценность окружающей среды, например, украшая товары, помещения, здания, включаясь в оформление города, материальной среды производства и отдыха.

(III) Косвенное экономическое влияние:

В данном случае речь идет о реализации исключительного потенциала сферы культуры как сферы публичной и социально-значимой деятельности. Тем самым сфера культуры активно участвует в формировании инфраструктуры деловой активности и политической жизни региона.

— Аккумулирование и трансляция неких базовых ценностей общества, образцов, которые, помимо прочего, используются в коммерческой и некоммерческой деятельности.

— Такие современные технологии бизнеса и менеджмента как брендинг и ребрендинг, реклама, publicrelations, интегрированные маркетинговые коммуникации, промо-акции, работа с персоналом, формирование корпоративной культуры и фирменного стиля – невозможны без использования традиционных форм социально-культурной деятельности, без сотрудничества с учреждениями и организациями сферы культуры и искусств, оказание корпоративных услуг.

— Формирование и развитие партнерских отношений бизнеса и сферы культуры открывают возможности развития корпоративной

социальной ответственности (КСО) на основе социальных инвестиций, социально-культурных коммуникаций.

— Создание инфраструктуры деловых контактов, мест и условий их реализации.

— Взаимовыгодное, взаимостимулирующее сотрудничество делового мира и сферы культуры, коммерческой и некоммерческой, но социально значимой сфер, их социальное партнерство оказывается важнейшим механизмом и инструментом формирования и развития гражданского общества, способного к саморазвитию.

— Сфера культуры участвует в формировании и развитии инфраструктуры политической жизни, создавая события и новостные поводы, важные для имиджа и репутации лидеров, партий, проектов.

— Формирование и продвижение привлекательного имиджа региона, местности, в т. ч. – в целях инвестиционной привлекательности.

(IV) Косвенное социальное влияние:

— Культура и искусство выступают источником цивилизационного влияния и социальной организации, стимулируют творчество, повышая способность общества к восприятию и поиску нового.

— Культура и искусство – коллективная память общества, неисчерпаемый источник культурно-исторического наследия и творческих идей для будущих поколений.

— Они улучшают и разнообразят жизнь, повышают степень социализации личности, способствуя профилактике и сокращению девиантного и асоциального поведения.

— Велика роль культуры и искусства в образовании и воспитании подрастающего поколения, влиянии на интеллектуальное и эмоциональное развитие детей.

— Возрастает роль культуры и искусства в социальной коммуникации, в том числе – с использованием современных технологий.

— Сфера культуры – единственная сфера деятельности, которая реально работает с материалом, определяющим культурную идентичность (памятники, события и герои культурно-исторического прошлого, достижения художественного творчества и т. п.)

С учетом всех указанных связей между сферой культуры и социально-экономическим развитием можно сказать, что сфера культуры является системообразующим фактором консолидации и развития общества в национальном и региональном масштабе. Это обстоятельство представляется особенно важным для последующего рассмотрения.

Консолидация социума и вызовы постсекуляризации

Консолидация общества может также обеспечиваться на основе внешней или внутренней опасности, угроз – реальных или вымышленных, на основе пропагандистской манипуляции общественным мнением. Действительно, к базовым ценностям социогенеза, прежде всего, относится ***безопасность***, позволяющая преодолеть угрозы физическому существованию, прочие страхи и неопределенности довольно широкого

плана[1]. Именно стремление к менее опасному обеспечению питания, продолжению рода и другим жизненным ресурсам, лежит в основе образования обществ, групп самого различного уровня. Справедливость, а тем более – свобода, вторичны по отношению к безопасности. Учет этого обстоятельства широко используется в политической практике. И это отнюдь не только обеспечение внешней и внутренней безопасности (военной, экономической, информационной, пищевой и т. д.), что является очевидной и главной функцией государства. Общеизвестны и практики игры на этой ценности, формирование образа внешнего или также внутреннего врага. Подобное манипулирование давно и успешно освоены политическими элитами. И не случайно – консолидировать, сплотить общество перед лицом некоей опасности гораздо легче, чем на конструктивной позитивной основе.

Сфера же культуры – это единственная сфера профессиональной деятельности, которая обеспечивает реальную консолидации общества на позитивной и конструктивной основе культурной идентичности.

Важно отметить, однако, что культура современного общества массового потребления создает возможности соединить оба тренда. Переход от ценностей выживания к «постматериальным» ценностям[2] создает новую неоднозначную перспективу. Общество массового потребления – буквальная реализация великого проекта гуманизма Просвещения с его лозунгами: «Человек есть мера всех вещей», «Все на благо человека, все во имя человека!» Кластеризация рынков достигла индивида: машину тюнингуют под тебя, архитектура компьютера, fashion формируются по индивидуальные потребности. Современный маркетинг позволяет не только реализовать, но и стимулировать любые потребности.

Из этого следует несколько важных обстоятельств. Во-первых, этому обществу и каждому его члену есть что терять. Во-вторых, любые достижения современной цивилизации: почта, медицина, компьютеры, авиация, высотные здания, водохранилища, все средства транспорта и коммуникации – могут быть использованы для ее же разрушения. В-третьих, в отличие от традиционного общества, где ценности выстроены иерархически – от простейших физиологических до ценностей трансцендентных, в этом социуме все ценности (включая трансцендентные) приведены к общему знаменателю маркетизации, фактически становясь рубрикаторами рынка массового потребления. Эта культура имманентна и самодостаточна. Вследствие этой самодостаточности – в-четвертых, эта культура не нуждается в образе будущего: сплошные сиквелы, приквелы, пародии, перепевы, а место научной фантастики заняло фэнтези с его средневековой стилистикой. Расширение знания подменяется накоплением разнообразия, факторизацией настоящего и прошлого. Более того, это общество

[1] Тульчинский Г.Л. Политическая культура на осях ценностно-нормативной модели социогенеза. // Философские науки. 2013, № 1, С. 24-38.

[2] Инглхарт Р., Вельцел К. Модернизация, культурные изменения и демократия. М.: Новое издательство, 2011.

боится будущего. Поэтому, в этой связи, в-пятых, современное общество – как общество воплощенной программы секуляризма, вступило в постсекулярную стадию, когда имманентность, отсутствие образа будущего порождают боязнь потерять настоящее.

Это состояние современной цивилизации, которая боится сама себя, своего будущего. Чем выше качество жизни, тем более общество уязвимо, тем больше в нем накапливается страхов, фобий, которые становятся не только предметом психиатрии. Так, в современном искусстве сложились отдельные жанры и соответствующие рынки хоррора[1]. Нагнетание тревог, алармизма, формирование образа коварных «врагов», в том числе – с использованием возможностей современный информационных технологий, включая старые и новые медиа, используется и даже усиливается в современных практиках.[2] Толпы охранников, в том числе в офисах, общественном транспорте, постоянные призывы быть бдительными к «подозрительным предметам», странному поведению пассажиров и прохожих только завершают картину аларма и хорроризации социальной жизни.

Если на первых стадиях социогенеза хоррор носит «естественный» характер страха перед неопределенностью и стихиями естественной, природной среды, то на стадии постиндустриального общества массового потребления возникает хоррор «второго порядка»: страх утраты благополучного настоящего, рационально созданной искусственной среды, с одной стороны, а с другой – искусственно создаваемый и культивируемый аларм.

Повторюсь – это общецивилизационная тенденция, нуждающаяся в серьезном осмыслении специалистами по теории и философии культуры. Такая ситуация является серьезным вызовом для теории и практики культурных процессов.

Региональный брендинг: от исторической памяти к образу будущего

Ситуация постсекулярного алармизма, страх перед прошлым создает искушение «прыжка в прошлое». Дело не просто в ностальгии по славному прошлому, а в сознательном отказе от обсуждения образа будущего. На этом основаны не только «старые песни о главном», апелляция к традиционным ценностям, но и серьезные вопросы о пределах и даже возможности творчества.

«Глубокая, безоглядная, по самые ноздри погруженность в прошлое, не отличимое от настоящего»,[3] лишает возможности не только представить будущее, не описывая его в образах, примерах прошлого, но и не дает возможности ни оценить, ни даже ощутить само настоящее – как нечто свое

[1] Голынко-Вольфсон Д.Ю. Век живых мертвецов: XX столетие глазами зомби. О философии, этике и биополитике зомби. // Неприкосновенный запас. 2008, № 6(22).

[2] Не случайно столь популярными стали идеи одного из идеологов 3-го Рейха К. Шмитта о том, что самой сущностью политического является готовность к силовому противостоянию с противником. См.: Шмитт К. Государство. Право и политика. М.: Территория будущего, 2013.

[3] Степанова М. Предполагая жить. http://www.colta.ru/articles/specials/6815.

собственное, не имеющее прецедентов. Если история (как собственно историография) делит течение времени на отдельные периоды и события, маркирующие различия, без которых непредставим ход истории, то коллективная историческая память акцентирована на сходствах, что вытекает из ее природы и функции как мифа: поддержании иллюзии неизменности и постоянства социума. Общество с годами и столетиями меняется, но историческая коллективная память призвана игнорировать эти изменения, подчеркивая преемственность и неизменность – основу идентичности. Историческая память трансформирует различия в сходства и конструирует идентичность за счет превращения всего в постоянно воспроизводимые и неразличимые стереотипы. Она, как и любой миф, принципиально тавтологична, в ней происходит полное стирание отличий, а вместе с ним – ликвидация истории как таковой.

Что же до реального настоящего, то транслируемая мифология, становящаяся общественным мнением, становится реальностью настоящего. Она пронизывает содержание не только СМИ, искусства, но и образование, воплощается в поступки, монументы, произведения искусства, другие артефакты, дизайн… Возникает не только «духовная», но и материальная культура, которую потом станут изучать историки и буду удивляться – почему она была именно такая.

Специалистам важно понять, что консолидация социума не может ограничиваться обращением к культурно-историческому наследию, что вполне объяснимый интерес к культурно-историческому наследию может и должен быть дополнен пониманием настоящего и его конструктивных перспектив.

Профилактика и преодоление последствий описанной ситуации не следует связывать исключительно с расширением сферы личностной свободы как ответственности, формированием не только «сплачивающего» доверия к «нашим», но и доверия большего «радиуса» – «наводящего мосты» между представителями разных групп населения[1]. Отечественный и зарубежный опыт показывает, что решение таких задач не является главными политическими целями политических элит и политического класса в целом.

Однако существуют социально-культурные технологии, по самой своей сути предполагающие консолидацию социума. Ярким примером таких технологий является региональный брендинг, который вызывает все возрастающий интерес: ему посвящаются монографии, конференции, специальные журналы (например, Place Branding and Public Diplomacy). На материале отечественного и зарубежного опыта, включая обобщение опыта реализации проектов развития «моногородов», разработки и реализации ряда региональных и межрегиональных программ социально-

[1] Веселов Ю.В. Доверие и справедливость. Моральные основания современного экономического общества. М.: Аспект-Пресс, 2011.

культурного развития, рассмотрены общие вопросы о роли и значении регионального брендинга[1].

Факторы и материал формирования региональных брендов достаточно хорошо известны и изучены: система ярких образов местности, архитектуры; места регулярных событий, привлекающих широкое внимание; лидерство региона в каких-то видах деятельности производства, науки, культуры и т. д.; высокие позиции региона в авторитетных рейтингах качества жизни, инвестиционной, туристической привлекательности; позитивность культурно-исторического наследия; местные традиции и колорит, включая питание; перспективы развития; привлекательный потенциал отдыха и развлечений; яркие слоганы…[2] Не менее известны и технологии продвижения региональных брендов как offline, так online[3]. Тем не менее, принципиальные особенности регионального брендинга, порождающие нетривиальные возможности его реализации, остаются мало изученными.

Так, принципиальной особенностью регионального брендинга является проблема собственности регионального бренда, который, в отличие от товарных, корпоративных, персональных брендов, выступающих «идентификаторами собственности», таковой ясной и четкой принадлежности не имеет. Бренд региона, города не может разрабатываться какой-то одной инстанцией – например, усилиями одной только администрации или даже в рамках некоего государственно-частного партнерства. Хотя бы потому, что остальные бизнес-структуры, общественные организации могут делать свои брендбуки или просто не понимать и не принимать разработки власти. Для разработки полноценного регионального бренда и его продвижения необходимо участие всех социальных сил региона (стейкхолдеров): бизнеса, туристического сектора, инвесторов, науки, образования, культуры, спорта, активных граждан, даже (как показывает опыт Торонто) иммигрантов.

Бренд региона, города не может навязываться сверху, он может должен формироваться, выращиваться только снизу, как совместная гражданская инициатива. Не в привязке к некоей кратковременной разовой компании (например, выборам), как «длинная идея», имеющая долговременную перспективу, открытая в процессе своей выработки реализации для новых участников.

Поэтому, будучи технологией консолидации социума, региональный брендинг особенно важен как фактор преодоления ситуации недоверия, столь острой для современной России. Именно в этой связи можно

---

[1] Модернизация России: территориальное измерение. СПб: Алетейя, 2011; Тульчинский Г.Л. Total branding: мифодизайн постинформационного общества. Бренды и их роль в современном бизнесе и культуре. СПб: СПб ГУ, 2013.

[2] Дини К. (ред.) Брендинг территорий. Лучшие мировые практики. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013.

[3] Котлер Ф., Апслунд К., Рейн И., Хайдер Д. Маркетинг мест. С Пб: СШЭ в СПб, 2005.

говорить о колоссальном социально-экономическом, культуральном и даже политическом потенциале брендинга.

Общие рекламно-маркетинговые функции бренда применительно к регионально-кластерным брендам дополняются по следующим направлениям:

- позиционирование региона, агломерации в национальном и глобальном экономическом и социально-культурном пространстве;
- формирование его привлекательности как места работы и проживания;
- интеграция товарных брендов, производимых в данном кластере, в том числе с учетом культурно-исторического своеобразия региона;
- консолидация населения практически всех возрастов, проживающего и работающего на данной территории, формирование региональной идентичности, сопричастности развитию региона, его прошлому и будущему.

Тем самым экономика региона тесно увязывается с социальным и человеческим капиталом кластера. В единое целое увязываются производство, труд, социально-культурная среда, гражданская и культурная идентичность. В результате успешный брендинг региона (кластера) создает не только потенциал информационно-маркетингового продвижения, но и мощный мотивационный фон деловой активности, рынка труда. А сам конкретный кластер предстает как социально-экономическая и социально-культурная целостность.

Поэтому в региональном брендинге особую роль играет потенциал культурно-исторической памяти, закладывающей основы как внешнего паблицитного капитала (известности и узнаваемости) региона, так и гражданской региональной идентичности. Специфика регионального брендинга (городов, регионов, стран), помимо прочего, заключается в его «естественности». В отличие от товарных брендов, которые могут носить полностью искусственный характер, региональный брендинг должен учитывать географические, ландшафтные, климатические особенности данной местности, сложившееся значимое культурно-историческое наследие. При этом население территории выступает также не столько как целевая группа воздействия брендинга, но и как социальный и человеческий капиталы его реализации.

Региональный брендинг предполагает широкий многовекторный диалог, координацию множества усилий «на пользу бренду» – как общему делу. В противном случае как разработка бренда, так и сам ее результат могут быть не поняты, а то и отторгнуты теми, вызывать недоверие. Успешный же региональный брендинг принципиально предполагает доверие и сплоченность, участие и сопричастность всех носителей и участников продвижения бренда.

В этом плане выстраивание корректной процедуры брендинга может рассматриваться как технология консолидации социума и формирования идентичности его участников. И это важно на всех этапах брендинга. Например, уже на стадии выработки общего в*И*дения региона, города:

его преимуществ, ценностей, целей развития, его перспектив. Без консолидации отдельных представлений об этих факторах полноценный бренд превращается в некий «бумажный дизайн», не имеющий реальных перспектив. Поэтому уже на этой стадии важно вовлечение в процесс всех социальных сил, граждан, поиск согласования их интересов, их взаимодействия.

Зарубежный опыт показывает, что это в каждом случае конкретная форма партнерства, иногда нестандартного формата. Примерами могут служить Liverpool City Brand Partnership, Edinburgh Marketing Alliance... Главное – создание некоей площадки постоянного диалога, участники которого готовы собираться и решать общие проблемы. Роль такой площадки по мере продвижения выработанного бренда может усиливаться в плане координации усилий, убеждения, что процесс идет в нужном направлении, своевременной корректировке и развития концепции бренда. Но это уже также не менее конкретная и специфическая траектория институционализации выработанного и сложившегося регионального социального партнерства как предпосылки дальнейшего углубления консолидации социума.

В этой связи как раз и реализуется потенциал сферы культуры и ее профессиональной среды, работающей с тем материалом, который обеспечивает консолидацию практически всех групп населения на основе общей культурно-исторической памяти. С целью активизации этого потенциала Российский творческий союз работников культуры (РТСРК) в 2015 году выступил с проектом популяризации культурно-исторических составляющих региональных брендов России (регионов, городов). Целью проекта с условным названием «Чем гордимся, о чем мечтаем!» является пропаганда культурно-исторического наследия и достижений современной российской культуры, новых перспективных проектов в сфере культуры.

Реализация проекта предполагается в два этапа (тура). На первой (региональной) стадии объявляется конкурс на представление выдающихся культурных брендов (символов) региона по номинациям: природный и архитектурный объект культурно-исторического наследия; уникальное учреждение культуры (культурно-просветительное и образовательное учреждение); самое яркое культурное событие в регионе за последние три года; самобытные традиционные народные ремесла и промыслы; лучший творческий коллектив; наиболее яркий проект в области современного искусства; кулинарные традиции; человек, внесший наибольший вклад в культурно-историческое наследие региона; наиболее выдающийся из ныне живущих в регионе деятелей культуры и искусства.

Второй – общероссийский – этап (тур) включает презентации по каждой из номинаций на одном из федеральных телеканалов. Итоги подводятся специальным жюри, а также зрительским голосованием по каждой из номинаций. При этом будет учитываться увязка представленных брендов

с экономической стратегией развития региона (города), транслируемый месседж, общий мифодизайн.

Реализация такого проекта будет способствовать не только активизации регионального брендинга на местах, но создаст новые возможности наращивания потенциала конструктивного брендинга России, а главное – создаст возможности реализации конструктивного потенциала культуры в интеграции российского социума.

Урмина И.А.
(Москва)

УПРАВЛЕНИЕ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПРОЦЕСС

Сфера культуры с точки зрения управления имеет свои особенности. Сегодня можно выделить ряд тенденций, наметившихся в отечественной практике управления, например, культурно-досуговой деятельностью. Первая тенденция – вытеснение отраслевого принципа территориально-отраслевым в реализации задач развития отрасли культуры. Преимущество последнего заключается в возможности развития активности населения (например, культурно-досуговой) непосредственно в регионах или территориях. В этом случае содержание культурных процессов заключается в совершенствовании образа и качества жизни населения средствами культурной деятельности, что является предпосылкой для расширения влияния этой деятельности на самые различные стороны жизни этого населения. Наиболее явно территориально-отраслевой принцип проявляется в разработке и реализации различных региональных культурных программ, которые получили в последнее время достаточно широкое распространение.

Особое внимание уделяется так называемым партисипативным программам и проектам (основа – взаимодействие всех заинтересованных сторон как в процессе формирования программ проектов, так и их реализации) как механизму включения самого населения, его общественных, творческих и гражданских структур в разработку и реализацию программ и проектов через общественные фонды, творческие союзы, научную общественность, общественные организации. В процесс разработки и реализации инновационных программ и проектов по социокультурной деятельности активно вовлекается гражданское население.

Анализ практики реализации культурно-досуговых программ и проектов в регионах показывает, что наиболее эффективными оказываются те, которые развивают местные культурно-досуговые инициативы по принципу встречного федерального финансирования «точек роста», а не всей досуговой инфраструктуры в регионе. При этом, как правило, проводится независимая общественная экспертиза для анализа предпрограммной (предпроектной) ситуации, формирующая техническое задание для разработки региональной программы с участием местных специалистов, общественности.

Следующая тенденция социокультурного развития, ориентированного на решение социальных задач, заключается в наметившемся культурном плюрализме целей и задач, что позволяет обеспечить рост, например, культурно-досуговой активности самых различных групп населения, появление коллективов, студий, групп, формирующих собственные общности любителей, знатоков, экспертов и т. д. В результате формируются устойчивые субкультуры социальных групп, составляющие единое социокультурное пространство. Вместо «вертикальной» административно-командной структуры управления внедряется «горизонтальная» или «сегментная». Основу последней составляет обеспечение диалога различных общностей, в совокупности составляющих целостное социокультурное пространство при сохранении разнообразия отдельных сегментов.

Еще одно важной тенденцией в предоставлении услуг населению в сфере культуры является наметившийся поворот от «учрежденческого» к «институционально-учрежденческому» подходу. Тенденция может быть выявлена при изучении программных и нормативных документов, различных управленческих акций, инноваций, экспериментов, способствующих переходу субъектов культурной политики от формально-сетевого к функционально-морфологическому планированию и организации культурно-досуговых процессов. Например, в библиотечном деле это не просто управление библиотечной сетью, а формирование читательской культуры населения, в театральном деле – театральной культуры, в музейном – музейной и т. д. В этом случае управленческая деятельность ориентируется не только на оптимизацию уже сложившихся сфер и объектов культурной деятельности, но и на динамику запросов различных групп населения безотносительно к нормативам и стандартам, стимулирование общественных инициатив, развитие коммерческого сектора как средства вовлечения населения в творческую культурную деятельность.

Особенности социокультурного подхода к управлению

Процессы управления, в том числе и в сфере культуры и искусства, могут быть рассмотрены как наиболее показательные в рамках легитимно оформленной отдельной социокультурной группы – организации. Современная организация, как сложная система, обладает свойствами неустойчивости, нестабильности, нелинейности, запуская, в свою очередь, процессы самореализации с точками бифуркации либо резкого

изменения системного поведения ее членов, когда требуется аттрактор для ее нового упорядочения, причем могут одновременно происходить процессы и упорядочения, и хаотизации.

Эти процессы особенно ярко проявляются в сфере культуры, где творческое созидание в рамках формальной институциональной структуры – организации связано во многом с неформальными сетевыми отношениями. Теоретически формальные и неформальные отношения должны целесообразно дополнять друг друга, поскольку они содействуют совместному выполнению функциональных обязанностей членов организации. На практике в зависимости от складывающихся обстоятельств неформальные отношения могут стать фактором дезориентирующего и даже разрушительного действия. Однако значимых исследований этих процессов в организационной среде не осуществляется, возможности совместного конструирования социокультурной реальности в их условиях не используются.

Следует отметить, что классический подход к управлению сложными системами базируется на представлении о линейности этих процессов. Согласно этому результат внешнего управляющего воздействия есть однозначное и линейное, предсказуемое следствие приложенных усилий, что соответствует схеме: управляющее воздействие – желаемый результат. Однако даже эмпирические исследования указывают на негативные последствия такого подхода, если они противостоят внутренним тенденциям саморазвития сложноорганизованных систем. Например, можно резонансно возбуждать правильные структуры в нелинейной среде, которые почти идеальны, близки к аттракторам эволюции. При этом резонансом является не взаимное усиление параллельных воздействий, а эффективность малых, но топологически правильных воздействий. Далее происходит самовыстраивание и самодостраивание структуры (в соответствии с внутренними потенциями среды) в направлении к одному из аттракторов (например, в обществе – базисных макросоциальных состояний).

Для общества как сложной системы характерны два полярных процессуальных состояния: порядок и беспорядок. Беспорядок в современном обществе как системе характеризуется разрушением привычных геополитических и экономических связей, социальным хаосом, дезорганизованностью и состоянием социального цинизма индивидов, о котором немецкий философ П. Слотердайк[1] пишет, что он бюрократизирован и становится доминирующим способом отношения людей к своим социальным функциям. Психологический тип циника – пограничный меланхолик, способный держать под контролем симптомы депрессии в публичной и приватной обстановке. Соответственно, культура современной организации связана с акцентированием проблемности, негативизмом, агрессивностью, подавленностью морального чувства.

1 Слотердайк П. Критика цинического разума. Пер. с нем. Екатеринбург, Издательство Уральского университета, 2001.

Отсюда снижение социальной эффективности многих организаций, ухудшение человеческих отношений в тех из них, где руководство не заботятся о формировании и поддержании позитивных, конструктивных оснований культуры в организации.

Системный структурный порядок строится на подавлении проявлений индивидуальной свободы действий, которые не соответствуют установленным образцам общественного поведения. Как указывает Г. Хакен, такой порядок строится на порабощении элементов системы параметрами порядка[1], а именно – на порабощении человека надиндивидуальными структурами. Существует и другой порядок, возникающий как следствие процессов социальной самоорганизации и саморазвития. Порядок на уровне макросоциального состояния может основываться на максимальной свободе, самостийном действии, разнонаправленности интересов и их реализации на микроуровне, т. е. на уровне индивидов. Именно последний тип социального порядка дает возможность обществу динамично функционировать и развиваться.

Очевидно, что полное и всеохватывающее упорядочение, а также контроль над социальными процессами субъектом управляющей и реформаторской деятельности невозможен. Любой социальный субъект всегда имманентен социальной системе, а его управляющее воздействие лишь включается в процесс социальной самоорганизации. Оно вносит определенное возмущение в социальный процесс, но никогда его полностью не подчиняет. Более того, включение в социальный процесс субъектного управляющего воздействия может внести дополнительную степень дисбаланса и неурегулированности в естественные связи, а также в процессы самоорганизации. Прямое организующее воздействие, успешное по одним показателям, может одновременно увеличивать степень дезорганизации по другим. Например, плановость советской экономической системы в результате породили ее дезорганизацию. Или, например, увеличение количества управляющих бюрократических воздействий, направленных на всеобъемлющее и целесообразное упорядочение общества, становится дезорганизующим фактором, лишь увеличивающим социальную энтропию.

В соответствии с теорией самоорганизации наличие стихийности, внутренней неопределенности (например, в рыночных механизмах) является конструктивным фактором процесса самоорганизации динамичной социальной среды. Разнообразие элементов (подсистем), относительно противоречивый спектр индивидуальных и групповых интересов и действий, потенциально содержащих в себе формы приспособления к различным вариантам будущего, обеспечивают системе возможность быстро реагировать и адаптироваться к изменяющимся внешним условиям. В этом смысле особенно интересным для изучения представляется такой объект, как организация, точнее,

1 Haken H. Can Synergetics Be of Use to Management Theory? Self-organization and Management of Social Systems. Insights, Doubts, and Question. Berlin, 1984. P. 37.

социокультурные процессы, в ней происходящие. С одной стороны, они носят рациональный характер в рамках определенной структуры и пространства, с другой – стохастический (внерациональный) характер, включающий контингентность и случайность человеческого поведения в различных ситуациях, пусть и связанных с организационными задачами и проблемами. Это наиболее ярко может проявляться в организациях сферы культуры и искусства.

Следует подчеркнуть, что социокультурные аспекты управления связаны с решением проблемы упорядочения разнонаправленных социальных сил, представляющих собой группы людей, принадлежащих к разным социокультурным слоям; с несовпадающими интересами; неодинаковой степенью идентификации с целями и ценностями общества в целом. Это усложняется тем, что эта социокультурная составляющая с необходимостью включает в себя мнения, представления, действия, производные от случайных событий, фантазий, страхов, неотрефлексированных идентификаций, симпатий и антипатий, усиливающихся в критических ситуациях.

Известно, что действия людей в пределах организации полностью формализовать нельзя, поскольку их интересы не исчерпываются организационными целями, а участие в совместной деятельности не ограничивается лишь функциональными ролями. Динамические интеракционные процессы, включающие взаимодействия и коммуникации, порождают не только формальные, но и неформальные отношения, состояние и соотношение которых определяют организационную культуру. Особенности функционирования современной организации зависят не только от ее формальной структуры, но и от этих отношений между членами организации.

Жизнеспособность организации в сложном и динамичном окружении зависит не только от экономических, но и от социокультурных факторов, поскольку кризисные состояния обусловлены одновременно напряженностью экономических, социально-организационных и символических отношений между людьми в рамках и общества, и организации. Под действием внутренних или внешних факторов динамические связи в системе социальных взаимодействий и коммуникаций, т. е. социокультурных отношений, оказываются нарушенными, а механизмы их восстановления работают со значительными затруднениями. Жестко структурированная система формальных отношений становится мало соответствующей неопределенности проблемной ситуации, ее место постепенно занимает набор сценариев взаимодействий и отношений (нередко и перформансов), в которых могут участвовать все члены организации. Чем более сценариев в организации, тем она жизнеспособнее. Умение использовать их в нужных ситуациях придает взаимодействию функциональный и личностный смысл. Отсутствие таких навыков исключает индивида из контекста организационного взаимодействия. Рефлексивные, конструктивные, позитивно ориентированные сценарии

помогают выживанию современной организации, поскольку обеспечивают внутреннюю подвижность. Они используются членами организации не как фиксированные завершенные формы взаимодействий, а как гибкие схемы реакций на меняющиеся ситуации. В результате изменение культурных характеристик происходит в направлении от механистических линеарных связей между функциональными единицами к многомерной совокупности отношений, включающих не только функциональные, но и межличностные аспекты.

Современный историко-культурный период, называемый постмодерном, принято характеризовать наличием открытых форм отношений и взаимодействий, когда индивид попадает во множество разнородных ситуаций с различными социокультурными кодами, не принимая как единственно истинный какой-либо из них и относительно свободно перемещаясь из одной ситуации в другую, более привлекательную. Об этом же свидетельствуют результаты исследований современной организации: ее члены могут вступать в разные сочетания отношений и соответственно полностью не идентифицируют себя с декларируемыми руководством целями и ценностями, функциональными ролями. Пессимизм, социальная атомизация людей, агрессивность или депрессия, равнодушие – все эти черты культуры постмодерна результируются в снижении экономической эффективности современных организаций. В этом случае, с точки зрения культурологического подхода к изучению современной организации необходимой становится интеграция общеорганизационных и индивидуальных целей на основе общей «договоренности» акторов. Ее составляющими становятся не только эффективное выполнение необходимых целевых функций, соблюдение формальных (технико-технологических) условий профессиональной деятельности, но и предоставление социокультурных условий для реализации определенных индивидуальных запросов, интересов и ожиданий ее членов. Если между интересами персонала и целями, провозглашаемыми руководством организации, достигается относительное равновесие, то выигрывают обе стороны.

По сути, это означает формирование новой организационной культуры, которое начинается с создания группы ключевых фигур, устанавливающих формы организационных взаимодействий и отношений и ведущие цели. Надежность в смысле возможности для членов группы полагаться друг на друга и доверять друг другу является центром формирования позитивной конструктивной культурной среды, поскольку она, в первую очередь, значима для координации и интеграции организационных взаимодействий. Надежность лидера (ключевой фигуры в группе) основана, с одной стороны, на его позитивной вере в свои и групповые силы и возможности, с другой – на рациональной организации социального взаимодействия[1].

[1] Урмина И.А. Лидерство в проблемных ситуациях: теоретико-культурный анализ. Диссертация на соискание ученой степени канд. культурологии. М.: ГАСК, 2003.

В организации, ориентированной на позитивный конструктивный тип управления, направленный на освоение инновационных навыков и интеграцию их с уже имеющимися нормами и нормативами, а также социальное участие сотрудников в решении необходимых инновационных задач позволяет образовать «критическую массу» поддержки эффективных групповых изменений и снять напряжение сопротивления тех членов коллектива, тип реагирования которых связан либо с активным, либо пассивным сопротивлением процессам организационных изменений[1]. Если такая корпоративная культура уже сформирована, то и ее носителю – коллективу, и транслятору – руководителю или руководящей структуре должна соответствовать конструктивная инновационная ориентация. Такой стиль можно охарактеризовать как сценирование или социодраму.

Таким образом, культура представляет собой коллективное явление, которое может быть и создано, и унаследовано членами группы. Она руководит отбором, интерпретацией и передачей информации значимыми для группы способами с учетом групповых основных культурных допущений членов группы. При этом люди могут являться одновременно проводниками нескольких культурных идентичностей, которые проявляются в зависимости от ситуации и характеристик решаемых проблем и задач. Существует предположение, что большие различия между взаимодействующими группами, независимо от того, реальны ли эти различия или лишь предполагаются, ведут к стремлению людей различить «нас» и «других», в том числе и групповую принадлежность.

К факторам, влияющим на групповую идентификацию, относятся также: ясность групповых ценностей и практик в сопоставлении с другими группами (включая негативные различия), престиж группы, уровень проявления недостатков, степень конкуренции внутри группы. В процессе формирования группы значимы: межличностное взаимодействие, сходство, симпатии, близость, разделяемые цели или страхи, общая история, которые могут повлиять на выбор идентифицируемой индивидом группы.

Несмотря на то, что очевидными характеристиками дифференциации являются раса, цвет кожи, язык и религия, в организациях эти критерии дифференциации используются как социально принятые и очевидные стереотипы, несмотря на то, что региональные и организационные различия культуры проявляются часто намного сильнее. Обращение к этим проблемам связано с необходимостью повышения эффективности реализации социокультурных программ и проектов на региональном и локальном уровнях, а также необходимости формирования социокультурно компетентных управленческих кадров. Но для этого необходим научный анализ социокультурных процессов на этих уровнях с учетом признания реальных различий и специфики как самого региона, так и локальных поселений.

---

[1] Урмина И.А. Теоретико-культурный анализ социальных отношений в современных организациях. Диссертация на соискание уч. степени д. культурологии. М., 2012.

Кириллова Н.Б.
(Свердловская область, Екатеринбург)

СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО В РЕАЛИЗАЦИИ ЗАДАЧ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ КАК ФАКТОР МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И РАЗВИТИЯ

Утверждение Президентом России «Основ государственной культурной политики» возвело культуру в ранг национальных приоритетов, обеспечивающих социально-экономическое развитие, территориальную целостность и конкурентоспособность нашей страны. Государственная культурная политика нацелена главным образом на формирование гармонично развитой личности и укрепление единства российского общества.

Кроме того, она преследует такие важнейшие цели, как сохранение исторического и культурного наследия, создание условий для реализации творческого потенциала каждого человека, а также обеспечение доступа граждан к информации и культурным благам.

Задачи, поставленные в «Основах законодательства Российской Федерации о культуре» (в редакции от 21.07.2014, вступившей в силу с 01.01.2015 года), охватывают широкий спектр вопросов: от сохранения культурно-исторического наследия до развития творческих индустрий, от поддержки детского и молодежного творчества до повышения эстетической ценности информационной среды.

Выступая на заседании Совета при Президенте Российской Федерации по культуре и искусству в декабре 2014 года, глава государства отметил, что современная государственная культурная политика основывается на новом понимании властью и обществом роли культуры и новом отношении в ней – «не как к сфере услуг, а как к источнику формирования системы ценностей и нравственных идеалов общества». При этом, как подчеркнул Президент, «игнорировать возрастающую роль культуры в обеспечении социально-экономического развития становится крайне расточительно»[1].

В этой связи возрастает роль социального партнерства в реализации задач государственной культурной политики как фактора межрегионального взаимодействия и развития. Диалог власти и общества – один из важнейших залогов успеха реформ, проходящих в России.

[1] www.kremlin.ru

В качестве примера сошлемся на опыт Уральского федерального округа, регионы которого (Свердловская, Курганская, Тюменская, Челябинская области, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий округа) по ряду функциональных показателей (перспективные научные исследования, внедрение новых библиотечных технологий, создание музейных комплексов, новации в системе художественного и медиаобразования, фестивальное движение и др.) занимают ведущие места в Российской федерации.

О социально-культурном потенциале Уральского федерального округа свидетельствуют следующие цифры: в его регионах зафиксировано и взято на учет более 10 тысяч ценных культурно-исторических объектов, представляющих общенациональное достояние; здесь функционирует более 12 тысяч образовательных учреждений всех типов, видов и форм, в том числе 62 вуза – государственных и негосударственных плюс 148 филиалов; на территории округа 3 520 библиотек, 3 828 учреждений клубного типа, около 500 музеев, 50 театров, более 30 крупных концертных организаций и филармоний[1]. По заключению ЮНЕСКО, «Урал является одним из ведущих мировых центров сохранения и изучения индустриального наследия, истории промышленности и научно-технического прогресса»[2]. Словом, у регионов Уральского федерального округа, обладающих богатейшим культурным наследием и готовых развивать самые передовые технологии, есть все основания внести в этот процесс свой весомый вклад.

При этом следует учесть такой немаловажный факт, как дифференциацию регионов Уральского федерального округа по уровню обеспеченности учреждениями культуры и доступности культурных ценностей. Так, в Свердловской и Челябинской областях широко представлены все виды учреждений культуры, в особенности развита в этих регионах сеть музеев, картинных галерей, театров, библиотек, концертных организаций. Менее доступны многие культурные услуги для других регионов округа.

Экономически благополучные территории – ХМАО и ЯНАО – выходят из этого положения путем организации гастрольной и выставочной деятельности. На Север с удовольствием едут гастролеры из столичных городов.

Годы реформ в России оказались очень непростыми для сферы культуры округа. И все же задачам модернизации сферы культуры немало способствовало социальное партнерство государственных структур, институтов гражданского общества и бизнеса во всех регионах Уральского федерального округа, тем самым доказывая, что диалог власти и общества – важный фактор успеха реформ.

---

[1] Кириллова Н.Б. Культура УрФО: реальность и перспективы // Культура. Медиа. Образование / Под ред. Н.Б. Кирилловой. Екатеринбург: изд-во Уральский рабочий, 2014. С.14.

[2] Там же.

Первым шагом в решении данной задачи стал следующий факт: в марте 2001 года был создан Консультативный Совет при полномочном представителе Президента РФ в Уральском федеральном округе по вопросам реализации государственной политики в сфере культуры. В него вошли не только чиновники, но и активные деятели сферы культуры и образования, бизнесмены-меценаты, представители конфессий, журналисты. Совет определил стратегические задачи и приоритетные направления реализации государственной политики в сфере культуры всех регионов Уральского федерального округа, разработал концепцию Окружной координационной программы «Развитие культуры в Уральском федеральном округе на 2001-2005 годы», инициировал разработку и реализацию межрегиональных культурных проектов и программ, нацеленных на решение актуальных для округа в целом задач культурного развития.

Стратегическими задачами государственной культурной политики в регионах Уральского федерального округа в соответствии с данной концепцией стали следующие:

— сохранение и развитие культурного потенциала округа;

— формирование культурной среды, способствующей духовной консолидации общества и осуществлению позитивных социально-экономических преобразований;

— создание единого социально-культурного пространства на территориях округа с учетом культурных традиций, этнических и иных особенностей разных социальных слоев и групп;

— сохранение культурной самобытности наций и народностей, проживающих на территории регионов.

Среди задач Окружной координационной программы, определившей перспективы социально-культурного развития округа, можно выделить следующие:

— выбор и осуществление приоритетных для УрФО и его регионов направлений культурной политики;

— укрепление межрегиональных культурных связей в интересах социокультурного развития всех народов и территорий округа;

— концентрация и мобилизация творческого потенциала округа на решение приоритетных для всех субъектов Российской Федерации, входящих в УрФО, проблем культурного развития;

— стимулирование и поддержка (идеологическое, организационное и финансовое обеспечение) культурных проектов, наиболее соответствующих общим для всех регионов Уральского федерального округа потребностям сохранения и развития культуры, социокультурной целостности, самобытности, способствующих социально-экономической стабилизации, укреплению российского федерализма и демократии[1].

[1] См.: Культура. Власть. Общество: пути интеграции. Материалы Всероссийской научно-практической конференции // Под ред. Н.Б. Кирилловой и др. Екатеринбург: УрГУ, 2002. С. 75-76.

Все перечисленное выше доказывает, что в перспективах развития конкретные задачи выживания решались параллельно с невиданными ранее глобальными задачами. Подобные советы по культуре начнут создаваться при администрациях губернаторов регионов и в крупных муниципалитетах Уральского федерального округа.

В августе 2014 года, вскоре после принятия «Основ законодательства Российской Федерации о культуре» был утвержден новый состав консультативного Совета по культуре при полномочном представителе Президента РФ в Уральском федеральном округе. Обновленный Совет по культуре, с одной стороны, стал логическим продолжением первого, сохранив функции социального партнерства, с другой – стал ориентироваться на актуальные задачи времени уже на современном этапе развития страны.

Основными задачами Совета являются:

— координация взаимодействия органов государственной власти субъектов Российской Федерации, находящихся в пределах Уральского федерального округа, органов местного самоуправления, учреждений и организаций сферы культуры и общественных творческих объединений в целях реализации на территории Уральского федерального округа государственной культурной политики;

— систематическое информирование населения об актуальных проблемах и достижениях в области культуры в Уральском федеральном округе;

— выработка предложений органам власти по вопросам совершенствования государственной политики в сфере культуры и искусства;

— выработка законодательных инициатив, направленных на развитие культурной среды, защиту социальных прав и гарантий работников учреждений культуры;

— координация взаимодействия субъектов Российской Федерации по реализации межрегиональных культурных проектов;

— создание системно действующей диалоговой площадки по вопросам социокультурного развития территорий Уральского федерального округа с участием представителей творческой среды, общественности и органов власти.

Для выполнения перечисленных задач Совет имеет право:

— запрашивать и получать в установленном порядке необходимые материалы от территориальных органов, федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, а также организаций в сфере культуры и искусства и творческих объединений;

— приглашать на свои заседания должностных лиц территориальных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, а также представителей творческих объединений, организаций сферы культуры и искусства, бизнес-структур;

— формировать по вопросам, отнесенным к его компетенции, постоянные и временные рабочие группы для работы на местах;

— инициировать проведение форумов, научно-практических конференций, выставок, круглых столов, фестивалей и иных мероприятий, направленных на реализацию государственной культурной политики;

— привлекать в установленном порядке к участию в мероприятиях Совета признанных экспертов в сфере культуры и искусства[1].

Социальное партнерство в реализации задач государственной культурной политики, безусловно, способствует межрегиональному взаимодействию и развитию. Не случайно прошедший Год культуры стал своеобразным итогом вовлечения широких кругов общественности в культурную жизнь регионов округа.

Из огромного многообразия культурных мероприятий достаточно выделить следующие.

В Свердловской области состоялись: Симфонический форум России и Международный конкурс молодых артистов оперетты и мюзикла имени В.А. Курочкина, Открытый фестиваль документального кино «Россия» (уже XXV по счету), Международный театральный фестиваль «Коляда—Plays». Особо можно отметить такое знаковое событие, как подписание Соглашения между Свердловской областью и Государственным Эрмитажем об открытии филиала в Екатеринбурге.

В Челябинской области с большим успехом прошел «Марафон талантов».

Тюменская область провела Первый Всероссийский фестиваль телерадиопрограмм и фильмов «Человек и вера» и финал 12-го конкурса молодых исполнителей эстрадной песни Уральского федерального округа «Песня не знает границ».

В Курганской области прошел Международный фестиваль театров кукол.

В Ямало-Ненецком автономном округе состоялся Арктический культурный форум, подытоживший проблемы состояния и развития коренных народов Севера.

А Югра провела XIII Международный фестиваль кинодебютов «Дух огня», Всероссийскую конференцию и цикл передвижных выставок, посвященных юбилею уникального хантыйского художника Геннадия Райшева.

Говоря о реализации культурной политики в регионах, о социальном партнерстве в данном процессе, нельзя не коснуться роли бизнеса в поддержке некоммерческих проектов в сфере культуры. Роль мецената в российской культуре всегда была значительна и почетна. В последние годы в Уральском федеральном округе хорошо известны примеры возрождения лучших традиций российского меценатства, которыми славятся Уральская горно-металлургическая компания, Магнитогорский

[1] См.: Положение о Совете по культуре при полномочном представителе Президента РФ в Уральском федеральном округе. Утверждено 24..08.2014 г.

горно-металлургический комбинат, Екатеринбургский завод по обработке цветных металлов, Синарская новотрубная компания и др.

В соответствии с реализацией задачи создания единого социокультурного пространства Уральского федерального округа особое внимание уделяется роли медиакультуры – средств массовой коммуникации в вовлечении широкой аудитории в культурные процессы округа.

Следует подчеркнуть, что за 15 лет со дня создания Уральского федерального округа окружное информационное пространство является важной составляющей социально-культурной сферы. Здесь зарегистрировано около 3 000 СМК: 1 917 печатных, 889 электронных (теле- и радиокомпаний), 114 информационных агентств.

Среди ведущих медиаструктур, работающих в окружном формате и созданных на основе гражданской инициативы, общественно-политический журнал «Уральский федеральный округ» («УрФО») и телекомпания «Ермак», функционирующие в межрегиональном пространстве и освещающие не только проблемы политики и экономики, но и пути социокультурного развития, вопросы формирования институтов гражданского общества регионов. Популярны у жителей округа и информационные агентства: «ИТАР-ТАСС», «Интерфакс», «Накануне.ru», «РИА-новости», «Уралинформбюро», «Ura.ru» и другие Интернет-источники.

Одной из главных задач в реализации региональной культурной политики является подготовка и переподготовка управленческих кадров для социально-культурной сферы. Речь идет о воспитании профессиональных менеджеров – нового типа руководителей, хорошо ориентирующихся в условиях арт-рынка в любом направлении культурной деятельности: министерствах культуры, городских и районных управлениях культуры, в администрациях театров и музеев, в продюсерских центрах кинофикации, телевидения, концертно-зрелищных предприятий и т. п.

Одним из главных вузов, активно осуществляющих подготовку кадров в этом направлении, является Уральский федеральный университет им. Б.Н. Ельцина, созданный в Екатеринбурге на базе слияния двух головных вузов региона: Уральского государственного (УрГУ) и Уральского государственного технического (УГТУ-УПИ) университетов. Профилирующей является кафедра культурологии и социально-культурной деятельности, которая в течение многих лет, начиная с 2001 года, ведет подготовку специалистов по направлениям «Менеджмент культуры», «Менеджмент социально-культурной сферы», «Медиакультура и основы медиаменеджмента», здесь создан Центр медиакультуры и медиаобразования. В связи с переходом на новую систему образования на кафедре в 2010 году были открыты востребованные у студентов профили магистратуры: «Социальная культурология», «Аудиовизуальные коммуникации и медиатехнологии в социально-культурной деятельности», «Проектный менеджмент в сфере культуры».

Аналогичную подготовку кадров, способных работать в условиях арт-рынка, осуществляют кафедры истории искусств, музееведения и прикладной культурологии, а также партнер УрФУ Екатеринбургская академия современного искусства (ЕАСИ), которая готовит кадры для муниципальных структур.

Рассмотрев основные направления модернизации социально-культурной сферы на примере Уральского федерального округа, можно сделать вывод о том, что социальное партнерство власти с институтами гражданского общества и бизнес-структурами, несомненно, активизирует реализацию государственной культурной политики, утверждая тем самым культуру в ранге национальных приоритетов и способствуя формированию личности нового типа – специалиста, патриота, гражданина, готового развивать и защищать культуру в целях духовного здоровья общества и как фактор национальной безопасности России.

Заковоротная М.В.
(Ростовская область)

СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО В РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ: ПОТЕНЦИАЛ ВЛАСТИ, ОБЩЕСТВА И НОВЫЕ ФОРМЫ КОЛЛЕКТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ

Глобализация часто приводит к приватизации государственных программ, к разрушению национальных экономических систем, к дерегламентации, к разрушению локальных правил и процедур осуществления жизнедеятельности. Глобализация не приводит автоматически к экономической локализации и тем более к социальной локализации, т. е. созиданию социальной коллективной деятельности, направленной на улучшение совместной жизни. Канадский исследователь Х.Л. Клейн характеризует ситуацию так: «Глобализация и атомизация конституируют две стороны одной медали»[1].

[1] Klein J-.L. (2014) L'espace local à l'heure de la globalisation: la part de la mobilisation sociale. Cahiers de géographie du Québec. Vol. 41, 114. P. 370.

Возможность «локализации» как раз зависит от успеха создания коллективной социальной деятельности локальными агентами по проведению инноваций в регионе, в определенном локальном пространстве. Локальное пространство начинает выигрывать в глобальной конкуренции тогда, когда внутри него создаются не только материально-технические условия проведения инноваций, но и условия для совместной коллективной деятельности, условия для богатства и плотности социальной жизнедеятельности, социальных действий. По мнению А. Мелуччи, социальные группы внутри локальных пространств в рамках развития гражданского общества переходят от противостояния государству к поиску перспективных возможностей соучастия в коллективной политической деятельности, принятию коллективных решений ради поддержания локальных инициатив и локальных политических институтов[1].

Именно в процессе социального конструирования локального формируется не просто ответ на разрушительный для многих регионов вызов глобализации, но и важнейшие условия для проведения политики реализации инноваций. Несмотря на популярность проблематики в конце двадцатого столетия, в начале двадцать первого столетия анализ новой глобальной реальности ставит новые проблемы.

Прежнее индустриальное общество, с его фиксированными зарплатами и конфликтами, решаемыми на уровне, например, профсоюзных движений, уступает место обществу постиндустриальному, с преобладанием сектора сервиса и информационных технологий, менее конфликтному, но и менее регулируемому (К. Дюбар)[2]. В последние три десятилетия возрастает на всех направлениях трудовой деятельности потребность в новой «рабочей силе» – занятой сложным интеллектуальным трудом, обязательно с дипломом высшего образования (а то и двумя-тремя), умеющей эффективно и быстро решать сложные задачи. При этом, по мнению французского социолога К. Дюбара возникает новое противоречие между общественным, профессиональным «Мы» и нарративным (связанным с культурой, с личной биографией, с персональной историей) «Я»[3].

Во-первых, данное противоречие выражается в конфликте между «теоретической» работой, т. е. профессиональными обязанностями, выраженными в рациональных бюрократических процедурах, закрепленными за работником официально, и «реальной» работой, т. е. теми проблемами, с которыми он сталкивается каждый день. При этом часто оплата труда происходит за выполнение процедур, а не за решение проблем, что на самом деле более ценно и сложно для работника.

Во-вторых, практически на всех предприятиях, участвующих в постиндустриальном обществе и занятых в производстве современных

[1] Melucci Alberto (1996). Challenging Codes. Collective Action in the Information Age. Cambridge Un. Press.

[2] Dubar C., Tripier P. (2005). Sociologie des professions. Armand Colin.

[3] Dubar C., Tripier P. (2005). Sociologie des professions. Armand Colin.

услуг, существует конфликт между стратегиями управления, менеджмента качества и времени и когнитивными, интеллектуальными способностями работников, их социальным и культурным капиталом.

В-третьих, на сегодняшний день также сформировано противоречие между доминирующей в последние 30-50 лет логикой компетенций[1], которую можно назвать бюрократической логикой оценки квалификаций, и многократно усложняющейся реальностью информационного общества, требующей все новых знаний, умений, компетенций, которые не всегда можно получить в рамках университетского образования или на рабочем месте[2].

Тем не менее, достаточно мало исследований посвящено не менее важному теоретическому и практическому вопросу, а именно тому, как отдельный индивид может способствовать изменениям, как своей культурной среде или профессиональной ситуации, так и профессиональной ситуации всей профессиональной группы, будь то группа медицинских работников, инженеров или учителей. Вопрос об агентстве индивида в культурной или профессиональной среде недостаточно изучен, т. к. принято считать, что анализ индивидуальной активности бесперспективен ввиду первенства институциональных сдвигов.

Обычно рассматривается вопрос об ответе индивида на вызовы общественных изменений по поводу каких либо изменений. Однако эти ответы предстают как реакция, как приспособление, или часто как сопротивление акциям управления. Такая ситуация одностороннего понимания человеческого участия в формировании своей профессии и профессиональной идентичности приводит к апатии, стрессу, конфликтам на рабочем месте. Чаще всего такой конфликт приобретает форму конфликта специалиста и менеджера. И такой конфликт, согласно многочисленным исследованиям, распространен по всем странам, во всех профессиях, практически во всех культурах современного этапа глобализации.

Частично слабая разработанность данного вопроса объясняется тем, что в современной социальной теории, несмотря на длительную историю социальных наук (социологии, антропологии, политических наук) и, несмотря на обилие концептов в области социологии профессий, нельзя сказать, что существует эвристическое объяснение связей между частными действиями индивида и институциональными изменениями в области профессионального развития.

Доминирующая в общественном сознании «управленческая» идеология, что организационные изменения происходят всегда сверху, что управление эффективно только тогда, когда его осуществляет элита менеджеров. Такой подход в понимании эффективного управления давно

[1] Уже в 1955 году известный французский социологи Ален Турен предложил модель компетенций в своей работе «Эволюция труда рабочего на заводах Рено».

[2] Турен А. Возвращение человека действующего. М., 1998.

подвергается критике, особенно в связи с нарастающим процессом глобализации. Напомним аргументы критики.

Еще в 80-е гг. XX столетия американские социологи Р. Белла, Р. Медсен, В. Салливан, А. Свидлер, С. Типтон в своей знаменитой работе «Привычки сердца» отмечали, что объективно нарастающая сложность общественных изменений создают так называемую «проблему невидимой сложности»[1].

Она заключается в том, что большие корпорации, главные игроки глобализирующейся экономики, доминируют в обществе, доминируют в секторах рынка, влияя на выбор потребителей, на выбор технологий, на государственные программы. И тем самым большие корпорации усиливают централизованный контроль над процессом производства, финансовыми потоками, и развитием рынка. При этом именно большие корпорации формируют идеологию «менеджмента ради общества». Суть идеологии в том, что трансформации, улучшения в обществе видятся как объективная необходимость, бизнес необходимость, осознаваемая лишь менеджерами. И только лишь менеджеры, обладая специальными знаниями, навыками и осознанием бизнес необходимости, способны вывести определенный общественный сектор на необходимое русло развития, или решить определенную проблему.

Однако, к концу XX в., по мнению американских авторов, уже сложился ложный, искаженный в зеркалах глобализационных СМИ образ общества как рынка конкурирующих предприятий, что часто не соответствует объективно сложившейся ситуации в системе общества. В большинстве же случаев именно большие корпорации управляют развитием, по сути, навязывая обществу вышеописанную «идеологию менеджеров»[2].

Рост невидимой сложности общества вызывает к необходимости специализирующихся на управлении администраторов и менеджеров. Но их одностороннее, недемократическое управление часто не улучшает сам процесс, а создает новые неуправляемые сложности.

По мнению британских социологов Хото и Поулард, развитие таких неуправляемых сложностей чревато также и усилением поляризации внутри общества, а именно поляризации между разного рода профессионалами и менеджерами[3]. Именно этим объясняется то, что значительная часть исследований в области улучшения управления – это ответ на вопрос, как преодолеть сопротивление профессионалов по отношению к менеджерам. При этом часто в таких исследованиях проводится «идеология сопротивления» менеджерам. Индивид в профессии часто воспринимается как жертва изменений, жертва

[1] Bellah R., Madsen R., Sullivan W., Swidle A., Tipton S. (1985).Habits of the Heart: Individualism and Commitment in American Life. Berkeley, Los-Angeles, London.University of California Press.

[2] Bellah R., Madsen R., Sullivan W., Swidle A., Tipton S. (1985).Habits of the Heart: Individualism and Commitment in American Life. Berkeley, Los-Angeles, London.University of California Press.

[3] Hotho S., and Pollard D.J., (2007). Management as negotiation at the interface: moving beyond the critical-practical impasse. Organization, Vol. 14 No 4, P. 583-603.

«административного деспотизма»[1]. В данном корпусе исследований создается, таким образом, понятие культурной или профессиональной идентичности, либо нагруженное «идеологией сопротивления», либо представляющее индивида как одинокого и «невидимого» воина в поле битвы с конкурентами.

В таком случае искажается смысл необходимых изменений, т. к. изменение в обществе воспринимается как ответ на чью-то волю, приводя к конфликтам частных интересов или к противоречиям на уровне общества: между предприятиями или общественными институтами.

Именно такой односторонний подход к восприятию индивида, не участвующего в процессе изменений, не агента собственного профессионального и культурного развития необходимо преодолевать в рамках современных социальных и культурологических исследований. Рассмотрим более детально данный подход.

Начиная с концептуального противостояния между социологией Э. Дюркгейма и М. Вебера многие социологи в XX столетии работали над вопросом преодоления дихотомии в понимании общества между объективизмом, например, структурализмом и субъективизмом, например, понимающей социологией[2]. Одной из признанных академическим сообществом попыток является концепция А. Гидденса «дуальности структуры», в которой британский социолог понимает структуру не как внешнее и не как отдельное от человека образование[3]. Существующие общественные структуры (институты, организации, паттерны социальной практики) и опыт и знания человеческих индивидов взаимосвязаны и взаимозависимы друг от друга в своем развитии. Структуры постоянно конструируются заново социальными агентами ради достижения определенных сознательных целей. А. Гидденс строит теорию структурации, опирающуюся на следующие понятия: структура, модальность и взаимодействие. Данная теория предназначена объяснить человеческое действие, которое опирается на четыре процесса: сигнификация, обозначение, доминирование, легитимация.

Современные социологи С. Барлей, Дж. Дюберлей, М. Маллон, Л. Коен, продолжая исследования А. Гидденса, предлагают использовать теорию структурации для создания концепции агентства в формирования профессиональной идентичности, на базе теории социальной идентичности (SIT – Social Identity Theory)[4].

Другой тенденцией в анализе выявления возможностей социального партнерства между обществом и структурами управления является

---

[1] Bellah R., Madsen R., Sullivan W., Swidle A., Tipton S. (1985).Habits of the Heart: Individualism and Commitment in American Life. Berkeley, Los-Angeles, London. University of California Press.

[2] Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991; Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М., 2003.

[3] Giddens A. (1984). The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration, Polity Press. Cambridge; Identity Politics in the Age of Globalization. Ed. By Roger Coate, Markus Thiel.First Forum Press, 2010.

[4] Duberley J., Mallon M., Cohen L. (2006). Exploring career transitions: accounting for structure and agency. Personnel Review. Vol. 35, No3. P. 281-96.

концепция «политики идентичности». Для начала отметим, что «политика идентичности» – это политическая деятельность, ориентированная на удовлетворение потребностей и формирование условий для выражения культурных интересов и ценностей среди тех коллективов, в которых индивидуумы разделяют общую коллективную идентичность[1].

Политическая свобода в условиях фрагментации политики и мозаичного общества может существовать, пока человек или коллектив за нее борются. Самоутверждение в новом глобальном порядке, в условиях культуры виртуальной реальности происходит ради поиска социальных смыслов, ради новой власти или культурной доминации, в первую очередь, а потом уже ради экономической выгоды или благосостояния.

Главной целью идеологии любого общественного движения конца XX века становится провозглашение самоописания для создания образа, интеграции человечества, контроля за временем и пространством, требования открытого самоопределения, легитимного признания, нарративного самовыражения, рассмотрения разнообразия без враждебности и силы, автономного поиска смысла, самосохранения, устойчивого развития, построения сообществ нового типа, в которых самовыражение и культурное признание важнее, чем материалистические и экономические приоритеты.

Все новые социальные движения – это дискурсивно созданные движения. Если еще 20-30 лет назад на формирование идентичности большое влияние оказывала «политика эмансипации», то сейчас для процветания важнее овладеть «политикой риска». Рассмотрение эволюции феномена идентичности показало, что заинтересованность социальной идентификацией является следствием целого комплекса социальных процессов. Сюда относятся стремление сохранить целостность в социально-историческом разнообразии и одновременно обрести индивидуальность, стремление интерпретировать разрывность общественного и частного, официального и повседневного, массового и интимного; распространение опосредованного опыта, знания в связи с развитием информационных технологий. Исследование идентичности показало изменения соотношения общественного и личного, биологического и социального, автономного и общественного, нетипичного и стандартного, «инаковости» и однообразия, глобального и локального.

По мере усиления социальной плотности глобализационных тенденций, растут численность и разнообразие групп, считающих формирование политики идентичности своим коллективным долгом. Это и этнические сообщества, и женские движения за права, и разнообразные маргинальные объединения, и движения за гражданские права, и движения за право использовать те или иные языки, и

[1] Habermas Jurgen. (1987). The Theory of Communicative Action. Lifeworld and System: A Critique of Functionalist Reason. Boston: Beacon Press.

разные религиозные объединения, некоммерческие организации и международные некоммерческие объединения.

Можно согласиться с тезисом М. Тиеля, что анализ таких различных по своим целям, задачам и содержанию групп и более того, попытки наладить диалог, понять социокультурные причины таких дифференциаций и различений, весьма сложная для традиционной модернизационной политики задача[1].

Следующим тезисом в понимании политики идентичности стало утверждение, что нельзя просто свести «политику идентичности» к политике вообще. В целом, сама по себе политика – реализация воли и интересов определенных групп в достижении определенных целей. «Политика идентичности» же обязательно включает реализацию интереса признания отличительных характеристик той или иной группы ввиду исторической совокупности культурных обстоятельств. Причем это признание – и есть защита от дискриминации. Главное выявить и понять в общественной целостности такие различения, а не выполнять действия. Суть – в большей степени в различении и последующей интеграции, а не в выполнении волевых действий. Именно здесь термин политика становится амбивалентным, т. е. не акт действия, а скорее акт различения.

Не менее важным остается со времени первых фундаментальных теорий идентичности вопрос: как сохранить социальную целостность и одновременно определить различие? В первую очередь, различение выражается в речи, в языке. Поэтому, «политика идентичности» – это скорее дискурсивный, а не практический способ. Для того, чтобы действовать совместно или реализовывать политические программы, нужно сначала определить «Мы», отнести это «Мы» к определенным акторам, дискурсам, философским и идеологическим контекстам. Поэтому следует различать:

— традиционные, из времени Модерна социально-политические сообщества, базирующиеся на классовых или политических основах, и

— современные, из времени Постмодерна социальные и культурные сообщества, озабоченные постматериалистическими и относящимися к условиям и возможностям самовыражения ценностями (Д. Хельд, А. Мелуччи, С. Бенхабиб)[2].

Далее, какие сообщества можно отнести ко второй группе? На наш взгляд, для второй группы сообществ самой универсальной в современной социальной теории стала классификация Д. Инграма. Это условно два типа сообществ, для которых можно ставить вопрос о политике идентичности:

— сознательно сконструированные сообщества, т. е. те, в которых члены группы, выступающие за признание своей культурной идентичности, самостоятельно и по личному выбору вступают в отношения «Мы» с

[1] Identity Politics in the Age of Globalization. Ed. By Roger Coate, Markus Thiel. First Forum Press, 2010.

[2] Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М., Логос, 2003; Гирц К. Интепретация культур. М., РОССПЭН, 2004; и др.

другими членами сообщества (например, организации в развитых странах борьбы за «справедливую экономику» (Iecommerce quitable);

— структурно сконструированные сообщества, т. е. те внутри которых членство в сообществе задано общественной структурой.

В целом, в современном обществе цель «политики идентичности» – создание механизмов распределения власти в общественной системе, для того, чтобы такое распределение способствовало как обеспечению общечеловеческих прав и прав меньшинств, так и формированию условий для культурного и социального диалога, обеспечения публичного и демократического дискурса и социального познания (Ю. Хабермас)[1].

Коллективная деятельность – это многополярная и многогранная система деятельности, предполагающая включение всех подсистем, с множеством акторов, возможностей развития и множеством препятствий. Акторы, вступающие в отношение «Мы», находятся в системе целей деятельности (значений), средств (условий развития и структур, ограничивающих развитие) и социокультурного контекста (поле значений, фоновые ожидания). Коллективная идентичность – это также процесс конструирования системы деятельности, которая определяется дискурсивно самими индивидами[2].

Этот процесс конструирования, происходящий внутри «жизненного мира», а значит, и культуры, т. е., по К. Гирцу, в нем есть и познание, и эмоциональное взаимодействие, и дискурсивные уровни общения (языковое общение, обмен идеями)[3]. В этой связи не стоит забывать, что построение коллективной идентичности – это процесс познания, самопознания, познания других миров и культур; это процесс производства новых определений и значений, производства образов и репрезентаций для других. В формировании коллективной идентичности значимо также и то, что это способность акторов узнать значения своих действий в более широком контексте (например, международном), оценить их, определить цели дальнейшего развития, понять взаимоотношения прошлого и будущей деятельности.

При этом не стоит забывать, что основным парадоксом коллективной идентичности, так ярко проявляющемся в «политике идентичности», является, с одной стороны, утверждение своего отличия, с другой стороны, постоянная потребность самоопределения внутри общего контекста, внутри общества.

Острота этого парадокса проявляется с особой силой в ситуации начала XXI века, когда многие черты коллективного действия, перечисленные выше, начинают размываться или исчезать под воздействием усиливающихся глобализационных тенденций. К ним относятся: связь с политической и социальной подсистемами; значимость коммуникации

---

[1] Habermas Jurgen. (1987). The Theory of Communicative Action. Lifeworld and System: A Critique of Functionalist Reason. Boston: Beacon Press.

[2] Melucci Alberto. (1996). Challenging Codes. Collective Action in the Information Age. Cambridge Un. Press.

[3] Гирц К. Интепретация культур. М., РОССПЭН, 2004.

внутри «жизненного мира»; обязательность взаимодействия публичной и частной подсистем общества; связь эмоционального и символического взаимодействия индивидов. На наш взгляд, именно недостаточное внимание к вопросу об обязательном взаимодействии публичной и частной подсистем общества через систему «публичного пространства» самовыражения становится главным фактором усиления радикально-экстремистских проявлений «политики идентичности».

В результате многие современные движения приобретают черты маргинальности, характеризуются утопизмом, эскапизмом, религиозностью, далеки от реальной политики. Ведь даже самые ярые экстремистские проявления на самом деле не создают политику. Таким образом, возникает задача нового определения содержания и смысла коллективного действия, способов самопрезентации, правил ведения коллективной деятельности и новых систем принятия решений. Проблематичность такой задачи определяется вечной для коллективной идентичности дилеммой: как сохранить смысл коллективного действия и в то же время богатство и разнообразие глобального мира? В особенности стоит отметить, что в современном информационном обществе особо значимым становится символическое и репрезентативное богатство в открытом публичном пространстве.

Одним из важнейших противоречий становится также разрыв между возможностями развития такого символического и культурного богатства и реальными политическими шансами сохранить политические и социальные сообщества. В этой связи можно показать динамику реализации данного противоречия и выделить наиболее сложные дилеммы в определении современной «политики идентичности»:

— с одной стороны, общественные изменения постоянны, с другой стороны, политические и социальные институты имеют структурные ограничения;

— с одной стороны, в сложных общественных системах всегда существует высокий риск фрагментации, с другой стороны, именно в таких системах потребность во всеобщих целях возрастает;

— с одной стороны, существует острая потребность в участии в решении всеобщих проблем, с другой, символическая необходимость самовыражения, выявления собственной особости.

В итоге можно сформулировать следующий вывод. Если мы описываем современные условия и возможности модернизации, то мы также должны принимать во внимание вопрос о социальном партнерстве между управленческими структурами и обществом как «жизненным миром», о «политике идентичности» и о формах ее реализации в различных системах коллективного действия.

Благородова Е.А.
(Ростовская область)

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА КАК ВОЗМОЖНОСТЬ УКРЕПЛЕНИЯ ЕДИНСТВА РОССИИ

Реалии современного мира, такие как глобальный терроризм (США – 9/11, взрыв в Бостоне 2013 г., в России – Норд-Ост и Беслан, в Норвегии – Осло 2011), многочисленные гражданские войны (военные действия в Израиле, гражданская война в Сирии, конфликты на религиозной и политической почве в Египте и Турции, ситуация на Украине) и многие др.: издержки финансовых глобальных кризисов, не поддающихся регулированию со стороны национальных государств; неудачные попытки построить диалог между различными социальными и культурными группами ради создания «справедливого общества» или «хорошего общества», показывают, что вопрос о кризисе национальной идентичности встает особенно остро.

В современном мире нет такого экономико-политического объединения, будь то Европейский союз, страны СНГ или даже страны БРИКС, которое бы не стало заложником многочисленных противоречий, возникающих из-за непонимания на уровне ментальности, сложнейших исторических противоречий, переплетений языков, символов, ценностей, приверженностей к культурному наследию, опыта культурной памяти, способов самовыражения, паттернов поведения, т. е. того, что мы называем культурой.

Утверждение, что именно культура лежит в основе процесса построения идентичности, исторического развития и социального взаимодействия, стало аксиомой для большинства общественных теоретиков и политиков нашего времени.

В современном мире именно культура становится «первой» экономикой, создающей богатство страны. Сферу экономики обычно связывают с будущим, а сферу культуры – с прошлым (традициями, опытом, нормами, ритуалами, исторической памятью). Однако в XX веке эта мировоззренческая установка уже не действует. Именно культура сегодня определяет цели на будущее, именно в культуре определяются коллективные горизонты планирования, именно культура становится базисом для коллективных устремлений, надежд и целей. Поэтому современному обществу необходимо политическое регулирование проблемы формирования национальной идентичности как гражданской ценности, учитывающее все особенности и создающее основу для единства России на политико-культурном уровне.

Культурная политика – это планирование будущего с целью снижения рисков. Поэтому развитие того или иного государства напрямую зависит

от того, насколько государство готово вкладывать в формирование единой коллективной (национальной) идентичности. Попробуем выделить несколько основных проблемных вопросов и возможных вариантов решений.

Основные понятия. Исследование национальной идентичности имеет ряд методологических трудностей, так как до сих пор нет однозначного определения феномена нации; исследования данного концепта зачастую сводится к исследованию идеологии того или иного государства, что не раскрывает этот феномен в полной мере; индивидуальная идентичность является феноменом, достаточно подробно изученным на психологическом и социальном уровнях, в то время как коллективная идентичность, в том числе и национальная, только начинает изучаться.

Слово нация, национальный, многонациональный и т. д. имеет негативную характеристику в российской действительности. Западные теории связывают понятие «нация» с понятием «государство», «гражданство», а России же исторически сложилось иное представление.

В то же время слово «культура» звучит гораздо мягче и вызывает меньше недовольства. Возможно, введение понятия «многокультурная действительность» в какой-то степени может снизить данное противоречие.

Роль государства в формировании идентичности. Проанализировав концепции развития нации и национальной идентичности (Ж.-Ж. Руссо, Д. Юм, Г. Гегель, Й. Фихте, Э. Ренан, Н.Я. Данилевский, Н. Бердяев, В. Соловьев, Б. Андерсон, Э. Геллнер, Э. Смит, П. Сорокин и др.), а также механизмы коллективной идентификации (Э. Балибар, А. Мелуччи, В. Хесли и др.), мы пришли к выводу:

1. Ключевая роль в формировании коллективной (национальной) идентичности принадлежит государству.
2. Чувство национальной солидарности формируется в государстве посредством создания единого культурного пространства, а именно: общей культуры, языка, территории, традиций и осмысления общего прошлого.
3. Развитие того или иного государства напрямую зависит от того, насколько государство готово определять формирование коллективной (национальной) идентичности;
4. «Ареной» построения и формирования национальной идентичности на государственном уровне выступает культурная политика.

Проведение теоретических исследований. Регулярное, системное проведение теоретических исследований культурной политики представляются тем возможным вариантом, который должен снять национальное напряжение и предоставить устойчивые основания для национальной (культурной) идентификации. Для этого необходимо:

- Осознание того, что именно государство несет ответственность за формирование единого культурного пространства, необходимого для преодоления кризиса идентичности;
- Осознание государством необходимости регуляции процесса формирования национальной идентификации;
- Признание того, что любое современное государство – это государство культурного многообразия;
- Согласие с тем, что каждая культура имеет равные права;
- Выбор модели культурной политики с учетом исторических, территориальных, политических и культурных особенностей государства;
- Культурная идея, сформированная на государственном уровне, поддерживаемая социальными институтами и СМИ;
- Гражданское общество;
- Регулярное проведение научных исследований формирования и развития культурной политики;
- Политика децентрализации с учетом региональной культурной специфики;
- Трансформация национальной идентичности из государственной в общекультурную.

Правильный выбор модели культурной политики. Основная проблема в формировании культурной политики в России связана с тем, что «культура выступает системой исключительно специализированных видов деятельности, в целом – художественного творчества, поэтому проблема регулирования этих процессов становится центральной для Министерства культуры и его подведомственных структур, в то время как ценностно-смысловые основания культурной политики уходят на второй план»[1].

Мы рассмотрели основные концепции современных российских исследователей (О.Н. Астафьевой, Л.М. Дробижевой, А.А. Карякина, Н.В. Кокшарова, Э.А. Орловой, К. Э. Разлогова и др.), посвященные анализу и рассмотрению перспектив дальнейшего развития. Модель культурной политики России выбрать достаточно трудно. Одни предлагают варианты государственного патернализма, мультикультурализма и интеграционного национализма[2]. Другие считают, что для этого необходимо существование гражданского общества[3], в котором должен быть сделан акцент на национальное своеобразие и ориентиры на национальную идентификацию. Все это

---

[1] Астафьева О.Н. Культурная политика : теоретическое понятие и управленческая деятельность (Лекции 1-3) // Культурологический журнал [Электронный ресурс]. 2010. № 2. URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/20.html&;j_id=3.

[2] Языкова А.А. «Слоеный пирог» национальной политики» // «Россия в глобальной политике», № 1, январь-февраль 2008 г. URL: http://globalaffairs.ru/number/n_10266.

[3] В работах: Астафьева О.Н. Межкультурный диалог в условиях глобализации: проблемы теории и практики// Фундаментальные проблемы культурологии: в 4 т. Т. 4: Культурная политика / отв. ред. Д.Л. Спивак. СПб.: Алетейя, 2008. С. 354-378; Драгичевич-Шешич М. Перспективы культурного развития: новые модели общей культурной политики // Обсерватория культуры. 2006. № 2. // URL: http://www.ifapcom.ru/files/Monitoring/dragisevic_cult_development.pdf.

должно помочь четкому определению ценностно-смысловых ориентиров, основанных на идее взаимопонимания и толерантности[1]. Это может стать возможным благодаря политике государства, в которой будет обеспечен союз государства и частного сектора[2], а мультикультурализм будет пониматься как одна из стратегий межкультурного диалога[3]. Помимо этого, государство должно развивать индустрии культуры[4], так как одних государственных мер мало для успеха, необходимо добровольное формирование национального самосознания.

Развитие законодательной базы. Рассмотрим основные законодательные акты Российской Федерации, регулирующие культурную политику в отношении проблем национальной идентичности. Общие контуры национальной политики очертил Федеративный договор, подписанный в марте 1992 г.[5], целью которого является «достижение и укрепление межнационального согласия, доверия и взаимопонимания»[6].

Основным документом Российской Федерации является Конституция, принятая 12.12.1993 года. Согласно Конституции Россия – многонациональное государство. Исходя из этого, основные проблемы российской политики были заключены в регулировании национальных отношений между многочисленными народами. В связи с этим в 1996-м был принят Федеральный закон РФ «О национально-культурной автономии» (№ 74-ФЗ от 17.06.96 г.), не менее важным документом является «Концепция государственной национальной политики Российской Федерации», утвержденная Указом Президента России № 909 от 15 июня 1996 года. Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (№ 82-ФЗ от 30.04.99), «Основные направления государственной политики по развитию сферы культуры в РФ до 2015 г.», принятые в 2006 г. Концепция федеральной целевой программы «Культура России» (2012-2018 гг.), утвержденная в 2012 г.

Основным законом, регулирующим управление культурой, является Основы законодательства Российской Федерации о культуре (Закон о культуре), принятый 09.10.1992 года. В этом Законе даются основные определения, но отсутствует определение культуры как таковой. В 2011 году был разработан Проект № 617570-5 Федерального закона о культуре в РФ. Можно отметить, что в данном проекте появляется определение понятия «культура», более того, введено понятие «культурное

---

[1] Астафьева О.Н, Культура и гражданское общество: в поисках национально-культурной идентичности // Теория и практика культуры. Альманах. Выпуск 5 / Под общ.ред. В.К. Егорова. М.: Изд-во РАГС, 2007. С.64-90.

[2] Драгичевич-Шешич М. Культура: менеджмент, анимация, маркетинг. Пер. с сербск. Л. Даниленко. Новосибирск: Тигра, 2000.

[3] Астафьева О.Н. Межкультурный диалог в условиях глобализации: проблемы теории и практики // Фундаментальные проблемы культурологии: в 4 т. Т. 4: Культурная политика / отв. ред. Д.Л. Спивак. СПб.: Алетейя, 2008. С. 354-378.

[4] Разлогов К.Э., Орлова Э.А., Кузьмин Е. Российская культурная политика в контексте глобализации // Отечественные записки. 2005 г. № 4 (25). URL: http://www.strana-oz.ru/2005/4/rossiyskaya-kulturnaya-politika-v-kontekste-globalizacii.

[5] Федеративный договор от 30 марта 1992 года URL: http://base.garant.ru/170280/.

[6] Там же.

разнообразие»[1]. Следует отметить, что в данном законодательном акте более детально расписаны полномочия федеральных и региональных властей, вопросы финансирования сферы культуры, уделяется внимание взаимодействию государства и общества, необходимое для успешной реализации культурной политики. В отдельную главу выведены права и свободы этнических, социально-демографических и иных культурных сообществ. Однако основания для всеобщего единства в многокультурной российской действительности не выявлены, да и проект пока не принят. В 2014 году, в рамках года культуры на общественное обсуждение вынесен Проект «Основ государственной культурной политики», что, несомненно, является большим плюсом.

Однако, как мы видим из анализа документов, в них ставится задача создания единого культурного пространства, необходимого для формирования устойчивой национальной идентичности. Однако нет описания того, что необходимо делать для этого и как именно должно достигаться это единство. Общие фразы о сохранении и развитии культуры народов России без обозначения того, что именно в этом разнообразии может быть сформировано общекультурное единство.

Сохранение экологии культуры. Несомненно, одним из важных моментов, укрепляющих и формирующих национальную идентичность, является культурное наследие и русский язык. Однако проведение мультимедийного проекта-конкурса «Россия 10» в 2013 году показало, что культурное наследие в общественном сознании не рассматривается как единое наследие России. Существует строгое разделение культурных достояний между республиками, входящими в состав РФ. При этом, выступление на конкурсе Евровидение 2012 г. «бурановских бабушек» воспринималось всей страной как общее достояние России. Подобные примеры показывают, что ситуация по укреплению и формированию национальной идентичности как гражданской ценности может измениться только при опоре на СМИ и индустрии культуры, которые должны создавать и транслировать позитивные примеры, подчеркивать единство России через многообразие культурных богатств. При этом русский язык должен воспринимать как единая культурная платформа, как общее достояние государства.

Правильный адресат. Формирование национальной идентичности невозможно по Указу. На этот процесс влияет множество факторов. Но главная его особенность в том, что процесс идентификации должен быть добровольным, а сама идентичность единой в сознании многих. Чувство национальной идентичности – это чувство любви к своему государству, его истории и культуре. Большое значение при его формировании имеет историческая память. Основная трудность – культурные травмы, которых немало в истории любого государства. Не зря работа Э.Эриксона называется «Детство, юность, кризис». Это говорит о том, что акцент

[1] Федеральный закон о культуре РФ Проект № 617570-5 // http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=91295.

при проведении культурной политики должен быть смещен в сторону детей и молодежи. Только так можно избежать кризиса идентичности. Молодежная политика сегодня является достаточно развитой сферой, в то время как культуре детства уделяется не так много внимания. В сознании детей отсутствует представление о культурном герое. Если в советское время каждый ребенок мечтал быть похожим на дядю Степу, то современные дети выбирают супермэна, ЭнгриБердс или Монстров Хай и т. д. Современные мультфильмы не воспитывают толерантность и не поддерживают патриотическую линию (взять «Смешариков», «Лунтика», «Барбоскиных» и др. российские мультфильмы для малышей). Возможным вариантом может быть внедрение курсов, мастер-классов, интерактивов по культурному наследию, истории, многокультурности своего государства, начиная с детского сада и поддерживая затем эту линию в школе, университете. Немаловажную роль в этом играет развитие музейной педагогики. При этом Культурология как учебная дисциплина была убрана из официального блока дисциплин в стандартах 3 поколения. Хотя вполне логично было бы заменить данный курс на курс Культура России или Культурное наследие России для всех специальностей в обязательном порядке.

Выводы и предложения.

Нам представляется, что для культурной политики как возможности укрепления единства России и формирования национальной идентичности как гражданской ценности необходимо выполнение следующих условий:

1. Единство в понимании базовых понятий с акцентом на культуру и единство культур.

Мы предлагаем следующие определения:

Культурная идентичность – это результат процесса формирования осознания единства на основе общих обычаев, традиций, языка, ценностей, мировоззрения. Основанием культурной идентичности могут выступать национальный, этнический, региональный или иной признак. Культурная и национальная идентичности не обязательно взаимоисключающие понятия, они могут совпадать. Например, люди могут считать себя русскими, при этом разделяя культуру бурят, чеченцев, казахов и т. д. А могут также идентифицировать себя более чем с одной культурой. Важно, чтобы чувство национальной идентичности, чувство принадлежности к собственной нации формировалось в значении культурного, социального и этнического разнообразия. Т. е. признание того, что Россия, например, многокультурное общество, при этом признавая важность и значимость каждой культуры.

Культурная политика понимается как комплекс государственных мер, обеспечивающих функционирование системы институтов, позволяющих сформировать единство культурных оснований в многокультурной действительности.

Национальная идентичность – это результат процесса формирования осознания единства с национальными ценностями, символами,

осознания приверженности к культурному и к языковому наследию, к определенным, выработанным поколениями моделям поведения, охраняемыми, поддерживаемыми, транслируемыми социокультурными институтами. Она укоренена в коллективном осознании идеи общего прошлого и желании формирования общего будущего.

Многокультурная действительность – объективная реальность в странах современного мира, которая характеризуется изменением и становлением под сомнение понятий национального суверенитета, коллективной идентичности, социальной справедливости и т. д. Ситуация, в которой современные государства должны выбирать, какую модель культурной политики им проводить. Одни выбирают мультикультурную модель (например, Канада), выходя за рамки защиты основных гражданских и политических прав, гарантируя их всем, находящимся в данном государстве. Другие же (в том числе и Россия) до сих пор решают проблемы разнообразия и выбирают стратегии культурной политики. Мы используем термин действительность, а не реальность, потому что реальность связана с понятием возможности, а в философской терминологии действительность противостоит кажущемуся, мнимому и просто возможному.

2. Достигнуто осознание единства со своим государством:
- гражданское общество;
- акцент на национальное (культурное) своеобразие;
- ориентация на национальную (общекультурную гражданскую) идентичность.

3 Сформированы четкие ценностно-смысловые ориентиры, основанные на единстве культуры прошлого, настоящего и будущего:
- акцент на культуру детства и молодежную среду;
- просвещение масс через развитие современной индустрии культуры;
- забота о признании значения российской культуры и русского языка в международном сообществе;
- взаимодействие государства и частного сектора.

4. Признание национальной идентичности России другими культурами:
- поддержка концепта толерантности со стороны государства;
- децентрализация в управлении

Вывод, к которому мы пришли: системное и теоретически обоснованное проведение культурной политики в России может стать возможностью укрепления единства России и формированию национальной идентичности как гражданской ценности, может снизить социальные, политические, экономические риски.

Основу модели российской культурной политики могут составить: государственная, правовая защита культуры; сохранение национальной идентичности в значении общекультурной; поддержка культурных институтов со стороны государства; формирование ценностно-смысловых ориентиров развития, связывающих прошлое, настоящее и будущее; развитие современных культурных индустрий; забота

о признании значения российской культуры и русского языка в международном сообществе; поддержка концепта толерантности со стороны государства. Важным фактором реализации культурной политики в России является определение основ и приоритетов региональной и муниципальной культурной политики как части единой государственной политики, а именно: создание и реализация региональных целевых программ социокультурного развития, участие в координации внешней политики в области культурного сотрудничества, а также проведение региональных фестивалей, конкурсов, грантов, раскрывающих единство российской культуры в многокультурной действительности.

Агапова Е.А.
(Ростовская область)

ЦЕНЗУРА НАЧАЛА XXI В. В КОНТЕКСТЕ МИРОВОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА

Реалии современного мира формируют новые вызовы, на которые предстоит дать адекватные ответы. Характерной чертой XXI в. можно назвать становление нового планетарного мировоззрения, которое охватывает большие массы людей, и этот процесс сопровождается некоторым обособлением мирового информационного пространства. При этом содержательное наполнение понятия «мировое информационное пространство» у разных авторов имеет отличия. Так, западноевропейские авторы определяют мировое информационное пространство как киберпространство (Cyberspace) или информационная супермагистраль (Information superhighway), в то время как созданная американская национальная информационная инфраструктура в результате трансформации вышла на интернациональный уровень, получив название «глобальной информационной инфраструктуры»[1]. Участие в формировании мирового информационного пространства приняли и Европейский союз[2], и государства постсоветского пространства[3]. Однако, исходя из концепции мирового информационного

[1] The global information infrastructure: agenda for cooperation // http://iitf.doc.gov/ documents/ docs/gii/giiagend.html [Электронный ресурс] Дата просмотра 12.09.2012.

[2] Борисов К.Г. Правовые формы партнерства Европейского Союза в сфере коммуникаций и информационных услуг // Мос. журнал международного права. 1998. № 2. С. 84-110.

[3] Окинавская Хартия глобального информационного общества от 22.7.00 //

развития и специфики данного исследования, более корректно в нашем исследовании применять термин «инфоноосфера», обоснованный в 1996 г. Г.В. Жирковым, и несколько ограничивающий сущность понятия, подчеркивая при этом, что данное пространство создано человеком, его вмешательством в природу. Таким образом, мировое пространство безгранично, а инфоноосфера имеет границы.

Становление инфоноосферы привело к сложным последствиям, аудитория имеет почти неограниченный доступ к любой информации, используя которую создает удобный для себя параллельный мир, приковывая человека к мультимедиа, выбрасывая его из реальной жизни, что серьезно упрощает действие манипулятивных технологий, заменяющих во многом цензуру, действуя при этом более жестко. Человечество всегда стремилось к свободе слова и освобождению от цензуры, однако в истории еще не было практики существования общества без цензуры. Кроме того, сама история формирования и развития цензуры убедительно показывает, что она необходимый и обязательный атрибут любого типа власти, где институт цензуры выступает как составляющая часть государственного аппарата, а ее тип и характер зависят от типа государства.

Существует мнение, что в современных демократических государствах, в том числе и в России, цензура отсутствует. На наш взгляд, подобное мнение ошибочно, и оно базируется на суженном представлении о цензуре, как об ограниченном функциями определенном учреждении, которое в той или иной стране может и не существовать. Цензура, перейдя на качественно новый уровень, приобрела тотальный характер в силу ее интеграции в контекст мирового информационного пространства. Однако, исходя из реалий XXI в., для того, чтобы осуществлять цензурный контроль, не обязательно существование цензурного учреждения. То есть, эволюция цензуры в XX-XXI вв. привела к более совершенным, не всегда заметным формам карательной последующей цензуры, завуалированным в статьи законов, решения суда, которые являются формами государственного контроля.

Собственно сущность цензуры в современном мире проявляется в объеме и качестве циркулирующей в обществе информации, доступной массам. Как правило, не вся информация предается гласности, так как, по сути, именно информация представляет собой один из важнейших инструментов управления обществом. Власть же по-разному решает проблему доступа к информации. Так, наиболее распространенной формой в современных условиях для маскировки цензуры является формулировка «регулирование информационных потоков».

В любом обществе часть информации составляет тайну, что уже является объективным основанием цензуры и гарантом ее существования в будущем. Пока существует государство, заинтересованное в сохранении определенных тайн, т. е. ограничении информации, будет существовать

Дипломатический вестник. № 8, 2000.

цензура в той или иной форме. Подтверждением существования цензуры служат противоречия и конфликты самой социальной среды, столкновение разных интересов и потребностей, которые приводят к критике мировоззрений, взглядов. Все это также ставит проблему ограничения свободы слова, для того чтобы обществом можно было управлять.

Итак, в новых условиях появляется новый регулятор информации – рыночный, коммерческий, экономический контроль за информацией, во многом заменяющий обычную цензуру. За всю историю существования общества накоплен огромный и сложный исторический материал в области регулирования и ограничения свободы слова, свободы информации. Современный цензурный режим, создающийся в новых условиях, отличается неопределенностью. Несомненно, что одним из основных участников создания цензурного режима в обществе стал капитал, сращенный с властью, где использование манипулятивных технологий усиливает регуляцию потоков информации, доступной обществу. Цензура в современном мире, и особенно в России, усложнена, она многообъектна, принимает различные формы. Таким образом, человек находится в мире бесконечных цензур различной степени интенсивности. Самым серьезным механизмом цензуры в современном мире являются стереотипы, создаваемые при помощи манипулятивных технологий в СМИ. Эта невидимая, ежедневная цензура наиболее эффективна, формируя реальность такой, какой ее хочет видеть власть. Сущностью манипулирования при этом является система способов идеологического и социально-психологического воздействия с целью изменения мышления и поведения людей, вопреки их интересам. Однако, если в общепринятом мнении цензура связана с насилием и запретом, т. е. с отсутствием свободного выбора для управляемого, то манипулирование – это трансформация модели мира в соответствии с целями и задачами управляющего (власти) с сохранением у манипулируемых иллюзии свободного выбора. Ссылаясь на принцип Вильфредо Парето, согласно которому при многообразии приемов, форм и методов управления, каждый можно свести к двум основным типам – насилию или манипулированию, можно сделать вывод, что власть всех времен опиралась в своей практике управления массами или на насилие, или на манипулирование, или на синтез того и другого. При этом манипулирование осуществляется в трех сферах, которые являются основными: идеологической, экономической, социальной, в последнюю включены воспитание и образование. Применение средств манипуляции направлено на формирование выгодного манипуляторам поведения, как у отдельного индивида, так и у масс, с сохранением иллюзии свободного выбора.

Эпоха информационного общества, которая характеризуется новыми технологиями, приводит к появлению новых смыслозначимых образов власти. Через трансляцию иных ценностей, норм, методов достижения цели цензура как идеальная матрица начинает замещаться новыми

техниками, специально созданными в информационный век для работы со смыслами и образами. При этом власть и влияние начинают принадлежать способным создавать новые культурные коды, используемые для конструирования новой, зачастую виртуальной реальности, и, как следствие, рационально осмысленные процессы уступают место виртуальным, заранее сконструированным и «навязанным» массам. И в этой связи СМИ, включая Интернет, выступают как главные инструменты манипуляционного воздействия. Более того, мы можем говорить о новом типе власти, сформировавшемся в постиндустриальном обществе, – медиакратии, власти СМИ и через СМИ, слияние медийной власти, политической и экономической.

В постиндустриальном обществе власть информации и знаний, возможность манипуляции ими, становится решающей в управлении обществом, оттесняя государственное принуждение, в том числе и цензуру, как институт власти. Непосредственными распространителями знаний и значимой информации являются СМИ, которые оказывают серьезное влияние на массы. Так, П. Бурдье считает, что СМИ являются главным инструментом «оболванивания» масс[1]. Благодаря СМИ появляется возможность создавать и навязывать свои представления и идеалы, оценочные наименования, классификации. Другими словами, СМИ обладают специфической символической властью, которая навязывает реципиентам определенную картину мира, растворяя индивидуальность в себе. Очевидно, что для навязывания своей воли современному обществу власть должна использовать более тонкий инструментарий, нежели простое принуждение или прямые цензурные запреты. Таким образом, СМИ-технологии создают, по мнению К. Касториадиса, «в сознании зрителя виртуальное время спектакля, которое, во-первых, разорвано и может вовсе не коррелировать с реальным временем и, во-вторых, часто характеризуется «ампутацией смысла»[2]. Продолжая и поддерживая данную тему, многие западные ученые полагают, что информационная эпоха характеризуется постмодернистской подачей информации с отрицанием бытийности, утверждая право виртуальности. При этом, по терминологии Ги Дебора, предоставляемые события являются симулякрами, не соотносящимися ни с какой реальностью.

Исходя из того, что постмодернистская тенденция в СМИ отрицает необходимость следования реальности, роль СМИ при влиянии на реальность через управление символами и образами увеличивается, результатом является уход индивида с социально-активной позиции в обществе. Более того, СМИ превращаются в некие информационные фильтры, которые в результате отбора и переформулирования сообщений создают искаженные, сконструированные образы реальности.

---

[1] Бурдье П. О телевидении и журналистике. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Институт экспериментальной социологии, 2002.

[2] Касториадис К. Россия: стратегия достоинства. Имидж и реальность страны, информационные и технологии и кризисные ситуации. М., 2001. С. 224.

Следует отметить, что информация, передаваемая массам, проходит минимум три информационных фильтра (цензура, по сути, тот же фильтр). Первый информационный фильтр – это первичный отбор и перевод в смыслозначимые образы событий, явлений, процессов, которые происходят в реальности. На этом этапе субъектами фильтрации выступают корреспонденты, информационные агентства и другие поставщики информации. Информация отбирается в соответствии с интересами владельцев СМИ. В результате возникает слабо структурированное первичное пространство. Второй фильтр осуществляет систематизацию первичного пространства и разделяет его тематические потоки, распределяет, исходя из приоритетов владельцев агентств; возникает вторичное пространство, охватывающее создаваемый образ проблем и событий. Третий фильтр осуществляет дополнительную фильтрацию и трансформацию вторичного пространства, субъектами выступают главные редакторы газет, телеканалов, интернет-ресурсов. Принцип отбора сообщений при этом соответствует интересам и целям владельцев СМИ, в результате этого на выходе фильтра формируется информация, которая подается потребителям-массам, формируя общественное мнение и «нужную» картину мира.

Подобный механизм в виде информационных фильтров влияет на когнитивный уровень сознания индивидов, которые довольно точно начинают повторять расстановку акцентов, произведенных СМИ. Таким образом, в современном информационном обществе диктат, присущий авторитарным формам правления, институты контроля, в том числе и институт цензуры, можно заменить диктатурой медиакратии.

Итак, можно заключить, что целью манипулятивных технологий является формирование толпы, элиминация из общественного сознания рефлексивных компонентов, что упрощает процессы влияния и управления массами, при отсутствии явных репрессивных механизмов, которые использовались властью до наступления информационной эпохи. Главной характеристикой манипулятивного информирования можно считать то, что, предлагая слушателям или читателям вынести свое собственное суждение, СМИ создают иллюзию независимости и объективности, выбора различных точек зрения и опоры на мнение масс. Однако в силу того, что массовая аудитория территориально разобщена, и выражение своего протеста в отношении текущей информации публично невозможно, это становится действующим инструментом манипулятивного воздействия, человек, таким образом, превращается в пассивного потребителя отфильтрованной информации.

На основании изложенного, мы можем определить несколько кардинальных сдвигов в истории цензуры: первый произошел в период становления человеческого общества, установления первых табу и запретов, зачастую инстинктивно или путем опыта; второй – образование и становление государства; третий, достаточно продолжительный, – с момента изобретения в Майнце книгопечатного станка; четвертый – XIX-XX вв., связан с формированием и становлением демократических

обществ и повышающимся влиянием СМИ; и, собственно, пятый сдвиг – начало XXI в., мимикрия цензуры, появление качественно новых форм контроля над информацией, отбор и трансляция последней.

В зависимости от развития общества, государства и задач, стоящих перед ними, цензура принимает различные формы, что не меняет, однако, ее сути. В сущности, цензура – это своеобразное табуирование действий или идей, сводящееся в основном к удержанию власти в обществе и государстве определенной категорией элиты. Но методы цензуры приобретают новые формы в зависимости от уровня развития общества, состояния и объема информации и степени ее распространения.

Россия на современном этапе отказалась от четкой официальной цензуры и пытается осуществлять, основываясь на опыте западных стран, идеологическую функцию при помощи манипуляции массовым сознанием, т. е. идеологическое манипулирование, меняя массовое сознание «изнутри», посредством внедрения норм и ценностей массовой культуры. При этом прямой запрет на иное восприятие не озвучивается, однако в позитивном праве заданы пределы допустимого свободомыслия, которое в случае нарушения данных границ попадает в зону административного или уголовного права.

Таким образом, силовое воздействие практически перестает быть необходимым, поскольку массы, обработанные манипуляционными технологиями, теряют свойственную им социальную активность и, следовательно, свои позиции. Свобода из реальной превращается в декларационно-формальную. Безусловно, цензура – несомненное порождение общества, которому нужны сдерживающие начала. И именно посредством скрытой или явной цензуры устанавливаются социальные рамки для живущих в данном обществе людей. Как социальный институт, цензура не находится в стагнации, как и все творимое человеком, она имеет достаточно гибкую структуру, способную при малейшем изменении в самом обществе подстроиться под новые требования и реалии. В современном мире, где информационные технологии многократно расширили возможности передачи и получения информации, цензура как государственный институт не в состоянии справиться с огромным потоком информации. Но в силу особенности сохранения и развития любого общества, сдерживающие начала необходимы для предотвращения распада и деградации. Однако современные виды цензуры, в том числе и манипулятивные технологии, которые частично выполняют функции цензуры, направлены как раз на деградацию, т. е. способствуют понижению активности, уровня талантливости и ума, нравственности, здоровья и собственно самой живучести. Исходя из этого, те формы скрытой цензуры, которые поощряются и практикуются в современном западном мире и в России в частности, ведут к деформации сознания, выхолащиванию интеллектуальной составляющей общества, что в итоге, действительно, может привести к уничтожению ядра культуры, вследствие полной деградации общества и превращению в потребителей-марионеток, лишенных каких бы то ни было аналитических способностей.

Садохин А.П.
(Москва)

МЕХАНИЗМ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В СФЕРЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

В современных условиях интенсивного диалога культур и заимствования культурных ценностей возникает необходимость в квалифицированной оценке различных инокультурных явлений и возможности их использования в практике культурной жизни того или иного общества, в целом повышение внимание общества к разным сторонам социальных отношений, что находит отражение в развитии законодательной и нормативно-правовой основы для такого вида деятельности[1].

Сегодня в цивилизованных странах широкое использование различных культурных достижений и процессов до их внедрения в практику культурной жизни невозможно без экспертной поддержки. Такая форма экспертных исследований в современной культурологии определяется разными терминами – «социокультурная экспертиза», «культурологическая экспертиза», в зависимости от объекта исследования и широты охвата предметной области изучения[2].

Традиционно под экспертизой понимается исследование какого-либо предмета или явления, требующего специальных знаний, с представлением научно обоснованного заключения[3]. Культурологическая экспертиза как особый вид в полной мере подпадает под данное определение. Однако, как показывает наш опыт, культурологическая экспертиза разнообразных культурных ценностей представляет собой сложное образование, имеющее собственную структуру, особые способы и механизмы осуществления. Ее эффективность определяется методологическим уровнем проведения конкретного экспертного исследования экспертизы и уровнем профессиональной подготовки субъекта, осуществляющего экспертизу.

При этом главная особенность культурологической экспертизы заключается в том, что она по своей сути представляет собой исследование какой-либо проблемы, чаще всего не поддающейся

---

[1] См.: Скурко Е.В. К проблеме становления институтов общественной экспертизы в законотворчестве в Российской Федерации // Российская юстиция, 2010. № 2.

[2] См.: Астафьева О.Н. Экспертно-аналитическая деятельность как системно-структурированное знание и сфера деятельности культуролога. Часть 1. Вопросы культурологии. 2010. № 5. С.96-100; Астафьева О.Н. Экспертно-аналитическая деятельность как системно-структурированное знание и сфера деятельности культуролога. Часть 2. Вопросы культурологии. 2010. № 7. С. 89-92; и т. д.

[3] См.: Митрошенков О.А. Экспертиза и политика в России: коллизии роста и отношений. Личность. Культура. Общество. 2005. Вып. 1(25). С. 160-182.

количественному анализу. Поэтому она реализуется путем составления аргументированного заключения, отражающего мнение специалиста, имеющего своей целью углубить и систематизировать информацию по исследуемому вопросу, опираясь на свои знания, интуицию, опыт решения сходных задач и «здравый смысл».

Перечень объектов культурологической экспертизы не может быть четко определен, поскольку культурная реальность любого общества многообразна и несводима к какому-то количеству показателей. Поэтому в самом общем виде объектами культурологической экспертизы могут выступать отдельные люди, социокультурные группы и общности, социальные институты и учреждения, культурные процессы и организации, культурные ценности, культурологические идеи, теории и концепции и т. д.

Культурологическая экспертиза проводится, прежде всего, в том случае, когда нужно оценить историко-культурную ценность каких-то артефактов, установить позитивные или негативные последствия определенных культурных процессов в общественной жизни, дать аргументированное заключение по вопросам плагиата или незаконного использования торговых марок одних производителей другими, оценить предметы или действия на соответствия законным интересам граждан, разработать рекомендации по решению возникшей проблемы, социально-культурного характера. Для реализации этих целей обязательно необходимо экспертное исследование должно пройти следующие этапы:

1. Этап инициирования проведения общественной экспертизы, на котором осуществляется обоснование необходимости проведения культурологической экспертизы и принятие соответствующего решения;

2. Этап подготовки к проведению культурологической экспертизы, на котором формулируются цели и задачи экспертизы, определяются источники и порядок финансирования экспертного исследования, формируются состав экспертной группы, разрабатывается и утверждается экспертное задание и список ключевых вопросов для экспертов, заключается договор на проведение экспертных работ.

3. Этап проведения общественной экспертизы, которые включается проведение следующих действий:

- разработка плана проведения культурологической экспертизы;
- разработка необходимой научно-методологической базы и инструментария исследования;
- сбор и анализ имеющейся информации по исследуемому вопросы;
- получение и обработка информации, полученной посредством различных экспертных процедур;
- подготовка необходимых аналитических материалов в соответствии с экспертным заданием;
- формулировка выводов и рекомендаций по результатам исследования;

- написание экспертного заключения с предварительным обсуждением и выработкой согласованных позиций между всеми участниками исследования.

4. Этап обсуждения результатов экспертизы с заказчиком, на котором заказчику направляется экспертное заключение по итогам проведения экспертизы, организуется встреча для обсуждения итогов культурологической экспертизы, а также обсуждаются замечания и согласовываются предложения, вызывающих у сторон разногласия.

Изложенная выше последовательность действий при организации и проведении культурологической экспертизы носит рекомендательный характер. На практике механизм проведения он может быть и несколько иным, в зависимости от объекта экспертизы и поставленных перед субъектом экспертизы вопросов.

Замараева Е.И.
(Москва)

РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ В АСПЕКТЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ КОНЦЕПЦИИ[1]

Государственная культурная политика, как известно, связана с планированием, реализацией и обеспечением культурной жизни общества. Сущность её обоснована самой природой культуры, а именно многозначностью, многоуровневостью смыслов и многофакторностью ее содержания, что нельзя не учитывать, выстраивая культурную политику на государственном уровне. «Вот почему политика мультикультурализма, которая не учитывает цивилизационный разрыв в развитии различных культур, терпит серьезное поражение не только в Европе, но и в других странах и регионах»[2]. Советский Союз, а вслед за ним и Россия, никогда не выстраивали свою политику по принципам мультикультурализма, так как изначально мы были многонациональной и многоконфессиональной страной, и народы, входящие в ее состав, строили государство и

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 15-23-21002/15 «Международные аспекты культурной политики России в постсоветский период».

[2] Чумаков А.Н., Иоселиани А.Д. Философские проблемы глобализации. М.: Университетская книга, 2015. С.83.

определяли его культуру как равноправные и равноценные, и это было задекларировано в основополагающих документах государства. И хотя культурная политика СССР характеризовалась излишней идеологизированностью и административно-командными методами, однако в ней были понятные большинству граждан ориентиры: всеобщая грамотность, общедоступность и бесплатность образования, политика просвещения и ориентации на классическое искусство, государственная поддержка искусства и всей системы культурных учреждений.

Культурная политика России в постсоветский период характеризуется пересмотром основных идеологических и ценностных ориентиров и поиском новых концепций развития. И если в 90-е наблюдался полный хаос и слом основных принципов советской культурной политики, то последнее десятилетие, несмотря на финансовые и правовые сложности в культурной сфере, вселяет надежду на то, что в нашей стране начинают формироваться новые социокультурные парадигмы и новые концепции культурной политики, что неизбежно обращает нас к философскому наследию мыслителей начала XX века, и, прежде всего, к учению евразийства – одного из наиболее значимых течений русской общественной и политико-философской мысли этого периода. В современном философском пространстве наблюдается очередной всплеск интереса к этому масштабному проекту, в рамках которого были подняты проблемы, особенно актуальные в современной России. О плодотворности возрождения евразийских идей свидетельствует не только то, что они успешно используются оппозицией, но и то, что они нашли применение в правительственных структурах.

Стоит напомнить, что евразийство – это философское и общественно-политическое движение первой волны русской эмиграции. Евразийство утверждает Россию как особый мир, самобытный, самодостаточный с точки зрения и географии, и экономики, и культуры, и исторического и языкового развития, который был ёмко назван Евразией. Этот мир отличен и от Запада, и от Востока, но в то же время несет в себе элементы их обоих.

Одной из ключевых в евразийской концепции является геософская категория «месторазвитие», означающая неразрывное единство географического и исторического континуума, в рамках которого конкретный этнос вырастает из природной и климатической среды, определяя эту среду в дальнейшем своей социокультурной жизнедеятельностью. Согласно евразийской концепции, история и культура каждого народа неразрывно связаны с пространственными условиями проживания. Многообразие ландшафтов порождает многообразие культур, каждая из которых имеет свои внутренние циклы, модели развития и свои критерии оценки.

Рассматривая срединное положение России-Евразии, евразийское учение утверждает, что Россия – это континент в континенте, так как занимает положение между Европой и Азией и находится на путях пересечения двух цивилизационных течений, идущих с Запада и с

Востока. Исторические границы Российской империи, а впоследствии и Советского Союза почти полностью совпадали с границами Евразии, что говорит о естественности и устойчивости данного территориально-государственного образования. Пространственная целостность Евразии обеспечивается её географической спецификой, это подталкивает её к тому, что она должна быть единым государством, экономически самодостаточным и отличным от других в своём историческом и культурном развитии.

Срединное положение России-Евразии определяет другое важное положение евразийской концепции: единство Евразии предполагает и этническую близость народов, её населяющих. И близость эта не генетическая, не «по крови», а по «почве», по общности территории и исторической судьбы. Анализ языков народов Евразии, их духовной культуры и этнопсихологического уклада, проведённый в рамках евразийской концепции, подтверждает это родство[1].

Народы, населяющие огромные пространства России-Евразии, многонациональны, и важно поддержать стремление каждой нации к своей идентичности. В то же время необходимо осознание себя всеми нациями в виде единого народа, связанного исторической судьбой и общей миссией. Национальный идеал евразийства исходит из концепции симфонического «единства во множестве». Его определяющим понятием является «общеевразийский национализм», согласно которому каждый народ имеет право на национальное самоопределение, более того, должен ощущать национальную самобытность. Однако народы, населяющие Россию-Евразию, связаны общими задачами. Они представляют собой единую евразийскую нацию, и осознание этого является одним из важнейших факторов, объединяющих евразийское государство. «Общеевразийский национализм» трактуется евразийцами как общий наднациональный интерес народов России-Евразии, способствовавший созданию российского государства, определявший и направлявший в течение веков его внешнюю и внутреннюю политику, идеологию, культуру. В Евразии братство народов должно осуществляться не по одному какому-либо признаку (язык, религия), а по общности исторических судеб. Евразийский национализм – это стремление уйти от сугубо этнической основы национализма и утвердить единственно неэгоистическим видом привязанности к своему этносу любовь к его культуре. А поскольку культура народов России-Евразии – это синтез культур всех народов, её населяющих, то и национализм является общим.

Важнейшей частью евразийского учения является концепция государства и государственного управления, которая тесно связана с проблемами культуры, так как исходит из положении о России-Евразии как уникальном этнокультурном мире со своей собственной историей и особым путем развития. Евразийская социокультурная концепция

[1] Зжу Чуньмин. Славянофильство и евразийство: два возможных проекта переустройства кольца русской цивилизации // Век глобализации, 2014. № 2. С. 175-183.

соотносит идею общественного прогресса с усовершенствованием государства, поэтому принципиальным моментом в ней является признание за государством положительной миссии и направленность всего устройства государственного механизма на осуществление этой миссии. Более того, согласно евразийской концепции, любое государство уже имеет в себе начала нравственности: законодательство практически любого государства содержит установленные нормы, несущие в себе определенные религиозно-нравственные начала. Культурная компонента в государственном устройстве, согласно евразийской концепции, превалирует над национальной и расовой, а само государство является вторичной формой бытия культуры: «государство есть сама культура в ее единстве и в качестве единства многообразия, т. е. принципиально государство объемлет все сферы жизни»[1]. Более того, в силу необходимости осуществлять признанную за государством положительную миссию, во всех сферах культурной жизни оно должно играть активную роль.

Идеологи евразийства выступали против слепого подражания Западу и западным ценностям и последовательно развенчивали агрессивные романо-германские претензии на универсальную значимость европейской культуры. Запад в понимании евразийцев предстаёт носителем технократической цивилизации, вещным, материальным миром в его несовершенстве и конечности бытия. Резким и полемически заострённым в их учении было то, что Европа предстаёт как поработитель народов, как некий угнетатель культур, подавляющий самобытное развитие других цивилизаций. Культура, как известно, может существовать лишь во множественном числе, а различность, непохожесть становится главным условием развития всего человечества. Когда же это многообразие пытаются распределить по ступеням некой эволюционной лестницы, на верхушке которой располагается самая развитая и совершенная культура (например, романо-германская), а в основании самая отсталая и дикая – это, с точки зрения евразийцев, совершенно искусственное и надуманное деление. Оно не может быть объективным, так как предлагается теми, кто находится на вершине, и в качестве критерия развитости закладывается степень близости другой культуры к эталонной. Любая оценка «чужой» культуры в таком случае будет заведомо субъективной и ангажированной чувством собственного национального эгоизма.

Культурный интернационализм, согласно евразийской концепции, не несет в себе ничего положительного, наоборот, содержит разрушительное начало, так как нивелирует уникальную национальную самобытность каждой человеческой личности. Истинный патриотизм должен вытекать из национального самопознания, должен признавать необходимость самобытной национальной культуры и при этом осознавать самобытность других национальных культур, без подражания и без навязывания своих культурных ценностей.

---

[1] Евразийство. Опыт систематического изложения // Мир России – Евразия: антология // Сост.: Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. М.: Высшая школа, 1995. С.263.

Основоположники евразийства исходили из того, что западничество органически чуждо России. Запад, в отличие от Востока, где личность неразрывно связана с обществом, тяготеет к индивидуализму во всех сферах жизни общества. Таким образом, основной целью евразийства становилось творческое преодоление Запада путем «исхода к Востоку» и построение новой синтетической евразийской культуры.

Кроме того, евразийское учение утверждает необходимость для нашей страны так называемой «восточной ориентации». «Интересы России неразрывно связаны с интересами Турции, Персии, Афганистана, Индии, быть может, Китая и других стран Азии. «Азиатская ориентация» становится единственно возможной…»[1] Эти слова Н.С. Трубецкого звучат как пророческие в начале XXI века, и «поворот к Востоку» в нашей стране, который мы наблюдаем в последние годы, подтверждает значимость евразийской доктрины.

Чем же актуальны идеи евразийства для современной культурной политики России?

Во-первых, пониманием России-Евразии как особого культурного мира со своим уникальным путем развития.

В-вторых, идеей «предсозданности» Евразии к образованию на ее территории единого и сильного государства.

В-третьих, концепцией «симфонической личности», элементы которой органично связаны и раскрывают себя только во взаимодействии, образуя некое единство. В такой трактовке народ выступает как организованное и согласованное иерархическое единство социальных групп, а культура народа – симфоническое единство более частных культур.

И, наконец, национальными особенностями государственной модели общественного устройства.

Евразийские идеи сегодня последовательно воплощаются в жизнь, так как территория, очерченная рамками бывшего СССР (а раньше рамками Российской Империи), по мысли классиков евразийской мысли, должна быть единым и сильным объединением.

Меняющаяся однополярная картина мира, стремление нашей страны отстоять свою геополитическую, экономическую и культурную независимость неизбежно ведут к тому, что государственная культурная политика будет опираться на евразийские идеалы.

С начала 2000-х годов в правящих кругах растет понимание необходимости наличия национальной идеи для возрождения страны. В 2000-е годы это направление оформляется в виде государственных программ: «Культура России (2001-2005 годы)» и «Культура России (2006-2011 годы)», благодаря которым удалось преодолеть катастрофический спад в развитии культуры и даже увеличить участие государства и общества в поддержке культуры. В настоящее время успешно работает федеральная целевая программа «Культура России (2012-2018 годы), в

[1] Трубецкой Н.С. Русская проблема // Н.С. Трубецкой. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. С.301.

концепции которой, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 22.02.2012 г., говорится о необходимости программного подхода к развитию культуры, так как культура России представляет собой сложную многоуровневую систему, и решение проблем может быть только комплексным, учитывающим множество смежных факторов.

В мае 2014 г. был опубликован и вынесен на общественное обсуждение Проект Основ государственной культурной политики, в котором нашли отражение многие евразийские идеи. Подчеркивалось, что на протяжении всей непростой российской истории именно культура аккумулировала и передавала поколениям духовный опыт нации и обеспечивала единство многонационального народа России. Сегодня, в условиях обострения глобальной идейно-информационной конкуренции и не в полной мере преодоленных последствий национальных катастроф XX века, это свойство российской культуры становится определяющим для будущего страны. Указом Президента РФ от 24.12.2014 г. «Основы государственной культурной политики» были утверждены. В документе декларируется, что содержанием современной государственной культурной политики является создание и развитие системы воспитания и просвещения в русле традиционных для России нравственных ценностей, воспитание гражданской позиции и патриотизма. И главным инструментом в этом процессе является многовековая и многонациональная культура России.

Таким образом, становится очевидным, что государство ставит перед собой задачу не только сохранения культурных и нравственных ценностей, но и выступает в роли активного организатора социокультурной жизни общества, воспитывающего творчески активную личность с гражданской позицией, вовлеченную в общественное и культурное строительство. «Принимая настоящие Основы, государство впервые возводит культуру в ранг национальных приоритетов и признает ее важнейшим фактором роста качества жизни и гармонизации общественных отношений, залогом динамичного социально-экономического развития, гарантом сохранения единого культурного пространства и территориальной целостности России»[1].

Впервые в постсоветской России признается на государственном уровне, что культура является основой не только национальной самоидентификации, но и гарантом сохранения национальной безопасности, и это отражено во многих программных документах Министерства культуры. «Государственная культурная политика призвана обеспечить приоритетное культурное и гуманитарное развитие как основу экономического процветания, государственного суверенитета и цивилизационной самобытности страны. Государственная культурная политика признается неотъемлемой частью стратегии национальной безопасности Российской Федерации»[2]. Подчеркивается, что

[1] Основы государственной культурной политики. URL: http//static.kremlin.ru/media/events/files/41d526a87768a8730eb.pdf (дата обращения 30.07.2015).

[2] Основы государственной культурной политики. URL: http//static.kremlin.ru/media/events/files/41d526a87768a8730eb.pdf (дата обращения 30.07.2015).

сохранение культурной и национальной самобытности всех народов России обеспечивает ее единство, и это поддерживается политикой на государственном уровне. Государственная культурная политика на современном этапе не только утверждает уникальность культуры нашей страны, ее многовековые традиции, но и призывает использовать этносоциальные особенности России как многонационального и многоконфессионального единства. «В силу своего географического положения, многонациональности, многоконфессиональности Россия развивалась и развивается как страна, объединяющая два мира – Восток и Запад. Исторический путь России определил ее культурное своеобразие, особенности национального менталитета, ценностные основы жизни российского общества. Накоплен уникальный исторический опыт взаимовлияния, взаимообогащения, взаимного уважения различных культур – на этом естественным образом веками строилась российская государственность»[1].

Основанием для выработки государственной культурной стратегии на современном этапе являются не только задачи модернизации страны, но и опасности гуманитарного кризиса, которые стали проявляться в снижении интеллектуального и культурного уровня населения, девальвации традиционных для России нравственных и духовных ценностей, деформации исторической памяти. Россия в последние годы выступает гарантом защиты традиционных религиозных и моральных норм, выступает против навязывания и пропаганды либеральных ценностей Запада. Наша страна не собирается в угоду политкорректности отходить от традиционных для России религиозных и нравственных приоритетов.

Целями государственной культурной политики являются развитие личности и укрепление российского общества с помощью культуры, а также укрепление гражданской идентичности, сохранение культурных ценностей и передача их последующим поколениям. В принципах государственной культурной политики реализуется один из важнейших евразийских принципов открытости русской культуры и взаимодействия ее с другими культурами[2]. Одной из приоритетных задач в области культурной политики является сохранение этнокультурного разнообразия как важнейшего фактора национальной идентичности.

На протяжении всей истории нашей страны культура была тем уникальным ресурсом, который сохранял и передавал следующим поколениям духовный опыт нации, обеспечивал единство нашего народа, воспитывал чувство патриотизма и национальной самоидентичности и укреплял престиж страны в мире. Культура – это мостик, который помогает восстановить единство поколений, разрушенное после распада СССР. Поэтому «есть все основания надеяться, что даже в условиях тотальной

[1] Там же.

[2] Чумаков А.Н. Культурно-цивилизационный диалог как способ решения проблем в современном мире // Вопросы философии. 2013. № 1. С. 35-42.

глобализации русская культура не только выживет, но и сохранит свой особый дух, а также «такт», «ритм», «вкус», «тональность»[1].

Таким образом, развитие культурной политики постсоветской России в русле евразийских идей позволит сохранить те ментальные парадигмы, которые являются основополагающими для самоидентификации народов России. Именно для этого необходима ясно сформулированная и планомерно реализуемая государственная культурная политика как главный инструмент интегрирования важнейших культурных, нравственных и ментальных основ нашего общества.

Суюнова Н.Х.
(Карачаево-Черкесская Республика)

К ПРОБЛЕМЕ КАЧЕСТВА КУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ В ПОЛИЭТНИЧНЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ

В реализации будущей Стратегии государственной культурной политики страны ключевая роль, несомненно, будет отведена регионам, ввиду того, что слишком конкретны обозначенные в «Основах государственной культурной политики» цели и задачи и слишком зависим результат от успеха работы на местах. В рамках имеющихся административных структур, за счет изменения только их полномочий, функций невозможно при новых внешних вызовах достижение целей государственной культурной политики. Этим и продиктована необходимость преобразований путем встраивания в текущий процесс новой, дополненной системы, подчеркнуто ориентированной на качество. Ввиду этого субъектам культурной политики в регионах важно сразу отказаться от узковедомственного подхода к решению новых задач и принимать компетентные управленческие решения в тесном взаимодействии профильных структур, с привлечением экспертного научного сообщества. Основной материал – архивные источники по истории, культуре каждого из народов, живая этнокультурная традиция – аккумулированы, в большей степени, в регионах. Здесь, на малой родине россиян, в условиях исторически сложившейся специфичной этнокультурной, конфессиональной и языковой среды происходит

[1] Левикова С.И. Судьба русской культуры в условиях современной тотальной глобализации (на примере неформальной молодежной субкультуры) // Век глобализации, 2014, № 2. С. 174.

формирование базовых социокультурных, нравственных основ личности гражданина многонациональной России, здесь он получает начальное образование, воспитание. И этой культурной среде, в силу ее первичности, особо необходимо качество. Человеку в ней надлежит быть с детства «привитым» от болезней роста и адаптации его сознания в ином культурном контексте, для органичного включения в жизнь большого мира. Такая непростая работа – ответственность власти и общества на местах.

Что конкретно имеется в виду под качеством культурной среды? Важно, чтобы полиэтничный регион (к примеру, Карачаево-Черкесия – родина пяти субъектообразующих народов) в результате многочисленных и эффективных мероприятий по этнокультурному развитию народов не стал союзом пяти анклавов, а развился как живой организм, единый в своем многообразии, органично встраиваемый в еще более масштабное единство – российское многонациональное общество и далее – в мировое сообщество. Достижение такой органичности возможно только в качественной культурной среде, если только удастся избежать некоторых серьезных ошибок при ее формировании.

Тезисно обозначим некоторые из факторов, которые жизненно важны для формирования живого организма полиэтничного общества в качественной культурной среде:

Этнокультурная идентичность, разомкнутая в сферу общезначимого.

Каждый народ должен получить полноценную возможность познания своего отдельного, особого для сохранения, приумножения и открытия его Миру. В свое время Н.В. Гоголь требовал от «всесветных преобразователей» научиться отличать жизненные особенности, никогда не уступаемые народом, от тех, с которыми он может расстаться без угрозы быть уничтоженным. Так вот, никогда народ не уступит язык, веру, историческую, духовную память – то, что составляет основу его идентичности. Посягательства на незыблемость этой ценностной шкалы, как показывает исторический опыт, – разрушительны. Но «этносфера – это не убежище от вызовов времени: человек идет от своего Дома к Миру. Такое размыкание в мультикультурный мир – это и испытание для идентичности, и закалка»[1]. Чем более полон этот Дом (материальная культура народа), чем богаче его обитатели (духовные накопления), тем богаче и гармоничней общий для всех Мир, если, конечно, всем нести в него лучшее, ценное, понятное для всех, общезначимое.

Стало быть, этнокультурное развитие – это не самоцельное культивирование самобытности, а поиск в нем, в своем отдельном, всеобщего, чтобы его посредством стать равноценной частью большого мира. Иначе сегодня быть не может. Найдя ответы на вопросы «Кто мы? Откуда?», непременно нужно спрашивать себя «Куда идем?». Это будет

[1] Султанов К.К. От Дома к Миру: этнонациональная идентичность в литературе и межкультурный диалог. М: Наука. 2007.

трезвой оценкой нынешней реальности, точным определением своего места в ней и прогнозом будущего.

Этническая идентификация народов, после отмены строки в паспорте, связана только с самосознанием народа, личности. Потребность в самоидентификации резко обостряется в момент ощущения дезориентированности и беспомощности, как правило, у «непривитых» (неразомкнутых в мир) молодых людей, вдруг оказавшихся в инокультурном контексте. Ведь сразу меняется былой статус, «обнуляются», перестают работать активы (сын уважаемых родителей, хороший аттестат, почитаем младшими как спортсмен и др.), меняется быт, культурный контекст, среда общения. Вдобавок, стереотипные представления (зачастую негативные) о людях его мира автоматически становятся представлением о нем самом. Доказывать свою состоятельность, преодолевая сопротивление среды, – не всем оказывается под силу. Более слабые духом и менее образованные находят убежище в мини-анклавах «своих» в больших городах. Думающая часть начинает искать потерянную «сетку координат», через которую привычно видеть мир, делая попытки экстренно постичь законы нового мира, чтобы вписаться в него. Если опоры в родном этнокультурном не выдерживают, и привычная картина не складывается, то поиск переходит в иную плоскость – конфессиональную. Именно в среде молодежи, массово выезжающей из регионов, работают различного рода рекрутеры, выискивая наименее незащищенных, дезориентированных молодых людей, положение которых усугублено отсутствием средств, жилья, времени для адаптации. Таковы случаи, когда вместо постулатов традиционного ислама, в качестве слова Аллаха, молодому человеку навязывается опасная идеология. В корне этого – факторы, связанные с дефицитом требуемого качества взрастившей его среды, когда в принципе безупречных законах его этномира не учтены вызовы времени, не предусмотрен выход в изменившийся мир.

Качественное образование, ориентированное на жизнь в конкурентной среде, накопление активов для жизни в большом мире (знание языков, основ профильной науки, компьютерная грамотность, компетентность в области культурных знаний), знание своего национального Я (родного языка, истории народа, традиций) – это все то, что придает человеку уверенность в многокультурной среде, обосновывает его претензии жить в избранном им мире, быть его органичной частью, а не его проблемой.

Без культуры ничто не может иметь смысл.

Масштабные, многомиллиардные социально-культурные инфраструктурные проекты реализуются в российских регионах уже несколько лет. Есть понимание того, что нужно выравнивать уровень и качество жизни во всех регионах страны. Отсталая инфраструктура – это то, что в первую очередь бросается в глаза. Комфортные условия проживания, эстетичные кварталы, современную инфраструктуру, хорошие дороги должны иметь все граждане страны, не только жители мегаполисов. Но в этих новых зданиях школ, садов, медучреждениий,

многофункциональных центров, стадионах должна сразу же поселиться культура, формироваться новое, качественное содержание, основанное на самом лучшем опыте прошлого и ориентированное в будущее (учитель, имеющий на руках учебники с обновленным содержанием, врач, уверенно обращающийся с дорогостоящим медоборудованием, работник дома культуры, который сможет легко набрать в театральный кружок знающих родной язык детей).

Качество духовно-культурной среды откроет молодежи привлекательный образ родного мира: это и социальная справедливость, равные возможности при участии в грантовой системе, качественное информационное пространство, без лжи и двойных стандартов, уравнивающее всех правовое поле, здоровое общественное мнение с правильной иерархией ценностей, когда во главе стоит честно трудящийся в своей профессии человек. Там, где живет культура, это все есть.

Чиновничья компетентность, недопущение формализма в работе.

Культурная среда – это тонкая сфера, требующая крайне деликатного и корректного подхода. При отсутствии на местах необходимого количества сведущих и ответственных чиновников-специалистов среднего звена, мероприятия даже грамотно прописанных федеральных и региональных программ с солидным финансированием становятся формальными. При этом истинный смысл мероприятия – качественное воздействие на сознание его аудитории – зачастую остается нереализованным. Формализм – в основе ныне распространенной вредной практики проведения мероприятий, когда грубо директивно насаждают идеи «дружбы народов». Союз многих состоится, если это союз равных и, главное, – союз без всякого принуждения. Для равноценного союза нужно каждому дать ощутить равноценность своего мира и мира тех, кто стоит с ним рядом. Здесь начало самой главной части всей работы. Еще на этапе подготовки перечня мероприятий и самих мероприятий дорогостоящих программ чиновникам следует консультироваться с экспертами из соответствующих профильных структур, получить профессиональные консультации представителей научного сообщества. Экспертные же функции можно прописать в госзадании для научных сотрудников региональных научных учреждений.

Уважительное отношение к исторической памяти народов.

Весьма вредна практика введения ограничений в такой чувствительной сфере, как историко-культурная память народов, особенно путем запрета на внимание к памятным историческим датам. С начала 90-х годов XX века российскими и зарубежными учеными-гуманитариями уже введен в научный оборот большой объем ранее недоступной научной информации. Импульсом этому стала потребность в масштабной реконструкции истории и культуры народов постсоветского пространства, поиск ими идентичности. По сути, это компенсаторная реакция на тотальный запрет в советскую эпоху углубляться в историческую память народов дальше, чем 1917 год. В уважаемых научных центрах, издательствах за последние три десятилетия увидели свет выверенные труды маститых ученых, в

частности, об истории Кавказской войны, о массовом истреблении, исходе горских народов в Турцию, о преступной депортации, территориальном распылении народов в XX веке. Это все уже описано и имеется на книжных полках любой сельской библиотеки. В научно осмысленной истории этносов обозначены возвращенные памятные даты и традиционные праздники. Выросли новые поколения людей, знающих историю народа без купюр.

Велика ли теперь польза, позитивен ли эффект от деактуализации этих памятных дат, от отмены декларированного права на историческую память по причине возможной эскалации антироссийских настроений у отдельных представителей этносов? Думается, что нет. Напротив, такую эскалацию, реакцию из духа противоречия, срабатывания синдрома «запретного плода», способен вызвать именно подобный демарш власти, даже негласный. Необходимо сохранять последовательность в уважительном отношении к исторической памяти народов России, даже если некоторые ее эпизоды нелицеприятны и неудобны для современного политического имиджа страны. Современная Россия – наследница великого исторического прошлого страны, история же эта – разная, ее живая многомерность вмещает и триумфы, и жестокие потери, и преступления, и горькие утраты. Не для того народам нужно знать свою подлинную, без купюр, историю, чтобы вновь и вновь эмоционально ее переживать, чтобы жить в плену исторических обид, а для того, чтобы ощущать себя народом с историей, с прошлым. Это важно для самосознания и человека, и целого народа. К примеру, признание Германией преступности фашизма, Соединенными Штатами Америки – агрессии во Вьетнаме (в обеих странах с участием органов власти ежегодно проходят мероприятия памяти жертв) не представляют никакой угрозы для безопасности этих стран. Напротив, вызываемое такими мероприятиями единство испытываемых чувств сплачивает общество. Выверенную, научно обоснованную, грамотно комментируемую историю народов России нужно прописывать в региональных учебниках истории. Необходимо срочно исправить ситуацию, когда на местах сокращают учебные часы, ранее отведенные на изучение истории, языков народов страны. Более того, наиболее значимые для общероссийской истории факты из историко-культурного прошлого народов страны шире описывать в учебниках истории России. В этом – большая консолидирующая сила.

Позитивная включенность народов в общероссийский историко-культурный мир.

Качество культурной среды требует параллельной актуализации других, позитивных, эпизодов общей истории, и далекой, и близкой, – свидетельств ярких совместных побед, тем самым обозначив позитивную включенность народов в общероссийский историко-культурный мир. В истории каждого народа есть такие примеры.

Вот один из них. В России сложился евразийский тип мироустройства. На фоне сегодняшних внешних вызовов, в качестве реального консолидирующего фактора, укрепляющего чувство общего

культурного пространства, полезно периодически актуализировать в информационном поле идеи евразийства. Это даст возможность многим народам страны почувствовать свою причастность к истории рождения России.

Для тюркских народов страны, к примеру, чрезвычайно значимы примеры общности славянских и тюркских народов. Эта фундаментальная связь языка и мифологии обоснована евразийцами Н. Трубецким, П. Савицким, Л. Гумилевым. «Мы имеем право гордиться нашими туранскими предками не меньше, чем предками славянскими, и обязаны благодарностью как тем, так и другим. Сознание своей принадлежности не только к арийскому, но и к туранскому психологическому типу необходимо для каждого русского, стремящегося к личному и национальному самопознанию»[1].

Автор исторического цикла «Дикое поле», серии статей об историческом космосе «Слова о полку Игореве», книги «АЗ и Я», казахский ученый, писатель О. Сулейменов – последовательный разработчик темы историко-культурного и кровного единства евразийских народов – пишет: «Язык – наиболее богатый резервуар исторической информации, источник – наиболее беспристрастный. Он дает полную картину взаимодействия культур...»[2]. Внушительный пласт тюркизмов в «Слове...», приводимый О. Сулейменовым (это не были «темные» места, а тюркизмы), – это и есть свидетельство тесных контактов Руси и Поля. «Насыщенность наших словарей заимствованиями не должна обижать, – продолжает Сулейменов, – любой великий язык имел великую историю контактов»[3].

Общность же двух евразийских конфессий может быть проиллюстрирована гораздо большим количеством примеров. Она вырабатывалась и утверждалась в ходе длительного исторического развития, когда христианское учение стало основой для молодого ислама. А если о частностях: к примеру, алчность людей – наиболее опасный и разрушительный порок – в период подъема могущества России (XIV-XV вв.) в православии регулировал *идеал «нестяжательства»,* философия и практика которого были заложены преподобным Сергием Радонежским. То же самое исламский суфизм Хожа Ахмеда Ясави предписывал в *канагат* (довольствование малым, необходимым, неприятии излишеств), ставшем одной из главных ценностных опор современной тюркской философии, и религиозной, и светской.

История знает конкретные примеры совместных ратных триумфов, значимых для истории России, в частности, в истории ногайцев – современного 103-х тысячного народа России, в прошлом населявшего крупнейшую кочевую империю Евразии Ногайскую Орду – преемницу Золотой Орды[4]. Первое посольство ногаев в Москву прибыло в 1489

[1] Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М. 1999. С. 160.
[2] Сулейменов О. Но людям я не лгал... Алматы. «Дайк-Пресс». 2006. С. 76.
[3] Сулейменов О. Указ.изд. С. 80.
[4] Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М.: Восточная литература РАН. 2001.

году. Великие сражения: на реке Ворскле московского князя Василия с Витовтом (1399 г.), победу в которой обеспечил золотоордынский бий Эдиге, – ключевое по значимости сражение в истории России; участие в битве под Грюнвальдом (1410 г.) вместе с русскими 3-х тысяч воинов Ногайской Орды; участие ногайцев на стороне Русского государства в Ливонской войне (1558-1583); участие отдельного ногайского кавалерийского полка в составе русской армии в Отечественной войне 1812 года; участие ногайцев в составе конвойной службы при Российском императоре, созданном в 1828 г. Об участии в гражданской, Великой Отечественной войнах – гораздо больше сведений. Это тоже история. У каждого народа – внушительный перечень таких свидетельств.

Восстановление системы воспроизводства кадров, формирование культурной элиты народов.

Качественную культурную среду невозможно создать без налаживания устойчивой системы воспроизводства кадров для каждой из сфер. Особенно актуально это для регионов. Знающие себе цену специалисты, почувствовав невостребованность опыта и знаний, покидают родные места, как правило, безвозвратно. Хорошо работающая система будет учитывать этот фактор, предусматривать работающий механизм для закрепления кадров.

Совершенно особая роль в формировании качества среды принадлежит многонациональной культурной элите народов региона. Она – носитель интеллекта нации, совесть и честь народов, проявление неуважения к ней со стороны власти, попытки грубого подавления, игнорирование публично озвученной ее представителями позиции культивируют в народах чувство ущербности, надломленности или чаще – пополняют ряды нравственных оппонентов власти. Еще жива память о сотнях просветителей, о писателях, ученых (у каждого народа их – сотни), жизнь, яркую, талантливую деятельность которых прервали в советское время репрессии. Оздоровление культурной среды сегодня невозможно без импульса просвещения, духовного совершенствования. Эталонный образ просвещенного, талантливого человека должен занять свое место в иерархии ценностей, признанных в обществе, чтобы стать устойчивым и притягательным ориентиром для ищущих путь к совершенству людей.

Доверие НКО, сотрудничающим с общественными организациями зарубежной диаспоры.

Излишняя (демонстрируемая) настороженность власти, подозрительность, иногда противодействие по принципу «на всякий случай» в совершенно безобидных ситуациях чрезвычайно вредны для контактов наших общественников с коллегами из иностранных культурных организаций. Недоверие на неконструктивной почве – разрушительно и влечет за собой утрату полезных связей, подрывает доверительное и уважительное отношение к стране. Турецкая диаспора народов Кавказа, европейская (германская, голландская, румынская) диаспора, в частности, российских ногайцев проявляет сейчас большой интерес к исторической родине, к родной материковой культуре (таковой

считают ногайскую культуру в России). Это потомки два века тому назад покинувших Кавказ эмигрантов, тех, что завещали помнить свою родную землю, язык, принадлежность народу, чтить могилы предков, что остались на Кавказе. Эти люди тянутся к нам духовно, прекрасно живя на своей теперь уже родине, которую не собираются менять. Но только в России создана этнокультурная инфраструктура для ногайцев (в Дагестане и КЧР): система образования на ногайском языке, книгоиздание, периодика, телевидение и радио, театр. В этом плане ни в одной другой стране не сделано для ногайцев на сегодняшний день больше, поэтому диаспоры тянутся к общению с нами. Нужно дать больше поводов для многочисленной ногайской диаспоры за рубежом видеть то, что Россия решает этнокультурные проблемы ногайцев.

Расширение сферы функционирования родного языка в регионах.

В мае 2014 года в Карачаево-Черкесии, приветствуя представительную аудиторию Международной научной конференции «Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему», Глава республики Р.Б. Темрезов объявил о создании ногайского государственного драматического театра. Это культурное событие исторической важности не только потому, что у одного только этого народа в республике не было своего театра, а теперь он есть. Событие важно потому, что еще один народ получил крайне значимое поле для функционирования живого языка. Театр – мощное средство для долголетия языка. Более основательная мера – это создание качественной системы образования для компактно проживающих групп малочисленных народов России. К примеру, 22 тысячи ногайцев проживают в Ставропольском крае, однако, язык не изучается с 60-х годов прошлого века, нет системы образования на родном языке, нет никакой инфраструктуры. А у 15-тысячной группы в Карачаево-Черкесии – вся образовательная и культурная инфраструктура сохранена и работает, хотя есть нарекания к качеству. Отсутствие возможности для сохранения языка, культуры – опасный фактор. Именно в таких регионах сейчас и неспокойно.

Создание доверительного коммуникативного поля для власти и общества, атмосферы дискурсивного равноправия.

Активизация гражданского общества, налаживание диалога власти и общественных структур всегда на повестке дня. На деле же информационное пространство зачастую заполняется монологом: СМИ работают просто лишь на передачу информации. Власть налаживает контакт с общественниками, но встраивает их негласно в свою систему, держит «под присмотром», публично поощряя их лидеров. Это вызывает у граждан апатию, отстраняет от участия в инициированных властью и подобными декоративными организациями мероприятиях. Такое положение дел отрицательно сказывается на качестве культурной среды. Честный диалог равных в дискурсивных правах власти и общественности – насущная необходимость.

Бондарев А.В.
(Санкт-Петербург)

КОНСОЛИДИРУЮЩИЕ ОСНОВЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: КОНСТРУКТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ В СВЕТЕ ЕВРАЗИЙСКОГО ДИСКУРСА

Глобалистические тенденции породили в современном мире целый ряд проблем, одна из которых состоит в том, что возникла опасность утраты идентичности и индивидуальности, человек в глобальном мире как бы растворяется. Унификация, как один из признаков глобализации, превращает человека как бы в «гражданина мира». Возможно, это и имеет свои плюсы, но забывая о своей принадлежности к родной культуре, к своим предкам, человек становится, как отмечал Чингиз Айтматов, «манкуртом», предавая забвению и ту ценностную и морально-нравственную систему, которая формирует в нем духовную основу и программирует всё многообразие его деятельности, симпатии и антипатии, устремления и поступки, – одним словом, программирует всю его жизнь. Насаждение унифицированных ценностей приводит к распаду системы традиционных ценностей, обеднению национальной культуры, забвению исторической памяти, мир становится серым и одноликим. В этой ситуации всеобщей унификации Россия, как и любая другая страна, сохраняя открытость миру, также рискует утратить свою самобытность и своеобразие. Евразийская идея – это один из всесторонне разработанных и концептуально осмысленных проектов, направленных на сохранение многополярности мира, а также единства и многообразия нашей страны. «*Объединяйтесь, чтобы не исчезнуть!*» – призывал Л.Н. Гумилев в одном из последних своих интервью. В связи с этим ключевое значение имеет адекватное понимание того, с кем объединяться и как это лучше сделать.

В трудах основоположников евразийского движения (Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого, Л.П. Карсавина, Г.В. Вернадского, Л.Н. Гумилёва и др.) получили глубокое историческое осмысление идеи вековой общности, взаимосвязанности и единения евразийских народов. Представление о взаимодополнительности и взаимном тяготении, комплиментарности народов Евразии было для евразийцев принципиально важным. Этот их тезис создаёт самую благоприятную основу для культурного диалога как творческого взаимообогащающего взаимодействия для всех стран, входящих в Евразийский мир. Учёт взаимной комплиментарности народов евразийского региона позволяет осознать жизненное значение современных интеграционных процессов на всем евразийском пространстве, закономерным развитием которых стали стратегические по

своей значимости соглашения о создании Евразийского экономического сообщества, Организации Договора о коллективной безопасности, Таможенного союза и т. д.

В работах представителей евразийского движения понятие «Евразия» приобретает значение сжатой культурно-исторической характеристики. Обозначение это указывает, что в культурное бытие России в соизмеримых между собою долях вошли элементы различных культур. Как писал кн. Н.С. Трубецкой, "*в евразийском братстве народы связаны друг с другом не по тому или иному одностороннему ряду признаков, а по общности своих исторических судеб. Евразия есть географическое, экономическое и историческое целое. Судьбы евразийских народов переплелись друг с другом, прочно связались в один громадный клубок, который уже нельзя распутать*".

На современном этапе интеграционного строительства представляется важным последовательно реализовывать евразийскую доктрину – систему политических, идеологических, мировоззренческих взглядов, ценностей взаимного сотрудничества, уважения и взаимообогащения культур, главный постулат которой сформулировали еще первые евразийцы почти столетие назад: «К единству – не теряя разнообразие!», ведь пока мы едины – мы непобедимы…

При большом разнообразии географических условий для народов Евразии объединение всегда оказывалось гораздо выгоднее разъединения – дезинтеграция лишала силы, сопротивляемости. Как отмечал Л.Н. Гумилев, разъединиться в суровых природно-климатических условиях Евразии значило поставить себя в зависимость от соседей, далеко не всегда бескорыстных и милостивых.

В современном мире евразийство получило второе дыхание, оно стало востребовано в политической и экономической сфере. Лидеры таких стран, как Россия и Казахстан, сделали евразийскую концепцию приоритетной в своей политике. Но попытки построения евразийского пространства имеют в настоящее время один большой минус: до сих пор остается не задействован консолидирующий потенциал евразийских идей в области культурной политики, духовно-идеологическая составляющая евразийства не имеет реального воплощения. Задействованы политическая и экономическая сферы интеграции, но в области культурной политики нет реально значимых шагов. Однако без адекватной культурной политики любые попытки построения общего евразийского пространства не будут иметь долгосрочного успеха.

В связи с этим так важно не забывать и о духовном аспекте классического евразийства. В евразийстве концепция культуры, размышления о культурном строительстве и обустройстве Евразийского мира занимают особое место. Представители евразийства считали духовную культуру, веру и религиозность теми консолидирующими факторам, которые созидали и поддерживали любые устойчивые интеграционные объединения. Вера в идеалы справедливости, любви, добра и мира всегда были основой существования людей,

тем фундаментом, на котором зиждилось все общественное бытие. В настоящее время предпринимаются целенаправленные усилия в корне извратить любой из позитивных идеалов общественного устройства (например, взамен трудолюбия внедряется сребролюбие, духовность подменяется бездуховностью, принципиальность – беспринципностью, любовь – сексом, нравственность – безнравственностью, девальвируются семейные ценности и т. д.). Этот процесс духовного разложения носит глобальный характер, пути восстановления духовной основы человека наметить очень тяжело, так как речь идет о вещах, которые ни увидеть, ни потрогать невозможно. Представители евразийского движения считали, что единственный верный интуитивно угадываемый ими путь – это поиск такой национальной идеи, которая вберет в себя все лучшее из нашей общей культуры и истории, вернет человека на путь духовного становления, когда религия не будет постыдной, когда появится высшая цель существования. Н.С. Трубецкой подчёркивал, что «идеей-правительницей подлинно идеократического государства может быть только благо совокупности народов, населяющих данный автаркический особый мир». Поэтому формирование евразийской национальной идеи как комплекса лучших культурных, духовных и исторических традиций, общих для всех народов евразийского пространства, представляется жизнеобразующим, возрождающим и спасительным процессом.

В настоящее время наблюдается тенденция формирования столь необходимой для России национальной идеи на основе евразийской концепции. Политики видят будущее стран евразийского пространства в Евразийском Союзе, в братстве народов, во взаимопонимании, взаимовыгодном сотрудничестве. Для этого необходимо проводить грамотную национальную и культурную политику. В этом смысле представляется весьма оправданной идея создания в нашей стране нового учебника истории, который был бы призван способствовать формированию консолидирующей национальной идеи, которая должна стать связующей основой для всего евразийского пространства.

Размышляя о важности вклада каждого отдельного человека в дело создания национальной идеи, Н.С. Трубецкой отмечал: «*Чем больше в данном народе существует людей, “познавших самих себя” и “ставших самим собой”, тем успешнее идет в нем работа по национальному самопознанию и по созданию самобытной национальной культуры, которая, в свою очередь, является залогом успешности и интенсивности самопознания индивидуума*».

Все народы Евразии в равной степени причастны к совместному культурному творчеству и государственному строительству. Нет высших и низших, полноценных и неполноценных народов, Евразия – это регион взаимодействия представителей различных этносов и культур. Необходимое условие национального единства в Евразии – отказ от локального этноцентризма (ложного национализма). Истинная национальная идея Евразии – благо всех народов, ее населяющих.

В своих исследованиях основоположники евразийства представили целостную панораму исторической динамики культуры евразийских обществ. В центре внимания евразийцев всегда находились образ жизни народов Евразийского мира, их ментальность, иерархия идеалов и ценностных ориентаций, особенности нравов, этических и эстетических предпочтений, специфика социальных отношений, политического устройства и т. п. Более того, они обладали каким-то удивительным интуитивным схватыванием «первофеноменов культуры», способностью к поиску и дешифровке культурных смыслов и значений, даром проникновения в культурогенетический код исследуемых этнических систем. В евразийстве были выявлены системообразующие основы исторического бытия народов Евразийского мира, зная которые можно проводить адекватную культурную политику.

Идеи евразийцев, посвящённые проблемам культурной политики, способствуют развитию и распространению культуры диалога, формированию духа сотрудничества и понимания в повседневной жизни людей разных народов. «*Нельзя стремиться сделать всех людей подобными себе, нужно учиться жить с ними в согласии*» – отмечал Гумилёв. Подводя итог своим размышлениям о «национальной проблеме», учёный приходил к выводу: «*дружба народов – лучшее, что придумано в этом вопросе за тысячелетия*». По глубокому убеждению Гумилёва, «*человечность – превыше всего*». Представления евразийцев обладают не только проективным, но и прогностическим потенциалом: «*Постигая корни нашего родства, изучая «историю с географией»,* – пояснял Гумилёв, – *мы хотим понять, куда растет и как ветвится древо человеческое. История нашей страны и населяющих ее более чем ста наций и народностей помогает нам яснее, насколько возможно, представить будущее*». Предпринятый в последние годы анализ евразийского интеллектуального наследия даёт основания заключить, что в работах евразийцев были предвосхищены идеи развития Диалога и Альянса цивилизаций и культур, которые стали столь востребованы в последние десятилетия и активно продвигаются в рамках ООН, ЮНЕСКО, ОБСЕ.

В этом смысле имеют вполне определенную политическую подоплеку всё чаще встречающиеся попытки опорочить личность и идеи Гумилёва, стремление превратить их в своего рода мифологемы, ловко манипулируя которыми пытаются дискредитировать всё научное наследие этого выдающегося учёного и последнего из основоположников евразийства. Вместе с тем следует учитывать, что были и продолжают предприниматься попытки изнутри дискредитировать идеи учёного, присваивая себе его интеллектуальное наследие, выдавая себя за его главных идейных наследников и «прихватизируя» само имя Гумилёва, которым тщатся прикрыть свои эгоистические устремления и неуёмные политические амбиции.

На самом же деле в соответствии с концепцией Л.Н. Гумилева восприятие представителями различных этнических коллективов друг друга как равных и построенное на этом взаимоуважительное общение

являются базовым фундаментом *диалога культур*, главным залогом *взаимопонимания* между народами, осознания *духовной уникальности* и признания *права на этнокультурную самобытность* каждого из них. Эта мысль созвучна мнению М.М. Бахтина, одного из крупнейших отечественных мыслителей XX века, согласно которому диалог возможен лишь между стремящимися понять друг друга, а для адекватного понимания необходима *эмпатия*. Эта мысль созвучна убеждениям и Д.С. Лихачева, отразившимся в созданной им Декларации прав культуры. Именно поэтому идеи Л.Н Гумилева находят большой отклик и применение в России (прежде всего в Татарстане, Бурятии, Калмыкии и Якутии), Казахстане, Кыргызстане, Турции, Монголии и других странах Евразии, где его почитают потомки тех народов, непредвзятому изучению истории и культуры которых он посвятил всю свою жизнь без остатка.

В работах евразийцев получила глубокое осмысление проблема сосуществования различных этнических систем. Так, в своих исследованиях Л.Н. Гумилев описал механизмы и разработал типологию межэтнических контактов, выявил параметры их протекания, а также определил многие существенные категории этнологии, в которых возможно описать многообразие межэтнических взаимодействий. В условиях роста в современной России различных проявлений агрессивного национализма и ксенофобии как никогда актуальными являются идеи братства евразийских народов, братства, основанного на отказе от чувства собственной исключительности. Гумилев очень точно сформулировал один из главных евразийских тезисов: «*надо искать не столько врагов – их и так много, а надо искать друзей, это самая главная ценность в жизни. И союзников нам надо искать искренних*».

Научные изыскания евразийцев имеют несомненный прикладной потенциал, остро актуализирующийся в условиях многополярного мира. Современные геополитические процессы (особенно последние события) ярко показывают роль не только стихийно проявляющегося пассионарного фактора, но и внедрения искусственно сконструированных идеологем в смене казавшихся незыблемыми политических режимов и изменении всей международной ситуации.

Доказывая свою историческую перспективность, идеи и предвидения Гумилева, касающиеся евразийской интеграции, сейчас благодаря инициативам руководства Казахстана, России и Белоруссии обретают вполне реальные черты, воплощаясь в создании многих общеевразийских интеграционных объединений. В работах евразийцев было показано, что многообразие культуры народов евразийского региона и налаженное за многие века взаимопонимание – наше стратегическое достояние и главное богатство. Поэтому изучение и популяризация евразийства способны интенсифицировать и усилить центростремительные тенденции в России и странах СНГ. Ключевым заветом Л.Н. Гумилева звучат его слова: «*Знаю одно и скажу вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только как евразийская держава и только через евразийство*». Идейное наследие евразийцев, их труды, посвященные

осмыслению исторических судеб народов Евразии и других народов мира, – несут в себе дух толерантности и наполнены подлинным гуманистическим содержанием, обладая непреходящим значением. Все это свидетельствует о совершенно особой научной актуальности, международно-политической и практической значимости наследия основоположников евразийства, об устремленности их идей в будущее.

Игнатьева С.С.
Шлыкова О.В.
(Республика Якутия (Саха), Москва)

КУЛЬТУРНЫЙ РЕСУРС РЕСПУБЛИКИ САХА КАК СТРАТЕГИЯ ДЛЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СТРАНЫ

В условиях глобализации и жизненной необходимости для России модернизационного рывка, по мнению российских ученых в области социальной политики, перед обществом стоит вопрос о сохранении глубинных основ и уникального своеобразия российской культуры. Россия должна продвигать стратегию защиты своей культурной самобытности, включающую реализацию принципов суверенитета, равенства культур, защиту культурного разнообразия, сохранения наследия. В данном контексте современное понимание культурной политики связано с видением ключевой роли культуры в общественном развитии. Общей тенденцией является выдвижение на первый план системы человеческих интересов и ценностей.

С каждым годом явственней ощущается дефицит понимания тех ценностей, которые еще недавно считались определяющими при формировании личности человека: умения самостоятельно мыслить, чувствовать и сопереживать. Учреждения культуры и искусства еще остаются теми «островками», где культурные ценности по-прежнему остаются приоритетными.

Российская культура приобрела качественно иные новые характеристики, сформировалась фактически новая модель функционирования сферы культуры и искусства, внутренние механизмы которой оказались во многом зависимы от коммерциализации, инноватики, новых технологий и др.

На фоне происходящих модернизационных перемен значительно изменилась миссия и роль учреждений культуры, кадров сферы культуры, а также спрос на продукты социокультурной деятельности.

Поэтому осмысление феномена культуры актуально, прежде всего, с точки зрения поиска и обоснования современных механизмов культурной модернизации субъектов РФ и в целом России.

Республика Саха (Якутия) является одним из активных субъектов Российской Федерации в сфере культуры и искусства, что обнаруживается в региональном нормативно-правовом обеспечении сферы культуры, основанном на нормах международных актов по сохранению и развитию культурного разнообразия и культур малочисленных народов, в проведении целенаправленной политики по интеграции в информационное общество. В республике сложилась развитая инфраструктура культуры, основу которой составляют 10 театров, 4 концертные организации, Государственный цирк, кинокомпания «Сахафильм», 90 детских школ искусств, 538 библиотек, 43 музея, 525 культурно-досуговых учреждений и др. В учреждениях культуры и искусства работает 9299 человек, из которых в республиканском звене – 2196 человек, улусном – 7103.

Культурная политика республики направлена на сохранение культурного пространства и создание экономических условий для её дальнейшего развития. Разработана и создана соответствующая законодательная система, регулирующая отношения в сфере массовой культуры и профессионального искусства. Действуют две государственные целевые программы: «Создание условий для духовно-культурного развития народов Якутии на 2012-2016 годы» и «Сохранение, изучение и распространение якутского героического эпоса Олонхо на 2006-2015 годы»[1]. Основу для развития культуры и искусства республики составляют архаическая традиционная культура и академическое профессиональное искусство. В последние годы на основе синтеза и взаимопроникновения этих культур, на основе адаптации фольклорной традиции к современным условиям формируется новое искусство, например, Театр Олонхо.

В соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537, главными угрозами национальной безопасности в сфере культуры являются засилье продукции массовой культуры, ориентированной на духовные потребности маргинальных слоев общества, а также противоправные посягательства на объекты культуры[2].

Культурная среда сегодня становится ключевым понятием современного общества и представляет собой не отдельную область

---

[1] Государственная целевая программа по сохранению, изучению и распространению якутского героического эпоса Олонхо на 2007-2015 годы. Якутск, 2007 г.; Государственная целевая программа «Создание условий для духовно-культурного развития народов Якутии на 2012-2016 годы». Якутск, 2012 г.

[2] Костина А.В. Традиционная, элитарная и массовая культуры. Концептуальные подходы к исследованию [Электронный ресурс] Режим доступа: http://refdb.ru/look/2096503.html.

государственного регулирования, а сложную и многоуровневую систему, внутри которой решение проблем может быть только комплексным.

Горизонтальная ассиметричность регионального деления, разностатусность субъектов РФ, неравномерность развития инфраструктуры, диспропорции в распределении бюджета на культуру и т. д. в отдельных регионах порождают деструктивные процессы, повергая в «культурное капсулирование», «культурное угасание».

Отстаивание же своей культурной идентичности позволяет регионам формировать уникальные бренды, осуществлять воспроизводство культурных ценностей, благодаря которым культура и обретает смысл.

В этом плане и примечательна Республика Саха (Якутия), которая совершенствует механизмы адаптации к экстремальным условиям, сохраняет плюралингвизм, свой неповторимый уклад жизни, основанный на бережном отношении к природе, создает неповторимую культуру, отличающуюся «мощным духом коллективизма крепко сплоченной общины» при внешней локальной замкнутости. Практически все население Республики владеет и русским, и якутским языками, что нехарактерно для многих других «билингварегионов», например соседней Бурятии.

Показателен традиционный праздник Республики Саха – Ысыах, на котором один только знаменитый «хоровод» осуохай, неслучайно называемый этническим голосом Саха, способен охватить одновременно более чем 15 тыс. человек, являя собой «единство культурного пространства» региона.

Сущностными чертами такого культурного пространства выступают не огромная территория сама по себе, а та Природная среда, аура родственных и этнических отношений, оценок, предпочтений, традиций, ограниченность и обозримость происходящих социокультурных процессов. Поэтому вполне аргументированной и позитивной является позиция исследователей, которые выделяют основной вектор глобализационных и модернизационных процессов в субъектах РФ – от раздробленного многообразия к единству в многообразии.

Отмечая ценность самобытной традиционной народной культуры Якутии, ее этнокультурного взаимодействия и взаимообогащения в полилоге с другими культурами, можно условно выделить несколько связанных между собой уровней в ее формах бытования и идентификации.

Собственно *«аутентичный» уровень*, свойственный уникальной культуре коренных народов Севера с их традиционным мировоззрением «чувственно-сверхчувственного характера бытия». Так, с точки зрения саха, любое явление природы – одушевленное, а неразрывное единство материального и духовного воплощается в иччи[1]. Даже предмет, сделанный руками человека, одухотворяется и приобретает черты иччи.

Второй уровень – уровень включенности в структурное ядро *«арктической» культуры евроазиатского типа* – русского и др. народов России. Когда русские поселенцы привнесли новый культурный слой,

[1] Примерный аналог в переводе с якутского языка – «душа».

который закрепился на новой почве, и влился в «народное многоголосие Севера». В якутскую культуру проникли элементы других культурных форм православной славянской традиции, культуры казачества и др.

Третий уровень – *уровень освоения западных форм культуры,* что наиболее активно проявляется в эпоху глобализации. В данном тренде есть свои позитивные стороны – возможность позиционирования своей самобытности в мировом культурном пространстве, расширение границ культурного обмена и освоение культуры креативных индустрий, позитивный мультикультурализм и т. д.

Вместе с тем, очевидны явные и скрытые риски, обусловленные:

— глобальным характером управления в современном обществе, разрушающе влияющим на локусы и «заповедные» зоны геокультурного развития;

— жестким вызовом проникающей рыночной идеологии с ее системой ценностей, основанной на приоритетах «экономики потребления» и монетизации культурных практик;

— особенностями социокультурного развития в контексте информационно-технологического взрыва и влияния новых способов информации на человека и культуру общества.

Социокультурные процессы в России характеризуются противоречивыми трендами, среди которых позитивными признаются кристаллизация культурного облика этносов и воспроизводство региональных национальных ландшафтов памяти.

Культура как система ценностей, связанная с местом и историей, пронизывает все сферы деятельности человека, связывает его с пространством проживания, определяет взаимоотношения с другими людьми. Изменения, которые произошли за последние десятилетия в России и в мире, заставляют менять подходы, методы и основания культурного действия. Старая инфраструктура культуры уже не справляется с этими задачами и нуждается в кардинальной модернизации.

Культурное наследие, обладающее значимым ресурсным потенциалом как в форме наследуемых культурных традиций, повседневных и досуговых социальных практик, так и в форме инновационных моделей культурной деятельности, во многом предопределяет успешность или неуспешность национальных форм социальности в условиях открытости государств на международной арене. Как справедливо отмечал Ю.М. Лотман, «культура как сложное целое составляется из пластов разной скорости развития, так что любой её синхронный срез обнаруживает одновременное присутствие различных её стадий. Взрывы в одних пластах могут сочетаться с постепенным развитием в других. Это, однако, не исключает взаимодействия этих пластов»[1].

В эпоху стратегических возможностей необходим поиск новых путей и способов устойчивого развития традиционной культуры.

[1] Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М.: Гнозис; Изд. группа «Прогресс», 1992. С.26.

Стратегическая культура современной Якутии является концентрированным отражением исторического опыта «циркумполярной цивилизации», ценностно-ориентированной на принцип «человеческий капитал – в основе всего». В ней сфокусирован акцент на уникальной самобытности и этничности коренных северных народов, сумевших выработать методологию выживания в суровых условиях вечной мерзлоты, а также утвердить духовные основы резервации реликтовых элементов культуры, ее национальной определенности и самобытного многоцветия.

Культуротворческая деятельность (в особенности фольклор, устное народное творчество) и сфера духовного общения (традиции, обычаи, национальные праздники) на сегодняшний день являются теми сферами, в которых сохранились родные языки, традиционное использование которых обусловлено самой функциональной спецификой.

Неслучайно, как показывают исследования Арктического института культуры и искусств, наибольшей популярностью среди сельского населения Якутии пользуются национальные праздники ысыах (95,6%), дни, посвященные сельскохозяйственному календарю и профессиональным праздникам (день сельскохозяйственного работника, рыбака, праздник урожая и т. д.) (64,8%), а также День Олонхо (44,1%) и встреча якутского нового года – Ньукуолун – 34,1% [1].

Лишь в 7407 селах России, то есть 5,5% селах, проживают более 1000 человек. Как правило, в российских селах проживают 100-500 человек. Более 1000 человек живут в 79 якутских селах, от 100-500 человек – в 193 селах.

В типичном российском селе в среднем проживают 259,7 человек, в якутском – 628,8[2].

Таким образом, якутские села являются более крупными сельскими поселениями, чем российские, что оказывает существенное влияние на развитие социокультурных процессов и функционирование социальной инфраструктуры данного региона.

Адаптация сельских жителей к изменяющимся общественным отношениям в немалой степени обусловлена и изменением содержания нормативно-ценностных социокультурных детерминант предпочтения жизни в селе. Общественное бытие села есть сплав традиций и инноваций в различных сферах жизни.

Проблема создания условий для реализации этнокультурных прав имеет множество аспектов, среди которых приоритетными являются правовое обеспечение права на участие в культурной жизни и права на доступ к культурным ценностям.

Исследование «Создание культурной среды региона на основе модернизации учреждений культуры и внедрения информационно-

[1] Культура села. Отчет по итогам исследования 2012 г. // Министерство культуры РФ, АГИИК, НИЦЦЦ; Рук. С.С. Игнатьева; Науч. рук. У.А. Винокурова. Якутск: АГИИК, 2012.

[2] http: //www.perepis-2010.ru [дата обращения 20.12.2011].

коммуникационных технологий (ИКТ)», проведенное в 2012 г. по заказу Министерства культуры РФ среди 5 регионов (Ульяновской, Московской, Смоленской областей и Республик Карелия и Саха (Якутия)), показало, что обеспеченность компьютерами сильно колеблется как по регионам, так и по типам учреждений[1].

Колебания имеются в диапазоне от 8.3% (муниципальные КДУ – Ульяновская область) до 148% (региональные библиотеки – Республика Саха).

Большая техническая оснащенность выявлена в учреждениях культуры регионального подчинения. Данная тенденция объясняется спецификой распределения бюджетных средств. В муниципальных учреждениях проблемы скорее хозяйственного оснащения выходят на первое место. Т. о. имеет место цифровой разрыв. Однако он определяется не столько типом учреждений или регионом, сколько субъективными характеристиками.

При достаточно высоком показателе доступа в Интернет ряд учреждений культуры используют его недостаточно эффективно. Общий вывод исследования заключается в том, что использование новейших ИКТ способствовало фундаментальным изменениям в сфере культуры, отчасти трансформировало профессиональную деятельность учреждений культуры, хотя принципиально и не определило их успешность, но стало фактором появления принципиально новых типов ресурсов и услуг: электронных каталогов, онлайновых афиш, виртуальных музеев и выставок и т. п. Начата работа по формированию национальной электронной библиотеки http://nlib.sakha.ru/elib/index.php.

По размеру финансирования целевых программ информатизации среди регионов России на душу населения Республика Саха (Якутия) уже в 2011 г. вышла на третье место, уступив только мегаполисам – Москве и Санкт-Петербургу. По итогам 2012 года Республика Саха вышла на второе место в конкурсе «Электронной России» в номинации «Лучший регион в сфере ИКТ». В текущем году позиции республики укрепляются.

Оптимальным инструментом в данной связи является координация усилий государственного и частного сектора в культуре, административных органов, учреждений культуры, академических институтов и образовательных учреждений в разработке современной модели электронной культуры, позволяющей создать механизм управления и интеграции электронных ресурсов культуры и, соответственно, новой организационной инфраструктуры страны как культуры новых возможностей.

Первые результаты исследований показывают, что необходимо:

---

[1] ОТЧЕТ о НИР по исполнении. Гос. контракта № 900-01-41/06-12 от 23 мая 2012 г. по теме: «Создание культурной среды региона на основе модернизации учреждений культуры и внедрения информационно-коммуникационных технологий (заключительный): Обобщающая книга // Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики. Науч. рук. Н.В. Борисов. СПб, 2012.

— переосмысление границ сферы культуры как объекта культурной политики: включение в сферу государственной культурной политики негосударственных коммерческих и некоммерческих организаций, общественных объединений и т. д.;

— развитие системы индикаторов измерения культуры регионов на основе систематического мониторинга его потенциала и культурного капитала, прежде всего на селе;

— использование культурных ресурсов и брендов как инструмента экономического развития региона;

— переход в работе с культурным наследием от охранительных тенденций к максимизации доступа к нему, в том числе и посредством ИКТ;

— продвижение новых креативных технологий в практику учреждений культуры, нацеленных на интерактивный диалог с аудиторией;

— государственный заказ на подготовку кадров в сфере культуры и искусства, способных профессионально работать в современных условиях.

Поэтому в новых условиях развития якутской культуры приоритетами выступают следующие:

1. сохранение традиционной культуры этносов и разработка культурных стратегий национальной безопасности, действенной законодательной защищенности традиционной культуры при столкновении с существующими различиями в др. культурных слоях из внешнего окружения. Возвращение к «аборигенным формам» природопользования, наделение коренных народов неотчуждаемыми промысловыми и пастбищными угодьями для сохранения традиционного уклада жизни, обеспечения безопасности жизнедеятельности в экстремальных условиях холода;

2. влияние культуры коренных народов Севера как «представителей глобального мира» на западные модели стратегического поведения и выбор адекватных тактических действий в трудных климатически непредсказуемых условиях;

3. культурный обмен с представителями других этносов, наций и трансляция уникальных форм этнокультурного взаимодействия;

4. адаптация инновационных технологий из внешних культурных слоев при сохранении сущности «культурного ядра» региона.

Важнейшими задачами в стратегическом ряду культурного развития Саха в XXI веке выступают – культурная модернизация Республики, воспроизводство «человеческого капитала» в профессиональной структуре общества, новые технологии в системе культурных индустрий (народные промыслы) художественное образование с «арктической компонентой» в системном строении Республики инновационного типа[1].

[1] Игнатьева С.С., Шлыкова О.В. Культурная модернизация Республики Саха (Якутия). Приоритеты региональной политики // Представительная власть. 2014. № 4. С.30-34.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

КУЛЬТУРА КАК ЦЕЛЬ РАЗВИТИЯ: ПОНЯТИЯ И ПРОЦЕССЫ

Капустина Л.Б.
(Санкт-Петербург)

КУЛЬТУРА КАК РЕСУРС БЫТИЯ

Современный рубеж веков ставит мировое сообщество перед лицом глобальных перспектив и важных решений; именно поэтому, наряду с политическими и экономическими ресурсами, вырастает в своей значимости стратегический потенциал культуры. Смена оптики зафиксирована не только в развернутой теоретической традиции, но и на уровне общезначимых инстанций. Стокгольмская конференция ЮНЕСКО 1998 года – в преддверии третьего тысячелетия – предлагает своим государствам-членам позиционировать культурную политику в качестве «стержневой» стратегии развития.

Очевидный «сдвиг» на «культуру» предопределен, ни много ни мало, мировым культурно-историческим опытом и верифицирован как некая объективная данность. Культура выходит на первый план не только в вопросах личностно-индивидуального развития – в развитых национальных культурах этот вектор, начиная с Нового времени, сохранялся, по сути, всегда. Сегодня возникает насущная необходимость учитывать и историческую перспективу, и важную для самосохранения человечества интуицию «конца времен». Именно поэтому на современном рубеже веков культура оценивается, прежде всего, как «глобальный» ресурс, способный обеспечить мягкий выход из общепланетарного кризиса.

Обращение к исследовательским подходам, которые очерчивают традиционные антропологические перспективы бытия в культуре, было бы неполным без ссылки на работы, где звучат трагические ноты сомнения. В них всегда присутствует стремление обогатить «одномерную» (Г. Маркузе) современную жизнь смыслом, обогатить ее «плотью» и «кровью» полнокровного духовного и экзистенциального бытия.

Ю.Н. Солонин в своем докладе на VI Собрании Научно-образовательного культурологического общества «Роль культурологии в современном мире» обозначил, пожалуй, один из самых насущных вопросов: «почему сегодня из жизнедеятельности общества очевидно и, похоже, весьма целенаправленно «вымывается» гуманистическая составляющая?»[1].

Люди культуры второй половины прошлого века, так или иначе, тоже задавались этим вопросом, – например, в связи с феноменом поэзия Пауля Целана («поэзии после Освенцима») или по случаю непростой

[1] Солонин Ю.Н. Возможно ли культурологическое образование? Доклад на VI Собрании Научно-образовательного культурологического общества «Роль культурологии в современном мире» (Петербург, 16-18 мая 2012 г.) // Материалы VI Собрания Научно-образовательного культурологического общества (НОКО) «Роль культурологии в современном мире» (Петербург, 16-18 мая 2012 г.). СПб., 2012.

проблематики «посткультуры». Однако в контексте культурного и образовательного пространства Петербурга второго десятилетия XXI века этот вопрос по-прежнему звучит свежо и радикально.

Сомнения современников и их тревога множатся: они касаются и путей развития философии[1], и практик актуальной повседневности, например, таких, как молодежная политика[2]. Сама постановка подобных вопросов может означать лишь одно: оказывается, человек еще так мало знает мир и самого себя, чтобы изменить нашу общечеловеческую совместную жизнь к лучшему. Мы так плохо знаем, что такое жизнь, и само по себе удивительно, что, пройдя такой огромный путь в культуре, о феномене жизни человек задумался лишь во второй половине XX века, – признает М.С. Каган в своих «Диалогах» с Е.Г. Соколовым о современности[3].

Воспитанный многовековой традицией культуры, человек современного рубежа веков уже не столько ищет новые культурные пространства для самовыражения, сколько задает себе глубокие вопросы, от которых зависит общечеловеческое будущее. И это не может не ставить другие актуальные задачи перед культурной политикой: с одной стороны, помочь обрести понимание культуры как некоего полноценного, интенсивного, бытийного опыта существования, своего рода новой «философии жизни» и «новой метафизики» человеческого пребывания в мире, с другой – дать возможность проявиться новым социокультурным формам.

Сегодня речь может идти, прежде всего, о привилегии и насущной необходимости оставаться человеком, о философии и искусстве жить в постнеклассическую эпоху. А значит, из всего многообразия методологических подходов в исследовании культурной политики обратить внимание, прежде всего, на такие ее аспекты, как социально-ориентированный, субъектно-деятельностный, культурно-философский и онтологический.

Зададимся самым простым вопросом: почему человечество связывает свои надежды на устойчивое и конструктивное развитие, на новые формы солидарности и диалога именно с культурой? Поиск ответа на этот вопрос сложно искать в древности или даже в самой близкой нам по духу эпохе Ренессанса. «Запрос» на культуру появляется лишь в прошлом веке, причем не только в теоретической традиции, но и, например, в литературе, когда она становится самостоятельной формой искусства, а писатели-классики – носителями общекультурного мышления и глашатаями перемен. Именно в искусстве как одном из

---

[1] Филиппов Г.Г. Об энтропийных тенденциях современной культуры // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. СПб., 2014. Т. 15. № 4. С. 268-275.

[2] Иваненков С.П., Кусжанова А.Ж. Социальное самочувствие и жизненные планы современной молодежи // Управленческое консультирование. СПб., 2015. № 4 (76). С. 114-122; № 5 (77). С. 157-167.

[3] Каган М.С., Соколов Е.Г. Диалоги. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2006. С. 96.

базовых институтов культуры осознается, что человечество, по сути, «всегда находится при конце времен»[1].

Интуиция перманентного «конца времен» приводит к пониманию того, что посредством культуры человек располагает удивительной формой времени, которая *дарована* как форма «бытия» и «бессмертия». Время – обозначим его условно как *время бытия в культуре* – способно моделировать вневременно*е* настоящее и каждого отдельного человека, и жизнь социума в целом.

Свидетельства нового взгляда на мир находятся в огромном наследии современности, которая понимает теперь время как некий символический контур общечеловеческого прошлого, настоящего и будущего, где все виды времени стянуты в новый жизненно важный смыслопорождающий синтез – мгновенно реализующийся в нашем сознании импульс переживания культурного опыта как «здесь-и-сейчас» или точку «вечно длящегося настоящего».

Время, которое философы и художники XX века называют *сложным вневременн**ы**м настоящим*, в едином жесте «собирающей» и восстанавливающей новую целостность культурной воли «обнимает» и «растворяет» в себе все прошлое и все будущее. Опыт подобного понимания времени, которое вырабатывается и выговаривается исключительно культурой и в культуре, – пожалуй, одно из главных открытий эпохи «современности»[2]. И оно имеет прямое отношение к жизни современного человека: так, исходя из осознания прошлого и его творческого переосмысления, конституируется сфера преемственности культурного опыта, осмысливаются новые пути, прогнозируется будущее, – то, как *мог бы* жить человек настоящего и будущего.

Отечественная и зарубежная теория, начиная с прошлого рубежа веков, активно исследует эту органичную «потребность» общества в культуре, вызванную необходимостью «восстанавливать», на каждом следующем витке познания, всегда разрушающуюся целостность Бытия. В мифологическую эпоху, опираясь на совокупный общечеловеческий опыт, эту функцию выполнял миф. Позднее во многом утраченные, но по-прежнему необходимые обществу мифологические основания восполняет культура, во многом благодаря собственным онтологическим механизмам сохранения-актуализации и практикам «подключения» к традиции. Здесь уместно вспомнить базовые позиции современной синергетики: культура (как и природа) – система самоуправляющаяся и самосохраняющаяся, а задача политики и практики управления – помочь культуре (как и природе) сохраниться.

Подобной направленности соответствует и эволюция трактовок культурной политики. В культурно-исторической перспективе на смену классическому эволюционизму второй половины XIX века (Г. Спенсер и др.), который упорядочивал, классифицировал культуру, пришли

[1] Борхес Х.-Л. Письмена Бога // Борхес Х.-Л. Сочинения в трех томах. Т. 1. Эссе. Новеллы. С.457.
[2] Капустина Л.Б. Ницше: aperto libro // Studia culturae. Выпуск 21. СПб., 2014. С.37-52.

теории модернизации и перехода к постиндустриальному обществу. Здесь особое внимание уделяется вопросам государственного регулирования культурных процессов (Д. Белл, Э. Тоффлер, С. Хантингтон и др.) и разработке патерналистских моделей культурной политики. В условиях, когда приоритетное значение приобретают электронные средства коммуникации и общественная жизнь подвергается значительным трансформациям, приходят «инновационные» модели управления.

В этой специфической «переходной ситуации», – «постмодернистской чувствительности» (Ф. Лиотар) и трансформации социокультурной среды под воздействием новых информационных технологий, логика эволюции культуры имеет иную направленность. Приходит время «постонтологий» в отсутствие философии духа, «новых метафизик» на полях неклассической рациональности, «метаморфоз бытия и небытия» (М.С. Каган) в ситуации постмодерна, эры интеллектуально-цифровых форм и суровых «диагнозов» ушедшему веку, который поставил ряд новых вопросов.

Размышляя о том, как сложатся в дальнейшем отношения между «людьми слова» и «людьми цифры», говорят об эпохе «постчеловека», кризисе гуманизма, конце цивилизации, фундаментальном перерождении не только социальной, но и физической природы человека, об отказе от традиционных форм социально-исторического бытия, существовавших последние пять тысяч лет.

На этом фоне выглядит вполне естественной новая «переоценка ценностей». Пережив эпоху постмодерна, человек понимает, что классическая культура по-прежнему не исчерпала своего гуманистического потенциала. И, вновь пересматривая свое отношение к духовной деятельности, оценивает культуру как «силу, организующую жизнь». И с этой точки зрения, обозначенной, например, в работах К. Манхейма, Г.П. Щедровицкого, П.Г. Щедровицкого, других авторов, все сферы деятельности человека, в том числе политические и экономические, рассматриваются, прежде всего, как феномены культуры. А культурная политика, которая всегда вписана в контекст перемен, становится одной из составляющих собственно «культурного мышления», поскольку невозможно управлять культурой без знания законов ее бытия и динамики культурно-исторического процесса, без понимания органической предпосланности, предзаданности человека культуре и постоянной необходимости духовного преобразования социальной среды.

Наконец, «интуиция», направленная на «открытие» культуры, в отечественной культурной ситуации современного рубежа веков способствует трансформации наук о культуре в новое дисциплинарное пространство культурологии, происходит активное осмысление ее языка и предметного поля. Всего за пару десятилетий наши ученые – в числе крупнейших из них, например, М. С. Каган, – проделали работу, которая уже превысила модус собственно теории, поскольку исследуются

возможности самого логоса проявленности человека в культуре, осознаются пределы и границы этого бытия.

Самообусловленность, герметичность, и в то же время открытость культурного бытия в полной мере могут осознать лишь те, кто имеет опыт подобного понимания и практики, кто прошел некий осмысленный путь, кто профессионально занят обоснованием и развертыванием уникального модуса существования – *бытия в статусе человека культуры*. Термин по аналогии из области театра, где в прошлом веке появилась новая профессиональная страта – «люди театра». Они и есть «люди культуры» в самом точном смысле этого слова, поскольку профессионально и практически работают с традицией и актуализируют ее для решения насущных культурных задач. Люди культуры – это именно тот случай, когда профессия немного больше, чем просто профессия, ибо она сродни «экспериментам познающего» (Ф. Ницше).

Очевидно, что все перечисленные выше подходы и трактовки культуры ориентированы на философско-антропологическую перспективу и понимание человека как «творца» и «творения» культуры[1]. Культуры нет без человека, его способности к осмыслению, символизации, экзистенциальным переживаниям. Культура – это «процесс», технология становления человеком, «делания человека» (В. Розанов). Она не может быть антигуманной, ибо обусловлена универсальными общечеловеческими ценностями. Культура исконно сакральна, мистериальна, религиозна. Первая в истории человечества культура – демиургического типа, то есть сфера «Творения» и «Творца»: «Вначале было слово, и слово было Бог». И лишь на более поздних этапах культура понималась либо как область сотворчества человека с Богом, либо как вполне светская и самостоятельная сфера деятельности художника.

Так классика науки о культуре снова оказывается впереди нас: субъектно-деятельностный подход, разработанный М.С. Каганом и обновленный современной культурфилософской мыслью, вновь выступает в качестве творческого основания эпохи «культуроцентризма».

Гуманистический характер современной культурной политики проявляется в ее ориентации на «культурного» человека – глубокого, активного, мыслящего профессионала, созидающего общество с богатой культурной традицией.

[1] Каган М. С. Се человек... Жизнь, смерть и бессмертие в «волшебном зеркале изобразительного искусства» // Каган М. С. Избранные труды. Т. 4. СПб.: ИД «Петрополис», 2011. С. 255-330.

О.Н. Астафьева
(Москва)

«КУЛЬТУРА И РАЗВИТИЕ» В КОНЦЕПЦИЯХ ЮНЕСКО

Стабильный интерес к роли культуры в территориальном развитии, демонстрируемый на протяжении последнего десятилетия в российских регионах, – показатель *поворота культурной политики* к проблемам качества жизненной среды, повышения уровня развития человеческого капитала и укрепления культурного разнообразия. Эти цели являются наиболее актуальными для всего человечества в повестке дня на XXI век, который призван стать новым этапом устойчивого развития.

В документах и материалах ЮНЕСКО идеи устойчивого развития получили всестороннее осмысление и рассматриваются как возможность согласования экономической, социальной и экологической (природной) точек зрения на развитие, что позволяет стимулировать рост инвестиций и направлять их как в сохранение природных ресурсов, так и в укрепление человеческого капитала. Начиная с Конференции ООН по проблемам окружающей среды и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992 г.) и до настоящего времени эта концепция выступает ценностно-мировоззренческим основанием для гармонизации общественного развития, определяя перспективы будущих поколений. Исходя из обозначенных в рамках этой концепции приоритетов и целей, сложившихся во многом под влиянием глобальных социокультурных изменений, деятельность экспертного и научного сообщества направлена на методологическую поддержку инновационных *программ и проектов территориального устойчивого развития, где культура выступает одним из основных ресурсов.* Поворот к культуре, признание культуры как ценности, как основы общественных изменений обогатило концепцию устойчивого развития.

Прошедшее двадцатилетие показало, что «будущее, которое мы хотим»[1] основывается на приоритетах природосберегающей экономики («зеленой экономике») и ориентациях на благополучие людей, на удовлетворении их потребностей в знаниях, информации, культуре и искусстве. И если в той или иной мере данная проблематика уже стала привычной как для ученых, так и для практиков, то сам подход к ее осмыслению, несомненно, изменился. Очевидна *смена ракурса обсуждения, разработка методологических основ для практического развертывания («поворота») концепции к человеку как творческой личности, выходы на уровень практики социальных отношений, производства, потребления и активного участия*. В русле ориентаций

[1] См.: Realizing the Future We Want for All. Report to the Secretary-General // Website the United Nations. URL: http://www.un.org/millenniumgoals/pdf/UNTTreport_10July.pdf (дата обращения: 15.07.2015).

на устойчивое развитие социально-значимые цели, характеризуемые экономической эффективностью, биосферосовместимостью и социальной справедливостью при общем снижении антропогенного давления на биосферу[1] дополнены сегодня идеями культурного разнообразия и творческого самовыражения, обращения к культуре как ресурсу развития.

Налицо эволюция *концепции устойчивого развития*: выход за пределы экологии и экономических проблем, активное включение в нее социальной тематики (преодоление бедности и распространение грамотности, борьба с ВИЧ-инфекциями, социальными деструкциями и др.), анализа и распространения передовых практик по сохранению культурного наследия, технологий культурного и экологического туризма, творческих индустрий, а также закрепление в общественном сознании значимости культуры как самоценности. Все это свидетельствует о высшей степени актуальности задачи безопасного цивилизационного развития для всего человечества.

Усложнение социокультурных процессов, связанное с освоением передовых технологий, возрастающие потребности в достижении межкультурного и межрелигиозного диалога и общих этических ценностей активизировало политическую и интеллектуальную элиту на поиски новых оснований для перехода к устойчивому развитию. Сущность такого перехода составляет *ориентация на поддержание социокультурной и социоприродной целостности цивилизации*, кардинально усилившей свои информационные возможности и не до конца осознавшей свое включение в супермагистраль универсальной эволюции.

Актуализация проблематики культурной политики в контексте новых задач, которые предстоит решить российским регионам, дополняется ориентацией на практическую составляющую: результаты должны стать реально заметными для населения страны, включенной в поток социокультурных изменений. Трансформация стилей и образов жизни людей, норм и моделей поведения в условиях глобализации, подвижность иерархии ценностей и традиций, отношения к вере затрагивают все пласты культуры: личностно-обыденный, национально- и социально-идентификационный, социально-интегративный, регулятивный и нормативный, смысловой и символический, лингвокоммуникативный, политико-идеологический, религиозный, художественно-образный и пр. В этих условиях проблемы культурной политики становятся проблемами национального масштаба – *общественного статуса культуры, признания ее мощного интеграционного потенциала социума. Такой культурологический дискурс все чаще получает одобрение со стороны всего российского общества.*

[1] Костина Т.И. У истоков образования для устойчивого развития // Наука и образование в целях устойчивого развития /Под общ. ред Т.И. Костиной; сост. и отв. ред. Н.М. Мамедов. М.: МГАДА, 2006. С.7.

Обратим особое внимание на обращение региональных систем управления к ресурсам культуры как результатам интеллектуально-духовной деятельности человечества в контексте идей преодоления цивилизационных противоречий и вызовов глобализации. Учитывая, что Российская Федерация объединяет 85 субъектов, каждый из которых имеет свою региональную и этнокультурную специфику, то вопрос о ценностно-смысловых основаниях, лежащих в основе национальной культурной политики, является одним из центральных. С одной стороны, наличие общих стратегических целей культурной политики обеспечивает социокультурное единство страны. При этом, с другой стороны, каждое региональное образование предлагает самостоятельный сценарий их реализации. Следует также учитывать, что местные сообщества направляют свои усилия на поддержку тех задач, которые отвечают специфике конкретной территории, ее социально-экономическим показателям, этническому составу населения, демографическим процессам, историко-культурным традициям и др. В зависимости от этого в региональных моделях культурной политики выделяются актуальные направления развития, приобретающие на новом этапе социокультурной модернизации большую отчетливость. Этому способствует и распространение новых информационно-коммуникативных технологий, укрепляющее региональные взаимодействия и устраняющие границы для передачи опыта и технологий.

Если проанализировать региональные практики в контексте обсуждаемой проблемы «культура и развитие», то наиболее репрезентативными из них будут признаны те, где распространяется *межведомственный программно-проектный метод социокультурного развития; где формируется множество дискуссионных площадок, экспериментальных лабораторий и инновационных территориальных зон; где в самых разных формах обсуждаются стратегии культурной политики и анализируются практики взаимодействия субъектов, осмысливается значение культуры для устойчивого развития и ее роль в жизни людей разных поколений.* «Взрыв» новых инициатив произошел в России в 2014 году, который был объявлен Годом культуры[1].

Обратим внимание, что ядро исследуемой проблемы составляют центральные дефиниции – *«культура» и «развитие».* Принципиальное расхождение между теоретическим пониманием (с закрепившимся ценностно-смысловым содержанием) этих фундаментальных категорий и их узкопрактической трактовкой при механическом перенесении в рамках ведомственного подхода к культуре игнорируется. *В результате происходит переход из области стратегирования в сферу операциональных действий* (как принципов менеджмента организаций, локальных идей и проектов и пр.), что приводит к снижению их значимости. При таком подходе осуществляется переход от понимания культуры

[1] См., к примеру: Лучшие региональные практики в сфере культуры Ульяновской области / Под общ. ред. Муромцевой Г.А., Пушкарёвой А.А. Ульяновск, 2015.

как широкого, полисмыслового феномена, неотделимого от понятий «природа» и «общество», к отраслевой интерпретации и приводит если не к отрицанию, то однозначно – к ослаблению существующей между ними взаимосвязи и взаимозависимости.

При этом в документах ЮНЕСКО внимание акцентируется на отказе от каких бы то ни было упрощений, имеющих место в экономикоцентристской парадигме мышления, потребительской по своей сути, воспроизводящей *логику потребности роста*. «В этой системе нет места для индивидуальных целей, существуют только цели системы <…> Так как система обеспечивает производство только для своих собственных потребностей, она тем более скрывается позади алиби из индивидуальных потребностей»[1]. Отсюда вырастает культ потребностей как продуктивистской идеологии, поэтому даже самые позитивные потребности – в обучении, культуре, здоровье, транспорте, отдыхе, – «будучи отделены от их реального коллективного значения, включаются в той же степени, что и производственные от роста потребности в систему стимулирования роста»[2].

Исходя из этого, последовательная разработка в рамках документов ЮНЕСКО идей о понимании культуры как творчества, актуализация перехода к деятельностной концепции, подчеркивает непреходящее значение интеллектуально-духовной деятельности человечества, инновационных подходов для снижения обострения цивилизационных и социальных противоречий, «вызовов» глобализации. Фактически, в условиях нарастания экологических, финансово-экономических, социально-политических кризисов, культура выступает особой «мягкой силой», «слабым воздействием», способным вернуть системе устойчивость и динамизм как условие межцивилизационного взаимодействия. Культура оказывается в центре кардинальных общественных изменений, а *дефицит культуры выступает фактором, способным трансформировать цивилизационные тренды.*

Обсуждение этих проблем сегодня уже не может вестись только на теоретическом уровне, поскольку их социально-практическая значимость в условиях глобализации очевидна, продиктована потребностями в распространении стратегии диалога как парадигмы мышления, позволяющей видеть мир в его целостности и одновременно культурной разнородности, воспринимать культуру как импульс к обновлению территориальных ландшафтов.

Многообразие моделей региональной культурной политики показывает, что идеи ЮНЕСКО, содержащиеся не только в таких основополагающих документах, как Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии (2001 г.), Конвенция ЮНЕСКО об охране и поощрении разнообразных форм культурного самовыражения (2005 г.),

---

[1] Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Пер. с фр., послесл. и примеч. Е.А. Самарской. М.: Культурная революция, Республика, 2006. С.92-93.

[2] Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Пер. с фр., послесл. и примеч. Е.А. Самарской. М.: Культурная революция, Республика, 2006. С.93.

но и концептуально обозначенные в Конвенции в Ханджоу (2013 г.), раскрывают креативный потенциал культуры во имя диалога и развития.

Декларация Ханчжоу «Обеспечить центральное место культуры в политике устойчивого развитие» стала новым этапом в осмыслении роли культуры в политике устойчивого развития. Она была принята на Международной конференции ЮНЕСКО «Культура: ключ к устойчивому развитию» (Ханчжоу, провинция Чжэцзян /Восточный Китай, май 2013 г.). Помимо теоретических обоснований актуальности такого подхода, концептуальная часть документа включает программу действий, позволяющую изменить отношение к культуре и сделать ее *центром политики устойчивого развития.* Опираясь на опыт разных стран, эксперты ЮНЕСКО посчитали необходимым предложить следующие меры: 1) включать культуру во все планы и курсы развития; 2) содействовать развитию культуры и взаимопонимания, т. е. миру и диалогу; 3) гарантировать выполнение культурных прав всем людям, продвигаться в направлении инклюзивного общества; 4) стимулировать развитие культуры в решении социальных проблем, в целях преодоления бедности; 5) развивать культуру как одни из механизмов содействия сохранению устойчивости окружающей среды; 6) использовать адаптационные возможности культуры в периоды стихийных бедствий; 7) воспитывать бережное отношение к культуре для сохранения ее для потомков; 8) использовать ресурсы культуры для реализации устойчивого развития городов; 9) использовать культуру для появления новых устойчивых моделей сотрудничества[1].

Уже сегодня в разных странах мира культурное наследие вводится в современный контекст, становясь туристским продуктом, не разрушающим привычный образ жизни, а формирующим среду, удерживающую целостную среду природно-культурного ландшафта. Как показывает материал конференции в Ханчжоу, развитие творческих индустрий в странах Азии и Африки, в основе которых заложена этнокультурная составляющая, способствует преодолению нищеты и бедности. Совокупность этих направлений в культурной политике подтверждает основной тезис конференции ЮНЕСКО: «Культура рассматривается в качестве ключевого катализатора устойчивости, источника смысла и энергии, творческого подхода и инноваций, средства осознания задач и поиска соответствующих решений»[2].

В целом, принятие Декларации в Ханчжоу стало подготовительным этапом для широкого обсуждения ее идей в контексте подготовки

[1] См. текст Декларации Ханчжоу «Обеспечить центральное место культуры в политике устойчивого развитие» на русском языке. Режим доступа: http://www.unesco.org/new/fileadmin/MULTIMEDIA/HQ/CLT/pdf/final_hangzhou_declaration_russian.pdf.

[2] Декларация Ханчжоу «Обеспечить центральное место культуры в политике устойчивого развитие» на русском языке. Режим доступа:
http://www.unesco.org/new/fileadmin/MULTIMEDIA/HQ/CLT/pdf/final_hangzhou_declaration_russian.pdf.

материалов для Генеральной ассамблеи ООН, в частности – Программы глобального развития на период после 2015 года.

Динамика современных социокультурных процессов свидетельствует о значении идей ЮНЕСКО для разработки региональной культурной политики в разных странах, в том числе в России. В свою очередь, российские регионы в последнее десятилетие демонстрируют острое желание «переформатировать» отношение к культуре, отказавшись от старой схемы – оценивать культуру как культурно-досуговую сферу обслуживания населения. Серьезные системно разрабатывающиеся проекты – Международный культурный форум в Республике Хакасия «Историко-культурное наследие как ресурс устойчивого развития территории», получивший в Год культуры название «Сибер Ил» (2011 г., 2012 г., 2013 г., 2014 г., 2015 г.) и ориентированный на комплексную идею взаимосвязи культуры, экономики и экологии; Международный конгресс – 2011 «Культура как ресурс модернизации», Международный форум – 2012 «Культура и развитие», Международный форум – 2013 «Культура нового поколения», Международный форум – 2014 г. «Культура и инвестиции – региональный аспект», Международный культурный форум «Креативный регион – сильная страна», 2015 г. в Ульяновске – известные в России и за рубежом экспертные дискуссионные площадки, сверяющие вектора социокультурного развития[1].

Анализ моделей культурных политик, репрезентирующих успешное согласование общенациональных и региональных целей культурной политики посредством обращения к различным практикам организации и регулирования социокультурных процессов, тесную взаимосвязь между культурой и развитием территорий представлен нами на примерах Рязанской и Московской области, Республики Хакасия[2].

В теме «Культура и развитие», помимо пространственно-территориального аспекта, инновационные подходы к культурному развитию касаются *проблем творческой самореализации человека в особом ракурсе.* Это закреплено в идеях ЮНЕСКО о поисках новых форм взаимодействия культуры и экономики и переоценке ресурсов культуры как творческого начала, придающего всем видам деятельности дополнительную стоимость. Однако в таком ракурсе проблема «креативной экономики» становится проблемой формирования нового профиля инновационной культурной политики как соответствующей

[1] См.: Историко-культурное наследие как ресурс социокультурного развития: сборник статей I и II Международных форумов 2011-2012 гг. / Под ред. Ю.А. Лапшина и И.Г. Смолиной. Абакан: Издательство Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2013; Международный культурный форум в Ульяновске: инициатива, партнерство, развитие (сборник информационных и аналитических материалов) / Под общ. ред. Астафьевой О.Н. Ульяновск, 2013.

[2] См.: Астафьева О.Н. Стратегии устойчивого развития в культурной политике российских регионов // Образование, наука, культура в современном мире: материалы Международной научной веб-конференции ЮНЕСКО «Базовые идеи ЮНЕСКО в современном образовании, культуре и науке» (Москва, март 2013 г.). М.: Издательство «Пашков Дом», 2014. С.48-62.

современному этапу социокультурного развития стран в эпоху глобализации. Ее направлениями выступают:

- стимулирование активной культуротворческой деятельности: создание условий для участия в творческой деятельности и самореализации разных слоев населения;
- создание не только рынка культурных услуг, но и рынка инновационных проектов и инициатив (общественных и частных) через систему конкурсов и грантов;
- поддержка конкурентной среды, многообразия и альтернативности видов деятельности.

Соответственно, это связано с управленческими инновациями, направленными на выстраивание такой системы взаимодействия элементов и взаимосвязи факторов, при которых существующая конфигурация социокультурной среды будет удерживаться в заданных координатах, несмотря на стохастичность происходящих в ней изменений. Динамичность ее показателей (неустойчивость – вариативность, нелинейность – разнообразие) обеспечивается включенностью в управление разных субъектов и разных способов инициирования их активности. Поэтому столь важным представляется точность идущих от координирующего центра импульсов, удерживающих образы будущего и стратегические цели культурной политики. Общеизвестно, что вероятностность развития ограничивает действие и возможность применения принципа детерминизма, что создает условия для вариативности и креативных новых решений в реализации целей.

Социокультурные инновации – интегративное понятие, базирующееся на широкой интерпретации инноватики как области продуцирования и распространения новых подходов к развитию, к созданию креативных услуг и продуктов, трансформирующих реальность, включающих возможности управления инновационными процессами с целью достижения задаваемых культурной политикой ориентиров. Рассматривая на Третьем мировом форуме по культуре и культурным индустриям «Культура, творчество и устойчивое развитие. Исследование. Инновации. Возможности» положительные практики расширения рынка труда, вопросы вклада культуры в развитие городов, в том числе в развивающихся странах, экспертами поднимались вопросы о новых формах сохранения и использования культурного наследия, распространения разных видов туризма, поддержке креативных индустрий, организации обучения маркетинговым технологиям и стратегиям, в целом – раскрывалась роли культуры в устойчивом развитии[1].

Активное освоение новых видов культурной деятельности и культурных практик в разных странах с очевидностью показывает, что центральными становятся идеи социального сплочения и общей коллективной

[1] См.: The 3 World Forum on Culture and Cultural Industries «Culture, Creativity and Sustainable Development. Research, Innovation, Opportunities (Florence, 2-4 October 2014) URL: http://www.unesco.org/new/en/culture/themes/creativity/unesco-world-forum-on-cultural-industries.

идентичности как приверженности европейским ценностям, они являются даже более сложными, чем социально-экономические достижения[1]. Распространение модели культурной политики в рамках концепции устойчивого развития, разделяемой ЮНЕСКО, раскрывает эффективность комплексного подхода к использованию творческих ресурсов культуры в общественном развитии в разных странах[2], расширяя экономические пространства за счет уникальных товаров, событий, туристических продуктов и пр., т. е. быстро растущих секторов[3]. Вопрос об оценке вклада культуры и творчества в экономику был поставлен в докладе ООН «Креативная экономика. Задачи оценки ресурсов творческой экономики для формирования продуманной политики», подготовленном рабочей группой Конференции ООН по торговле и развитию (UNCTAD) и Программой ООН по развитию (UNDP). Кроме того, эта тема получает постоянное освещение на страницах альманахов, сборников и периодической печати ООН[4] и ее трактовка вписывается в общую концепцию устойчивого развития.

Упомянем о тенденциях к расширению идей диалога культур и взаимодействия всех социальных секторов в ряде документов, закрепляемых в итоговом документе Конференции ООН по устойчивому развитию «Будущее, которого мы хотим»[5] (2013 г.), в Докладе Генеральной ассамблеи ООН «Глобализация и взаимозависимость: культура и развитие»[6], Плане действий Международного десятилетия сближения культур (2013-2022 гг.), принятом Генеральной Ассамблеей ООН и др. Этими документами за ЮНЕСКО закрепляются функции ведущего учреждения в реализации задач этого Десятилетия[7]. Диалог культур

---

[1] См.: Barry Brain. Culture and Equality: an egalitarian critique of multiculturalism. USA: Harvard University Press, 2001.

[2] См.: Декларация ЮНЕСКО, принятая в Ханчжоу (май 2013 г.) «Обеспечить центральное место культуры в политике устойчивого развития». Режим доступа: http://www.unesco.org/new/fileadmin/MULTIMEDIA/HQ/CLT/pdf/final_hangzhou_declaration_russian.pdf.

[3] См.: Fleming T., dr. A Creative Economy Green Paper for the Nordic Region / Tom Fleming Creative Consultancy, UK in cooperation with the Nordic Innovation Centre (NICe). November, 2007. P.5.

[4] См.: Доклад ООН «Креативная экономика. Задачи оценки ресурсов творческой экономики для формирования продуманной политики» http://www.unesco.org/new/ru/media-services/in-focus-articles/creative-industries-boost-economies-and-development-shows-un-report/ (дата обращения: 19.05.2015); Креативная экономика-двигатель и катализатор устойчивого развития. [Электронный ресурс] // Центр новостей ООН. 2013.11.14. URL: http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=20605#.VV-Pofntmko (дата обращения: 22.05.2015).

[5] См.: Итоговый документ Конференции ООН по устойчивому развитию «Будущее, которого мы хотим» / Realizing the Future We Want for All. Report to the Secretary-General [Электронный ресурс] URL: Website the United Nations. URL: http://www.un.org/millenniumgoals/pdf/UNTTreport_10July.pdf (дата обращения: 13.10.2014).

[6] См.: Глобализация и взаимозависимость: культура и развитие. Доклад Второго Комитета ООН (A/68/440 и Add.1 – 4 от13 декабря 2013 года) на Генеральной Ассамблее ООН [Электронный ресурс]. URL: http://www.unesco.org/new/ru/unesco/events/prizes-and-celebrations/celebrations/international-decades OC/GEN/N13/617/93/PDF/N1361793.pdf?OpenElement.

[7] 6 План действий по проведению Международного десятилетия сближения культур (2013-2022 гг.). Париж, 5 марта 2014 г. // URL: http://www.unesco.org/new/ru/unesco/events/prizes-

как многосложный и разнонаправленный процесс в контексте основных направлений развития мировой культуры базируются на признании того, что «прочный мир покоится на сложной тончайшей материи взаимосвязанных ценностей, отношений и поведенческих норм, которые нужно соблюдать как при реализации международных соглашений, так и в обычной жизни, занимая позицию уважения, терпимости, открытости, взаимопонимания и диалога. Именно диалогу отводится все более важная роль в развитии всеобщего планетарного сознания, свободного от расовых, этнических и социальных предрассудков»[1].

Эти идеи образуют ценностно-смысловые основы современной культурной политики, поскольку в условиях новой социокультурной реальности подобная диалогоориентированная направленность обеспечивается специальным инструментарием, связанным с внедрением проектно-программного метода, прогнозированием и моделированием межкультурных коммуникаций, осуществляемых на уровне как внутренней, так и международной культурной политики государства, а разработка стратегии межкультурного диалога и практических рекомендаций по ее продвижению становится потенциально перспективной с точки зрения глобальной безопасности континентов и цивилизаций.

Анализ моделей культурной политики регионов России позволяет отметить особый интерес к культуре, которая рассматривается как основа диалога и как ресурс модернизации, условие устойчивого развития территории. Конечно, сегодня велики потенциальные риски, связанные с масштабной урбанизацией, порой наносящие вред культурной среде и приводящие к деградации окружающей природной среды, а также социальные риски – неравенство и нищета, расширяющаяся социальная неграмотность и информационные «разрывы». Как на федеральном уровне, где активно внедряются мероприятия, прописанные в «дорожной карте» в рамках программы «Модернизация культурной политики», так и на региональном уровне, где реализуются социокультурные проекты, становится очевидным, что стратегические цели культурной политики, прописанные в «Основах государственной культурной политики» отвечают общим мировым трендам, направленным на повышение качества жизни и благосостояние людей. Все регионы России обладают богатейшим культурным капиталом, квалифицированными кадровыми ресурсами и имеют выгодные географические, природные и культурные ландшафты для устойчивого развития. Нужно только научиться правильно их использовать в интересах будущего, которого мы хотим для всех.

---

and-celebrations/celebrations/international-decades.

[1] План действий по проведению Международного десятилетия сближения культур (2013-2022 гг.). Париж, 5 марта 2014 г. // План действий по проведению Международного десятилетия сближения культур (2013-2022 гг.). Париж, 5 марта 2014 г. // URL: http://www.unesco.org/new/ru/unesco/events/prizes-and-celebrations/celebrations/international-decades.

Шеманов А.Ю.
(Москва)

ОТНОШЕНИЕ К ДРУГОМУ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПОДХОДОВ К ПРЕДСТАВЛЕНИЮ О РЕГИОНАЛЬНЫХ И НАЦИОНАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЯХ[1]

В современной литературе по проблемам отношения к другому, в том числе – к представителям иной национальности (этнический другой), к мигрантам (включая носителей иных культур), а также в отношении к людям с инвалидностью и ограничениями здоровья, отчетливо обозначились два идейных подхода, направленных на решение проблемы включения другого в социум. Эти подходы, следуя оформившейся традиции, можно обозначить как интегративный и инклюзивный, или интеграция и инклюзия[2].

Наиболее остро и широко они обсуждаются применительно к образованию, поскольку в современном обществе именно уровень и качество доступного образования обеспечивает уровень достижений и тот или иной социокультурный статус индивида или социальной группы. Тем самым образование обеспечивает качество возобновления человеческого ресурса той или иной национальной культуры или региона в рамках общества в целом. В стране с таким разнообразием этнического состава, какой является Россия, эти проблемы отношения к инокультурному другому по-своему воспроизводятся в различных регионах. Это делает внимание к различным моделям осуществления гражданской солидарности особенно актуальным при выработке общенациональной стратегии культурной политики.

В широком смысле слова инклюзия в образовании определяется как политика, направленная на создание системы образования, которая признает различия между учащимися в рамках общего образовательного пространства и противодействует практике их исключения на основании различий[3].

---

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант 15-33-14106 «Целевые ориентиры государственной национальной политики: возобновление человеческого ресурса и национальные культуры (проблема Другого)».

[2] Paliocosta P., Blandford S. Inclusion in school: a policy, ideology or lived experience? Similar findings in diverse school cultures //Support for Learning. 2010. V. 25. № 4. P. 179.

[3] Шеманов А.Ю. Другой как «неспособный»: социальный конструктивизм vs. медикализация // Культурологический журнал [Электронный ресурс], 2012. № 1(7). URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/112.html&j_id=9 (дата обращения: .31.08.2015). № гос. регистрации

Идейным ядром *инклюзии* является так называемая социальная модель возникновения представлений об отклонениях от нормы (например, социальная модель инвалидности) и политики в отношении людей как носителей таких отклонений, и основанная на ней критика дискурса «делания другим» (othering), развиваемая в целях защиты прав человека. Этот подход к проблеме включения другого базируется на критических культурных исследованиях в рамках концепции социального конструкционизма, в которых изучается социальное конструирование культурных образов инвалидности (и иных культурных репрезентаций Другого[1] – представлений о гендере, расе, норме и т. п.), а также их функционирование как средств стигматизации и дискриминации какой-либо социальной группы[2].

Во всех подходах к ключевым понятиям относится культура. Однако в рамках каждого из подходов различается и содержание этого понятия, и его место.

В первом случае, в рамках так называемой социальной модели, основанной на концепции социального конструкционизма, культура является объектом социальной критики и расценивается, прежде всего, как инструмент доминирования привилегированной социальной группы над всеми, кто ей не принадлежит, – другими, посредством конструируемых культурой норм и ценностей. Лозунгом данного подхода является создание инклюзивного общества, предоставляющего место для всех других во всем различии их смысловых миров, культурных норм и ценностей.

В случае интеграции культура обычно рассматривается как совокупность норм и ценностей, способствующих адаптации социума к окружающей среде, а индивида к социуму. Социализация при этом понимается как освоение несущей общие представления, нормы и ценности культуры, в процессе которого индивид осваивает и социальное значение органических функций своей жизнедеятельности.

По-видимому, можно утверждать, что в обоих рассмотренных случаях культура подвергается натурализации, выступая как данность, но в одном случае она рассматривается как выражение социальных механизмов доминирования – подавления иных и власти над ними, а в другом – как продукт работы механизмов адаптации социума к окружающей среде.

То значение, которое приобрела концепция инклюзии, позволяет утверждать, что в отношении к другому на первое место в качестве ключевого фактора дискриминации выдвинулся господствующий в обществе образ другого, а влияние на конструирование образа другого

0421200152/0001.

Шапинская Е.Н. Образ Другого в текстах культуры. М., 2012.

[1] Шапинская Е.Н. Образ Другого в текстах культуры. М., 2012.

[2] Goodley D., Runswick-Cole K. Len Barton, inclusion and critical disability studies: theorising disabled childhoods. // International Studies in Sociology of Education, 2010. Vol. 20. № 4. P. 273-290; Slee R. Beyond special and regular schooling? An inclusive education reform agenda // International Studies in Sociology of Education, 2008. Vol. 18. No. 2. P.99-116.

стало играть роль основного способа борьбы с дискриминацией, и в том числе – в сфере реализации права людей с инвалидностью на образование.

В данной работе одной из целей является схематически наметить подход к выявлению связи между отношением в обществе к другому с пониманием места человека в данном обществе и следующего из этого понимания способа обращения с ним как другим.

Для достижения этой цели нам представляется необходимым опереться на типологию культурно-исторических периодов, исходящую из способа понимания места индивида в обществе носителями культуры этого общества. При этом мы будем учитывать следующие параметры: отношение индивида к коллективу, отношение индивида к себе самому и отношение между индивидами, включая отношение к другим. Тем самым появляется возможность оценить потенциал культурной консолидации общества, имеющийся у культуры с подобным отношением к другому.

По первому из этих параметров имеется существенное различие между обществами, которые можно назвать традиционными, и обществами нетрадиционными. К последним можно в той или иной мере отнести общества европейского культурного ареала, которые оказались, начиная с Нового времени, т. е. с XVII-XVIII века, втянуты в развитие капиталистических отношений в экономике и социальном устройстве. Они характеризуются постепенным распадом сословной структуры общества с их традиционным укладом, отдававшим приоритет старому перед новым, полученному от предков – перед вновь возникшим.

В этих обществах время представлялось как направленное из будущего в прошлое, а предки почитались как первопроходцы на пути к первоистокам бытия. В обществах модерна, или Нового времени, стрела времени устремляется в будущее: появляется понятие прогресса, а новое становится одной из главных ценностей, получая приоритет перед прошлым[1]. Происходит секуляризация, обмирщение христианской идеи Нового Завета и ожидания Небесного царства: европейское человечество эпохи модерна присваивает себе право на новизну и обретает веру в собственные возможности в достижении лучшего будущего.

Если традиционным, «домодерным» обществам было в разной степени присуще доминирующее сознание приоритета коллектива перед индивидом, который воспринимал себя прежде всего как часть социального целого, то разрушение сословного общественного уклада в эпоху модерна вело к индивидуализации сознания человека. Капиталистические отношения, разрушая устоявшийся веками уклад, перемещали людей из традиционного жизненного мира в абстрактные пространства труда и отдыха, работы и развлечения[2]. Время также меняло свою традиционную структуру годового календарного цикла,

[1] Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд., исправленное. М.: Языки русской культуры, 1999. I-XV. С.687-695, 896.

[2] Giddens A. Modernity and Self-Identity. Self and Society in late Modern Age. Stanford (Cal.), 1991.

разделенного на сакральное и будничное, подчиняясь требованиям экономики и уступая давлению рыночной конкуренции, задававшей свой, непрерывно ускоряющийся ритм.

Однако хотя во всех обществах, втянутых в процесс модернизации, происходит обособление индивида из социального целого и, как следствие, индивидуализация сознания, в период так называемого «позднего модерна» (late modernity[1]) или «другого модерна»[2] индивидуализация приобретает особые, характерные черты, дающие повод назвать общество данного типа «индивидуализированным»[3], а становление самоидентичности человека в этом обществе – его «рефлексивным проектом»[4]. Дело в том, что в отличие от обществ классического модерна, в современных «постмодерных» обществах индивид больше не принадлежит не только ни одному из традиционных сословий, но его место в обществе не определяется также и классовой структурой последнего, поскольку о такой структуре уже нет возможности говорить в прежнем смысле. Этому соответствует изменение межиндивидуальных отношений.

Согласно классическому делению Э. Дюркгейма[5], выделяют два основных типа солидарности, которую можно рассматривать как одну из характеристик межиндивидуальных отношений индивидов: ассоциативную, или механическую, и договорную, или органическую. Первая присуща в большей мере традиционным обществам, в них индивиды, переживающие себя прежде всего как часть общего социального целого, имеют относительно гомогенный и статичный набор верований, образующих их картину мира. Их солидарность определяется пассивно, механически, как следствие этой гомогенности картины мира.

На основе разделения труда, особенно в капиталистическом обществе периода модерна, формируется динамическая договорная солидарность, предполагающая активную выработку общего взгляда на мир на основе договора между различными социальными слоями, классами, в процессе взаимодействия этих групп и их интересов. При всем динамизме солидарности подобного типа она опирается на устойчивую классовую структуру с устойчивыми же классовыми интересами.

Классовая солидарность в обществе позднего[6] («другого»[7]) модерна оказывается подорвана рядом факторов: прежде всего –

---

[1] Giddens A. Modernity and Self-Identity. Self and Society in late Modern Age. Stanford (Cal.), 1991.

[2] Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

[3] Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002.

[4] Goodley D., Runswick-Cole K. Len Barton, inclusion and critical disability studies: theorising disabled childhoods. // International Studies in Sociology of Education, 2010. Vol. 20, № 4. P. 273-290.

[5] Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. Пер. с французского и послесловие А.Б. Гофмана. М.: Наука, 1990.

[6] Giddens A. Modernity and Self-Identity. Self and Society in late Modern Age. Stanford (Cal.), 1991.

[7] Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

высокой динамичностью рынка труда и капитала, обусловленной его виртуализацией[1] и глобализацией[2]. Это ведет к превращению самоидентичности в индивидуальный рефлексивный проект, при этом солидарность индивидов приобретает краткосрочный и динамичный характер, быстро организуемый (в том числе благодаря виртуальным социальным сетям) и столь же быстро исчезающий. Неслучайно на смену дюркгеймовскому представлению о своеобразной устойчивости социальной реальности коллективных представлений, дающей основания относиться к ней как к объективному миру, не уступающему в своей объективности миру вещественному, приходит социальный конструкционизм в понимании любого объекта, рассматривающий его как лишенный реальных референций продукт конструирования в процессе дискурса.

Солидарность становится делом, обусловленным построением его участниками их собственных индивидуальных рефлексивных проектов самости. Она больше не связана в первую очередь с долговременными классовыми интересами и возникающими на этой основе договорами между классами.

Теперь можно перейти к цели данного анализа: к культурно-историческим различиям между обществами в отношении их членов к другим членам общества. Именно на этой основе формируется отношение к другому (людям с особенностями и т. п.) и принципы взаимодействия с ними.

В традиционных обществах отношение к своим характеризуется как функция высокой степени взаимозависимости членов социальной группы друг от друга и, как следствие, обычно достаточно развитой эмпатией. Однако это отношение диалектично: отношения личной вражды, борьбы за статус внутри группы способны становиться причиной демонизации своего другого, превращению его в опасного чужого. Отношению к чужим в традиционных обществах также присуща эта диалектика: от другого исходит опасность, но он же воспринимается и как вестник сакрального мира, посредник в отношениях с ним, что может определять в определенном смысле привилегированное место другого. Примером может служить отношение в древности к людям с психическими особенностями, которые могли рассматриваться то как бесноватые или ведьмы, то как «блаженные», юродивые Христа ради и т. п. Люди с физическими особенностями, сенсорными нарушениями могли считаться носителями Божьей кары, а могли и служить проявлению божественного милосердия.

В обществах классического модерна индивид лишен гарантий как член общества, его судьба зависит от места в классовой структуре и связывающем отношения классов «общественном договоре». В

[1] Иванов Д.В. Виртуализация общества. Версия 2.0. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2002.

[2] Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Изд. «Весь мир», 2004.

этих условиях любой человек, выпадающий по какой-либо причине из социальных структур, оказывается либо в положении преступника, либо объекта милосердия. Развивается система благотворительной помощи. При высокоразвитой экономике и достаточно длительной истории классовой борьбы формируется идеальная модель государства благосостояния (welfare state), где для каждого члена общества обеспечиваются определенные гарантии соблюдения его основных прав. Иначе говоря, индивид рассматривается как часть интегрального целого, определенного общественным договором, где выпадение из общей конкурентной борьбы страхуется предоставлением привилегий статуса получателя помощи, но тем самым – статуса «инвалида», «другого», того, кто не способен к конкурентной борьбе. На высоте развития такой социальной системы и взгляда на общество и место индивида в нем начинает появляться система помощи в обеспечении равных стартовых возможностей людям с различными физическими и/или психическими особенностями, что и выражается в уже упоминавшейся концепции нормализации и политики интеграции.

Обществу позднего модерна с его динамической, рефлексивной самоидентификацией индивида больше не соответствует представление о социуме как о динамически образуемом целом, интегрирующем дополняющие друг друга относительно устойчивые части. Этому обществу перестает также в полной мере отвечать и представление индивида о самом себе, развитое в условиях классической модернизации. Это представление об индивиде как автономной личности, способной рационально следовать собственным предпочтениям на свой страх и риск и рассчитывающей на успех. В этом самопонимании неотъемлемо присутствует представление о границах автономии и ответственности за свои действия, выраженные в рационально формулируемых законах, определяющих границы законной автономной активности. Всеобщность подобного закона опирается на устойчивость социальной структуры и рациональность отношений ее частей, выраженной в метафоре «общественного договора». В «постмодерном» обществе организованной солидарности эта метафора отчасти теряет смысл. В основе солидарности больше не может лежать всеобщий закон для всех рационально действующих автономных личностей. На место основания солидарности выдвигается аутентичность[1]. Моделью такого общества оказывается не рациональная интеграция дополняющих друг друга частей, а инклюзия, т. е. включение в ассоциативно определяемое социальное образование реализующих аутентичный способ бытия динамично организуемых социальных групп. Между ними нет в прежнем

[1] Шеманов А. Ю. Другой как «неспособный»: социальный конструктивизм vs. медикализация // Культурологический журнал [Электронный ресурс], 2012. № 1(7). URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/112.html&j_id=9 (дата обращения: .31.08.2015). № гос. регистрации 0421200152/0001; Taylor Ch. The Ethics of Authenticity. 11th edition. Harvard University Press. Cambridge (Mass.); L., 2003.

смысле ни дополнительности, ни рациональной всеобщности сторон общественного договора.

Именно такое сообщество аутентично реализующих себя индивидов, организующихся в быстро меняющиеся группы, ложится в основу креативности в новых условиях, в основу современного социального развития. Причем существенным условием возможного диалога, который является необходимым для развития общества субъектов аутентичного развития, по Ч. Тейлору[1], выступает общий горизонт значимостей, открытие которого становится важной культурной задачей этого периода. Конкуренция автономных индивидов как участников «общественного договора» остается источником материального обеспечения общества, но не его развития. Этим обусловлены и противоречия отношения к другим в современном обществе (к представителям иных культур, к людям с инвалидностью и т. д. как к другим), амбивалентность этого отношения: они, с одной стороны, возможный адресат помощи (хотя бы помощи в ассимиляции), а с другой – источник креативности и – в своей особенности – ресурс развития.

Не осознавая данное противоречие, невозможно строить адекватную культурную политику в отношении других в современном обществе, невозможно развитие продуктивных отношений в обществе в целом. Для реализации этой культурной политики важно принимать во внимание в современных условиях следующие задачи:

- необходимо поддерживать различные варианты самостоятельно организующихся групп людей, помогая при этом именно их аутентичному развитию, развитию их способностей, обнаруживающихся в процессе самореализации. Именно на этой основе возможно поддержать креативный потенциал общества и обеспечить ему перспективу устойчивого развития;
- существенно важной частью культурной политики является поддержка возобновления человеческого ресурса культуры, т. е. инвестиции в человеческий капитал. Это предполагает поддержку максимально широкого разнообразия культурных вариантов аутентичного развития, что обеспечивает рост адаптивного потенциала общества в постоянно меняющихся условиях современной жизни;
- культурная политика должна строиться на организации максимально широкого диалога, предполагающего формирование общего горизонта значимостей в обществе, в том числе – усилиями проводимой культурной политики.

[1] Taylor h. The Ethics of Authenticity. 11th edition. Harvard University Press. Cambridge (Mass.); L., 2003.

Безуглова Н.П.
(Москва)

ИНТЕРКУЛЬТУРНАЯ ФИЛОСОФИЯ КАК ОСМЫСЛЕНИЕ РАЗЛИЧИЙ

Интеркультурная философия не претендует на статус философской дисциплины как история философии, логика, теория познания, этика, философская антропология, философия права, политическая и социальная философия. Её задача – проникать в философские знания и насыщать их интеркультурным измерением. Соотношение культур, имевших евроцентристскую ориентацию уже с эпохи Просвещения, требует нового философского осмысления и становится одной из центральных проблем академических и общественных дискуссий, в которых все чаще можно встретить мнение о том, что «…современная философия будет или интеркультурной, или она не будет ничем другим, как академическим занятием, не имеющим общественной пользы»[1].

Основная ориентация интеркультурной философии лежит в той же плоскости, что и критика Хайдеггером метафизики, с ее стремлением соизмерять всё существующее с высшим существом – Богом, трансцедентальным субъектом или абсолютным духом. У Адорно критически анализировались отклонения мышления идентичности, не оставляющие места для «другого». Эту линию можно продолжить вплоть до таких философов, как Фуко, Делез, Лиотар, Деррида и других, анализирующих различия. Исследователи обращаются, прежде всего, ко всеохватывающей философской систематике «другого», которое понимается не только как другое – зеркальная противоположность, но и как сторона собственного. В этом смысле можно представить философию различий «предшественницей» и дорогой к интеркультурной философии.

Понятие интеркультурная философия появляется в немецких изданиях примерно с начала 90-х до начала, на английском и других языках несколько позже. В России среди философов также заметен интерес к данной проблематике, что видно по росту публикаций о диалоге культур и методах философствования. Понятие «интеркультурная философия» обозначает философскую рефлексию в интерконтексте, позволяющую решить комплекс задач, из которых можно выделить три наиболее существенных направления, связанных 1) с попытками сравнения, предпринимаемыми усилиями интеркультурной герменевтики по поиску «культурных пересечений»; 2) имеются исследования философско-исторической направленности, придающее особое значение происхождению философии; 3) предпринимаются усилия по интеркультурной трансформации философии. С точки зрения методологии

[1] Kimmerle H. Die Dimension des Interkulturellen. Philosophie in Afrika – afrikanische Philosophie. Zweiter Teil: Supplemente und Verallgemeinerungsschritte. Amsterdam/Atlanta, GA 1994. S. 131.

интеркультурная философия уклоняется от предпочтений в сторону определенных понятийных систем и предварительных герменевтических допущений. В рамках интеркультурной философии ведутся дискуссии, охватывающие многочисленные практические, методологические, научно-теоретические и гносеологические проблемы. Существенны также дискуссии по вопросам основных понятий. Следует рассмотреть актуальное состояние развития интеркультурно ориентированной философии.

Основная задача интеркультурной философии заключается в налаживании активного и плодотворного диалога культур. Другой важной целью является аргументация идеи об отсутствии единых культурных традиций или форм философствования, но наличии широко спектра их вариантов, каждый из которых обладает культурной составляющей. Р.А. Молл, исследователь индийского происхождения, преподающий в Германии, сформулировал это следующим образом: «Интеркультурность ... означает философское и культурное отношение, точку зрения и понимание. Это понимание сопровождает все культуры и философские течения как тень и препятствует их окостенению. Как нет вечной философии (philosophia perennis), у которой только один владелец, так и отсутствует определенная культура с врожденной «энтелехией»[1]. Последнее подразумевает внутреннюю силу, потенциально, заключающую в себе цель и окончательный результат, побуждающий всех к тому, чтобы ею соизмеряться. Этот призыв к самоограничению требует принципиально нового подхода, отличающегося от основных течений западной философии. Осознание данного положения позволяет интеркультурной философии сделать определенные выводы, позволяющие концентрироваться на критике центристски ориентированных стереотипов, формировании новых подходов, анализе культурных различий, на фундаментальном уровне стремиться к достижению взаимопонимания.

Наличие интеркультурного измерения свидетельствует о регулярных и длительных контактах, а также обмене между представителями различных культур, которые в остальном остаются в собственном культурном контексте. Это момент важен для разграничения интеркультурности и мультикультурализма. Последнее понятие означает совместную жизнь людей, которые принадлежат к различным культурам в границах определенного государства и в условиях жизни определенного общества. Понятия интеркультурности и мультикультурализма весьма похожи, и оба дискурса могут обогащать друг друга. Это не отменяет необходимости их дифференциации, что позволяет одновременно установить границы проникновения проблематики межкультурной коммуникации в область интеркультурной философии.

[1] Mall R.A. Philosophie im Vergleich der Kulturen. Eine Einf hrung in die interkulturelle Philosophie. Bremen (Bremer Philosophica), 1992. S. 10.

Проблематика интеркультурности как расширения понятия «мультикультурализм» изначально рассматривалась не философией, а такими дисциплинами как коммуникативистика, география, германистика и т. д. В университетах преподаются курсы «межкультурная коммуникация», «межкультурный менеджмент» которые, хотя и носят междисциплинарный характер, но к философии отношения не имеют. Скорее правило, чем исключение редкое использование интеркультурного подхода в учебных философских дисциплинах. Поэтому дело чести философов внести свой вклад в активно развивающийся диалог различных культур.

Существуют различные варианты понятия интеркультурной философии. Актуальные концепции пытаются провести разграничение с компаративистскими исследованиями, требуя от ученых заниматься «… больше, чем просто сравнениями»[1], под которыми понимается весьма традиционный подход, доведенный к сегодняшнему моменту до высокой степени совершенства сравнительных интерпретаций. Однако данное требование понимается исследователями по-разному. Р.А. Молл требует обратиться к «открытой герменевтике»[2], Р. Форнет Бетанкур ратует за освобожденное мышление, способное к переоценке независимых вкладов различных регионов[3]; Е. Холенштайн говорит о необходимости новой перспективы в общей истории философии[4], и, наконец, Ф.М. Виммер стремится сформировать новый метод философской теоретизирования с целью «взаимной просвещения»[5] и дает ему название «полилог».

Во-вторых, обращает на себя внимание различная оценка роли религиозной мысли. На этот момент указывает, в частности, Р. Паниккар, видящий в философии не более чем «спутника в пути» и что данный «путь во многих культурах называется религией»[6], что заставляет нас вспомнить старую метафору о «философии – служанке богословия». И действительно, многим приходит на ум, в первую очередь, понятие «религия», когда говорится об интеркультурности. Это не удивительно, но вводит в серьезное заблуждение. Вряд ли покажется странным идея диалога с другими культурами, высказывающимися, например, в «Катехизисе католической церкви»[7], под которым понимается, прежде всего, диалог с другими религиями. Но такой чрезмерный акцент на религиозности как отличительной черты культуры и, соответственно, приоритетной составляющей интеркультурной рефлексии, вводит в заблуждение, так как он ставит такие явления как техника, наука, формы

[1] http://homepage.univie.ac.at/franz.martin.wimmer/intkult90.html

[2] Mall Ram Adhar. Philosophie im Vergleich der Kulturen. Interkulturelle Philosophie – eine neue Orientierung. Primus, Darmstadt. 1995.

[3] Fornet-Betancourt Raúl (Hrsg.). Lateinamerikanische Philosophie zwischen Inkulturation und Interkulturalität. IKO-Verlag für Interkulturelle Kommunikation, Frankfurt a.M, 1997.

[4] Holenstein Elmar. Kulturphilosophische Perspektiven. Frankfurt a.M. 1997.

[5] Wimmer, Interkulturelle Philosophie – Vom Dilemma der Kulturalität zum Polylog, Wien, 2001.

[6] Raimon Panikkar: Religion, Philosophie und Kultur // Polylog. Zeitschrift für interkulturelles Philosophieren 1, Nr 1 (1998).

[7] Катехизис Католической Церкви. 4-е изд. М.: Культурный центр Духовная библиотека, 2002.

социальной организации и разнообразные виды творчества, являющиеся важными для развития философской рефлексии, не на свое место.

Третий важный момент касается различий, находящихся в пределах объема и содержания понятия философии. Иногда этот термин так широко используется, что, кажется, трудно отыскать форму мышления без обращения к понятию «философия», что характерным образом суммируется мнением о невозможности существования человеческой культуры без рефлексии разума. Такой подход разделяют многие представители интеркультурной философии, борющиеся против слишком узкого, в частности, европоцентристского понятия философии. Но когда исследователи интеркультурной философии начинают выяснять, что относится к философии, а что нет, то к общему знаменателю они прийти не могут. Даже краткое рассмотрение спорных вопросов, возникающих в академических дискуссиях, демонстрирует, что, с одной стороны, они весьма заметны, а с другой стороны, становится очевидным, что проблемы интеркультурной философии являются отражением жизни современного общества.

Одним из важнейших посылов интеркультурно ориентированной программы философии является то, что она нацеливает исследователей на восприятие голосов других культур. Этот посыл нашел свое отражение в попытке противодействия обычному перевесу академических и экономических исследований на конференциях, в публикациях и в формулировках исследовательских программ. Поскольку академические дискуссии ведутся в соответствующих рамках действующих этических кодексов, а также и на основных языках европейской науки, многие компетентные мыслители незападной традиции исключаются из дискурса. Интеркультурная философия, напротив, стремится к вариативности точек зрения, а также разнообразию форм выражения, отражением чего является отсутствие тематических приоритетов, а также методологических предпочтений.

Стремление услышать голоса других культур проявляется в академической практике в том, что логические тексты японских буддистов или юридические понятия в традиции банту интерпретируются в систематически изложенных философских контекстах. Такую интеграцию следует только приветствовать, поскольку долгое время существовала установка на соотнесение определенных культурных феноменов с историей определенных регионов и стран, культурами Японии или Африки занимались соответствующие дисциплины – японистика и африканистика, но отсутствовала их интерпретация с философской точки зрения. До сих пор сохраняется ситуация – с немногими исключениями – для тех, кто изучает или преподает философию, в соответствии с которой студенты и преподаватели почти не сталкиваются с вопросом о вкладе философов Китая, Индии, Африки или Латинской Америки по определенным философским вопросам.

Темы и методы интеркультурной философии – отдельная важная проблема. Инновации в постановке новых тем в интеркультурной

философии до сих пор не так велики. Рассмотрение академической литературы или проблематики соответствующих конференций показывает отсутствие тем, не встречавшихся в восточной философской традиции, даже если речь шла только о некоторых их деталях. Однако и такой анализ рождает новые идеи, точки зрения, если диалог ведется оппонентами, представляющими различные культурные дискурсы, т. к. это влияет на формирование нового понимания картин мира. При этом неважно то, что рассматриваемые вопросы являются традиционными для философов и связаны с анализом критериев истины, логических предпосылок, этических установок, нравственных норм, эстетических категорий и т. д.

К методам философствования, как это принято считать, относятся разъяснение понятий, разработка соразмерной терминологии, а также исследование имплицитных или эксплицитных суждений. В этом отношении интеркультурная философия способствует отчетливому расширению горизонтов рефлексии, так как выносит на рассмотрение абстрактные понятия, отличные от европейских традиций. Становится очевидным, что анализ неевропейских традиций мышления высвечивает незамеченные до этого установки западной философии.

Плодотворное развитие интеркультурной философии невозможно без использования методологии. Вопрос о методах философской аргументации возникает там, где с самого начала не установлен набор средств выражения, который следует полагать уместным для анализа философского контекста. В философии, так же как и в других дисциплинах, имеются разные стили, которые могут затруднять взаимопонимание, но применение их неизбежно. Дискуссия представителей различающихся философских традиций осложняет диалог, что не является признаком отсутствия общего языка (наличие такого языка обязательно), и это необязательно недостаток ясности выражения, если диалог ведется на чужом языке. Должно ли, например, рассматриваться исполнение гимна индийским жрецом такой же составной частью философской аргументации, как интерпретация тезиса классика, представляющего западную традицию? Даже если в пределах современной философии – например, в области примеров, которые охотно приводятся философами аналитической философии – границы допустимо признанных источников иногда довольно широки, может вызывать сопротивление аргументация жителя Полинезии в виде декларирования определённого стихотворного текста, который к тому же для более полной передачи смысла сопровождается игрой на ударном инструменте.

Хотя данный пример сконструирован, но даже он подтверждает тот факт, что философствующие любой традиции, когда они всерьез используют различные виды культурного выражения, сталкиваются с формами аргументации, кажущиеся им чуждыми и, вероятно, даже неподходящими. Возникающий в данном случае вызов, состоит в том, что представителям культур, ведущим диалог, следует быть более гибкими при восприятии непривычных форм аргументации и искать

пути достижения взаимопонимания, которые должны вести, однако, к содержательным результатам.

В целом эксперименты, служащие поиску новых и соразмерных методов для преодоления культурно обусловленных преград аргументации в философии, редки. Как правило, под названием «интеркультурная философия» скрываются привычные академические формы – доклады, статьи, цитаты и интерпретации классиков к необычным или оставленным до сих пор без внимания источникам (в большинстве случаев текстам). Поиск после новых и все же способных к консенсусу методов все ещё является будущей целью.

В работах по интеркультурной философии часто повторяются основные тезисы, на которых следует остановиться:

1. Интеркультурная философия успешно пытается отойти от узкого подхода философских компаративистов с их зацикленностью на исследовании евроцентричности истории культуры и философии, поскольку западная философия, как и региональные философии, является одной из традиционных исследовательских тем.
2. Каждый из считающихся универсальным философских тезисов, возможно, несет культурную печать. Культурно окрашенные теории не являются достаточно универсальными для философии, несмотря на то, что они на это, возможно, претендуют.
3. Необходимо расширять культурные горизонты истории философии, присоединяя новые философские источники, интерпретируя новые традиции.
4. Идея превосходства европейской философской традиции вызывает критику и подлежит критическому рассмотрению.
5. В глобальной динамике центральной задачей межкультурной философии является новая рефлексия понятия культуры, в котором отсутствует традиционная евроцентрическая, западная установка. Тем самым интеркультурная философия ставит перед другими науками о культуре задачу интеркультурного мышления, что является признаком не только метода, но и позиции исследователя.

Каждый из этих тезисов, более или менее явно сформулирован в литературе по интеркультурной философии и влияет на научные исследования, но мы рассмотрим первое из этих положений.

Если при рассмотрении западной философии речь действительно идет о региональной, хотя и высоко дифференцированной игровой форме философии, то можно было бы использовать любой аргумент, который полагается исключительно на её власть, даже «этнофилософскую» и поэтому не претендующую на универсальность или интеллигибельность. При этом предположении в каждом конкретном вопросе будут вестись поиски самых различных философских форм мышления и концептуальных полей, а также их соизмерений.

Было бы справедливым говорить об «антицентризме интеркультурной философии»[1], но не следует забывать, что любой диалог между представителями различных философских традиций должен исходить из собственных установок его участников. Это относится уже к самому понятию философии. Каждое обращение к философским вопросам любой ориентации должно определять ее предмет, следовательно, отличать от нефилософских объектов. Очевидно, что факт, использования понятия «философия» сам по себе не является достаточным. Сложилась ситуация, что в академическом дискурсе под этим именем систематизировано уже всё, что по праву принадлежит к этой области. Но, однако, инфляционное использование имени, как это видно по публикациям, не может быть заимствовано без потери ориентации. Скорее интеркультурно ориентированной философии придется разработать понятие философии, имеющее как содержательные, так и формальные определения. В текущем состоянии дискуссии по интеркультурной проблематике, это, однако, желаемое будущее.

В некоторых отношениях философия с момента ее зарождения как транскультурного проекта, с одной стороны, всегда несла определенные культурные характеристики общества, в которой она была разработана, но с другой стороны, отличалась характерным стремлением выйти за рамки этих культурных границ. Вопрос о интеркультурности присутствовал постоянно, что подтверждается, например, работами историков философии раннего периода Нового времени, содержавшими рассуждения о философии халдеев, египтян, кельтов, и т. д., и нередко не только располагавшими философию варваров («Philosophia barbarica») рядом с греческой, но и выше ее.

С эпохи Просвещения в Европе и регионах, находящихся под европейским влиянием, уже преобладало более узкое понимание философии, по сравнению с неевропейской традицией, которое не было философски классифицировано «в строгом смысле». Для исправления такой односторонней точки зрения, тесно связанной с политической и экономической историей современной эпохи, необходимо и далее идти в сторону интеркультурной философии. Перспектива развития интеркультурной философии состоит в том, что она и далее основывается на традициях разнообразных культур, отказывается от партикуляризма и полилогическим образом содействует диалогу культур.

[1] Fornet-Betancourt Raúl (Hrsg.): Lateinamerikanische Philosophie zwischen Inkulturation und Interkulturalität. Verlag für Interkulturelle Kommunikation, Frankfurt a.M, 1997. S. 223.

Никонорова Е.В.
(Москва)

УПРАВЛЕНИЕ УСТОЙЧИВЫМ РАЗВИТИЕМ КУЛЬТУРНОГО КАПИТАЛА: РОЛЬ БИБЛИОТЕК И ЧТЕНИЯ

Поскольку инвестирование средств в культурное развитие нации (образование, научные исследования, развитие креативности и творчества, эстетическое и музыкальное воспитание) является в современных условиях важнейшим фактором развития человеческого капитала, роста инновационного потенциала и благосостояния людей, представляется необходимым разработка государственной культурной политики на основе новых экономических подходов к культуре.

Одним из таких подходов является разработка концепции ***культурного капитала***, который можно рассматривать как накопленные результаты творческой деятельности человечества в материальной и нематериальной формах, обладающие свойством создавать активы. Понятие культурного капитала достаточно популярно, а научные подходы к его исследованию активно разрабатываются в культурологии, социологии культуры, экономической социологии и в других науках. Известны, в частности, на эту тему работы П. Бурдьё, Д. Тросби, а также некоторых отечественных культурологов и экономистов.

В российской философско-культурологической традиции культура всегда рассматривались в единстве с природой, например, у историков С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, у русских философов, таких, как Зиньковский и др. Были и работы, раскрывающие связь культуры и экономики, например в книгах С. Булгакова «Философия хозяйства (Мир как хозяйство), «Опыт философии хозяйства» Ю.М. Осипова[1]. Но в то же время «экономическая» линия, связывающая природу и культуру, не сложилась ни во времена государственной экономики, ни во времена рыночных реформ, возможно, потому, что в России не сформировалась экономика культуры, в то время как экономика природы (экономика природопользования) стала активно развиваться, особенно после принятия мировым сообществом концепции устойчивого развития (Рио-де-Жанейро, 1992).

Концепция капитала в экономической науке опирается на феномен накопления материального богатства, которое капитализируется и представляет собой долгосрочный актив, способствующий дальнейшему росту производства. Применительно к сфере культуры накопление

[1] Булгаков С. Философия хозяйства (Мир как хозяйство); Осипов Ю.М. Опыт философии хозяйства. Хозяйство как феномен культуры и самоорганизующаяся система. М.: Изд-во МГУ, 1990.

представляет собой капитализацию всего того, что было создано человечеством и может рассматриваться как невозобновимый ресурс, который требует сохранения и рационального использования. При этом используемая терминология, и в частности, понятие «невозобновимый ресурс», заимствован нами из экономики природопользования. Следует отметить, что в последнее время стали появляться работы, основанные на поиске аналогий между природными ресурсами и ресурсами культуры, между природным и культурным капиталом.

Природный капитал – это понятие экологической экономики, отрасли экономики, которая активно развивается в последние 20 лет после Конференции по окружающей среде и развитию, состоявшейся в 1992 году в Рио-де-Жанейро и принявшей концепцию устойчивого развития как стратегию развития человечества. В документах самой Конференции, а также документах последовавших за ней международных совещаний, заседаний рабочих групп и других форм активности, сущность устойчивого развития определяется как *сбалансированное эколого-экономическое развитие*. Поэтому экологическая экономика базируется на междисциплинарном понятийном аппарате, который формируется благодаря использованию экономической терминологии и адаптации ее к экологическим реалиям на основе поиска экономических смыслов в функционировании живой природы как необходимого базиса для существования человечества. Отсюда, например, появился проект «TEEB», что означает английскую аббревиатуру проекта по экономике экосистем и биоразнообразия – The Economics of Ecosystems and Biodiversity. Таким образом, природный капитал определяется в этой системе знаний как ***«свободные дары природы»***, сформированные в результате природных процессов.

По аналогии можно рассуждать и о культурном капитале как общественном благе, или определенном виде «свободных даров человечества» предыдущих поколений человечества последующим. В этом случае можно проследить определенное «сходство» между двумя этими типами капитала.

На протяжении всего периода антропогенеза наблюдается взаимодействие двух видов капитала. По мнению известного советского российского антрополога В.П. Алексеева средовое воздействие на формирование культуры очень велико, особенно на ранних этапах ее формирования, поскольку реализуются почти все возможности указанного воздействия в соответствии с той методикой, которая была специально разработана им и использована в исследовании. Таким образом, ***природный капитал участвует в формировании культурного капитала***, и можно говорить об определенной генетической связи между ними.

Вместе с тем очевидно и обратное влияние. Однако оно не столь значительно по масштабам, по сравнению с воздействием природы на развитие культуры именно на ранних этапах развития человечества. Более позднее нарастание этого воздействия определяется ростом

антропогенной деятельности, связанной с развитием техносферы и демографическими проблемами. Очевидным и общепризнанным является факт негативного воздействия культуры на окружающую природную среду и природный капитал, способствующего обеднению и обесцениванию этого капитала, с одной стороны, а с другой – возрастанию его ценности, как исчезающего актива, части природы, которая может быть утеряна безвозвратно. С этих позиций культура должна способствовать сохранению природного капитала и трансформироваться в ***экологическую культуру***.

Возникшее в последние годы понятие ***биокультурного разнообразия*** отражает глубокую связь между традиционными культурами и природными условиями, в которых они существуют. Культурное разнообразие играет важную, хотя зачастую и недооцениваемую роль в решении нынешних экологических проблем и в обеспечении устойчивости окружающей среды. В соответствии с уже давно проводимой ЮНЕСКО деятельностью по разъяснению динамичной взаимозависимости между человеком и природой растет признание взаимосвязей между биоразнообразием и культурным разнообразием. Культурные акторы влияют на поведение потребителей, ценностные установки, касающиеся бережного отношения к окружающей среде, и на то, как мы взаимодействуем с природной окружающей средой. Области, где проявляются такие взаимосвязи, включают языковое разнообразие, материальную культуру, знания и технологии, формы средств к существованию, экономические отношения, социальные отношения и системы верований[1].

Таким образом, можно говорить и о существовании биокультурного капитала, который также представляет собой вид актива, имеющего особо важное значение для устойчивого развития, так как он «работает» и на сохранение биоразнообразия, и на сохранение культурного разнообразия, обеспечивает взаимосвязь между ними и способствует пониманию того, что нарушение любой из этих составляющих приведет к негативным последствиям для другой. Особое значение приобретает этот вид капитала в его применимости к идеям устойчивого развития, поскольку является одним из аспектов решения взаимосвязанных экономических, социальных и экологических проблем, с которыми в целом сталкивается человечество.

Продолжая развитие мысли об аналогиях между природным и культурным капиталом, имеет смысл остановиться на необходимости расширения понятия культурного капитала. Так, например. Д. Тросби считает, что это возможно как раз посредством концепции устойчивости. Поскольку культурный капитал существует как источник культурных благ и услуг, и мы можем поддерживать его или приводить в упадок, то значит – можем управлять им, как того требуют наши индивидуальные

[1] Всемирный доклад ЮНЕСКО. Инвестирование в культурное разнообразие и диалог между культурами. Рабочее резюме доклада. Париж, ЮНЕСКО. 2009. www.unesco.org/ru/world-reports/cultural-diversity.

и коллективные цели[1]. Относительно применимости концепции культурного капитала к наследию мнение автора однозначно: «отношение к культурному наследию как к ценным активам и признание того, что они порождают как культурную, так и экономическую ценность, может быть приемлемым способом анализа для обеих сторон»[2]. Одним из основных принципов устойчивого управления культурным наследием Тросби считает *принцип межпоколенческой справедливости*, обоснованный определением устойчивого развития, которое было сформулировано Комиссией по окружающей среде и развитию ООН в докладе «Наше общее будущее»[3]. Именно он лег в основу главного документа Конференции в Рио-де-Жанейро, 1992 года «Повестка дня на XXI век», а дефиниция устойчивого развития звучала в докладе так: это развитие, при котором *«удовлетворение потребностей настоящего времени не подрывает способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности»*. Поэтому принцип «межпоколенческой справедливости» имеет очень важное значение и сейчас, но в то же время сама повестка дня устойчивого развития за 22 года претерпела значительные изменения.

В связи с этим адаптация понятия устойчивого развития к культурному капиталу в современной ситуации, предполагает значительно более широкий контекст, чем только межпоколенческая справедливость. Поэтому необходимо дополнить принципы управления устойчивым развитием культурного капитала следующими принципами: *непрерывности и преемственности развития; разнообразия (уникальности культур) и их взаимозависимости; социальной справедливости в распределении культурных благ; экологичности существования; поддержания жизнеспособности человеческой цивилизации; направленности на развитие человека и человеческого капитал (список открыт)*. Реализация этих принципов означает, что процесс управления должен быть нацелен на непрерывное развитие культурного капитала для сохранения его преемственности; на поддержание разнообразия и уникальности культур; на создание условий для социальной справедливости в распределении культурных благ в пространстве – между различными социальными слоями и группами населения, и во времени – между поколениями; на обеспечение взаимодействия и межкультурных коммуникаций с целью поддержания жизнеспособности цивилизации.

Нацеленность культурного капитала на развитие человека и человеческого капитала связывает воедино культурный капитал, природный капитал и человеческий капитал, и это единство является отражением социоэкосистемного подхода к развитию человечества, который становится очевидным к середине XX века.

---

[1] Д. Тросби. Экономика и культура/пер. с англ. И.Кушнаревой; Нац. Исслед. Ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. Дом ВШЭ, 2013. С.85-89.

[2] Там же. С. 113.

[3] Наше общее будущее. Доклад международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР). М: Прогресс, 1989.

Качество человеческого капитала при этом определяется природным и культурным капиталом этой среды, которые включаются в структуру ЧК через каналы образования, науки, информационного обслуживания, культуры и искусства, системы здравоохранения, экологического образования и воспитания. Качество человеческого капитала, в свою очередь определяет качество формирования природного и культурного капитала через систему социального управления и формирования экологической культуры общества.

Библиотеки в структуре устойчивого развития культурного капитала.

Исходя из этого, значительную роль в формировании культурного и человеческого капитала играют библиотеки. Более того, библиотеки, сохраняя полный издательский репертуар, фактически формируют систему знаний, и о природе, и о культуре, и о человеке, накопленных человечеством в письменном виде. Таким образом, роль библиотек в управлении устойчивым развитием культурного и человеческого капитала определяется тем, что они:

— Способствуют сохранению и накоплению культурного капитала:

- в материальной форме – книги, документы на любых носителях;
- в нематериальной форме – информация и знания.

— Обеспечивают справедливое распределение культурного капитала между поколениями.

— Способствуют поддержанию жизнеспособности человеческой цивилизации (благодаря информации и знаниям).

— Обеспечивают безопасность использования культурного капитала путем верификации информации и знаний с первоисточниками.

— Участвуют в формировании человеческого капитала.

То есть именно библиотеки являются ключевым звеном в структуре формирования и устойчивого развития культурного капитала. В этой связи возникает вопрос о том, как можно оценить их место и роль в этом процессе, а также эффективность этой деятельности библиотек.

Особую значимость приобретает решение проблемы в современных условиях в ситуации сокращения финансирования учреждений социальной сферы. Поэтому актуальным является анализ подходов к этой тематике и конкретных решений, которые имеются в зарубежных странах, чему посвящена книга В.П. Чудиновой *«Измерение ценности и критерии эффективности деятельности библиотек: зарубежный опыт».* Во введении к книге в 2014 году (первое издание датируется 2011 годом) автор пишет: «В связи с этим, наряду с традиционными методами в зарубежном библиотековедении в последнее время развиваются новые подходы, шире используются методы, применяющиеся в экономических исследованиях. Эта работа особенно интенсивно ведется в США и Великобритании, на эту тему публикуются аналитические обзоры и результаты исследований в Австралии, Канаде, Норвегии и других странах. Особенно интенсивно развивается такое направление как оценка

эффективности работы библиотеки, которая тесно связана, прежде всего, со статистическими исследованиями, а также пересмотром системы показателей деятельности библиотек[1]».

Современные исследователи библиотек полагают, что общие задачи, принятые для публичных библиотек в мире, не меняются в условиях информационной революции. Их миссия состоит в дальнейшем движении общества к демократии, равенству и социальной справедливости, увеличении доступа к информации, распространении культуры и знания, в том, чтобы способствовать информационно насыщенному и творческому досугу, развитию библиотек как площадок для коммуникации и социального общения. *Чтобы достичь этой цели сегодня, необходимо пересмотреть роль публичных библиотек, уделяя специальное внимание вызовам цифрового общества.*

Специалисты констатируют общий вывод: **«социальное воздействие» библиотек недооценивается**. При этом в зарубежном библиотековедении социальное воздействие публичных библиотек делят на три группы эффектов:

1. Воздействие на сообщество.
2. Воздействие на навыки и умения населения.
3. Воздействие на экономику.

К первой группе – «*Воздействие на сообщество»,* относится:

— поддержка местной идентичности и сообществ;

— поддержка людей, чья основная деятельность находится вне рынка труда;

— стимулирование культурного обогащения и разнообразия;

— поддержка чувства социального единства во время демографических изменений;

— предоставление информации во времена кризиса;

— облегчение использования новых информационных ресурсов.

Особый интерес вызывает изучение воздействия библиотек на экономику.

В 1995 г. австралийский ученый Haratsis провел небольшое исследование, в котором ценность библиотек была оценена в долларах. Выяснилось, что **на каждый доллар** текущих расходов, инвестированный в австралийскую публичную библиотеку, она приносит, по крайней мере, **2 доллара** созданной выгоды.

Каждый фунт ежегодного государственного финансирования Британской Библиотеки приносит **4,40** фунта британской экономике. Если бы Библиотека не существовала, то Великобритания **теряла бы 280 млн фунтов стерлингов в год**.

Исследование показывает, что инвестиции в Британскую библиотеку приносят стране значительные дивиденды, и, что Библиотека

[1] Чудинова В.П. Измерение ценности и критерии эффективности деятельности библиотек: зарубежный опыт. М.: Издательство Информационного центра сотрудничества «ЛИТЕРА», 2011. С.4.

представляет для британских налогоплательщиков предприятие, стоящее вложенных в него денег. Оно иллюстрирует **ощутимые выгоды для экономики**, которые являются результатом стратегии инвестирования в экономику знаний, информационные технологии и в НИОКР.

Исследование разъясняет ценность Библиотеки не только для тех пользователей, которые получают непосредственный доступ к фондам и услугам Библиотеки, но и для членов общества во всех регионах Великобритании, которые получают косвенные выгоды от научных исследований мирового класса, творческого потенциала и инноваций, которые поддерживает Британская библиотека.

Публичные библиотеки штата Флорида обеспечивают возврат на 1 доллар налогоплательщика **6,54** доллара. В штате Южная Каролина – на 1 доллар возвращается **4,48** доллара. Экономическая выгода, полученная в результате деятельности Университетской библиотеки Питсбурга, составляет **3** доллара.

Определенные сдвиги произошли за последние годы и в России.

В 2010 году Департамент культуры Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и Государственная библиотека Югры провели ***социологическое исследование состояния библиотек сельской местности*** Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Место сельской библиотеки в социокультурном пространстве региона».

Подсчитанная по результатам исследования экономическая эффективность от предоставляемых потребителям услуг по методу возврата на инвестиции составила 1рубль74 копейки на каждый вложенный рубль[1]. При этом следует отметить, какие ассоциации возникли у населения на тему сельской библиотеки (по убывающему количеству отметивших респондентов):

- Информация, знания, образование, развитие, просвещение.
- «Очаг культурной жизни», «островок культуры», «культурно-просветительское учреждение».
- Позитивные эмоциональные характеристики.
- Книги, чтение.
- Досуг.
- Общение.
- Актуальность, нужность и др.

Проведенное исследование показало возможности использования некоторых экономических методов расчета эффективности деятельности библиотек, а также зафиксировало их значимое место в жизни населения конкретного региона России.

Вместе с тем жизнь диктует необходимость разработки каких-то интегративных показателей, которые могли хотя бы с некоторой приближенностью судить об эффективности культурной политики,

[1] Оценка вклада общедоступных библиотек в социально-экономическое развитие Ханты-Мансийского автономного округа – Югры: итоги исследования / Департамент культуры Ханты-Манс. авт.окр. – Югры, Гос. б-ка Югры ; авт.-сост. С.Ю. Волженина. Ханты-Мансийск, 2011.

направленной на формирование национального культурного и человеческого капитала. Этот процесс требует серьезного государственного внимания и контроля, тем более в условиях одобрения «Основ государственной культурной политики», принятых в конце 2014 года.

Развивая мысль о том, что именно библиотеки являются основным звеном в структуре культурного капитала, можно сразу сделать вывод о том, что на сегодняшний день нет ни одного индекса, включающего показатели, которые могли бы хоть в какой-то степени стать количественной характеристикой оценки вклада библиотек в развитие культурного и человеческого капитала.

Специалисты научно-исследовательского отдела библиотечных фондов (НИОБФ) Российской национальной библиотеки (г. Санкт-Петербург) предприняли попытку разработать интегративный индекс для рейтингования регионов на основе оценки деятельности библиотек. При этом в качестве объекта исследования они использовали фонды муниципальных библиотек, обладающие рядом особенностей[1]. Именно фонды библиотек этого типа *содержат документы, как правило, долговременного пользования, обладающие признаками стабильного интереса в течение значительного времени; сроки активной жизни книг находятся в основном в границах от 3-5 до 24, в некоторых случаях, до 30-40 лет; что дало возможность использования статистических данных за относительно длительный период 12-14 лет, т. е. начиная с 1998 по 2012 г.*

Была разработана система из 24 показателей, и каждый показатель из 24 по каждому из 81 субъекта Федерации (без г. Москвы и г. Санкт-Петербурга) был исследован в динамике с 2001 по 2012 г. (12 лет). Сами показатели были разделены на три группы:

- библиотечно-информационные ресурсы;
- информационные потребности;
- финансовые и материальные средства, обеспечивающие функционирование библиотечных систем.

Таким образом, был получен суммарный рейтинг 81 субъекта Федерации по всем 24 показателям с учетом их значимости. На первых местах в этом рейтинге оказались (с 1 по 5): **Ямало-Ненецкий АО, Кемеровская область, Республика Тыва, Республика Хакасия, Липецкая область**. На местах с 77 по 81: *Республика Карелия, Амурская область, Псковская область, Калининградская область, Ненецкий АО.*

Сравнение субъектов Российской Федерации по **Рейтинговой системе Российской национальной библиотеки** с рейтингами по показателям **Индекса человеческого развития (ИЧР)**, **Индекса развития человеческого капитала (РЧК)**, ***Индекса качества жизни и долей расходов на культуру в ВРП*** не показали выраженных корреляций.

---

[1] И.В. Эйдемиллер (руководитель), В.В. Шилов, Н.О. Тихонова, Н.М. Хомякова, И.М. Лапшина. О современном состоянии формирования и использования фондов муниципальных библиотек России. Выступление на Всероссийском библиотечном конгрессе: XIX Ежегодной Конференции Российской библиотечной ассоциации. г. Рязань, 2014.

Вместе с тем исследование стало основанием для некоторых выводов более широкого характера. В частности, разработанный авторами показатель фондоотдачи, который выражает в определенной мере эффективность использования средств, выделенных на комплектование, рассчитывается как число книговыдач на один затраченный рубль и свидетельствует о том, что рост средств на комплектование библиотек не ведет к увеличению книговыдач. Нет прямой связи между объемом средств, затраченных на комплектование и желанием людей читать книги. Снижение фондоотдачи муниципальных библиотек в целом по России в 7,4 раза свидетельствует о том, что с одной стороны, имеет место общая тенденция снижения интереса к чтению, а с другой стороны, нарастает другая тенденция – дифференциации интересов читателей. То есть сегодня эти интересы очень индивидуальны, и требуют от комплектаторов не просто ориентации на какие-то стереотипные пожелания, но и поиска таких форм комплектования, которые удовлетворили бы многочисленные интересы и потребности различных групп населения и индивидуумов.

Кроме того, помимо **физической доступности фондов**, то есть книг, купленных и имеющихся в библиотеке, необходима, если так можно сказать, «**ментальная доступность»**, то есть осуществление процесса соединения человека с книгой, которое возможно только в процессе чтения.

Вот почему, когда мы говорим о культурном капитале, о библиотеках как ключевом звене культурного капитала, мы должны отдавать себе отчет в том, что овладеть этим капиталом, то есть превратить его в ***актив*** – сделать человеческим капиталом, который может быть в дальнейшем использован для приращения культурного капитала, – можно только в процессе чтения. Если мы хотим пользоваться культурным капиталом и наращивать его дальше, необходимо формирование такого культурного пространства, в котором восприятие текстов через чтение стало бы неотъемлемой частью жизни. В этом процессе должны принять участие не только библиотеки, но и издатели, книгораспространители, то есть все те, кто имеет дело с книжной отраслью.

Совершенно очевидно, что этим процессом надо управлять, для чего необходимо разработать определенную систему показателей, которая помогала бы регулировать процесс управления, осуществлять мониторинг, координировать и корректировать цели и задачи, связанные с развитием чтения, использования его различных форм и видов.

В 2014 году Российский книжный союз стал инициатором проекта «Культурная карта России. Литература. Чтение», цель которого – разработать интегральный индекс и оценить с его помощью развитость инфраструктуры для чтения литературы в российских регионах.

В общей сложности состояние инфраструктуры для чтения в регионах отражает 31 показатель, характеризующий активность каналов продвижения, доступность и качество каналов распространения. *Библиотеки формируют пул из 4-х показателей, которые составляют 25% веса интегрального индекса*. Результаты развития проекта и его первые

итоги были представлены в июне 2015 года на общественных слушаниях в Государственной Думе. В целом следует отметить, что разработка такого рода индекса будет способствовать более глубокому пониманию сущности и структуры человеческого капитала и культурного капитала.

Однако актуальной задачей остается разработка интегральных показателей и индексов, посредством которых можно охарактеризовать **национальный культурный капитал**, которые могли бы использовать все имеющиеся наработки, включающие *Индекс человеческого развития*[1]*, Индекс развития человеческого капитала*[2]*, Индекс развития качества жизни регионов*[3]*, Индекс использования библиотечных фондов (Рейтинговая система Российской национальной библиотеки), Индекс проекта «Культурная карта России. Литература. Чтение», показатель доли расходов на культуру в валовом национальном (региональном) продукте*[4] *и др.* \

Наличие такого инструмента, позволяющего осуществить оценку и сравнение деятельности регионов по эффективному управлению культурным капиталом, станет важнейшим звеном в механизме управления устойчивым развитием.

[1] Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации 2013.Устойчивое развитие: вызовы РИО. Под общей редакцией С.Н. Бобылева. Дизайн-макет, печать: ООО «РАИЛЬФ», 2013.

[2] Эколого-экономический индекс регионов России. Методика и показатели для расчета. WWF России, РИА Новости. Авторы (в алфавитном порядке): С.Н. Бобылев, В.С. Минаков, С.В. Соловьева, В.В. Третьяков. Под редакцией: А.Я. Резниченко, Е.А. Шварц, А.И. Постнова. Москва, РИА Новости. Электронный ресурс: http://wwf.ru/resources/publ/book/707.

[3] Рейтинг регионов РФ по качеству жизни. Москва 2014. Рейтинговое агентство РИАРЕЙТИНГ. Группа РИА Новости. Электронный ресурс: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/life_2014.pdf.

[4] Государственный доклад о состоянии культуры в Российской Федерации в 2013 году. Министерство культуры РФ, Москва, 2014. Электронный ресурс: http://mkrf.ru/upload/mkrf/mkdocs2014/doklad_block.pdf.

Закс Л.А.
(Екатеринбург)

ИННОВАЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ СФЕРЫ КУЛЬТУРЫ И СОЦИАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Одной из важнейших целей государственной культурной политики является преодоление отставания сферы культуры российской провинции от развития аналогичной сферы столиц и областных центров. Даже в такой развитой области, как Свердловская (а именно о ней далее речь), количественный и качественный разрыв в уровне услуг сферы культуры, обеспеченности культурными ценностями областного центра и других городов области, не говоря уже о сельской местности, огорчительно огромен. Сегодня это одна из главных причин общего упадка российской провинции, массового оттока из нее наиболее дееспособной и креативной части населения. Не менее важно (и вызывает озабоченность), что дефицит культуры высокой в провинции активно «восполняет» дешевая (во всех смыслах), а сплошь и рядом просто низкопробная продукция массовой культуры. Иметь в каждом маленьком городке или селе свой (желательно, хороший) театр и симфонический оркестр нереально. Российские «дистанции огромного размера», в отличие, скажем, от западноевропейских, существенно ограничивают возможность устранения культурного отставания провинции за счет гастрольной деятельности «столичных» коллективов.

Современные IT-технологии помогают решить эту проблему. При этом, как и всегда в обществе, использование новых технологий порождает не только новые практики, но и рождает необходимость новой структурации и организации участвующих в них социальных субъектов (что, в свою очередь, рождает и новые возможности общения, сотрудничества и интеграции вовлеченных людей). Реально это выражается в инновационных не только для самой сферы культуры, но и всей социальной системы *институциональных процессах.* Они имеют, как минимум, три аспекта. Первый – появление новых институтов, непосредственно заданных IT-технологиями, т. е. таких, по сути, *виртуальных* форм организации совместной деятельности субъектов, без которых новые культурные практики невозможны. Второй – это новые пространства и режимы функционирования уже существующих институтов. Третий – это вызванное взаимодействием первого и второго аспектов рождение новых *реальных* (в конкретном реальном хронотопе) форм объединения и сотрудничества втянутых в культурную практику

людей. Впечатляющий пример такого институционально-инновационного триединства – деятельность Свердловской государственной академической филармонии (СГАФ) по продвижению искусства на территории Свердловской области (СО).

Эта деятельность реалистично сочетает традиционные гастрольные (так, Уральский академический филармонический оркестр ежегодно проводит около 100 концертов на территории СО) и новые (технологически и организационно) «форматы». Реализуемый СГАФ практически с начала века проект предполагает создание принципиально новой инфраструктуры и системы организации филармонической деятельности, целесообразно соединяющий **два основных направления:**

1. Создание и развитие в населенных пунктах СО ***институциональной основы филармонической деятельности*:** локальных форм объединения и организации зрителей/слушателей и их соединения с различными формами презентации музыки (музыкального творчества и его произведений); такими институциональными формами первоначально стали *Городские филармонические залы* (имеющие статус филиалов Большого концертного зала Филармонии – сегодня их 4) и общественные *Филармонические собрания (ФС).*

2. Создание и развитие современной централизованной, основанной на широком использовании IT-технологий и Интернета**, *системы информационного продвижения и трансляции филармонической деятельности и ее продуктов*** из Екатеринбурга (Филармонии) в населенные пункты области, ***массовой коммуникации*** «музыканты – музыка – слушатели» в рамках инновационного творческо-производственного комплекса: филармонического *Виртуального концертного зала (ВКЗ)* (с сентября 2009 года).

ВКЗ изначально ориентирован на работу с «коллективным», иначе говоря – организованным слушателем. Эта работа осуществляется через инициирование и создание на территории области выше названных добровольных сообществ любителей музыки – Филармонических собраний. Первоначально ФС возникли до ВКЗ, но именно с появлением ВКЗ их число существенно возросло (сейчас их 30 и создается 31-е), как и мотивированная возможностью виртуального приобщения к филармоническим концертам активность. ФС формируют и планируют собственный «виртуальный концертный сезон» на основе репертуара Большого концертного зала Филармонии и с учетом собственных предпочтений. Благодаря этому в одно и то же время жители Екатеринбурга и жители удаленных территорий становятся слушателями/зрителями одного концерта. На новых «площадках», работающих на основе ВКЗ, с сентября 2009 по июнь 2014 прошло 1 823 концерта с общим числом человеко-посещений 47 359.

ФС – общественное объединение, являющееся местным отделением Лиги друзей Филармонии во главе с лидером и активом, работающими на волонтерских началах и формирующими вокруг себя новую для данной территории среду общения духовно близких людей. ФС, таким

образом, выступают не только способом приобщения жителей областной периферии к качественной музыке (а ее восприятие осуществляется как в режиме online, так и в offline), но и способом духовно-культурного общения и интеграции граждан, по сути – институциями гражданского общества. Мне довелось участвовать в одном из заседаний ФС в уютной библиотеке далекого от Екатеринбурга, маленького и очень небогатого Камышлова. Бескорыстная любовь к музыке здесь создает удивительную атмосферу доверия, неформального единения и солидарности, ориентированного на взаимопонимание диалога. Аналогичную роль, но в более широком масштабе, выполняют Городские концертные залы, собирающие жителей близлежащих населенных пунктов, а также пользующийся все большой популярностью и интегрированный в деятельность ВКЗ филармонический сайт (в его информационном пространстве происходит и обмен мнениями, и дискуссии, и артикулируются потребности/заявки любителей музыки).

В целом же можно констатировать, что СГАФ сегодня обрела новое функциональное качество, превратившись в институциональный «микст», соединяющий непосредственное и дистанционное восприятие искусства, виртуальные и реальные формы социокультурного взаимодействия жителей СО. У этой дающей синергетический эффект полиинституциональной функциональной системы «трехуровневое» строение:

- **уровень 1:** просмотр «виртуальных» концертов в пределах собственного населенного пункта (до 25-30 концертов в течение календарного года);
- **уровень 2:** посещение «живых» концертов в одном из четырех «базовых» филармонических концертных залов Свердловской области (функционирующих по территориальному признаку) – не менее четырех-пяти концертов разных жанров в течение календарного года;
- **уровень 3:** посещение Большого концертного зала Свердловской филармонии в Екатеринбурге.

И эта система постоянно развивается. Так, в 2010 г. открытием Виртуального концертного зала в доме для престарелых и инвалидов «Уктусский» началось развитие нового направления проекта ВКЗ – «Социальные мини-залы». Оно нацелено на обеспечение культурных потребностей жителей, находящихся в социальных и медицинских учреждениях. Сегодня «Социальные мини–залы» открыты в 9 учреждениях СО. Поскольку растущее предложение автоматически не ведет к такому же росту спроса, СГАФ все большее внимание уделяет воспитанию будущей аудитории – работе с детьми. На основе ВКЗ набирает силу проект «Областной филармонический урок», ориентированный на учащихся 2-9 классов средних школ 30-31 населенных пунктов, подключенных к ВКЗ. В 2015 г. начат социально–ориентированный проект «РИТМ» совместно с Центром медико-психолого-социального сопровождения «Эхо», задачей которого является помощь глухим детям и детям с

ослабленным слухом. Впервые в России поставлена и реализуется задача создания условий для приобщения к музыкальному искусству глухих и слабослышащих детей. С 2015 г. СГАФ реализует проект «Филармония 2.0», задача которого – интеграция системы деятельности Большого зала Свердловской филармонии, Городских филармонических залов Свердловской области и всех учреждений культуры, действующих по системе ВКЗ. Так, благодаря ВКЗ существенно расширится аудитория проекта «Передвижной органный зал»: СГАФ транспортирует в Городские филармонические залы цифровой орган. В их число должен вскоре войти и первый «Региональный концертный зал» в г. Ирбите с привлечением к посещению концертов жителей близлежащих территорий.

Эти впечатляющие результаты, с одной стороны, демонстрируют эффективность социально-функциональной стратегии СГАФ, а с другой – они все же недостаточны, чтобы считать проблему доступности серьезной музыки решенной в нашей области. Наработанный опыт вкупе с пониманием масштаба и специфики поставленной цели позволяют осознать и сформулировать необходимость *нового этапа в развитии функциональной структуры и организации филармонической деятельности в области*.

Потребность нового этапа развития включает, прежде всего, решение задачи существенного роста масштаба деятельности СГАФ в области и охвата ею все большего числа граждан. А для этого требуется *рост, все большее разнообразие и совершенствование работы институциональной структуры СГАФ*. Алгоритм такого развития, в общем, понятен. Но для его осуществления необходимо решить целый ряд проблем.

С учетом темы моего сообщения назову только одну. Это потребность и проблема, скажу так, симметричного участия в большом проекте Филармонии всех заинтересованных в его результатах управленческих институтов. СГАФ вкладывает в проект большие средства. Ему помогает областное министерство культуры, в частности, выделяющее на проект немалые гранты Губернатора СО для сферы культуры. Но необходимо участие муниципальных образований, их органов управления культурой. Тут-то как раз и оказывается, что, помимо дефицита ресурсов, власть ряда муниципальных образований имеет и дефицит понимания насущности и огромной социальной значимости проблемы культурного отставания своей территории. Муниципалитеты пока не стали полноценными субъектами полноценной культурной политики. Есть и другой, «горизонтальный» аспект того же вопроса. Культура поселения, как и региона в целом, не может быть делом только так называемых (и называемых, вообще говоря, неточно) «органов управления культурой». Культура – явление всеохватное. И если СГАФ работает со школами, то в этом должны участвовать органы управления образованием (как муниципальные, так и областные). А работу «социальных мини-залов» должны курировать и частично обеспечивать органы управления социальным обеспечением, социальной работы. Сегодня они тоже *субъекты культурной политики.* В проекте, насколько я знаю, пока не участвует и бизнес, что во многом

связано с малочисленностью и маломощностью бизнес-структур на периферии СО, но также обусловлено его равнодушием к высокой художественной культуре (ведь на поддержку профессионального спорта и церкви бизнес средства дает, что, конечно, тоже культурно благое дело).

Если (в заключение) взглянуть на сказанное обобщенно, целостно, то станет понятно, что, реализуя свою социально-функциональную стратегию, модернизируя и развивая в указанных направлениях свою деятельность, Свердловская государственная академическая филармония как институция культуры принципиально меняет *и масштаб, и способ своего существования*. Ее наглядной моделью с полным основанием может служить актуальный сегодня образ *сети*. Во-первых, потому, что основой функционирования Филармонии в области оказывается именно информационно-компьютерная сеть Интернет, благодаря которой отдельные населенные пункты области и их жители сами становятся звеньями-участниками большой, разветвленной и наполненной звучащей музыкой информационной сети. Во-вторых, образ/модель сети точен также потому, что и многочисленные, различные по масштабу и особенностям участников формы непосредственного объединения и организации любителей музыки сами образуют ширящуюся и включающую все новые общественные звенья *сеть организационных форм и добровольных сообществ любителей музыки,* созданных Филармонией для радостного творческого, обогащающего людей общения с ней. В соответствии с требованиями и возможностями времени она превращается из ограниченной пространством областного центра и обслуживающей ограниченное число «потребителей» (преимущественно жителей Екатеринбурга) организации в *современную организацию сетевого типа с динамической поливариантной/ полиинституциональной функциональной структурой, охватывающей всю территорию Свердловской области и (потенциально) всех ее жителей, приобщая их к высокой музыкальной культуре и ее выдающимся ценностям.*

Понятно также, что Интернет и существующий на его базе ВКЗ делают филармоническую сеть, или Сетевую Филармонию, разомкнутой, простирающейся далеко за пределы СО: в другие регионы России и страны мира, что превращает ее в мощное и эффективное средство продвижения в России и в мире не только филармонических коллективов, но и самой Свердловской области с ее материальной, духовной и художественной культурой, с ее огромным потенциалом для инвестиций, торговли и сотрудничества (обменов) во всех сферах жизни.

Можно с уверенностью утверждать, что такого рода Сетевая Филармония по масштабу деятельности и охватываемой ею территории, числу ее слушателей/зрителей не имеет аналогов в Российской Федерации.

Привалова А.А.
Республика Саха (Якутия)

СОЦИАЛЬНОЕ И КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ: ЗНАЧИМОСТЬ ВНУТРИРЕГИОНАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЙ

При изучении социокультурного развития субъектов РФ возникают разнообразные трудности. Так, например, административное территориальное деление не всегда соответствует логике территории и её социальной ткани и культурному пространству. Внутри региона могут быть значимые различие между его отдельными территориями.

Соответственно, необходим гибкий подход как к анализу различных аспектов социального и культурного поля региона, так и при сравнении различных территорий и региональных проектов. Зачем это необходимо? Прежде всего, для того, чтобы провести оценку эффективности социальных и культурных проектов и использовать в работе возможность передачи и опыт, обеспечить технологизацию и тиражирование успешных проектов.

В 2013-2015 годах Московский институт социально-культурных программ (МИСКП) провел масштабное социологическое исследование “Механика Москвы: исследование городской среды” для изучения качества городской среды российской столицы. С этой целью были проанализированы порядка 150 статистических показателей по 146 муниципальным образованиям (районам) города и проведены два опроса москвичей с репрезентативной выборкой для каждого района (по 12,5 тыс. респондентов каждый). Исследование показало, что внутри города существуют несколько типов территорий, и каждый тип обладает своими особенностями.

На примере работы города Москвы мы можем говорить о том, что даже внутри одного региона есть значимые аспекты отдельных территорий, о которых важно говорить.

Среди причин неоднородности мегаполиса:

- различия в инфраструктуре территорий;
- история места (как заселялась территория, как на ней появлялись учреждения и производства и др.);
- портреты жителей отличаются от района к району.

Соответственно, для развития разных типов территорий необходимо решение различных задач, а значит и методика оценки результатов должна различаться.

В центре обсуждения должны быть проблемы и методы, которые могли бы реально обеспечить реализацию культурной политики. К ним мы относим:

- Сбор данных по различным статистическим показателям;
- Сбор социологической информации: проведение централизованных опросов, стимулирование изучения жителей территории и

аудитории местных учреждений культуры (в том числе силами самих учреждений);
- Мониторинг эффективности общерегиональных проектов – по всем типам территорий, исходя из логики проекта.

Не менее важная задача – оценить доступность культурных благ – принципиально отличается от задачи оценить их качество. Если оценка доступности может, хоть и не полностью, быть сведена к формальным численным значениям, то разговор о качестве неизменно упирается в невозможность оценить качество культуры (и отдельных "благ") без определения единой стратегической рамки и привлечения экспертов к оценке каждого конкретного проекта.

Оценка доступности предполагает формальную оценку на следующих уровнях:
- культурная инфраструктура территории,
- особенности культурного предложения (разнообразие, стоимость),
- инклюзивность физической среды (например, доступность для людей с ограниченными возможностями).

По нашему мнению, оценка качества культурных благ – это гораздо более сложная задача. Можно измерить спрос на культурные услуги в численных значениях, однако такие показатели не дают полной и адекватной картины качества культурных благ.

Есть показатели, которые, не являясь косвенной оценкой качества, помогают оценивать внешние эффекты культурных проектов и реакцию на них посетителей. Среди них:
- Уровень удовлетворенности населения качеством культурных услуг;
- Изменение культурных практик;
- Развитие негосударственного сектора культуры.

Следующая важная проблема касается организации социологических исследований и мониторинга как основы общественного контроля за качеством культурных услуг.

Среди тем, которые требуют обсуждения:
- Необходимость популяризации социологических методов оценки качества культурных благ на уровне отдельных учреждений, территориальных единиц.
- Сравнимость и возможность практических рекомендаций для повышения качества (скорее можно конструировать формальную сторону вопроса, но отзывчивость аудитории к содержанию тоже проявится)
- Возможность использовать информацию, полученную в ходе оценки, для разработки практических рекомендаций по повышению качества и доступности культурных благ, а также выделять и сравнивать успешные практики в этой области.

В любом случае важно помнить, что содержание понятия "качество" зависит от целеполагания, и оценку качества культурных благ необходимо проводить с учетом тех результатов, на достижение которых нацелена культурная политика.

Драч Г.В.
(Ростов-на-Дону)

РЕГИОН КАК ФАКТОР СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ ОБЩЕСТВА

Регион – понятие в большей степени географическое и социально-экономическое, посредством которого обозначают некоторую территориальную общность, однако, поскольку оно характеризует комплексное единство и многообразные связи общества и природы и позволяет локализовать их в определённых границах, то принято говорить о культурных особенностях региона, региональной культурной политике и т. д. В этом случае принимаются во внимание, прежде всего, объективные факторы: природная, экономическая, этническая локализация как некоторая данность, что и позволяет обосновывать необходимые социально-административные и политические решения. Конечно, особое внимание культурологической аналитики регион привлекает как система этнических взаимодействий. Культура обеспечивает региональное единство, выполняя ряд системообразующих функций. С ними обычно и связывают региональные особенности, определяющие занятость населения, социальную стратификацию, вопросы этнической политики и культурного (поликультурного) развития. Регион выступает условием сохранения культурного пространства России. Но в таком случае он должен рассматриваться не только как объект, но и как субъект, активный фактор культурной политики.

Обратимся к такому сложному региону, каким является Северный Кавказ. Взятая «изнутри», этнополитическая ситуация на Кавказе обращает нас к носителям региональной культуры – этносам. Х.Г. Тхагапсоев, указывая на полиэтничность, присущую кавказскому региону, вовсе не связывает с ней конфликтогенность, наоборот, он предлагает подход, который задан видением ситуации «изнутри» и базируется на опыте личной причастности к «миру повседневности одного из этносов региона, к сложным, противоречивым и пульсирующим процессам этнической самоидентификации последних десятилетий, которые непрерывно соотносились со всеми уровнями организации российского общества в целом»[1]. Принятие решений в области экономической, политической, природоохранной должно иметь своей целью сохранение региональных типов культуры, этнического многообразия.

Регионалистика выступает сегодня как оборотная сторона глобалистики и совсем не пользу «тотальной глобализации» и

[1] Тхагапсоев Х.Г. Этнополитическая ситуация на российском Кавказе: контексты, доминантные факторы и тенденции развития // Кавказский регион: пути стабилизации. Ростов-на-Дону. Изд. РГУ, 2004. С. 123.

унификации. В докладе на I международном конгрессе в г. Грозном «Пространство этноса в современном мире» Т.А. Мазаева отмечала: «Многие общества находятся сегодня в стадии перехода от традиционного к модернизированному состоянию… Они являют наиболее органичный пример сосуществования культурной самобытности с модернизированным экономическим и политическим укладом»[1]. Проблемы выживаемости региональных культур обнажают вопросы будущего, высвечивают перспективы развития человечества. Прежде всего, необходимо найти региональные точки развития, проникновения в культуру собственных народов, психологию города и села и различных групп населения. Иной культуры, попросту говоря, нет, поскольку нет культуры, которая не служила бы основанием самого выживания людей.

В этом случае требуется теоретическая проработка, теоретическая глубина вопроса, которая позволяла бы обосновать необходимые административные решения, начиная с характеристики этнических особенностей региона и завершая вопросами бытовыми, психологическими, религиоведческими и антропологическими. Тогда в полной мере будет учитываться вторая сторона вопроса: субъективная, человеческая, подлежащая социологическому обсчёту и анализу. Глубина культурных, человеческих пластов (антропологические измерения культуры) соответствует конституирующему культуру основанию: взаимоотношениям «человек – природа», социокоду, приходящему на смену биокоду. Соотношение «культура и гены» представляет собой центральный нерв в корреляции генной и культурной эволюции. Тема эта исследовалась неоднократно. Дело в том, что появление системы социальной памяти и социального кодирования свидетельствует о разрушении системы биологического кодирования[2]. Речь идёт о человеческой размерности совокупности социальных процессов, о необходимости человека наладить преемственное существование в условиях коллективного воздействия на среду и «неспособности человеческого биокода решить задачу специализированного видового кодирования новых поколений в коллективную деятельность»[3].

Здесь и возникает вопрос о человеке как о творце, выбирающем социальную роль и о «человеческой размерности» соответствующего типа культуры. Человеческие качества, культурные особенности лежат в основании региональных различий. «Человеческая размерность, человеческая вместимость как условие и мера фрагментации социально необходимой деятельности в посильные для индивидов роли и ролевые наборы теснейшим образом связаны с задачей специализированного

[1] Мазаева Т.А. Этнос в пределах новой онтологии // I Международный Конгресс «Пространство этноса в современном мире». Грозный, 2014. С. 9.

[2] Lumsden C.J., Wilson E.O. Genes, Mind, and Culture. The Coevolutionary Process. Harvard university Press, Cambridge, Massachusetts, and London, England. 1981.

[3] Петров М.К. Регион как объект системного исследования. Ростов-на-Дону. Изд. СКНЦ ВШ, 2005. С.37.

кодирования в условиях, когда биологическое кодирование пасует перед этой задачей»[1]. Система образования, медицины, всей системы воспроизводства народонаселения, включая иммиграционные процессы, административную и политическую сферы, демонстрируют некоторую сферу человекоразмерности, которым может и должно соответствовать экономическое развитие региона.

Знаковое кодирование специализированной деятельности индивидов задаётся границами их культурного пространства как в региональных, так и в федеральных измерениях, благодаря чему осуществляется некий непрерывный континуум человекоразмерности, образованный культурными реалиями, которые предписывают нормы поведения и деятельности. Основой континуума выступает необходимость постоянного кодирования индивидов в специализированные виды деятельности. «Матрица фрагментирования корпуса социально необходимой деятельности действительно существует в отчуждаемой от индивидов знаковой форме социокода»[2]. Человеческая размерность типов социальной деятельности позволяет объяснить процессы расселения и регионообразования, задачи воспитания и ассоциации и диссоциации как двух основных состояний индивида. Культура, культурология и антропология обнаруживают своё содержательное и дисциплинарное родство. Весьма красноречива на этот счёт «Антология исследований культуры»[3]. Антропологический поворот в культурологии очевиден. Культура в этом типологизирующем смысле и предстаёт как вариант выбора посильных для индивида ролей и ролевых наборов, пересечения индивидуального «Я» в пространстве коллективного «Мы».

В культуре акцент оказывается сдвинутым на преемственный характер общественной деятельности, осуществляющейся в смене поколений. Но как раз процедуры передачи культурного опыта, традиции и обстоятельства, культурные артефакты свидетельствуют о расселении и регионообразовании. «Социокультурные связи, таким образом, отнюдь не безобидные безделушки, украшения, интеллектуальные, художественные или иные шедевры, а вполне реальные, нагруженные функциями части социального организма, способные во многих случаях оказать ощутимое сопротивление, вторжению инородного, вызвать эффекты «культурной несовместимости», которых особенно много в практике внедрения науки на инокультурных почвах»[4].

Здесь надо учитывать возможные теоретические предпочтения. М.К. Петров обращается к теории ролевых моделей поведения Р. Мертона. По его мнению, концепция ролевых наборов вполне объясняет отношения фрагментации и интеграции социального целого как некую «целокупность признанных обществом и приведенных в

[1] Петров М.К. Цит. соч., .С 38.

[2] Петров М.К. Язык, знак, культура. М., «Наука». 1991 .С 87.

[3] Антология исследований культуры. Спб., Университетская книга, 1997.

[4] Петров М.К. Регион как объект системного исследования. Ростов-на-Дону. Изд. СКНЦ ВШ, 2005. С.95.

нормативное состояние ролей, каждая из которых удерживается в рамках человеческой размерности и распределяется по некоторому подмножеству индивидов, занятых реализацией в деятельности соответствующего фрагмента или соответствующей частной социально-необходимой функции (шахтер, водитель, учитель, врач, ученый, администратор...)»[1]. В этом же контексте вполне уместно обращение к А. Гоулднеру (ученику Мертона). Культура, вернее ее верхний слой, который достаточной полно выступает на поверхности, поддается реконструкции. Например, застольные песни греков, к которым обращается Гоулднер во второй главе своего исследования[2]. Главным образом это те ценностные ориентации, которые обеспечивают целостность культуры.

Вернёмся к идее М.К. Петрова о типах социального кодирования: доолимпийский (лично-именной тип социального кодирования); олимпийский (профессионально-именной); всеобщий (европейский). Вся система отношений к миру, согласно его концепции, распределяется в «базовые матрицы», которые и позволяют транслировать социальный опыт, поскольку замыкают его на социально значимую единицу – тип личности. Для нас при характеристике региональной культуры наиболее интересен профессионально-именной или традиционный тип культуры. Самые разные способы ведения хозяйства предполагают определённые типы знаковой реальности, прямое или опосредованное введение человека в социальную матрицу. Так, замыкание профессиональных навыков на именной структуре богов закрепляет навыки за божественным именем. Нет необходимости говорить, что перед нами миф как мировидение, где нормой выступают гилозоизм и персонификация. Профессионально-именной тип культуры характерен для целого ряда обществ, которые составляют большинство населения планеты. Страны эти обычно называют «развивающимися», вкладывая в этот термин не столько историко-эволюционный смысл, сколько указание на ту идею «развитого состояния», которой руководствуются эти страны в стремлении модернизироваться и уподобиться «развитым» странам, использующим науку и соответствующий технический потенциал, которым соответствует и образ жизни.

Обнаруживается новый аспект глобальных (техногенная цивилизация) и локальных (традиционные, региональные культуры) процессов, сталкивающихся в пространстве регионалистики. Если традиционному обществу не нужен и даже определенно вреден *всеобщий тезаурус,* поскольку он сократил бы или вообще уничтожил общее число наличных профессиональных тезаурусов (машинное производство, как известно, уничтожило ручные промыслы), то межпрофессиональный обмен на современном уровне прочерчивает область общего интереса, единых

[1] Петров М. К Регион как объект системного исследования. Ростов-на-Дону. Изд. СКНЦ ВШ, 2005. С. 20.

[2] Gouldner A.W. Enter Plato: Classical Greece and the Origins of Social Theory. New York, 1995.

экономических и социальных интересов, универсальных для общества и страны в целом. Но каковы судьбы традиционных культур, без которых немыслима региональная культура ряда стран, в том числе и России? Поставленные вопросы не укладываются в рамки европоцентризма. Обнаруживается *поливариантность культурного развития и уязвимость техногенной цивилизация* на фоне не теряющих сил традиционных культур. Внимание к европейской парадигме, как лишь к одному из вариантов культурного развития, открывает путь к исследованию механизмов самосознания культур и превращает их в исследования культурологические.

С конца XIX века возникает проблема выживаемости культур, сегодня поднимаются вопросы будущего всей мировой цивилизации. Несмотря на правомерность такой глобалистской постановки вопроса, все-таки проблемы глобализации зачастую совершенно справедливо рассматриваются как проблемы локализации («глокализация»). И многие исследователи приходят к выводу, что необходимо найти региональные точки развития, тонкое проникновение в культуру собственных народов, собственных регионов, психологию небольшого города, психологию насыщенной культурной жизни. Итак, поднимается вопрос о новой самоидентификации. Проще сказать, каковы те культурные ценности, которые могут в настоящее время помочь выжить россиянам не только как государству и нации, но и как определенной цивилизационной целостности, редуцируемой к регионам?

Процесс глобализации продолжается. Сейчас, по мнению Томаса Фридмана, происходит третья стадия глобализации. Его результатами выступает глобальное потепление, рост мирового населения, увеличение численности образованных людей и их участия в производстве мирового интеллектуального продукта и обшей дестабилизации мира, превращению его в «жаркий, плоский и многолюдный»[1]. Но разве не об этом писал Ортега-и-Гассет? Об агломерации, унификации и нашествии масс[2]. Дело в том, что в данном случае подчёркивается роль информационных технологий, превращающих мир в «большую деревню», стремительного развития техники и инженерии как самостоятельной области, разрушение природы и т. д. В этом случае глобализация связывается не с деятельностью национальных государств или транснациональных корпораций, а отдельных людей и мини-коллективов, выполняющих работу в планетарном масштабе.

Вряд ли в этом виноваты сами по себе наука и технический прогресс. Наш культурный пафос должен состоять в том, чтобы развивать науку, образование, просвещение, которые создают предпосылки для широкого спектра антропологической самореализации. Эти просвещенческие ценности не исчерпали себя в сегодняшнем мире, по крайней мере, в России. Вера в науку, просвещение – все это, в конечном счете, должно

[1] Фридман Т. Плоский мир. Краткая история XXI века. М., Аст, 2007.
[2] Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М., 2001.

помочь преодолеть хаос, который, к сожалению, периодически возникает на историческом пути человечества. Но наука и техника представляют собой лишь цивилизационную оснастку. Культура – это выработанные алгоритмы действия, способы поведения и общения, образа жизни, включая её материальную оснастку. То есть, культура – это то, чем человек живёт, его ценности и идеалы, предпочтения и стереотипы в образе жизни и быта, вплоть до «техник тела». Традиционные ценности создают, в свою очередь, предпосылки и условия для освоения современных социальных технологий и развития науки и образования. Нельзя рассматривать человека чисто рационалистически. Не просто институты создают этот мир; главное состоит в том, как человек ведёт себя в этом мире. Культура позволяет реализовать подсознательное в жизненном пространстве этноса. Бессознательное диктует основные типы психических реакций (отношение к себе, к окружающим, к семье), а этническая культура (национальная) закрепляет те психические стереотипы, которые характерны для данного этноса.

Проблемы этнокультурного развития в условиях современной цивилизации зависят не только от способности этноса адаптироваться и найти свое место в мире, сохраняя свой язык, традиции и обычаи, но и от умения совмещать традиции и инновации, воспроизводя свою культурную идентичность в новых экономических и социальных условиях. В этих условиях инноватика может рассматриваться как непременное условие сохранения этноса в новой цивилизационной среде, использования им механизмов цивилизационного взаимодействия в глобальном мире. И проблема не сводится к тому, что и как заимствуется, перенимается, усваивается. Затрагиваются фундаментальные вопросы этнической культуры и условий её существования, к которым относятся взаимоотношения с природным окружением, взаимоотношения в семье и т. д. Ключевым условием в решении этой задачи является понимание процесса адаптации к современным условиям на этнической основе. Российское общество в этих условиях также испытывает необходимость в адекватном понимании собственной полиэтнической природы, выяснения влияний на её изменения со стороны современной цивилизации. Несмотря на многообразие культурных типов и этнокультур, современное российское общество сохраняет социальное единство, способное быть основой дальнейших модернизационных процессов, которые опираются на объективные культурно-исторические предпосылки национального развития российских этносов.

Культурологический подход с привлечением этнокультурной проблематики оказывается одним из возможных путей решения сложнейших социальных проблем регионального развития и консолидации. Для своего существования и воспроизводства народы, сохранившие этнически специфические, традиционные способы жизнедеятельности, сложившиеся в контексте этнической культуры, вполне успешно используют современную технологическую оснастку. В этом отношении современная культура этносов стала

взаимосвязанной с технологическими изменениями, происходящими в мире, но и подверженной риску социокультурных трансформаций и унификаций. Этническая культура традиционно рассматривается как результат этногенеза и потому может быть охарактеризована как культурный опыт, исторически приобретаемый этносом при освоении определенной территории и приспособлении к конкретным природным условиям существования, который кристаллизуется в виде совокупных материальных и духовных ценностей, норм и стереотипов поведения, необходимых для его полноценной деятельности и отражающих внутренние и внешние взаимодействия этноса. Сохранение этносов является непременным условием дальнейшей консолидации общества в региональных и федеральных масштабах.

Можно заметить, что культура современных этносов испытывает всё большее давление техногенной цивилизации и массовой культуры. В этих условиях возникает вопрос о культурных трансформациях этноса и его способности самосохранения, устойчивости его культурных традиций. В итоге этнокультурные ценности представляют собой своеобразное сочетание традиционных и инновационных элементов, в которых концентрируется опыт жизнедеятельности этноса как субъекта цивилизационного развития. Практика показывает, что в глобализирующемся мире культура этноса превращается из относительно замкнутой, локальной системы в открытую, где возрастает удельный вес интеграционных элементов, возникающих под воздействием глобальной цивилизации. Обращение к проблемам этноса и его генезиса позволяет выявить инновационные возможности этнической культуры, высветить логику перехода от традиции к новации (новационному типу культуры).

Можно сделать вывод, что концепт «человекоразмерности» легитимизирует присутствие человека, дыхание времени и как вечного, и как тленного, неповторимость человеческого существа, что и делает любые события исторической жизни, повороты, перевороты, эпохи такими близкими и понятными. Человеческие импульсы, «человеческое, слишком человеческое», в том числе и надежды на объективные законы, которые сам же человек и нарушает, создают мир культуры, со всеми его законами. Культурные миры обнаруживают свою рукотворность. «Ресурс выживаемости этноса, его инновационный потенциал, предопределён базовой системой ценностей. Шанс на выживание и развитие как отдельный этнос, так и человечество в целом имеют лишь в том случае, если способны генерировать и защищать природо- и жизнесберегающие императивы. Утрата этой способности и есть исчерпанность ресурса выживания и потенциала обновления, и, как следствие, ассимиляция и гибель культуры»[1].

[1] Драч Г.В. Размышления об этносах и этническом многообразии в современном мире (на материалах I Международного Конгресса по этнокультуре г. Грозный) // Научная мысль Кавказа, №1, 2015.

Имманентное качество культуры на любом этапе её развития – это творчество, и вне человека, вступающего в межкультурный контакт, результаты возникнуть не могут. Отсюда столь важна роль региональной культуры в сохранении творческой личности (тезауруса всеобщности). Региональная политика должна регулировать масштаб и скорость изменения структуры личности, актуализации потенциального «Я» в условиях межкультурных контактов. Только в этом случае возможно стабильное развитие региона, превращающегося в мощный фактор общественной консолидации российского общества. Основная задача региональной политики – обеспечить единое культурное пространство как условие социальной стабильности и политической и экономической безопасности[1]. Роль культуры в обеспечении устойчивого развития регионов во многом должна состоять в тиражировании практик, направленных на решение задач этнокультурного развития и консолидации на этом пути гражданских интересов.

Шадже А.Ю.
(Республика Адыгея, Майкоп)

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ПОЛИЭТНИЧНОГО РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ[2]

Мы живем в тисках крутой формальности –
И уже на подозренье весь Кавказ.
И лицо чужой национальности
Почему-то раздражает нас.
Я смотрю в растерянные лица.
Чувствую, как в них бунтует кровь.
Наша всенародная столица
Выборочно дарит им любовь.
Нам бы всем по-доброму собраться,
Недоверье поборов и страх.
Но уходят в горы новобранцы
И лютует ненависть в горах.

[1] См.: Аванесова Г.А., Астафьева О.Н. Социокультурное развитие российских регионов: механизмы самоорганизации и региональная политика. Изд.2-е, расш. и доп. М.: РАГС, 2004.

[2] Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ. Проект № 15-18-00148.

Мы и раньше уходили в горы
В окруженье дружбы и любви.
А теперь влиятельные воры
Греют руки на чужой крови.

А. Дементьев. Лицо кавказской национальности// Дементьев А.Д. Избранное. М.: Изд-во Эксмо, 2004. С.380.

В современных условиях формирование межэтнического согласия и устойчивое развитие в российских регионах приобретает исключительную актуальность: нужно добиться того, чтобы курс на модернизацию сплотил российское общество и открыл новые возможности для их устойчивого развития. Для его решения, в первую очередь, представляется важным знание региона, осмысление его специфики через культурно-цивилизационный дискурс. Вместе с тем такой подход ставит ряд вопросов, исходя из системного анализа не только проблемы межкультурного и межцивилизационного диалога на региональном, национальном (российском) и глобальном уровнях, но и определения путей развития.

Традиционно считают, что развитие социума, в первую очередь, определяет экономика, которая оказывает также влияние на межэтнические отношения. И тогда возникает вопрос: может ли культура, наряду с экономикой (и политикой), рассматриваться как определяющий фактор развития социума/региона?

Вспомним, что многие исследователи, следуя марксизму, предпочтение отдают экономике. Противоположная точка зрения, руководствуясь теорией М. Вебера, склоняется к культурному детерминизму. В своих рассуждениях мы следуем тому, что «взаимосвязи между экономикой, с одной стороны, и культурой и политикой, с другой, носят взаимодополняющий характер, как это происходит в отношении различных систем биологического организма»[1]. Перефразируя Р. Инглегарта, с уверенностью будем утверждать, что теоретическая концепция (или модель), учитывающие культурные факторы, обладает гораздо большей актуальностью, ценностью, эффективностью и объясняет гораздо больший спектр изменений различных показателей, чем концепция (или модель), опирающаяся лишь на экономику.

Отметим, что при рассмотрении поставленной проблемы мы руководствуемся методологическим положением, отражающим взаимосвязь культуры и общества: «Культура развивается в обществе, в сложно структурированной социальной системе, внутренняя целостность которой также дифференцирована и представлена как результат взаимодействия социальных институтов и целенаправленно создаваемых общественных структур, включая в себя жизненные миры различных

[1] Инглегарт Р. Модернизация и постмодернизация // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. / Под ред. В.Л. Иноземцева. М., 1989. С.267.

социальных сословий, классов, слоев»[1]. По мнению О.Н. Астафьевой, социальный срез культуры рассматривается как ее одна из важных, но частных характеристик.

Однако возникают вопросы относительно рассматриваемого объекта – Северо-Кавказского региона: «Как развивается полиэтничное общество?» «Не является ли препятствием в развитии культурная самобытность и полиэтничность?» «Сегодня есть смысл говорить о кавказской культуре?»

Социогуманитарная наука не дает однозначного ответа на эти вопросы. В результате проблема инновационного развития традиционного северокавказского общества ставится под сомнение многими учеными. Однако осмысление региональной культуры в контексте современной науки позволяет выявить появление новых смыслов в традиционном и обнаружить эвристические возможности северокавказского общества.

Северный Кавказ представляет собой сложную систему. Здесь исторически сталкивались различные культуры и цивилизации. В результате их взаимодействия кавказская культура вступала с ними в диалог, обмениваясь ценностями. При этом она не растворилась ни в западной, ни в восточной культурах. Несмотря на трансформационные процессы в России и активизирующиеся социокультурные риски региональная культура идентифицирует себя с самой собой.

В каждой культуре, как сложной саморазвивающейся системе, говоря словами В.С. Степина, формируются особые информационные структуры-коды, фиксирующие важные для целостности системы особенности ее взаимодействия со средой («опыт» предшествующих взаимодействий). Эти информационные структуры-коды определяют способы воспроизводимости системы как целого. Такими информационными структурами в культуре являются ее базисные ценности и смыслы, которые формируют человека.

Кавказская культура является сложным феноменом. Традиционные ценности на Кавказе принадлежали другому типу культуры, не совпадавшей ни с русской, ни с европейской. Однозначно понять эти ценности и смысл кавказской культуры сложно.

Вспомним классический XIX век. Иностранцы и русские мыслители, побывавшие на Кавказе, «открывали» и пытались понять Кавказ через кавказскую культуру, ведь история Кавказа является отражением его культуры. Они восторженно описывали в своих воспоминаниях необычайную душевную щедрость горских народов, восхищались традиционной культурой горцев, манерой их поведения, называя ее «рыцарской», подразумевая средневековый западноевропейский этикет, особенности стиля жизни, поведения, а также этническую психологию кавказцев: свободолюбие, гордость, создававшие особый миропорядок.

[1] Астафьева О.Н. Целостность культуры как «единство множественности» // Синергетическая парадигма. Социальная синергетика. М.: Прогресс-Традиция, 2009. С. 138-139.

Сохранение традиционного миропорядка позволяло сохранить самоуважение, что давало понимание «внутренней логики поведения горцев», а также выступало своего рода ограничителем поведения человека.

Следует отметить также, что пониманию Кавказа, выявлению смысла кавказской культуры в XIX веке способствовала российская культура и российская литература. Через российскую культуру открывались миру традиционные ценности кавказской культуры: понимание смысла свободы и справедливости, ценности прошлого в кавказском сознании, традиционно занимавшее доминирующее положение в системе ценностных приоритетов кавказца. Все это определяло диалогичное отношение к природе, формировало экологическое мировоззрение, отражалось на отношениях между людьми, поведение в обществе и в семье. Российская литература – А.С. Пушкиным, М.Ю. Лермонтовым, Л.Н. Толстым – формировала кавказский имидж.

Самовыражению и пониманию региона способствовало владение кавказских народов русским языком. Однако сегодня происходит *трансформация ценностно-смыслового пространства русского языка.* В этом плане необходимо особо отметить негативное изменение статуса русского языка – объединяющего компонента в социокультурном пространстве нашей страны. Например, «к последнему десятилетию XX века (к 1990 году) число владевших русским языком достигло своего наивысшего показателя – 312 миллионов человек. Этому способствовали, прежде всего, социально-экономические и научно-технические достижения Советского Союза[1]. Русский язык стал единственным из 10-12 ведущих мировых языков, который на протяжении последних 20 лет, прошедших после распада СССР, неуклонно утрачивает свои позиции во всех без исключения регионах мира, в том числе и в бывших советских национальных республиках, где он доминировал на протяжении почти всего XX века[2].

В современном мировом и российском информационном пространстве происходит «размывание» ядра русского языка, в результате чего усугубляется духовный/культурный кризис в нашей стране, мы теряем нашу общекультурную ценность, на которой основано национальное единство страны. Ведь русский язык является не только этническим языком русских, не только средством общения с представителями разных этносов. Это сила, объединяющая нас в культуре, экономике, политике и т. д., средство сохранения и укрепления взаимопонимания и стабильности. Поэтому нас всех должно связывать одно желание и одна цель – сохранить эту цементирующую силу, укрепить наше сотрудничество и единство нашей страны.

---

[1] Арефьев А.Н. Сжимающееся русскоязычие // Демоскоп. 2013. № 571-572. 14-31 октября. Доступ: http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0571/tema02.php (проверено: 10. 05.2014).

[2] Арефьев А.Н. Русский язык на рубеже XX-XXI веков. [Электронный ресурс]. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2012. С. 6. 1 CD ROM).

Итак, важно понять и принять практические меры по сохранению национального языка, *являющегося скрепой* российской гражданской идентичности, формирующего основу социокультурного пространства других видов идентичности.

Сегодня налицо разительные изменения, происходящие в каждой культуре. Это касается и европейской, и российской культуры, в частности и кавказской. Среди множества причин этих изменений, безусловно, главными являются ценности и смыслы, которые значимы для каждого человека и народа, поскольку они определяют отношение человека к миру/ происходящим событиям, а также являются ориентирами и регуляторами его поведения. В этом контексте можно говорить, что современная культура переживает кризис.

Современная кавказская/северокавказская культура не может формировать человека – носителя фундаментальных ценностей. Это проявляется в отношениях к природе и между людьми, изменении семьи. Смею утверждать, что под влиянием техногенной цивилизации коренные ценности, исторически формировавшиеся в кавказской культуре, размываются. Неопределенность в современных условиях оказывает пессимистическое влияние на молодежь. Для многих представителей кавказских этносов становится престижным/необходимым научиться «крутиться», а не работать. Налицо элементы варварства, проявляющиеся в условиях современной цивилизации.

Поэтому встают вопросы: каков наш ценностный мир сегодня? Каким мы видим свое будущее? Какова связь будущего с нашей культурной памятью?

Каждый народ задумывается над этими вопросами. Ответы на них связаны с фундаментальными ценностями кавказской культуры, поскольку рациональное осмысление и адекватная интерпретация кавказского/северокавказского общества возможны только через культуру.

Руководствуясь этим положением, можно исследовать и понять проблемы современного Северного Кавказа: социально-экономические, политические и духовные. Подчинив решение материальных проблем духовным/культурным, можно спасти свою идентичность, свое «мы», сохраняя в себе множество культурных ценностей и идентичностей.

В поисках «ответа» на «вызовы» современности многие авторы обращаются к нормам и законам – Хабзэ. Понятно, что этот социокультурный институт в том виде, в каком он исторически формировался, не может быть возрожден. Используя терминологию Гегеля, можно сказать, что он может быть рассмотрен в условиях современности лишь в «снятой» форме. К этому феномену следует подходить с учетом возможности выявления нового социокультурного смысла и ценностей в условиях современного общества. Это сложно, но важно.

Кавказ сегодня становится более открытым, диалогичным. Будущую новую социокультурную идентичность предсказать трудно. Конфигурация идентичностей в кавказском/северокавказском

обществе, безусловно, изменится, и будет формироваться новая шкала ценностей, соответствующая открытости. Однако хочется надеяться, что интеллектуальный потенциал региона с учетом социокультурных процессов, происходящих сегодня на Кавказе, может способствовать сохранению ядра кавказской культуры, пусть в другой форме, но которая будет самоидентифицироваться как кавказская. Из этого не следует, что кавказская культура будет жить только благодаря традициям или прошлому опыту. Наоборот, это означает, что в процессе саморазвития она будет усваивать новые формы культурных ценностей.

Современная Россия «переоткрывает» Кавказ и кавказскую культуру. Традиции, воспринимаемые ранее как нечто архаичное, сегодня воспринимаются как культурная основа развития региона. Понятно, что культурную среду, которая создавалась исторически в регионе, невозможно уничтожить. Русскоязычное население, знакомясь с региональным социокультурным пространством и с кавказской культурой, начинает с восхищением оценивать ее ценностный смысл. Творческий коллектив, снимавший фильм «К соседям с любовью», отмечал: «…Пугали Кавказом, а здесь наши привычные представления полностью разрушились. Кавказцы – настоящие патриоты России, какие удивительные, искренние патриоты! …Кавказ – он русский. Он наполнен русской культурой и русским духом»[1]. Отмечалось два положения: в первую очередь развеялся миф о «злых кавказцах». Во-вторых, Кавказ, помимо национальной, насыщен общероссийской культурой[2]. Такое переосмысление и понимание встречается в последнее время не только на повседневном/обыденном уровне, но и научном.

Выводы. 1. Устойчивое развитие полиэтничного региона в условиях современной культуры требует комплексного подхода: а) в полиэтничном регионе важно формировать соответствующий информационный дискурс, нацеленный на конструирование образа «мы – полиэтничное сообщество», на формирование культуры восприятия «другого»; б) региональную культурно-национальную политику важно подчинить созданию условий для саморазвития каждой культуры и каждого этноса, укрепления социальной стабильности и безопасности в регионе, сохранения единства России.

2. В современной полиэтничной Адыгее, как и в России, много проблем и трудностей. Между тем не следует использовать имеющиеся проблемы для дихотомического противостояния «мы» – «они». Важно понять также, что «не существует опасных народов» Могут быть опасные политические условия, создаваемые некоторыми политиками и учеными. Поэтому важно проявить научную и политическую корректность и мудрость, содействовать взаимопониманию на основе диалога культур.

---

[1] «Нас пугали Кавказом» // Аргументы и факты. Северный Кавказ. № 32. 2015. С.13.

[2] Там же.

3. Культурная политика в стране и регионах должна быть направлена на сохранение каждой культурной единицы и укрепление нашего «единства в многообразии». При этом правящая элита не должна руководствоваться крайними принципами «назад к традиции» или «долой традиции». Стратегические задачи в этой сфере определены Правительством РФ в Федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014-2020 годы)» и в «Основах государственной культурной политики». Программы призваны обеспечить координацию государственной национальной и культурной политики, выработку региональных стратегий этнокультурного развития, поддержку диалога между органами государственной власти и общественными национальными и религиозными объединениями.

4. Культурная политика и система управления культурой в стране и регионах нуждается в обновлении. *Во-первых*, не политика силового вмешательства, а политика мягкого воздействия на культуру, политика направления самоорганизующихся этнокультурных процессов. *Во-вторых*, важно учитывать тот факт, что «неотъемлемой чертой современных человеческих сообществ и даже условием их развития является феномен культурной сложности», которая воспроизводится под воздействием разных факторов, вызывая проблемы межкультурных коммуникаций, межэтнических отношений, этнических конфликтов[1]. *В-третьих,* в научных исследованиях и политических решениях в сфере культуры методологически слабой стороной остается использование традиционных подходов, методов классической науки и практики. Нужны новые методы в контексте современной, постнеклассической науки в исследовании культуры как сложной саморазвивающейся системы.

5. В современной России и российских регионах необходимо эффективно соотносить осмысление культуры с формированием российской гражданской идентичности. Идентификационное пространство расширяется в связи с процессами модернизации и глобализации. Остается надеяться, что со временем рамки межкультурного взаимодействия между этносами, регионами и странами будут расширяться.

Представляется, что на основе общероссийской культуры можно укрепить чувство принадлежности к единой российской нации и российскую гражданскую идентичность. Это будет способствовать сохранению и развитию русского языка как объединяющего фактора, с одной стороны, с другой – формированию гражданского сознания в поликультурной среде и укреплению патриотизма в нашей стране.

[1] Тишков В.А. Российская полиэтничность в мировом контексте // X Конгресс этнографов и антропологов России. Москва, 2-5 июля 2013. Тезисы докладов. М., 2013. С. XLV.

Кузьмина Л.А.
(Республика Саха (Якутия)

КУЛЬТУРНЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ И СРЕДСТВА МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Идущие в современном мире объективные процессы глобализации, интеграции политических и социально-экономических реформ приводят к усилению интереса к этнической культуре, традициям, языку, особенностям быта. Это связано с тем, что параллельно процессу глобализации идет и процесс локализации, адаптивное значение которого в таких условиях оказывается наиболее востребованным, так как разрушение локальных структур, целостно представленных в этнокультурных феноменах, ведет к резкому снижению устойчивости, жизнестойкости социальной среды человека.

Возрождение элементов национальной культуры основано на принципе монизма, принципе единства многообразия, который предполагает понимание под мировой культурой единую культуру человечества, в рамках которой каждый народ и регион пытается занять свое особое место. В этом смысле этническая культура развивается как неповторимая и уникальная и как часть мировой культуры, осознающая и проявляющая себя в ней. Человек входит в мировую культуру как национальный человек. Стремление сохранить свою национальную самобытность играет важную роль и оказывает серьезное влияние на нарастающую унификацию духовной и материальной культуры.

Представитель культурного релятивизма французский культуролог К. Леви-Стросс выступает за безусловное сохранение самобытности культур, которая проистекает из естественного желания каждой отличиться от всех других, оставаться самим собой. Нарушение допустимого предела в контактах между культурами ведет к усреднению и нивелированию, утрате самобытности и многообразия. Леви-Стросс предлагает даже пожертвовать культурными контактами, если они угрожают многообразию культур, а вместе с ним и самому их существованию[1]. В этом смысле люди стремятся защитить свой традиционный образ жизни и образ мысли.

Сторонники универсализма признают не только возможность, но и реальность существования мировой культуры. С этой точки зрения, национальная, или «локальная», культура выступает лишь в качестве промежуточного этапа на пути к мировой культуре, которая станет воплощением общечеловеческих ценностей.

---

[1] См.: Леви-Стросс К. Структурная антропология / Пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001.

Культурологи, оценивая культурный релятивизм и универсализм, все больше приходят к выводу, что более плодотворным является не их противостояние, но их взаимное дополнение. Такое понимание ситуации предполагает попытки спроектировать оптимальные конфигурации локального и глобального в различных областях жизнедеятельности человека.

Современный человек имеет сложную, «мозаичную», многосоставную культурную идентичность. Таким образом, в новых условиях российского социума актуализируются идентичности локального характера, поэтому вместе с сохранением общего мирового и российского коммуникативного пространства следует развивать и местные, локальные коммуникативные пространства, призванные обогащать культурный потенциал региона. Безусловно, важнейшая роль здесь принадлежит средствам массовой коммуникации: СМИ, рекламе, PR-коммуникациям, распространяющимся в той или иной местности.

С развитием новейших информационных технологий границы коммуникативного пространства распространились до масштабов планеты. Наряду с интеграционными процессами обозначилась тенденция к созданию локальных информационных пространств, ограниченных социальными и территориальными факторами[1].

Идентификационные границы *локальной идентичности* современной Якутии хронологически определены от архаических времен до событий новой и новейшей истории. Такая богатая историко-культурная, политическая и социально-экономическая судьба заложила очень прочные, глубинные основы для формирования локальной идентичности. Интерес к культуре территории в настоящее время достаточно активно поддерживается местными СМК. Постоянно проводятся Дни Города (села, района), публикуются краеведческие исследования в массовой прессе, широко используется местная символика в названиях торговых марок и другие явления, которые позволяют сформировать самосознание якутян именно как жителей определенной территории. При этом происходит увеличение объема коммуникативных потоков, представляющих культуру локальных общностей в сети Интернет.

Весьма перспективным и очевидным направлением развития локальных идентичностей и соответственно идентифицирующим ресурсом СМК является языковая коммуникация. Осознание важности современной ситуации глобализации требует организации языковой коммуникации, которая может играть большую роль в осуществлении политической, финансово-экономической, педагогической и другой деятельности.

В XX веке произошла информационная революция, которая преобразила не только общество, но также управление и менеджмент.

---

[1] См.: Макаров М.М. Массовая коммуникация в современном мире. N1.: УРСС, 2002.; Почепцов Г.Г. Коммуникативные технологии двадцатого века. М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2001.; McQail D. Mass Communication Theory: An Introduction. Second Edition. Beverly Hills, CA: SAGE Publications, 1987; и др.

В данной ситуации язык, и особенно язык письменных сообщений, становится чем-то важным и ценным. В социолингвистической сфере процессы глобализации и локализации предполагают появление универсального языка (английского (американского)), которое ведет не к вымиранию, а к оживлению местных наречий, если будут предприняты необходимые меры по их сохранению и развитию. Особо остро проблема выживания касается главным образом малых этносов и народов, для которых многоязычие становится единственным выходом из складывающейся в современном мире лингвистической ситуации. Эффективная языковая политика предполагает создание специальной комиссии по терминологии, а также издание законов в защиту языка и культуры: например, о том, что все рекламы, все наклейки на товарах и все инструкции по их использованию должны быть написаны по-якутски, все телепередачи идти с синхронным переводом и др.

Показателен также следующий момент, связанный с религиозными и конфессиональными проявлениями локальной идентичности.

Милитаристский, кризисный характер XX века, современного мира можно объяснить отходом от религиозных, духовно-нравственных ценностей, когда сама религия становится инструментарием, средством достижения политических, экстремистских и иных целей. По закону гармонии, высокому уровню развития современной науки и техники должен соответствовать такой же взлет и в духовной культуре человека. В связи с этим нельзя согласиться с достаточно распространенным утверждением о том, что вообще религия, религиозная вера могут стать причиной кризисов.

В постсоветское время в Республике Саха (Якутия) стабильной общественной обстановке способствовало возрождение традиционных для истории России и Якутии религий и конфессий: православия, протестантизма, католичества, буддизма, ислама и традиционных верований коренных народов с активацией присущих им фундаментальных качеств: толерантности, веротерпимости, доброжелательности.

Сегодня главной эффективной стратегией аккультурационной политики считается интеграция, то есть сохранение ценностей родной культуры: языка, религии, традиций, обычаев и одновременное освоение лучших качеств других[1]. При этом важно учитывать приоритеты, расставлять акценты. В диалоге религий, конфессий это выражается не в противопоставлении, а в умении выявлять универсальные, схожие черты, общечеловеческое их начало.

В целом же на современном этапе глобализация и локализация обладают серьезным потенциалом для развития социокультурного «ландшафта» современной Якутии и, прежде всего, с помощью СМК.

[1] См.: Лебедева Н.М. Социально-психологические закономерности аккультурации этнических групп // Этническая психология и общество. М.: Мысль, 1997.

Винокурова У.А.
(Республика Саха (Якутия)

САКРАЛЬНЫЕ ЛАНДШАФТЫ: СОЗДАНИЕ, СОХРАНЕНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ

В «Основах государственной культурной политики» одним из целей российской культурной политики признано сохранение исторического и культурного наследия и его использование для воспитания и образования. В перечне объектов культурного наследия обозначены исторические и культурные ландшафты, а также традиционные уклады жизни и представления об устройстве мира народов, народностей, этнических групп.

Понятие «сакральный ландшафт» не получило правового определения в российском законодательстве, хотя имеются региональные законы о святилищах и священных местах в Ханты-Мансийском[1] и Ямало-Ненецком автономных округах[2], приняты постановления о порядке охраны священных мест в Республике Бурятия и Республике Алтай. В Якутии введено понятие «Ытык кэрэ сирдэр» (Священные прекрасные земли). Региональное право о священных местах основывается на положениях таких международных документов как *Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия* 1972 года (ратифицирована Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 марта 1988 г.); *Конвенция о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах*. МОТ № 169 1989 г.; *Конвенция о биологическом разнообразии* 1992 г., (ратифицирована указом Президиума Верховного Совета СССР в 1995 г.); *Европейская Конвенция о ландшафтах*. 2000 г.; *Декларация прав коренных народов.* 2007 и др. Соблюдение прав коренных народов на сохранение и защиту культурного наследия стало одним из требований к бизнесу Всемирного банка «Коренные народы», Европейского банка реконструкции и развития, Международной Финансовой корпорации.

В международных актах, регулирующих взаимодействие в сфере культур доминирующего большинства и национальных меньшинств, ведущим принципом является **принцип взаимоуважения культур**, в широком спектре содержания которого предусмотрено признание священных мест, мест, имеющих культурное значение, и земель и

[1] Закон Ханты-Мансийского автономного округа от 8 ноября 2005 г. «О святилищах коренных малочисленных народов в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре». // Собрание законодательства Ханты-Мансийского автономного округа. 2005. № 11. Ст. 1277.

[2] Закон Ямало-Ненецкого автономного округа от 6 октября 2006 г. «Об объектах культурного наследия Ямало-Ненецкого автономного округа». // Ведомости государственной думы Ямало-Ненецкого автономного округа. 200 № 8.

акваторий, традиционно занимаемых или используемых коренными и местными общинами. К сожалению, в «Основах государственной культурной политики» данный принцип не подчёркивается, хотя по духу документа он неявно присутствует.

Методологические подходы к научному изучению сакральных мест коренных народов можно разделить на две группы с позиций outside и inside, первая из которых характеризует философию преимущественно западных исследователей, вторая – экософию исследователей как представителей коренных народов.

С позиций outside западных антропологов сакральные места воспринимаются как места языческого поклонения, их атрибуты и обряды оценивались как архаические проявления поклонения духам природы и предков, мистической одухотворённой картины мира, препятствующие проникновению государственной религии и научного рационализма материальной картины мира. Сакральные места разорялись, уничтожались, наиболее характерные артефакты изымались для нужд музеев и науки. Административными методами запрещалось совершать обряды и ритуалы на сакральных местах, не учитывалось их местонахождение при промышленном освоении территории, извлечении недр, прокладке дорог, строительстве поселений, аэродромов, нефтегазопроводов, электропередач и т. д.

Взгляд inside на сакральные места присущ для исследователей из среды коренных народов[1], исповедующих экософию как своеобразное альтернативное мировоззрение по отношению к ценностям современной техногенной цивилизации. Экософию мы понимаем как теорию творчества жизни человеком в гармонии с законами природы и Вселенной[2]. Феномен *связи, взаимосопряженности* пронизывает все аспекты экософского мировоззрения. Экологическая мудрость исходит из творческого гармоничного общения человека с природой, миром жизни, символами искусства. Согласованность, коэволюция человека с окружающей средой осознается как мудрость предков, выживших в заданных природных условиях. Для коренных народов их священные места являются частью живой одухотворенной культуры. Следуя экософскому мировоззрению, коренные народы в природном ландшафте обозначали места особой природной силы воздействия на флору и фауну, на обустройство жизни человеком. Почитались места особой красоты и места, благотворно или

[1] См.: Гомбоев Б.Ц. Культовые места Баргузинской долины. М. Улан-Удэ, 2006; Заповедные этнокультурные ландшафты Арктики и Евразии. Сб.н.тр. Сост. и научный ред. У.А. Винокурова. Якутск: АГИИК, 2014; Священные места Арктики. Значение охраны священных мест Арктики: исследование коренных народов Севера России / Ред. О.А. Мурашко. М., 2004; Священные места Алтая. Методическое пособие по сбору информации, картографированию и учету священных мест для охраны / Авт. Ч.Д. Алмашев, А.Н. Барашкова, М.Т. Ерленбаева, В.П. Ойношев, Т.М. Садалова. Под ред. Ч.Д. Алмашева; Фонд устойчивого развития Алтая. Горно-Алтайск, 2010; Харючи Г.П. Священные места в традиционной и современной культуре ненцев / Отв. ред. Н.В. Лукина. СПб.: Историческая иллюстрация, 2013.

[2] См.: Винокурова У.А. Шилин К.И. Человек гармоничного будущего: Экософия-словарь. М., 1994.

негативно влияющие на живой мир, а также места, связанные с историей социума.

В период колонизации происходило несанкционированное использование природно-культового наследия коренных народов, десакрализация и уничтожение культовых мест. В настоящее время повсеместно наблюдается процесс возрождения духовно-энергетической связи с культовыми местами предков, восстановление в повседневной практике магических действий, ритуалов и обрядов, связанных с посещением этих мест. Наибольшую настойчивость демонстрируют ненцы и ханты Западной Сибири, восстанавливающие священные места, разрушенные в период христианизации и промышленной колонизации, а также в современных непростых отношениях с нефтяниками[1].

Начиная с 1989 года, года наибольшей солнечной активности, коренные народы мира вступили в своеобразную фазу укрепления своего достоинства посредством усиления связи с энергетикой исконных мест проживания. Наблюдается активный процесс самоопределения народов Российской Федерации, экологического движения, земельных притязаний в связи с включением земли в рыночный товар, этнодемографических процессов, путешествий, миграций, расширения туристической индустрии, формирования неомифологического сознания и интереса к экзистенциональным, феноменологическим исследованиям. Данный тренд вывел сакральные ландшафты на острие противоречивых тенденций в отношениях «человек-земля», «традиционное общество и право» «местное сообщество – пришлое население», «экология – туристская индустрия», «образ-смысл-ценность».

Социологические исследования, проведённые группой Л.М. Дробижевой в 2012 году, показывают, что русскую и саха-якутскую молодежь с людьми своей национальности больше всего объединяют язык, родная земля, природа, а также культура (три эти позиции лидируют и у тех, и у других), однако в целом для русской молодежи эти признаки важны в меньшей степени, чем для молодежи саха-якутов, например, язык роднит 78% молодых саха-якутов и 68% молодых русских. Для молодых саха-якутов также важными в этом смысле являются обычаи и обряды (51%), а вот все остальные ценности важны для них уже в гораздо меньшей степени[2]. Как видно из этого исследования, якутская молодёжь почитает родную землю, обычаи и обряды. Подобные обряды почитания проводятся преимущественно на сакральных местах. Следовательно, значимость сакральных ландшафтов для формирования и состояния этнического самосознания велика.

---

[1] Значение охраны священных мест Арктики: Исследование коренных народов Севера России: по материалам международного проекта «Значение охраны свящ. мест корен. народов Арктики : социолог. исслед. На Севере России. М.: АКМСС и ДВ РФ, 2004. http://www.kommersant.ru/doc/2791298 (дата обращения 25.08.2015).

[2] Дробижева Л.М. Идентичность и консолидационный ресурс жителей Республики Саха (Якутия). Информационно-аналитический бюллетень ИНАБ № 4. 2012. М.: Институт социологии РАН, 2012.

Внимание к священным местам Республики Саха (Якутия) проявилось с 14 декабря 1993 года, когда Домом народного творчества был созван семинар по священным местам. В 2008 году была создана республиканская ассоциация «Священные места Якутии», ведущая разноплановую работу по выявлению, защите и охране священных мест Якутии.[1] 16 апреля 2008 года был подписан 5-исторонний Меморандум о совместной деятельности в области изучения, охраны и использования священных мест, культурных ландшафтов и объектов Якутии (Ытык сирдэр) министерствами охраны природы, культуры и духовного развития, образования, по делам предпринимательства, развития туризма и занятости РС(Я), а также муниципального образования «Городской округ «Город Якутск»[2]. На ежегодно организуемых конференциях и семинарах были выработаны впервые «Правила посещения сакральных мест», представляющих собой своеобразную методологию подхода коренных исследователей и почитателей священных мест. Отношения «человек и родная земля», «коренной народ и исконные территории» латентно существуют в национальной памяти и картине мира, проявляясь в активное состояние в случае возможного или реального нарушения существующего порядка. Нарушения существующего баланса между человеком и сакральным ландшафтом можно теоретически объяснить, используя понятия «детерриториализация» и «ретерриториализация» в теории геофилософии разработанных Жилем Делези и Феликсом Гваттари. По их утверждению, «движения детерриториализации неотделимы от территорий, открывающихся вовне, а процессы ретерриториализации неотделимы от земли, которая восстанавливает территории. Таковы две составляющих – территория и земля, а между ними две зоны неразличимости – детерриториализация (от территории к земле) и детерриториализация (от земли к территории)» [3].

Имперскому государству свойственны процессы физической, психологической и социальной детерриториализации коренного народа, его вытеснения из исконных земель. При детерриториализации сменяются концепты культурного ландшафта исконной земли, что очевидно выражается в смене топонимики, разрушении сакральных мест, отчуждении коренного населения от органов власти и самоорганизации, подавлении гражданских инициатив. Восстановление сакральных мест становится проявлением ретерриториализации коренного народа.

---

[1] Vinokurova U.A., Dambaeva L.P. Sacred Sites of the Sakha People / Anthropology&Anthropology of Eurasia, 2008. Vol. 47. N 3 (Winter 2008-9). P.38-52; Священные места Якутии: изучение, охрана и использование. Материалы научно-практ. Конф. 15-16 апреля 2008 г. Якутск: Изд-во ЯНЦ, 2009.с.; Дамбаева Л.П. Природно-культовые объекты и священные места Якутии: критерии и методика определения. Якутск:Изд-во АГИКИ, 2012; Заповедные этнокультурные ландшафты Арктики и Евразии.Сб.н.т. Составитель и науч. ред. У.А.Винокурова. Якутск, 2014; Яковлев В.Ф. Тус илгэ. Тюсюлгэ – священное место. Якутск: Бичик, 2015.

[2] Священные места Якутии: изучение, охрана и использование. Материалы научно-практ. Конф. 15-16 апреля 2008 г. Якутск: Изд-во ЯНЦ, 2009. С.177-180.

[3] Делез Ж, Гваттари Ф. Что такое философия? Перевод с французского С.Н. Зенкина. Москва: Издательство «АЛЕТЕЙЯ», Санкт-Петербург, 1998. С. 111.

Возвращение коренному народу исконных земель, концептов, ценностей идентичности доказывает принадлежность исконных земель коренным народам, что позволяет маркировать границы сакральных мест коренных народов в зонах промышленного освоения, обозначить культурное пограничье между соседствующими этносами, сберечь или создать **места** (музеефикация) исторической, национальной памяти, интеллектуального наследия локального сообщества, восстановить семейно-родовых корни, определить исконные территории родовых общин и отдельных семей. Священные места с положительной энергетикой способствуют оздоровлению, энергетической, духовной связи с местом рождения, восстановлению исторической связи и памяти с родиной предков.

Экологический активизм проявляется особенно чётко в сакральных местах в виде создания художественных образов средствами современного народного искусства, акций общественных и религиозных движений. Одним из ярко выраженных примеров создания художественных образов экологического активизма является творчество А.Б. Алсаткиной. Художник-конструктор, по образованию архитектор, по призванию творец шаманского художественного искусства, Анжелика Борисовна Алсаткина создала множество онгонов – хранителей экологического благополучия человека и среды его обитания. Онгон – это культовое изображение духа предка семьи, рода, духов среды обитания и хозяйственной деятельности. Анжела Борисовна Алсаткина говорит, что шаманское искусство очень востребовано. Благопожелания как матрицы выражаются в обликах и типах онгонов. Прежде чем начать творить онгон, она просит позволения, чтоб войти в новое состояние доступа, силы и приобщения к святому чистому духу. Раньше, в старину, в бурятской юрте было до 60 онгонов. Надо их делать со страстью, как завещали предки, сохраняя первоисточник, первородную энергетику и первочувство творчества. «Это шаманское искусство делать онгоны и заниматься кузнечным делом под покровительством Дархана, поэтому я посвящена в шаманы». – объясняет Анжелика Борисовна, – буддийское искусство лощенное. У нас запах ветра, полет дикой фантазии. Это ткань корней родной культуры, ее традиционной непричесанности. Наше творчество вводит людей в состояние надежды. Костюм – это паспорт народа. И мы их повторяем шов в шов. Использую лишь природный материал, так как народное искусство создано на природном материале, и чтоб сохранить сакральный смысл одухотворенного использования каждой вещи». Асаткина А.Б. преобразовала Национальный краеведческий музей в Усть-Ордынском Бурятском округе в соответствии со своей концепцией: Человек-Природа-Космос. Она считает, что народ без ландшафта – не народ. И ландшафт формирует костюм, стиль жизни и образ мыслей. Лейтмотивом ее творчества и всего живого служит Мировое дерево – Ось мироздания.

Примером общественного движения в защиту сакральных мест могут послужить пункты из Резолюции III Аскизского межрегионального

молодежного гражданского форума «Сильные народы – Сильная Россия» (9-14 июля 2015 г.) на территориях Иркутской области и Бурятии:

- Признать экологическую защиту священных мест приоритетным направлением своей деятельности;
- Создать рабочую группу из 7 человек для организации межрегионального экологического движения Аскизского форума;
- Разработать и принять законодательным органам региональные законы «О сакральных местах коренных народов» в соответствии с нормами *Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия* 1972 года (ратифицирована Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 марта 1988 г.).

Охрана сакральных мест является объединяющей ценностью для шаманистов и буддистов. Наблюдается стремление к интеграции шаманистов и буддистов Бурятии и Иркутской области в деле охраны священных мест. Пожалуй, экологическое движение – это единственная точка взаимопонимания сакральных и профанных миров, патриотических движений в России.

Экологический активизм, связанный с нарушением покоя или состояния сакральных мест, можно сгруппировать на следующие виды в зависимости от субъектов активности:

- Природоохранная деятельность, организуемая уполномоченными органами по охране природы, экспертизе;
- Законотворческая деятельность субъектов, обладающих законотворческой инициативой и проявляющих активность по правовому регулированию существующих проблем по детерриториализации и ретерриториализации сакральных мест;
- Гражданские инициативы общественных организаций, локальных сообществ, заботящихся о надлежащем благополучии сакральных мест, воспитании любви и патриотизма к родине;
- Творческая деятельность по воссозданию и визуализации образа сакральных мест, осмыслению их сакральной сути и воспитанию ценностного отношения к ним.
- Религиозная деятельность по организации паломничества или изоляции сакральных мест,
- Предпринимательская деятельность по использованию сакральных мест для туристического бизнеса, развития сувенирной продукции;
- Духовная деятельность на сакральных местах лицами, способными установить энергоинформационные каналы коммуникации;
- Научно-исследовательская, образовательная и краеведческая работа в сакральных местах;
- Строительство сакральной экотектуры, интегрированной в ткань ойкумены и духовных символов локального сообщества.

На основе проведенного исследования можно сформулировать вывод о формировании трех подходов к сохранению сакрального природного ландшафта: первый – психо-генетический, хранящий историческую память этносов и местного сообщества; второй – геокультурный,

придающий сакральному природному ландшафту значение устойчивой культурной основы для этнической идентификации коренных народов; третий – географически-территориальный, обосновывающий региональное природное и культурное разнообразие.

В качестве рекомендаций к итогам Культурного форума регионов России предлагаем:

- В «Основах государственной культурной политики» ввести принцип взаимоуважения культур;
- Разработать региональные программы культурного туризма в сакральных местах, создания сети историко-культурных территорий и музеев-заповедников, регламент посещения мест расположения археологических памятников и природно-культовых объектов;
- Организовать безотлагательное описание священных мест и документирования, связанных с ними обычаев и легенд, как наиболее уязвимых объектов, попадающих в зону риска в ходе промышленного освоения регионов;
- Оказать содействие скорейшему внесению выявленных объектов в реестры объектов культурного наследия местного и регионального значения, созданию охранных зон, а также условий для доступа коренных народов к традиционному использованию священных мест.
- Обеспечение, информирование и широкое участие представителей заинтересованного коренного населения в процессе исследования священных мест, их фиксации, охраны и использования.

Дзякович Е. В.
(Москва)

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ЛОКАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТИ: СООТНОШЕНИЕ И ПРОТИВОСТОЯНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ КОНТЕКСТОВ

Тема идентичностей по-прежнему является одной из актуальнейших в современных социально-гуманитарных исследованиях. При этом она остается одной из «наиболее реагирующих на политические перемены в стране и в мире в целом. Каждый раз с изменением политической ситуации … выбираются те концепты, которые интерпретаторам … кажутся

наиболее приемлемыми для ... проектов. Не является исключением и проблема взаимодействия и акцентации государственной, гражданской и этнической идентичности»[1]. Перечисленные виды идентичностей, несомненно, важны в полиэтническом государстве с обширной территорией. Но масштабная, общегосударственная идентичность россиян складывается из различных местных, локальных (при этом этнически далеко не всегда четко выраженных и концептуализированных) идентичностей. В связи со спецификой культурно-исторического, политико-административного, территориально-географического развития страны все эти виды идентичностей могут находиться в сложных, порой причудливо противоречивых, отношениях между собой.

Местная идентификация россиян начала формироваться достаточно давно и сейчас уходит своими корнями в историческое прошлое. Немаловажную роль здесь играет административно-территориальное деление страны, которое в общих чертах сложилось около трех столетий назад. Последовавшие затем изменения имели скорее не качественный, а количественный характер, несмотря на целый ряд грандиозных социально-политических, культурных и экономических потрясений – что само по себе представляет отдельный исследовательский интерес.

Немаловажная роль в этом аспекте принадлежит региональной и/или (поскольку данные понятия могут совпадать полностью, частично и даже противостоять друг другу) местной идентичностям. Значимость этих явлений в любом государстве с обширной территорией, различными климатическими и культурными пространствами первостепенна.

«Насколько укоренена региональная идентичность в истории страны? Происходит ли сегодня становление новой, постсоветской региональной идентичности или восстановление...забытых традиций?.. Каковы механизмы формирования и развития региональной идентичности?.. Чем обусловлены существенные кроссрегиональные различия ее проявления?»[2] Эти вопросы ставят перед собой авторы известного фундаментального исследования по проблемам современной российской региональной идентичности. В данном исследовании идентичность понимается достаточно широко. Ее компонентами можно считать самоидентификацию (отнесение себя к какой-либо общности); представление о своей группе (образ «мы»); представление о языке, культуре, территории проживания, историческом прошлом, государственности[3]. Однако при рассмотрении соотношения региональная/ локальная идентичности далеко не все компоненты будут являться одинаково значимыми.

---

[1] Дробижева Л.М. Российская идентичность в массовом сознании // Л.М. Дробижева. Этнополитическая ситуация в России. М.: Изд-во Института этнологии и антропологии РАН, 2009. С. 58.

[2] Центр и региональные идентичности в России. СПб.; М.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2003. С. 8.

[3] См.: Там же. С. 47.

В современной исследовательской литературе очень часто можно столкнуться с некоторой нечеткостью в разграничении понятий «региональная идентичность» и «местная/локальная идентичность». Зачастую эти понятия рассматриваются как синонимы, без четкой смысловой дифференциации: «региональная идентичность – это системная совокупность культурных отношений, связанная с понятием «малая родина». Региональная идентичность сопряжена с понятиями «культура укоренённости» и «укоренённость», предполагает развитую пространственную рефлексию»[1]. Таким образом, налицо смешение этих понятий: под «региональной» идентичностью явно понимается идентичность местная, локальная.

Вместе с тем в условиях современного российского социума проблемы различного рода территориальных идентичностей не могут оставаться лишь социокультурными. В их анализе всегда так или иначе прослеживаются политические и/или управленческие аспекты. Так, в частности, «поддержка и укрепление российских и этнических идентичностей среди россиян есть одно из условий формирования представлений о российском народе как исторической и социально-политической общности, которая представляет собой «единство в многообразии»…»[2]. При этом, безусловно, важном подходе за рамками анализа и проектирования остаются местные, локальные идентичности, не закрепленные на уровне официального административного деления. Исследовательские же акценты зачастую смещаются с локальных на этнические или этно-конфессиональные идентичности. Это объясняется следующим тезисом: «Важный момент становления общероссийской идентичности – возможность совмещения идентичности гражданской и этнической. В «образе мы» этнические характеристики преобладали над общегражданскими»[3]. Не оспаривая ни в коей мере значимость этнических характеристик в любом многонациональном государстве, все же хочется сместить акцент на идентичность определенного локуса, наделенного собственными социокультурными и ментальными характеристиками.

В условиях российского социокультурного континуума исследование как региональных, так и локальных идентичностей представляется чрезвычайно важным. В настоящее время достаточно очевидно некоторое противостояние двух подходов к изучению данных феноменов. Первый, достаточно широко распространенный подход можно назвать институциональным. В его парадигме территория рассматривается как «формальный регион, имеющий формально-правовой статус»[4].

---

[1] Крылов М.П. Региональная идентичность в европейской России: автореф. дис. …д-ра географ. наук / М.П. Крылов. М., 2007. С. 7.

[2] Тишков В.А. Гражданская идентичность и этнокультурное развитие // В.А. Тишков. Этнополитическая ситуация в России. М.: Изд-во Института этнологии и антропологии РАН, 2009. С. 56.

[3] Дробижева Л.М. Указ. соч. С. 60.

[4] Туровский Р.Ф. Центр и регионы. Проблемы политических отношений // М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2006. С. 12.

Подобный подход весьма продуктивен при изучении структуры и функционирования властных органов, политико-административных границ, обозначающих географические пределы юрисдикции, политических процессов, имеющих достаточно четко институциализированный характер.

В то же время отмечается достаточно явно выраженная «дихотомия административного и реального объединения территории»[1]. В этих случаях мы зачастую сталкиваемся с тем, что границы местных (локальных) идентичностей не только не совпадают, но и противоречат официально закрепленному административно-территориальному делению, соответствуя при этом ментальным границам.

Официальные административные границы, естественно, играют очень важную, при этом далеко не однозначную роль в формировании местных идентичностей. При этом их роль усиливается и порой даже мифологизируется благодаря огромным расстояниям и территориальной удаленности регионов друг от друга и от «столиц». Так, по мнению Б.В. Дубина, «граница понимается как граница коллективной идентичности, отделяющая общее «мы» от столь же общего «они»… »[2]. В результате мы сталкиваемся как с наличием административных границ, способствующих ментальному комфорту жителей той или иной местности, так и с фактами произвольного проведения таких границ, не отражающих социокультурные и социоментальные реалии. В результате роль границ может носить, по меньшей мере, двоякий характер.

Во-первых, проведение таких административных границ может стать конструирующим, идентификационнообразующим началом, способствовать налаживанию общей системы властных структур, транспортного снабжения, консолидировать единое географическое и «узаконить» формирование единого коммуникативного пространства.

Во-вторых, такие границы (в особенности, если они проведены произвольно или же с учетом только сиюминутной политической конъюнктуры) могут сыграть роль деконструирующую, разобщающую, приводящую к ослаблению естественных коммуникативных связей внутри рассматриваемой местности.

В обоих случаях для нас представляется важным понятие когнитивного диссонанса в его классической, Фестингеровской, трактовке как «переживание дискомфорта, возникающее из-за действий, идущих вразрез с собственными убеждениями (аттитюдами). Внутренний конфликт может разрешиться, если изменить убеждения или интерпретацию ситуации»[3].

Применительно к анализу данной проблемы интересным представляется положение известного психолога о том, что «в любой

---

[1] Там же. С. 13.

[2] Дубин Б.В. Граница в символическом пространстве и политической мифологии // Б.В. Дубин. Россия как цивилизация. Устойчивое и изменчивое. М.: Наука, 2007. С. 408.

[3] Большой психологический словарь. 3-е изд., доп. и перераб. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2006. С. 226.

ситуации, которая требует от человека сформулировать свое мнение или сделать какой-либо выбор, неизбежно создается диссонанс между осознанием предпринимаемого действия и теми известными субъекту мнениями, которые свидетельствуют в пользу иного варианта развития событий. Спектр ситуаций, в которых диссонанс является почти неизбежным, достаточно широк»[1]. Таким образом, можно полагать, что любое проведение формальных административных границ может привести к возникновению когнитивного диссонанса как среди представителей коренного населения, так и среди мигрантов. С особенно яркими и очевидными его проявлениями мы можем столкнуться на тех территориях, где местная самоидентификация достаточно высоко развита.

Согласно теории когнитивного диссонанса, снятие внутреннего дискомфорта происходит за счет внешнего оправдания: «личная ответственность за поступок снимается тем, что его признают вынужденным: «заставили», «приказали», «очень просили»... Если же оснований для внешнего оправдания недостаточно, то в действие вступает другой способ – изменение представлений»[2]. Безусловно, эта теория в значительно большей степени разработана в социальной психологии, применительно к личности отдельного индивида. Однако сходные проявления мы можем наблюдать и в больших социальных группах, когда официальные средства массовой коммуникации и/или органы власти искусственно «навязывают» населению некие идентификационные контексты, или же, напротив, способствуют их естественному и органичному развитию.

Конечно же, «региональные социумы слишком велики, разнородны и разобщены, чтобы принадлежность к ним постоянно ощущалась в повседневной жизни»[3]. Однако априорное чувство причастности к большому региональному «племени», без всяких сомнений, является стабилизирующим с точки зрения местной идентичности моментом.

Следовательно, в тех случаях, когда внутреннее ментальное самосознание жителей той или иной местности не находит подтверждения в соответствующем административно-территориальном делении, мы сталкиваемся с проявлениями когнитивного диссонанса.

Человеку свойственно различными способами стремиться снять возникший когнитивный диссонанс: «Чтобы определить себя и другого, как и окружающий мир, человек использует самые разные способы. В культуре они отложились в виде устойчивых мотивов распознавания. Они суть проекция механизма идентификации, который среди культурообразующих механизмов – один из важнейших»[4].

---

[1] Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанс/а / Л. Фестингер. СПб., 1999. С. 20.

[2] Большой психологический словарь... С. 542.

[3] Центр и региональные идентичности в России... С. 131.

[4] Софронова Л.А. О проблемах идентичности // Л.А. Софронова. Культура сквозь призму идентичности. М.: Индрик, 2006. С. 13.

По мнению Зигмунта Баумана, идентичность – какой бы «твердостью» ни обладала – «при рассмотрении изнутри, с точки зрения собственного биографического опыта, она кажется хрупкой, уязвимой и постоянно раздираемой внутренними силами, раскрывающими ее текучесть, и внешними течениями, угрожающими разорвать на куски и унести любую воспринятую форму»[1]. В связи с этим утверждением неизбежно возникает вопрос о формах, методах и технологиях социального взаимодействия в рамках территориальной идентичности.

В связи с этим безусловный интерес представляет классическая теория социального конструирования П. Бергера и Т. Лукмана[2]. В ней разносторонне раскрываются диалектичность и многомерность процесса конструирования идентичности как продукта многоплановых социальных взаимодействий и между отдельными агентами, и между этими агентами и элементами социальной структуры. В рамках процесса такого взаимодействия, согласно теории, субъект конструирования становится и его же объектом. При этом и то, и другое проявление идентичности взаимно влияют друг на друга и тесно переплетаются; а с усложнением социальной структуры возрастает и множественность идентичностей[3].

Однако эта концепция не позволяет в полной мере проанализировать идентификационные процессы в современной России. «В стране, которая была и остается чрезвычайно протяженной по своей территории и чрезвычайно разнообразной во всех пространственных аспектах своей общественной жизни, региональное измерение всех социальных явлений (включая и идентичность) неизбежно оказывается весьма важной составляющей, без анализа которой картина будет в лучшем случае неполной, а в худшем – искаженной»[4]. Соответственно, мы вновь сталкиваемся с определенной ментальной оппозицией: региональная идентичность/локальная идентичность. Актуализация данной оппозиции свойственна государствам с обширной территорией, различающейся по своим климатическим условиям, с различным этноязыковым, конфессиональным составом населения, а также неоднократно менявшимся в течение ряда эпох административным членением.

Именно в условиях российского социокультурного континуума данная оппозиция представляется актуальной. Региональные (под регионом в данной работе понимается административно-территориальный субъект Российской Федерации, или же «территориальные единицы государства»[5]) идентичности далеко не однородны по своей природе. Социокультурные или ментальные контексты современных российских регионов обладают разными возможностями и условиями для формирования местных, локальных идентичностей. В отдельных

[1] Баум , З. Текучая современность // З. Бауман. СПб.: Питер, 2008. С. 92.

[2] См.: Бергер П. Социальное конструирование реальности // П. Бергер, Т. Лукман. М.: Медиум, 1995.

[3] См.: Там же. С. 234.

[4] Центр и региональные идентичности в России… С. 25.

[5] Там же. С. 10.

случаях мы можем наблюдать практически полное социокультурное и социоментальное совпадение между региональной идентичностью и местной идентичностью. Но в целом ряде случаев отмечается частичное или полное расхождение этих понятий, что приводит к когнитивному диссонансу представителей локальной идентичности.

Рассматривая различные аспекты формирования местной идентичности, необходимо помнить о разносторонней направленности самого феномена идентичности, который, с одной стороны, является инструментом для поддержания субъективной реальности отдельной личности; с другой же стороны, идентичность может использоваться влиятельными социальными группами, властными структурами, СМК в качестве одного из инструментов социальной инженерии[1].

Таким образом, следует не только констатировать факт наличия на территории современной России оппозиции между идентичностью региональной и идентичностью локальной, но и стремиться – на основе социальной диагностики – к социально ориентированному проектированию культурной среды. Такое проектирование возможно лишь на диалогической основе взаимодействия равноправных партнеров по общению. Оно – в идеале – должно быть ориентировано на развитие духовности каждой отдельной личности и общества в целом[2]. Подобный диалог предполагает знание исторически сложившихся в той или иной местности традиций, их учет в процессе коммуникации, а также возможное развитие.

Диалогичность коммуникации, ориентация на установление постоянной обратной связи на территории естественным образом сложившейся местной идентичности представляется наиболее эффективной формой социального взаимодействия. Эта диалогичность возможна как проявление деятельности властных структур, политических сил, выступления СМК.

В целом же можно сделать вывод о том, что современные российские регионы обладают неодинаковыми возможностями и условиями для образования на их территории локальных идентичностей. Так, в частности, можно выделить регионы, представляющими собой, условно говоря, мономентальные образования. Они характеризуются предельным сходством ментальных особенностей и максимальной целостностью социокультурного пространства. Как правило, они достаточно компактны с территориальной точки зрения, не имеют ярко выраженных геоклиматических различий, а их заселение происходило примерно в одну и ту же историческую эпоху. Во многих из них отмечается наличие сильного (и, что особенно важно) единого естественного бренда – гидронима, топонима или другого аналогичного объекта.

Подобные регионы не способствуют формированию на своей территории особых, локальных идентичностей, отличающихся от

[1] См.: Там же. С. 79.

[2] Адамьянц Т.З. Социальная коммуникация // Т.З. Адамьянц. М.: ИС РАН, 2005. С. 107.

«главной», поддерживаемой региональным центром. К таким регионам, в частности, можно отнести Пензенскую, Тамбовскую, Самарскую, Астраханскую и ряд других областей.

Другой тип регионального социокультурного контекста характеризуется, условно говоря, полиментальностью. Это предполагает наличие достаточно масштабной территории, что, соответственно, приводит к относительно четко обозначенным геоклиматическим различиям. Такая дискретность подкрепляется, как правило, характером заселения и неодинаковостью исторических судеб различных пространственных локусов, что ведет за собой диалектные и фольклорно-этнографические различия. Эти различия естественным образом способствуют актуализации оппозиции «Свой – Чужой» в пределах единого с административной точки зрения региона. В регионах данного типа мы сталкиваемся либо с отсутствием единого естественного бренда, либо с его возведением в ранг «официального культа», не позволяющим развиваться и самоактуализироваться так называемым малым брендам, брендам глубинки.

Яркими примерами таких регионов можно считать Саратовскую, Волгоградскую, Воронежскую, Белгородскую и другие области. Именно регионы полиментального типа способствуют формированию и развитию на их территориях местных, локальных идентичностей. Последние, в связи с этим, зачастую становятся кроссрегиональными социокультурными и социоментальными образованиями, объединенными целым рядом факторов.

Подобные местные идентичности, или, условно говоря, малые бренды российской глубинки, обладают серьезным социокультурным потенциалом для своего развития. Такое развитие может происходить в самых разных направлениях. В современной России можно выделить множество подобного рода локальных идентичностей, сложившихся естественно-историческим путем.

В целом можно выделить ряд факторов, позволяющих судить об образовании на той или иной территории (как правило, межрегиональной с точки зрения формально-административного деления) своеобразной целостной локальной идентичности. К этим факторам можно отнести следующие:

- фактор территориальный (позволяющий рассматривать данную местность в ее локальном, пространственно-географическом выражении);
- фактор административный (дающий представление о современном и об относительно недавнем (в историческом масштабе) существовавшем «официальном» членении этой территории, учитывающий ее принадлежность к губерниям, уездам и другим административным единицам);
- фактор заселенческий (характеризующий данную местность с археологической, диалектной и колонизационной точек зрения);

- фактор образовательный (учитывающий наличие на рассматриваемой территории различных, прежде всего – высших учебных заведений);
- фактор культурно-контекстный (связанный с наличием местных театров, музеев, храмов, местных баек, анекдотов и других артефактов культурной жизни);
- фактор самоидентификационный (отражающий самосознание, прежде всего, коренных жителей данной местности; тех, кто соотносит себя с этим краем опосредованно – через родственные или дружеские связи; а также учитывающий точку зрения и характер восприятия этой территории и ее жителей «соседями» – представителями близлежащих регионов или локальных идентичностей);
- фактор собственно массово-коммуникационный (проявляющийся через систему местных (в первую очередь) и официальных региональных СМК, рекламной продукции местного уровня, а также комплекс проводимых мероприятий и акций в сфере связей с общественностью). При этом значимым моментом можно считать административную «расчлененность», дискретность единого социокультурного и ментального пространства. Такая «раздробленность», с одной стороны, способствует ослаблению формализованных связей и официальных контактов, с другой – приводит к объединению «носителей» этой идентичности на неформальной, «низовой» основе, к возрождению исторически сложившихся традиций и социальных практик. Последнее приводит к снятию (хотя бы частичному) когнитивного диссонанса и дает основу для дальнейшего социального проектирования в рамках этой среды.

Естественно, приведенный ряд идентификационнообразующих факторов не является исчерпывающим, а границы между ними далеко не всегда могут быть четко очерчены. Более того, как условна и несколько схематична любая классификация, так и в данном случае – стремление систематизировать социокультурную реальность может привести к неким смысловым лакунам. Однако выделенные параметры позволяют приблизиться к пониманию одного из интереснейших феноменов современности – феномена местной идентичности, дают основу для социокультурной диагностики происходящих процессов и позволяют делать определенные прогнозы относительно их дальнейших перспектив.

Антипова И.Г.,
Володина И.С.
(Ростов-на-Дону)

СОЗДАНИЕ УСЛОВИЙ АДАПТАЦИИ ДЛЯ ЛИЦ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ КАК ПРЕДМЕТ КУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА

Продуктивный диалог в культуре возможен, прежде всего, в рамках решения реальных насущных проблем. В рамках деятельностного подхода в психологии, в разработках учеников А.Н. Леонтьева показано, что деятельность опосредствует социальные связи, прежде всего, их высшие формы. Если говорить коротко, схематично, то только начни решать реальные проблемы, организуя вокруг них деятельность, и тогда вопросы организации диалога, налаживания контактов во многом окажутся уже решенными.

Наряду с постановкой насущных проблем в национальной культуре, необходимо заметить, что для многих культур сейчас проблемой становится необходимость изменить старые уже неадекватные представления. В частности, представления о человеке с ограниченными возможностями.

Обсуждение проблем национальных культур, описание способов организации диалогов культур и в рамках одной культуры всегда могут, а скорее, должны тематизировать частные вопросы, в которых и открываются многие возможности решения и осмысления проблем, для которых эти обсуждения становятся методологическими основами, образцами постановки и решения вопросов.

Методология психологии умственной отсталости может оцениваться в качестве узкого проблемного ряда вопросов психологии, поскольку предполагается, что человеку с умственной отсталостью всё равно, какую культуру усваивать: вопросы выбора культуры ему просто не доступны, для него основными проблемами становятся навыки обслуживания себя и адаптации, которые едины для всех культур. Это абсолютно неправильно.

Вопрос не в том, чтобы учащийся, который усваивает культурный опыт, мог оценивать национальную культуру, охватить её единым взглядом, поскольку это недоступно и тому, кто оценивается как нормальный (нормотипичный). Но вопрос в том, что и опыт, и приемы его транслирования, и пути включения в сообщество очень разные в разных культурах.

Уже в постановке задачи формирования навыков самообслуживания и адаптации умственно отсталого участвует национальная культура. Культуру составляет не только опыт (сформированные навыки), но и

приемы обучения, пути трансляции этого опыта. Все это различается и задает, и задается тем, как видится, оценивается, принимается в культуре человек с ограниченными возможностями.

Очень актуальные вопросы психологии умственной отсталости обсуждаются прежде всего в русле необходимости изменения всей совокупности методов и оценок человека с умственной отсталостью в культуре, и это предполагает обсуждение возможностей, ресурсов изменения составляющих национальной культуры, которая включает как тех, кто именуется нормальными, так и тех, кто обладает ограничениями в сравнении с ними.

Умственная отсталость и ограниченные возможности здоровья в русской традиции.

Не только способы адаптации человека с умственной отсталостью различны в разных национальных культурах, но и представления о возможностях включения этого человека в культуру, его возможностях приносить этой культуре свой опыт и пользу очень различны.

Русская традиция наряду с заметной, очевидной озабоченностью этическими вопросами, граничащей с морализаторством и ригоризмом, парадоксально оставляет нерешенными насущные проблемы человека с умственной отсталостью.

Можно складывать анекдоты, можно обсуждать это и трезво, но русские многое оставляют на смекалку человека, многие вопросы, которые возможно решить (и эти вопросы решаются на других основаниях в европейских культурах) даже не ставят.

Руководства, зрительные указатели для тех, кто не умеет читать, это и многое другое не ставится в качестве проблемы, поскольку русская традиция рассчитывается на смекалистого человека, который, не обладая руководством к применению, изобретет свой способ. На человека с ограниченными возможностями, на иностранца, на человека, не умеющего читать, просто на ребенка, рассчитано немногое. И это необходимо признать, учесть и обсудить.

Многие проблемы национальных культур и их изменения сейчас еще не решены, многое в русской традиции еще остается проблемой для исследователя, но, изучая хотя бы русскую литературу, можно видеть, что умственная отсталость становится предметом то насмешек, то размышлений о всеобщем страдании, неуважении ко всякому человеку.

Трезвая постановка вопроса о том, что необходимо создать хоть минимальные возможности для активной адаптации человека с умственной отсталостью до сих пор остается непривычной.

У Н.В. Гоголя описывается, как чиновники смеялись над Акакием Акакиевичем, только один молодой чиновник откликнулся, когда бедный писарь открыл смысл того, что умственно отсталый человек есть человек, брат вам, нормальным. Но Гоголя, как можно полагать по окончанию этого сочинения, заботила не проблема mental retardation, но трагедия русского человека, чиновничества, трагедия всего устройства русской жизни.

Но именно проблема умственной отсталости стала ключом к столь впечатляющему повествованию Гоголя. Конечно, трагедия не в неустройстве быта человека с умственной отсталостью. Неправильно сказать, что нет проблем, необходимо просто наладить вопросы быта, вопросы подачи жалобы на утрату шинели, подготовить психолога для Башмачкина, научить его навыкам коммуникации. Тогда нет проблем и трагедии нет, а Гоголя можно счесть повествователем прошлой неразумной жизни, в которой еще не было психологов.

Это не только неправильная точка зрения, но просто пародия на работу психолога, который не старается редуцировать переживания человеком трагичности своего существования, во всяком случае, если психолог работает осмысленно.

Это вопрос обсуждения русской национальной традиции: почему так трудно принимается мысль о необходимости реальных средств оказания помощи людям с умственной отсталостью. Принято смеяться над иностранцем, умственно отсталым, пьяным, но почему нет признания их ТОЖЕ человеком, который ТОЖЕ страдает.

Вот на обсуждение этих вопросов психолог готов опираться как на основание, поскольку психолог работает не с умственной отсталостью, но с умственно отсталым человеком в культуре, и эта культура есть пространство, в котором возможно решение проблем и, бывает, невозможно решение вполне прозрачных вопросов.

Как пишет Ю.Т. Матасов, за рубежом многие годы отрабатывались приемы оказания помощи людям с умственной отсталостью, тогда как отечественная психология, известная методологическими работами, отстает именно во многих вопросах создания условий активной адаптации[1].

Но почему отстает, что именно не дает освоить опыт зарубежных стран в плане практической помощи? И это не абстрактные вопросы, которые трудно решать в психологии, это насущные вопросы национальной традиции, которая не замечает вопросы, когда все налажено, но в условиях кризиса также многое не ставит проблемой.

Разные вопросы культуры, национальной традиции еще не поставлены, не становятся предметом изучения. Но проблема описанной отсталости настолько насущна, что ставит многие вопросы и может помочь многое осмыслить. Умственная отсталость становится то предметом изучения, то пространством мысли исследователя, то продуктом конструирования и практики, который можно назвать опытом, необходимым для науки.

Неизученным вопросом можно назвать конструирование категории умственной отсталости. Есть исследования, которые уже тематизируют активно вопросы конструирования и природного основания, на котором становится то, что называется психологическими признаками

[1] Матасов Ю.Т. Современные методологические основания российской дефектологической науки и практики // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. № 100.

человека, что оценивается в качестве отсталости и что принимается нормальным.

Так, обсуждая изменения представлений исследователей, Д.В. Воронцов описывает трансформацию представлений о конструировании психологического склада человека на основе природных предпосылок. Эти природные предпосылки, оцениваемые в качестве исходных для обучения, усвоения культуры, «В исследованиях … социального конструкционизма» предстают как фактор, «который трансформируется» [1]этим обучением.

Природные основания, предпосылки только ограничивают возможности конструирования, но продукт его зависит от конкретных условий обучения, коммуникации. Зарубежные исследователи нашли возможность усомниться в этом, говоря, что исходным можно назвать не природные основания, но культурную проблему нормальности, тогда природные предпосылки применяются, чтобы «Натурализовать бинарную организацию»[2].

Применяя логику трансформации мысли исследователей, описанную Д.В. Воронцовым для осмысления проблем умственной отсталости, можно поставить проблему конструирования следующим образом. В конструктивизме умственная отсталость может представать продуктом конструирования на основе природных предпосылок, в разных культурах существуют разные проблемы с умственно отсталыми, разные решения.

Но в исследованиях умственной отсталости, сходно с разработками в квиртеории, можно задаваться вопросом о статусе природных оснований. Возможно, назвать их не предпосылками, но продуктом конструирования, который может натурализовать бинарную организацию нормальности. Сколько ненормальных среди нормальных! Сколько более искренних и открытых среди умственно отсталых! Эти вопросы пока не изучены.

Отечественная психология известна своей методологией, которая сейчас вызывает интерес у зарубежных психологов. Одновременно с этим представляется, что вопросы не только национальной, но культуры вообще слабо разработаны, они опираются на неточные, неэксплицированные смыслы.

Вопросы умственной отсталости, необходимости изменения оценок, методов работы с умственно отсталыми и опираются на готовые оценки и описания культуры, и могут ставить проблемы культуры, давая опыт, наработки, полученные в условиях оказания помощи.

Проблемы изменения представлений культуры в контексте необходимости изменения методов работы с умственной отсталостью. В отечественной психологии, известной своими методологическими разработками, вопросы культуры связывают с

[1] Воронцов Д.В. Квир теория: перспективы психологического анализа сексуальности // Вопросы психологии. 2012. № 2. С. 4.

[2] Там же.

теорией Л.С. Выготского, который научил психологов отличать дефект от способов транслирования опыта, от обучения.

Актуальные вопросы психологии умственной отсталости могут ставиться и решаться только при условии обсуждения методологических оснований, которые напрямую контактируют с представлениями культуры.

Культурно-исторический подход включает то понимание психического и проблем обучения, усвоение которого изменило отечественную психологию умственной отсталости и помогло оснастить практику обучения адекватными методами. Но сейчас психология умственной отсталости реципиирует методологические открытия, которые не согласуются с культурно-историческим подходом.

В рамках подхода принято, что психика человека становится в условиях опосредствования культурно-историческим опытом. При условии нарушения природных предпосылок возможно включение человека в сообщество, поскольку опосредствование может осуществляться различными средствами, которые доступны человеку.

Природные предпосылки определяют возможности обучения, но содержание обучения понимается как включение в культурно-исторический опыт, который впрямую не зависит от природных предпосылок, данных человеку. Культура составляет не только опыт, но средства его передачи, причем последняя представляет опосредствование. Но вопросы национальной культуры пока в этом контексте не тематизированы.

Сейчас актуально обсуждение не только того, что при разных природных предпосылках в обучении можно получить сходные результаты, учащиеся с разными предпосылками могут вступать в коммуникацию, но и того, что при одних природных предпосылках, транслируя различный опыт, можно получить различные результаты, и это помогает вступать в коммуникацию на равных только в случае, если существует толерантность к чужой культуре, признание чужого культурного опыта как равного, уважаемого, помогающего коммуникации, доступного для понимания.

Именно этот поворот проблемы вносит в культурно-исторический подход психология обучения умственно отсталых.

Обсуждение проблем исследования культуры. В условиях широкого применения понятия культуры, культурного опыта и апеллирования к культурно-историческому подходу в работе с умственно отсталыми людьми, культура понимается узко. Изменение понимания культуры может затруднять обсуждение методологических проблем психологии умственной отсталости, обусловить определенную предвзятость в восприятии того, как изменяется понятие культуры. Сейчас обсуждается то, что принятие, понимание этого изменения понятия культуры и методов изучения культурного опыта при очевидных трудностях может открыть проблемы, взгляды на прежние проблемы,

которые невозможны были для реализации в рамках прежних подходов к культуре.

Проблема культуры не может сводиться только к методологическому регулятору частных научных исследований, понятие культуры применяется не только для постановки, решения частных проблем науки, это понятие имплицитно включено во все гуманитарные исследования, работы и часто применяется в науках, хотя ограниченно.

Человек усваивает не только приемы саморегуляции и удовлетворения потребностей, осуществления деятельности, не только высокие критерии поведения, но также культуру как способ существования.

Педагог решает проблемы в культуре культурными средствами, но как это осуществляется – этот вопрос скрыт именно тем пониманием культуры, которое было доступно отечественным подходам, культурно-историческому, деятельностному, когда психология отстаивала свое понимание психики и старалась себя обосновать в диалоге с натуралистическим пониманием обучения. В этом диалоге не только возможно, но необходимо было узкое понимание обучения и трансляции культурного опыта, его содержания, тогда как сейчас открываются многие вопросы существования человека в культуре, возможно ставить те проблемы, которые были недоступны, неактуальны, неприемлемы для осмысления в рамках классического подхода.

Таким образом, резюмируя сказанное, сделаем некоторые выводы.

- Культура не может сводиться к средству опосредствования психики, обеспечению средствами управления своей психикой, включения в сообщество, хотя это, прежде всего, понималось как задача обучения. Культура задает человеку много проблем и пространство коммуникации по поводу этих проблем.
- Понимание опосредствования культурным опытом может переосмысливаться, если понять, что культура включает не склад готовых форм, не пространство коммуникации только, но попытку человека решить те вопросы, которые также есть культура.
- Раскрытие потенциала национальных культур, вступление их в диалог, продуктивный для решения многих проблем, в том числе проблем изменения культур в контексте глобализации, возможны в рамках решения вполне конкретных, насущных проблем. Проблемы умственной отсталости могут становиться предметом и обсуждения, и продуктивной коммуникации национальных культур при условии изучения этих проблем именно в качестве культурных.
- Проблемы психологии умственной отсталости задают необходимость открытого культурного диалога, освоения чужого культурного опыта, осмысления и раскрытия своего. Этот диалог должны поддерживать не только столицы. Провинции отстают от столиц по ознакомлению с наработками в психологии на столетия!
- Диалог возможен, необходим в рамках культуры, поскольку можно заметить большую разницу в представлениях и осведомленности о многих проблемах умственной отсталости. В рамках национальной

культуры существует разорванность разных подходов, не вступающих в диалог, не знакомых с другими точками зрения.

- Проблемы адаптации лиц с ограниченными возможностями, в том числе и диагнозом «умственная отсталость» становятся открытыми для обсуждения, постановки вопросов о приемлемых формах культурного диалога, налаживания культурной коммуникации. Они могут решаться только при обмене культурным опытом, осмыслении «своей» культуры, в том числе, как преимуществ, так и трагических проблем национальной культуры в пространстве диалога.

Раздел третий

ЦЕННОСТИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СУБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

Чумаков А.Н.
(Москва)

РАЗВИТИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА – ВАЖНЕЙШАЯ ЗАДАЧА КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА[1]

В реализации государственной культурной политики, как и в решении проблем модернизации России в целом, наука и образование, несомненно, играют важную роль, хотя на первый взгляд это вовсе не очевидно. Дело здесь в том, что экономические преобразования и в области ТЭК, в частности, должны быть непосредственно связаны с улучшением качества жизни людей. В противном случае, в них не будет большого смысла. С другой стороны, осуществление и качество таких преобразований непосредственно зависит от того, что теперь принято называть «человеческим капиталом», от его качества и уровня развития.

В этой связи следует обратиться к тем аспектам общественной жизни, без рассмотрения которых любой разговор о человеческом капитале не будет достаточно содержательным. И прежде всего, мы должны говорить о *гражданском обществе* и *демократии,* которые являются двумя сторонами одной медали под названием *общественный организм*, где центральной фигурой является *человек*. Без гражданского общества не может быть эффективной, реальной демократии. Также и наоборот: без демократии гражданское общество не существует. Однако главным при этом является гражданское общество, тогда как демократия – это его функция, производная[2].

Хорошо ли осознается в современной России хотя бы в среде ученых это, для многих вовсе не очевидное положение? С большой долей вероятности можно утверждать, что нет. Во всяком случае, те негативные оценки и порицания, которые в избытке и с разных сторон направляются в адрес демократических институтов, соответствующего образа мыслей и демократии вообще, и, в то же время, недооценка роли гражданского общества в различных сферах общественной жизни, прежде всего политической, дают основание полагать, что ясности в данном вопросе явно недостает.

К сожалению, не многие придают первостепенное значение роли гражданского общества в поступательном развитии нашей страны, в решении ее насущных проблем, в том числе, и в выстраивании механизмов взаимодействия власти, бизнеса, общества. Еще меньше

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований («Международные аспекты культурной политики России в постсоветский период»), проект № 15-23-21002.

[2] Эволюция гражданского общества: философская рефлексия: сборник научных трудов. М.: Финансовый университет. 2012.

тех, кто соотносит гражданское общество с таким положением вещей, когда существуют независимые от государственной власти социальные институты, с помощью и при активном участии которых граждане периодически и на конкурентной основе избирают своих представителей в различные органы власти, назначают руководителей и принимают на себя ответственность за их решения, имея реальную возможность контролировать власть, прежде всего, политическую. Как отмечает известный исследователь проблемы демократии П. Кирхшлегер: «Воля народа должна быть основой власти правительства; эта воля должна выражаться в периодических и нефальсифицированных выборах, которые должны проводиться при всеобщем и равном избирательном праве путем тайного голосования или же посредством других равнозначных форм, обеспечивающих свободу голосования. У нас есть право на демократию. Права человека и демократия неразрывно связаны между собой, поскольку демократия – это политическая система, которая реализует независимость человека, что присуще идее и концепции прав человека»[1].

То, что проблема эта для современной России не надуманная, достаточно обратиться к одному из последних опросов ВЦИОМ, согласно которому только 26 % россиян воспринимают демократию как «универсальную ценность», тогда как 42 % из них вообще считают ее вредной для государства, а само слово «демократия» стало для них ругательным. Еще более показательными являются выводы исследования о том, что для российских граждан важнее – порядок или демократия. Как оказалось, порядок для 72 % опрошенных является более важным, тогда как демократию предпочли лишь 16 %. При этом, как отмечает ВЦИОМ, «по сравнению с прошлым годом количество адептов демократии несколько выросло – тогда оно составляло лишь 11 % ответивших на вопросы»[2].

В приведенных цифрах хорошо просматривается реальная оценка самостоятельности и самодостаточности человека, а в более общем плане – человеческого капитала в нашем обществе. И надо признать – величина этого капитала оставляет желать лучшего. При этом не стоит обманываться, равно как и питать иллюзий: уровень развития гражданского общества в данном случает весьма низкий, поскольку именно он и определяет отношение к демократии, а её, как и гражданское общество, нельзя привнести извне, навязать сверху, ввести каким-то Указом или постановлением. И то и другое находятся в тесной связи друг с другом и органично вырастают снизу.

Гражданское общество образуется посредством метаморфозы зависимых подданных в свободных граждан, а также посредством формирования необходимых элементов такого общества: соответствующих организаций, структур, институтов. *Демократия* же

[1] Кирхшлегер П. Демократия и права человека // Век глобализации, 2014, № 1. С. 36.

[2] ВЦИОМ: Либо демократия, либо порядок? // cogita.ru, 01.09.2015 (http://www.cogita.ru/analitka/mneniya-i-kommentarii/vciom-libo-demokratiya-libo-poryadok).

формируется в качестве определенного образа мысли и действий, постепенно укореняясь в сознании все большего числа людей.

Как справедливо пишет в этой связи датский теолог и педагог Халь Кок, демократия – это «не система, которую нужно осуществить, но образ жизни, который нужно усвоить. Речь идет о складе ума, который должен передаваться каждому новому поколению. Поэтому просветительская воспитательная работа с людьми – есть нерв демократии»[1]. Вот это как раз и есть важнейшая задача нашего общества, решая которую, мы можем тем самым наращивать, увеличивать человеческий капитал нашей страны! Путь это не быстрый и не легкий; но альтернативы ему нет, как нет альтернативы хорошему саду, где добротный урожай начинают собирать только после многолетних трудов, затраченных на его возделывание.

Конечно, в стране множество проблем, которые, на первый взгляд, могут показаться более актуальными, требующими принятия решений уже сегодня, здесь и теперь. Проблемы взаимодействия власти, бизнеса и общества к ним явно относятся. Но понимаем ли мы не совсем очевидную связь таких проблем с состоянием, уровнем развития гражданского общества, иначе говоря, с качеством и уровнем развития человеческого капитала? И главное, понимаем ли свою ответственность за формирование гражданского общества и становление полноценной демократии в нашей стране? Участвуем ли сами в этом процессе непосредственно?

К сожалению, «наследие нашего недавнего прошлого» в известной мере глубоко сидит еще где-то на уровне иррационального. В частности, сплошь и рядом имеет место конформистское отношение не только к различным проблемам окружающей нас реальности, но и к антисоциальным явлениям, равно как и поведение, основанное на принципе «не высовывайся»[2].

Однако гражданское общество и демократия без выражения собственной позиции, а потому и без дискуссий, сопоставления и противостояния различных точек зрения, без борения идей, мнений, наконец, просто человеческих и мировоззренческих позиций, не могут существовать, как не может быть без этого и творческого развития, конкурентоспособного общества, где только и может проявиться гражданская солидарность в реализации государственной культурной политики. С другой стороны, культурная политика, проводимая именно на таких основаниях, только и может обеспечить конкурентоспособность общества. При этом заметим, что современный мир глобальных отношений не оставляет выбора ни одному обществу, ни одному государству: они по необходимости должны быть конкурентоспособными, чтобы на мировой арене не проиграть во все усиливающемся противостоянии и борьбе за ресурсы, рынки сбыта, влияние и т. п.

---

[1] Халь Кок. Что такое демократия? Копенгаген: Изд-во Систайм, 1993. С. 16.

[2] Кишлакова Н.М., Махаматов Т.М. Демократический образ жизни в России: специфика и противоречия // Философия и общество. 2012. № 1. С. 119-132.

Итак, если нужно указать действительную, постоянную и самую главную проблему, без решения которой немыслима нормальная жизнь в России, – то это осознание того, что причиной всему отсутствие в нашей стране сформировавшегося, достаточно развитого гражданского общества. Любые разговоры о демократии без учета этого факта превращаются в схоластику, ибо, как уже отмечалось выше, только в гражданском обществе и возможна та демократия, которая действительно в состоянии эффективно работать.

Непонимание и несоблюдение этих требований ведет к отторжению самого института демократии, порождающему чувства прямо противоположные, а то и вовсе к поношению и опошлению ее, когда в полной мере проявляется недоучет роли и значения института гражданского общества в качестве единственно возможной цивилизованной альтернативы различным формам авторитаризма, тоталитаризма, деспотизма и самоуправства.

Данное обстоятельство имеет то следствие, что социальная нестабильность, проявляющаяся то в одном, то в другом регионе планеты в виде так называемых «цветных революций», подталкивает не только политических и иных «ответственных лиц», но и значительную часть населения к простым решениям – наведению порядка любой ценой. Важным дополнением к уже приведенным выше цифрам и показателем динамики общественных настроений за последние шесть лет являются итоги опроса, проведённого газетой «Аргументы и факты» (18-24 февраля 2009 г.). Тогда под рубрикой «Народ хочет порядка» 9 695 человек высказалось в поддержку позиции Ильи Глазунова, который в предыдущем номере этой газеты, отвечая на вопрос «Какой быть России?», отстаивал идею возвращения монархии и наведения порядка «сверху». Его оппонент – экономист Евгений Ясин, отвечавший на тот же вопрос и выступавший за то, чтобы была «не сильная рука, а сильные мозги», чтобы люди стали хозяевами собственной судьбы, получил почти в два раза меньше – 5 065 читательских голосов.

Итак, народ нашей страны, если судить по приведенным данным, в большинстве своем хочет порядка. Но сам-то народ на 2/3 попросту «умывает руки» и ждет этого порядка «сверху», от «сильной руки», которая, как правило, чистой не бывает... Конечно, можно указать причины, дать обоснование, привести аргументы, а можно и прямо сказать – это рудименты нашего еще не преодоленного наследия.

Однако в условиях глобального мира, интенсивных экономических и культурных связей, наконец, открытости информационных границ, порядка и в то же время процветания общества не будет, если за порядок не будут нести ответственность сами граждане. При этом важно подчеркнуть – это должны быть не подданные, а *граждане*, которые, в отличие от первых, обладают не мнимой, а реальной свободой – свободой, не дарованной или пожалованной «сверху», а обеспеченной нажитой честным трудом и защищенной законом *собственностью*, позволяющей человеку вести достойный образ жизни и быть независимым от чьего бы то ни было самоуправства и произвола.

Таким образом, чего нам недостает в первую очередь, так это многочисленного класса собственников – среднего класса, который, собственно, и является «становым хребтом» гражданского общества. Как следствие, соответственно нет и общественных инструментов, действительно выражающих волю именно этого класса, а если точнее (применительно к нашей реальности), то пока еще только зачатков такого класса. Речь, как минимум, о соответствующей политической партии. Нам нужна «*Партия среднего класса*»! Она и называться должна именно так, чтобы четко зафиксировать цель и вывести за скобки всех, кто в борьбе за голоса избирателей нещадно эксплуатирует привлекательные и в то же время удобные для манипуляции понятия «родина», «народ», «демократия», «единство», «справедливость» и т. п.

Полноценного гражданского общества не может быть без среднего класса, равно как среднего класса не может быть без наличия и реальной защищенности прав человека, важнейшими из которых являются право на жизнь, свободу и частную собственность. Отсюда пора уже от разговоров о становлении демократии и укреплении демократических институтов перейти к реальному формированию гражданского общества, которое, собственно, и является необходимым и главным условием существования реальной демократии[1].

А важнейшей задачей для нашей страны, где население и по сей день в большинстве своем живет еще необоснованно бедно, должно стать, в первую очередь, решение жилищной проблемы. Все необходимое для решения такой задачи в нашей стране есть: бескрайние просторы свободной, в лучшем случае, плохо используемой земли, всевозможные строительные материалы, о которых другие народы могут только мечтать, финансовые, энергетические, людские ресурсы… Россия может и должна быть, как Америка, Канада, Австралия или даже уплотненная Европа преимущественно одно- и двухэтажной. Правительство страны просто обязано воспользоваться сложившейся сегодня обстановкой, уделив первостепенное внимание активизации собственных ресурсов и возможностей, чтобы оживить инициативу граждан и решить отмеченные выше первоочередные задачи. Вне всякого сомнения, не только социально-экономическая политика страны, но и государственная культурная политика должны в этой связи претерпеть существенные изменения, а взаимодействие власти, бизнеса и общества должно быть реформировано с целью максимального содействия росту среднего класса.

Впору вспомнить и столыпинскую реформу, переосмыслив ее применительно к современным условиям. Не стоит чураться и зарубежного опыта. Как в эпоху Великой депрессии США или Германия выходили из кризиса посредством строительства автобанов, так

[1] Чумаков А.Н. Гражданское общество – основа и необходимое условие демократии // Эволюция гражданского общества: философская рефлексия: сборник научных трудов. М.: Финансовый университет, 2012. С. 6-10.

сегодня и России необходимо вовлечь огромные массы населения в строительство собственного жилья и дорог, бесплатно выделяя участки, беспроцентные многолетние кредиты, максимально поощряя мелкий и средний бизнес в сфере строительства, производства материалов, мебели и т. п. Иными словами, следует создать соответствующие условия и большая часть населения России окажется занятой делом принципиальной важности. Это и будет тем импульсом, тем звеном в общей цепи, за которое сегодня наиболее реально можно и нужно вытаскивать наше общество из ситуации серьезного отставания от развитых стран. Во всяком случае, во внутренней жизни страны за это надо браться в первую очередь, основательно и на долгую перспективу, решая комплексно не только общеэкономические или социальные, но и назревшие задачи отдельных отраслей, таких, например, как сельское хозяйство, ТЭК, машиностроение и т. п.

Подводя итоги, следует особо подчеркнуть, что *демократия* в решении указанных выше задач играет особую роль. Она не столь очевидно, но опосредованно стимулирует личную инициативу, ответственность и заинтересованность в результатах труда. При этом демократия есть не что иное, как производная, функция, оборотная сторона *гражданского общества*. Отсюда, в любом обществе *демократии* столько, сколько в нем *гражданской составляющей*; точнее, уровень развития, степень зрелости, если хотите, качество демократии прямо пропорционально уровню развития и зрелости гражданского общества. Следовательно, обсуждать вопросы демократии, тем более, ругать ее, наделяя неприличными эпитетами, без выяснения вопроса о состоянии и качестве гражданского общества, как минимум, бесперспективно. А с точки зрения философского анализа и вовсе несерьезно.

Так что применительно к постсоветской России, где не было достаточно развитого гражданского общества, большие надежды на демократию ничем иным и не могли кончиться, как глубоким разочарованием и наделением демократии самыми последними эпитетами. Но разве *демократия* как таковая здесь при чем?! Если и далее будем говорить о ней без учета сказанного выше, то совсем потеряем путь к пониманию истинных причин наших сегодняшних проблем, т. е. будем искать там, где светло, а не там, где потеряли.

Итак, от обретения частной собственности к свободе; от свободного человека к гражданину и, как следствие, к гражданскому обществу; от гражданского общества к демократии; от демократии к преодолению социально-экономических проблем – таков путь практики[1]. В теории же, как справедливо заметил в свое время Леонардо да Винчи, наблюдая следствия, мы постигаем естество причин. Поняв причины, мы познаем природу следствий. Вот почему, когда вокруг столько разговоров о

[1] Быть может, скажут, что это долго, а у нас нет времени. Так его и не будет, если не браться за дело, как никогда и не было, даже тогда, когда шальные нефтегазовые деньги текли рекой, а насущные проблемы, причем не только жилищные или транспортные, но и здравоохранения, образования, науки, лишь усугублялись.

демократии и плохом состоянии дел в экономике, нам следовало бы задаться вопросом: когда же, наконец, мы поймем, что дело не в демократии или плохой организации труда? Это все следствие, результат того, в каком состоянии (качестве), степени развитости пребывает гражданское общество.

Егоров В.К.
(Москва)

ГИБКАЯ ПОЛИТИКА И КУЛЬТУРА

Понятие «гибкая политика» при ближайшем рассмотрении в определенном смысле тяготеет к культуре: использует ее, подпитывается ею. Но как гибкая политика влияет на культуру? Можно ли говорить о том, что это культурная политика? Не в привычном толковании, когда имеется в виду политика в области культуры, а как культурная политика в противоположность политике некультурной, то есть политика, в процессе проведения которой соблюдаются «правила игры» в культуре. Не декларируются, а соблюдаются гуманистические нормы и правила, нравственные принципы и т. д. независимо от того, о политике в какой сфере идет речь. Это как-то даже непривычно, не принято говорить: культурная экономическая, культурная социальная, демографическая, образовательная и т. п. политика. Непривычно и не принято, может быть, еще и потому, что сформулируй так – и тут же возникнет сомнение в ее культурности.

Как заметил Станислав Говорухин: «Только абсолютно некультурный человек может считать себя культурным...»[1]. В случае с «гибкой политикой» речь идет о качествах именно политики, а не о превращении ее в нечто другое. Говорить надо о политических технологиях, использующих культуру. Культурной такая политика является только по логике: два пишем (и в этом культурность) и много больше в уме. Ведь в «гибкой политике» – при всей ее привлекательности и, пожалуй, перспективности, – в культуру переносится и не может не переноситься одно из сущностных начал политики: создание образа «чужого» в иной культуре, а затем следует стремление к его подавлению, а то и уничтожению. В принципиальном плане здесь только на первый взгляд нет ничего нового – в истории всегда так было. Новое заключается не только

[1] См.: Говорухин С.С. Я разборчив не только в еде // Куперт Т. Политик с человеческим лицом. Томск, 1999. С. 257.

в возможностях нашего времени. Например, в ходе крестовых походов, многочисленных захватнических войн инокультурные пространства, ценности «другой» культуры превентивно не обрабатывались «чужими» ценностями. Образы «чужого» в «другой» культуре предварительно создавались только у себя. Конечно, как и во всякой схеме, здесь не все безусловно. Но схема все-таки есть. «Гибкая» или «мягкая» политика (и даже власть) – понятие, ставшее широко распространенным после выхода книги известного американского политика и исследователя Дж.С. Ная. Предложенное им понятие вбирает в себя множество содержательных моментов. Это целая система, базирующаяся на своей философии и вполне определенных установках. Особое значение в гибкой политике, безусловно, придается проблемам демократии, прав человека. Но едва ли не центральное место среди оснований «гибкой политики» занимают те, что связаны с идеей использования в политической деятельности культуры (культурных явлений, произведений искусства и, разумеется, их носителей и ретрансляторов), эксплуатации ее привлекательности, заключающейся в данном случае в неявности и даже в отсутствии прямой идеологичности. Немаловажное уточнение: в область культуры в данном случае включаются средства массовой коммуникации, и не только как «поставщики» идейно-политических установок, но и как средства доставки и как носители импульсов культуры. В этой связи нельзя не упомянуть такое действительно новое явление, как Интернет, многократно усиливающий эффект непосредственного участия человека в политической и культурной деятельности. Эффект сотворчества в политике использовался «гибкой политикой» изначально именно благодаря привлечению механизмов, способов и психологии, присущих, прежде всего, СМИ и массовой культуре, которая, как кажется, предоставляет каждому все расширяющиеся возможности лично творить историю, непосредственно участвовать в политической борьбе. В силу колоссального роста технических возможностей для построения виртуальных реальностей можно, казалось бы, преодолевать и социальное отчуждение, человеческую разобщенность. Иллюзорность участия и соучастия человека в социальном строительстве только возрастает. Культурные составляющие «гибкой политики», методы ее «неполитического» воздействия тщательно описаны Дж.С. Наем. Основные доминанты такого воздействия следующие:

- создание и продвижение не обязательно адекватного, но непременно привлекательного образа соответствующих ценностей;
- действия, исходящие из того, что «“соблазнение” всегда было более эффективным, чем подавление»;
- апелляция к чувствам;
- в центре политики – «реагирование на культуру и ценности» и далеко не всегда сама культура с ее ценностями;
- умелое размывание «границ между информацией и развлечением в мире, где царят средства массовой коммуникации»;
- опора на массовую культуру;

- поддержание иллюзии чего-то, например, объективности тех или иных утверждений, когда иллюзорность идет от искусства, а остальное – собственно от политики;
- привлечение в политику деятелей культуры, работников СМИ и, конечно, науки, образования[1].

Технологии, механизмы «гибкой политики», нацеленной на обработку сознания и психики человека, – проблема интересная. Остановимся на некоторых, как представляется, ключевых аспектах. Говоря о наличии «с достаточной определенностью зафиксированного информационного флюса в бытии и сознании современного человека», предлагается с «неизбежностью признать» наличие «еще одной структуры в личности человека, а именно – "инфогенеза". «Если даже не пойти на столь кардинальный научно-рефлексивный шаг, как довложение в структуру личности еще одной – инфогенетической – подструктуры, все равно надо признать факт исключительного в наше время влияния информационных процессов на качественную био-социо-психофункциональность человека»[2]. Последнее, полагаю, точнее. По крайней мере, более доказуемо на сегодняшний день. Вторжение в природу человека и социума следует осуществлять с осторожностью, признавая, что сама культура есть вторая природа человека, надбиологическая программа человеческой жизнедеятельности[3]. Хотя понятно, что для объяснения сложнейших социально-исторических, социокультурных проблем следует спуститься на этажи «более инструментального» толкования культуры, не следует забывать, что она – вторая природа и неизбежно испытывает на себе давление цивилизационных открытий. Как здесь не вспомнить довольно перспективного с точки зрения методологии предложения М.С. Кагана рассматривать в истории человечества разные этапы «соотношения» культуры и цивилизации:

- первобытное состояние как доцивилизационный тип культуры;
- традиционная культура, отличающаяся тем, что цивилизация «находится» в культуре;
- индустриальная цивилизация, когда культура «внутри» цивилизации;
- наконец, постиндустриальное общество в тенденции знаменующее «отождествление культуры и цивилизации»[4].

Отрадная перспектива. Однако в данном случае хотелось бы продолжить, имея в виду более «частные» проблемы и естественную настороженность при любом вторжении политики в культуру. Поскольку базовыми особенностями, стержневыми механизмами развития

---

[1] См.: Най Дж.С. Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике / пер. [с англ.] В.И. Супруна. Новосибирск; Москва: Фонд социо-прогност. исслед. «Тренды», 2006. С. 18-20, 32, 33, 67, 81, 110, 111, 130, 143, 146.

[2] См.: Киричек П.Н. Медиакультура в повседневности человека // Теория и практика культуры. Альманах. Вып.8. М.: Изд- во РАГС, 2010. С. 30, 31, 33.

[3] См.: Степин В.С. Культура // Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 2001. С. 341.

[4] См.: Каган М.С. Цивилизация в культуре и культура в цивилизации // Теоретическая культурология. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга; РИК, 2005. С. 174.

цивилизации считаются рынок, коммуникации, собственно, и создающие феномен глобализации, явление, именуемое «место и роль культуры в политике (в ее гибком варианте)», предстает как один из закономерных результатов социально-исторического и культурно-политического развития, а не только как гениальное, циничное или тривиальное изобретение хитроумных политиков и идеологов.

Несравнимая с недавним прошлым открытость миру культур и цивилизаций, прозрачность границ между ними не могли не породить новое качество социально-политической деятельности. В то же время, несмотря на свои серьезные гуманитарные основания, «гибкая политика» – это явление, несомненно, сложнейшее. Культура и технологические основы жизни – это еще не все, что относится к понятию о цивилизации. Это – всего лишь составляющие части этого общественного явления, отнюдь не тождественные по содержанию этому понятию в целом. У разных цивилизаций могут быть общие технологические основы, но совершенно разная культура и различные системы ценностей»[1]. При этом академик Н.Н. Моисеев указывал на особое значение в фундаменте цивилизаций «общности духовных миров», которая «рождает согласованность действий» наряду с «подобием образа жизни», «близостью миропредставлений», «признанием определенной структуры фундаментальных ценностей»[2]. В целом он скептически относился к разделению цивилизаций «на два класса» – техногенные и традиционные, считая крайне опасным стремление к унификации «цивилизаций», и называл это «таким же нонсенсом, как и генетически стандартный человек»[3]. Предложенный им ракурс рассмотрения культуры позволяет более рельефно видеть ее связи и взаимоотношения с цивилизационной проблематикой. Культура – не только одна из основ жизни, но и часть цивилизационного строительства наряду с технологическими основами. Обе эти части являются фундаментальными основаниями для давнего и привычного деления цивилизаций на традиционные и техногенные (современные, инновационные и пр.). В контексте поднимаемых вопросов из первого произрастает второй. «Запад в своем развитии, – пишет В.М. Межуев, – никогда не ставил перед собой задачу “перехода от традиционного общества к современному”, в чем многие авторы видят смысл и содержание модернизации, т. е. не рассматривал современность как нечто, лежащее впереди себя или находящееся в ином месте, чем он сам. Западу вообще свойственно при любых обстоятельствах чувствовать и осознавать себя современным. Современность отличают здесь от традиции, но после того, как она уже сложилась, наличествует в действительности. Даже в западных утопиях идеального общества современным считалось не то общество, о котором грезили, а то, которое существовало в реальности, хотя бы если оно и являлось предметом

[1] См.: Моисеев Н.Н. Быть или не быть… человечеству? М., 1999. С. 213.
[2] См. там же.
[3] См. там же. С. 213, 214, 219, 231.

критики. И тем более Западу совершенно не свойственно считать современным то, что существует за его пределами. Западный человек может быть недоволен своим обществом, его порядками, он может желать их изменения и улучшения, но в любом случае будет считать себя современным человеком. Современность для него там, где он сам реально присутствует со своими заботами, ожиданиями и надеждами»[1].

Рождается понимание того, что «чужая» культура – это не «другая» культура, а культура менее развитая, отставшая на пройденных этапах истории. При таком подходе и в философские основания политики не могут не закладываться соответствующие принципы, мотивации, допущения, какой бы «гибкой» она по замыслу, да и по исполнению, ни была. Не менее важно и интересно следующее. Если посмотреть на Запад глазами западного человека, не комплексующего по поводу сравнений общества, в котором он живет, с другими, то вслед за С. Хантингтоном необходимо признать вполне традиционным и американское общество, хотя, конечно, в чем-то отличающееся от соответствующего соотношения традиционности и современности (техногенности) в Японии, Южной Корее, Сингапуре, а теперь и в Китае. История с конца XX века все убедительнее свидетельствует о правоте тех, кто выступал против примитивной дихотомии: цивилизации делятся на современные, способные на модернизацию, и традиционные, стало быть, исторически обреченные. Подчеркнем, что, с одной стороны, мир богаче и сложнее; понять будущее невозможно, следуя за разного рода идеологемами, аккумулирующими в конечном счете одну программную установку: западный путь развития (и только он) современен на века. С другой стороны, следует очень осторожно относиться к попыткам доминировать в этом мире не только и не столько с экономических, технико-технологических позиций, сколько с позиций культуры. Потому, по крайней мере, что это и глубже, и долговечнее. Хотя, конечно, так или иначе, речь идет об идейно-политической борьбе за власть, экономические и прочие интересы, а не об абстрактном философском противостоянии цивилизаций. Политику, властные интересы и устремления, разумеется, выгоднее всего прикрывать идеями, концепциями, утверждающими перспективность одних обществ (цивилизаций) и обреченность других. При этом идейные установки и усилия, политические действия субъектов политики выставляются в качестве комментирующих ход исторического процесса, раскрывающих невеждам глаза на перспективы, сущность прогресса и т. п. В конечном счете, думая о будущем, следовало бы понять, что человечество, не обретшее веками искомой гармонии на путях доминирования «западнофильства», рискует подвергнуться испытанию «востокофильством», если не изменит философские основания мирополитики.

[1] См.: Межуев В.М. Культура в контексте модернизации и глобализации // Теоретическая культурология. М.: Академический Проект; РИК, 2005. С. 311, 312.

Применяемые ныне технологии и методы «гибкой политики» убедительно свидетельствуют о процессе активного смешения «традиционных» и «техногенных» цивилизаций. Традиционные общества вполне по-современному начинают проводить свои культурные интересы, строить собственную культурную экспансию. Тот же Китай постоянно расширяет присутствие не только на экономических, потребительских просторах техногенного, модернизированного Запада (и чуть ли не всего мира), но и в культурном пространстве стран, некогда провозгласивших себя единственными подлинными носителями современности. Да, Китаю пока еще недостает качеств и ресурсов своей массовой культуры в ее традиционном понимании – последнее следует подчеркнуть. Вместе с тем он вполне эффективно подключил к проведению гибкой политики в китайской редакции различные элементы великой тысячелетней культуры: от философии и медицины до символики, кухни, бытовой атрибутики и пр. Это и китайская медицина, и кухня, и гороскопы, и календарь и многое другое. К сожалению, чаще всего речь идет не о тиражировании ценностей, что весьма и весьма непросто. Однако опрометчиво, даже неверно было бы говорить, что если тиражируются не ценности, то непременно суррогаты культуры. Все сложнее. Во всяком случае, речь идет о посылке сигналов, импульсов культуры. Главное же не в просветительстве (хотя, разумеется, не без этого), а в уже упоминавшемся «соблазнении» иным миротолкованием с целью другой мироориентации. При этом упор делается на фундаментальные традиции китайского философствования, выделяемые специалистами, такие как сочетание в едином идеологическом комплексе (именно сочетание в идеологическом целом) признаков философии, науки, искусства, религии, опора на погружение различных мифологем в социокультурную действительность, приверженность ассоциативному мышлению и т. п. И многое, как известно, работает.

География «гибкой политики» постоянно расширяется, как и круг людей, ее реализующих, меняется ее содержание, направленность. В культурных пределах могущественного северного соседа работает массовая латиноамериканская культура, а на европейских просторах все активнее эксплуатируют свое понимание массовой культуры исламские фундаменталисты. Для них философия безбрежной политкорректности, отличающаяся боязнью почти элементарного политического здравомыслия, стала ширмой, позволяющей проводить «гибкую политику», в основе которой чаще всего чуждые подлинному исламу культурные ценности. Новые качества традиционных культур становятся зримыми и все более весомыми факторами политики в современном мире.

В наши дни концепция «гибкой политики» открыто выводит политическую деятельность из тени, в том числе культурной. Дж.С. Най на обширном историческом материале показал опыт ее осуществления с опорой на явления массовой культуры. Он, естественно, пишет и о новом качестве, новых возможностях «гибкой политики», связанных с бурным

развитием массовых коммуникаций и массовой культуры. При этом на наших глазах последняя теряет свою сугубую западноевропейскость, меняется ее содержание, производители и носители.

Утверждая, что гибкая политика, несмотря на ее культурные составляющие, характеристики и любые гуманитарные прикрытия – это всегда политика и всегда властные устремления, следует все же иметь в виду принципиальные моменты.

Во-первых, надо, как минимум, различать типы, виды властно-политической, политической деятельности. Разговор может идти о гибких политических действиях государств, международных и региональных организаций; о политической работе как государственной власти, так и институтов гражданского общества, оппозиции; о гибкой государственной внешней и внутренней политике; о политической деятельности оппозиционных сил внутри страны и за ее пределами; о различных комбинированных вариантах, в том числе о союзнической работе разнородных политических фигурантов и внутри отдельных стран и на более широких политических просторах и т. п. Но в любом случае привлечение ресурсов культуры гибкой политикой императивно несет на себе и в себе некую «камуфляжность».

Во-вторых, называясь культурно-гуманитарной деятельностью, «гибкая политика», как правило, имеет целью достичь социально-политического резонанса, уловить резонансную волну, нащупать точку наибольшей восприимчивости, а то и уязвимости мишени. Культура используется, прежде всего, как резонансная сила. Это понятно. Но должно быть ясно и то, что такая политика не всегда переполнена макиавеллевскими крайностями, императивно агрессивна, губительна и вредна. Ее целью может быть и усиление воздействия на объекты внимания, и корректировка представлений о субъекте политической, культурно-политической работы у этих (в этих) объектов, и формирование групп симпатий, агентов влияния, и гуманитарно-культурная деятельность как таковая, и циничная эксплуатация культуры в сугубо политических, экономических, военных интересах т. д. и т. п.

Безусловно, несмотря на весь свой базовый прагматизм, политика от рождения не лишена нравственности. Но, утверждая это, следует говорить и о том, что мы постоянно сталкиваемся со своего рода метаморфозой: будучи частью культуры общества, политика настолько самостоятельна, сильна и напориста, что на отдельных отрезках истории она часто эффективнее влияет на культуру, чем культура на нее. Одно существенное уточнение: с культурно-историческими основаниями политики все сложнее, а иногда и иначе. То же можно сказать и о будущем. Именно поэтому можно подчеркнуто оттенять их – культуры и политики – в определенном смысле автономное существование. В противном случае культура, облик, образ любого народа будут неправомерно сливаться, в массовом восприятии ассоциироваться с сиюминутной по историческим меркам политикой государств или иных субъектов политики. Потому в особенности в современном –

техногенном, информационном – мире необходимо различать культуру народов, включая современную, и часть их культуры, относящуюся преимущественно к области собственно массовой культуры. При этом, понимая уязвимость подобных разграничений, предпочтительнее, обращаясь к культуре, говорить о различиях и акцентах. Поскольку политика жестче (не стоит забывать, что термин «гибкая» политика имеет эквивалент – «мягкая»), постольку и употреблять применительно к ней необходимо определения и эпитеты, присущие политике. Нередко они менее гибкие. Можно, конечно, расставлять акценты и иначе. Действительно, в наше просвещенное время политика становится гуманнее, деликатнее, культурнее. Но даже при такой артикуляции нельзя не иметь в виду, что эффективно политически задействованной может быть только вполне определенная культура – массовая. Потому, в первую очередь, что этническая, народная культура настолько углублена в толщу национального бытия, что очень и очень трудно поддается «сиюминутной», актуальной идейной и политической обработке. Кроме того, надо иметь в виду и иные основания деления, различения видов, типов, пластов культуры. Например, явления, проходящие «по ведомству» высокой, классической, элитарной культуры, как и народная культура, относятся к «трудно обрабатываемым материалам». И, что не менее важно, эти виды культуры, культурной деятельности «имеют дело» не с массами людей, а с отдельными социально-профессиональными группами. Это не большинство налогоплательщиков, избирателей, и затрачивать на них огромные идейные, политические, финансовые ресурсы – себе дороже во всех отношениях. Существенное уточнение, касающееся молодежи, молодежной культуры. На культуре, ориентированной на новые, подрастающие поколения, а стало быть, на будущее, политика, разумеется, экономить не будет. Сказанное отнюдь не означает, что массовая культура изначально во всем – явление негативное, тем более при ее прочтении, понимании как культуры не этнической, не народной, а современной. В последнем случае вообще необходимо менять всю аргументацию, логику, чуть ли не все терминологическое оснащение. Речь о другом, о необходимости осмысления процессов, происходящих в социокультурной действительности, да и собственно в культуре, включая понимание того, что вспомоществование культуре со стороны политики всегда есть подключение почти инородного начала. Инородное же неизменно требует к себе особого внимания, осторожного отношения, так как такое подключение может быть и во благо, и во вред культуре – содействие во имя подлинного развития и с неким умыслом, в том числе злым, и как «медвежья услуга» с негативными последствиями по недомыслию.

В части упомянутых «политических пакетов» культура выступает не в своей ипостаси, а как видимая или мнимая культура. Так или иначе, необходимо точное диагностирование любой политики, направленной на изменение мира ценностей и традиций, наследия и институтов культуры любого народа. Есть, как известно, и другие основания выделения

культуры – как сферы деятельности. «Отраслевой принцип» вообще самый распространенный на практике. Попросту говоря, культура – это то, что находится в ведении министерства культуры. Поскольку «гибкая политика» работает не по ведомственному принципу, приведем пример из смежной сферы, поскольку «не везет» с политикой и другим отраслям. Под воздействием «гибкой политики» по законам массовой культуры начинают жить и явления, институты, не относящиеся к сфере культуры – наука, образование. И в том, и в другом случае мы имеем дело с попытками политики повлиять на массы при помощи «неполитических» инструментов. Причем, получая для себя очевидные выгоды, политика заставляет «своих партнеров» (науку, образование, культуру и не только их) изменять (хотя бы немного и в чем-то) своей сути, своему родовому предназначению. Во всех сферах жизни – от политики до искусства – можно зафиксировать примеры «тирании интеллектуальной пошлости», поскольку зачастую человек «не приучен считаться ни с кем, кроме себя»[1]. Качественные характеристики «многих» становятся качественными характеристиками «меньшинства», элит, тех, кто определяет политику или участвует в ней как, например, культурные элиты. В такой ситуации в реальной политической практике размываются даже самые яркие черты не только неординарных политиков, администраторов, но и участвующих в политической деятельности (то ли невольно, то ли сознательно) ученых, деятелей культуры и т. д. Нетривиальные личности, подлинные таланты могут оставаться таковыми и в политике, однако в ней они чаще всего присутствуют в качестве «человека массы». В социальных характеристиках и «большинства», и «меньшинства», наполняющих «людей массы», вполне по Э. Фромму, по сути, исчезают «индивидуальные лица» черты. Они становятся незаметными, наполняя «ядро структуры характера большинства, которое сложилось в результате основного опыта и способа жизни, общего для этой группы»[2]. И, видимо, вполне можно рассматривать ортеговского «человека массы», в том числе, как особую, социально аморфную группу, действующую в политике, а то и определяющую ее. Это социально зыбучая страта, являющаяся частью и масс, и элит и в силу такой неопределенности не являющаяся ни той, ни другой. Это плывущая, почти неуловимая социальная, политическая, наконец, культурная единица. При этом известная неразличимость субъекта (субъектов) политического воздействия отнюдь не означает превращения политики в какое-то иное образование. Своей «невидимости» в этом случае политика достигает благодаря культуре, которая, как уже отмечалось, в известном смысле также становится своей видимостью. Разумеется, не всегда. Бывает, что культура выступает на политической сцене, оставаясь культурой. Самые яркие и безоговорочные проявления – маскарад, клоунада – из глубин веков дошедшие до нас формы народной

[1] См.: Ребрик Р.И. Взаимодействие массовой культуры и элитарной // Теория и практика культуры. Альманах. Вып.8. М.: Изд-во РАГС, 2010. С. 149, 150.

[2] См.: Мир философии: Книга для чтения. Ч. 2.: Человек. Общество. Культура. М.: Политиздат, 1991. С. 276, 277.

культуры, чуть ли не изначально погруженные в общественно-политическую практику своего времени. Но не они и им подобные, как правило, имеются в виду, когда говорится о культурном прикрытии, обеспечении политики. Речь о культурных явлениях, факторах, элементах, ставящихся перед политикой для продвижения последней, когда культура или ее проводники занимаются подготовкой почвы в массовом общественном сознании, психологии перед внесением в нее семян идеологий и политик. «Гибкая» (или «мягкая») политика создается, проводится в том числе во имя замещения реальных вещей их образами с пониманием, что успеха можно достичь только тогда, когда реальные идейно-политические ценности, представления, предпочтения не замещаются сразу и целиком иными, нередко виртуальными, а вступают с ними во взаимодействие, создавая подчас причудливые переплетения, а то и новообразования. Культура в своем новом качестве и обличье, являясь внешней оболочкой реальной политики, проникает вовнутрь объектов воздействия, в массы, незаметно, мягко деформируя их. Латентность – одна из существеннейших черт «гибкой политики». Отсюда во многом и непредсказуемость ее результатов. «Нам не дано предугадать» как, где и когда сработают законы действия толпы, «принцип домино», резонансный эффект или логика разрастания «снежного кома» в политических акциях или иных общественных действиях. Если, как вполне справедливо утверждает философия, познание действительности возможно через познание ее отражения в человеческом сознании, то и воздействовать на действительность можно, не только пытаясь преобразовать что-то в реальности, но и предпринимая усилия по изменению ее восприятия. Так было всегда. Однако в наше время (и об этом нелишне будет сказать еще раз) имеет место колоссальный, ни с чем не сравнимый рост роли виртуального мира в жизни человека и человечества. Связано это главным образом с многократно возросшими технико-технологическими возможностями конструирования самого виртуального мира. Закономерно многократно увеличиваются и виртуальные ресурсы воздействия на действительность, давления на интеллектуальные и психические основы существования человека, а значит, и на формирование маршрутов и характера его социального поведения, нередко трудно поддающегося прогнозированию именно в силу виртуального воздействия. Согласно наблюдениям и выводам Дж. Ная, «соблазнение», творение мифов, мистификация являются важнейшими элементами «гибкой политики», тем, на чем строится ее психология, технологии и механизмы. То, как в наши дни реальность начинает жить и работать по навязываемым законам, далеким от действительности, конструирующим ее, было убедительно показано на примере рекламной индустрии современным французским писателем Ф. Бегбедером в знаменитом романе «99 франков». Обратившись к гораздо менее тонкой субстанции, чем культура, он вложил в уста своего героя откровения глубинного порядка: «Разве я виноват, что человечество решило заменить Господа Бога товарами широкого потребления?!». И в

конце монолога, как итог всему, что покоится на идеях разрушения привычных представлений, устоявшихся вкусов, непременной смены, замены ценностей, что основывается на эпатаже: «Чтобы обратить человечество в рабство, реклама избрала путь въедливого, умелого внушения. Это первая в истории система господства человека над человеком, против которой бессильна даже свобода. Более того, эта система сделала из свободы свое оружие, и это самая гениальная ее находка. Любая критика только льстит ей, любой памфлет только усиливает иллюзию ее слащавой терпимости. Она подчиняет вас в высшей степени элегантно. Все дозволено, никто тебя не тронет, пока ты миришься с этим бардаком. Система достигла своей цели: даже непослушание стало формой послушания»[1]. Разве не раздолье в поле подобной философии для любых культурных экспансий, обрамления культурой какой бы то ни было политики? Такое глубокое вскрытие опухоли в теле человеческой природы и не снилось отцам-создателям постмодернизма. Тем не менее, как бы странно это поначалу не выглядело, конечная опасность даже не в отмечавшихся выше тенденциях. Специалисты говорят, что 90 % знаний человечеством получены за последние 30 лет. Но ведь за подобной констатацией не только гордость за прогресс и выделение существенных, качественных особенностей новейшего времени, будущего. За ней – еще не осмысленное должным образом вползание homo sapiens, благодаря собственной разумной деятельности, в состояние, в котором суживается поле собственно разумной работы. Непроанализированная информация, неосмысленные знания, разрастаясь по законам геометрической прогрессии, давя своей (пока непонятно по каким законам живущей) массой на сознание и психику человека, не просто могут, но, безусловно, приведут к результатам, не поддающимся сегодня прогнозам. Чего стоят утверждения, все чаще тиражируемые СМИ и Интернетом (в разной редакции), согласно которым культурные и нравственные ценности, этические принципы и нормы уже не успевают за научно-техническим прогрессом. Одна надежда: человечество не первый раз оказывается в положении, которое кажется непонятным, а потому безвыходным. Человечество не перестало быть человечеством под давлением разных техногенных (технических) испытаний, им же созданных. Но если есть усталость материала и пределы его выносливости, то почему не быть усталости человеческой природы и ее пределам выносливости?

[1] См.: Бегбедер Ф. 99 франков // Иностранная литература. 2002. № 2. С. 480, 481.

Меняева М. П.,
Невелева В. С.
(Челябинская область)

КУЛЬТУРА СОГЛАСИЯ КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ И ОРИЕНТИР ЕЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

Угроза третьей мировой войны, гражданская война на Украине (2014-2015 гг.), усиление конфликта между христианской цивилизацией и исламским миром и другие проблемы современного мира актуализировали обсуждение проблем национальной безопасности России на международной научно-практической конференции «Социокультурные факторы национальной безопасности России», прошедшей в Москве в мае 2015 года. Среди них была обозначена одна из актуальных проблем современного общества: укрепление социальной солидарности, повышения сплоченности российского народа, обеспечения национального единства страны[1]. Ее решение требует развития гражданского общества в России, имевшей опыт «прорастания» и в условиях тоталитаризма, и стремящейся ныне к утверждению демократии.

Общеизвестно, что «социокультурное пространство подлинно демократического государства может быть основано только на принципе согласования частных интересов с общенациональными»[2]. В России как многонациональной стране основным принципом по отношению к культуре выступает поддержка межкультурного диалога с целью сохранения культурного разнообразия, тем самым – снятия крайних проявлений социальной неустойчивости и нестабильности. На достижение межкультурного диалога, усиление социальной интеграции и упрочение социального согласия ориентирована стратегическая концепция культурной политики. «В основу такой стратегии, – по утверждению О.Н. Астафьевой, – заложена идея соединения усилий всего общества для формирования единого культурного пространства и коллективной идентичности россиян, основанная на комплексном

[1] Астафьева О.Н. Культурная политика государства в изменяющихся условиях: актуализация принципов гражданского общества [Текст] / О.Н. Астафьева. // Социокультурные факторы национальной безопасности России: сб. науч. трудов / отв. ред. А. В. Костина. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2015. С.219.

[2] Астафьева О.Н. Культурная политика России: теория – реальность – перспектива [Текст] / О. Н. Астафьева. // Государственная служба, 2010. № 1. С. 68.

подходе к культуре, ... нацеленном на интегративную стратегию согласования культурной политики государства с его политикой в других областях..., на укрепление в процессе регуляции социокультурной жизни взаимодействия всех субъектов культурной политики – управленческих структур различных уровней власти, государства с бизнес- и общественными организациями»[1]. На наш взгляд, основу подобной стратегии может составить *культура согласия.*

Понятие *культура согласия* имеет разные смыслы. В широком смысле культуру согласия можно понимать как одну из составляющих культуры – сложнейшего образования, представляющего собой человеческий мир, в котором создаются разнообразные формы бесконфликтного сосуществования людей. Культуру согласия можно рассматривать как способ организации человеческого со-бытия с целью взаимообогащения и созидательного развития.

«В узком смысле культура согласия представляет собой совокупность найденных человечеством в его историческом движении, воспроизводящихся и заново создающихся форм (культурных образцов, моделей и т. п.), соответствующих стремлению к совместному существованию, преодолению открытого противостояния при сохранении автономности, а также к мирному сосуществованию и совместимости на взаимоблизких основаниях»[2].

Культура согласия как понятие предполагает ряд существенных признаков, соответствующих сути согласия и трактовкой понятия культуры как родового по отношению к культуре согласия. Мы исходим из философских размышлений И.Я. Лойфмана, который опирается на образную формулу культуры, предложенную Б. Пастернаком: «Культура – плодотворное существование»[3].

Суть согласия заключается в совместности, т. е. существовании вместе, одновременном существовании всего различного, нетождественного друг другу. Согласие возможно только при наличии голоса у каждого, оно означает совмещение, соединение голосов, совсем не обязательно слияние их в один единственный голос. Установление согласия требует работы человеческой мысли. Отсюда согласие является культурно-опосредованной формой отношения. Оно возникает из осознания людьми, группами, организациями различий в позициях, интересах, целях и проявляется в общности, совпадении, тождестве интересов, ценностей, смыслов. Согласие организуется сознательно

---

[1] Астафьева О.Н. Коммуникативные стратегии культурной политики: «креативное» управление как маркер модернизации // Современная культурная политика как креативная деятельность: управление и инновации. Коллективная монография в 2 частях. Под общ. ред. Астафьевой О.Н. СПб, ЭЙДОС, 2014. С.68.

[2] Меняева М.П. Логико-семантический и философско-культурологический анализ понятия «культура согласия» [Текст] / М.П. Меняева // Вестник Челябинского государственного университета. Серия Философия. Социология. Культурология. 2009. № 33 (171). С. 129.

[3] Двадцать лекций по философии: учеб. пособие [Текст] / А.В. Грибакин, Ю.Г. Ершов, В.Е. Кемеров и др.; Рос. Филос. О-во и др. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2002. С.82.

для решения конкретных задач и достижения определенных целей, а также для осуществления совместных действий. Оно влечет за собой взаимотерпимость различных противостоящих сторон и достигается путем нахождения между ними компромиссов. Взаимное и добровольное согласие ведет к солидарности, сотрудничеству, кооперации и консолидации как механизмам интеграции. Обоюдное стремление к согласию в человеческом мире способствует формированию единства и целостности, имеющих характер не тотальный, не механический, а органический и гармонический, что является залогом стабильного и устойчивого развития.

Поиск согласия, его достижение и закрепление в любых сферах человеческого бытия, воспринимаемых в целом как культура, позволяет вести речь о культуре согласия. Раскрытие содержания понятия «культура согласия» предполагает осмысление согласия на разных уровнях человеческого бытия (индивидуальном и социальном, внешнем и внутреннем). Отношения взаимоуважения, дружественные, доверительные отношения между разными субъектами проявляются в расположенности друг к другу, в восприятии другого как иного, но не враждебного. Подобные отношения проявляются в солидарности, взаимопомощи, взаимной поддержке, взаимном приятии. В межличностном общении они предполагают доброжелательность, бескорыстную любовь, заботу друг о друге.

Культура согласия означает возведение согласия в культ, его культивирование, отсюда культура согласия процессуальна и может восприниматься как результат целенаправленной деятельности. Она не может возникать механически и требует сознательных усилий. В основе отношений согласия лежит готовность к взаимной уступчивости, воля к компромиссу, взаимотерпимость. Последняя позволяет также мирно сосуществовать гражданам разных национальностей, что возможно на взаимоблизких основаниях, взаимодопустимых и взаимоудовлетворяющих отношениях.

Понятие «культура согласия» охватывает формы отношений, основанные на согласии, документальные и институциональные формы, закрепляющие подобные отношения, а также способы и средства организации человеческого со-бытия. Культура согласия, прежде всего, означает совокупность типов отношений, скрепляющих в органическое единство всё многообразие сторон, на основе чего образуется устойчивая целостность на всех уровнях человеческого бытия (от индивидуального до глобального). Способом организации такого единства является диалог – «форма речи, в которой сквозь различие точек зрения возникает и преобладает дух целого»[1].

[1] Меняева М.П., Невелева В.С. Культура согласия в контексте существования современного человека [Текст] / М.П. Меняева, В.С. Невелева. // Вестник Челябинского государственного университета. Серия Философия. Социология. Культурология. 2012. № 18 (272). С. 7.

Диалог представляет собой форму взаимодействия, которая предполагает взаимное сближение, допускающее при этом определенную степень расхождения. Чтобы диалог состоялся, нужны точки сближения, согласование намерений, целей, действий и т. п. Диалог может создавать почву для единения на основе единого языка общения как возможности взаимопонимания, что способствует обретению согласия между его участниками. Если стороны приходят к обоюдному, взаимному согласию, то диалог приобретает продуктивный и конструктивный характер. Непродуктивен и не имеет смысла диалог, в котором отсутствует стремление к пониманию друг друга.

В контексте культуры согласия средства для достижения взаимопонимания носят мировоззренческо-аксиологический характер, они предполагают отказ от превосходства участников друг над другом, установку на равное принятие другого, взаимные уступки и максиму воли индивидуального и коллективного субъекта, которая может реализоваться в контактах с другими. К технологиям относятся «круглые столы», форумы, конференции, способствующие поиску общего. Важную роль при этом играют институциональные формы, которые представляют собой объединения, регулирующие, упорядочивающие, контролирующие выполнение установленных обязанностей, правил и норм, закрепленных в документальных формах – договорах, соглашениях, контрактах и т. д.

Таким образом, культура согласия созидательна. Она возникает как ответ на необходимость такого существования, в котором достигнуто согласие при сохраняющихся расхождениях. Отношения согласия конструктивны, поэтому требуют закрепления и воспроизводства. Культивирование отношений согласия в нашей стране способствует развитию гражданского общества, которое всегда базируется на отношениях согласия между гражданами, между обществом и государством. Культура согласия способствует стабильному и устойчивому существованию, поэтому на сегодняшний день явно осознается как ценность. Культуру согласия можно рассматривать в качестве ориентира культурной политики нашего государства, среди стратегических целей которой – укрепление единства российского общества, обеспечение условий для развития солидарности в нем. Без культуры согласия культурная политика России не может быть эффективной.

Митрошенков О.А.
(Москва)

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ: К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Сегодня несколько утихли дискуссии о гражданском обществе. Однако это не означает, что проблема снята с повестки дня. Трансформационные процессы, которые переживает Россия, можно считать состоявшимися и завершенными лишь в случае укоренения гражданского общества и, соответственно, гражданской культуры как социальной основы демократии. Этот процесс – продолжительный, требующий смены ряда поколений. В современной же России гражданское общество, элементы которого могли бы выступить в качестве институциональных посредников между старой и новой системами и способствовать модернизации государственной власти и страны в целом, чрезвычайно слабо и неразвито. Без развитого гражданского общества государственная власть, даже если она представлена субъективно честными и демократически ориентированными деятелями, либо вырождается в крайние формы авторитаризма, либо просто «повисает» в воздухе, оказываясь неспособной осуществить эффективные преобразования.

Классические представления о гражданском обществе нередко противоречат распространенному у нас и подчас упрощенному его пониманию. В европейской, особенно англосаксонской традиции, это понятие *не исчерпывается* ни автономией индивидов, ни совокупностью отношений институтов, функционирующих независимо от политической власти. Тем более гражданское общество не мыслится как социальное образование, противостоящее государственной власти. Оно не есть антитеза государству: его возникновение связывается не только с добровольным соглашением свободных, равных и независимых людей. В сообщество их объединяют «общий установленный закон и судебное учреждение».

Нормой политического поведения в развитых демократиях является также процедура согласования и учета различных позиций и интересов, восходящая к идее общественного договора. Неудивительно, что анализу практик, регулируемых этой процедурой, многие исследователи отводят ключевую роль в структуризации современного общества. «Когда люди «переговариваются» о том, что считать правильным, должным и эффективным…, когда они договариваются о процедурах истолкования…, нужных для возникновения у них чувства общей реальности…, они действительно разрабатывают некие имплицитные, временно

обязывающие «соглашения» о том, как им следует взаимодействовать и приспосабливать свое поведение друг к другу»[1]. В результате люди координируют индивидуальные и коллективные действия по нормам *реципрокности* (взаимности), ориентирующих на учет и реализацию взаимных прав и обязанностей, а также ответственности.

Одновременно гражданское общество рассматривается как «зрелый плод модернизационного процесса», происходившего в евро-американском ареале и развивавшегося на трех началах – рыночной экономике, рациональном и эгалитарном правосознании, а также на признании безусловного внутреннего достоинства всех членов общества.

Вместе с тем гражданское общество включает основы, трудно поддающиеся эмпирическому измерению и связанные, прежде всего, с опытом общегражданской культуры, веры и нравственности. Это, прежде всего, «сакральный договор» между человеком и институтом, человеком и государством, вера в присутствие: а) в *мире* – некоторой *имманентной разумности*; б) в *обществе* – некоторой *имманентной солидарности*; в) в *человеке* – некоторой *имманентной автономности*. Без них рушатся фундаментальные основы гражданского общества и открываются предпосылки для насилия, беззакония, диктатуры. Эти основы есть скорее всего предметы культуры, интуиции, умозрения, веры, связанные с глубинным филогенетическим и трудно выговариваемым внутренним опытом человека[2]. В евро-американском ареале ценности разумности мира, общественной солидарности и автономности человека воспринимаются как «нечто открытое, недогматизируемое, недосказанное». Всерьез и глубоко осознаваемые и переживаемые лишь немногими, хотя и открытые всем, – они, выливаясь в общезначимые нормы нравственной и правовой регуляции демократического общежития, оказываются одной из важнейших… «несущих конструкций гражданского общества»[3].

Не предрешая ответа на сложный и обширный вопрос, в каком обществе мы живем и можно ли его назвать гражданским, сконцентрируем внимание на тех *ценностях, нормах и правилах*, которыми руководствуется в нашей стране индивид в его отношениях с социумом и государством.

Данные некоторых социологических исследований[4] вызывают серьезное сомнение в том, что наши соотечественники обладают сколько-нибудь солидным опытом *веры в присутствие некоторой имманентной разумности* нынешнего российского социума. К такому выводу можно прийти, сопоставляя ответы на вопросы: «Что, на Ваш

---

[1] Тернер Д. Аналитическое теоретизирование // Теория общества: фундаментальные проблемы. Под ред. А.Ф. Филиппова. М., 1999, с. 138.

[2] См.: Гражданское общество: Мировой опыт и проблемы России. Отв. ред. В.Г. Хорос. М., 1998, с. 136-137.

[3] Там же, с. 137.

[4] Здесь и далее использованы, в частности, некоторые данные опроса (опрошено 840 человек), проведенного в рамках финансировавшегося фондом Форда исследовательского проекта «Социальная политика и поведение домашних хозяйств на российских рынках» (М.; ТЕИС, 2000).

взгляд, является *основой* общества в современной России?» и «На каких основаниях, *принципах* должно строиться российское общество?» Цифры свидетельствуют о довольно слабой распространенности ориентации на здравый смысл в нынешнем социуме: менее четверти опрошенных относят его к важнейшим семейным ценностям, и лишь 15 % причисляют к основам современного общества. Впрочем, слабая вера в то, что организация социума сообразуется со здравым смыслом, все же сочетается с признанием третью (33 %) респондентов его необходимости для благополучия любой семьи. 42 % опрошенных относят здравый смысл к *должным* принципам общественной организации. В пользу того, что здравый смысл есть не просто некая знаемая ценность, а предпочтение, которое со временем может стать нормой повседневности, свидетельствует признание его важным для благополучия своей семьи почти третью респондентов (30 %) наряду с их готовностью (32 %) считаться с ним и, что особенно важно, пользоваться им в своих интересах – 50 %[1].

Вместе с тем *рациональность здравого смысла* (даже столь усеченного в сознании россиян) сама по себе имеет *ограниченный характер*. Люди, руководствующиеся здравым смыслом, обычно не анализируют его природу и содержание. К тому же ориентация на него может способствовать воспроизводству как рутинных, так и инновационных правил поведения. Далеко не любое рационально приобретенное знание выступает в качестве регулятора поведения, поскольку может игнорироваться, отфильтровываться выучкой, предшествующим опытом. Следовательно, познанное не тождественно усвоенному. Поэтому одна лишь осведомленность, знание новой социальной нормы не означает признания ее людьми. Принятая во внимание, она может рассматриваться как иррелевантная, малозначимая или вовсе незначимая для практики социального взаимодействия. Выбор же среди нового познанного и принятого во внимание обычно делается в пользу того, что значимо, оценивается как приемлемое, чем можно и должно пользоваться в индивидуальных и групповых интересах. Тогда новая норма из познанной, «знаемой» трансформируется в образец для действия, правомерность которого в качестве правила согласуется с другими людьми и становится одним из средств структуризации повседневных социальных взаимодействий.

Отсюда напрашивается следующий вывод. Поскольку практическая направленность здравого смысла существенно влияет на процесс усвоения нового, причем не всегда в пользу лучшего и эффективного, *рационализация* жизни российского социума и составляющих его людей и общностей есть, *во-первых*, необходимое, но все же недостаточное условие модернизации страны, *во-вторых*, является более сложной

[1] См.: Социальная политика и поведение домашних хозяйств на российских рынках, с. 52-53; см также: Хлопин А. Гражданское общество в России: идеология, утопия, реальность (размышления над отечественными публикациями последних лет). Pro et Contra. Зима 2002. Т.7, №1, с. 120-127.

проблемой, чем она предстает в общеполитических и социологических теориях гражданского общества. Поэтому в поисках адекватной стратегии модернизации неоднородного и сложного российского социума недостаточно опираться на западный опыт. Необходимо достоверное знание о реальном процессе структуризации этого социума, и исследование этого процесса мере следует вести по крайней в контексте принципиального отличия России от Запада, поскольку она «изначально развивалась и все еще развивается в рамках догоняющей модели»[1], что делает невозможным простой и непосредственный перенос на почву России западного опыта и форм становления гражданского общества.

В необходимости достоверного знания о реальном процессе структуризации российского социума и отношений в нем убеждают и другие данные социологических исследований, согласно которым, в частности, в обществе практически отсутствует вера в *солидарность* людей. Лишь 7 % респондентов относят ее к основам современного российского общества, а 19 % – к *должным* принципам его организации. Хотя никто не причислил солидарность людей к важнейшим семейным ценностям, все же больше четверти (28 %) сочли ее необходимой для семейного благополучия, и почти треть (31 %) принимают во внимание при решении важных проблем. Однако готовы пользоваться солидарностью в своих интересах менее четверти опрошенных – 21 %. Весьма малая практическая значимость солидарности для большинства респондентов позволяет трактовать ее как знаемую ценность, и рассматривать это обстоятельство в качестве существенного подтверждения тезиса о *мозаичности, неоднородности* российского социума, его *структурно-сегментарной* природе.

Похожим образом обстоит дело и с ценностью *согласия*. Более трети (36 %) опрошенных относят его к важнейшим семейным ценностям и считают необходимым для благополучия любой семьи, но совершенно не связывают с благополучием собственной (27 %), а главное – чаще пользуются согласием в своих интересах (32 %), нежели принимают во внимание, решая важные для себя проблемы (26 %)[2]. Но если солидарность и согласие не обладают сколько-нибудь значимой регулятивной функцией в координации социальных взаимодействий, то это означает, что их пока нельзя отнести к инструментальным ценностям гражданской и политической культуры, ориентирующим различные сегменты социума на их интеграцию в некую структурированную сеть или совокупность сетей[3].

---

[1] Гражданское общество: Мировой опыт и проблемы России. С. 257.

[2] См.: Социальная политика и поведение домашних хозяйств на российских рынках. М., 2000. С. 47-48; см также: Хлопин А. Гражданское общество в России: идеология, утопия, реальность (размышления над отечественными публикациями последних лет). Pro et Contra. Зима 2002. Т.7, № 1. С. 127-128.

[3] См также: Хлопин А. Гражданское общество в России: идеология, утопия, реальность (размышления над отечественными публикациями последних лет). Pro et Contra. Зима 2002. С. 128.

Тема гражданского общества, степень влияния этого концепта на отечественную гражданскую и политическую культуру, с одной стороны, и мозаичность, неоднородность и прерывность координированных взаимодействий в российском социуме, с другой, обусловливают особую роль *консенсуса*, своего рода явного или неявного договора между индивидом, социумом и его институтами, государством. При отсутствии консенсуса в отношении согласия, уважения чужого мнения и солидарности людей процесс согласования различных интересов, прав и обязанностей, формальных норм и неформальных правил происходит по нормам реципрокного (взаимного) поведения, которые применяются преимущественно к *лично* знакомым людям и необязательно совмещаются с какими-либо общезначимыми *моральными* и *правовыми* нормами. Если считать солидарность одной из основ гражданского общества, то требуется более глубокое исследование трансформации моделей подобной *локальной взаимности в нормы общей*.

Рассмотрим некоторые грани вопроса о культуре взаимодействия государства, гражданского общества и отдельных его элементов в современной России.

Признаки гражданского общества в России как будто бы очевидны. Конституцией РФ закреплены основные права и свободы, отменена цензура. Есть различные партии, парламент, социальные группы и акторы – бизнес, многочисленные СМИ, профсоюзы, суд, некоммерческие организации и т. д. Есть гражданские протесты – против *монетизации льгот* (январь 2005, 240 тыс .чел.), *увеличения цен на бензин* (февраль, 50 тыс.), реформы ЖКХ (март, 100 тыс.), *новых правил дорожного движения* (январь 2006, 10 тыс. чел), *митинги в поддержку О. Щербинского* (февраль, 25 тыс.). На некоторые протесты власть реагирует вполне конструктивно. Создана и действует Общественная палата.

Из значимых штрихов гражданского общества как будто бы все.

Более глубокие размышления показывают, что тезис о наличии в России гражданского общества спорен. Гражданского общества в традиционно западном понимании в России скорее нет, чем есть. Сегодня на просторах страны скорее совокупность атомизированных и довольно бесправных индивидов, фрагментированных образований, которые гражданского общества не составляют. То, что есть, не является ни балансиром, ни тем более партнером для государственной власти.

Существует несколько признаков отсутствия гражданского общества в России.

1. *Расколотость российского социума и населения*. В России существуют расколы по различным линиям – бедные и богатые (основной, децильный коэффициент официально 1:17, неофициально – 1:30 и более); центр и регионы; столица и провинция; элиты и народ; чиновники и все остальные. Есть расколы по национальным, религиозным, культурным, поколенческим основаниям. Эти расколы не уменьшаются, а, скорее, углубляются.

2. Отсутствует то, что делает общество обществом, а не конгломератом атомизированных существ и дезинтегрированным социумом – *объединяющие системы ценностей*. Таких как доверие, солидарность, согласие по базовым основаниям общества, уважение к жизни, личности и достоинству человека. Доминирует противоположное, т. е. то, что десоциализирует его, превращает в «войну всех против всех».

Присутствует также то, что усугубляет расколы и является антиценностями – *бедность* населения и патологическая *алчность* и *нечестность* российского бизнеса, как крупного, так и среднего и мелкого. Там, где одни акторы реализуют свои жизненные интересы за счет обмана других, гражданского общества быть не может.

Эти антиценности затронули все общество. Даже в близких нам высшем образовании и науке жадность, несдержанность одних усугубляет раскол с другими. В вузах, академических институтах главные персонажи – вовсе не ученые и преподаватели, не студенты, как об этом часто говорится, а административная верхушка, которая откровенно перераспределяет деньги в свою пользу. Как может относиться к этой верхушке профессор, если он вынужден зарабатывать на хлеб, и ему совершенно не до науки? Это – одна из причин того, что наша *социальная* наука в целом вторична, за последние 15 лет не произвела ни одной идеи мирового уровня.

3. Российский социум практически *бессубъектен*. Что такое субъект общества? *Это социальная единица, способная постоянно принимать и реализовывать социально значимые (в масштабах общества), самостоятельные и ответственные решения и действия*. У нас есть акторы, действующие лица, статисты, даже личности, но субъектов нет, поскольку ничего не решают. Субъектов в России два – Президент и бюрократия. Президенту одному страну не вытянуть, тем более с помощью российской бюрократии. Тот факт, что решают президент и его администрация, а остальные лишь реализуют его волю, и то малоэффективно, есть выражение бессубъектности российского общества. Ни бизнес, ни СМИ, ни средний класс, которого нет, ни корпоратизм, ни профсоюзы, ни суд, ни Госдума, ни Совет Федерации, ни партии политическими субъектами не являются, поскольку значимые решения принимают вовсе не они. Бессубъектность общества противоречит демократии и рыночной экономике (ибо нет ни серьезных независимых партий, ни неуязвимого бизнеса с его частными интересами), следовательно, гражданскому обществу.

Бессубъектность российского социума связана с тем, что различные слои не прошли периода самоидентификации и оформления собственных интересов. Спокойствие в России зиждется на пассивности и неорганизованности низов и слабости верхов. Но эти стабилизаторы носят временный характер и в любой момент могут отказать. Обычно неорганизованное недовольство низов выливается в бунт, организованное – в революцию. Чем это заканчивается в России, известно.

4. *Отсутствие среднего класса*. Средний класс – медианный, он стягивает социальные полярности, которые при его отсутствии «объединены» (в данном случае) пропастью.

5. В этих условиях государство чувствует себя комфортно, поскольку нет воздействия со стороны разрозненного общества. По этой причине государство претерпевает опасные трансформации, становясь корпоративистским. Это значит, что *оно преследует свои собственные цели и интересы, отличные от целей и интересов общества*, что противоречит его природе и интенции целого. Суть этой модели – в государственном перераспределении ресурсов «своим». Сравнение расходов на национальные проекты в 2006 г. (5 млрд. долларов) с уже осуществленными тратами госкомпаний на новые активы в 2005 г. (23 млрд.) показывает, что для такой корпорации главное.

Не так давно депутаты Госдумы выступили с инициативой снять действующий (с 1990 г.) законодательный запрет для себя на параллельное занятие бизнесом. Это требование отражает доминирующее представление депутатов о политической деятельности как прежде всего способе подзаработать деньжат, приобщиться к собственности. В самосознании депутатского корпуса нет и намека на поворот к статусу «слуги общества». Скрыть этот цинизм от населения нет никаких шансов. Поэтому, как показывают социологические исследования, 38,6 % респондентов считают, что «Единая Россия», доминирующая в Госдуме, защищает собственные интересы, 36,4 % – Президента РФ, 23,0 % – бюрократии, 19,9 % – бизнеса, и только 17,5 % – всего населения.

Культура и качество управления страной со стороны государства остаются низкими. Верховенство закона и безопасность населения от криминала не обеспечены. Для судов главный фактор при принятии решений – деньги и административный ресурс, а не закон. Модернизации страны и экономики не происходит, хотя известно, что сырьевая модель – это путь в «третий мир», исторический тупик, за выход из которого, как обычно, заплатит российское население.

6. Бюрократия – ведущий субъект корпоративного государства. Более того, в России она стала политическим субъектом, чего не должно быть по определению. *Бюрократизация* по-российски и сопутствующие ей теневые отношения, клиентелизм, коррупция, система взаимных обязательств пронизывают все больше сегментов общества (тендер по-российски – «пиление» денег между своими). Сращивание же бюрократии с бизнесом и политикой опасны как для бизнеса, так и для политики. Бизнес вынужден платить ренту, политика – проводить частные интересы. Выдавливание из политики всех сил, кроме бюрократии, создает почву для радикализма любого толка. Этот узел способен стать Гордиевым, который, как известно, лишь разрубается. А как рубят узлы в России, тоже известно.

Социологические исследования (проведенные, в частности, Социологическим центром РАГС при Президенте РФ, руководитель – В.Э. Бойков) показывают низкий уровень доверия к политикам,

вынужденность приспособления к действиям властей, скепсис в возможности влиять на их решения. Это – не просто критиканская позиция. Это основано на опыте общения с органами власти и управления, когда людям не удается решить важные вопросы или такое решение сопровождается слишком большими издержками. Поэтому они и не считают власть ориентированной на интересы граждан. Перед глазами и опыт СМИ: они могут делать сколько угодно передач или публикаций о нарушениях со стороны власти, однако это крайне редко сопровождается реакцией критикуемых органов или чиновников, тем более постановкой вопроса об их ответственности. Они их просто игнорируют. Несоразмерность выступлений СМИ и реакции на них известны людям и лишь укрепляют их во мнении о невозможности влиять на решения властей. Так, эксперты сочли, что менее всего ст. 19 Конституции РФ, («все равны перед законом и судом») действует применительно к Госдуме и Правительству, правоохранительным органам и судам, прокуратуре и милиции. Т. е. главным нарушителем закона в глазах экспертов выступает само государство.

С этой точки зрения Россия, несомненно, нуждается в гражданском обществе.

Развитие гражданского общества – это не одностороннее движение, не монополия государства и каких-то органов. В самом обществе важно осознание необходимости действий в этом направлении. Однако сегодня мало людей готовы участвовать в контроле над деятельностью органов власти, в работе общественных организаций и самоуправления.

В результате – замкнутый круг: власть игнорирует интересы граждан, которые отвечают ей тем же. Ситуация начнет меняться только тогда, когда само общество научится влиять на власть, задействуя разные каналы. Но для этого важно осознать: защита своих прав и интересов – не что-то внешнее и второстепенное, а результат постоянных усилий за утверждение их в повседневности. Даже если борьба с собственной бедностью требует неоправданно много сил.

Что делать?

Нужны новые модели мышления и методы действий, решительные и эффективные. Но есть и много простых вещей.

1. Каждому не увеличивать количества зла в мире, оздоравливать пространство вокруг себя.
2. Взращивать доверие, формировать атмосферу внутренней сдержанности людей, распространять отмеченные базовые ценности.
3. Формировать средний класс, уменьшающий расколы в обществе.
4. Создавать условия для появления значимых и автономных субъектов общества (средний класс, бизнес, независимый суд, профсоюзы, СМИ, некоммерческие организации и т. д.). Сегодня России нужны Косыгины и Эрхарды, а не Кириенко и Кудрины. Нужен давно назревший переход от стабилизации

к инновационному развитию, экономике знаний, опоре на человеческий потенциал и повышению его качества.

5. Устранить трудовую немотивированность населения – за счет адекватной оплаты труда, придания ему общезначимой ценности, что важно для россиянина; устранить дискриминацию труда, осуществляемую путем сокращения его рыночной стоимости.
6. С этим связан другой вопрос – о собственности, награбленной в результате приватизации. К сожалению, российский бизнес постоянно уходит от этой проблемы, обрекая себя на перманентную нестабильность и неопределенность. Ограбленные в результате приватизации люди могут и будут терпеть несправедливость в силу своей очевидной слабости – в т. ч. в силу ухудшения своего экономического положения, но вряд ли забудут про свои потери. Этот раскол никогда не даст создать единую нацию, он чреват «холодной» гражданской войной, а при случае – и энтузиазмом по поводу нового передела. Сегодня актуальнее то, что собственность, приватизированная в 1990-е гг., является лакомым куском для тех, кто не успел к ее дележке, но зато обладает властью. Просто закрыть этот вопрос нельзя, он всегда будет оставаться взрывоопасным. Наилучшим вариантом было бы *согласие собственников заплатить за свои активы честную цену, раз у них сейчас есть такая возможность, и вести свой бизнес спокойно*, а не ожидать каждый день новых налоговых проверок и абсурдных притязаний со стороны приватизированного государства. Это поле нужно «разминировать», и самое главное – реприватизации должно быть подвергнуто российское государство.
7. Современная жизнь проективна и технологична. «Черные» PR-технологии следует постараться превратить в «белые» и направить на решение проблемы гражданского общества.
8. Нужны институциональные изменения, обеспечивающие сближение интересов труда и капитала, их сотрудничество. Нужно добиваться социально приемлемого уровня их солидарности.

Не приходится надеяться на нынешние взрослые поколения. Нет никаких элит, способных к инновациям. Однако в сегодняшних детях, молодежи есть потенциал успеха и эффективности. Среди них есть морально чистые группы. На это и надежда.

Подводя итог, можно сделать вывод, что специфическая структуризация власти и зависимости, которая в отечественной гражданской культуре часто носит сугубо личный характер и функционирует по принципу ассиметричности правовых, политических, моральных и иных норм в отношениях между «своими» и «чужими», оставляет открытым вопрос о том, может ли мозаичный российский социум трансформироваться в современное гражданское

общество с развитой политической и общегражданской культурой. Необходима трезвая, глубокая и идеологически не ангажированная концептуализация и легитимация российского социума как гражданского общества, а отечественной гражданской культуры – как демократической культуры.

Белозор А.Ф.
(Брянская область)

РЕАЛИЗАЦИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ В ПАРТНЕРСТВЕ С БИЗНЕСОМ

Власть и общество находится в том состоянии, когда сформировались предпосылки перейти от часто необоснованной, а порой и некомпетентной критики бизнеса к созидательной политике, к освоению таких форм деятельности государства, муниципального управления и их диалогу с другими субъектами, которые будут направлены на устойчивое развитие государства, региона, муниципального образования.

Предпринятые Президентом и Правительством новые шаги в отношении малого бизнеса должны стать ориентиром с многократным усилением для региональных и муниципальных властей и муниципального управления.

Когда речь идет о бизнесе то, к сожалению, нормативное правовое действие государства (в своем большинстве) направлено на технический сектор и торговлю и не затрагивает социально-культурную сферу. В современной практике именно эта сфера искусственно дистанцирована от рынка, бизнеса и менеджмента. Трудно найти объяснения тому факту, как в условиях государства с рыночной экономикой целые направления, такие как медицинских услуг, культуры, образования живут обособленно от рыночной среды.

Веер проблем, начиная с мизерных доходов бюджетников, изношенной инфраструктуры, отсутствия элементарного оборудования и инструментов, руинированного состояния многих памятников истории и культуры характеризуют с отрицательной стороны «современную» поликлинику, больницу, школу, библиотеку, дом культуры, объект культурного наследия.

Может разрешить эти проблемы государство и тем более муниципалитет при сложившейся политике исключительно собственными силами? К сожалению, нет.

Консервативное мнение многих должностных лиц распространилось на общественное сознание, что только государство и муниципалитет может быть исполнителем социальной, образовательной и культурной политики. При таком подходе совсем скоро не станет кадров, а затем клубов и домов культуры, далее библиотек, школ, больниц, поликлиник. В России сложилось и другое устойчивое сознание, что рынок – это только бизнес. Рынок – это в первую очередь конкурентная среда не зависимо от того, кто туда пришел: государственное, муниципальное учреждение, некоммерческая организация или бизнес-структура. Государством и муниципальным управлением декларируется формирование конкурентной среды в социальной сфере, но часто это только пожелание.

Бизнес сегодня гораздо профессиональнее управляет деньгами, компетентнее персоналом, творчески технологиями и производством. Разве может себе позволить предприниматель принять полуграмотного специалиста или уволить высокопрофессионального менеджера? Нет, потому что первый развалит его бизнес, а второй приносит «золотые яйца». Почему это бывает в государственном и муниципальном управлении?

Бизнес обладает сегодня равным с государством, а может и большим финансовым потенциалом. Бизнес, заняв доминирующее положение во многих сферах государственной и общественной жизни, оказался практически не незадействованным в посткризисном становлении отечественной культуры, образования, здравоохранения, а его серьезный экономический и инновационный потенциал до сих пор в должной степени не востребован.

Трудно понять, почему государство скупо делегирует бизнесу на исполнение свои функции в социокультурной сфере?

В контексте разрешения проблем государству целесообразно установить такие прозрачные правила, чтобы бизнесу было выгодно работать в социокультурной сфере, государству разрешить свои проблемы, нам с вами получить полные и качественные услуги.

Государственно-частное и муниципально-частное партнерство может стать тем механизмом, который разгрузит государство и муниципалитеты от непосильной ноши, задействует малый и средний бизнес в это сфере, сделает социальные профессии конкурентными с другими секторами. Немало важным является то, что государством не выработана принципиальная позиция по определению и закреплению государственно-частного партнерства в социокультурной сфере.

В теории и практике во многом сформированы основные понятия и положения государственно-частного и муниципально-частного партнерства. Для целей нашего исследования – это равноправное сотрудничество институтов государства, муниципального управления и бизнеса по решению социокультурных задач в целях повышения качества жизни и всестороннего развития человека.

Система партнерства в социокультурной политике может включать в себя разные уровни власти, отрасли, экономические и социальные

сферы, коммерческие и некоммерческие организации. Каждая сторона должна поддерживать присущую ей компетенцию.

Федеральный уровень устанавливает правовые основы регулирования отношений при формировании и реализации политики.

Представители бизнеса, принимая такие правила, в свою очередь, вырабатывают практику взаимоотношений с государством, муниципалитетом, учреждениями и организациями.

Региональные власти регулируют взаимоотношения в своем секторе полномочий.

На муниципальном уровне устанавливаются основы регулирования отношений в местном сообществе[1].

Где применимо партнерство? В сфере культуры только Брянской области насчитываются десятки памятников архитектуры, которые государство не может содержать и тем более восстановить и не вовлекает в это бизнес. Разве плохо, что кто-то возьмет этот объект, отреставрирует или отремонтирует и включит его в хозяйственный или культурный оборот. Цель внедрения партнерства в социокультурную сферу направлена, в первую очередь, на перенос акцента с количественного аспекта государственного влияния на качественный, с размера объема его вмешательства на результативность его деятельности, осуществление смешанного финансирования сферы.

Бизнес, и в первую очередь это малый и средний бизнес, должен прийти в школу, больницу, поликлинику, дом культуры. Тогда появится конкуренция. Почему государство и муниципалитет покупает образовательные, медицинские, культурные услуги только у государственных или муниципальных учреждений? Бизнес справится с этой задачей гораздо эффективнее и расторопнее. Не хватает реально просчитанной и утвержденной стоимости обучения, лечения, развлечения. Как только социокультурный сектор включится в рынок – зарплата начнет выравниваться с другими секторами экономики.

Возникает боязнь отрицательного результата. Чтобы этого не случилось, необходимо государству делегировать бизнесу не только свои проблемы, но и отдельные функции на саморегулирование. И при этом должен заработать механизм наказания недобросовестных субъектов, и вместе с этим – механизм страхования рисков бизнеса.

Необходимо отметить, что российский бизнес уже достиг определенного уровня развития и может со многими внутренними проблемами справится сам, через свои институты регуляции. Например, это могут взять на себя общественные организации «Деловая Россия» и «Опора России».

Бизнес-сообщество, являясь одним из основных субъектов экономического развития, может составить здоровую конкуренцию государству в социокультурной сфере и значительно увеличить

[1] Белозор А.Ф., Белозор Ф.И. Культурная политика России: взаимодействие государства и бизнеса: Монография. Брянск: Изд-во Брянский филиал ОРАГС, 2009. С. 78-96.

свою культурную ценность для общества. При этом социальная ответственность бизнеса должна перерасти из внутрикорпоративных интересов в интересы общества в целом. Взаимодействие государства и бизнеса предпочтительно направить в такое русло, где бы интересы бизнеса стали развиваться в плоскости национальных интересов, а власть поддерживала бы эти интересы.

Как на пример зрелости бизнеса можно указать на принятую им Социальную Хартию российского бизнеса.

Господин Борисов, президент Общероссийской общественной организации малого и среднего предпринимательства «Опора России», в одном из своих интервью отметил, что «в целом патриотически настроенное предпринимательское сообщество России понимает, что бизнес не заканчивается с получением прибыли. Есть куда более важная функция – это его ответственность за состояние дел в обществе в результате успешности или не успешности того или иного вида предпринимательства. Именно от того, насколько эффективен бизнес, от того каков его вклад в экономику, зависит количество бедных и число богатых в стране»[1].

В реализации партнерства государства и бизнеса камнем преткновения выступает правовое обоснование данного сотрудничества.

Государственно-частное партнерство (ГЧП) – для России относительно новая форма средне- и долгосрочного взаимодействия государства и бизнеса для решения общественно значимых задач на взаимовыгодных условиях. Даже в Великобритании, считающейся родоначальницей этой формы реализации инвестиционных проектов, первые шаги по формализации ГЧП были приняты только в 1981 году[2]. В нашей стране это понятие в узком смысле (если не ограничиваться понятием «концессия») впервые появилось в законодательном акте лишь в 2006 году в Санкт-Петербурге.

В настоящее время законодательство о государственно-частном партнерстве принято в 69 субъектах России, однако большая их часть является декларативными документами. Помимо региональных актов в России действуют также Федеральные законы от 21.07.2005 № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» и от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», которые также оговаривают варианты реализации проектов ГЧП. В какой-то степени регулирует механизмы партнерства и Федеральный закон от 22.07.2005 № 116-ФЗ

[1] Проблемы маленьких. Интервью с главой «Опоры России» Сергеем Борисовым. Режим доступа: http://lenta.ru/articles/2012/07/11/opora/.

[2] Европейская экономическая комиссия Организации Объединенных Наций. Практическое руководство по вопросам эффективного управления в сфере государственно-частного партнерства. Организация Объединенных Наций. Нью-Йорк и Женева, 2008. URL: http//www.unece.org.ru; Guidelines for successful Public-Private Partnerships. March 2003; The Green Paper on Public-Private Partnerships and Community Law on Public Contracts and Concessions. April. 2004. URL: http//www.ec.europa.eu.

«Об особых экономических зонах в Российской Федерации» (поскольку предоставление бизнесу льгот на определенной территории – тоже вариант ГЧП в широком смысле)[1].

Тем не менее, эти нормативные правовые акты в совокупности описывают далеко не все возможные формы сотрудничества частного инвестора и государства, что серьезно ограничивает применение этих нормативных актов в качестве правовой основы ГЧП. В таблице 1 раскрыты все основные механизмы государственно-частного партнерства, принятые в мировой практике.

Таблица 1.

Типология ГЧП в зависимости от объема прав и обязанностей частного партнера

Сокращение	Расшифровка	Описание
BOT	Build, Operate, Transfer (построй – управляй – передай)	Концессионный механизм: строительство, право пользования (без права собственности) в течение срока соглашения и передача государству.
BOOT	Build, Own, Operate, Transfer (построй – владей – управляй – передай)	Аналогично сказанному, но право собственности на время действия контракта принадлежит частному партнеру.
BTO	Build, Transfer, Operate (построй – передай – управляй)	Аналогично п. 1, только объект передается государству сразу после строительства. Частный партнер обслуживает объект в течение срока действия соглашения, а публичный возмещает затраты регулярными платежами (контракт жизненного цикла).
BOO	Build, Own, Operate (построй – владей – управляй)	Аналогично п. 2, но по истечении срока соглашения объект остается в собственности частного партнера
BOMT	Build, Operate, Maintain, Transfer (построй – управляй – поддерживай – передай)	Акцент на поддержке жизнеспособности и обслуживании объекта. Право собственности остается у публичного партнера.

[1] Федеральный закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 20.07.2015, N 29 (часть I), ст 4350; Федеральный закон от 22.07.2005 № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 25.07.2005, N 30 (ч. II), ст. 3127; Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства РФ, 08.04.2013, N 14, ст. 1652; Федеральный закон от 21.07.2005 № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» // Собрание законодательства РФ, 25.07.2005, N 30 (ч. II), ст. 3126.

DBOOT	Design, Build, Own, Operate, Transfer (спроектируй – построй – владей – управляй – передай)	Аналогично п. 2, но в обязанности частного партнера входит и проектирование объекта соглашения.
DBFO	Design, Build, Finance, Operate (спроектируй – построй – владей – управляй – передай)	Акцент на обязанности частного партнера финансировать строительство и мероприятия по обслуживанию. Публичный партнер возмещает издержки регулярными платежами.

С 1 января 2016 года вступает в силу Федеральный закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Он учитывает имеющийся законодательный опыт, а также дополняет его необходимыми понятиями, расширяя область применения ГЧП[1]. Принятие этого закона представляется более чем своевременным. В России сейчас более 80 нормативных правовых актов различного уровня и качества, регулирующих инвестиционную деятельность. Все они создавались в разное время, различными людьми, поэтому неудивительно, что в них много противоречий. Соответственно, применение этого законодательства оказывается делом нелегким, что отпугивает частных инвесторов. Данный закон сможет выстроить понятную, прозрачную и непротиворечивую законодательную систему, расширить практику сотрудничества государства и бизнеса, а это скажется на российском инвестиционном климате позитивно.

Указанный Федеральный закон предполагает принятие большого количества смежных нормативных правовых актов. Это порядки принятия решения о реализации проекта и отбора претендентов, процедуры контроля реализации и прекращения соглашения о ГЧП. В дополнение, целесообразно принять отдельные законы по разным направлениям ГЧП. Например, о государственно-частном партнерстве в ЖКК, дорожном строительстве, социальной сфере, оборонно-промышленном комплексе. В будущем возможна конкретизация условий сотрудничества власти и бизнеса в здравоохранении и социальной сфере, в жилищно-коммунальном хозяйстве и т. д. Предлагаемые нормативные правовые акты позволят разработать каналы проникновения частных инвестиций в сферы государственного регулирования.

Особо интересной для Брянской области, известной своими историческими и природными достопримечательностями, представляется идея создания туристско-рекреационных особых экономических зон как способа применения государственно-частного партнерства на практике.

1 Собрание законодательства РФ, 20.07.2015, N 29 (часть I), ст. 4350.

Основной целью органов управления субъектов России является обеспечение устойчивого, безопасного и поступательного развития своих регионов. При этом основными ориентирами должны быть обеспечение высокого уровня жизни граждан и интеграция на выгодных условиях в общегосударственную и международную систему безопасности, а также распределение рынков труда и ресурсов на основе равноправного и взаимовыгодного партнерства и сохранения структурной целостности.

Эти особенности выдвигают новые требования к системе государственного управления Российской Федерации. Его важнейшим элементом становится стратегическое планирование, в процессе которого осуществляется подготовка и оценка различных вариантов планов развития ситуации и выбор варианта, наиболее соответствующего текущим задачам. В вертикально интегрированной системе государственного управления стратегическое планирование регионов должно увязываться друг с другом и интегрироваться в общее стратегическое планирование Российской Федерации.

Реформирование органов государственного управления, а также связанные с этим существенные изменения в перечне и содержании решаемых ими задач диктуют принципиально новые требования к системе управления как регионами в целом, так и действующими на их территории экономическими зонами.

Несмотря на многообразие разновидностей ОЭЗ, можно выделить те общие черты, которые позволяют объединять эти организационно-экономические образования под общим термином – особые экономические зоны – независимо от целей их создания, функциональной специализации и сложности экономического механизма функционирования. К их числу относятся:

локальность территории;

наличие благоприятных исходных экономических, социальных, политических, транспортно-географических и климатических условий для формирования ОЭЗ;

хозяйственная специализация в сфере предпринимательской деятельности;

установление на этой территории особого правового и экономического режима, более льготного по сравнению с условиями, действующими за пределами этой территории;

всесторонняя поддержка и гарантии государства;

многоуровневая система управления, адекватная целям и задачам территории.

С учетом рыночной экономики государство осуществляет функции регулирования предпринимательской, в том числе инвестиционной деятельности с целью воздействия на экономику страны для развития рыночных отношений и недопущения кризисных явлений. В условиях кризиса регулирующая роль государства при проведении реформ возрастает, а в условиях стабильности и оживления экономики ослабевает.

В соответствии с положениями Федерального закона от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» с изменениями от 3 июня 2006 года в Российской Федерации могут создаваться особые экономические зоны четырех типов: промышленно-производственные, технико-внедренческие, туристско-рекреационные и портовые.

Туристско-рекреационная зона – тип особой экономической зоны, территория в границах лечебно-оздоровительной местности или курорта, а также в границах иных территорий рекреационного назначения, пригодная и предназначенная для организации лечения и профилактики заболеваний, а также для отдыха, туризма, занятий физической культурой и спортом.

Механизм создания особых экономических зон позволяет прогнозировать достижение следующих результатов:

во-первых, улучшение инвестиционного и предпринимательского климата; формирование условий для масштабного привлечения отечественных и иностранных инвестиций, направленных на создание современных, отвечающих мировым стандартам санаторно-курортных и туристических комплексов на соответствующих территориях;

во-вторых, создание ОЭЗ – это инструмент для концентрации ресурсов, направленных на развитие курортно-туристского комплекса Российской Федерации, сохранение и эффективное использование природных лечебных и рекреационных ресурсов на территории Российской Федерации[1].

Более высокая инвестиционная и предпринимательская активность будет обеспечиваться за счет снижения в ОЭЗ воздействия таких объективно присущих для курортов России негативных факторов, как:

длительные сроки окупаемости инвестиционных проектов по развитию курортной сферы ввиду сезонности функционирования курортов, а также капиталоемкости проектов;

забюрократизированный и длительный процесс оформления прав на получение земельных участков для реализации инвестиционных проектов;

недостаточно высокий уровень правовых гарантий долгосрочной стабильности осуществления инвестиционной и предпринимательской деятельности.

Реализация политики государства на основе ГЧП потребует реформирования органов государственного управления, а также связанные с этим существенные изменения в перечне и содержании решаемых ими задач диктуют принципиально новые требования к системе управления как регионами в целом, так и действующими на их территории экономическими зонами. Эта тема поднимается в самых разных исследованиях и в разных аспектах[2].

---

[1] Быкасов Д.С. Туристско-рекреационные особые экономические зоны – путь развития регионального туризма // Вестник РАГС. 2007. № 1.

[2] Алпатов А.А., Пушкин А.В., Джапаридзе Р.М. Государственно-частное партнерство: механизмы реализации. М.: Изд.: Альпина Паблишерз, 2010; Белицкая А.В. Правовые формы

Широкое применение на практике различных форм государственно-частного партнерства в социальной сфере позволит решить многие проблемы в отраслях культуры, образования, здравоохранения, коммунальном хозяйстве. При этом государство и муниципалитеты задействуют новые механизмы предоставления качественных услуг, а перед бизнесом откроются большие возможности своего развития.

Протасевич А.Р.
(Москва)

СОЗИДАТЕЛЬНАЯ ЭНЕРГИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА ДЛЯ РАЗВИТИЯ РОССИИ

В силу ряда причин в экономике Российской Федерации в настоящее время наблюдаются кризисные явления, обусловленные в том числе внешними обстоятельствами, такими как падение мировых цен на основные энергоносители, мировое снижение объемов прямых иностранных инвестиций, которые в 2014 г. сократились на 16,3 % . Приток инвестиций в развитые страны упал на 28 % – до минимума с 2004 г., вложения за рубеж самих развитых стран остается на уровне 2013 г. В 2014 году прямые иностранные инвестиции в Россию также сократились, о чем свидетельствует доклад Конференции ООН по торговле и развитию (UNCTAD)[1].

Не способствуют экономическому росту ограничения на рынке кредитования и отток капиталов из России, который по данным

государственно-частного партнерства в России и зарубежных странах // Предпринимательское право. 2009. № 2; Белозор А.Ф., Белозор Ф.И. Культурная политика России: взаимодействие государства и бизнеса: Монография. Брянск: Изд-во Брянский филиал ОРАГС, 2009; Быкасов Д.С. Туристско-рекреационные особые экономические зоны – путь развития регионального туризма // Вестник РАГС. 2007. № 1; Вилисов М.В. Государственно-частное партнерство: политико-правовой аспект // Власть. 2006. № 7; Дансанарова С.Д. Институт частно-государственного партнерства: становление и развитие в России: Автореф. дис. ... к.э.н. Улан-Удэ, 2007; Михеев О.Л. Частно-государственное партнерство в условиях смешанной экономики: теория и практика становления и функционирования. М.: Анкил, 2011; Евстафьев Э.Н. Частно-государственное партнерство как фактор инновационного развития экономики: Дис. ... к.э.н. Казань, 2009;.Игнатюк Н.А. Государственно-частное партнерство в России // Право и экономика. 2006. № 8; Попов М.С. Организация частно-государственного партнерства при реализации социально-экономических проектов и программ: Автореф. дис. ... к.э.н. М., 2008; и др.

[1] ИА «Росбизнесконсалтинг». Сайт. URL: http://top.rbc.ru/finances/30/01/2015/54cb66719a7947da938b8b22.

Центробанка по итогам первой половины 2015 г. составил $52,5 млрд.[1], недостаточная диверсификация экономики страны и проблемы со сбытом продукции многих российских предприятий (что особенно чувствительно для моногородов), нестабильность валютных курсов и снижение покупательной способности населения на 15 %, связанное с сокращением уровня реальных заработных плат[2], и т. д.

В этих обстоятельствах замедляется и решение застарелых проблем среды жизнедеятельности, особенно характерных для сотен схожих по своему облику малых и средних городских поселений, формировавшихся в условиях градостроительной политики прошлого века, по разным причинам ориентированной на тотальную унификацию и минимализм в архитектуре. Исследователь М.М. Сонина в своей работе «Городская культура в России» отмечает: «В политике советского государства город не рассматривался как самоорганизующаяся система, а только как административный и промышленный центр, население которого должно было обеспечивать задачи экономики и политики, любая самоорганизация в городе пресекалась, все сферы жизни города пытались поставить под централизованный контроль»[3].

Как следствие этих негативных явлений, в большинстве регионов растет дефицит бюджета, сворачиваются или откладываются на неопределенное время инвестиционные проекты, сокращаются бюджетные расходы в социальной сфере, снижается качество жизни населения. Все эти обстоятельства в совокупности ставят под вопрос исполнение майских указов Президента Российской Федерации 2012 года, способствуют усилению пессимистичных настроений в обществе, создают риски возникновения прецедентов социальной нестабильности.

Руководством страны принимаются необходимые меры для улучшения ситуации. Вместе с тем очевидно, что использование только традиционных и, несомненно, необходимых инструментов регулирования социально-экономических процессов (поддержка банковского сектора и корректировка ключевой ставки Центробанка, дотации регионам и стимулирование импортозамещения, решение вопросов национальной безопасности и усиление мер контроля и т. д.) для обеспечения устойчивого развития Российской Федерации сегодня явно не достаточно.

Одним из мощных ресурсов формирования деятельного патриотизма и создания позитивных настроений в обществе, повышения качества жизни, роста социально-экономических показателей и гармонизации миграционных процессов в регионах России является конструктивная, не связанная с политикой в ее традиционном понимании, активность гражданского общества. Как показывает успешный российский и зарубежный опыт, активные сообщества и отдельные граждане, при

[1] ИА «Росбизнесконсалтинг». Сайт. URL: http://top.rbc.ru/tags/?tag=отток+капитала.

[2] Агентство «Newsru.com». Сайт. URL: http://newsru.com/finance/13jul2015/fallingdemand.html.

[3] Соснина М.М. Исследование «Городская культура России» // Вестник Томского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Политология. 2011. № 3.

наличии действующих механизмов государственно-общественного и государственно-частного партнерства могут эффективно решать задачи в самых разных сферах жизнедеятельности территорий[1].

В Российской Федерации в последние годы на федеральном уровне ведется взаимодействие властей с гражданским обществом. «Главное сейчас – дать гражданам возможность раскрыть себя. Свобода для развития в экономике, социальной сфере, в гражданских инициативах – это лучший ответ как на внешние ограничения, так и на наши внутренние проблемы. И чем активнее граждане участвуют в обустройстве своей жизни, чем более они самостоятельны как экономически, так и политически, тем выше потенциал России»[2].

В настоящее время созданы условия для реализации гражданских инициатив: активно работают в этом направлении Общественная палата Российской Федерации, Общероссийский народный фронт, Агентство стратегических инициатив и другие структуры. В полномочиях ряда органов исполнительной власти предусмотрены механизмы поддержки различных общественных проектов, в т. ч. через систему грантов и субсидий.

В той или иной степени поддержка «Третьего сектора» оказывается и из бюджетов субъектов Российской Федерации. Согласно исследованию, проведенному специалистами Общественной палаты, за 2014 год регионы в целом выделили на поддержку НКО 3,63 млрд.руб., а в 2015-м – 2,62 млрд.руб[3]. Однако в силу ведомственных ограничений и специфики деятельности некоммерческих организаций, значительный потенциал гражданской активности и перспективных творческих идей остается вне полномочий органов местного самоуправления, не задействуется в полной мере в интересах России и ее граждан.

В январе 2015 года Первый заместитель руководителя Администрации Президента Российской Федерации В.В. Володин в ходе семинара для руководителей региональных органов государственной власти призвал глав городов передавать часть функций местных властей социально ориентированным некоммерческим организациям. «Там, где они могут лучше выполнить работу, чем бюджетные учреждения, задействуйте НКО», – сказал он[4].

Перспективными направлениями деятельности, способными играть важнейшую роль в активизации развития территорий Российской Федерации, становятся социокультурные технологии, успешно применяемые во многих ведущих странах мира, в т. ч. в ряде регионов

---

[1] См.: Российское государство и социально-экономические вызовы современности: Сборник научных статей. Том II. М.: ИГСУ РАНХиГС, 2015 г.

[2] Ежегодное Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 04.12.2014 г. Москва, Кремль. Сайт. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/47173.

[3] Нагорных И. Социально ориентированные НКО помогут государству «тянуть груз проблем // Коммерсант. № 142/п от 10.08.2015 г.

[4] ИА «Росбизнесконсалтинг». Сайт. URL: http://top.rbc.ru/politics/30/01/2015/54cbb1399a79470e50820e96.

России. Эти направления основаны на методиках вовлечения граждан в созидательную работу по улучшению среды жизнедеятельности поселений, стимулированию инновационной активности молодежи, созданию новых рабочих мест, повышению инвестиционной и туристической привлекательности, а также других социально-экономических показателей территорий.

Наиболее актуальными с точки зрения их широкого внедрения в субъектах Российской Федерации являются такие социокультурные технологии, как маркетинг и брендинг территорий, культурное планирование, перепрофилирование выбывающих из экономических процессов промышленных зон, создание творческих кластеров и ряд других.

Теоретическая основа такого подхода сформулирована Д.В. Кадочниковым, который в своей статье «Теоретико-экономический анализ культуры и культурных ценностей: вопросы методологии» отмечает: «Экономика влияет на культуру, как процесс влияет на результат. Но одновременно элементы культуры, будучи результатами человеческого труда, воплощенного в материальных и нематериальных ценностях, а также в виде накопленных знаний и навыков, выступают в качестве факторов производства новых благ»[1].

Ключевую роль в процессе применения современных социокультурных технологий в целях развития территорий могли бы играть учреждения сферы культуры. Однако, система организации деятельности по отраслевому принципу, сложившаяся еще в прошлом веке, ограничивает их потенциальные возможности. Среди ключевых проблем культурной сферы сегодня становится отсутствие профессиональных кадров, способных реализовать новый круг задач, вытекающих из «Основ государственной культурной политики», отмечалось на научно-методологическом семинаре «Культура и культурная политика» в Институте государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (19 марта 2015 г., ИГСУ РАНХиГС). Кроме того, итогам проведенного в марте 2015 года группой экспертов РАНХиГС опроса экспертов, также были названы низкий уровень менеджмента и недостаток квалифицированных специалистов (54 % и 49 % экспертов соответственно). 41 % экспертов отметили высокую стоимость услуг для населения, 34 % сообщили о снижении ассортимента и качества этих услуг[2].

С учетом отраслевых ограничений сферы культуры, формирование и продвижение социокультурных технологий должно происходить на межведомственном уровне, сопровождаться формированием сетевого партнерства и дружественной конкурентной среды между регионами и отдельными поселениями, масштабными информационно-

[1] Кадочников Д.В. Теоретико-экономический анализ культуры и культурных ценностей: вопросы методологии //Альманах центра исследований экономической культуры. М., СПб.: Издательство института Гайдара, 2013.

[2] Мануйлова А. Искусство требует квадратных метров // Коммерсант. № 146 от 14.08.2015 г.

просветительскими мероприятиями, привлечением к работе научного и экспертного сообществ. Заслуживающий внимания пример организации такой системной работы – ежегодный Международный культурный форум в Ульяновске. Девиз форума 2015 года «Креативный регион – сильная страна» и темы дискуссий на его площадках (взаимодействие культуры и экономики, государственно – частное партнерство, творческие бизнесы и государство…) отражают актуальность формирования новых направлений деятельности в социокультурной сфере.

Выстраивание эффективного взаимодействия между органами власти и представителями различных сообществ является важной составляющей внедрения современных социокультурных технологий в территориях Российской Федерации. Таланты людей, их неравнодушие, наблюдательность и искреннее желание гордиться своей малой родиной могут являться неисчерпаемым источником продуктивных, часто неожиданных, идей для развития поселений. Задача специалистов в сфере социокультурных технологий – фиксировать и стимулировать такие идеи, во взаимодействии с авторами формулировать их и воплощать в конкретные проекты.

Одним из примеров такой неожиданной находки является обычное школьное сочинение на Интернет-портале «Знания». Учащийся компактно изложил основные этапы более чем 300-летней истории небольшого сибирского города Прокопьевска. Сочинение заканчивается фразой, которая выглядит как готовый креативный ход для специалистов по брендингу территорий: «…Города, как люди, имеют свою судьбу, свой характер. Прокопьевск напоминает работящего крепкого человека, который с детства стал хорошим помощником в большой семье. Свою первую и основную в жизни профессию, шахтёрскую, он приобрёл с момента рождения. Труд шахтёра очень тяжелый, но и очень почетный. Шахтёры своим трудом прославили родной город»[1].

Условия развития Российской Федерации на современном этапе предоставляют уникальные возможности для направления энергии конструктивных гражданских инициатив на благо государства на основе актуализации культурных ресурсов территорий, уважения исторической памяти, законов и традиций многонациональной России. Механизмы реализации этих возможностей на межведомственном и межсекторном уровне могут быть разными, в том числе такими, как организация работы в рамках уполномоченного федерального органа исполнительной власти, создание отдельной целевой программы или разделов в существующих программах, формирование межведомственного Плана.

[1] Сайт «Школьные знания». URL: http://znanija.com/task/1304449.

Винокурова Е.П.
Республика Саха (Якутия)

КУЛЬТУРНО-ГРАЖДАНСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ В ПРОЕКТЕ «НАРОДНЫЙ БЮДЖЕТ» В ГОРОДСКОМ ОКРУГЕ «ГОРОД ЯКУТСК»

В Основах государственной культурной политики определены следующие цели государственной культурной политики: укрепление гражданской идентичности; создание условий для воспитания граждан; сохранение исторического и культурного наследия и его использование для воспитания и образования; передача от поколения к поколению традиционных для российской цивилизации ценностей и норм, традиций, обычаев и образцов поведения; создание условий для реализации каждым человеком его творческого потенциала; обеспечение доступа граждан к знаниям, информации, культурным ценностям и благам[1].

Достижение столь масштабных целей только усилиями государственных органов – практически невыполнимая задача. Как показывает мировой опыт, концепция общих ценностей в менеджменте может эффективно способствовать реализации различных целей и задач власти, общества и бизнеса. Особенно актуальным это становится, когда рассматриваются проблемы развития северных территорий. Выделяют следующие основные проблемы социальной сферы и сферы культуры:

— изолированность социокультурной сферы от общественной жизни и жизни сообщества;

— невладение технологиями фандрейзинга городских учреждений (привлечения средств, работы со спонсорами);

— зависимость от активности городской администрации;

— неразвитость партнерства, плохая внутренняя коммуникация, изолированность отдельных ведомств.[2]

Для преодоления этих проблем наиболее перспективными являются социальные проекты, направленные на интеграцию различных социальных групп, построение коммуникации внутри сообщества. Примером такой интеграции является проект «Народный бюджет», действующий с 2014 года в городе Якутске, столице Республики Саха (Якутия), который должен способствовать росту результативности взаимодействия субъектов в текущей и долгосрочной перспективе. Внедрение данного проекта – результат деятельности главы города Якутска Айсена Сергеевича Николаева, руководствующегося современными разработками менеджмента.

---

[1] Указ Президента РФ от 24.12.2014 N 808 "Об утверждении Основ государственной культурной политики". С. 7.

[2] Зеленцова Е. Социокультурное проектирование в северном городе [Электронный текст] / http://www.cpolicy.ru/analytics/surgut.html Дата обращения: 20.08.2015.

В Положении о проекте «Народный бюджет» вводятся понятия «народные инициативы» и «народный бюджет». Народные инициативы – социально значимые проекты, инициированные населением и направленные на решение задач, актуальных для городского округа «город Якутск», связанных со строительством, реконструкцией и ремонтом общественных объектов, с благоустройством территории городского округа, мест массового отдыха населения, а также с проведением благотворительных, социальных, волонтерских акций, образовательных, культурных, спортивных и других общественных мероприятий в городском округе «город Якутск», в реализации которых обязательно участие инициаторов и населения.

Народный бюджет – финансовые средства в бюджете городского округа «город Якутск», направляемые на финансовую поддержку народных инициатив, прошедших конкурсный отбор.

Поддержка органов местного самоуправления городского округа «город Якутск» может предоставляться народным инициативам в различных формах: грантовой, имущественной, материальной, организационной и информационной. Объем средств на реализацию народного бюджета в 2014 году составил 23,162392 млн. рублей, в 2015 году 25,642 млн. рублей по 7 направлениям: «Благоустройство», «Будущее Якутска», «Город талантов», «Личный пример», «Наш пригород», «Наша столица», «Помним, гордимся, благодарим».

Заявки на участие в конкурсном отборе могут быть поданы жителями городского округа «город Якутск» и/или общественными организациями, представленными инициативными группами, сформированными по следующим принципам:

- территориальному: инициативная группа представляет интересы жителей, проживающих на определенной территории городского округа «город Якутск»;
- социальному: инициативная группа представляет интересы жителей, объединенных в рамках зарегистрированных на территории городского округа «город Якутск» общественных организаций, а также других социальных групп населения.

В конкурсном отборе могут принять участие только заявки, прошедшие экспертизу рабочих групп, в состав которых входят представители муниципалитета, депутаты городской Думы, руководители учреждений и организаций разной подведомственности, в т. ч. республиканские, члены Общественной палаты РС (Я). Далее отобранные проекты представляются инициативными группами в форме публичной защиты перед заявителями, представителями СМИ и комиссиями рабочих групп. После заключительного этапа сведения о результатах отбора народных инициатив публикуются на официальном сайте Окружной администрации города Якутска http://якутск.рф/, в газетах «Эхо столицы», «Киинкуорат».

Поскольку тема нашего обсуждения касается культурных инициатив, то рассмотрим направление «Город талантов», в котором куратором является один из авторов статьи Корякина А.Н.

Табл. 1

Реестр получателей грантов в сфере культуры в 2014 году

Получатель гранта	Название проекта	Сумма гранта (руб.)	Ожидаемые результаты
Общественная организация ветеранов кинематографии РС (Я) (Лепчикова П.Н.)	70 фильмов до Победы	963 000	Патриотическое воспитание
Общественная организация «Ассоциация ветеранов боевых действий ОВД и ВВ РС (Я) (Гребенников Н.Г.)	Четверть века после войны	191 350	Патриотическое воспитание
ООО «Юниверсал Креатив» (Федоров Р.А.)	Детская программа «Цветик-семицветик зажигает талант»	100 000	Повышение статуса семьи, развитие музыкальной культуры, поиск талантов
Общественная организация ветеранов кинематографии РС (Я) (Лепчикова П.Н.)	Кинопроект «Экология души»	200 000	Развитие духовной культуры
Остяков Виталий Викторович	Студия звукозаписи «Луч»	200 000	Развитие музыкальной культуры
Огонеров Егор Гаврильевич	Фестиваль песчаной скульптуры	500 000	Активизация населения г. Якутска всех возрастных категорий, развитие имиджевой политики
Степанов Станислав Николаевич	Цикл мероприятий «Опен эйр»	300 000	Популяризация танцевального искусства и здорового образа жизни, организация досуга молодежи и поддержка творческих инициатив
Петрова Вера Витальевна	Международная якутская биеннале актуального искусства «BY-14»	500 000	Поиск талантов, массовое участие горожан в арт-проектах г. Якутска
	Итого:	2 954 350	

В 2015 году по секции «Город талантов» из 40 заявок было поддержано 4 проекта на сумму 1 114 000 рублей:

Табл.2

ФГБОУ ВО «Арктический государственный институт культуры и искусств» (Винокурова Е.П.)	Развитие Стрит-арта в г. Якутске (Уличное искусство)	450 000	Изменение городского пространства, популяризация и пропаганда якутской графики
Индивидуальный предприниматель Павлов Е.С.	Художественный полнометражный фильм о детях войны «Зима 1944», посвященной юбилею Великой Победы	300 000	
Муниципальное автономное общеобразовательное учреждение «Саха политехнический лицей» городского округа «город Якутск» (Стручкова Л.А.)	«City-код»	200 000	Сбор справочной информации для формирования банка данных объектов, перевод информации на иностранные языки, создание QR-кодов, заказ и изготовление QR-кодов, изготовление и размещение QR-кодов
ООО Издательство «Якутский край» (Шелковникова Г.А.)	Альбом «Землю Олонхо рисуют дети»	164 000	В альбоме отражена вся история земли Олонхо со дня становления Ленксо-Якутского острога и историческая информация отдельно по улусам и столица РС(Я)

По итогам реализации проекта в течение двух лет социум позитивно оценивает действие реализованных проектов гражданских инициатив. Нами был проведен мониторинг общественного мнения в Интернет-ресурсах, газетах, среди участников-добровольцев. В их числе встречаются такие высказывания, как «спасибо, что дали прикоснуться к началу грандиозного начинания» (участник проекта «Уличное искусство»), «Народный бюджет оправдывает свое предназначение!» (открытие детской площадки в пригородном районе), «Молодцы! Все-таки не просто так этот «народный бюджет» существует!» (открытие пришкольного агроуголка «Зеленый дворик»). Таким образом, исходя из опыта реализации данного проекта, мы можем сделать следующие выводы:

1. проект «Народный бюджет» представляет собой эффективную технологию по развитию социально-культурной среды; соответствует запросам и потребностям различных групп

населения, т. к. инициатива идет «снизу»; способствует общественной интеграции и взаимодействию различных субъектов;
2. муниципальная власть в лице администрации города Якутска создала и организовала реализацию проекта «Народный бюджет» в соответствии с принципами государственной культурной политики;
3. в основе проекта «Народный бюджет» заложены механизмы, которые обеспечивают действие организационных законов первого порядка – развития и синергии, – что гарантирует эффективность проектов, одобрение и участие общества, доверие к муниципальной власти;
4. проект способствует самореализации граждан, повышает ответственность общества, т. к. граждане не только продуцируют полезные и оригинальные идеи, но и сами их реализуют «под ключ», несут персональную ответственность за целевое использование средств.
5. В качестве рекомендации, считаем, что проект «Народный бюджет» окружной администрации «город Якутск» может быть распространен как состоявшаяся эффективная технология государственно-частного партнерства в культурной политике.

Фортунатова В.А.
(Нижегородская область)

БИЗНЕС-ГУМАНИТАРИЗМ КАК ОСНОВА ВОЗРОЖДЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Понять бизнес – спасти культуру. В этом тезисе обозначена уже не публицистика и риторика, не влияние материализма на духовную сферу, не закоснелые формы представлений о культуре перенасыщенного потребительского общества. Здесь внятно выражена озабоченность состоянием человека, попавшего в *разрыв* между экономикой и культурой.

Гуманитаризм, призванный устранить обозначенный «знак пробела « (по определению М. Эпштейна), не следует соединять с гуманитаристикой, гуманитарными технологиями и прочими аксессуарами современной интеллектуальной жизни, поскольку это особый тип мышления, в котором

обязательно присутствует Другой, не-я, «колокольчик совести», который, по Чехову, должен звенеть за спиной гуманитарно мыслящего человека.

Исторически гуманитаризмом называют коммунистическое направление во Франции, распространившееся с 1839 года. В таком значении выражение «бизнес-гуманитаризм» предстает как некий оксюморон, не имеющий, кажется, научного содержания. Однако сегодня под этим явлением понимается некий культурный текст, характеризуемый выраженностью человеческого смысла и энергией новых, порождаемых им смыслов и значений. Бизнес-текст занимает в современном культурном пространстве самостоятельное и большое по значению место вместе со всеми аналитическими и редуктивными элементами, свойственными любой культуре.

В этой связи встает вопрос об объеме самого понятия культуры, наиболее востребованном бизнес-средой. Исследователи выделяют в крайне подвижном и многомерном определении культуры два момента: «1.культура как набор ментальных практик, создающих систему значений и смыслов, на основе которого конструируется социальный мир; 2. Культура как гармоничная система символических, ритуальных и материальных практик (образцов поведения), воспроизводя которые индивид реализует себя как социальное существо и удовлетворяет свои экзистенциальные потребности»[1].

Бизнес-гуманитаризм во многом определяется особой сферой общественной культурантропологии, способствующей развитию гуманитарного знания в двустороннем направлении. Культура активизирует различные бизнес-процессы, бизнес, в свою очередь, способствует формированию деятельного пространства субъективности. Такая возможность возникает на основе диалогичности между бизнесом, государством и обществом в рамках ценностно-ориентированных смыслов современного человечества.

Так, можно выделить начальное направление для успешного развития бизнес-гуманитаризма – создание обновленной общественной идеологии. Ее концептуальной основой должна стать система базисных и концептуальных взглядов на бизнес как возможность развития личности, процветания государства, многовекторности внешней политики. Приоритет общечеловеческих ценностей в основе этого мировоззрения отсылает нас к русской истории и, в частности, к идее всемирности, выдвинутой отечественными философами Серебряного века. «Русский культурный ренессанс», как еще называют этот период в русской культуре[2].

---

[1] Асочаков Ю.В. Культурная специфика России в перспективе глобализации // Тезисы докладов и выступлений на II Всероссийском социологическом конгрессе «Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы».В 3 т. М.:Альфа-М. 2003. Т.1. С.617.

[2] Педченко Е.В. К вопросу о преемственности культуры Серебряного века и эпохи Возрождения // Культурное многообразие: от прошлого к будущему / Тезисы докладов и сообщений II Российского культурологического конгресса с международным участием. Санкт-Петербург: ЭЙДОС, АСТЕРИОН. 2008. С.180.

Бизнес-гуманитаризм в качестве идеологии предполагает множество институций, занятых осмыслением гуманитарного дискурса в экономике: от образования до политики, от аксиологии до психоанализа, от культурных индустрий до частной жизни. Эта универсальная идея способна объединить общество, но лишь в том случае, когда она проникнет в сознание людей, понимающих их личный позитивный смысл от ее внедрения. Суть проблемы видится в том, чтобы содержательно и технологически перевести современную бизнес-идеологию из корпоративно-инструментального состояния в систему национально-общественных взглядов.

Структура бизнес-гуманитарного сознания может быть создана на испытанной временем основе научности, системности, взаимосвязанности и с обязательным учетом культурно-исторических координат. Это традиционный подход, не предлагающий, на первый взгляд, инновационно-гуманитарных решений. Однако его новизна заключается в специфике исходного посыла, адресованного не товару и обусловленной им прибыли, а человеку, его развитию и росту его потенциальных возможностей.

Проблемы взаимосвязи культурного контекста экономики и экономического поведения с начала третьего тысячелетия ставились и решались виднейшими специалистами в области бизнес-психологии. Среди фундаментальных работ в этом направлении следует назвать монографию Дэвида Тросби «Экономика и культура»[1], представляющую разработку и описание возможностей этих «двух фундаментальных движущих сил, формирующих человеческое поведение»[2]. В ней экономика и культура рассматриваются как две параллельные плоскости, нередко пересекающиеся, но затем вновь расходящиеся, порождающие культурный *капитал*, т. е. культуру, приносящую доход. Однако за этими силами постоянно маячит «призрак гильотины Юма, – замечает экономист, – отрубающей все, что не содержит рассуждений о количестве или числе, о фактах и существовании»[3]. Деромантизация бизнеса началась задолго до появления романтизма как историко-культурного направления, Эта традиция дает себя знать и в наши дни.

Более близкой современной идее бизнес-гуманитаризма представляется «буддистская экономика», как ее еще называют, популярная в 70-е годы прошлого века, разработанная Э.Ф. Шумахером. В ней отрицается доктрина экономической, технической или научной специализации со всеми сопровождающими этот процесс морально-этическими колебаниями, а также осуждается высшая цель современности – развитие производства и овладение богатством, тем

[1] Throsby David. Economics and Culture. Published by the Press Syndicate of the University of Cambridge.2001.

[2] Тросби Д. Экономика и культура. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2013. С.228.

[3] Маккиоски Д.Н. Риторика экономической теории // Маккиоски Д.Н. Истоки: социокультурная среда экономической деятельности и экономического познания. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. С.258.

не менее, второстепенные цели оправданы автором своим служением названной высшей цели[1].

Призывом к отмежеванию уже в наши дни от «религии денег», распространившейся повсеместно и даже на уровне обыденного сознания, пронизана одна из недавних работ В.Ю. Катасонова.[2] В качестве альтернативы этой новой религии капитализма автор излагает идею христианского социализма. Круг, как видим, замкнулся. Столь разные по своему возникновению работы сближает мысль о фетишизации-отрицании богатства как смысла человеческой жизни. Однако идея служения богатства человеку или не возникает вовсе, или считается химерически-утопической. Тем не менее, концепции, преодолевающие самодостаточность неоклассической модели экономической деятельности, акцентируют внимание на гуманитарных аспектах, и человеческом факторе, который традиционно изгонялся из «экономики». Даже краткий обзор существующих взглядов на поставленную проблему свидетельствует о ее философской многомерности.

Взыскующий к синтезу и уравновешенности, но сохраняющий в себе диалектику необходимых противоречий, бизнес-гуманитаризм трактует богатство как жизнь комфортную и вместе с тем организованную, в чем-то ограниченную, налаженную, но требующую личных усилий каждого, культурную, но не только в личной плоскости, а вписанную в общественный контекст на отечественном и мировом уровне. Предпосылки для его появления были созданы историей духовных поисков в нашей стране только в качестве отдельных примеров, а не общей магистральной тенденции. Необходимость такого «учения» осознавалась также и в советское время, но при его воплощении выпадало то одно, то другое необходимое звено. Да и само слово «бизнес», означающее «дело, приносящее прибыль», считалось в условиях перманентной пролетарской революции предосудительным. Идеологические предрассудки в этом смысле сохранились и по сей день.

Отечественная неустойчивость бизнеса объясняется, среди прочего, и отсутствием актуальной философской мотивации с позиции ныне живущего Человека. Бизнес-антропология – набирающая вес и авторитет сфера гуманитарных исследований. В ее нынешнем состоянии она имеет преимущественный вектор в сторону человека, уже находящегося в бизнесе, под воздействием которого меняются его жизненные установки и модели поведения. К ней относится и так называемая «антропологическая практика», в ходе которой отрабатываются необходимые навыки и реакции менеджеров и предпринимателей коммерческого сектора. Этим бизнес-антропология отличается от экономической антропологии, где основной круг вопросов связан с обеспечением населения товарами и услугами преимущественно там, где рынок не определяет взаимодействие людей.

---

[1] Шумахер Э.Ф. Малое прекрасно. Экономика, в которой люди имеют значение. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С.346.

[2] Катасонов В.Ю. Религия денег Духовно-религиозные основы капитализма. М.: Кислород, 2014.

Но есть еще и встречный вектор необходимых научных исследований по выявлению характерных особенностей человека определенной культуры в его взаимодействии с бизнесом. Надо признать, что в качестве научного мейнстрима такое направление еще не сложилось и представлено лишь на уровне отдельных спорадических публикаций. Бизнес-гуманитаризм в России нуждается в создании крупного центра изучения и преподавания этой развивающейся науки, актуализированной самим ходом стремительных преобразований в нашей стране. Необходимы также специальные кафедры, профилированные на теорию, методологию, методы и практику внедрения бизнес-гуманитаризма в нашей стране.

Одним из ведущих исследовательских направлений, на наш взгляд, могла бы стать здесь бизнес-персонология, которая сейчас представлена «решеткой» менеджмента Р. Блейка и Дж. Мутон, но упрощает гуманитарную идею бизнеса до персонологической матрицы. «Прогрессом» объявлена 16-клеточная таблица, в которую надо «зафиксировать» человека. Персоны заметные и популярные в той же молодежной среде в подобной клетке не укладываются, а проблема соответствия «эталону» повисает в воздухе.

По-прежнему подготовка специалиста-персонолога является сложной и нерешенной задачей. Стареющие кадры, не понимающие специфики актуального момента, и молодежь, ориентированная на будущее, но слабо представляющая себе как профессиональные, так и гуманитарные аспекты своей деятельности, не создают взаимосвязей. Не последнюю роль в этом общем процессе сыграло ослабление в последние годы общегуманитарной подготовки как выпускников школ, так и молодых специалистов, покидающих стены своих вузов. Формирование бизнес-имиджей, бизнес-мифов, экономических событий и значений создают новую общественную событийность, в которой каждый может ощущать себя лично причастным к происходящему. Такой подход расширяет сферу потребностей человека, влияющих на смысл его жизни.

Когнитивное содержание бизнес-гуманитаризма в образовательном процессе практически нулевое. Оно помимо базовых знаний и общей культуры профессионалов в этой сфере должно включать в себя человеческий опыт, основанный на отражении действительности в категориях научного знания. Иными словами, основные бизнес-понятия и термины следует наделить второй жизнью в повседневной реальности бизнесмена. С их помощью он получает возможность для доказательства и отстаивания своих идей, решений, проектов, то есть осознавать практическую и личную ценность полученных знаний. На этой опоре формируется и дальнейший опыт оценочных суждений, поскольку бизнесмен, становясь заметной фигурой в обществе, часто относится безоценочно к различным явлениям истории и современности. Необходимо формирование и позитивное проявление ***позиции*** делового человека, обоснованной опытом осуществления различных способов его деятельности.

Усиление когнитивной направленности гуманитарной подготовки специалистов для бизнеса включает в себя также формирование «вторичной языковой личности».[1] Как известно, речь ведет мысль, а мысль определяет действие. Эта народная мудрость в бизнес-среде получает систему вполне конкретных процедур: нахождение предмета своих действий, формулировка цели деятельности, выбор способов и средств ее достижения, осуществление адекватного самоконтроля и пр. Современные деловые люди в России часто лучше знают английский язык, нежели русский, не умея выразить на родном языке ни одной отвлеченной мысли или развернутого суждения. Идейная и речевая неукорененность предпринимательской экономической деятельности снижает доход и не приносит прибыли ни деловому человеку, ни его клиентам.

Бизнес-гуманитаризм, представленный как тип мышления, обогащается еще специфическим строем жизнедеятельности его активных подвижников , их укорененности в определенной структуре ментальных представлений и навыков. Прикладные аспекты бизнес-гуманитаризма, выделенные в комплекс специальных практик, разрушают представление о нем как о сугубо научно-теоретической дисциплине, оторванной, в силу своей умозрительности, от реалий действительности. Моделирование в бизнесе культурного освоения национальных традиций на уровне их феноменальности и одновременно закономерности позволяет расширить бизнес-философию любого начинания и повлиять на его успешную реализацию.

Гуманитаризм – это не чисто духовная сфера существования бизнеса, а вполне практическое пространство для воплощения его возможностей. Наряду с экономикой за счет гуманитаризма в бизнесе появляется человек как живая и активная субстанция, а также вместе с ним и сопутствующая ему культура – как продукт общественной жизнедеятельности человека. В результате они объединяются в неразрывные части единого социокультурного организма. У бизнеса появляются органические свойства одушевленной структуры: движение, действие, свой образ мира, творческий разум, условия формирования личностей, способность к обновлению. Возникает *живой* бизнес по аналогии, например, с духовным организмом церкви. Упоминавшаяся выше метафора «религия денег» в какой-то степени передает эту бытийственность экономического организма и обусловлена символическим происхождением богатства. Бизнес-гуманитаризм обеспечивает жизненность экономики без фетишизации ее механизмов и метафизической сущности, а лишь за счет энергии заполняющих ее личностей.

Гуманитаризация экономического пространства существенно модифицирует статус отечественного бизнеса как идеологического и общественного института, который проявляется в новых предметных

[1] Каменский А.И., Каменская И.Б. Содержание и уровни сформированности профессионально-когнитивной компетенции будущих филологов // Язык и культура. Вып.2, 2012. С.110-114.

полях, формируя новый образ культуры, преодолевающей разрыв материального и духовного, порождающей новый тип рациональности в современном знании о человеке. Разработка теоретико-методологических основ и самой методики бизнес-гуманитарных исследований во многом связана с проектированием культурно-генетических процессов русского народа, а их осуществление охватывает все бытийственное пространство современного человека.

Выводы:

Бизнес-гуманитаризм – это одновременно тип мышления, структура ментальных представлений и живой социокультурный организм, принимающий различные формы своего воплощения.

Бизнес-гуманитаризм – духовно-практическая сфера перевода отечественной экономики на почву культурно-исторических традиций с учетом реалий современности.

Создание учебного курса по бизнес-гуманитаризму с разноуровневым контентом и его внедрение является первоочередной задачей специалистов общего и специального образования.

Региональные центры бизнес-гуманитаризма, учитывающие местную специфику и психологию населения, помогающие предпринимателям, должны сопровождаться научными исследованиями в этом направлении, для чего необходимо образование специальных кафедр в вузах.

Ившина Т.А.
Пушкарева А.А.
(Ульяновская область)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУРЫ И БИЗНЕСА: УСПЕШНЫЕ МЕХАНИЗМЫ И СУЩЕСТВУЮЩИЕ ПРАКТИКИ РЕАЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В современном мире всё чаще наблюдается тенденция к интеграции – интеграции социальной, экономической, политической. В этих условиях различные сферы общества, развивавшиеся до настоящего момента практически отдельно друг от друга начинают проявлять потребность к взаимодействию, находя друг в друге реальные ресурсы для дальнейшего развития.

Ярким примером этого процесса является взаимодействие творчества и бизнеса, культуры и экономики – двух сфер, которые, на первый взгляд, кажутся несовместимыми, но на самом деле эффективно дополняют друг друга и вместе формируют такое новое явление, как **креативная экономика**.

Стоит отметить, что на западе этот термин существует уже более 10 лет (термин «креативная экономика» впервые был введен в научный оборот в 2000 г. Джоном Хокинсом[1]), а его представители активно внедряют механизмы креативной экономики для развития небольших территорий, которые не обладают большим экономическим, промышленным или иным потенциалом.

Таким образом, мы получаем синергетический эффект – эффект, который предполагает качественно более высокую результативность взаимодействия двух факторов, чем если бы они действовали по отдельности.

В России такая практика ещё нова, но уже сейчас в некоторых существуют **примеры взаимодействия культуры и экономики, формирования креативных кластеров и развития творческих индустрий, которые демонстрируют хороший практический результат положительного влияния на региональное развитие в целом.**

Одним из таких примеров является опыт по формированию **кластера творческих индустрий Ульяновской области.** Этому действию предшествовала большая исследовательская работа по изучению существующих зарубежных практик, а также экспертная оценка потенциала к развитию данной сферы именно на территории Ульяновской области.

Важной особенностью развития ульяновского креативного кластера является то, что эти процессы были одновременно запущены как «сверху», так и «снизу» – таким образом, потребность создания такого проекта ощутили как жители Ульяновской области, которые впоследствии начали формировать **сообщество творческого класса**, так и **представители власти**, которые с самого начала и до сих пор активно поддерживают эту тему – развитие творческого потенциала населения Ульяновской области зафиксировано как одно из приоритетных направлений культурной политики региона в Стратегии культурной политики Ульяновской области до 2030 года[2]. Кроме того, тема развития творческих индустрий из года в год обсуждается экспертами на Международном культурном форуме, который проводится в Ульяновске с 2011 года (подробнее см. на сайте: www.forum.ulkul.ru).

Стартом формирования кластера считается создание в 2012 году по инициативе Губернатора – Председателя Правительства Ульяновской

[1] См.: Степанов А.А. Креативная экономика: сущность и проблемы развития // Макроэкономика | (60) УЭкС, 12/2013 / [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://uecs.ru/marketing/item/2667-2013-12-26-08-35-52 (дата обращения 26.08.2015).

[2] Стратегия культурной политики Ульяновской области до 2030 года г. Ульяновск, 2015. С. 11.

области Сергея Морозова Фонда «Ульяновск – культурная столица». За три года фонд из оператора крупных имиджевых культурных проектов стал реальным институтом развития культуры, системообразующей организацией кластера.

Следующим шагом можно считать открытие Креативного бизнес-пространства «Квартал» в ноябре 2012 года, который изначально задумывался как культурный бизнес-инкубатор, где для творческих предпринимателей сдаются помещения в аренду, проводятся образовательные программы, консультации, мастер-классы, однако он впоследствии значительно расширил свою функциональность.

Сейчас «Квартал» – это **«уникальное творческое пространство в Ульяновске, место для полезных коммуникаций, объединения бизнеса и творчества, многофункциональная креативная площадка, организация, которая занимается поддержкой стартапов и проектов предпринимателей, работающих в сфере арт-индустрий»**[1].

Создание такого пространства на территории Ульяновской области находится в центре внимания на самых разных уровнях: данной практикой интересуются российские и зарубежные эксперты, а также представители креативных индустрий из других регионов России, где на сегодняшний день ещё отсутствует подобный опыт. Таким образом, в Ульяновской области создается некая **модель работы с творческими предпринимателями**, которую можно тиражировать в российском масштабе.

Вокруг креативного пространства уже **сформировалось сообщество представителей творческого класса**, которые заинтересованы в развитии региона и обладают не только активной гражданской позицией, но и способностью к предпринимательской деятельности, а также, что немаловажно, умением использовать творческий подход к своей работе.

Это стало возможным благодаря активному событийному ряду креативного пространства «Квартал», который стал востребованной площадкой для творческой молодёжи и привнес новые форматы и современные, актуальные тенденции в культурную жизнь города.

За два с половиной года существования «Квартал» **провёл около 500 мероприятий**, более половины из которых инициированы жителями города. Посетителями мероприятий «Квартала» за последний год стало **более 80 000 человек**.

Среди авторских, партнёрских и сетевых проектов «Квартала»: **«Двор дома Гончарова»** (партнерский проект Фонда «Ульяновск – культурная столица», Креативного бизнес-пространства «Квартал» и Историко-мемориального центра-музея И.А. Гончарова), **Фестиваль городских инициатив в «Парке Дружбы»** (проект-победитель грантового конкурса «Ульяновская область – творческий регион»), **книжный клуб «Закладка»** (проект, реализованный совместно с ульяновской региональной

[1] Лучшие региональные практики в сфере культуры Ульяновской области / Под общ. ред. Муромцевой Г.А., Пушкарёвой А.А. Ульяновск, 2015. С. 26, 23.

молодежной общественной организацией «Молодёжный инициативный центр»), **участие в акции «Ресторанный день» и «Ночь искусств», бесплатная ярмарка «Дармарка», Йога на траве** и многое другое.

В течение последнего полугодия на территории креативного бизнес-пространства «Квартал» было организовано **6 художественных и фотовыставок**, проводились мероприятия для детей и молодых родителей образовательно-развлекательного характера, творческие встречи с деятелями искусства и культуры, мастер-классы, показы мини-спектаклей «Абсолютное желание» и «Другой человек», литературные читки, просмотры фильмов ульяновских режиссеров, семинары для молодых предпринимателей и т. д.

Летний период предоставил уникальную возможность использовать внутреннюю территорию пространства и организовывать музыкальные мероприятия под открытым небом с участием ульяновских, российских и зарубежных исполнителей.

Также на базе «Квартала» в этом году свою работу начали **образовательные проекты** по различным направлениям: курсы по образу и стилю, обучение актерскому мастерству, образовательные сессии для молодых предпринимателей, мастер-классы по живописи, созданию фигур из шоколада и др.

Один из наиболее крупных образовательных проектов стала региональная полугодовая программа «Кадры новой культуры», нацеленная на обучение нового поколения культурных менеджеров, которые впоследствии готовы работать в сфере культуры. Таким образом, «Квартал» начинает внедрять современные технологии работы не только на своей территории, но и распространять их, обучать этим технологиям представителей традиционных учреждений культуры, а также людей, желающих работать в этом направлении.

При этом, «Квартал» не теряет свою первоначальную функцию – работу в качестве бизнес-инкубатора. На данный момент в пространстве располагается **3 резидента**:

1. **Пространство свободного общения «Кошкина пижама»**, организованное в формате антикафе, в котором регулярно проводятся различные проекты по изучению иностранных языков, проводятся мастер-классы, организуются кинопросмотры и т. д.
2. **Музей балалайки**, имеющий постоянно действующую экспозицию-выставку традиционных кустарных балалаек из разных регионов России. В музее работает чайная, регулярно проходят музыкальные и поэтические мероприятия, а также мастер-классы по игре на балалайке.
3. **Лаборатория «Future Lab»** – идеальное место для самореализации в мире электроники, робототехники и программирования. Здесь есть всё необходимое для реализации задуманного: пространство, оборудование, ресурсы и знания. Девиз лаборатории: «Мы создаем условия, а вы создаёте будущее».

Деятельность резидентов бизнес-инкубатора выявила потребность в более широкой поддержке креативных индустрий в Ульяновской области, что в конечном итоге и привело к созданию полномасштабного Кластера.

Кластер творческих индустрий – сконцентрированная на территории Ульяновской области группа взаимосвязанных институций (компаний, индивидуальных предпринимателей, учреждений, общественных организаций), которые способны «дополнять друг друга и усиливать конкурентные преимущества отдельных компаний для развития региональной креативной экономики»[1].

В апреле 2014 года в целях содействия инвестиционному развитию Ульяновской области и совершенствования деятельности по формированию территориальных кластеров, было выпущено Распоряжение Правительства Ульяновской области[2], в котором зафиксировано понятие «Кластер креативных индустрий», а региональные органы государственной исполнительной власти – Министерство искусства и культурной политики и Министерство стратегического развития региона – закреплены за координацией его деятельности.

Кластер имеет управляющую организацию – фонд «Ульяновск – культурная столица», предприятие-лидер – креативное пространство «Квартал» (институция, на которую равняются и от которой получают поддержку потенциальные и реальные участники[3]) и общественный Совет Кластера творческих индустрий (выполняющий функцию экспертизы и обсуждения дальнейших шагов в процессе реализации проекта). Важным сегментом этой системы является Министерство искусства и культурной политики Ульяновской области, которое не только координирует работу, но и создает условия для активной коммуникации с государственной и муниципальной культурой.

Основными участниками Кластера творческих индустрий становятся не только творческие бизнесы, но и областные и муниципальные учреждения культуры, профессиональные творческие объединения, а также учреждения профессионального и бизнес-образования. Однако, **именно креативные индустрии – это то сообщество, на которое направлены основные усилия новой системообразующей структуры**.

По мнению экспертов, «если сотрудничество между культурными организациями и институтами будет развиваться дальше, творческая сфера сможет внести существенный вклад в экономическое развитие

---

[1] Аналитический отчёт о культурной политике Ульяновской области. Ульяновск, 2015. С. 22.

[2] Инвестиционная политика в сфере культуры и искусства Ульяновской области [Сайт Министерства искусства и культурной политики Ульяновской области]. Режим доступа: http://ulmincult.ru/assets/files/FILES/2014/invest_policy.pdf (дата обращения 26.08.2015).

[3] Международный культурный форум в Ульяновске: инициатива, партнёрство, развитие (сборник информационных и аналитических материалов) / Под общ. ред. Астафьевой О.Н. Ульяновск, 2013. С. 44

Ульяновска в течение следующих 50 лет»[1]. Кроме этого, «кластерный подход к развитию территории даёт возможность городу получить новый инфраструктурно интересный объект как для туризма, так и для горожан. Такой подход даёт возможность выработать общую маркетинговую стратегию для самих креативных бизнесов и тем самым им помочь»[2].

На сегодняшний день, по предположительным подсчётам, в Ульяновской области 800 организаций осуществляют свою деятельность в сфере творческих индустрий. В них задействовано порядка **12 500 человек**. К 2020 году с помощью кластера количество людей, работающих в творческих отраслях может увеличиться до 30 000 человек, а к 2030 году – до 60 000 человек. К творческим отраслям мы относим **14 категорий** (фотография, изобразительные искусства, исполнительские искусства, ремесло и промыслы, программное обеспечение, реклама, архитектура, дизайн интерьера, графический и промышленный дизайн, мода, издательское дело, ТВ, радио и СМИ, кинематограф и видео).

В рамках функционирования кластера разрабатываются различные механизмы и формы поддержки творческих предпринимателей (помимо бизнес-инкубирования, реализованного в креативном бизнес-пространстве), среди которых:

1. Проект «Единое консультационное окно», который преследует задачи оказания всесторонней поддержки существующих и потенциальных предпринимателей в сфере творческих индустрий, продвижения уникальных социокультурных проектов, а также выявления и преодоления имеющихся барьеров развития малого и среднего бизнеса в сфере культуры.

Консультации проводятся удаленно по предварительной заявке, а также при личной встрече с менеджером кластера творческих индустрий. За первое полугодие 2015 года **зарегистрировано 53 обращения**, на сегодняшний день **помощь в полной мере оказана по 37 обращениям**, 16 обращений находятся на сопровождении у специалистов.

Среди основных видов поддержки, которые предоставляются обратившимся:

- предоставление площадок учреждений культуры для проведения мероприятий на лояльных или безвозмездных условиях, в том числе на базе креативного бизнес-пространства «Квартал»;
- предоставление контактной информации для дальнейшей работы по юридическим и экономическим вопросам (сотрудничество с Фондом «Корпорация развития предпринимательства Ульяновской

[1] Ульяновск имеет перспективы занять лидирующее положение в сфере креативной экономики / [Сайт Фонда «Ульяновск – культурная столица»]. Режим доступа: http://ulkul.ru/news/ulkul/ulyanovsk-imeet-perspektivy-zanyat-lidiruyushchee-polozhenie-v-sfere-kreativnoy-ekonomiki (дата обращения 26.08.2015).

[2] Международный культурный форум в Ульяновске: инициатива, партнёрство, развитие. Выпуск 2. (сборник информационных и аналитических материалов) / Под общ. ред. Астафьевой О.Н. Ульяновск, 2014. С. 49.

области», Региональным центром поддержки и сопровождения предпринимательства);

- информационная поддержка творческих предпринимателей (размещение рекламной информации на различных, сотрудничество с представителями СМИ, создание эксклюзивных материалов, сопровождение мероприятия «под ключ», ведение аккаунтов в социальных сетях, обучение информационному сопровождению бизнесов);
- распространение информации внутри сети обратившихся (еженедельная рассылка новостей об успешно практикующих представителях творческих индустриях в различных странах мира, а также информации о мероприятиях и проектах, в которых полезно принять участие);
- материально-техническая поддержка (поиск и предоставление необходимых материалов, инструментов, выставочного оборудования для реализации проектов).

2. Проект «Выходные карьеры в творческом бизнесе», который призван познакомить жителей города с творческими индустриями и повысить компетенции творческих предпринимателей.

Проект реализуется один раз в квартал: в декабре 2014 года состоялось 3 творческие встречи с представителями малого и среднего бизнеса в сфере креативных индустрий, тематические кинопоказы; в мае 2015 года был организован образовательный семинар на тему «Система 5 S. Организация рабочего пространства», состоялись кинопоказы, а также были проведены консультации от Регионального центра поддержки и сопровождения предпринимательства.

3. Партнёрский проект «Арт-базар» – площадка, в рамках которой регулярно организуется выставка-продажа товаров ручной работы ульяновских дизайнеров, проходят различные мастер-классы и модные показы. К участию в «Арт-базаре» приглашаются представители Ремесленной палаты Ульяновской области, частные предприниматели, создающие и реализующие продукты народного творчества, а также руководители учреждений культуры из Ульяновской области и других регионов.

4. Арт-аллея творческих индустрий – проект, запущенный в июне 2015 года и представляющий собой летнюю площадку для реализации проектов творческих индустрий в центре города Ульяновска. В рамках проекта было проведено **18 мероприятий**, в том числе выставки-продажи изделий ручной работы от Ассоциации мастеров рукоделия города Ульяновска и частных мастеров, мастер-классы от частных танцевальных и дизайнерских школ, школ граффити, кинопоказы.

Новым направлением работы Кластера творческих индустрий становится **повышение инвестиционной привлекательности Ульяновской области через культуру**. Здесь Кластер выступает **связующим звеном между государственными структурами и предпринимательским сообществом**, коммуникация между которыми

зачастую приводит к реализации перспективных проектов, способных внести реальный вклад в развитие региональной креативной экономики.

Одним из успешных примеров такого взаимодействия стала идея **строительства сети книжных павильонов шаговой доступности:** инвестиционный проект «Книга рядом» по созданию принципиально новых объектов продажи книгопечатной продукции на территории города Ульяновска в точках, обладающих наиболее высокой проходимостью.

Проект полностью сопровождается Фондом «Ульяновск – культурная столица» и в настоящий момент находится на этапе активной реализации. В его рамках запланировано строительство в 2015 году **10 торговых точек для реализации книжной и периодической печатной продукции (50 кв. метров каждый), инвестиции составляют порядка 6 млн. рублей.**

Книжные павильоны, с одной стороны, будут осуществлять розничную торговлю книгами, с другой – являться **альтернативной площадкой для реализации креативных проектов**: организации выставок мини-формата, проведения открытых читок литературных произведений, показа мини-спектаклей и других мероприятий.

Проект преследует цель повышения общественного интереса к литературному продукту через создание новых подходов к популяризации литературы и новых технологий приобщения людей к чтению. Кроме того, такой формат способствует развитию малого бизнеса в творческой сфере, что сейчас является актуальной задачей для многих регионов России. Это новая возможность для реализации партнёрских программ и проектов между государственными, негосударственными и коммерческими организациями, творческими объединениями, профессиональными сообществами, инициативными гражданами и т. д.

Не менее важным является взаимодействие с другими ведомствами и структурами, в том числе с образовательными учреждениями и крупными промышленными предприятиями. Установление **межотраслевых партнёрств** необходимо для укрепления креативных индустрий, распространения присущих им подходов в других сферах экономики, а также создания сложных проектов, например, кластеров на базе старых заводских зданий.

Необходимым направлением работы является создание преемственности между культурным наследием и современной творческой деятельностью. Это может быть сделано путем восстановления старых помещений, улучшения публичных пространств, реформирования музеев и галерей. Такая работа уже началась в одном из городских учреждений культуры, где неиспользуемые площади задействуются под проведения выставок современного искусства и организацию семинаров для представителей креативного класса.

Кластер призван способствовать поддержке бизнеса и привлечению инвестиций, развитию рынка креативных индустрий, поощрять развитие системы местных закупок среди творческих предприятий, выступать за продвижение подхода «разработано и сделано в Ульяновске», чтобы регион стал известен высоким качеством и значительным творческим

вкладом в развитие экономики. Таким образом, ещё одной важной задачей становится **привлечение инвестиций в культуру**.

По мнению Губернатора Ульяновской области, регион можно назвать «законодателем мод» по формированию благоприятного инвестиционного предпринимательского климата»[1], поскольку после презентаций культурного инкубатора и кластера креативных индустрий, большое количество экономических партнеров области, в том числе иностранных, принимали решение о реализации своих проектов именно в Ульяновской области.

В этом направлении сделаны только первые шаги. Сегодня отдельные «игроки», участники Кластера, складываются в единый системный механизм. Эффективность его работы напрямую зависит от общего понимания задачи и сбалансированности действий всех участников процесса.

Опыт по созданию кластера творческих индустрий в Ульяновской области может рассматриваться как **модель поддержки и развития творческого сектора региональной экономики**, творческой среды на территории региона, а затем – придания импульса к развитию подобных культурных практик в других российских городах.

Подкар С.Б.
(Нижегородская область)

МОДЕРНИЗАЦИЯ 2.0. ТУРИЗМ И НАРОДНЫЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОМЫСЛЫ (НХП): ПРОЕКТ ДЛЯ КОНВЕРГЕНЦИИ И ИННОВАЦИЙ. НИЖЕГОРОДСКАЯ ОБЛАСТЬ

Первым, кто предложил использование идеи конвергенции (взаимопроникновения, сближения) в общественном устройстве в нашей стране, как известно, был академик А.Д.Сахаров. В своей знаменитой работе «Рассуждения о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе»[2] он высказывает идею возможности

[1] Стратегические направления развития законодательства о культуре (сборник материалов по итогам выездного совещания Комитета Государственной Думы РФ по культуре в г. Ульяновске 27 марта 2014 г.). Ульяновск, 2014. С. 8.

[2] Сахаров А.Д. Воспоминания. Полное издание в одном томе. М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2011.

конвергенции социализма и коммунизма и делает попытку обосновать сближения разнородных систем.

В нашем случае, в условиях модернизации экономики Нижегородской области опыт *взаимопроникновения* различных отраслей мог бы дать хороший, прогнозируемый результат, поскольку доминирующая целевая аудитория потребления услуг туризма и потребителей продукции нижегородских художественных промыслов практически одна и та же, за некоторым исключением.

Однако, для такого непростого процесса взаимопроникновения нужны условия, в создании которых главенствующую роль, как катализаторы процесса, могли бы сыграть государственные институты власти – исполнительной и законодательной, и университетские центры компетенций. Особую роль в таком процессе могло бы сыграть делегирование части таких функций инновационно-образовательным центрам, созданным специально под такой проект.

Нижегородская область обладает не только уникальным туристским содержанием (контентом), способным удовлетворить самого взыскательного туриста и путешественника, но еще имеет некую особенность, которая отличает ее от всех территорий России. Здесь – сосредоточение удивительного национального богатства России: треть, если не половина народных художественных промыслов страны, некоторые имеют мировую известность. А такой феномен, как Хохлома, вообще сегодня идентифицируется с *русскостью* во всем мире, являя, в сущности, мощную доминанту национальной идентичности, которую с успехом используют в визуальных коммуникациях, например, в одежде национальной олимпийской сборной, в рекламе на транспорте.

Этот символический капитал, актив бренда территории, накопленный предыдущими поколениями, являет для нас ценность, способную сыграть огромную роль в позиционировании бренда региона, в выделении нас на фоне иных территориальных субъектов. Феномен, которой мы пока не сумели эффективно использовать, ввиду отсутствия инновационных решений и соответствующих им дизайнов, технологий и нового понимания промыслов, как важнейшего элемента туристского кластера, как хорошо организованного бизнес-процесса посещения нашей территории.

Почему так слабо работают и плохо посещаются туристские сайты? Прежде всего, потому, что при их «строительстве» игнорируются бизнес-процессы, процессы поиска и выбора, заказа и обслуживания.

Наша задача, в рамках реализации проекта Модернизация 2.0., инициированного министерством предпринимательства Правительства Нижегородской области заключается в поиске таких решений и построении сети коммуникаций, которые способны монетизировать как туристский контент, так и процессы поиска и приобретения памятных знаков посещения: подарков, сувениров, комплектов и иных предметов, демонстрирующих погружение путешествующих в среду и таинство появления произведений народных художественных промыслов.

Туризм надо «поженить на промыслах». Промыслы должны стать частью программы посещения, маршрута для любого путешественника, посещения, построенном на специальном сценарии такого «спектакля». Экономика впечатлений – модель такого конвергентного проекта. Даже в виртуальном сценарии, на сайте. Яркий пример реализации такого подхода – Город Мастеров в Городце. Но это скорее музейная интерпретация истории территории, в которую встроены мастер-классы. Сложнее встроить посещение туристами реальных, действующих предприятий. Но и такие решения уже есть – «Чкаловская фабрика гипюра» (Нижегородская область), например.

Туристская отрасль должна стать генеральным заказчиком на сувениры, подарки и иные памятные знаки, несущие свойства, ощущения идентичности места (аутентичные знаки) и значимые для гостя, туриста при ее посещении территории.

Основная трудность конвергенции, однако, не в отсутствии желания собственников и менеджеров отрасли НХП, а скорее в недостатке необходимых компетенций, специалистов, способных актуализировать реалистичные сценарии (можно и музейно-исторические) посещения: арт-менеджеров, аниматоров, умеющих вовлечь посетителей в действие, в народное шоу. Индустрия восторга, как часть экономики, построенной на впечатлениях требует и таланта, и инноваций.

Что возможно сделать уже сегодня?

1. Стоит активно распространять идеи конвергенции туристических услуг и промыслов среди менеджеров и лиц, принимающих решения в нижегородской индустрии НХП и туризма;

2. Продолжить разработку и строительство новых *городков мастеров*, В Нижнем Новгороде, в с. Семино Ковернинского района, например. Там, где есть и активно функционируют мастера НХП, и подготовленные заранее аниматоры;

3. Осваивать новые маркетинговые комплексы, направленные на создание малой индустрии национальных дорожных ресторанчиков (например, на основе франшизы), с включением в оборот предметов и интерьеров, выполненных с использование стиля и самих изделий НХП.

4. Открыть в Нижнем Новгороде «Первый национальный аукцион произведений НХП», что привлечет внимание коллекционеров, музеев, меценатов и представителей деловых кругов, ориентированных на индустрию подарков и сувениров.

5. Создать комплекс информационных ресурсов (сайты, социальные сети, печатные издания) с единой точкой входа для лиц, которые намерены посетить нашу территорию и горожан, активно интересующихся историей края. Часть этих задач уже успешно решается (сайт nn-grad.ru, Большой каталог для туроператоров: «Родина народного единства», «Волга и Ока. «Магия притяжения» и др.)

Ценность таких предложений в том, что они не требуют очень больших капиталовложений, снижают риски, как, например, в случае организации бизнеса с использованием национальной ресторанной франшизы.

Перечисленные и возможные решения, организационные активности и уже осуществленные практики, при целенаправленной работе могут дать хорошие экономические и культурные результаты, оживить туриндустрию региона, монетизировать пока мало востребованные ресурсы местных производителей НХП, сельхозпереработчиков, рестораторов и других акторов малого бизнеса Нижегородского региона.

Силкин В.В.
(Москва)

КУЛЬТУРА И КОММУНИКАЦИЯ: ФОРМИРОВАНИЕ МИФОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В ИНФОРМАЦИОННУЮ ЭПОХУ

На современном этапе информация становится не просто ядром системы коммуникативных каналов, а образует особую логику взаимоотношений в обществе, в которой составными элементами выступает и политика, и экономика, и культура. Достижение взаимопонимания в основных ценностных установках и солидарности в социально обусловленных действиях является основной задачей коммуникации, решение которой в условиях формирования информационного общества наталкивается на серьезные препятствия.

В контексте современной социокультурной ситуации информационно-коммуникативные потоки включены и в существующие тенденции культурного развития, и в нелинейность эволюции культуры, и в сложные социальные трансформации. Процессы глобализации культуры дополняются усилением влияния локальных культурных течений. Развитие информационно-коммуникативных технологий предопределяет виртуализацию социальных коммуникаций, плюрализацию источников информации и усиление фактора интерактивности в процессе коммуникации, появление различных информационно-коммуникативных каналов, выступающих альтернативными источниками информации. Вместе с тем появляются новые риски и угрозы, связанные с возрастающей информационной нагрузкой, засорением информационного пространства «дефектной» информацией, перенасыщенностью информационного пространства и неспособностью критически осмыслить информацию, появляются новые формы социального неравенства – информационное.

Монополизм глобальной транскультуры, компьютерных сетей, профессиональных и потребительских сайтов актализирует угрозы

поглощения индивидуализированных социальных субъектов, которые не в состоянии идентифицировать себя в собственной локальности, в этих условиях идентичность индивидов оказывается под сомнением. «Мы живем среди бесчисленных репродукций идеалов, фантазий, образов и мечтаний, оригиналы которых остались позади нас»[1].

В информационном обществе радикально меняется содержание социализации за счет увеличения и качественного усложнения той информации, которую должен освоить индивид в ходе формирования своей личности. «Межцивилизационные базисные преобразования смыслов категориальных рядов и операционных процедур, как и в целом универсалий науки, изменение кодов или типов культуры (например, информационной культуры), всегда связаны с переломными этапами человеческой истории, ибо они означают трансформацию не только образов информационной картины мира, но и продуцируемых типов личностей, их отношения к миру реальностей, их ценностных ориентаций»[2].

Одним из признаков глобального социокультурного переворота второй половины XX века стал не столько многократно увеличившийся объем доступной информации, сколько возникновение особого рода пространства, в котором начали складываться свои особые формы поведения и деятельности, качественно отличные от тех, что существовали на предыдущей социально-культурной фазе[3].

Традиционные формы коммуникации резко изменились. С одной стороны, получение информации, ее преобразование и генерация нового знания позволяет открывать беспрецедентную по глубине и практической эффективности информацию для всех сфер жизни, что становится основой научно-технического прогресса, материального производства, социального прогнозирования и управления. С другой стороны, на объективно возрастающую роль информационного воздействия в жизни общества и человека накладывается действие аккумулированных экономических и социально-политических сил, приводящее к существенным изменениям роли информации, к существенным сдвигам ментальности. Из условия и средства социальной и индивидуальной жизни информация превратилась в их ядро, основное содержание и цель.

Взрывной характер развития коммуникационных отношений ставит задачу специального осмысления тех процессов, которые возникают в связи с их влиянием на духовно-интеллектуальную среду, менталитет, личностную идентификацию. Слабо учитывается тот факт, что информационная и культурная продукция в одно и то же время является коммерческим объектом и средством, которое передает ценности, идеи и культурные смыслы[4]. Поэтому остро встают вопросы

---

[1] См.: Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2003. С.74.

[2] Павлова Е.Д. Сознание в информационном пространстве. М.: Академия, 2007.

[3] Зуев С. Понятие информационной политики.// http://www.sergeyzuev.ru/content.

[4] Gerbner G. Television: The New State Religion ? // Technology as a Human Affair. N.Y., 1990. P. 192-196.

координации культурной и информационной политики. Они предстают в разрезе комплексных гуманитарных проблем, требующих выявления социокультурных механизмов, стабилизирующих политическое развитие. Важнейшим аспектом исследований современных коммуникаций в глобализирующемся информационном пространстве является культурное измерение коммуникативных структур. Не случайно ведущим тезисом деятельности ЮНЕСКО является тезис «культура и развитие» («Culture and Development»). Его суть состоит в стремлении к сохранению сбалансированных взаимосвязей между развитием культуры, политическими изменениями и прогрессом в области социально-экономической жизни и коммуникаций. При нарушении этого условия культура оказывается перед угрозой многих опасностей: эрозии, стандартизации, разрыва диалоговых взаимосвязей, фанатизма, конформизма.

Трудности адаптации человека к современным условиям его бытия настоятельно требуют разработки новых социальных механизмов стабилизации культурно-коммуникативных процессов, поиска социальных форм упорядочения информационно-коммуникативных процессов, способных противостоять деструктивному влиянию быстротечности и фрагментарности жизненного мира субъектов новых цивилизационных отношений. В этой связи принципиальными моментами становятся развитие информационной культуры и коммуникативной компетентности как новые вызовы системе образования. Не случайно на повестку дня все чаще выходят аспекты, связанные с формированием перспективной модели образования в новых информационно-коммуникативных координатах. Новые вызовы XXI века обусловливают необходимость не только структурных преобразований системы образования, методологии и технологии процесса обучения, а прежде всего, изменение стратегической ориентации, основанной на осмыслении кардинальных социокультурных сдвигов и формирование новых стереотипов и мифов в общественном сознании, определяющих вектор развития системы образования в условиях информационного общества.

В исследованиях все чаще внимание акцентируется на мифологическом сознании, на исследовании роли мифов в меняющемся мире современности, в том числе и в образовании. Роль мифа выступает в двоякой форме. Во-первых, можно выделить консолидирующую функцию мифа, когда миф является средством защиты общества, своего рода «лекарством» от кризисов и конфликтов, то есть своего рода защита. Во-вторых, манипулятивную, когда миф выступает средством манипулирования сознанием социальных групп и личности.

Процесс функционирования современного мифологического сознания представляет собой вид социального взаимодействия: конструируемая социальная мифологическая реальность активно транслируется в обществе и может претендовать на существование в виде реальности при восприятии ее социальными общностями.

Оформленность мифу придает устойчивость чувственного опыта. Именно поэтому миф, связанный с этим опытом, – организованный в систему способ восприятия мира и суждения о нем. Миф хранит в коллективной памяти социальный опыт, императивы духовно-нравственного измерения политических процессов. Многие ученые считают, что миф «создается коллективным воображением, комбинаторные механизмы которого располагают относительно ограниченным набором формул»[1]. Именно к этому набору формул относят и многочисленные мифологемы, пронизывающие современное общественное сознание и играющие столь значимую роль в политической коммуникации. Мифологема как специфический гносеологический образ, отличительной особенностью которого является непосредственное единство двух планов – предметного и символического. «Мифемы (мифологемы) можно назвать образами-символами. Но эти символы не формальны, не абстрактны, как, например, символы в физике или математике, а содержательны, поскольку одновременно являются образами». Мифологема может выступать как хранитель легитимности, но при создании определенных условий может сыграть и деструктивную, разрушительную роль[2].

Именно с потребностью в объяснении особенностей развития и функционирования механизмов регуляции социального поведения в условиях информационного общества, таких общественных процессов, как виртуализация, манипулирование общественным и индивидуальным сознанием, распространение различных форм нетерпимости в обществе связан не только научный, но и праксиологический интерес. Все эти вопросы нельзя решить без знания и понимания природы, сущности, свойств и назначения мифов и стереотипов в обществе.

С практической точки зрения необходимость всестороннего анализа социальных стереотипов объясняется потребностью в нейтрализации негативных последствий стереотипизации (процесса образования стереотипов) и острых стереотипных проявлений негативизма, нетерпимости во взаимоотношениях и поведении людей, а также противодействии манипулятивному использованию стереотипов в общественной практике. В области исследования мифа важным представляется его рассмотрение как социокультурного явления, отражающего важнейшие стороны человеческой природы, а также в определении «технологических» характеристик мифов, их воздействия на сознание людей.

В этой связи важным представляется акцентировать внимание на ключевых мифах, непосредственно влияющих как на содержание, так и на тренд развития образования.

Миф «нового» практико-ориентированного знания. Акцент в образовании на формирование навыков и умений приводит к

[1] Филиппов А.Ф. Наблюдатель империи: империя как понятие социологии и политологии. М., 1993.

[2] Бесшапошникова А.П. Универсальный синтез: миф, религия, мистика. Саратов, 2000. С. 25.

обесцениванию фундаментального знания. Вместе с тем именно фундаментальное знание позволяет ориентироваться в условиях неопределенности, в сложнопрогнозируемых ситуациях принимать ответственные профессиональные решения. Растущая популярность социальных сетей у активной части населения, молодежи и подростков, замена реальных социальных отношений виртуумом, бесконцептуальный поток информации приводит к синдрому «информационной усталости», наряду с переизбытком информации происходит искажение «онтологии» знания и снижение его ценности.

Миф новых форм взаимодействия в контексте культуры потребления. Социокультурное поле конструируется с помощью норм, ценностей, форм практики и коммуникации. Динамика культуры потребления проявляется в быстрой смене предпочтений, моды, в форме подачи и интерпретации предоставляемых услуг. «Общество потребления» как обобщающая метафора, отражающая радикальные изменения в системе общественных отношений, организованных на основе принципа индивидуального потребления, характеризуется формированием не только массовой культуры потребления материальных благ, но и формированием соответствующей системы ценностей и установок. «Образование (прежде всего высшее) выступает как услуга, приобретаемая в массовых масштабах на рыночных основаниях. Оно является таким же товаром, как и все прочие. Субъектом потребления выступает индивид, принимающий решение о покупке услуги, исходя из своих представлений и о личных потребностях, и о перспективах на рынке труда».[1] Отношение к образованию только как к услугам радикально трансформирует роли участников образовательного процесса, усиливая деформацию мотивов взаимодействия («за все заплачено», замена ориентации на познание смысла избеганием деятельности, требующей серьезных усилий, развлекательно-рекреативную направленность ценностей и интересов; вестернизацию культурных потребностей, приоритет потребительских ориентаций над творческими и созидательными).

Миф доступности и легкости получения необходимой информации в процессе обучения. Образовательный процесс ориентирован на активное использование новых информационно-коммуникативных технологий (презентации, телеконференции, Интернет, вебинары, электронная почта), происходит информатизация образования, характеризуемая серьезной трансформацией содержания, методов и форм образовательной деятельности. Информационно-коммуникативные технологии являются средством опосредования не только деятельности, но и внутреннего мира человека, меняя мировосприятие и мироощущение, характеризуемые некоторыми исследователями как процесс формирования «компьютерного сознания», вызывая различного рода изменения в познавательной, мотивационной,

[1] Ильин В.И. Общество потребления: теоретическая модель и российская реальность// http://www.hse.ru/data/2010/12/31/1208181138/2005_n2_p3-40.pdf.

эмоциональной сферах личности[1]. Интернет, являясь последовательным развитием информационно-коммуникационных технологий становится востребованной формой коммуникации в образовательном процессе, ведущей к возникновению принципиально новых каналов и способов взаимодействия. Вместе с тем, необходимо отметить, что Интернет обучающимися часто рассматривается как альтернативный способ получения знания, дистанционные формы как предпочтительная замена традиционному взаимодействию преподавателя и обучающего. Вместе с тем засорение информационного пространства «дефектной» информацией, качество информационных ресурсов в условиях несформированности критического мышления приводит к достаточно серьезным проблемам фрагментарности сознания, эклектичности в восприятии, замене сотворчества в образовательном процессе компиляцией информации (опять же зачастую «дефектной»).

В информационном обществе информационно-коммуникативные технологии не только в значительной степени расширяют возможности человека как в интеллектуальном, профессиональном и личностном развитии, но и продуцируют целый ряд новых рисков и угроз. Не случайно в социальной повестке актуализируется проблема информационной безопасности как личности, так и общества, и государства, решение которой во многом связано с развитием информационной культуры и коммуникативной компетентности.

В мировой образовательной практике стратегия опережающего образования связана с понятием компетентности, которое выступает в качестве центрального, своего рода «узлового» понятия: «ибо компетентность, во-первых, объединяет в себе интеллектуальную и навыковую составляющую образования; во-вторых, в понятии компетентности заложена идеология интерпретации содержания образования, формируемого «от результата» («стандарт на выходе»); в-третьих, ключевая компетентность обладает интегративной природой, ибо вбирает в себя ряд однородных или близкородственных умений и знаний, относящихся к широким сферам культуры и деятельности»[2]. Не следует противопоставлять компетентность знаниям, умениям и навыкам. Являясь более широким понятием, компетентность включает в себя: когнитивную и операционально-технологическую, мотивационную и этическую, социальную и поведенческую составляющие, а также результаты обучения (знания и умения); систему ценностных ориентаций.

В связи с этим развитие образования в условиях информационного общества необходимо рассматривать как сложный социальный процесс в новых информационно-коммуникативных координатах. В этой связи стратегической целью на общенациональном уровне является развитие междисциплинарных компетенций, навыков проектирования

[1] Алиева Н.З., Ивушкина Е.Б., Лантратов О.И. Становление информационного общества и философия образования. М., 2008.

[2] Модернизация российского образования: документы и материалы / Под ред. Э.Д. Днепрова. М.: ГО ВШЭ, 2002.

и моделирования информационно-коммуникативных и массмедийных процессов на основе знания закономерностей развития информационного общества. Необходимым представляется принятие сознательных комплексных образовательных усилий, направленных на развитие информационной культуры, разработка и реализация образовательных программ развития коммуникативных компетенций, связанных с комплексным овладением методами и технологиями диагностики и анализа массовых информационных процессов в условиях формирующегося информационного общества современной России. Современная информационная культура – это новый тип мышления, одной из ключевых характеристик которого является объединение логического мышления с новыми способами познания мира. Влияние информационной культуры как особого способа внутренней организации социального взаимодействия на устройство и распределение публичной власти приобретает качественно иные масштабы. В этой связи необходимо уделить особое пристальное внимание проблеме медиаобразования и медиавоспитания. Решение проблем развития человеческого капитала в условиях информационного общества неразрывно связано с формированием информационной культуры и повышением коммуникативной компетентности. Формирование системного мышления и овладение технологиями управления информационно-коммуникативными процессами будет способствовать раскрытию человеческого потенциала в контексте реализации стратегии устойчивого инновационного социально-экономического развития общества.

Злотникова Т.С.
(Ярославская область)

СУБЪЕКТЫ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ В ПРОВИНЦИИ И СТОЛИЦЕ: ИНТЕГРАЦИЯ ИЛИ РАЗОБЩЕНИЕ?[1]

Исследования ментальных, социокультурных, эстетических особенностей российской провинции последнего периода (уже наступившего третьего тысячелетия) позволяют утверждать, что существенным отличием столицы и провинции по-прежнему остается различие объемов пространства для маневра. *Для провинции это*

[1] Выполнено по гранту РНФ 14-18-01833.

чаще всего вектор, выводящий субъект культуры за естественные географические пределы: традиционным является стремление из провинции в столицы (в художественной жизни это касается театра, музыки, эстрады); заметно сокращается в силу экономических причин и внутрипровинциальная миграция, известная по персонажам пьес А. Островского как передвижение «из Керчи в Вологду». Возрастает и изоляция провинции: в отличие от существовавшей в тоталитарном государстве квоты на участие в столичных вернисажах (показ в столице как форма поощрения) стала настойчиво внедряться мысль о самодостаточности провинции. Эта идея выступает как способ компенсации для самих провинциалов и возможность для столицы отчуждения от трудноразрешимых провинциальных проблем.

Старшее поколение жителей нашей страны еще отдает себе отчет в том, что особенности *тоталитарного режима* в России обозначили ситуацию резкого давления центра на жизнь страны, когда качественные характеристики столичной культуры определяются не только высоким уровнем, но и консерватизмом, несоответствием общему уровню культурного прогресса. Тоталитарное, жестко иерархическое общество культивирует «географические предрассудки», ведущие к унижению личности провинциала, укреплению у него чувства несвободы и комплекса неполноценности. Государственная и культурная столицы не совпадают в полной мере (такова ситуация культурной жизни Советского Союза в 1960-1970-х гг., когда Ленинград был не менее значимым театральным, кинематографическим, музыкальным, музейным центром страны, чем Москва).

Россия вне столиц. Очень по-современному съязвил знаменитый в свое время драматург и публицист В. Соллогуб: «За Петербургом есть довольно обширное пространство земли, именуемое Россией. Это пространство разделяется на значительное количество губерний; в каждой губернии находится по одному губернскому городу. Некоторые петербургские жители, исключительно ограничивающие свою жизненную деятельность одним Петербургом, не знают, может быть, этих подробностей…».

Культурное значение центра и провинции (периферии) в социально-исторических представлениях начала XX в. все более настойчиво отделяется от значения геополитического.

Исследования, прежде всего философов и культурологов (отметим – не историков и не социологов), показали: при централизации власти ускоряются процессы дифференциации провинции и центра, что приводит к консервации провинциального «комплекса».

Для России традиционным стало внимание к взаимоотношениям столицы и провинции. Эта коллизия типична для имперского сознания, и потому историки первого «человека из провинции» обнаруживают в XVIII в., когда в России складывалась имперская атрибутика, а в лексиконе укрепляется само слово провинция. Как известно, Н. Карамзин полагал, что *Россия произрастает провинцией*, а В. Ключевский считал, что *в*

России центр на периферии. Однако последний, характеризуя нравы дворянского общества середины XVIII в., противопоставлял в негативном плане «сельскую, провинциальную культуру» более современному, «модному дворянскому свету столичных городов».

Напомним: мы посвятили ряд исследований проблеме русской провинции, подчеркнув, что провинция в России может пониматься как состояние души человека[1]. В художественной провинциологии высказывания типа «провинция – это отчаяние» перемежаются с позитивными, даже умилительными суждениями. Это объяснимо, исходя из представления Н. Бердяева о том, что *провинциализм есть другая метафизика жизни*.

Пространство русской культуры выступает как ареал распространения данной культуры, не совпадающий с географическими, административными границами, а также с границами компактного расселения русских. В то же время следует установить не сами по себе пространственные характеристики, но *хронотоп* русской провинции. Последняя предстает как явление специфическое, мало зависимое от географических координат, имеющее корни в душе человеческой не менее, чем в истории. Это и *пространство*, расположенное на тысячи верст вокруг Москвы или Петербурга; это и *время*, которое нужно затратить человеку не столько на путь по городам и весям, сколько на преодоление духовных различий с динамичными (а подчас и циничными) согражданами; это и *настроение*, отмеченное мечтательностью и тоской, охватывающее на нешироких улицах, на проселочных дорогах, среди полуоблупившихся простеньких или претенциозных домов. Хронотоп русской провинции определяется и таким понятием, как «азиатчина». Так, внутренняя «азиатчина» как духовная провинциальность виделась русским интеллигентам в жестоком самонеуважении. И если В. Соловьев все же приветствовал «слабость национального эгоизма» как задаток великого будущего[2], то В. Розанов куда более резко реагировал на то «дикое и ни в одной земле небывалое», что основано на убогом неиспользовании собственного потенциала и заискивании перед чужими, далеко не лучшими образцами. Этого провинциализма, считал В. Розанов, нет «ни у негров, ни у турок, ни у китайцев»[3]. «Зулусы», «тунгусцы» были привычным для А. Чехова обращением к родственникам и друзьям-провинциалам. Русская интеллигенция рубежа XIX-XX вв. относилась к России как к Востоку, производя «излюбленное противопоставление

[1] Злотникова Т.С. Человек. Хронотоп. Культура. Ярославль: Изд. ЯГПУ, 2011; Злотникова Т.С. Провинция // Культурология: Энциклопедия. В 2 т. М.: РОССПЭН, 2007; Злотникова Т.С., Ерохина Т.И., Летина Н.Н., Киященко Л.П. Русская провинция в философском дискурсе: концептуализация метафоры // Вопросы философии, 2014. № 11. С.126-136.

[2] Соловьев В. Философские начала цельного знания // Соловьев Вл. Соч.: в 2 т. С., 1988. Т.2. С.304.

[3] Розанов В.В. Ломоносов // Опыты: литературно-философский ежегодник. М., 1990. С.339.

«азиатского» начала «европейскому» как «низшего высшему» и требуя найти сочетание «европеизма», резкого отталкивания от культурной отсталости России, с «напряженным чувством к родине и национальной гордости» (С. Франк[1]).

Русский человек, не будучи мещанином в плане духовном, к месту обычно «приговорен», ностальгирует (по В. Далю, «место», в числе прочего, обозначает «ширь, простор, пустоту», а «мещанин» – всего-навсего «горожанин низшего порядка», например, ремесленник). Вопреки стереотипу восприятия жителя провинции, он обладает творческим потенциалом, и импульсы своей деятельности черпает либо в неосуществленном стремлении за пределы круга, означенного сферой его происхождения (стремится «в Москву, в Москву»), либо в ностальгии по оставленному родному пространству.

Особый смысл в психологическом портрете представителя русской провинциальной культуры приобретают его *взаимоотношения с европейцами*. Русский провинциал традиционно возмущается упорядоченностью, «нормальностью» европейской жизни, а европейцы оказываются перед неразрешимой «загадкой русской души» или «русских пространств», обнаруживая в своем непонимании странную провинциальность духа рядом с неясным мерцанием и парением чувств русских провинциалов. Для самоощущения русской интеллигенции традиционно особое отношение к драматическому положению России *между* Востоком и Западом, *между* темным прошлым и туманным будущим. Она испытывает презрение или нелюбовь к западной цивилизации за то, чем не владеет русский, но что – обладай этим русский – уравновесило бы русскую «азиатчину». Однако русские и за границей – в Ницце, Монте-Карло, Берлине, Париже, Нью-Йорке – создают свою «провинцию» как локальное духовное и даже бытовое пространство (П. Чайковский во Флоренции, А. Чехов в Ницце и Азии, В. Набоков с его резиновой складной ванной в «бесчисленных европейских пансионах»). Так возникают представления о *внутренней провинции и внутренней «заграницe»*.

В русской традиции особенно отчетливо актуализировался тот факт, что смысл понятия «*провинция*» определяется через оппозицию к понятию «*столица*».

Первое – наиболее простой и ограниченный конкретными пространственными рамками круг провинции. В России – это все, что отдалено от города, вернее – от столицы, от поверхностных признаков цивилизованного быта. Второе – провинция отстает от столиц в количественных масштабах.

Своеобразие российского варианта культурной антитезы столицы и провинции заключается в двунаправленности вектора относительно столиц (во множественном их числе). В то же время подчеркивается, что своя провинция есть и в столичных городах: в Москве – Замоскворечье,

[1] Франк С.Л. Пушкин об отношениях между Россией и Европой // Пушкин в русской философской критике. М., 1990. С.453, 454, 459.

в Петербурге – Коломна или Выборгская стороны. Различается и «тонус» двух столиц, о чем тоскливо и иронично писали К. Батюшков, Г. Федотов и многие, многие другие.

Массовое сознание и публика – в столицах и вне…

Начиная с первобытного стада и древней орды, масса, по Лебону и Фрейду, «производит на отдельного человека впечатление неограниченной мощи и непреодолимой опасности». Следует отметить, что не всякий человек способен эту опасность адекватно отрефлексировать. Но причины такого едва ли не гипнотического воздействия массы ясны – мы говорим о генетически значимых признаках массового сознания. Масса импульсивна, и ее импульсы столь повелительны, что не дают проявиться даже инстинкту самосохранения; масса возбудима и легковерна, а ее чувства просты и гиперболичны; масса категорична, она не знает сомнений и неуверенности; в массе стирается своеобразие отдельных людей (парадоксальным свидетельством справедливости этого суждения может стать такое явление массовой культуры, как мода – психологический курьез ее основан на стремлении множества людей быть лучше всех, но для этого стремящихся стать в своем внешнем облике «как все»).

Отсюда вытекают существенные признаки *«человека массы»* – эти признаки есть зеркальное отражение самой массы: ослабление интеллектуальной деятельности; снижение уровня реакций; неспособность к умеренности и отсрочке действий; склонность к гиперэмоциональности и безудержность аффектов; непременно деятельностное выражение эмоций. Кроме того, современные исследователи массового сознания акцентируют *прямолинейность восприятия и откровенность потребительских интенций массы*. Американский исследователь Э. Аронсон с удивлением отметил такой парадокс массового сознания, когда предложение вознаграждения «за выполнение приятной работы» существенно и наглядно снижает «ее внутреннюю привлекательность»[1].

Подчеркнем: *массовая публика – субъект массового сознания* – это отнюдь не публика *низкая* (необразованная, с неразвитым вкусом, без опыта восприятия искусства). Это – *разная* публика, как имеющая опыт восприятия сложных произведений, радующаяся ассоциативной насыщенности текстов и игре ума, – так и неискушенная, простодушно ищущая в детективе закрученную интригу («кровь»), а в мелодраме – обманутую простоту и вознагражденную добродетель («любовь»). Это публика с разными финансовыми возможностями (полка одного автора в книжном магазине содержит и формат «pocketbook» в мягкой обложке, стоимостью чуть более 100 рублей, и фолианты в твердой, стилизованные под старинные тома, словно предназначенные для застекленных шкафов со стенами мореного дуба, стоимостью 500-600 и более рублей). *Разная* аудитория ждет заигрывания (неискушенная) – и откликается на игру

[1] См.: Аронсон Э. Общественное животное : введение в социальную психологию / пер. с англ. М.А. Ковальчука; ред. В.С. Магун. М.: Аспект пресс, 1998.

(продвинутая), ищет исключительность (продвинутая) – и радуется узнаваемости, инспирированной архетипичностью (неискушенная).

Границы медиапространства. Прежде всего обозначим принципиальную позицию: в современном мире границы медиапространства, как и его субъекты, практически совпадают с границами массового сознания, что является естественным признаком постпостиндустриального общества.

В качестве таковых, с нашей точки зрения, выступают как материально зафиксированные маркеры – операторы передачи сигнала, типографские машины и прилавки, с которых продается продукция, так и маркеры нематериальные – идентичность субъектов (персональных и массовых, производителей медиапродукта и его потребителей). Здесь видно, что, в полном соответствии с мыслью К. Ясперса, индивидуум оказывается «у тех границ, соприкасаясь с которыми человек начинает понимать себя как существо одиночное». Опыт наблюдений над телевизионными «процессами» (2004-2012, с перерывами), а также немалый личный опыт работы в разных СМИ, причем, в качестве – хотя тогда не было такого слова – «фрилансера», будь то печатная пресса, телевидение или радио, где создавались собственные программы и циклы, – подтверждает высказанное предположение.

Факты, характерные для современных медиапрактик, подчеркивают границы и заостряют грани.

Граница столичного и не-столичного медиапространств определяется нами следующим образом. *На общероссийском уровне* (по наблюдениям, сделанным над СМИ общероссийскими и региональными, в последние 5 лет не только в Ярославле, но и в Самаре, Саратове, Омске, Новосибирске, Вологде, Санкт-Петербурге) контент составляют материалы, посвященные «достижениям народного хозяйства», включая ремонт дорог, выращивание огурцов и цыплят, изредка премьерам и некрологам. Туда же добавляются материалы, посвященные происшествиям, т. е. убийствам, как то: «белгородскому стрелку», «нижегородскому детоубийце», ДТП, пожарам и наводнениям. В действительности же нет региональной специфики ни в общероссийском контенте, ни собственно в региональном, вообще нет «присутствия»: ни Северо-Запада, ни Северо-Востока, ни Сибири, ни Урала. *Нет России*.

Медиапространство за границами столицы. Было время, когда на ТВ эфирных ведущих одевали в национальные рубашки, блузки, добавляли «региональные» аксессуары… Сейчас приходится констатировать отсутствие собственного лица у региональных СМИ, которые даже пытаются искать его, но результаты не видны, ибо отсутствует логика и система деятельности. Принцип контента и форматов («диалог с властью», «аптечные услуги», «негосударственный вуз») откровенно эгоистичен по отношению к региональным практикам, в итоге разрушителен. Обзор тенденций, наблюдаемых в регионах, приводит к выводу: *работа региональных СМИ*, причем не только радио или ТВ, но и региональных страниц/вкладок печатных («Комсомольская правда», «АиФ») *строится по*

принципу сетевых торговых комплексов средней руки (от «Магнита» до «перекрестка»).

Откровенно идет уничижение/уничтожение просветительских, образовательных программ, разделов (капля в море «Говорим по-русски», «Эхо Москвы», причем качество довольно усредненное). Регионалы имеют отговорку: «*наш формат*» – «*не наш формат*»; меняют «парадигму» под заказчика или вовсе настроение (от «протекающая крыша – это не наш формат» до сосулек и протечек как информационного мейнстрима, пример – канал, прежний НТМ, ныне «1 ярославский»).

В провинции пытаются экономить (причины этого с финансовой точки зрения объяснимы) – *и на провинции пытаются экономить* (последствия этого с социально-нравственной точки зрения ясны и опасны). СМИ, работающие вне столиц, руководители медиахолдингов и местные власти пытаются укрепить в вере в то, что переход на web-ресурсы с печатного формата органичен и правилен (пример – старейшая в регионе газета, «Северный край» в Ярославле, исчезнувший из печатного формата и не получивший собственной интернет-аудитории). В то же время в столице (-ах) печатные СМИ не только не исчезают, но даже пачками лежат на бесплатных стойках в сетевых кафе, в фирменных поездах (глянцевый журнал «СВ»); и это не только «желтые» издания или рекламно-информационные, посвященные возможностям досуга, но и, к примеру, многополосная «Российская газета».

Субъект медиапространства – за границей столичного (журналист).

(1) Общие для всех типов СМИ тенденции (в регионах). На персональном уровне «лифт» не работает, но, может быть, и не должен? Всяк сверчок остается на своем шестке, разве что в юности уезжают учиться в Москву (и только туда), попадая из своих Вологды, Уфы, Ярославля в столичные СМИ: примеры Л. Парфенова, А. Малахова, Э.Хромченко, молодой журналистки «Новой газеты» Е. Костюченко.

(2)Журналист в теле- или *радиоэфире*. Готовность и старание обеспечить интерактив (свидетельствую как участник прямых эфиров). Однако проблемы – системные, не региональные. В *радиоэфире* (прежде всего, региональные подразделения российских СМИ, например, «Эхо Москвы» в Ярославле) – опасение недостаточно хлестко и быстро откликнуться на любой, даже малозначимый информационный повод, как в постоянных эфирах, шедших в течение 2014 и начала 2015 года с участием «регионального» депутата-антикоррупционера Б. Немцова. В *телеэфире* – «продукты» стажировок: их обучили стенд-апам, игровым приемам (о чем моя дипломница писала почти 10 лет назад), студийной версии – пулеметному темпу речи, ведению псевдодиалога с партнером по «столу». Визуальные «клоны» столичных эфирных ведущих, особенно женского пола, – весьма распространены.

(3) Человек-невидимка: медиапространство в интернете и интернет как медипространство. Очевидно обозначившаяся граница бытия массы и небытия личности (обезличенность ников, «эксгибиционистский» характер блогов, неверифицированность аудитории).

Подводя итог характеристике медиапространства (как было сказано выше, являющегося прямым аналогом массового сознания) в границах современной России и современной российской провинции, следует признать: это пространство негомогенно, хаотично, при этом тенденции стандартизации охватывают не только технологические уровни, связанные с качеством и технологиями передачи сигнала, но и, прежде всего, личностные аспекты деятельности субъектов, а в результате – массовое сознание.

Из проделанного анализа массового сознания, медиапространства как важнейшего субъекта, интегрированного в бытие других субъектов (управляющих «элит», социума, творцов в сфере СМИ), вытекает следующее *предложение, осуществление которого предполагает 4 шага*.

1 шаг. Определить круг пилотных регионов России, где (по материалам включенного наблюдения и ранее проведенных исследований) отмечается наиболее продуктивная интеграция субъектов массового сознания на институциональном и синергийно формирующемся уровнях. В качестве таковых могут быть предложены либо (a) регионы, входящие в один и тот же федеральный округ, например, в Центральной России, в Поволжье, на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке либо (b) регионы, репрезентативно представляющие отдаленные друг от друга и мало взаимодействующие друг с другом провинциальные локусы со специфической инфраструктурой (от Ярославской области до ЯНАО), либо (c) регионы, имеющие ярко выраженные тенденции децентрализации по отношению к общероссийским принципам работы в сфере массового сознания. *Механизм выявления – через консультации с представителями научного сообщества и проявивших интерес представителей региональной/муниципальной власти.*

2 шаг. Провести пилотные социокультурные опросы, направленные на принципиальный отказ от получения сведений из рейтинговых агентств и получение неформально отрефлексированных сведений о кооперации субъектов массового сознания в регионах, реальных предпочтениях, авторитетах, интересах, ожиданиях. *Механизм проведения – через взаимодействие с региональными/муниципальными Общественными палатами; опросные материалы и приемы анализа могут быть предоставлены научным коллективом, работающим под руководством автора статьи в рамках гранта, по которому выполнена работа.*

3 шаг. Обнародовать полученные материалы путем проведения «круглого стола» (a) с представителями руководства регионов, где проведены опросы и прилегающих к ним регионов, (b) с представителями СМИ тех же регионов, (c) руководства общероссийских медиахолдингов. *Механизм – доклады/презентации участников опроса и аналитической работы по его итогам.*

4 шаг. Предложить по итогам исследования и «круглого стола» включать в программы кандидатов в губернаторы регионов и мэров городов (где избрание осуществляется согласно уставным документам) раздел, представляющий координаты коммуникации с массовым

сознанием в региональном аспекте; в качестве практического сотрудничества экспертного сообщения с субъектами региональной политики предоставить полученные материалы. *Механизм – публикация через задействованные в работе «круглого стола» СМИ, распространение экспресс-бюллетеня через Общественные палаты регионов/муниципальных образований.*

Иларионова Т.С.
(Москва)

НАРОДЫ РОССИИ В ИНТЕРНЕТЕ[1]

Интернет стал частью нашей повседневности. Ежедневное обращение к его ресурсам в поисках информации, развлечений, контактов с другими людьми мешает заметить, насколько быстро, динамично меняется эта среда. В 2008 году благодаря выполнению Институтом энергии знаний государственного контракта[2] был проведен круглый стол «Интернет как средство сохранения и развития культурного пространства народов России». Автор принимала тогда деятельное участие в его подготовке и сделала большой аналитический материал, своевременно представленный в Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, впоследствии использованный в разного рода публикациях[3].

По прошествии лет повторный анализ той же самой среды дает возможность увидеть, насколько она изменилась, какие новые тенденции обнаружили себя в популяризации национально-культурного контента, презентации российских народов внешнему миру.

---

[1] Статья подготовлена в рамках выполнения по соглашению с Российским научным фондом научного проекта № 15-18-00064 "Новые подходы и методы регулирования этнополитических (межэтнических и межконфессиональных) отношений на территории крупнейших городских агломераций России: междисциплинарный анализ проблем и совершенствование методологических основ национальной политики".

[2] Государственный контракт № 19/39-08 от 29 октября 2008 г.

[3] См.: Иларионова Т.С. Российские немцы в интернете // Этнические немцы России: исторический феномен «народа в пути»: Материалы XII международной конференции 18-20 сентября 2008 г. М.: МСКН-Пресс, 2009. С. 141-147; Иларионова Т.С. Народы России в Интернете: этническое как виртуальная реальность // Гражданский диалог. 2009. № 1. С. 72-73; Иларионова Т.С. Народы России в Интернете. Интервью радиостанции «Немецкая волна» (Кельн) на рус.яз. 24 июля 2008; Иларионова Т.С. Российские немцы в Интернете.- Интервью радиостанции «Немецкая волна» (Кельн) на рус.яз. 23 сент. 2008.

В 2008 году требовались значительные профессиональные усилия по созданию сайтов. Поэтому чаще всего это были крупные ресурсы, их администраторы были заинтересованы не только в представлении своей информации, но и в получении коммерческой выгоды.

К 2015 году произошло впечатляющее падение цен на создание сайтов, большое количество новых возможностей есть в виртуальной среде на бесплатной основе, чем, конечно, пользуются создатели интернет-ресурсов национально-культурной направленности.

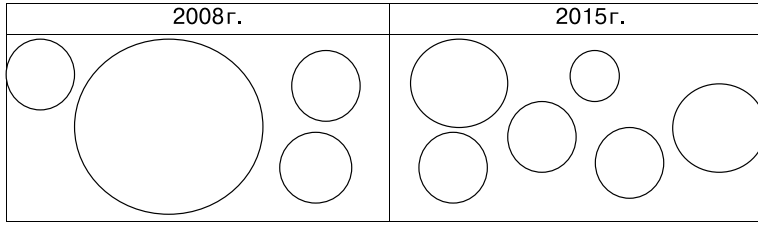
Сегодня Интернет привлекает представителей гражданского общества, в том числе и национально-культурные объединения, тем, что обладает такими преимуществами, как

- простота создания и размещения в сети самого разного контента: как текстов, так и фото- и видеоматериалов;
- дешевизна этих услуг, а то и вовсе их бесплатность;
- возможность самореализации без цензуры, с использованием выразительных графических и иных технических средств;
- быстрый выход к большой аудитории или, наоборот, аудитории специальной для создания собственного благоприятного имиджа;
- получение прибыли от функционирования сайта (например, при открытии интернет-магазина, при организации платного скачивания разных программ и файлов, при размещении рекламы);
- легитимация на основе распространения информации незарегистрированных объединений, групп по интересам;
- получение обратной связи от потребителей контента.

За семь лет, прошедших с момента первого исследования, представительство различных народов России в сети значительно изменилось. В 2008 году формирование сайтов того или иного народа шло по пути обычных медиа, когда существовал какой-то один мощный информационный ресурс, имевший солидное финансирование, а рядом с ним по разным направлениям специализации работали другие, более мелкие сайты – мелкие и по объемам представленных на них данных, и по количеству посещений, и по теме, которую они брали в качество своей основной.

В 2015 году в Интернете видна огромная конкуренция за внимание посетителей сайтов. Созданы и параллельно друг с другом существуют значительные по набору информации и возможностям интернет-ресурсы.

Рисунок 1. Изменение соотношения сайтов национально-культурных обществ



Помимо этого существенным стало содержательное наполнение сайтов. Если раньше был один сайт с самыми разными информационными подборками (рубриками), а остальные разрабатывали какую-то одну тему, то теперь «все занимаются всем», то есть каждый из ресурсов стремится охватить максимально большое количество тем, играет «на поле» конкурентов, ведет собственную информационную политику, не очень-то оглядываясь на то, что делают в Интернете другие.

Еще одна важная отличительная черта: в 2008 году сайты национально-культурных обществ в массе своей делались не очень профессионально, хотя тогда без помощи IT-специалистов создать ресурс было затруднительно. В 2015 году дизайн сайтов по большей части великолепен: используются самые разные шаблоны, графика, звук, изображение, создаются интерактивные приложения, в том числе и такие, которые побуждают посетителя к действию (содействию) в реализации политики сайта.

Большая часть сайтов национально-культурных обществ обязательно заявляет о своей миссии и имеет самые разные разделы[1].

Однако это вовсе не те же самые ресурсы, которые действовали в 2008 году. Например, из выявленных семь лет назад шести калмыцких сайтов сегодня работает только один. Еще один ресурс «переквалифицировался» и стал размещать информацию о разных народах. Один сайт – брошенный, на нем уже длительное время не обновлялась информация. Остальные закрылись. Совершенно очевидно, что это связано с несколькими обстоятельствами:

- изменились организационные условия функционирования сайтов (например, когда национально-культурное общество претерпело собственные структурные изменения);
- изменились кадровые и творческие возможности проведения информационной политики в Интернете (из организации ушли нужные специалисты, потерян интерес к этой работе);
- изменились финансовые условия деятельности;
- не было возможности выстоять в конкурентной борьбе за внимание аудитории;
- возникли угрозы в связи с изменениями законодательства (закон об иностранных агентах, применение закона о СМИ к интернет-сайтам и т. д.).

Показательно: многие сайты, которые ранее занимались проблемами национально-культурной направленности, сегодня в большей степени размещают информацию на религиозные темы. Это может быть связано и с тем, что деньги им способны предоставлять религиозные общины, а

[1] См., например: Калмыки в Интернете: http://kalmyki.narod.ru/; http://erketen.ucoz.ru/publ/Erketen_01.html; http://www.ulusy.w6.ru/history.html; http://kalmykia.evrazia.org/evrazia.html. Финно-угорские народы в Интернете: http://www.kominarod.ru/finno-ugry/nations/mordva/ ; http://www.mordva.ru/; http://www.finno-ugry.ru/finnougricworld/; http://www.etnomir.onego.ru/index.php?page_id=2 . Адыги в Интернете: http://www.adygi.ru/; http://www.adigeya.com/History/ItemTree.asp?id=30; http://adyga.org/index.php?showtopic=259.

не национально-культурные общества, которые, как правило, не имеют устойчивого бюджета.

Поразительный пример разнообразия и активности показывают сегодня сайты осетин – прочем, как на русском, так и на осетинском языках. Кстати, в языковой политике с 2008 года также видны изменения: тогда за редкими исключениями сайты народов нашей страны делались на русском. Сегодня общей тенденцией стало стремление использовать, пропагандировать родной язык. Тем более, что современные компьютерные технологии позволяют легко для иных посетителей сайта делать перевод запрошенных страниц.

Осетинские сайты имеют самые разные специализации и направления деятельности (хотя, как уже отмечалось выше, и на этих специализированных ресурсах размещается информация общего характера, в том числе рерайтинг российских и мировых новостей).

Осетинские сайты показывают:

1. в сеть вышли традиционные средства массовой информации[1];
2. создаются ресурсы общеновостного характера[2];
3. органы государственной власти намного активнее представляют свою информацию[3];
4. граждане используют Интернет для достижения общественно-полезных целей[4];
5. реализуются коммерческие проекты[5];
6. капитализируется возможность изучения осетинского языка[6];
7. «эксплуатируется» история народа[7];

---

[1] http://sevos.ru – электронная версия газеты "Северная Осетия"; http://www.ugo-osetia.ru – электронная версия газеты "Южная Осетия" ; http://www.darial-online.ru/ – электронная версия журнала "Дарьял»; http://fidiuag.osetia.su/ – электронная версия журнала "Фидиуаег" (на осетинском языке).; http://osinform.ru/ – сайт ИА ОСинформ Государственной телерадиокомпанией «Ир» Республики Южная Осетия; http://xurzarin.ru – электронная версия Юго-Осетинской общественно-политической газеты "Хурзарин"; http://zilahar.narod.ru/ – электронная версия молодежно-спортивного выпуска народной газеты РСО-Алания "Растдзинад" (на осетинском языке); http://www.irontv.ru/ – сайт телекомпании "Алания".

[2] http://www.iriston.ru – сайт осетинской диаспоры; http://www.iryston.ru/ – новости переговорного процесса между Южной Осетией и Грузией; http://ossetia.ru/ – новости Северной и Южной Осетии. Другая разнообразная информация; http://osetia.tv – видео об Осетии: последние новости, различные передачи, фильмы, интервью, спортивные события; http://alanvakfi.org.tr/index.asp – сайт турецких осетин (информация дается на турецком языке); http://osetiny.ru/ – разнообразная информация об осетинском интернете и полезные ссылки.

[3] Например: http://www.mol-sport.ru/ – сайт министерства по делам молодежи, физкультуры и спорта Республики Северная Осетия-Алания; http://cominf.org/ – сайт Государственного комитета по информации и печати Республики Южная Осетия.

[4] http://www.iriston.com/ – проект патриотов Осетии; http://www.osradio.ru/ – проект юго-осетинских энтузиастов.

[5] http://www.dukani.ru/ – интернет-магазин, в котором можно купить интересные книги, аудио- и видеозаписи осетинских музыкантов, работы художников и многое другое.

[6] http://lingvo.osetia.ru/ – сайт для изучающих осетинский язык самостоятельно (проект старшего преподавателя Санкт-Петербургского Государственного университета, уроженца Владикавказа, Вячеслава Иванова); http://allingvo.ru/ – сайт Юрия Дряева для изучающих осетинский язык; http://abetae.ru/ – осетинско-русский словарь.

[7] http://tabol.nm.ru/ – сайт Сергея Таболова об осетинском народе; http://www.osetins.com/ – проект "Осетия и осетины" Батраза Хугаева; http://genocide-in-ossetia.com/ –

8. создается «витрина» произведений художников, представителей других творческих профессий[1].

И этим еще не исчерпывается разнообразие интернет-ресурсов осетин.

По сравнению с 2008 годом значительно изменился характер присутствия в сети татарских организаций и активистов. Если раньше существовал мощный сайт http://www.tatarlar.ru/, то сегодня ни его самого, ни ему подобного ресурса нет. На смену пришли сайты:

- органов власти Республики Татарстан и органов местного самоуправления в Республике;
- татарских общественно-политических организаций;
- мусульманских религиозных организаций;
- татарских газет;
- татарских писателей;
- певцов татарской эстрады;
- татарские образовательные сайты;
- татарские развлекательные сайты.

Башкирские сайты сегодня – это 435 ссылок в 32 подкатегориях. Новое то, что в сеть вышли школы и вузы, муниципальные образования – все они стараются информацию давать на башкирском языке.

Таблица 1. Компаративный анализ особенностей интернет-ресурсов народов России.

2008 г.	2015 г.
Интернет-активность не зависит от наличия у народа государственности	Интернет-активность не зависит от наличия у народа государственности
Слабая интернет-активность госорганов	Значительная интернет-активность госорганов
Интернет-ресурсы на русском языке	Интернет-ресурсы на языках народов России

Еще одной важной особенностью является то, что города перестали быть исключительным местом создания национально-культурного интернет-контента. Все больше и больше в эту деятельность вовлекаются поселения, муниципальные образования. Местные сообщества заинтересованы в представлении собственной работы, вклада в развитие культуры и традиций. В этом видится также возможность развития

материалы «о геноциде народа Южной Осетии» и событиях августа 2008 года; http://www.osetia.ru/~toma/ – проект Томы Кулаевой «История, культура и традиции осетин»; http://oldvladikavkaz.ru/ – сайт"Старый Владикавказ"; http://www.fondnasledie.narod.ru/ – Фонд сохранения и популяризации нартского эпоса и других источников культурного наследия осетинского народа.; http://titus.uni-frankfurt.de/texte/etcs/iran/niran/oss/nart/nart.htm – нартские сказания на иронском и дигорском, с возможностью чтения при помощи латинского алфавита.

[1] http://artarv.iriston.com/ – арт-проект Вадима Пухаева о искусстве Осетии; http://www.osetia.ru/~royal111/default.html – сайт фотостудии "Роял"; http://www.nataabaeva.com – сайт для любителей живописи.

сельского туризма, установления связей с представителями своей национальности за пределами поселения, получения обратной связи.

Динамичный Интернет становится сегодня еще одним важным компонентом формирования национальной идентичности.

Суконкин А.В.
(Москва)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНФОРМАТИЗАЦИИ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ: ФОРМЫ, НАПРАВЛЕНИЯ, ПРИНЦИПЫ

Информационные технологии стали неотъемлемой частью общественной жизни. Поэтому важно понимать стратегический подход государства к регулированию сферы информатизации, поскольку от этого зависит как ожидаемый эффект, так и оценка результатов мер регулятора. Кроме того, не всегда отдельную инициативу можно однозначно оценить в отрыве от общей стратегии.

Анализ подходов к государственному регулированию в общем случае предусматривает наличие таких традиционных форм и инструментов как законодательные акты (внутренние и международные), различные программы и проекты (федерального и регионального уровня), лицензирование и сертификация продуктов и деятельности, фискальная политика, создание специальных регулирующих органов власти, кадровая и социальная политика. Все это должно стимулировать развитие отрасли экономики, создавать условия для эффективной деятельности.

Взаимодействие государства и общества в рамках перечисленных форм регулирования позволяет сформировать порядок и степень воздействия этого влияния, определить стратегические пути развития.

Информатизация и информационные технологии: с одной стороны, это самостоятельная отрасль, с другой – это мощный катализатор социально-экономического развития. Такое сочетание предполагает наличие общей стратегии, затрагивающей всю экономику с целью эффективного использования ресурсов и скорейшего решения задач.

В России информатизация рассматривается как инструмент скорейшего решения основных социально-экономических задач

построения современного информационного общества. Это отмечают многие исследователи, опираясь на программные и концептуальные документы, принятые высшими органами государственной власти и управления за последние годы[1].

Рассматривая в этом контексте государственную культурную политику следует отметить, что одной из ее целей является «обеспечение доступа граждан к знаниям, информации, культурным ценностям и благам»[2]. Целью же развития информационного общества в Российской Федерации является повышение качества жизни граждан, обеспечение конкурентоспособности страны, развитие экономической, социально-политической, культурной и духовной сфер жизни общества, совершенствование системы государственного управления. Налицо непосредственная связь и взаимодополнение. Очевидно, что в условиях глобальной информатизации общества от уровня оснащенности учреждений культуры информационными системами и их использования зависит эффективность культурного, нравственного и духовного обогащения человека.

Под информатизацией культуры понимается комплекс проблем, относящихся к процессам создания, сохранения и использования современных информационных (электронных) ресурсов в сфере культуры, предоставления к ним доступа, а также программно-аппаратное, организационное, кадровое, финансовое и иное обеспечение этого процесса.

Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. «О мерах по реализации государственной социальной политики» определены конкретные индикаторы:

- включать ежегодно в Национальную электронную библиотеку не менее 10 % издаваемых наименований книг;
- обеспечить поддержку создания публичных электронных библиотек, сайтов музеев и театров в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, а также размещение в свободном бесплатном доступе в сети Интернет;
- создать к 2018 году 27 виртуальных музеев.

К сожалению, пока ситуация с информатизацией сферы культуры далека от желаемой.

Так, например, общий объем электронного каталога библиотек за 5 лет с 2010 года увеличился только на 12 %[3]. До сих пор около 20 %

---

[1] Астафьева О.Н. Культурная политика России: теория – реальность – перспектива// Государственная служба, 2010. № 1. С.67-73.; Колин К.К., Урсул А.Д. Информация и культура. Введение в информационную культурологию. М.: Изд-во «Стратегические приоритеты», 2015; Лопатина Н.В. Методологические основания социального управления информатизацией регионов // Мат-лы междунар. Конф. Краснодар, 2004.

[2] Основы государственной культурной политики. Указ Президента Российской Федерации от 24.12.2014 № 808.

[3] Статистика деятельности учреждений культуры федерального ведения. Министерство культуры Российской Федерации. [Электронный ресурс]. http://mkrf.ru//deyatelnost/statistics/institution/. Дата обращения 24.08.2015 г.

библиотек не компьютеризированы, лишь около 60 % из них имеют выход в Интернет[1].

Важность решения этих задач подтверждается результатами анализа индекса готовности регионов России к информационному обществу в социальной сфере. Оценки показывают, что разрыв между регионами по уровню информатизации сферы культуры составляет более 20 раз, когда в области здравоохранения и образования он сопоставим со средним значением по стране – 2-3 раза[2].

К сожалению, информатизация учреждений культуры имеет определенные специфические особенности, определяемые ролью и значением его в общественной жизни общества, а также местом учреждения культуры в системе государственного аппарата и его иерархии. Информатизация культуры не является чем-то очень специфическим. Она опирается на общие принципы, характерные для других похожих процессов, что подтверждается мировой практикой. К основным из них относятся:

- соответствие процессам, происходящим в обществе;
- создание для граждан новых возможностей взаимодействия с государством и обществом;
- системность и обоснованность предлагаемых решений;
- новизна и открытость при разработке программных продуктов;
- программно-целевое планирование;
- учет рисков и ограничений;
- обеспечение конфиденциальности персональных данных граждан.

Процессы информатизации сферы культуры можно классифицировать по различным основаниям, например, по конкретным объектам информатизации или видам искусств. При этом следует рассматривать информатизацию, как внешнюю, так и внутреннюю.

По группам пользователей процессы информатизации можно разделить на два контура.

Внешний контур направлен на обеспечение простого и удобного доступа к информации о культурных ценностях для широких масс населения.

Внутренний – на повышение эффективности внутренней деятельности учреждения культуры, автоматизацию его внутренних процессов.

Внешний контур предусматривает создание различного цифрового контента по культуре и искусству, обеспечивая простой доступ к данному контенту населения.

Наиболее эффективным средством получения сведений об этом контенте, а также о самом учреждении культуры и его деятельности является представительство учреждения культуры в сети Интернет.

---

[1] Индикаторы информационного общества 2014. Статистический сборник. Москва: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2014.

[2] Индекс готовности регионов России к информационному обществу 2009-2010. Анализ информационного неравенства субъектов Российской Федерации./Под. Ред. Т.В. Ершовой, Ю.Е. Хохлова, С.Б. Шапошника. М., 2011.

Внутренний контур информатизации учреждения культуры обеспечивает повседневное функционирование учреждения культуры, включая в себя различные управленческие системы и средства, электронный документооборот, автоматизацию внутренних процессов.

Спецификой сферы культуры как объекта информатизации является ее организационное построение, включающее три уровня управления: федеральное министерство, региональные органы власти, муниципальные органы власти. На этих уровнях могут приниматься отличающиеся решения, что обусловлено не конкуренцией или непониманием, а просто различным подходом, который обусловлен объективным экономическим фактором – ограничением по ресурсам.

При этом различные участники (органы управления культурой разных уровней, организации культуры разного типа и организационно-правовых форм) имеют часто существенно разные проблемы (ремонт аварийных зданий) и задачи (нехватка компьютеров).

Решение этой дилеммы видится в системном планировании развития информатизации учреждений культуры. В этом случае на региональном уровне в зависимости от имеющихся ресурсов должны создаваться автономные информационные системы, но по заданным общим стандартам. Должны использоваться апробированные технологии, единая организационно-правовая база. Эти шаги должны быть увязаны (согласованы) на межрегиональном и федеральном уровнях.

Примером такого подхода является создание и развитие в России электронного правительства, а именно – предоставление государственных услуг в электронном виде.

Когда на любом уровне управления будет организационно и технологически обеспечена реализация процессов информатизации учреждений культуры в соответствии с полномочиями и возможностями органов власти и управления этого уровня, тогда будет сформирована разумная степень централизации информационных ресурсов и услуг. Естественным образом возникнут механизмы взаимодействия с информационными системами организаций другого уровня в любом направлении, как по горизонтали, так и по вертикали.

Созданная информационная среда учреждений культуры будет характеризоваться:

1. автономностью и открытостью, доступностью для всех приложений и сервисов;
2. опорой на международные, национальные и отраслевые стандарты;
3. оптимальным расходованием бюджетных средств;
4. простой интеграцией и взаимодействием с другими информационными системами гуманитарной сферы.

Смирнова А.Ю.
(Москва)

ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: МИТИНГ КАК КОММУНИКАТИВНОЕ СОБЫТИЕ

Культура гражданского общества, или гражданская культура, основывается на деятельности многообразных субъектов социокультурных коммуникаций, целенаправленно вступающих в социально-политические отношения. В качестве предположительных участников этих отношений могут и должны выступать представители гражданского общества, органов государственной власти, различных оппозиционных движений, общественных и профессиональных организаций. Цель такого взаимодействия сводится к разрешению существующих между сторонами противоречий посредством организации и проведения коммуникативного процесса. При этом коммуникация в зависимости от аксиологических оснований самой гражданской культуры и, соответственно, целей самих коммуникантов может принимать различные формы: от «мирных» форм выражения собственного мнения, таких как митинг, демонстрация или пикетирование до более «агрессивных» – забастовка, шествие, вооруженное столкновение, восстание и пр. Эти коммуникативные формы и составляют суть проявления гражданской культуры, а также делают истинно возможным её существование как на аксиологическом уровне, так и на гносеологическом. Однако политико-идеологическое содержание и направленность коммуникаций, развернувшихся в последние годы в государствах Арабского мира, Европы и Северной Америки, позволяют говорить о мощном всплеске протестной активности в мировом сообществе в целом[1].

Эксперты, анализируя подобные тенденции в России в последние годы, подчеркивают их влияние на социально-политическую ситуацию, акцентируя внимание не только на кризисе в области функционирования государственного аппарата. Особое внимание уделяется вопросам становления, развития и функционирования гражданского общества в условиях усиливающихся процессов глобализации и интеграции, а тема социально-политических коммуникаций, как форм самоорганизации гражданского общества, выдвигается на первый план. На наш взгляд,

[1] Митинги в Греции // Информационный портал ПИК. 2012. 19 фев. URL: http://pik.tv/ru/news/story/30621-mitingi-v-grecii (дата обращения: 13.06.2012); Студенческий митинг в Барселоне // Информационный портал ПИК. 2012. 3 мая. URL: http://pik.tv/ru/news/story/36389-studencheski-miting-v-barselone (дата обращения: 13.06.2012) и многие другие, особенно проявившиеся в 2014-2015 гг. и в силу своей комплексной направленности требующие специального анализа.

митинг выступает одной из форм, посредством которой свободные граждане и их добровольные объединения имеют возможность активного включения в общественно-политическую деятельность. При этом в равной степени актуальным является вопрос и о выдвигаемом гражданами содержательном компоненте, так и о формах его выражения, о соответствии митинга уровню политического сознания граждан, а также и уровню культуры в российском обществе[1].

В сложившейся социально-политической и юридической практике под термином «митинг» понимается собрание граждан, имеющее своей целью публично высказать собственное мнение о политических, социальных, экономических, культурных и других вопросах, а также содействовать охране и защите общественных прав и интересов[2]. В таком контексте митинг, прежде всего, рассматривается как форма общественно-государственного взаимодействия в области лоббирования общественных (или определенной группы граждан) интересов. Тем не менее, митинг представляет собой гораздо более глубокое и противоречивое явление культуры, включенное не только в её специализированный политический срез, но и социокультурный контекст в целом.

Опосредованное актуальными социокультурными процессами, событие митинга предстает одной из форм проявления культуротворческого потенциала общества. Митинг не просто образует площадку для выражения общественного мнения, а создает временное коммуникативное пространство (совместное бытие), в котором граждане имеют возможность прийти к обоснованию, разработке и принятию новых институциональных норм, закрепляемых как в правовом пространстве культуры, так и её аксиологических ориентациях. Это социально-политическое событие становится структурным элементом процесса самоорганизации общества, которое посредством осуществления многообразных коммуникативных практик выстраивает индетерминированный в силу своей архисложности вектор культурно-исторического развития. В результате, вслед за американскими политологами Г.А. Алмондом и С. Вербой, мы выделяем обособленное от политического детерминизма пространство для проявления активности различных социальных слоев и групп – гражданскую культуру[3].

Другим вопросом, заслуживающим особого освещения в рамках данной статьи, является непосредственное исследование самих процессов производства, воспроизводства и укоренения гражданской

---

[1] См.: Акции недовольных итогами выборов в ГД проходят в крупных городах РФ // РИА Новости. 2011. 10 дек. URL: http://ria.ru/society/20111210/512327944.html#ixzz24S5IfnMr (дата обращения: 13.06.2012); Митинг оппозиции на проспекте Сахарова 24 декабря. Твитт-репортаж // РИА Новости. 2011. 24 дек. URL: http://ria.ru/politics/20111224/524940080.html#ixzz24S7CG3Hv (дата обращения: 13.06.2012).

[2] Федеральный закон от 19 июня 2004 г. N 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» (с изм. от 08 июня 2012 г.).

[3] Almond G.A., Verba S. The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Newbury Park, California. Sage Publications, 1989. P.5-10.

культуры через рассматриваемую форму митинга. Как уже было отмечено, в основе всех указанных механизмов развития гражданской культуры лежит социально-коммуникативная деятельность общества, целеполагание которой во многом опосредуется актуальными социокультурными условиями. Так, смысло- и ценностно-образующим для процесса производства культуры становится взаимодействие между субъектами социально-политических отношений, задача которых сводится не только к преодолению существующих противоречий, но и к определению норм и правил выражения гражданской активности. В области воспроизводства аксиологических и гносеологических установок гражданской культуры центральной ставится коммуникативно-интерактивная деятельность социально-политических акторов. Заметим, что коммуникативный вектор становится основой современной культурной политики, а принципы коммуникации, определяющие взаимодействие субъектов, требуют согласования управления и самоорганизации[1]. Основным является проблема выбора ориентационных целей и пути разрешения актуальных проблем: не через обновление содержания и форм проявления гражданской активности, а в рамках стабилизировавшейся культурной парадигмы и существующего правового поля. В свою очередь, на стыке диалектичных процессов производства и воспроизводства обнаруживается механизм укоренения ценностей и смыслов гражданской культуры, выработанных в ходе опространствовления коммуникативных событий.

Укоренение аксиологической основы гражданской культуры на гносеологически преобразовательном уровне может происходить по двум основным сценариям: с ориентацией на «адаптацию» или на «доминирование». В рамках модели «адаптация» становление культуры гражданского общества проявляется в форме естественной реализации социально-политической активности, неразрывно связанной как с аксиологическими ориентациями культуры, так и с социокультурной динамикой в целом. Согласно этому варианту проявление гражданской активности напрямую опосредуется актуальными социокультурными тенденциями и ценностно-смысловыми установками самой гражданской культуры. В таком случае укоренение аксиологических основ происходит под влиянием вызовов текущей социокультурной ситуации и ограничений, определяемых этическим уровнем гражданской культуры.

В качестве наиболее яркого примера адаптационной модели укоренения гражданской культуры можно привести протестные явления (митинги, пикетирования, демонстрации, парады и т. д.) в ряде европейских странах, связанные с обострившейся экономической рецессией на всей территории Европейского Союза. Здесь представляется возможным четко проследить взаимосвязь между стагнационными явлениями в экономике, кардинальными правительственными решениями в областях

[1] Астафьева О.Н. Культурная политика России: история – реальность – перспектива // Государственная служба. 2010. № 1. С.72–73.

финансирования государственного сектора и социальной политики и ростом социально-политической активности населения, проявляемой в пространстве развитой гражданской культуры, основанной на демократических и социально-гуманистических ценностях.

В таких условиях коммуникативные формы гражданской культуры укореняют и воссоздают идею гражданского общества не только на этическом, но и на гносеологическом уровне. В частности, активно развивающееся гражданское общество, базирующееся на соблюдении принципов свободы и ответственности, открытости и толерантности, предъявляет требования и к процессам организации и проведения социально-политических акций. Именно таким образом в эмпирическую практику и закладываются негласные нормы, соблюдающиеся как со стороны самого гражданского общества, так и публичной власти. Например, требование гражданских активистов выделить им место для проведения массовых публичных мероприятий («гайд-парк» площадки) является неофициальным «законом», нарушение которого рискует полностью дискредитировать демократические основы политического режима. Также гражданским обществом активно апробируются новые способы организации митингов и иных протестных акций посредством социальных сетей и иных средств современных информационных технологий, использование которых ввиду «молодости» явления только начинает ценностно осмысливаться обществом и регламентироваться действующим законодательством.

Модель укоренения гражданской культуры с ориентацией на «доминирование» предполагает активную деятельность государства в области регулирования социально-политических процессов. В этих случаях социально-политическая активность участников коммуникативного события не определяется сугубо как «ответ» на социокультурный «вызов» в рамках действующих аксиологических ограничений, а выступает как попытка сознательного форсирования социально-политической динамики. Подобный вариант гражданской культуры характерен для авторитарных и тоталитарных государств, характеризующихся «жесткой» официальной идеологией. В такой культуре укоренение аксиологических основ происходит не благодаря активности со стороны общества (т. е. «снизу»), а посредством сильной государственной власти, прописывающей определенные нормы и правила общественного поведения, в том числе и в области проявления собственной гражданской позиции (т. е. «сверху»). Показателен в этой связи опыт стран социалистического лагеря, в которых митинги и другие акции мирного протеста, возникавшие как естественный ответ на сложившуюся социокультурные условия, быстро ликвидировались правоохранительными или же военными ведомствами, а организаторы мероприятия отдавались под трибунал[1]. Подобная практика реагирования

[1] В качестве одного из примеров – «митинг гласности», проведенный диссидентами 5 декабря 1965 г. на Пушкинской площади в Москве. См. об этом: Даниэль А. День рождения

официальных властей на протестные явления надолго смогла «законсервировать» примат антидемократических ценностей в основе гражданской культуры, которая характеризовалась вовсе не ростом, а спадом социально-политической активности населения. При этом сама гражданская культура проявлялась не посредством публичных акций, но в форме обсуждений злободневных вопросов в закрытом «узком кругу», а также в областях культуры, искусства и народного творчества[1].

Подводя промежуточные итоги, представляется целесообразным выделить ряд взаимозависимых и взаимодополняющих критериев, позволяющих разграничить разные типы моделей укоренения гражданской культуры: адаптационную модель и модель доминирования. Основными критериями выступают:

- форма политического режима;
- форма государственного устройства;
- общественная идеология;
- основы конституционного права;
- организация судебной системы;
- тип и модель экономической системы;
- основные принципы работы государственного аппарата;
- практика реагирования властей на мирные и агрессивные акции протеста;
- гражданская активность населения.

На основании этих критериев представляется возможным определить характер взаимодействия между участниками коммуникативного события, а также выявить ценностно-смысловые установки производимой и воспроизводимой гражданской культуры. В частности, для адаптационной модели укоренения гражданской культуры характерны демократические и социально-гуманистические ценности, находящие свое отражение в особенностях организации политической и экономической систем: федеративное государство (или унитарное государство, основанное на самоуправлении административно-территориальных единиц), демократический режим, идеологический плюрализм, разграничение полномочий в области государственного управления (выделение законодательной, исполнительной и судебной власти), гражданское общество и т. д. Модель доминирования базируется на антидемократических,

---

правозащитного движения в СССР // Информационный портал Полит.Ру. 2005. 5 дек. URL: http://polit.ru/article/2005/12/05/daniel1/ (дата обращения: 13.06.2012).

[1] Напрашивается историческая аналогия с имевшими место в истории СССР способами неофициального распространения художественных и других публицистических произведений, а также магнитофонных записей и т. п. в обход существующей цензуры, типа «самиздата». В частности, таким способом распространялись произведения известнейших диссидентов и «неугодных» власти деятелей искусства: А.И. Солженицына, И.А. Бродского, Н.А. Бердяева и др. См. об этом: Антология самиздата / Электронный архив самиздата. URL: http://antology.igrunov.ru/ (дата обращения: 13.06.2012). В ряду отдельных направлений проявления гражданской культуры также можно назвать примеры с развитием народного фольклора, принимающего в ряде случаев формы политического анекдота. См., к примеру: Анекдоты про СССР / Электронный сборник анекдотов. URL: http://sovietera.net/anekdot/ (дата обращения: 13.06.2012).

а в некоторых случаях и антигуманных ценностях и проявляется в следующих особенностях организации политической системы: унитарное государство, авторитарный и тоталитарный режимы и их разновидности, официальная государственная идеология или другие формы идеологического диктата, отсутствие или формальное разделение государственной власти, подавление гражданской активности населения и пр.

Митинг как самостоятельная форма воспроизводства и производства гражданской культуры может укореняться в актуальной социально-политической практике в рамках как модели доминирования, так и адаптационного сценария. Однако в зависимости от реализуемой модели ценностно-смысловые установки явления в значительной степени отличаются друг от друга. Так, в рамках адаптационной модели основная цель митинга заключается в публичном выражении собственной гражданской позиции и отстаивании общественных прав и интересов. В этом случае митинг направлен на установление конструктивного взаимодействия между институтами гражданского общества и публичной власти, учитывающей мнение собственных граждан при принятии управленческих решений. Такая ориентация протестной акции еще в большой степени актуализирует демократические и социально-гуманистические ценности, а также призывает действовать участников коммуникативного события строго в рамках действующего законодательства.

При модели «доминирования» ценностно-смысловые основания митинга в значительной степени трансформируются в связи с изначальной невозможностью установления конструктивного общественно-государственного диалога. При этом в рассматриваемом контексте представляется возможным выделить разнохарактерность митинга как коммуникативного события, который может принимать вид «инструментального» или «открытого» события. В первом случае он представляет собой инструмент политической борьбы и пропаганды. Как следствие, на гносеологическом уровне имитируемой гражданской культуры возникают различные вариации митинга: торжественный, траурный, проправительственный и пр. Цель подобного рода мероприятий, как правило, ограничивается поддержанием имиджа государственной власти как среди населения, так и в рамках мирового сообщества. В результате, ценностно-смысловая ориентация мероприятия носит эгалитарно-пропагандистский характер, а основу этического уровня гражданской культуры начинают составлять официальный идеологический контент и «подпольные» культурно-художественные движения. Второй вид митинга – «открытый», является адаптационным по сути своего укоренения, но проявляется в условиях модели «доминирования». Появление подобных протестов связано с актуализацией социокультурных тенденций ввиду переизбытка «доминантного» давления выше допустимых пределов. Данный вид митинга характеризуется динамичностью, неустойчивостью и способностью трансформироваться в более агрессивные формы

протеста, вплоть до революций и гражданских войн, полностью ликвидирующих сложившуюся социально-политическую практику. В итоге происходит кардинальное переосмысление фундаментальных основ гражданской культуры посредством проявления и укоренения новых коммуникативных форм, адаптирующих предыдущий формат общественно-государственного взаимодействия под актуальные социокультурные тенденции.

В заключение представляется необходимым отметить, что гражданская культура, реализуемая через многообразие социально-политических коммуникаций, создает ценностно-смысловую и практическую основу для становления, развития и функционирования гражданского общества. Воспроизводимая по адаптационному сценарию, гражданская культура предопределяет благоприятные условия для формирования и развития гражданского общества – активного субъекта социально-политических отношений. Иной вариант наблюдается в условиях превалирования государственного мировоззрения, ограничивающего сферу проявления гражданской инициативы. В контексте будущих социокультурных изменений проблема формирования гражданского общества в современной России приобретает особое значение, так как от выбора адаптационного или доминантного формата общественно-государственного взаимодействия зависит определение историко-культурного вектора страны, реализуемое в пространстве динамичной гражданской культуры.

Раздел четвертый

ОБРАЗОВАНИЕ И ВОСПИТАНИЕ: КАДРОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ И СФЕРЫ КУЛЬТУРЫ

Коротеева О.В.
(Москва)

КАДРОВЫЕ РЕСУРСЫ ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ «ОСНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ»: ТЕЗИСЫ О ГЛАВНОМ

Человеческий потенциал культурной политики диалога. Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента РФ 24.12.2014 года, закладывают базу для новой культурной политики, основанной на консолидации усилий, во-первых, всех включенных в процесс органов власти, во-вторых, представителей некоммерческого сектора и бизнес-сообщества. Фактически требуется развитие управленческого, межведомственного, межуровневого, межотраслевого и межсекторного, а также межкультурного, межпоколенческого диалога. Только такой диалог может стать драйвером формирования общероссийского единства, социальной солидарности и сплоченности как целевых результатов реализации Основ государственной культурной политики. Данные направления диалога должны быть проработаны и закреплены в форме механизмов в рамках формирующейся сегодня Стратегии государственной культурной политики, а также найти свое отражение на уровне нормативно-правового регулирования государственной культурной политики в разрабатываемом Законе о культуре.

Важную роль для повышения эффективности реализации государственной культурной политики также играет развитие общественного диалога. Требуется наладить взаимодействие общественных палат и общественных советов органов власти, а также взаимодействие между общественными советами органов власти, включенными в процесс исполнения Основ культурной политики по контролю исполнения задач, поставленных руководством страны в области культуры и реализации социокультурных программ.

Эффективное решение актуальных задач культурной политики требует объединения усилий институтов власти, общества и бизнеса, развития межсекторного партнерства и использования современных инструментов общественного контроля, информационной открытости, социального инвестирования. Сегодня в социальной сфере выработаны и эффективно используются механизмы государственно-частного и общественно-государственного партнерства, участия некоммерческих организаций и социально ориентированного бизнеса в оказании социальных услуг и оценке их качества. Существующие эффективные практики возможно распространять и тиражировать для решения задач социокультурного развития. Только консолидация гражданских инициатив, поддерживающих диалог власти и общества, укрепит

солидарность как условие для развития каждого человека и реализации его прав в культуре.

Расширение компетенций и закрепление новых требований к профессиональной подготовке управленческих кадров. Решение задач государственной культурной политики в контексте утвержденных Президентом Российской Федерации «Основ...» требует появления нового типа специалиста-управленца, обладающего широкими компетенциями. Во-первых, это компетенции в сфере управления процессами в сфере (но не в отрасли) культуры, базирующиеся на глубоких методологических знаниях философии культуры, философии управления, социальной философии. Во-вторых, компетенции, обусловленные вызовами информационного общества с его прозрачностью, открытостью, «информационизмом» и массовизацией социокультурных процессов. В-третьих, компетенциями, позволяющими формулировать эффективный ответ на вызовы социальной стабильности, обусловленные невысоким уровнем доверия общества к органам исполнительной и законодательной власти всех уровней, и формировать конструктивный и результативный диалог с обществом и бизнес-сообществом. В-четвертых, компетенциями, в области современных нормативно-правовых оснований обеспечения социокультурного развития и социального диалога.

Квалификационные требования к специалистам, реализующим концепцию культурной политики. Требуется при назначении специалистов на должности руководящего состава (от заместителя начальника отдела и выше) обеспечить условия и возможности для их овладения указанными компетенциями, как ключевыми требованиями обеспечения социокультурной безопасности России. В этой связи должны быть созданы соответствующие инструменты, стимулирующие органы власти обеспечивать повышение квалификации и переподготовку управленческих кадров по профильным программам управления.

В квалификационные требования к специалистам, обеспечивающим управление социокультурной сферой в таких федеральных органах исполнительной власти, как Минкультуры РФ, Минобразования РФ, Минсвязь РФ, Минвосток РФ, Минкавказ РФ, Росмолодежь, Роспечать, Россотрудничество, Ростуризм, Роскомнадзор, ФМС, ФАДН, необходимо внести требование получения профильных управленческих социокультурных компетенций при назначении на управленческие должности. Аналогичные требования должны выдвигаться и к сотрудникам профильных органов власти на региональном и муниципальном уровнях. Также важным требованием к сотрудникам данных органов власти (федерального, а также регионального и муниципального уровней) должно стать знание системообразующих документов в области создания и реализации Основ и Стратегии государственной культурной политики. Кроме того, базовым элементом перечня квалификационных требований к кадрам государственной гражданской службы должны стать обязательные требования по владению знаниями и навыками в области

взаимодействия с СО НКО, а также в области реализации программ их поддержки, внедрения технологий и механизмов информационной открытости и осуществления общественного контроля, в т. ч. реализации независимой оценки оказания социальных услуг.

Основы и Стратегия государственной культурной политики развивают базу формирования новой культуры управленческого диалога с обществом, основанной на гуманистическом мировоззрении, внимании к нуждам человека и общества, умении вести целенаправленный, человеко- и социоориентированный диалог по всем линиям межведомственного и межуровневого взаимодействия, что, безусловно, требует глубочайших гуманитарных компетенций государственного и муниципального служащего, формирования у него гуманистического мировоззрения и гуманистических человекоцентрированных убеждений.

Ерохина Т.И.
(Ярославль)

«ГРАНИЦЫ» И «ГРАНИ» КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ В ФГОС ВО И «ОСНОВАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ»[1]

Культурологическое образование на сегодняшний день занимает особое место в системе высшего образования. Сложность и неоднозначность этого положения обусловлена следующими причинами. С одной стороны, культурология и культурологическое образование занимают достаточно устойчивое положение в современном гуманитарном знании. С другой стороны, культурологическая компонента неоднократно ставилась под сомнение, вызывала споры, имеющие отношение и к культурологии как науке, и, соответственно, к культурологическому образованию. Итогом этих дискуссий стало уменьшение культурологической компоненты, которая формально не является сегодня обязательной в системе среднего общего образования и, в лучшем случае, присутствует на уровне факультативных или элективных курсов по мировой художественной культуре в школе.

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант 15-33-14106 «Целевые ориентиры государственной национальной политики: возобновление человеческого ресурса и национальные культуры (проблема Другого)».

Подобную ситуацию обнаруживаем и в системе высшего образования: культурологическое образование как самостоятельное направление недостаточно активно поддерживается государственным бюджетом. Ежегодно количество контрольных цифр приема на культурологическое образование сокращается, наличие же культурологии как самостоятельной дисциплины в высшей школе также не является обязательным и присутствует в учебных планах на уровне региональной компоненты или на уровне вариативной части.

Вместе с тем внимательный анализ современных ФГОС ВО, как, впрочем, и ФГОС ВПО третьего поколения, а также утвержденные указом президента «Основы государственной культурной политики» демонстрируют онтологическую значимость культурологического образования на разных его уровнях. Прежде всего, речь идет о полноценном и комплексном освоении компетенций, которые присутствуют в том или ином виде в ФГОС ВО.

Сразу оговоримся, что речь не идет о ФГОС ВО по культурологии, ибо, конечно, культурологическое направление, магистратура по культурологии изначально предполагают наличие специальных компетенций, составляющих базу образовательного процесса. Поэтому понятие «культурологическая компетенция» в рамках данной статьи употребляется не в значении специальная (профессиональная) компетенция, содержащаяся в ФГОС ВО по подготовке культурологов, а компетенция, содержание которой может быть оценено нами как «культурологическое», или компетенция, в значительной степени содержащая культурологическую компоненту.

Мы говорим о тех обязательных компетенциях, которые, как правило, присутствуют во всех образовательных стандартах высшего образования на двух уровнях: первый уровень – так называемые общекультурные компетенции; второй уровень – общепрофессиональные компетенции. Отметим, что в некоторых случаях культурологические компетенции обнаруживают себя и на третьем уровне – уровне профессиональных компетенций, но об этом мы скажем отдельно.

Итак, прежде всего, обратим внимание на специфику дефиниции «компетенция», которая является базовым понятием в современных образовательных стандартах. Понятие «компетенция» неоднократно становилось предметом анализа специалистов разных сфер научных интересов: философов, культурологов, педагогов, социологов, психологов. Не останавливаясь отдельно на сложности и многогранности данного понятия, возьмем за основу базовое определение, предложенное в свое время С.Е. Шишовым: «Компетенция – общая способность, основанная на знаниях, опыте, ценностях, склонности личности, которые приобретены благодаря обучению»[1]. Отметим, что подобное определение уже содержит в себе культурологическую компоненту, поскольку

[1] Шишов С.Е. Понятие компетенции в контексте проблемы качества образования // Мониторинг качества образования в школе. М.: Новая шк., 1999. С.71-92.

подчеркивает не только интегративность и междисциплинарность, свойственную культурологии как науке, но и аксиологическую, культуротворческую, гуманистическую составляющую. Не случайно А.Я. Флиер отмечает комплексный характер любой компетенции, который связан со спецификой компетентностного подхода в образовании: при освоении компетенции взаимодействуют когнитивные, эффективные навыки, мотивация, эмоциональные и ценностные установки, кроме того, компетенция предполагает совокупность знаний, умений и навыков, которые позволят индивиду справиться с различными задачами[1].

Обратимся к анализу ФГОС ВО, утвержденных на сегодняшний день или (в некоторых случаях) опубликованных в виде проектов. Сразу оговоримся, что мы не ставим перед собой задачу проанализировать все имеющиеся на сегодняшний день ФГОС ВО: выборка стандартов преследовала цель создания наиболее полной картины, а также обращение к стандартам, отражающим разные научные сферы. Такими сферами стали математика, биология, конфликтология, физическая культура, история искусств, театроведение, ландшафтная архитектура, педагогическое образование и др. Всего было проанализировано более двадцати ФГОС ВО.

Прежде всего, культурологическая оставляющая обнаружена нами в общекультурных компетенциях, таких как ОК-1 (способность использовать основы философских знаний для формирования мировоззренческой позиции), ОК-2 (способность анализировать основные этапы и закономерности исторического развития общества для формирования гражданской позиции), ОК-5 (способность к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия), ОК-6 (способность работать в коллективе, толерантно воспринимая социальные, этнические, конфессиональные и культурные различия), ОК-7 (способность к самоорганизации и самообразованию)[2].

Именно в общекультурных компетенциях обнаруживается «пограничность» и многогранность культурологических компетенций. Не умаляя значимости таких дисциплин, как философия (ОК-1), история (ОК-2), русский язык и культура речи (ОК-5), в процессе изучения которых происходит освоение указанных выше компетенций, отметим, что именно культурологическая компонента объединяет все указанные компетенции и, по сути своей, позволяет говорить о единстве и комплексном характере общекультурных компетенций. Об этом свидетельствует и данное в ФГОС ВО название указанной группы компетенций – общекультурные, поскольку культура, по утверждению М.М. Бахтина, это и есть особая «пограничная» сфера, не имеющая четких границ, но имеющая

[1] Флиер А.Я. Культурная компетентность личности: между проблемами образования и национальной политики // Обществ. науки и современность. 2000. № 2. С.151-165.

[2] Принимая во внимание, что общекультурные компетенции имеют очень незначительные расхождения в формулировках ФГОС ВО, автор не дает ссылок на конкретные стандарты, предлагая обобщенную картину.

бесконечное количество граней: «Внутренней территории у культурной области нет: она вся расположена на границах, границы проходят повсюду, через каждый момент ее, систематическое единство культуры уходит в атомы культурной жизни, как солнце отражается в каждой капле ее. Каждый культурный акт существенно живет на границах: в этом его серьезность и значительность; отвлеченный от границ, он теряет почву, становится пустым, заносчивым, вырождается и умирает»[1].

Именно в отсутствии четких границ, в пограничности, которая понимается как взаимосвязь, взаимодействие, взаимовлияние, – значимость культурологической компоненты образования. Обратим внимание на то, что все указанные выше общекультурные компетенции предполагают использование тех или иных знаний, представлений, умений (основы философских знаний, знание основных этапов и закономерностей исторического процесса, способность к коммуникации) только в качестве определенных механизмов, способов, технологий, целью которых являются формирование мировоззренческой позиции, гражданской позиции, взаимодействие, восприятие, самообразование, то есть те навыки, владение которыми позволяет говорить о наличии общекультурной компетентности. Отметим, что некоторые из указанных выше компетенций и в содержании своем предполагают культурологические знания, например, без культурологических знаний невозможно решить задачи «межкультурного взаимодействия» (ОК-5), или толерантно воспринять «социальные, этнические, конфессиональные и *культурные* (курсив мой – Т. Е.) различия» (ОК-6).

Подобная ситуация складывается и при анализе общепрофессиональных компетенций. Так, например, ФГОС ВО по физической культуре включает в общепрофессиональную компетенцию «способность воспитывать у учеников социально-личностные качества: целеустремленность, организованность, трудолюбие, ответственность, гражданственность, коммуникативность, толерантность» (ОПК-4); ФГОС ВО по политологии – «способность давать характеристику и оценку отдельным политическим событиям и процессам, выявляя их связь с экономическим, социальным и *культурным контекстом* (курсив мой – Т. Е.), а также с объективными тенденциями и закономерностями развития политической системы в целом» (ОПК-9); ФГОС ВО по физике – «способность критически переосмысливать накопленный опыт, изменять при необходимости направление своей деятельности» (ОПК-8). Таким образом, содержание общепрофессиональных компетенций также подчеркивает многогранность компетентностного подхода, заложенного в культурологии как аксиологической системе.

Еще более показательно содержание ряда профессиональных компетенций, в основе которых, несмотря на специализацию и присутствие обязательных сложных профессиональных знаний, умений, навыков, подчеркивается общегуманитарная, социокультурная,

[1] Бахтин М.М. 1961 год. Заметки // Собрание сочинений: Т. 5. М: Русские словари, 1996.

межкультурная составляющая. Так, мы обнаруживаем значительную культурологическую компоненту в тех профессиональных компетенциях, которые призваны сформировать культурно-просветительский вид профессиональной деятельности. Например, такой вид деятельности формируется в процессе освоения стандарта педагогического образования («способность разрабатывать и реализовывать культурно-просветительские программы для различных категорий населения, в том числе с использованием современных информационно-коммуникационных технологий» (ПК-8); «способность профессионально взаимодействовать с участниками культурно-просветительской деятельности» (ПК-9); «способность к использованию отечественного и зарубежного опыта организации культурно-просветительской деятельности» (ПК-10); «способность выявлять и использовать возможности региональной культурной образовательной среды для организации культурно-просветительской деятельности» (ПК-11)); физкультурного образования («способность применять методы и средства сбора и обобщения информации о достижениях физической культуры и спорта в ее историческом развитии, приемы агитационно-пропагандистской работы по привлечению населения к занятиям физкультурно-спортивной деятельностью» (ПК-31); «способность формировать через средства массовой информации, информационные и рекламные агентства общественного мнения о физической культуре как части общей культуры и факторе обеспечения здоровья» (ПК-33)). Кроме того, присутствие культурологической компоненты мы обнаруживаем во всех ФГОС ВО, относящихся к группе гуманитарных наук, будь то журналистика, филология, реклама, лингвистика, история искусств и т. д.

Снова отмечу, что культурология не претендует на роль метанауки, но потенциал культурологического знания, обусловленный «пограничным» состоянием предмета культурологии (культуры) и многогранностью культурологической методологии, несомненно, обнаруживает себя во многих компетенциях, присутствующих в современных ФГОС ВПО и ФГОС ВО.

Наконец, утвержденные Указом Президента Основы государственной культурной политики также свидетельствуют не только о значимости культурной политики как таковой для государства, но и о значимости культурологической компетентности современной личности.

В целом, построение Основ государственной культурной политики требует особого внимания. Можно соглашаться или вступать в дискуссию с отдельными определениями или формулировками, но даже понятийный аппарат, представленный в Основах государственной культурной политики в разделе II «Основания для выработки государственной культурной политики», предлагает своего рода тезаурус, содержащийся в учебных пособиях по культурологии[1]: «культура», «культурная

[1] Указ Президента РФ от 24.12.2014 № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» // http://library.stu.ru/files/Ykaz_Presidenta_N_808.pdf.

политика», «культурная деятельность», «духовная сфера», «менталитет, ментальность российского народа», «культурное наследие», «творческие индустрии». А обозначенные в разделе VI «Задачи государственной культурной политики», сформулированные по областям деятельности и знаний (в области культурного наследия, в области осуществления всех видов деятельности, в области гуманитарных наук, в области воспитания, просвещения и т. д.), тесным образом взаимосвязаны с культурологическими компетенциями, о которых говорилось выше. Так, к числу задач подобного рода относятся, например, «утверждение в общественном сознании ценности накопленного прошлыми поколениями исторического и культурного опыта как необходимого условия для индивидуального и общего развития», «формирование базовых навыков восприятия и создания произведений искусства в процессе общего образования, повышение доступности дополнительного образования в сфере искусств», «приоритетное развитие гуманитарных наук как наук о человеке, его духовной, нравственной, культурной и общественной деятельности», «проведение необходимых фундаментальных и прикладных исследований в сфере гуманитарных наук», «повышение качества подготовки научных и научно-педагогических кадров в сфере гуманитарных наук» и т. д.[1]

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что культурологические компетенции или, как было отмечено выше, компетенции, содержащие культурологическую компоненту, являются онтологически значимыми в современном образовании и развитии современного общества. Освоение подобных компетенций является обязательным требованием всех ФГОС ВО и реализуется на разных уровнях: уровне общекультурных компетенций, общепрофессиональных и профессиональных. Обязательность и значимость данных компетенций обусловлена спецификой культурологического знания, которое предполагает *отсутствие «границ»* и *наличие многогранности* в содержании (знании), умениях и навыках, предъявляемых к выпускнику. Подтверждением требований современного общества к культурологической компетентности индивида стало принятие Основ государственной культурной политики, задачи которых также имеют интегративный, междисциплинарный и культурологический характер.

На основе проведенного анализа, считаем целесообразным:

— выступить с инициативой поддержки на государственном уровне развития культурологического образования, в том числе развития прикладных исследований в сфере культуры;

— в свете реализации Основ государственной культурной политики усилить культурологическую образовательную компоненту в высшей и общеобразовательной школах, за счет введения обязательных культурологических дисциплин, которые будут реализованы с учетом специфики региональной культуры.

[1] Там же.

Муромцева Г.А.
(Ульяновск)

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ ЧЕРЕЗ ОБРАЩЕНИЕ К РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Патриотическое воспитание молодежи и формирование у людей чувства причастности к своей малой родине – это задача, актуальная для каждого государства и для каждого региона. Сейчас это «одна из самых волнующих проблем», по поводу которой «создано и реализуется множество проектов во всех субъектах Российской Федерации»[1].

Однако в настоящее время, по мнению многих экспертов, устарели те механизмы и формы работы, благодаря которым формируется активная гражданская позиция и воспитываются патриотические чувства. Поэтому особенно важно сегодня выработать **инновационные подходы** для трансляции этих идей, чтобы они звучали на **том языке и теми средствами, которые понятны сегодняшним слушателям и зрителям.**

Ульяновская область – регион, который не раз заявлял о себе на федеральном уровне, благодаря своим инновационным подходам к осмыслению проблем государственной культурной политики. В то же время на территории региона уже реализуется несколько крупных проектов, направленных на патриотическое воспитание молодежи, которые в понятной и доступной для восприятия форме, используя современные, актуальные формы работы с молодежью, пропагандируют историю Симбирского края и рассказывают о его великих уроженцах. Симбирская земля богата своими традициями, именами великих людей, прославивших не только свою малую родину, но и всю Россию. У тех людей, кто здесь побывал, регион ассоциируется с «выдающимися деятелями культуры – писателем Иваном Гончаровым, историком Николаем Карамзиным, художником Аркадием Пластовым и, конечно, известным политическим деятелем Владимиром Ульяновым»[2]. Это несомненный ресурс и источник воспитания чувства гордости за свой край, за свою страну.

Основная задача подобного рода проектов – связать традицию и современность. Многие эксперты считают, что сегодня при реализации

[1] См.: Международный культурный форум в Ульяновске: инициатива, партнерство, развитие. Выпуск 2. (сборник информационных и аналитических материалов) / Под общ. ред. Астафьевой О.Н. Ульяновск, 2014. С. 45.

[2] Международный культурный форум в Ульяновске: инициатива, партнерство, развитие (сборник информационных и аналитических материалов) / Под общ. ред. Астафьевой О.Н. Ульяновск, 2013. С. 6.

государственной культурной политики **необходимо делать акцент на традициях, преемственности, связи прошлого и настоящего для формирования платформы будущего**. Данная тенденция остро наметилась при реализации программ в рамках Года культуры в Российской Федерации в 2014 году, который, по мнению политиков, был «признан стать годом подлинного просветительства, обращения к нашим культурным корням, вопросам патриотизма, нравственности и морали»[1].

Традиция – это корни, а корни – это идентичность. Через традицию запускается процесс самоидентификации – связывания себя с конкретным местом, регионом, страной.

Из множества проектов, реализуемых на территории Ульяновской области, рассмотрим проекты, наиболее ярко демонстрирующие, с одной стороны, внимательное, аккуратное, бережное отношение к традиции, к истории родного края, к именам знаменитых земляков и, с другой, – необычные формы, приемы, подходы, которые используются организаторами, чтобы привлечь внимание к давно известным фактам и сюжетам. Большинство этих проектов инициировано Министерством искусства и культурной политики Ульяновской области (более подробную информацию см. на сайте: www.ulmincult.ru) и поддержано Фондом «Ульяновск – культурная столица» (более подробную информацию см. на сайте: www.ulkul.ru) – институтом развития в сфере культуры региона. Таким образом, решается поставленная задача – рассказать о знакомом, традиционном так, чтобы было не только понятно и интересно, но и вызывало чувство гордости и неповторимости, уникальности места, где человек живет.

Год Литературы в Российской Федерации[2] позволил специально вынести в центр внимания ряд событий, связанных с именами великих земляков, по существу, привлечь внимание к программам национального масштаба, реализуемым на территории Ульяновской области. Они посвящены **200-летию великого русского писателя И.А. Гончарова** в 2012 году и **250-летию российского историка и литератора Н.М. Карамзина** в 2016 году[3].

---

[1] Стратегические направления развития законодательства о культуре (сборник материалов по итогам выездного совещания Комитета Государственной Думы РФ по культуре в г. Ульяновске 27 марта 2014 г.). Ульяновск, 2014. С. 5.

[2] Указ Президента РФ от 12.06.2014 № 426 «О проведении в Российской Федерации Года литературы» / [Официальный интернет-портал правовой информации]. Режим доступа: http://pravo.gov.ru:8080/page.aspx?105500 (дата обращения 25.08.2015); Распоряжение Губернатора Ульяновской области от 11.07.2014 № 291-р «О проведении в Ульяновской области Года литературы в Российской Федерации» / [Официальный сайт Министерства искусства и культурной политики Ульяновской области]. Режим доступа: http://ulmincult.ru/assets/files/FILES/2014/sndt215f.pdf (дата обращения: 25.08.2015).

[3] Указ Президента РФ от 3.04.2007 № 436 «О праздновании 200-летия со дня рождения И.А. Гончарова» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 15. Ст. 1789; Указ Президента РФ от 23.08.2010 № 1052 «О праздновании 250-летия со дня рождения Н.М. Карамзина» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 35. Ст. 4546; Распоряжение Правительства РФ от 14.04.2007 № 454-р «О подготовке и проведении празднования 200-летия со дня рождения И.А. Гончарова»: в ред. Постановления Правительства

Центральные мероприятия празднования 200-летия И.А. Гончарова проходили в Ульяновской области в июне 2012 года. Важнейшим событием юбилейных торжеств стало о**ткрытие Историко-мемориального центра-музея И.А. Гончарова** во вновь отреставрированном здании дома, в котором жил великий русский писатель и который сейчас является научным и общественным центром, посвященном его творчеству.

В рамках юбилейных торжеств состоялось заседание **V Международной научной гончаровской конференции**, впервые проведен **форум литературных музеев** России и стран ближнего зарубежья «Современные тенденции в развитии литературных музеев», куратором которого выступил Государственный литературный музей (г. Москва). В юбилейные дни в Ульяновске состоялась очередная **Церемония вручения Литературной премии, посвященной 200-летию И.А. Гончарова**, на которую приехали также и лауреаты премии прошлых лет. Ульяновцы и гости города смогли принять участие в **XXXIV Всероссийском гончаровском празднике,** на котором выступили ученые, писатели, поэты, театральные и музыкальные коллективы.

Почетными гостями юбилейных торжеств стали потомки сестер И.А. Гончарова из Москвы, Нижнего Новгорода, Казани, а также потомки старшего брата писателя – семья Симон из Франции.

Всего участниками и зрителями юбилейных мероприятий, стали **более 25000 человек** – жителей Ульяновской области и гостей из других регионов России.

В преддверии юбилейного 2016 года в Ульяновской области реализуется проект «**Декада отечественной истории**»[1]. Он включает в себя обширную программу мероприятий, нацеленных на изучение и популяризацию отечественной истории и ее выдающихся представителей. Это **Всероссийская научно-практическая конференция «Карамзинские чтения»**, **Всероссийский фестиваль исторической книги «Достояние времени», Международный театральный фестиваль «История государства Российского. Отечество и судьбы»**. В 2013 году фестиваль проводился впервые – одной из его главных тем стало возрождение интереса к основам русского православия и духовности.

РФ от 22.05.2008 № 379 (СЗ РФ, 2008, № 21, ст. 2461); распоряжений Правительства РФ от 10.11.2008 № 1645-р (СЗ РФ, 2008, № 46, ст. 5375), от 17.08.2010 № 1375-р (СЗ РФ, 2010, № 34, ст. 4512) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 17. Ст. 2097; Распоряжение Правительства РФ от 10.06.2011 № 1020-р «О Плане основных мероприятий по подготовке и проведению празднования 250-летия со дня рождения Н.М. Карамзина»: в ред. распоряжения Правительства РФ от 30.05.2014 № 935-р (СЗ РФ, 2014, № 23, ст. 3044) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 25. Ст. 3651; Распоряжение Правительства Ульяновской области от 08.02.2012 № 67-пр «О подготовке и проведении мероприятий, посвященных празднованию 250-летия со дня рождения Н.М. Карамзина» / [Официальный сайт Министерства искусства и культурной политики Ульяновской области]. Режим доступа: http://ulmincult.ru/assets/files/FILES/Law/Project/67pr.pdf (дата обращения 25.08.2015).

[1] Постановление Губернатора Ульяновской области от 28.08.2008 № 63 «О Дне отечественной истории»: в ред. Постановления Губернатора Ульяновской области от 20.03.2014 № 32 (Ульяновская правда, 2014. № 43. С. 3) // Ульяновская правда. 2008. № 71.

Эта тема была затронута Российским академическим молодежным театром в спектакле «Ксения Петербургская». Международный компонент фестиваля был представлен участием Ереванского театра юного зрителя со спектаклем «Я-Чайка». В 2014 году фестиваль успешно прошел во второй раз, в его рамках состоялась премьера спектакля «Бедная Лиза» по повести Н.М. Карамзина.

«12 декабря, в день рождения Н.М. Карамзина, проходит **«Историческая ночь в музее»** – региональная акция, в ходе которой музеи Ульяновской области открывают свои двери для бесплатного посещения ставшей уже традиционной арт-акции. В течение всего мероприятия ежегодно для детей всех возрастов в музейных залах работают интерактивные площадки»[1].

Декада Отечественной истории также включает в себя многочисленные **публичные лекции** ульяновских и российских ученых и краеведов. **Мемориальная экспозиция «Карамзинская общественная библиотека» проводит Дни открытых дверей** и приглашает познакомиться с уникальными коллекциями редких книг и книжных памятников, хранящихся в фондах библиотеки.

В ходе Декады ежегодно проходят акции под девизом **«Читаем Карамзина».** Рекламные листовки с цитатами Н.М. Карамзина и высказываниями о нем современников, распространяемые волонтерами на улицах и в общественных местах города, приглашают ульяновцев посетить мероприятия Декады. Все желающие участвуют в акции «открытый микрофон», читают фрагменты произведений великого земляка, строки из прозы, стихи, цитируют его до сегодняшнего дня актуальные мысли.

Основные партнеры проекта – Союз писателей России, Российский Союз профессиональных литераторов, Общественная палата Ульяновской области, Симбирская епархия, Российский Фонд культуры, Некоммерческий Фонд «Пушкинская библиотека», Российская библиотечная ассоциация, Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина, Российская национальная библиотека, Совет ректоров вузов Ульяновской области.

Интересен необычностью подхода к традиционной теме проект **«Карамзинская театральная школа».** «Сегодня театр – это не только учреждение культуры, это часть кластера творческих индустрий Ульяновской области»: здесь работает фото-видео студия по производству театральной рекламы, фильмов и тезисов о театре, организована дизайн-лаборатория, проводятся различные акции.

В 2014 году Ульяновский драматический театр имени И.А. Гончарова приступил к реализации образовательных проектов, основной базой

[1] Распоряжение Правительства РФ от 14.04.2007 № 454-р «О подготовке и проведении празднования 200-летия со дня рождения И.А. Гончарова»: в ред. Постановления Правительства РФ от 22.05.2008 № 379 (СЗ РФ, 2008, № 21, ст. 2461); распоряжения Правительства РФ от 10.11.2008 № 1645-р (СЗ РФ, 2008, № 46, ст. 5375), от 17.08.2010 № 1375-р (СЗ РФ, 2010, № 34, ст. 4512) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 17. Ст. 2097.

для которых стала Карамзинская театральная школа. Ее существование предоставляет театру дополнительные возможности для участия в грантах, поиска спонсоров и меценатов, словом – привлечения дополнительных средств для развития и реализации своих проектов. Благодаря появлению школы, созданы новые рабочие места для преподавателей творческих специальностей, разработаны авторские просветительские программы по актерскому мастерству, деловому этикету, риторике, хореографии для детей и взрослых. Для слушателей курса в качестве благотворительных промоакций организованы спецпоказы спектаклей, тематические экскурсии по театру, мастер-классы с приглашением экспертов из других регионов. Организованы творческие встречи с режиссерами, авторами пьес, художниками спектаклей, открытые репетиции.

Деятельность школы уже высоко оценена в рамках Областного образовательного форума российскими экспертами по дополнительному образованию, этот опыт стал интересен на федеральном уровне. Карамзинская школа работает как социальноориентированная некоммерческая организация и принимает добровольные целевые взносы и пожертвования, а также участвует в грантовых конкурсах.

Партнеры проекта – Союз театральных деятелей РФ, Институт им. Гете, Фонд «Ульяновск – культурная столица», Академия «Креаполье», Ульяновский государственный университет, Центр поддержки НКО.

В сентябре 2015 года в рамках Пятого Международного культурного форума «Креативный регион – сильная страна» (подробную информацию см. на сайте: www.forum.ulkul.ru) состоится Межрегиональная творческая лаборатория «Воспитание традицией». Это еще одно мероприятие, которое является интересным примером проекта, суть которого – обращение к патриотическим чувствам через традицию и историю.

Программа лаборатории «Воспитание традицией» включает в себя пленарное заседание, круглые столы, мастер-классы, выставки, направленные на сохранение и развитие фольклорных традиций России, на повышение уровня профессионального мастерства участников и актуализацию народного творчества в культурно-досуговых учреждениях страны. В рамках творческой лаборатории будет организована презентационная площадка «Лучшие практики российских регионов в сфере традиционной народной культуры». Сегодня в связи с отсутствием жестких рамок в деятельности домов культуры открываются новые возможности для развития, поскольку очевидно, что будущее за междисциплинарными форматами деятельности. Эти и другие темы будут подняты в рамках лекций и круглых столов, организованных в рамках лаборатории.

Крупные сетевые проекты – эффективный механизм реализации культурной политики. Среди тех проектов, которые обращают на себя особое внимание в продвижении не только региональной, но и российской идентичности – областной межведомственный творческий проект **«Двенадцать симбирских литературных апостолов»** и региональный сетевой проект **«Архивы: время, события, лица».** ««12 симбирских

литературных апостолов» – просветительский проект, нацеленный на изучение и популяризацию жизни и творчества лучших представителей симбирской-ульяновской словесности, продвижение классической литературы, развитие литературного наследия региона, возвращение интереса к чтению, защиту русского языка и русской культуры»[1].

«12 симбирских литературных апостолов» – это 12 писателей, так или иначе связанных с нашим краем: местом рождения, проживанием, профессиональной и творческой деятельностью. Все они занимают достойное место в симбирской словесности. Многие из 12 выдающихся писателей-земляков вошли в золотой фонд русской литературы.

Среди них – поэт, лауреат Государственной премии России им. Горького Николай Благов, поэт, переводчик, фольклорист, общественный деятель Д.П. Ознобишин, выдающийся поэт-лирик Н.М. Языков, русский сказочник, положивший начало целой галерее мастеров-сказителей русской сказки А.К. Новопольцев, поэт, переводчик, собиратель русского фольклора, историк литературы Д.Н. Садовников, великий русский романист И.А. Гончаров, поэт-воин, герой Отечественной войны 1812 г., создатель военно-исторической прозы Д.В. Давыдов, поэт, прозаик и этнограф А.А. Коринфский, мемуарист, критик, журналист С.Т. Аксаков, поэт-сатирик, журналист, переводчик, критик Д.Д. Минаев, писатель, историк, журналист, критик Н.М. Карамзин.

В течение года, реализуя проект, его организаторы и участники возвращают в современную жизнь выдающиеся имена писателей-земляков, вновь знакомятся с ними, включаются в непрерывный процесс чтения, благодаря проектам, конкурсам, литературным вечерам и встречам, кинопоказам и театральным постановкам и т. д.

Проект построен так, что каждый месяц Ульяновская область «проживет» с именем писателя-симбирянина. Это имя будет символом месяца, оно будет звучать и в сочинении школьников, и в мелодекламациях ведущих мастеров сценического искусства, его будет интересно открыть, участвуя в конкурсах и конференциях, в Интернет-голосованиях и литературных турнирах.

В завершение проекта состоится торжественное закрытие российского Года литературы в Ульяновской области, что совпадет с завершением этого проекта. Событие пройдет с участием известных российских писателей, актеров и передаст эстафету Году 250-летия Н.М. Карамзина.

Таким образом, в течение года создается единое литературное пространство, отмеченное включенностью в него каждого жителя Ульяновской области, людей разных возрастов и профессий, и не только в качестве зрителей, но и как участников.

Партнеры проекта: Союз писателей России, Общественная палата Ульяновской области, Симбирская епархия, Совет по продвижению

[1] Лучшие региональные практики в сфере культуры Ульяновской области / Под общ. ред. Муромцевой Г.А., Пушкаревой А.А. Ульяновск, 2015. С. 14-15, 20, 12, 4 и др.

чтения и поддержке книгоиздания Ульяновской области, Российская библиотечная ассоциация, Содружество библиотек им. Сергея Михалкова, Ассоциация библиотекарей общеобразовательных организаций Ульяновской области, Министерство образования и науки Ульяновской области.

В 2012 году был разработан и принят к реализации региональный сетевой проект **«Архивы: время, события, лица»[1].** Проект представляет собой комплекс долгосрочных мероприятий, направленных на популяризацию исторического прошлого Симбирской губернии – Ульяновской области, проведение научных исследований на основе подлинных архивных документов, вовлечение жителей Ульяновской области в формирование Архивного фонда Ульяновской области, воспитание патриотизма и любви к своей малой Родине у подрастающего поколения. Сроки реализации проекта: 2013-2023 годы. «Определяющий вектор реализации проекта – общероссийские памятные даты, памятные даты Симбирской губернии – Ульяновской области, юбилеи выдающихся земляков».

За 2014 год историко-краеведческая, исследовательская работа приобрела системный характер, скоординировала научный и творческий потенциал музеев, архивов, вузов, библиотек на всем культурном пространстве области. Подъем краеведческой работы отмечается в отдельных городских и сельских поселениях области. Членами историко-архивной комиссии проведено более 140 мероприятий, проводилась образовательная работа с учащимися общеобразовательных, средних специальных и высших учебных заведений Ульяновской области. Впервые в 2014 году был проведен конкурс профессионального мастерства среди специалистов государственных и муниципальных архивов.

В рамках проекта подготовлены и изданы: сборник документов «Культура Симбирского – Ульяновского края», книга «70 лет служения истории» ОГБУ «ГАНИ УО», состоялись их презентации. Государственный архив Ульяновской области в декаду Отечественной истории презентовал пользователям сборник документов и материалов «Симбирские люди в Отечественную войну 1812 года» и подготовленные по документам архива наборы открыток «Живопись и графика в Государственном архиве Ульяновской области».

2015 год – год празднования 70-летия Победы в Великой Отечественной войне. В преддверии этого события архивистами был разработан и подготовлен к изданию календарь «Ульяновцы на полях Великих сражений. 70-летию Победы посвящается…». К 9 мая планируется выход сборника документов, посвященного Ульяновской области в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

---

[1] Постановление Правительства Ульяновской области от 25.07.2014 № 321-П «О создании историко-архивной комиссии по разработке и реализации проекта «Архивы: время, события, лица»»: в ред. Постановления Правительства Ульяновской области от 12.05.2015 № 189-П (Ульяновская правда, 2015. № 64) // Ульяновская правда. 2014. № 110.

Результатами проекта стали повышение интереса жителей Ульяновской области к изучению историко-документального наследия Симбирской губернии – Ульяновской области, пополнение Архивного фонда, сохранение документов личных коллекций выдающихся деятелей региона, ликвидация пробелов в научном исследовании истории региона, подготовка книги «1000 городов и селений Симбирского – Ульяновского края».

Партнерами проекта стали Ульяновская региональная общественная организация общество «Знание» России, Ульяновское областное отделение Русского географического общества, Ульяновское отделение Военно-исторического общества.

На примере конкретных проектов были подробно рассмотрены некоторые технологии работы с широкой аудитории через новые формы культурной активности. Таким образом, реализация проектов, направленных на патриотическое воспитание, может осуществляться не только в формате классных часов в школе или лекций в университете, а через обращение к исторической памяти, через имена тех великих людей, которые не могут не вызвать чувство гордости у любого жителя нашей страны. В этом контексте культура обладает огромным потенциалом и представляет собой реальный ресурс для решения задач общегосударственной значимости.

Беспалова Т.В.
(Ростовская область)

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ГРАЖДАН В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОГО КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: РУССКО-ЯКУТСКИЙ ДИАЛОГ

В который раз за последние годы я вспоминаю историю-притчу о том, как 55 лет тому назад профессор Сергей Михайлович Бонди обратился к нам, первокурсникам Московского Университета, с трибуны Коммунистической аудитории на Моховой.

– Вы филологами хотите стать?
– Да! – дружно загудели мы.
– А вы «Капитанскую дочку» читали?
– Читали, – с воодушевлением выдохнула аудитория.
– А скажите мне, Пугачев – патриот?
– Патриот!
– А капитан Миронов патриот?
Несколько слабее, но все-таки хором мы ответили:
– Патриот!
– Но в таком случае, если вы желаете стать настоящими филологами, – коварно завершил профессор свой разговор с нами, – вам придется ответить на главный вопрос гениальной повести: почему один патриот повесил другого патриота?! – И торжествующий пушкинист ушел на перерыв, оставив вчерашних десятиклассников в полной растерянности. А на дворе еще стояло сталинское время…
(С. Куняев)

Одной из важнейших проблем формирования патриотизма в Якутии выступает взаимодействие чувства любви к малой родине («улусный» патриотизм) с государственным и гражданским типом идентификации. Как преодолеть сложность культурного диалога в образовательных процессах в эпоху трансформации российского общества? Как избежать политизации патриотизма и использовать его консолидирующие свойства в рамках диалога «власть-общество»? Каким образом **политическое время** влияет на интерпретацию патриотизма в русской классической литературе и в целом на культурно-образовательные процессы?

Проблема формирования ценности патриотизма в современном российском обществе имеет несколько измерений:

— идеократическое – связано с концептуальной трактовкой ценностного содержания патриотизма;

— социокультурное – отражает специфику патриотических практик в России и запрос общества на определенный тип патриотизма;

— политико-правовое – определяет условия легитимации и легализации патриотизма, формы его институционализации.

Легитимация культурных ценностей в политике задает критерии в восприятии исторической событийности России и ее различной интерпретации в образовательном процессе. Патриотизм как форма социокультурной идентификации общества предстает сложным явлением и обладает сильнейшими интегративными/деструктивными свойствами. Проявление деструктивных процессов в культурно-образовательной среде вполне может происходить под лозунгами активного патриотического воспитания молодежи, в связи с чем требуется серьезный подход к выработке культурно-образовательных стандартов в рамках поиска гармоничного развития якутской культуры в контексте русской. Интегративная значимость патриотизма имеет приоритетную роль в процессе выстраивания русско-якутских отношений. «Русский якут» как феномен возникает не случайно и отражает смысл «повседневного»

самобытного патриотизма, который немыслим без соприкосновения с русской культурой, языком, общей историей.

В период трансформации российского общества возникает необходимость в определении патриотизма как ценности, идеологии, технологии, требующей выработки содержательной значимости истинного патриотизма в контексте духа времени и его пространственной обусловленности. Пространство и время выступают определяющими характеристиками русского патриотизма, его значимости в процессе развития российской государственности и, в целом, формирования русской православной цивилизации. Идеология государственного патриотизма России предусматривает целостное развитие якутской культуры, что подтверждается длительной историей русско-якутских отношений.

Специфика якутского патриотизма в особом восприятии мира под влиянием традиционных верований. Каждый народ по-своему любит, страдает, грешит, любуется красотой, празднует, хоронит – якутский народ не является исключением. Якутская героика имеет различные облики, наиболее ярким представляется фигура В. Федорова (Манчары). Якутский эпос воспевает ценность родины в совершенно особых формах. Олонхосуты отразили борьбу добра и зла, защиту семьи и интересов улуса. Таким образом, якутская культура обуславливает специфику проявления патриотизма якутов как яркого самобытного явления в рамках приоритетности гражданской солидарности с русским и другими народами России.

Гражданская солидарность в реализации Основ ГКП может быть достигнута при обозначении ряда условий:

Признание государствообразующего статуса русского народа, значимости русской культуры и языка для якутов в процессе вхождения в общее цивилизационное пространство России.

Признание ценности якутской культуры в процессе дальнейшего выстраивания русско-якутских отношений. Отказ от любых проявлений регионального якутского патриотизма вне его взаимосвязи с государственным патриотизмом. Взаимное уважение культурных ценностей и патриотический диалог государственных и региональных политических элит.

Выработка общих культурно-образовательных стандартов в осмыслении истории России, героики, символики и патриотических практик.

Кокшенева К.А.
(Москва)

РОЛЬ СЕМЕЙНЫХ ТРАДИЦИЙ В РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

Русское отцовство и лад традиционной жизни

Воспитание в традиционной семье есть одно из условий становления личности. Личности, которая чувствует и понимает свою связь тысячами нитей с отечеством, народом и государством. Никакие госзадачи культурной политики не решить, если в человеке не будут сформированы потребности в высоком культурном статусе. А формировать эти потребности может и обязана семья.

Мы часто говорим о материнстве, но сегодня не менее важно говорить об отцовстве.

«Безотцовщина» – какой горечью, каким бесконечным сиротством отдает это слово. Безотцовщина детей войны, когда отцы ушли на фронт защищать родину от фашистов и не вернулись домой, – эта безотцовщина тоже была страшно тоскливой, но оправданной, заставлявшей сыновей взрослеть и гордиться своими отцами. А вот понять нынешний модный тренд на безотцовщину – на «рождение ребенка для себя» – это понять и принять трудно, потому как значит это сознательный отказ ребенку в полноте органической, богоустановленной жизни. Нет, воспитать детей без мужа нельзя, как не напитать дерево только, допустим, солнцем, но без воды.

Атмосфера добра вокруг дитяти считалась у русских просто обязательной. В русских семьях младенцев не воспитывали, а **пестовали.**

Маленький человек еще не может говорить, еще не понимает слов, но он уже знает любовь и понимает ее, и реагирует на нее. Любовь изначальна – она прежде речи! Он знает любовь матери – ласково-нежную. Он знает любовь отца – ласково-оберегающую. Через отца к мальчику приходило и приходит познание мужского мира: физические нагрузки в труде определялись отцом, в играх – матерью. Любящий отец не насаждал своей волей и силой хороших привычек и усердия. Личный пример жизненного ежедневного бытового поведения деда, отца, взрослого брата все время стоял перед внутренним взором мальчишки и подростка. Он и впитывался лучше, чем слова.

Вспомним, как дети жаждут подражать: подражают они с удовольствием и тому, как сидеть за столом, и тому, как работать, и тому, что говорят взрослые в тех или иных ситуациях. Но и мудрая мать всегда не преминет между делом напомнить ребенку об авторитете отца: «Папа тебя похвалит!» или «Нет, папа этого не одобрит». Многие мемуары сохранили нам примеры воспитания трудом крестьянских

детей – физический «черный» труд очень полезен и просто необходим мальчикам, а мы от него оберегаем их даже тогда, когда уже город и так лишил мужчину необходимых его природе физических трудовых радостей. Труд на земле физический – это и гимнастика для ума мужчины. Труд на земле – это великая школа тысячелетнего труда отцов и дедов. В хорошей семье не было принято заставлять детей силой делать то, что они не хотят. Но отец умел заинтересовать сына, пробудить в нем самом желание делать нужное, постепенно укрепляя навыки и увеличивая нагрузки. Так поступал его отец с ним, а еще прежде – его дед. Проблема «отцов и детей» – это уже проблема идейная. В традиционных русских семьях о ней не знали – отношения пронизывали тысячи связей: духовно-нравственных и хозяйственно-экономических.

Постепенно расширялись границы мира: от колыбели (или кроватки) к комнате с ее странными предметами (у крестьянского ребенка, в сущности, было два пространственно-смысловых запретных места, не допускающих баловства и игры: его долго не пускали к бабушкину сундуку, да еще к божнице, – местам особенным, заповедным). Так и вырастал мир вместе с ребенком: от дома к улице, от улицы – к деревне.

Вспомним русскую литературу, запечатлевшую этот первый для мальчишки или девчонки ночлег за пределами дома (ночное, например), или первый поход в гости! Каждый из нас хранит эти важные сердцу воспоминания. Неуловимая прелесть реальности открывается именно в этот момент, когда что-то случается «впервые»: впервые поехал с отцом в настоящий лес, впервые поехал с дедом на рыбалку, впервые девчонок взяли на сенокос – грести сено, и дед сделал между двух берез необыкновенные веселые качели. Все эти шалаши на покосах (а мальчишки любят и на деревьях шалаши устраивать!), лесные избушки, наблюдения за птицами, ловля рыбы и костры с печением картошки, походы в лес за рыжиками, маслятами и груздями, а на болото – за клюквой и брусникой – все это трудовое, но и созерцательное общение с природой незаметно и прочно входило в сердце детей глубокими жизненными впечатлениями. Но связь человека с землей – это и его связь с Богом. И все это вместе было связано с отцом, с мужчиной. С отчиной и дединой.

Русское отцовство – исполинское! Все, что не могли мать и бабушка, мог отец, и мог дед. Мужество и бесстрашие, великодушие к врагу, терпение к невзгодам, к физическим трудностям, способность постоять за честь, смелость – это все от отца. А потому утрата отца столь же катастрофична, как и утрата сыновства. Без отца нет и сына.

С расширением мира детей возрастала и необходимость в нравственной стойкости. И снова отец, и снова семья воспитывали эту устойчивость, оберегающую от нравственных вывертов и искажений.

В русской традиции принято женщину, дающую жизнь, полагать моральным адвокатом жизни. Они приголубит и пожалеет. Она простит свое чадо. Она – лучшая воспитательница по природе своей, так как именно она вкладывает в детей все то, что усвоено ей было в семье, традиции, культуре. Но все это может совсем не деловая женщина, как убедительно

доказали психологи и философы, Церковь православная, – все это может вполне осуществить женственная женщина, в женственности которой ученые мужи видели «залог нравственного возрождения человечества» и вообще продолжения жизни как таковой (П.Е. Астафьев). «Хорошая жена – венец мужу своему и беспечалие. А злая жена – горе лютое и разорение дому, – говорит древнерусский автор Даниил Заточник. – Червь древо точит, а злая жена дом своего мужа истощает». Из века в век, еще от русских сказок, не слава и богатство, а хорошая жена и создание семьи становятся итогом всяческих злоключений героя-мужчины (и это – особенность русского культурно-семейного архетипа). Другая особенность наша состоит в том, что взаимная верность и восприятие друг друга как суженых становится основой брака. Есть русские семьи (и я такие, к счастью, знаю), где не было разводов в семи поколениях (насколько хватило возможности это проследить). А вспомним святых Петра и Февронию: исцеление Петра стало возможно только при одном условии – создании семьи. Семья и семейная любовь исцеляют!

Совместность обязанностей в браке мужа и жены запечатлел и «Домострой».

Красота отношений в семье между мужем и женой оберегали детей от ненужных и излишних психологических переживаний (ссор, психических нагрузок, не соответствующих способностям души их переживать). Россия в отличие от Европы не знала куртуазной любви, а потому отцовство всегда связывалось с верностью, а неверность жене – с предательством детей.

И сколько бы ни наступал на нас феминизм – эмансипация женщины от самой себя – всякая счастливая женщина русской культуры счастлива так, как и ее прапрабабушка: хорошим мужем и добрыми детьми.

В русской культуре по-прежнему род продолжается по мужской линии (наши отцы очень гордятся сыновьями, но очень нежно любят дочек); в русской традиции именно отец оценивает те или иные ситуации, связанные с деятельностью семьи. Русское отцовство – это и сакрализация жизни семьи, сохранение религиозных (христианских) и культурных традиций, имеющих семейную ценность, несущих родовую память. Наши семейные успехи – это, прежде всего, успехи отцов, которые передавались из поколения в поколение.

К сожалению, сегодня все больше одиноких женщин и мужчин, много разводов и неполных семей. Но идеалы остаются прежними: отец – это опора женщине и детям; отец – это защита и твердыня; отец – это уверенная в себе и постоянная любовь.

От рода к народу. Именно таким должно быть воспитание в подлинности, обеспечивающее качество личности.

Сгибнева О.И.
(Волгоград)

РЕЛИГИЯ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН: ПРЕОДОЛЕНИЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ В ИЗУЧЕНИИ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ФАКТОР КОНСОЛИДАЦИИ ОБЩЕСТВА

Начиная с 80-х годов XX века, на культурные процессы в России активное воздействие оказывает религиозный фактор. Его влияние неоднородно и во многом зависит от состояния не только культурной политики, но и системы взаимодействия государства с религиозными организациями. Общественный интерес к религиозным корням культуры, к смыслу религиозной веры, роли религий и религиозных организаций в динамике общественного развития, в становлении государственности способствовал изменению политики государства в области отношений с религиозными объединениями, снятию необоснованных запретов на их деятельность и взаимодействие с общественными и государственными институтами.

Конституция Российской Федерации 1993 г. четко определила позицию государства по отношению к религии и религиозным организациям: Российская Федерация – светское государство; никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной; религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом (статья 14). Статьи 19, 28, 29, 55 конкретизируют гарантии прав и обязанности человека и государства в вероисповедной области, в частности, гарантии на свободу совести и свободу вероисповедания, а также устанавливают запрет на пропаганду социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства[1].

Принятый в 1997 г. Федеральный закон № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» стал основой регулирования правоотношений в области прав человека и гражданина на свободу совести и свободу вероисповедания и правового положения религиозных объединений в России.

В преамбуле закона отмечено, что Федеральное собрание Российской Федерации, принимая его, подтверждает право каждого на свободу совести и свободу вероисповедания; основывается на том, что РФ – светское государство; признает особую роль православия в истории России, в становлении и развитии духовности и культуры; с уважением относится к христианству, исламу, буддизму, иудаизму и

[1] Конституция Российской Федерации. М., 2003. С. 47-48, 50, 53-54, 66.

другим религиям, составляющим неотъемлемую часть исторического наследия народов России, и считает важным содействовать достижению взаимного понимания, терпимости и уважения в вопросах свободы совести и свободы вероисповедания[1].

С учетом изменения правового статуса религиозных объединений внесены дополнения в действующее законодательство; положения Конституции и закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» учитывались при разработке новых законодательных актов. В частности, Федеральный закон № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», определяя виды объектов культурного наследия, включил в их число и объекты религиозного назначения (церкви, колокольни, часовни, костелы, кирхи, мечети, пагоды синагоги, храмовые комплексы, монастыри, дацаны, подворья и др.)[2].

Таким образом, в современной России создана правовая база деятельности религиозных объединений всех вероисповеданий, выработаны принципы регулирования их отношений с государством и обществом, взаимодействия с различными социальными институтами в решении актуальных проблем современной жизни. В частности, законодательством предусмотрены возможности для развития религиозного образования, издательской, благотворительной, культурно-просветительской, предпринимательской деятельности, предоставления религиозным организациям налоговых и иных льгот, а их работникам и священнослужителям – социального, страхового и пенсионного обеспечения.

В то же время и в законе «О свободе совести и о религиозных объединениях» (ст. 4), и в Федеральном законе № 273-ФЗ от 29.12.2012 г. «Об образовании в Российской Федерации» (ст. 3) четко определено: государство обеспечивает светский характер образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях. Кроме того, в статье 3 закона «Об образовании в Российской Федерации» говорится, что одним из принципов государственной политики в сфере образования является единство образовательного пространства на территории Российской Федерации, защита и развитие этнокультурных особенностей и традиций народов Российской Федерации в условиях многонационального государства.

Как же вписывается в правовое поле современного российского образования преподавание в школах дисциплины «Основы религиозных культур и светской этики»[3], четыре из шести модулей которой

[1] О свободе совести и о религиозных объединениях. Федеральный закон. М., 2008. С. 3.

[2] Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации. Федеральный закон. М., 2007. С. 6-7.

[3] Дисциплина «Основы религиозных культур и светской этики» включает 6 модулей: «Основы православной культуры», «Основы мусульманской культуры», «Основы буддийской культуры», «Основы иудейской культуры», «Основы мировых религиозных культур», «Основы светской этики».

преподаются по конфессионально ориентированным учебникам и учебным пособиям? Активное и приоритетное внедрение этого курса выглядит более чем странным на фоне сокращения часов на другие гуманитарные предметы, определяющие базис образованной личности. Причем автор отнюдь не выступает против изучения религии в школе. Напротив, знания о религии нужны – иначе молодому человеку трудно будет ориентироваться в современном мире. Но очень важно, чтобы эти знания формировались на научной основе и не разделяли детей и подростков по конфессиональному признаку. Тем более знания о религиозных культурах не должны противопоставляться «светской этике». Этика – это наука для всех. Нельзя не согласиться с мнением академика А. Гусейнова, считающего, что курс этики в школе не может быть предназначен для какой-то отдельной группы: «Деление учеников на верующих и неверующих – все равно, что деление их по политическим симпатиям или по национальному признаку. Оно противоречит и канонам образования, и законам государства»[1].

Если остаться на точке зрения необходимости получения знаний о религии/религиях в школе, то все-таки разработкой этого единого курса – «Основы религиоведения» или «Основы истории религий» – должны заниматься педагоги и ученые, а не религиозные организации. И он должен быть понятен всем школьникам – иначе не получится единого образовательного пространства!

Но есть и другие пути: в курсе истории, обществознания, литературы показать роль религий и религиозных организаций в историческом процессе, их вклад в мировую литературу, особенности взаимодействия религии и общества.

А если говорить о культурной составляющей процесса изучения религии, на чем настаивают конфессионально ориентированные сторонники преподавания религиозных культур, то гораздо больше будет соответствовать концепции светского образования дисциплина «Культурология» в школах, в рамках которой школьники смогут понять смысл культуры, ее динамику, ее виды и типы, в том числе и религиозную культуру. Сегодня в процессе преподавания «Основ религиозных культур» возникает явное противоречие: как изучать религиозную культуру, не зная, что есть культура?

Вполне понятна активность религиозных организаций в вопросах преподавания религиозных предметов в школах (попытки внести в новый закон «Об образовании в РФ» поправки о возможности учреждения в школах так называемых молельных комнат, предложения о включении в вариативную часть школьной программы изучения основ веры традиционных для России религий – уже не религиозных культур, а основ веры! – привлечение централизованных религиозных организаций к

[1] Мораль не выбирают. Директор Института философии об «Основах светской этики», педагогических экспериментах и безрелигиозной нравственности // «НГ-Религии» (приложение к «Независимой газете»), 20.06.2012

экспертизе учебных пособий по модулям курса «Основы религиозных культур и светской этики» и т. д.). Менее понятна позиция руководителей образовательных учреждений, не проявляющих заботы о развитии гуманитарного образования в современной школе. В дальнейшем при получении профессионального образования в вузах любого профиля – и технического, и естественнонаучного, и гуманитарного – это приводит к существенным проблемам в овладении профессией, в социализации и коммуникационных связях. Познание культуры как сложного феномена во всем многообразии его составляющих, освоение культурного наследия, понимание сложностей социокультурного процесса, умение ориентироваться в мире культурных ценностей, в том числе и религиозных, является важным условием социализации человека и консолидации современного общества.

Балакина Е.И.
(Алтайский край)

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ РОССИИ И РЕГИОНОВ

> Нет сейчас в мире страны, живущей более сложной и более бурной жизнью и обещающей наиболее захватывающее будущее, нежели Россия.
>
> *Георгий Гребенщиков*

Экономический и политический передел мира, помноженный на духовный кризис и глобальный астрономический поворот рубежа тысячелетий, – что может быть значительнее в жизни человека, в судьбе Человечества?! Раз в тысячу лет приходит поколение, лично участвующее в подобном «великом системном повороте». В самом этом факте видится экзистенциальный знак, направляющий мысль, чувство и интуицию в путешествие-инициацию по лабиринтам понимания. Что значит для нас встреча с переменами такого масштаба? А что значит для мира наше участие в них?

Величие момента никак не освобождает ныне живущее сообщество от решения вопросов бытового плана. Безмерная сила «земного

притяжения» (знакомые слова «Как безмерно оно, притяженье Земли…» сегодня обретают иные смыслы!) преодолевается лишь в исключительных обстоятельствах. Только предельные усилия позволяют человеку изредка изменить направление взгляда, чтобы увидеть не землю под ногами, а звезды над головой – тот самый ориентир, к которому он чаще всего неосознанно, но неуклонно движется всей своей жизнью. Эта духовная «растянутость» культуры между крайними полюсами создает высочайший накал напряжения в решении частных и общих проблем – от научных до бытовых.

Смена вектора развития, выбор пути, кардинальное изменение смысла и форм культуры совершается в эпохи переходные, где ценности подвергаются сомнениям, а традиции разрушаются и переосмысливаются. Это особые зоны в культурно-историческом развитии, которые проявляются, когда система предстает перед новым пониманием своего пути и назначения.

Нынешним поколениям выпала сложная и счастливая судьба – быть участниками грандиозного процесса трансформации основ миропонимания. Это время решения задач предельной сложности. Точных ответов на неприступно громоздящиеся «вызовы времени» никто не знает, жизнь требует от каждого осознанных действий, но времени на их осознание и поиск пути почти нет. Элементы риска переходной эпохи произвели осевой разворот в формате научной революции, основанной на устремленности к целостности, единству как фундаментальным принципам Бытия.

Консолидирующие тенденции, как и логика дробления мира, сопровождают всю историю человечества, охватывая собой разные области жизни и проявляясь в них с разной мерой интенсивности. В культуре XX века логика объединения реализовалась во множестве аспектов. В сфере искусства она стала ведущим методом художественного творчества, в философии – определила мировоззренческие основы эпохи, а к середине столетия вышла на уровень общей методологии культуры. Этот поворот имел громадное значение для культуры человечества. Его пророческое видение зримо присутствует и в искусстве, и в философии начала века. «Человечество уже поняло, что происходящее неслучайно. Время создания культуры духа приблизилось», – пишет об этом периоде Н.К. Рерих[1].

Поистине «космическое величие» слышится в названии грядущей эпохи – эпохи «культуры духа». Достижение ее требует восхождения на новую ступень, объединения усилий, взлета, порыва.

Часть суши поднимается над мировым океаном… Это событие огромной важности, новая ступень в геогонии. Оно удивляет, потрясает, восхищает, дает мощный импульс новым научным и философским исследованиям. Не менее, а гораздо более значительной мыслится ситуация, когда человечество поднимается над раздорами, хаосом,

[1] Рерих Н.К. Врата в будущее // Рерих Н.К. О Вечном. М.: Республика, 1994. С.24.

разобщенностью. Это новая, эпохальная ступень в истории человеческого духа.

В философско-эстетических работах И.-В. Гете восстановление единства связующих нитей культуры мыслится как путь искомого преображения человечества, как средство преодоления угрожающего по размаху и последствиям кризиса: «Никогда, быть может, не уединялись и не распылялись индивиды больше, чем в настоящее время. Каждый хочет представлять собой и развертывать из себя вселенную. Но страстно вбирая в себя природу, человек вынужден брать вместе с ней и традицию – все то, что создано другими <…> отсюда должно возникнуть единогласие, то, что в искусстве называют стилем и благодаря чему индивиды будут все теснее сплачиваться в правом и хорошем…»[1].

Действительно, в пространстве XX века (а корни некоторых явлений уходят и гораздо дальше в глубь веков) в разных отраслях науки и сферах культуры появляется ряд сходных идей: идея синтеза искусств (а шире – межпредметного синтеза, в конце XX века трансформировавшаяся в научный метод триадного синтеза), теория множеств, учение о ноосфере, идея диалога, системный подход, вылившиеся впоследствии в культурологию (дополнившую прежнюю историю искусств), глобалистику и синергетику. Различные в частностях, они близки друг другу в главном: они возникли в поиске путей универсализации, единства культуры.

В 20-х годах XX века Н. Бор открыл принцип дополнительности, суть которого заключалась в понимании следующего: целостность сложного и сверхсложного явлений можно осмыслить посредством взаимоисключающих друг друга дополнительных классов понятий. Только из противоречий можно получить максимальную полноту представлений: «Именно понятие дополнительности позволяет примирить, казалось бы, непримиримое…»[2].

В «космическом» масштабе осмысливает идею консолидации и диалектическую природу границы, перехода В. Соловьев: «Нет во Вселенной такой пограничной черты, которая делила бы ее на совершенно особенные, не связанные между собой области бытия: повсюду существуют переходные, промежуточные формы или остатки таких форм, и весь видимый мир не есть собрание деланных вещей, а продолжающееся развитие или рост живого существа»[3]. В бытии культуры, разделенном материей на отдельные фрагменты, есть связующее «вещество», восстанавливающее целостность. Как только целостность приближается хотя бы на уровне идеи, мир из «собрания вещей» превращается в «живое существо».

Длительный процесс перестройки, перекроивший системные связи прежней культуры, завершил к настоящему времени стадию размыкания

---

[1] Гете И.-В. Из «Материалов для истории учения о цветах». Замечания относительно учения о цветах и методах древних // Избранные философские произведения. М.: Наука, 1964. С.149.

[2] Мигдал А.Б. Поиски истины. М.: «Молодая гвардия», 1983. С.47.

[3] Перекличка веков: Размышления. Суждения. Высказывания / сост. В.Г. Носков. М.: Мысль, 1990. С.18.

элементов и перешел в очередное созидательное состояние новой консолидации ее участников. Сегодня идея «взаимодействия», поиска форм интеграции казавшихся несовместимыми сфер культуры стала смысловым «перекрестком», к которому устремляются интересы различных наук и сфер деятельности. Она оказалась «краеугольным камнем» современной картины мира и парадигмы формирующейся в настоящее время культуры.

В истории культуры России и регионов в точках исторических перемен явно заметно укрупнение процессов консолидации и расширения связей. Ближайшие к современности поворотные периоды связаны со сменой типа культуры и общественно-экономической формации: это Петровские времена, годы создания советской культуры и нынешний формационный перелом.

Развитие культуры современной России и Алтайского края на многие десятилетия определила идейная атмосфера эпохи Просвещения. В своей реформаторской деятельности Петр I делал ставку на развитие промышленного потенциала страны.

В середине XVIII века и по стране в целом, и в Барнауле идет активное строительство промышленных предприятий, расширяются старые и растут новые корпуса завода. Находясь с 1747 года в собственности Императорского двора, Барнаул (как столица крупной Колыванской области) выстраивает новую для себя систему связей с царской Канцелярией (Кабинетом). В этом были свои положительные и отрицательные моменты. Взяв под свою опеку алтайские земли, царское правительство вынуждено было курировать развитие заводского хозяйства и всей культуры региона. Из Петербурга и с уральских заводов на Алтай присылали лучших специалистов для организации горнозаводского дела. Появление хороших специалистов, в свою очередь, позволило развить в Сибири собственную систему начального и среднего образования. В середине XVIII века в Барнауле стали открываться духовные и светские школы (это – прямое влияние эпохи Просвещения!): цифирные, навигацкие, гарнизонные, горные.

Размах просветительских реформ в России не мог удовлетвориться уровнем начального образования. Для набирающей силу промышленности нужны были инженерные кадры. В 1773 году в Петербурге было открыто Высшее горное училище, а в 80-х годах XVIII века по решению Кабинета начало действовать свое горное училище и в Барнауле. Это было среднее учебное заведение, программа которого максимально приближалась к Петербургскому, только с меньшим сроком обучения. Помимо этого была тщательно продумана система преемственности в образовании: лучшие выпускники Барнаульского горного училища направлялись в Петербург, где через два-три года получали диплом инженера. Полвека спустя, когда в Петербурге открыли Институт корпуса горных инженеров, в нем ежегодно предоставлялось пять мест для выпускников Барнаульского училища.

В культуре Барнаула первым периодом консолидации вновь нарождающихся просветительских тенденций и сил стало время правления Петра Козьмича Фролова, назначенного в 1817 году главным командиром алтайских заводов и одновременно – томским губернатором. Получив столь высокую должность, бывший внук мастерового вел дело так, что заслужил всеобщее уважение. В научной и художественной сфере это было время подъема, универсальных, разносторонне развитых и одаренных личностей.

Такой личностью был Петр Козьмич Фролов. Его новаторство изучается в литературе с разных точек зрения, и каждый исследователь находит этого человека наиболее одаренным в интересующей его сфере.

Петр Козьмич Фролов решил превратить Барнаул в благоустроенный город. Возможно, это решение было обусловлено личным опытом десятилетнего обучения в столице, знакомством с «высокой» европейской культурой. По заданию Фролова улицы были выпрямлены и город разбит на прямоугольные кварталы (в соответствии с характерными для того времени принципами регулярности и ансамблевости). К тому же в Петербурге он получил широкое общее образование: занимался не только углубленным изучением горного дела, но и языками, рисовальным искусством, приобрел некоторые знания и навыки в архитектурном деле. П.К. Фролов руководил составлением плана застройки Барнаула, созданием новой системы улиц и площадей, лично разрабатывал проект монумента горного дела на Алтае.

По инициативе и при активном содействии П.К. Фролова в Барнауле были открыты учреждения промышленного, научного и художественного характера. Им было задумано и регулярно пополнялось собрание «куриозных вещей» (наподобие «Кунсткамеры» Петра I), ставшее впоследствии основой коллекции Барнаульского музея – первого во всей Западной Сибири. Он возник в 1823 году и официально именовался музеем горного дела, хотя реально его назначение было гораздо шире. В нем располагался минералогический кабинет, этнографический отдел, чучела животных и птиц, макеты промышленных предприятий и технических изобретений.

Опытный археолог и этнограф, широко образованный ученый и культурный человек, П.К. Фролов был чутким и внимательным собирателем древностей. В своем доме он разместил ценную коллекцию рукописей на восточных языках, собрание старинных и художественных предметов, картинную галерею. Свидетельством его тонкого художественного вкуса был тщательный отбор картин для коллекции, среди которых представлены, в частности, произведения кисти Рембрандта.

Сам получивший серьезное образование, П.К. Фролов требовал того же и от своих подчиненных. В эти годы связь барнаульских заводов с петербургскими учебными заведениями становится еще более тесной. Из стен Академии художеств вышли первые местные архитекторы А.И. Молчанов и Я.Н. Попов, первые профессиональные художники В.П. Петров и М.И. Мягков. Фролов состоял в постоянной переписке

со многими видными учеными, естествоиспытателями, этнографами, например, с А.Н. Олениным, ставшим в 1817 году президентом Академии художеств. Да и общий уровень культуры офицерского состава Барнаульского завода заметно изменился. Одно из свидетельств этого содержится в воспоминаниях ученого и путешественника К.Ф. Ледебура: «В обществе господствует приличный тон, в чем, как мне сказали, преимущественно заслуга г-на Фролова, который благодаря высокому образованию и склонности к искусству заметно влияет на общество, в сильной степени уже изменив его. Среди молодых горных офицеров нередко встречаются люди образованные... Многие из них весьма музыкальны и охотно принимают участие в общих развлечениях»[1].

Он характеризует заведенные Фроловым традиции светских гуляний и вечеров: «Господа и дамы собираются, танцуют; любители карточной игры составляют себе партии; иногда ставятся концерты; есть небольшой любительский театр. Чтобы организовать оркестр, г-н Фролов велел учиться музыке музыкантам горного батальона, и даже хор, высокие партии в котором ведут мальчики, представляет иногда что-нибудь оригинальное. Я был приятно поражен, когда услышал этих певцов на балу, устроенном г-ном Фроловым в своем доме, где при исполнении полонеза инструментальная музыка чередовалась с хоровыми партиями, прозвучавшими благодаря звонким голосам мальчиков очень хорошо... мне просто не верилось, что все то, чему я был свидетелем, происходит на расстоянии 5000 верст от столицы и 2000 верст от европейской границы... Всю обстановку я нашел такой, какой она бывает только в изысканном европейском обществе. Я был ошеломлен, найдя Барнаул столь цивилизованным городом»[2].

Мимолетные впечатления кратковременной остановки К.Ф. Ледебура в Барнауле дали ему основания оценить губернский город как оазис европейской культуры, причины возникновения которого он связывает именно с деятельностью П.К. Фролова: «...какое большое значение имеет духовная деятельность и влияние одного человека, стоящего во главе дела и могущего дать всему прогрессивное направление»[3].

Деятельность П.К. Фролова являет собой пример универсальной личности, способной видеть задачи времени целостно, объединяя для их решения весь имеющийся резерв сил.

Подобную миссию в культуре Алтая в разгар перестройки реализовал российский промышленник и меценат, крупный предприниматель Сергей Грантович Хачатурян. В годы перестройки он создал на Алтае с

---

[1] Ледебур К.Ф., Бунге А.А., Мейер К.А. Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи: Пер. с нем. Новосибирск: ВО «Наука», Сибирская издательская фирма, 1993.

[2] Ледебур К.Ф., Бунге А.А., Мейер К.А. Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи: Пер. с нем. Новосибирск: ВО «Наука», Сибирская издательская фирма, 1993. С.154.

[3] Ледебур К.Ф., Бунге А.А., Мейер К.А. Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи: Пер. с нем. Новосибирск: ВО «Наука», Сибирская издательская фирма, 1993. С.154.

привлечением российских и зарубежных партнеров холдинг из девяноста восьми предприятий самой разной направленности, позволяющий ему комплексно решать вопросы развития промышленности и культуры Алтая в непростых условиях политического и экономического кризиса. Трудно себе представить, как один человек успевал руководить деятельностью стольких разнообразных предприятий, собирать коллекции книг, живописи, икон и оружия, заниматься ландшафтным дизайном, воспитывать внуков и опекать нуждавшихся людей, но факты свидетельствуют, что это было именно так.

В последние десятилетия им было реализовано множество успешных и редких для нашего времени проектов, в числе которых: спасение от банкротства ряда предприятий Алтайского края, открытие крупнейшей за Уралом частной галереи «Кармин» с личной коллекцией более тысячи картин сибирских художников, создание благотворительного фонда «Фонд культуры Алтая», газет «Два слова», «Это Мой мир», участие в постройке многих храмов Алтая, строительство административно-культурного комплекса «Пушкинский» в г. Барнауле, финансовая поддержка Детского фонда, Демидовского фонда, детских больниц, оплата лечения многих совершенно незнакомых ему людей, постоянная и систематическая помощь художникам Алтая, помощь бесконечно обращавшимся к нему частным лицам и организациям, финансирование конкурсов, премий, проектов известных деятелей культуры края, юных дарований…

В исторически сходные с современностью годы тяжелых перемен в России – в 1918 году – сибирский и алтайский писатель Г.Д. Гребенщиков в Ялтинском журнале «Родная земля» писал: «Тяжелый кризис, переживаемый страной, ее государственное разложение и морально-политический развал ставят на очередь вопрос о собирании и дружной работе всех тех идейно-родственных сил, которым дорого будущее нашего народа, близок и понятен пройденный им исторический путь и у которых неколебимо крепка еще вера в неиссякаемость источников его культурно-политического творчества».

Д. Лихачев обнаружил и еще одну закономерность в характере пограничных явлений. В начале развития культуры ее границы выступают по большей части как границы общения и обмена опытом. К концу они становятся границами охраны себя от соседних культур. Эта особенность позволяет проследить и обратную закономерность: расширение общения и обмен опытом возвращают культуре молодость, наполняют ее свежими силами и становятся основой подъема в ее развитии. Разрушение связей, отделение элементов культуры друг от друга свойственны периоду заката.

В настоящее время предельно уменьшился государственный сектор экономики, выступавший в советское время гарантом единства, стабильности и регулировавший все системные связи в культуре. Сегодня эти связи нужно выстраивать «снизу» – начиная с небольших совместных проектов в сфере искусства, образования и бизнеса – к развитию единой мощной сети взаимодействия, самодостраивающейся из настоящего в будущее.

Инициаторами и руководителями консолидации разных направлений культуры могут быть сегодня яркие личности, понимающие смысл и важность такой деятельности. В научной, художественной и социальной практике необходимо объединять имеющийся гуманитарный и технико-экономический потенциал для решения задач глобального и регионального масштаба. Только объединив усилия центра страны и регионов, бизнеса, науки, искусства и образования, можно рассчитывать на успех в сложных и больших делах, которые испокон веков решались в России «всем миром».

Игнатьева С.С.
(Республика Саха (Якутия)

АРКТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Согласно Концепции художественного образования в Российской Федерации (2001 г.), художественное образование – это процесс овладения и присвоения человеком художественной культуры своего народа и человечества, один из важнейших способов развития и формирования целостной личности, ее духовности, творческой индивидуальности, интеллектуального и эмоционального богатства. Концепция отражает волю государства в реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина России в области культуры и искусства:

- право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, доступ к культурным ценностям;
- свободу литературного и художественного видов творчества, преподавания, охрану интеллектуальной собственности;
- обязанность заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры[1].

Данная концепция определяет содержание образовательной, научной, творческой деятельности организаций, ведущих художественное образование.

[1] Концепция художественного образования в Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.lib.smr.ru/.../Концепция_художественного_ образования_в_РФ. Заглавие с экрана. (Дата обращения: 01.08.2015).

Реализация конституционных прав в области культуры и искусств имеет свои специфические особенности в арктической зоне.

Сегодня проблемы Арктики и сопредельных с ней территорий диктуют поворот образовательных программ во всех арктических государствах. Открытие потенциального ресурса Арктики для экономики и экологии, уникальность культурного пространства региона формируют национальные интересы России, которые связаны с освоением ресурсов, сохранением окружающей среды, поддержанием жизнеспособности и культуры жителей Арктики и Севера. В «Стратегии развития арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности до 2020 года» отмечается низкое качество жизни коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, проживающих на территории Арктической зоны Российской Федерации. В целях улучшения качества жизни населения, проживающего и работающего в Арктической зоне Российской Федерации, включая коренные малочисленные народы, повышения уровня их социального и культурного обслуживания предусматривается модернизация объектов социальной инфраструктуры, включая образовательные учреждения, организации здравоохранения и культуры[1].

Исходя из основных страновых стратегий и ограничений, вузы культуры и искусств определяют специфику своих образовательных систем, активно участвуют в развитии поликультурного гражданского общества, этнокультурной идентичности и расширении межрегионального и международного взаимодействия по сбережению культурного и духовного наследия.

В Арктическом регионе мира осуществляется интеграция образовательных программ посредством Университета Арктики, посылающего «межкультурные импульсы» через сетевые системы «Thematic Networks on Indigenous Arts and Crafts» (Прикладное искусство коренных народов Арктики) и «Thematic Networks on Arctic Sustainable Arts and Design» (Устойчивое развитие арктического искусства и дизайна). Создается единая образовательная сеть «Культура Арктики»[2].

Арктический государственный институт культуры и искусств, созданный в 2000 году, занял международную и межрегиональную нишу в научно-образовательной и инновационной деятельности по сохранению, воспроизводству и развитию культуры и искусств народов Арктики, Севера,

---

[1] Стратегия развития арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности до 2020 года [Электронный ресурс]. http://minec.gov-murman.ru/files/Strategy_azrf.pdf. Заглавие с экрана. (Дата обращения: 30.07.2015).

[2] Борисова У.С. Этнокультурное образование: историко-социологический анализ: На материалах Республики Саха (Якутия): Автореф… дис. д-ра. социол. наук. Санкт-Петербург, 2006; Педагогика Севера: Интеграция в единое образовательное пространство [Электронный ресурс]. http://insch.ru/provedennye-konferencii-i-seminary/article. Заглавие с экрана. (Дата обращения: 30.03.2015); Филиппова Н.И. Современное состояние этнокультурного и поликультурного образования коренных малочисленных народов Севера / Н.И. Филиппова, А.В. Иванова // Историческая и социально-образовательная мысль, 2014. № 1. С. 100-108. и др.

Сибири и Дальнего Востока[1]. Бережное отношение к многообразным культурным традициям создает художественное пространство творчества молодежи, формируя архитектуру новой образовательной реальности. АГИКИ заключены договора о сотрудничестве с университетами Арктики, Европы, благодаря которым развиваются такие ценности, как ориентация на лучшее будущее и творчество арктической культуры, приверженность к сохранению и пониманию культурного наследия коренных народов.

К приоритетной сфере сотрудничества с Университетом Арктики относится участие в программе студенческого обмена North2North и преподавательского обмена NorthTREX, участие в научно-исследовательской программе Thematic Network, проведение летних курсов Field School и участие в программе в области фольклора и этнокультуры народов Арктики GoNorth. Более 40 студентов выезжали на учебу по обмену в разные вузы Северной Европы: Саамский образовательный центр (Инари), Лапландский университет, Политехнический университет (г. Рованиеми), Университет прикладных наук (г. Оулу), Университет прикладных наук (г. Кемии-Торнио), Саамский университетский колледж (Каутокейно), Университетский колледж (г. Харстад), Университет Тромсе (г. Тромсе), Университет Умеа (г. Умеа).

Международный обмен преподавателями и студентами способствует актуализации личностного опыта, активизации этнокультурной идентичности. Как справедливо отмечает И.В. Рыжкова, мир родной культуры обретает четкие контуры, попадая в образовательное поле другой страны[2]. Так, студентка кафедры фольклора и этнокультуры народов Арктики Алексеева А. после успешного обучения по программе GONorth написала дипломную работу на сравнительном материале Саамского университетского колледжа (Каутокейно, Норвегия) и школы «Арктика» Нерюнгринского района Якутии. Студентка из Финляндии, выпускница Университета Хельсинки, бакалавр биологии, Борг Леа Маари, с детства мечтавшая иллюстрировать книги по флоре и фауне, смогла воплотить мечту, обучаясь на кафедре дизайна и декоративно-прикладного искусства народов Арктики.

Арктический институт культуры и искусств целенаправленно развивает межрегиональное взаимодействие по подготовке творческой интеллигенции из числа народов Сибири и Дальнего Востока. В учебный процесс АГИКИ внедрен цикл дисциплин под условным названием «арктический компонент», включающий предметы по арктическому регионоведению, культуре и искусству Арктики, мифологии, этнографии народов Севера, которые являются «сквозными» и пронизывают все специальности и направления подготовки. Это необходимо для того, чтобы каждый студент знал и понимал миссию института, а в будущем

[1] Игнатьева С.С. Культурная модернизация в Республике Саха (Якутия): коллективная монография / под ред. С.С. Игнатьевой. Авторы: Астафьева О., Игнатьева С., Винокурова Е., Винокурова У., Шлыкова О. Якутск: АГИИК, 2013.

[2] Рыжкова И.В. Современный университет в рамках европейского «северного измерения»: феномен интернационализации. Мурманск, МГГУ, 2013. С. 58.

– строил свою жизнь и деятельность согласно идеалам и ценностям, почитаемым на Севере. Системный характер работы по приобщению студентов к национальным культурным традициям предусматривает единство учебной и внеучебной деятельности.

Культура народов Севера – это богатейшая палитра, в которой каждый народ имеет свою краску. В одной культуре преобладает принцип танцевальности, в другой – многообразие мелодического самовыражения, в третьей – театральность на основе обрядовой культуры. По целевому заказу в институте обучаются студенты из Корякского автономного округа, Камчатского края, Красноярского края, в частности, корякская студия – по направлению «Северная хореография». Специальность «Режиссер драматического театра» получила С. Ооржак из Республики Тыва, лауреат республиканского театрального фестиваля «Желанный берег» в номинации «Лучший режиссер» (спектакль «Дом Бернарды Альба») и в номинации «Лучший спектакль» (спектакль «Ангелы не плачут»), лауреат международного театрального фестиваля «Туганлык», номинант Национальной театральной Премии «Золотая маска».

Таким образом, овладение этнокультурной компетенцией, предполагающей знание языка, культуры и традиций родного народа, входит в состав профессиональной компетенции выпускников института. Творческая молодежь, участвуя в международных проектах, конкурсах, фестивалях, учится преодолевать свою национальную самодостаточность и выстраивать диалог в разных межкультурных коммуникациях. Научным обоснованием стратегии этнокультурного художественного образования АГИКИ является теория арктической циркумполярной цивилизации, признанной международным научным сообществом. Теория разработана профессором института У.А. Винокуровой в сотрудничестве с Ю.В. Яковцом, президентом Международного института им. П. Сорокина-Н. Кондратьева[1]. Художественное воплощение ценностей арктической циркумполярной цивилизации проявляется в творческих проектах кафедр фолькора и этнокультуры народов Арктики, актерского мастерства, живописи и дизайна и др. Научно-исследовательская работа ведется по направлениям: эпическое наследие народов Арктики, театрально-игровые традиции сибирских народов, педагогический потенциал культуры народов Севера, хореографическое искусство народов Арктики. Возрастающее из года в год желание молодежи из регионов Крайнего Севера обучаться в АГИКИ объясняется пониманием угрозы исчезновения традиционной культуры и возможностью получения качественных знаний в институте.

Задача формирования нового поколения специалистов, укорененных в своих культурах и открытых миру, стала базой для создания творческих школ ведущих деятелей культуры и искусств, преподающих в институте. Это школы народного артиста РФ, заслуженного деятеля искусств

[1] Винокурова У.А. Геокультурные особенности Арктической циркумполярной цивилизации: коллективная монография / под ред. У.А. Винокуровой. Якутск, 2014. С. 162-171.

РС (Я) А.С. Борисова, заслуженного артиста РФ и РС (Я) Е.Н. Степанова, доктора искусствоведения Ю.И. Шейкина, доктора искусствоведения А.Г. Лукиной, заслуженного деятеля искусств РС (Я) М.А. Рахлеевой, заслуженного деятеля искусств РФ К.М. Мамонтова, заслуженного деятеля науки РС (Я) У.А. Винокуровой, заслуженной артистки РФ А.С. Афанасьевой, заслуженной артистки РС (Я) В.И. Колодезниковой, лауреата международных конкурсов Н.В. Пикутского и др.

Учебный театр АГИКИ за 10 лет своей творческой работы поставил около 30 спектаклей. Студенты принимали участие в Молодежном фестивале «Будущее театральной России» (г. Ярославль), спектакль «Маугли» стал лауреатом Всероссийского фестиваля театрального искусства для детей. Ансамбль народного танца «Аар-Аартык» (Священная дорога) нацелен на сохранение и распространение этнической хореографии Арктики. В репертуаре ансамбля такие танцы как «Юкагирский танец», «Якутский осуохай», в программе выступлений также народные песни, игра на хомусе, традиционные круговые танцы народов Арктики, фольклорные номера, композиции, спектакли. Коллектив не раз становился лауреатом различных международных конкурсов. За постановку «Обряда поклонения божествам Айыы» заслужил грант на участие в IV конкурсе Международного детского и юношеского культурного обмена «Россия-Европа молодая». Артисты ансамбля показали традиционное искусство коренных малочисленных народов Крайнего Севера в Японии, Франции, Италии. Ансамбль «Аар-Аартык» стал обладателем «Гран-при» IX Международного конкурса-фестиваля искусств, который проходил в городе Льорет де Мар в Испании.

Выставочная деятельность – одно из главных направлений работы института для творческой самореализации студентов. Студенты кафедр живописи и графики становились лауреатами регионального конкурса «Арт-Владивосток», республиканской премии им. Валериана Васильева, дебютантами выставок «Саха-арт-модерн», «Весна в декабре», участниками пленэра «Золото Ленских скал», выставок в галерее «Ургэл», выставочном зале Национального художественного музея. Т. Малышева; студентка кафедры живописи одержала победу в конкурсной программе Международного фестиваля детского и молодежного творчества «Дальний Восток России – АТР: великий Тихий океан дружбы и мечты». В поддержку идеи проекта «Искусство Арктики», представленного к 10-летию института, был организован международный проект студентов и преподавателей «Искусство Арктики. Саха-Якутия». Благодаря поддержке Министерства культуры Российской Федерации участники проекта организовали выставку в г. Рованиеми в Финляндии, представив более ста работ якутских художников в знаменитом музее «Арктикум». По гранту администрации г. Якутска студенты претворили проект «ArtStreet», украсив городские детские площадки современными рисунками, создавшими позитивное настроение северян.

В целях создания единого образовательного пространства в сфере творческой, социально-культурной, художественно-эстетической

деятельности при АГИКИ был учрежден Арктический институтский образовательный округ (АркИнОО), куда в качестве ассоциированных членов вошли ведущие учебные заведения, реализующие образовательные программы в сфере среднего профессионального и высшего образования. Это образовательный ресурсный центр Министерства культуры и духовного развития РС (Я), Высшая школа музыки, Якутский музыкальный колледж им. М.Н. Жиркова, Якутское художественное училище им. П.П. Романова, Якутский колледж культуры и искусства, Якутский хореографический колледж им. А. и Н. Посельских, Намский педагогический колледж им. И.Е. Винокурова, Якутский колледж технологии и дизайна традиционных промыслов народов Якутии и др. Направления АркИнОО – это отбор для обучения в институте талантливых и мотивированных детей, работа Школы АГИКИ, повышение квалификации и профессиональная переподготовка и обучение в аспирантуре специалистов учреждений культуры и искусств и педагогов ДШИ. Также оказание методической помощи кафедр института муниципальным учреждениям культуры, учреждениям дополнительного образования и, прежде всего, детским школам искусств в разработке учебно-методической документации в связи с внедрением федеральных государственных требований и подготовке документов к лицензированию и содействие проектированию культурной среды муниципальных районов и наслегов.

В настоящее время АркИнОО объединяет 34 детские школы искусств и 8 общеобразовательных школ, которые являются стажировочными площадками вуза. При этом в рамках многоуровневой системы образования выпускники детских школ искусств имеют возможность продолжить свое образование в шести учреждениях среднего профессионального образования и в последующем – в организации высшего образования.

В 2013 году институт приступил к сотрудничеству по реализации республиканского проекта «Музыка для всех» по вопросам организации, содержания, методики преподавания музыки и получения соответствующих знаний. Было открыто направление «Музыкознание и музыкально-прикладное искусство», профиль «Музыкальная педагогика» при кафедре искусствоведения, организована работа кружка «Музыкальный калейдоскоп» для обучающихся начальных классов СОШ № 7 г. Якутска, созданы по инициативе студентов пятого курса кафедры народных инструментов ансамбль блокфлейт и детские шумовые оркестры.

Инициатор проекта «Музыка для всех», первый Президент Республики Саха (Якутия) М.Е. Николаев в своем выступлении на заключительном заседании Международного конгресса «Музыкальное искусство и образование в духовном развитии общества» отметил, что «наша территория – арктическая зона России, которая является частью огромного региона, чей потенциал еще будет раскрываться и развиваться по мере прогресса человечества. Это – территория циркумполярной

цивилизации, здесь происходит наложение множества пластов культуры, географических и геополитических реалий мира»[1].

Каждый человек в детстве обладает большими возможностями для развития творческих способностей. Развитие эстетических чувств детей, художественного восприятия, образных представлений воображения достигается на занятиях студий «Школы АГИКИ».

Сохранение и дальнейшее развитие традиционной культуры – это не только задача, но и миссия всех вузов искусства и культуры. Вуз как саморазвивающаяся система становится опорой для сохранения традиционной культуры и профессионализации ее самых ярких явлений. Арктический институт стремится стать благоприятным лоном для формирования в регионах Севера творческой интеллигенции, глубоко понимающей истоки и специфику родной культуры и, вместе с тем, воспитанной на шедеврах мировой культуры.

Человек, познавший ценности национальной культуры, научившийся думать целостно, будет нравственно действовать во благо народа и Отечества, будет открыт к мировому художественному наследию, осознавать и быть готовым развивать гуманитарное пространство.

Таким образом, этнокультурное художественное образование обладает огромным потенциалом в формировании у обучающихся этнической идентичности, творческого жизненного пути.

Власенко В.В.
(Республика Башкортостан, Уфа)

КУЛЬТУРА УЧИТЕЛЯ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ РЕГИОНОВ

Одной из актуальных проблем культуры третьего тысячелетия, как обязательного условия ее существования, становится проблема устойчивого развития[2]. Термин «sustainable development», переводимый в России как «устойчивое развитие» получает широкое распространение, начиная с конца 80-х – начала 90-х годов прошлого столетия, когда на Конференции

[1] Музыка для всех: материалы обсуждения Концепции музыкального воспитания и образования на Первом Международном конгрессе «Музыкальное искусство и образование в духовном развитии общества» / [Составители: А.В. Варламова, З.Г. Павлова; гл. редактор М.М. Берлянчик]. Якутск: Издательский дом СВФУ 2013.

[2] Астафьева О.Н. Стратегия устойчивого развития в культурной политике регионов //

ООН (1992 г.) принимается решение о необходимости изменения курса развития всего мирового сообщества, того курса, который воспринимался как естественный в культуре фаустовского типа[1]. Прогноз о возможной глобальной катастрофе, которая может привести к уничтожению самой планеты «Земля» уже в XXI столетии, вынуждает «политиков и других сильных мира сего» (Н.Н. Моисеев) прислушаться к мнению ученых и приступить к конкретным действиям. Путь развития культуры индустриального типа определяется как неустойчивый, и необходимым становится поворот к модели *устойчивого развития* человечества. Социально значимой целью устойчивого развития провозглашается *гармоничное* сочетание экономической эффективности, биосферосовместимости, социальной справедливости. Предполагалось, что фундаментальным принципом устойчивого развития станет принцип – «не навреди» природе, обществу, человеку. Но воплотить идеи *гармоничного* сочетания основных аспектов устойчивого развития (экологического, экономического и социального) на практике не удавалось. Необходимо было разрабатывать новые подходы. Так, в процессе эволюции идей устойчивого развития осознается роль культуры, как базиса человеческого существования и человеческого самоопределения, в реализации концепции устойчивого развития. В декларации «Обеспечить центральное место культуры в политике устойчивого развития, принятой на Международной конференции ЮНЕСКО «Культура: путь к устойчивому развитию», проходившей в мае 2013 года в Китае (Ханчжоу) было провозглашено, «что культура должна рассматриваться в качестве ключевого катализатора устойчивости, источника смысла и энергии, творческого подхода и инноваций, средства осознания задач и поиска соответствующих решений»[2].

Как развитие концептуальных идей ЮНЕСКО в области культуры можно рассматривать и объявление в России 2014 года Годом культуры, и подписание Президентом Российской Федерации указа «Об утверждении Основ государственной культурной политики»[3]. Важным документом в этом ряду становится и утверждение Правительством РФ в феврале 2015 года «Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года»[4]. В глобализирущейся культуре

Образование, наука, культура в современном мире: материалы Международной научной веб-конференции «Базовые идеи ЮНЕСКО в современном образовании, культуре и науке» (Москва, март 2013 г.). М.: Пашков дом, 2014. С.48-62; Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации. Путь разума. М.: Языки русской культуры, 2000 г.

[1] См.: Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию. Принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3-14 июня 1992 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtm (дата обращения: 24.08.2015.

[2] Декларация Ханчжоу. Обеспечить центральное место культуры в политике устойчивого развития [Электронный ресурс]. URL: http://www.unesco.org/new/en/culture/themes/culture-and-development/hangzhou-congress CLT-2013/WS/14 (дата обращения: 25.08.2015).

[3] Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной культурной политики [Электронный ресурс]. URL: http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d526bc0d7d43e934f4.pdf (дата обращения 25.08.2015).

[4] О Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на

третьего тысячелетия сельские территории обладают особыми функциями. Село – главный источник как сохранения, восстановления и увеличения потенциала живой природы, так и воспроизводства историко-культурных ценностей, сохранения и развития этнических культур. Устойчивое развитие села во многом зависит от сохранения сельских школ, в том числе и малокомплектных, и их ориентации на *образование для устойчивого развития*. Особая роль в этом процессе принадлежит сельскому учителю, деятельность которого традиционно значительно шире рамок преподаваемого предмета, поскольку сельская школа органично включена в региональное социокультурное пространство, и образовательное поле сельской школы одновременно и социокультурное поле.

В этой связи обратим внимание на тот аспект роли культуры в устойчивом развитии, который остается в тени. Как правило, фокус внимания направлен на культуру человечества в ее мировом и локальном масштабах, но не на культуру самого человека – *творца и творения* культуры. И если культура человечества как предмет исследования осмыслена в огромном массиве литературы, то культура человека («кирпичика» культуры человечества) в ее *содержательно-структурной характеристике* до сегодняшнего дня не стала предметом теоретического анализа. Известно, что в словарях и энциклопедиях «зарегистрированы» выводы научных исследований, и в этом плане симптоматично отсутствие словарных определений понятий «*культура человека*» и «*культура личности*»[1]. Между тем, очевидно, что гарантом успешности реализации идей устойчивого развития выступает человек, как *субъект деятельности,* и характер этой деятельности, ее ценностные основания определяются уровнем и качеством личностной культуры индивида. Отсутствие *целостного представления* о природе культуры человека как таковой, *единой* во множестве ее конкретных модификаций, вызывает необходимость перемещения фокуса исследований на данную проблему. Предварительные результаты рассмотрения данной проблемы позволили автору прийти к следующим умозаключениям. Культура человека есть проекция культуры в целом, т. е., *единичное* (культура человека) изоморфно *общему* (культуре человечества). Предметы культуры становятся *культурными кодами,* «раскодирование» которых в процессе их *распредмечивания* является условием обретения индивидом «закодированных» в предмете культурных качеств и свойств человека. Поскольку созидательной силой культуры является человеческая деятельность, постольку структура деятельности распредмечивания, представленная в сопряжении ее пяти потенциалов (*гносеологического, аксиологического, творческого, коммуникативного, художественного*) изоморфна структуре культуры человека. Морфология культуры человека

период до 2030 года [Электронный ресурс]. URL: http://government.ru/docs/16757/ (дата обращения: 25.08.2015).

[1] Власенко В.В. Культура человека и ее морфология // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 7. Ч. 1. С. 32-35. С.32.

является сложнодинамической системой не только потому, что для нее свойственно изменение соотношения составляющих ее подсистем, но и потому, что сами эти подсистемы обладают весьма широкими модификационными возможностями в каждом *типе* культуры, в каждой *социальной группе*, в каждой *профессиональной группе*, в каждом *конкретном человеке*[1].

Представленная модель культуры человека как системной целостности позволяет разработать модели культуры личности разных профессиональных групп. Исторически культура индивида всегда имела определенную направленность (культура дворянина, культура мещанина, культура крестьянина и т. д., и т. п.), но если в доиндустриальном обществе определяющими ее факторами были гендерный и сословный, то в культуре индустриального и постиндустриального типа (культуре тотального профессионализма) таким фактором становится профессия.

Очевидно, что культура учителя, как представителя профессии, есть модификация культуры человека, как представителя рода. Но содержание и структура каждого из ее потенциалов детерминированы профессиональной деятельностью учителя, у которого особая миссия в культуре: *содействовать воспроизводству человека* (в сократовском понимании – *рождению* человека). Тем самым выявляется несомненный изоморфизм педагогической и художественной деятельности, который «выражается в том, что обе они являются формами творчества». Учитель творит «реального, подлинного, живого человека», художник – «иллюзорного человека, образной модели человека реального». Но и учитель, и художник творят человека «в соответствии с тем идеалом человеческой личности, который существует в сознании обоих творцов»[2]. И как архитектор, живописец, скульптор должен досконально знать свойства и качества того материала, который он преобразовывает, так и учитель должен познать человека как *системное целое* в сопряжении *биологических, социальных* и *культурных* сторон его существования. Следовательно, необходимыми и достаточными структурными элементами гносеологического потенциала культуры учителя становятся знания о *человеке* – творце культуры и знания о *культуре,* творящей человека.

Как и антропологическое, культурологическое знание представляет собой обширную и прогрессивно умножающуюся сферу научного знания, совмещающую «изучение целостного бытия, функционирования и развития культуры с исследованием разных ее конкретных форм»[3]. Определяя предмет теоретической культурологии как грамматику, синтактику и этимологию *культурных кодов*, А.А. Пелипенко подчеркивает, что «читая и герменевтически интерпретируя разноречивые языки

[1] Власенко В.В. Культура человека и ее морфология // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 7. Ч. 1.

[2] Каган М.С. Избранные труды в 7-ми т. СПб.: ИД «Петрополис», 2007. Т.3. С. 216.

[3] Каган М.С. Там же, с.21

культуры» теоретическая культурология «вскрывает *смысловые пласты,* скрытые за их "лексикой", которой занимаются частные предметные науки, и исследует их взаимосвязь в контексте *культурного целого*» (курсив наш – В.В.)[1].

Что дает культурологическое знание учителю? Во-первых, *понимание* человека не только как *творца,* но и как *творения* культуры, что позволяет: а) верно определить цель деятельности учителя, заключающуюся в *развитии* посредством инновационных технологий образования *всех потенциалов* личности *каждого* ученика; б) понять, что в достижении этой цели технологии – всего лишь *средство.* Во-вторых, *восприятие* преподаваемого предмета (инструмента, с помощью которого формируются и развиваются личностные потенциалы воспитанников) как *произведения культуры,* своеобразного моста, ведущего от одного Я-полюса к другому, некоего «Ты», с которым необходим *диалог.* В-третьих, *осознание* того, что главная цель педагогической деятельности – внутренняя *духовная эволюция* личности воспитанников, когда изучаемый предмет становится для них *одной из предпосылок* для того, чтобы определить и понять самого себя и расширить свое Я до масштабов Вселенной. В этом случае и биология, и физика, и география «есть предмет культурологии. ...Но не сами по себе, не в рамках своего узко дисциплинарного дискурса, а в их отношении к человеку»[2]. Культурологическое знание позволяет учителю преодолеть романтическое представление о культуре, как о *безусловном благе* и осознать проблемы, несомые современной культурой. Таким образом, гносеологический потенциал культуры учителя не есть просто результат овладения определенным составом знаний из разных областей наук, это *системное знание*, результатом которого становится система *культурологического мышления*, понимаемого как мышление о чем бы то ни было в *контексте культуры*.

В структуре культуры особое место занимает ценностное осмысление мира и обуславливаемая им *ценностная ориентация деятельности людей.* Философы утверждают: «Никакие технологические инновации, никакие экономические реформы сами по себе не обеспечат устойчивого человеческого развития, если не произойдет переоценка ценностей, если не утвердится в обществе высокое ценностное сознание»[3]. Функция аксиологического потенциала культуры учителя определена его родовым предназначением: ориентировать своих воспитанников на приобщение к идеалам гуманизма – *Добру, Благородству, Справедливости, Самоотверженности, Прекрасному, Возвышенному* и т. п. Но школа существует не в некоем идеальном мире, где данные ценности не

[1] Пелипенко А.А. О геномах культурных систем в их исторической динамике [Электронный ресурс]. URL: http://7iskusstv.com/2010/Nomer7/Pelipenko1.php (дата обращения: 15.08. 2015).

[2] Пелипенко А.А. Там же.

[3] Мантатов В.В., Мантатова Л.В. Философия устойчивого развития [Электронный ресурс]. URL: http://philosophy-sd.narod.ru/man3.htm (дата обращения: 20.08.2015).

подвергаются сомнению, она погружена в тот реальный мир, в котором порою *должное* и *сущее* не совпадают кардинально, когда «высшие благороднейшие ценности» уходят «из общественной сферы или в потустороннее царство мистической жизни, или в братскую близость непосредственных отношений отдельных людей друг к другу»[1]. Эта характеристика, данная М. Вебером «судьбе эпохи» начала XX столетия, необыкновенно точно определяет и проблемы нашего времени. Деятельность учителя, как воспроизводителя человека, детерминирует направленность его ценностных ориентаций не на *сущее*, но на *должное.* Соответственно, основные структурные элементы аксиологического потенциала культуры учителя – это ценности высокой духовной направленности: *эстетические, нравственные и экзистенциальные.* Необходимо отметить, что аксиологический потенциал культуры учителя становится своеобразным *индикатором* направленности педагогической деятельности, поскольку он обуславливается не столько теоретическим осмыслением эстетических, нравственных и экзистенциальных ценностей, сколько «присвоением» этих ценностей учителем, их *глубинным* укоренением в структуре его личности.

Функция творческого потенциала культуры учителя детерминирована парадоксальным качеством профессиональной педагогической деятельности. Учитель – несомненно, *творец.* Его творческое действо не имеет аналогов, ибо он, устремляясь в будущее, отвечая на запросы и вызовы будущего, *со*творяет *другого человека*. Это с одной стороны. С другой стороны, учитель *неоднократно* воспроизводит (репродуцирует) то, что было уже открыто и осознано другими. И именно этот поверхностный, не творческий, вид деятельности, требует творчества особой «высокой пробы», творчества *интерпретатора,* которое проявляется в *открытии* новых *смыслов*, в способности повторяясь, не *повторяться.* Ценности культуры и направленность на личность ученика являются основными детерминантами интерпретационного творчества учителя, который на протяжении многих лет в *каждом* классе должен быть *сиюминутным*, *своевременным* именно для *этого* класса.

Составными структурными элементами культуры учителя являются *коммуникативный и художественный потенциалы.* Умения и навыки *общения,* характер и прочность контактов, устанавливаемых с другими людьми, определяют содержание коммуникативного потенциала, а широта *художественных потребностей* личности, уровень и качество ее *художественного вкуса* – художественного потенциала. Необходимо подчеркнуть особое значение *художественного потенциала* в структуре культуры учителя, обусловленное местом искусства в системе культуры. Искусство является и «самосознанием» культуры, и «кодом» культуры. Функцию самосознания оно выполняет для культуры, к которой принадлежит, функцию кода – для *другой* культуры. Искусство

[1] Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем.; сост. общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. С. 734.

позволяет сделать прозрачными границы, разъединяющие народы, под его воздействием формируется душа, способная резонировать с Универсумом Другого, способная к диалогу, «глубинному общению». Функция искусства по отношению к человеку определяется его удивительной возможностью: быть своеобразным катализатором формирования и развития всех потенциалов личности и, значит, воздействуя *целостно,* способствует становлению *целостности* человека. Это находит убедительное подтверждение в нейро-физиологических и социологических исследованиях, посвященных изучению воздействия искусства на формирование духовного мира человека и совершенствование его социальной практики[1].

В заключении отметим следующее. Первое. Личностная культура учителя не может не быть *целостным* образованием, представленным во взаимосвязи и взаимоопосредованности *всех* ее потенциалов, поскольку неразвитость хотя бы одного из них приводит к деформации личности, ее ущербности. Второе. Обращаясь к специфике современной сельской школы, подчеркнем, что областью профессиональной деятельности сельского учителя является не только обучение, но и социальная сфера, и культура, а видами профессиональной деятельности становятся педагогическая и *культурно-просветительская.* Именно поэтому в процессе профессиональной подготовки сельский учитель должен овладевать такими компетенциями, как умение разрабатывать и реализовывать культурно-просветительские программы для различных категорий населения; профессионально взаимодействовать с участниками культурно-просветительской деятельности; выявлять и использовать возможности региональной культурной образовательной среды для организации культурно-просветительской деятельности. Подчеркнем, что формирование и развитие этих профессиональных компетенций возможно только при условии формирования и развития духовных, нравственных и мировоззренческих качеств будущего педагога, что и обусловливает необходимость культурологического измерения современного педагогического образования. Третье. В «Стратегии устойчивого развития сельских территорий», о которой было сказано выше, определены функции сельской школы и учреждений культуры в успешной реализации ее задач. И несомненно, что одним из факторов устойчивого развития села является сельский учитель как культуртрегер третьего тысячелетия.

---

[1] См.: Красота и мозг: Биологические аспекты эстетики / И. Ренчлер, Б. Херцбергер, Д. Эпстайн и др.; под ред. И. Ренчлера и др.; перевод с англ. М.А. Снеткова и др. М.: Мир, 1995. Художественная культура и развитие личности: Проблемы долгосрочного планирования / Ю.У. Фохт-Бабушкин, В.Я. Нейгольдберг, Ю.В. Осокин и др.; отв. ред. Ю.У. Фохт-Бабушкин. АН СССР, ВНИИ искусствознания М-ва культуры СССР. М.: Наука, 1987.

Василенко В.В.
(Ростов-на-Дону)

РОЛЬ ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА В РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ В РЕГИОНЕ (НА ПРИМЕРЕ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА)

Культурную жизнь России наполняют не только культурные события в столицах. Ее создает повседневность в регионах. В этой связи проблема развития региональной культуры является сегодня одной из ключевых. На прошедшем 7-9 декабря 2014 г. III Санкт-Петербургском международном культурном форуме Министр культуры Российской Федерации В. Мединский подчеркивал необходимость осуществления культурной политики в регионах страны, возвращения им «культурного долга». В ходе обсуждения проблем формирования культурной политики и презентации наиболее успешных проектов Года культуры в России советник Президента Российской Федерации В. Толстой отмечал значение Года культуры для оживления культурной жизни во многих регионах страны, охарактеризовав сложившуюся ситуацию тем, что «время культуры пришло».

24 декабря 2014 г. Указом Президента Российской Федерации были утверждены Основы государственной культурной политики[1], где главной целью государственной культурной политики выдвинуто «формирование гармонично развитой личности и укрепление единства российского общества посредством приоритетного культурного и гуманитарного развития».

Попадание культуры в ранг национальных приоритетов закономерно. В Ежегодных посланиях Президента РФ Федеральному собранию РФ в 2012 г. и 2013 г. проблема культуры как механизма социального наследования была поставлена на повестку дня. В принятой концепции государственной культурной политики придается значение обеспечению не только культурного, но и гуманитарного развития как основы процветания социально-экономической сферы российского общества. Кроме того, к разнообразным видам культурной деятельности, охватываемым культурной политикой отнесены гуманитарные науки, образование, воспитание, просвещение. В документе записано: «Единение науки, образования и искусства закладывает основу для понимания общественной миссии культуры как инструмента

[1] Основы государственной культурной политики 24 декабря 2014 г. URL: http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d526a877638a8730eb.pdf (Дата обращения: 01.08.2015)

передачи поколениям ценностей, составляющих ядро национальной самобытности».

Образование всегда выполняло социокультурные функции, которые связаны с решением задач социализации, инкультурации личности, усвоения норм и ценностей, регулируемых отношений внутри общества. Сложившаяся система функций образования, где как отмечает Г.А. Аванесов, «общее преследует цели преимущественно инкультурации личности, а потому тесно связано с задачами воспитания и формированием личности в качестве «продукта, потребителя культуры», а профессиональное сосредотачивается преимущественно на проблемах усвоения специального знания и предметов будущей профессиональной деятельности обучающегося, готовя «исполнителя» культуры (профильного воспроизводителя-интерпретатора актуальных культурных форм) и «творца» (разработчика новых форм)»[1], в условиях современного массового общества стала неэффективной.

Сеть федеральных университетов в стране начали создавать до появления оформленной концепции государственной культурной политики. Процесс реорганизации вузов был обусловлен не только необходимостью создания нового формата подготовки высокопрофессиональных кадров для экономического сектора, возможностью консолидации усилий для инновационного прорыва регионов, но и, что не менее важно, необходимостью повышения интеллектуального и культурного уровня населения страны. Северо-Кавказский федеральный университет был создан распоряжением Правительства РФ в 2011 г. Сразу же при формировании университета, в его миссии было определено: «Северо-Кавказский федеральный университет представляет уникальные возможности в образовании, научной и культурной сферах». На начальном этапе формирования в первой редакции Программы развития СКФУ на 2012-2021 гг., утвержденной распоряжением Правительства РФ, доля собственно культурных задач деятельности университета была весома: формирование общекультурных компетенций; укрепление роли русского языка как государственного и русской культуры; формирование общероссийской идентичности; обеспечение сбалансированности межэтнических и межконфессиональных отношений населения округа; создание комфортной среды среди многонациональной молодежи и др.

На федеральный университет как социальный институт культуры были возложены функции социализации и инкультурации молодежи в регионе. Еще большую актуализацию они приобрели в контексте новой государственной культурной политики, когда местные социальные институты культуры (библиотеки, музеи, дома творчества и т. п.) оказались не совсем готовы отвечать требованиям сегодняшнего дня, культурному запросу населения[2].

---

[1] Культурология XX век. Энциклопедия. Т. 2. СПб.: Университетская книга, 1998. С. 104-105.

[2] По данным Министерства культуры Ставропольского края на 1 января 2014 г.в

В проводимой образовательной деятельности особую роль играет понимание того, что повышение интеллектуального и культурного уровня обучающихся через гуманитарную подготовку будет способствовать гармонизации общественной жизни в регионе[1]. В учебные планы всех 26-55 направлений подготовки были введены дисциплины, направленные на формирование общекультурных, этнокультурных и этноконфессиональных компетенций, владение устной и письменной речью на русском языке.

Не последнюю роль играет культурно-просветительское направление деятельности университета. Придавая большое значение воспитанию культуры личности, в университете разработан и принят на референдуме Этический кодекс студента СКФУ. Кодекс носит рекомендательный характер и через обозначенные нравственные ценности, нормы и правила этикета регулирует поведение на занятиях и во время досуга.

Под культурной деятельностью в Основах государственной культурной политики понимается «деятельность по созданию, распространению, сохранению, освоению и популяризации культурных ценностей и предоставлению культурных благ в области культурного наследия, литературы, театрального, музыкального, изобразительного искусства, кинематографии, фотоискусства, СМИ, культурного досуга, народного художественного творчества, фольклора, нематериального культурного наследия, музейного, библиотечного дела, эстетического воспитания и др.».

В университете действует около 10 музеев, организуются театральные фестивали, концерты, конкурсы, силами университета создается особая информационная среда.

Одним из ярких примеров поиска новых форматов организации культурной жизни стало культурное событие 2014 г. на базе Научной библиотеки СКФУ[2], присоединившейся к Всероссийской акции в поддержку чтения. Культурное событие «БиблиоНочь СКФУ. Город книг» было приурочено к 200-летию М.Ю.Лермонтова и Году культуры в России.

Организаторы праздника исходили из того, что создаваемое пространство праздника должно послужить механизмом передачи благоприятных социальных образцов, транслятором культурных норм.

В центральной части города Ставрополя, в открытом уютном дворике и современном комфортном помещении Научной библиотеки СКФУ работало более 15 разнообразных площадок, где обучающиеся, преподаватели, сотрудники университета, а также все желающие горожане могли соприкоснуться с лучшими образцами форм художественной культуры и поучаствовать в тренингах региональных мастеров. Многочисленные представители не студенческой части

учреждениях культуры имелось 273 вакансии, наиболее востребованы клубные специалисты.

[1] В 2014-2015 уч. году в СКФУ обучались 24 732 студента 86 национальностей и народностей, из которых 87 % проживают постоянно на территории Северо-Кавказского федерального округа, 70 % – постоянно проживают на территории Ставропольского края.

[2] В библиотеке СКФУ на хранении находится более 2,5 млн. ед., в том числе уникальные старопечатные и редкие издания.

молодежи, неформальных творческих объединений, дети дошкольного возраста, школьники, люди с ограниченными возможностями здоровья на площадках федерального университета приятно провели свободное время, при этом бесплатно получив качественные услуги университетской библиотеки. Данное культурное событие послужило стимулом для дальнейшего развития социального партнерства в городе. В качестве спонсоров выступили некоторые представители ставропольского бизнеса, Праздник стал неординарным культурным событием города и широко освещался в региональных СМИ.

Как видим, осознание свойств культуры, ее «смыслообразующей, социальнокоммуникативной, интегрирующей роли», на которые указывает А.Я. Флиер[1], позволяет связать функциональные подсистемы образования и воспитания на практике, выработать соответствующие гуманитарные технологии формирования культурной идентичности. В университете воспитывают «потребителя» культуры, обучают ее «творца».

Осваивая новые культурные форматы, в ходе своего становления, федеральный университет обеспечивает доступность культурной среды и культурных ценностей населению города, повышая уровень культуры. Есть основания полагать, что вместе с созданием федерального университета запущен механизм положительной динамики культурного развития всего региона.

Вместе с тем для успешного продвижения культурной деятельности федерального университета в регионе необходим поиск путей преодоления межведомственных и межотраслевых барьеров, создание условий для возможности участия образовательного учреждения в государственных программах и конкурсах Министерства культуры РФ.

Козьякова М.И.

ТЕАТРАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК РЕСУРС РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ

Трансформации, наблюдаемые в мире за последнее время, ставят на повестку дня вопрос о традиционных ценностях, о защите отечественной культуры. В реформах в нашей стране во многом была задана ориентация на западный опыт с его принципиальной установкой на рыночный индивидуализм, на антропоцентристское целеполагание, ставящие отдельного человека в центр мироздания. Необходимой предпосылкой и условием развития личности являются

[1] А.Я. Флиер. Некультурные функции культуры. М.:МГУКИ, 2008. С. 15-16.

при этом политические свободы, а также частная собственность. Борьба за них имела длительную историю, соотносящуюся с этапами становления буржуазного общества. Идея неприкосновенности частной собственности лежит в основании таких институтов как «гражданское общество», «правовое государство», «просвещение». Именно она закладывает фундамент современной западной цивилизации и, как полагают либеральные теоретики, должна способствовать рождению свободной, ответственной личности, становящейся неотъемлемой частью новой системы.

С этим комплексом позитивистских идей можно было бы согласиться, если бы реальность соответствовала либеральным моделям. Если бы в результате процессов социальной эмансипации и индивидуации «на выходе» получалась действительно всесторонне развитая личность, самостоятельная и социально ответственная. Можно было бы согласиться и с принципиальной установкой на рыночную верификацию, а также с критикой, неизменно звучащей в либеральных кругах в отношении коллективистской психологии с ее «субъектной подчиненностью» и «настроениями социального иждивенчества». На практике, однако, все более рационализирующийся западный мир в массовом порядке генерирует иную индивидуальность: человек-масса, «листья травы» (У. Уитмен) становится типичным персонажем современности, актором гражданского общества.

Гражданское общество поглощается в западном мире массовой культурой. Анализ этого феномена, данный Х. Ортегой-и-Гассетом в 1930 г., не потерял своего значения и в XXI веке. Провозглашенный в конце XIX в. Г. Лебоном тезис «наступающая эпоха будет эрой масс»[1] в полной мере осуществляется именно сейчас, когда глобализация и информатизация создали необходимый технический базис для беспрецедентного развертывания массового универсума. Речь идет о негативном воздействии рационализационных трендов на самую чуткую, тонкую сферу производства – производство самого человека, включая его воспитание, образование, культуру.

Максимальная эффективность в производстве однородной продукции достигается при использовании фордовских технологий, чьим современным вариантом стала так называемая «макдональдизация». Синтезирующая конвейерную линию, бюрократию и научное управление, она оказалась среди самых востребованных организационных форм, получила широкое распространение в различных сферах, услуги которых могут быть жестко стандартизированы по содержанию, объему, качеству, алгоритму операционности. Принципы макдональдизации кладутся в основу здравоохранения, образования, туризма. Исследовавший этот феномен Дж. Ритцер говорит в этой связи о макдональдизации общества[2].

[1] Лебон Г. Психология народов и масс. СПб. 1995. С. 154.
[2] Ritzer G. The Mcdonaldization of Society. Pine Forge Press, 2000.

Круг замыкается: эра масс (Г. Лебон), восстание масс (Х. Ортега-и-Гассет), век толп (С. Московичи) обрели свою аутентичную основу в массовых стереотипах и стандартах, в однородности конвеерного производства и брендового потребления, в макдональдизации процессов образования, здравоохранения, культуры. Формируется масса, примечательная своей анонимностью, усредненностью присущих ей параметров, характеристик и качеств, отсутствием персоналистского начала. Масса аморфна, она предстает как бессубъектный субъект, некий «бульон культуры». Она существует «вне времени», вернее, время и пространство чрезмерно мало, узко, ограничено рамками данного локуса. Область массы – та, где «мир вечного сегодня» (Н. Козлова): «здесь и сейчас» – так фокусируется событийная канва.

Непричастные к Большой культуре или к Большой истории, люди здесь обитают в мире первичной социальности. Повседневность – естественная среда обитания, единственно доступное, освоенное жизненное пространство. Человек срастается с ним, как улитка со своей раковиной: локус прагматичен, ограничен насущными заботами, которые предельно онтологизированы. Высокие материи, в том числе национальный выбор, исторические судьбы народа не входят в его габитус. «Война войной, а обед – по расписанию!». Специфическая культурная среда диктует свои законы. На этой территории законом является игра «на понижение», обыденны и повсеместны явления культурного аутсайда: травестирование, снижение пафосности, схематизация, а также социокультурная энтропия.

Чем проще система, тем она надежнее. Сила кроется в упрощении: особая жизнестойкость массы является обратной стороной максимальной простоты ее атомизированных частиц, их связей, их взаимного расположения. Архаика, рабство, средневековое варварство, присутствующие в современном мире, связаны не только с исламским фундаментализмом, с терроризмом боевиков или с Игилом. В лоне европейской цивилизации также систематически возрождается варварство, связанное с «тиранией большинства» (А. де Токвиль) – еще Х. Ортега-и-Гассет диагностировал эту опасность. [1] Человек-масса чрезвычайно легко поддается политическому и социальному манипулированию, руководству массмедийных установок. Под воздействием умело построенной пропаганды масса может скатываться к организациям, подобным «правому сектору» на Украине, где не коллектив, но масса апеллирует к всевластию государства, прибегает к систематической агрессии по отношению ко всем несогласным.

Одно из негативных последствий массовизации – аннигиляция, самоуничтожение великой европейской культуры. Забыв о собственных лозунгах, европейские демократии прогибаются под давлением политической конъюнктуры, увязают в трясине бюрократизации, дрейфуют без руля и ветрил по течению нетрадиционных ориентаций,

[1] Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М. 2001. С. 15.

доходят до крайних пределов национальной безопасности, играя с огнем мультикультурализма. Американская модель, «огнем и мечом» насаждающая по всему миру собственную систему «демократических» ценностей, также не является ориентиром.

Подобного рода гражданское общество (во всяком случае, традиционно именовавшие себя таковыми западные демократии) не может предлагаться как образец, хотя вестернизация, предпринятая в нашей стране, предполагала в конечном счете закрепление стандартов западного индустриального мира. Либеральная парадигма была оценена отечественными реформаторами как наиболее прогрессивная, универсальная, несмотря на то, что многие зарубежные исследователи уже в 90-е гг. оценивали ее скептически, говорили о крахе либеральной идеи – об этом свидетельствует, например, книга И. Валлерстайна «После либерализма».

По сути дела, преследовался мираж – жизненная практика показала опасность подобного подхода. Экспансия масскульта, внедрение за последние десятилетия многих образцов атлантической цивилизации, инновации западного прогрессизма во многом шли вразрез с культурными паттернами и национальными интересами российского социума. В ходе использования предложенных атлантическими «данайцами» правил игры в стране произошла радикальная ломка всего и вся: трансформация жизненного уклада, уничтожение социальных и государственных институций, разрушение народнохозяйственного комплекса.

В этой связи особую актуальность приобретают исследования системных стабилизаторов, обеспечивающих национальную безопасность, в том числе основных, базовых атрибуций, таких как национальная, социальная, конфессиональная принадлежность. Национальные приоритеты, перспективы их развития, национальная безопасность и национальные интересы перемещаются с периферии общественного внимания в центр ожесточенной политической, идеологической, экономической борьбы, проецируются в фокус важнейших проблем современности.

Мир стремительно меняется, и стабильные в прошлом ориентиры утрачивают свои некогда императивные характеристики, подвергаются «реструктуризации», либо заменяются новыми, нередко в угоду политической конъюнктуре. Наглядный пример подобных трансформаций предлагают бывшие советские прибалтийские республики, ныне самостоятельные государства Литва, Латвия и Эстония, а также Украина. Политизация исторических реалий, кардинальная переоценка совместного прошлого, в том числе в период борьбы с фашизмом, привели к подъему националистических движений, к оправданию многих преступлений, совершенных карателями в годы Второй мировой войны.

Национальные интересы, как и национальная культура, не могут находиться в «свободном плавании» – слишком противоречива

картина современного развития, слишком сильно интегрированы они в мировую систему, слишком высоки ставки в геополитической борьбе. Необходимо не только тщательно выстраивать доктрину «методологического национализма» (К. Бек), но и внимательно отслеживать исправность функционирования идеологических барьеров и фильтров, препятствующих проникновению «троянских коней».

Социализация в условиях глобализации неизменно будет связана с проблемой идентификации в национальных, конфессиональных, гендерных, генерационных, иных групповых аспектах. В этой связи симптоматичен поворот общественного мнения по вопросу об отношении к собственной культуре и истории, о необходимости сохранения исторической преемственности. Не отказ от традиционных ценностей, культурных корней, а их сохранение и поддержка с необходимостью ставится сегодня в повестку дня. Это подчеркивает в своих выступлениях Президент В. В. Путин[1].

Возможно, в дальнейшем будет решен не только вопрос о формировании эффективной национальной культурной политики, но и о выработке целостной идеологической системы. Она сможет внести положительный вклад в консолидацию общества, усилить внимание к родной культуре, языку. Конечно, любой проект, нацеленный на интересы национальной безопасности, должен учитывать перспективы общественного развития, отвечать интересам широких слоев гражданского населения, а следовательно, включать доминантные цивилизационные характеристики. Это те ценности и смыслы, которые присутствуют в народном сознании, которые закреплены на архетипическом уровне.

Россия – особая европейская цивилизация. Она никогда не принадлежала к западному цивилизационному универсуму: не вдохновлялась картезианским рационализмом, не признавала протестантскую этику мотивации труда и потребления, не принимала собственность как альфу и омегу жизненного мира. Не внушали ей особого пиетета и либеральные ценности – А.С. Пушкин дал в свое время исчерпывающий ответ: « Не дорого ценю я многие права…» Свобода при этом мыслилась не столько «от» чего-либо, сколько «для», подлежа суду преимущественно не закона, но нравственных канонов.

Универсалистские ориентации, господствующие в общественном сознании, этатизм, приверженность привычному для многих поколений россиян образу страны как великого государства формируют так называемую великодержавность сознания. Солидарность, органическая целостность общероссийской идеи восстанавливают еще недавно, казалось бы, утраченную идентичность. Гордость за страну, отстаивающую свои позиции на мировой арене, восстанавливающую свои исторические границы, патриотизм, имплицитно присутствующий

[1] Речь на заседании Совета по культуре и искусству, выступление на Валдайском форуме, Послание Федеральному Собранию.

в российском архетипе, ярко проявили себя в связи с воссоединением Крыма. Живая память о героическом прошлом, о подвигах отцов и дедов, верность отеческим традициям были запечатлены в объединительном пафосе «Бессмертного полка» – одного из самых значимых, знаковых событий, отметивших празднование 70 годовщины победы в Великой Отечественной войне.

Поэтому так важна в настоящее время национально-ориентированная культурная политика, предполагающая политическую волю и государственную активность. Именно она становится средством, дающим возможность восстановить культурную самобытность, вернуть историческую память, обеспечить задачи диалога между различными слоями, в том числе диалога элиты и общества. Собственно речь идет о существовании «русского мира», сохранении его исторической и культурной специфики, а, следовательно, и о стратегической перспективе. Необходимость подобной работы определяется ее актуализацией: национальная идея «есть формула выживания российского государства в постоянно меняющемся мире» .[1]

С точки зрения перспективы важнейшая роль принадлежит здесь образованию, «выращиванию» патриотически ориентированной молодежи, воспитанной не на фантомах постмодернистской рефлексии, а на исторической преемственности культурного кода. Институты образовательной сферы непосредственно участвуют в процессах социализации нового поколения наряду с традиционно действующими в этом направлении институтами семьи, церкви, детских и молодежных объединений, других общественных организаций. Особое место занимает профессиональное творческое образование: музыкальное, театральное, художественное, призванное готовить будущую интеллектуальную, творческую элиту. Театральное образование является также одним из эффективных направлений культурной политики, способствующих преодолению неравномерности культурной среды, повышению роли культуры в обеспечении устойчивого развития регионов.

«…Образование, даже массовое, имеет своим конечным результатом штучный продукт».[2] Творческие вузы более, чем другие, имеют дело со «штучным», индивидуальным производством. Здесь нет и не может быть массовых аудиторий и больших потоков. Талант вообще – вещь чрезвычайно редкая, а его «огранка» требует не автоматизированных процессов, а ручного кропотливого труда. Традиционно творческие вузы имеют собственные школы, связанные с именем (именами) выдающихся деятелей культуры и искусства: музыкантов, композиторов, художников, артистов. Руководитель, или, как часто именуют его, «мастер» в духе

[1] Соколова Р.И. Сможет ли Россия выжить без идеологии? // Философские науки. № 1. 2014. С. 28.

[2] Межуев В.М. Образование и культура.// Высшее образование для XXI века. М., Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2005. С. 93.

булгаковского героя, должен иметь творческое имя, определенную степень известности.

Талант не подлежит планированию. Он не всегда виден изначально, но может раскрыться в процессе обучении или же, наоборот, надежды могут не оправдаться. Педагоги-мастера обыкновенно считают, что 4-5 талантливых выпускников на курсе – прекрасный результат работы педагогического коллектива. Главная особенность обучения в творческом вузе – доминирование специальности. Все остальные предметы, особенно теоретические, являются вспомогательными. Они играют второстепенную роль, но именно они обеспечивают высшее образование специалиста, его общую культуру.

Появление большого количества новых институтов, падение качества образования, его коммерциализация спровоцировали массовые проверки государственными органами действующих вузов, в практику отечественного образования вошли мероприятия по аттестации и аккредитации последних. Однако ведущие позиции старейших российских школ остаются незыблемыми. Хранящие культурные, творческие традиции, они передают их «из рук в руки», от учителя к ученику – ведь «именно так передаются традиции» (Ю. Соломин). К таким жемчужинам российской культуры принадлежит Школа Малого театра.

Классическое театральное образование обладает большим культуртрегерским потенциалом, который, как представляется, до настоящего времени еще не получил должной оценки. Велика его роль в сохранении и развитии не только русской культуры, но и многонационального культурного наследия народов России, в преодолении неравномерности культурной среды. Ведущие театральные институты выпускают, наряду с русскими курсами, также и национальные студии. Но именно Школа Малого театра – Высшее театральное училище имени М.С. Щепкина имеет необычайно богатый опыт подготовки, точнее сказать, воспитания актеров для национальных республик.

Начало было положено якутской студией, набранной по инициативе легендарной В.Н. Пашенной. Всего же, начиная с 50-х гг. прошлого века Школой было выпущено почти 40 студий. Выпускники Щепкинского училища работают в бывших советских республиках, ныне самостоятельных государствах Казахстане и Туркмении, Таджикистане и Киргизии, а также в Германии и Южной Корее. Многие студии набирались неоднократно. Несколько поколений актеров было подготовлено для Татарии и Южной Осетии, для Чувашии и Марий Эл. Для Республики Саха – 5 национальных студий (выпуски 1955, 1966, 1974, 1985, 2002 гг.). Теперь в театрах Якутии выпускники-щепкинцы составляют 90 % творческих кадров, а в Чувашии, например, – около 80 %[1].

[1] Школа Малого театра. 190 лет Высшему театральному училищу им. М.С. Щепкина. М.

Педагоги разных поколений отмечают, что работать с национальной студией сложнее, чем с русским курсом: языковой барьер, иной менталитет, особенности мышления, чувствования, восприятия. Однако «именно школа русского психологического театра предполагает возвращение студента к истокам его национальной культуры. Погруженный в свою родную стихию, он раскрепощается, его интеллектуальное и эмоциональное развитие получает верное направление», говорят специалисты[1]. В начале обучения педагоги, как правило, обращаются к фольклору, обрядам, национальным традициям. Особое внимание уделяется родному языку, поскольку именно он дает подлинную органику на сцене. Поэтому, наряду с русским, студент за годы учебы должен овладеть национальным литературным языком. Это не всегда простая задача, так как работу иногда приходится начинать чуть ли не с азов. Показательна история с немецкими студиями: бывших советских немцев, которых готовили для Немецкого театра в Алма-Ате: учили немецкому языку практически с нуля.

Работа с национальными студиями требует гораздо больше педагогического труда, так как уровень подготовки абитуриентов из отдаленных районов национальных республик бывает весьма низким. Как правило, в творческий вуз не набирают по ЕГЭ: данные ЕГЭ противоречивы и механистичны, они не являются показателями творческих способностей, на основании которых молодые люди собственно и участвуют в конкурсном отборе. Ярко выраженные способности в определенной сфере не гарантируют высоких баллов по другим предметам, а зачастую просто препятствуют этому. В подобной ситуации чрезвычайно важно общее гуманитарное образование, которое дает возможность наверстать упущенное, обрести широкий кругозор, профессиональную компетенцию.

Для успешной работы педагогам необходимо знакомиться с национальной культурой студийцев, в том числе с литературой, театром, тщательно отбирать репертуар. Каждая студия особенная. В процессе подготовки спектакля часто возникает необходимость перевода на национальные языки произведений русской или западной классики, так как выпускники привозят к себе в республику уже готовые спектакли. Там их ждут – выпускники Школы составляют, во многих случаях, ядро творческой интеллигенции своей республики. В целом же подготовка национальных творческих кадров, повышение их образовательного уровня, и просто опыт жизни в столице служат укреплению межнациональных отношений, содействует преодолению неравномерности культурного развития, подъему культурного уровня регионов.

Театр – не просто вид искусства. Об этом свидетельствует как его многотысячелетняя история, так и само его возникновение в VI в. до

2000. С. 53.

[1] Школа Малого театра. 190 лет Высшему театральному училищу им. М.С. Щепкина. М. 2000. С. 54.

н. э. Зародившись в Античной Греции, он являл собой вид богослужения, сакрального действа, магического ритуала поклонения Дионису. Социальный аспект выражен здесь очень ярко: театр объединял граждан, позволяя не только отдать официальную дань важному событию, но и через совместное сопереживание испытать чувство единения, партиципации, объединяющее и сплачивающее людей. Он формировал эстетические и этические взгляды, создавал культуру античного полиса, оказавшую колоссальное влияние на европейскую культуру в целом. Он выполнял и пропедевтическую функцию. Не случайно именно в древнегреческом театре складывается феномен катарсиса.

Национальный театр и в настоящее время может быть духовным маяком, он способен играть роль своеобразного культурного универсума, аккумулятора творчески активной энергии. В первую очередь он выступает хранителем традиций, классического наследия: это национальный язык, национальная драматургия, особенности актерской игры. И в тоже время традиция не является застывшей: каждый спектакль является особенным, неповторимым, уникальным, как и любое произведение искусства. Это живая, «рукотворная», бесконечно меняющаяся, развивающаяся традиция.

Театральное искусство многозначно и многофункционально, поскольку обращено одновременно к разуму и к чувству: оно заставляет размышлять, учит, просвещает, образовывает, и в то же время вызывает эмоции, развлекает, доставляет удовольствие, отдохновение. Оно также объединяет людей. Необходимо заботливо пестовать театральное искусство, строить или ремонтировать театральные здания, поддерживать материально самые удачные театральные проекты, новые драматические спектакли, балеты, оперу. Также нуждается в поддержке со стороны государства и бизнеса и театральные школы, люди, работающие там, беззаветно преданные своему делу.

Противореча знаменитому высказыванию, дерзнем отметить в заключение, что национальный театр не может начинаться с вешалки. Он начинается со школы. Как говорил А.Н. Островский, «без школы нет артистов, а без артистов нет и театра». Классический или современный репертуар, особая энергетика, особая атмосфера, которая бережно сохраняется и передается от учителя к ученику, – русская школа психологического театра остается одним из родников российской духовности, который питает наше общество, сохраняя и развивая культуру многонациональной страны.

Карташова И.В.
(Москва)

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СТАНДАРТЫ ПОДГОТОВКИ КУЛЬТУРОЛОГОВ В СВЕТЕ АКТУАЛЬНЫХ ЗАДАЧ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

Среди обязательных условий выполнения любой масштабной государственной программы значительное место занимает кадровый вопрос. И задача подготовки профессионалов, способных принести практическую пользу в реализации «Основ государственной культурной политики», несомненно, одна из важнейших. В связи с этим перед профессиональным культурологическим образованием возникает задача формирования у студентов специальных компетенций прикладного характера. Решение этой задачи соответствует практико-ориентированной направленности развития современного высшего образования. Если провести анализ изменений тех требований, которые предъявлялись выпускникам в различных государственных стандартах по культурологии, то можно наглядно увидеть движение в сторону конкретизации, ориентированности на те или иные виды деятельности. Разумеется, определяющую роль сыграло здесь внедрение компетентностного подхода. Изменилась сама структура раздела, который сначала обозначался как «Требования к уровню подготовки выпускника», а в последних стандартах называется «Требования к результатам освоения программ». Если в ГОС ВПО по специальности 020600 «Культурология», принятом в 1997 году, среди требований к выпускникам читаем: «Специалист должен иметь представление о научных, философских и религиозных картинах мира, проблемах философской антропологии, многообразии форм человеческого знания, соотношения истины и заблуждения, знания и веры, рационального и иррационального в человеческой жизнедеятельности, особенностях функционирования знания в современном обществе, о духовных ценностях, их значении в творчестве и повседневной жизни»[1], то в ФГОС 3 речь идет уже о компетенциях, необходимых для определенных видов деятельности, и формулировки более конкретны и прагматичны. Однако, справедливости ради, нужно отметить, что ФГОС 3 включал в себя таблицу «Структура ООП бакалавриата», которая задавала содержание

[1] Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования. Государственные требования к минимуму содержания и уровню подготовки выпускников по специальности 020600 "Культурология". Москва, 1997 // Российское образование: Федеральный портал. URL: http://www.edu.ru/db/portal/spe/gos_old/020600.htm (Дата обращения 26.08.2015).

подготовки. В новом шаблоне ФГОС 3+ этот раздел отсутствует, и содержательное наполнение подготовки бакалавра-культуролога отдается на усмотрение образовательного учреждения. Таким образом, мы имеем рамочный стандарт, не задающий содержание образования, а формулирующий возможные варианты требований работодателя.

В результате стремления подготовить специалиста, востребованного обществом, выстраивается функционально понятный образ «менеджера культуры», способного «решать стандартные задачи профессиональной деятельности», использовать «современное знание о социокультурной деятельности (концепций и инструментария) в организационно-управленческой работе», участвовать в «планировании, разработке, документационном обеспечении и запуске инновационных проектов»[1] и т. д. Казалось бы, такой вектор образовательной деятельности соответствует решению поставленных государством задач, однако в данном случае кратчайший путь не является самым верным. В стремлении подготовить человека практического мы рискуем получить человека несостоятельного в профессиональном отношении. Налицо игнорирование своеобразия культурологического знания, сочетающего в себе возможность прагматического применения и необходимость весомого теоретического и фактографического багажа. Излишняя нацеленность на формирование профессиональных компетенций прикладного характера (вкупе с ограниченностью времени обучения бакалавров) может вытеснить из учебного плана фундаментальные академические дисциплины. В результате мы получим деятелей, уверенных в своих умениях управлять и проектировать, но не способных ни разобраться в происходящих культурных явлениях, ни породить новые культурные смыслы и формы. В конце концов такого рода «практики», с их поверхностным знанием, окажутся бесполезными и в решении практических задач культурной политики, потому что будут не в состоянии учесть всю сложность культурного процесса, его многофакторность, созависимость различных пластов этнического, исторического, религиозного в современной культурной ментальности. Идеи и решения такого рода «практиков» окажутся плоскими, необоснованными, неукорененными и, в результате, нежизненными. Для эффективного управления культурой нужен мощный гуманитарный фундамент. И задачи практического свойства, которые возникают как потребность сегодняшнего дня, на самом деле не могут быть адекватно решены без опоры на знание истории культуры и глубокого понимания тех закономерностей, которым подчиняется культурное сознание современников. В качестве примера упомянем такую важнейшую задачу современной культурной политики, как социокультурная интеграция.

[1] Проект федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 51.03.01 Культурология (уровень бакалавриата) (ФГОС ВО, ФГОС 3+) // РГПУ им. А.И. Герцена. Учебно-методическое управление: Нормативные документы. URL: http://www.herzen.spb.ru/main/structure/others/umu/OSIP/umudoc/1392204362/1392619641/ (Дата обращения 25.08.2015).

В числе прочих путей ее решения немаловажным является создание мемориальных объектов – пространственных либо темпоральных, – символически закрепляющих объединяющие гражданские ценности. Разумеется, введение в календарь новых общенародных праздничных дат или строительство новых памятников – задачи, решаемые в поле культурной политики. Но достаточно ли «прикладных», «менеджерских» навыков для реализации такого рода проектов? Возведение памятника, например, подразумевает сложный многофакторный анализ, опирающийся на хорошее знание национальной и мировой истории, мифологии, религии, этнических традиций, градостроительной истории, принципов визуального восприятия, социальной психологии и проч. Какая историческая личность способна объединить современных россиян? Какие смыслы она символически олицетворяет? Какие ограничения на форму и размер памятника накладывают эстетические каноны и национальная традиция? Какие сложные символические напластования могут обнаружиться в выбранной для установки памятника точке культурного ландшафта? Какие противоречия и диссонансы могут возникнуть в общественном сознании в ответ на его установку? Без учета всех перечисленных и многих иных факторов решение о возведении нового монумента может оказаться не примиряющим, а ровно наоборот – разделяющим общество шагом.

Не менее сложным решением в плане культурной политики является введение в общенациональный календарь новых праздников. Можно найти знаменательные события в истории народа и приписать некоторое символическое значение дате их свершения. Но для того, чтобы праздник действительно стал общенародным, необходимо обосновать значимость исходных событий, прояснить их символическое значение для народного самосознания, сформулировать смысл праздника так, чтобы он был понят и принят большинством. Кроме того, не обойтись без знаний архаической природы праздника, его мифологической основы, необходимых атрибутов. А зная все это, предложить определенные праздничные ритуалы, восходящие к обрядам перехода, ввести их в общественную жизнь и способствовать их закреплению.

Таким образом, среди главнейших и непременных компетенций выпускника-культуролога должны присутствовать: свободное владение достижениями культур прошлого; понимание сложности структуры и механизмов существования культуры; умение обнаруживать взаимосвязи и взаимозависимости явлений, относящихся к стилистически и хронологически разным культурным пластам и многое другое. Фундаментальное знание философии и истории культуры, включающее основы теории литературы, религиоведения, искусствоведения, эстетики, этики; знание древних языков и культур должны стать непременной основой любого практико-ориентированного культурологического образования. Упрощение и «уплощение» учебных планов подготовки специалистов в сфере культуры несколько парадоксальным образом лишает смысла и имеющиеся в них практико-ориентированные курсы.

Впрочем, сказанное верно не только для культурологического образования. Ситуация выхолащивания учебных планов затронула и другие гуманитарные направления. Существует ли возможность преодоления противоречия между практико-ориентированными задачами современного образования и необходимостью формирования у студентов широкой культурологической эрудиции? Есть несколько серьезных препятствий на пути решения этой проблемы. Прежде всего, как уже отмечалось, мы сталкиваемся с узкими временными рамками бакалаврской программы, не вмещающей многосеместровые академические курсы наряду с краткими практическими. Пожалуй, единственным выходом из ситуации может стать интенсификация процесса обучения за счет использования современных педагогических технологий. Необходимо в корне пересмотреть организацию самостоятельной работы студентов, сделать акцент на обучении методам и приемам самообразования. Имея доступ к современным информационным ресурсам и пользовательские навыки, большинство студентов, тем не менее, плохо знает образовательные возможности сети, не умеет грамотно подходить к поиску и отбору информации, критически ее оценивать. Преподаватели, в свою очередь, не используют в полной мере возможности современных технологий и методик при обучении и текущем контроле. Возможно, сочетание академического содержания и современных (в том числе интерактивных) методов преподавания, позволило бы в некоторой степени решить проблему нехватки времени.

Другое значительное препятствие на пути сохранения и углубления академической базы культурологического образования – крайне слабый уровень подготовки большинства абитуриентов, приходящих в вузы со школьной скамьи с поверхностными и бессистемными знаниями. В условиях перманентной образовательной реформы трудно рассчитывать на быстрое и масштабное решение этой проблемы. Но это не значит, что решать ее не надо. Одним из вариантов такого решения может стать создание в губернских городах базовых гимназий, педагогический костяк в которых составляли бы университетские преподаватели и талантливые учителя-гуманитарии. Образовательной моделью для таких учреждений может послужить классическая гимназия, дающая фундаментальные знания истории европейской культуры, многостороннее и глубокое понимание ее вербальных и визуальных текстов. Тем более, что есть удачные примеры реализации этой модели и ее теоретическое обоснование в работах создателя Греко-латинского кабинета Ю.А. Шичалина. Подобного рода гимназии могут стать не только основой для выстраивания системы непрерывного культурологического образования и подготовки гуманитарной элиты, но и передовыми учреждениями, разрабатывающими для массовой школы современные методики изучения историко-культурного наследия.

В заключение хотелось бы отметить, что «формирование нравственной, ответственной, самостоятельно мыслящей, творческой

личности»[1], которое названо в «Основах государственной культурной политики» главным условием достижения гражданского единства, невозможно без признания ключевой роли гуманитарного образования. Возвращение в вузовский культурологический стандарт теоретического и исторического содержания, разработка новых методов преподавания культурологических дисциплин, установление связей с предыдущей бакалавриату ступенью образования – школой – вот лишь некоторые из мер, которые можно предпринять для улучшения качества подготовки культурологов.

Левочкин В.В.
(Республика Саха (Якутия)

СИСТЕМА ПОДГОТОВКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КАДРОВ КАК ОСНОВА РАЗВИТИЯ ОТРАСЛИ КУЛЬТУРЫ НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)

Развитие культурного потенциала, сохранение и приумножение богатого наследия национального субъекта, которым является Республика Саха (Якутия), невозможно без постоянного кадрового обновления отрасли культуры. Отличительная черта обучения специалистов в сфере культуры и искусства состоит в многоступенчатом освоении профессии на протяжении 15, а то и 18 лет. Причем каждый выпускник имеет категорию «штучного товара», поскольку его подготовка ведется в условиях индивидуального обучения. Ни в одной другой отрасли нет такого длительного и дорогостоящего процесса подготовки специалистов.

Устойчивая жизнеспособность народной культуры и высочайшие достижения национального профессионального искусства Республики Саха (Якутия) основываются, прежде всего, на уникальной системе подготовки творческих и педагогических кадров. Эффективность действующей системы профессионального образования в области

[1] Указ Президента РФ от 24.12.2014 N 808 "Об утверждении Основ государственной культурной политики" (24 декабря 2014 г.) // Президент России. 2014. URL:http://www.kremlin.ru/acts/47325 (Дата обращения 25.08.2015).

искусства подтверждается результатами, имеющими значение в мировом культурном процессе, успешным участием во всероссийских и международных конкурсах по различным видам искусств, показателями трудоустройства молодых специалистов по специальности.

Функционирование учреждений культуры и досуга предполагает наличие достаточного количества профессионально подготовленных специалистов, способных обучать и воспитывать в следующих поколениях уважение к традициям, прививать патриотизм и ценности семьи, труда, образования и социума. Именно уровень подготовки специалистов в области искусства, которые составляют основу отрасли культуры, а, следовательно, являются залогом успешной культурной политики, определяет степень возможностей для реализации в обществе процессов духовного, эстетического и нравственного воспитания.

Согласно «Концепции развития образования в сфере культуры и искусства в Российской Федерации на 2008-2015 годы[1], освоение образовательных программ в сфере искусства (за исключением направлений искусствоведения) в малой степени связано с изучением научных дисциплин и базируется на творческих способностях, данных человеку природой. Образовательный процесс у музыкантов-исполнителей, артистов театра и кино, танцовщиков и художников начинается чаще всего с детского возраста и должен быть непрерывным, поскольку связан не с постепенным (от фундаментального к частному) освоением тех или иных наук, а с сугубо практическим чувственным, физическим и интеллектуальным постижением обучающимся сути осваиваемого вида искусства, раскрытием психофизических возможностей личности, тренировкой своего тела и психики, выработкой комплекса психофизических качеств, необходимых для самореализации в выбранной профессии.

Республика Саха (Якутия) на сегодняшний день располагает одной из самых развитых систем профессиональной подготовки кадров в отрасли культуры и искусства в Российской Федерации (Табл. 1). Система образования Республики Саха (Якутия) в сфере искусства включает все три последовательные ступени подготовки профессиональных кадров.

I уровень – начальное предпрофессиональное образование, представленное детскими школами искусств (включающими несколько направлений подготовки по разным видам искусств), детскими музыкальными, художественными, театральными школами, являющимися необходимой базой и фундаментом будущего профессионального образования. В обществе сложилось искаженное представление о том, что данные учебные заведения прививают потребности в общем эстетическом развитии, предоставляя ребенку возможность выбрать

[1] Распоряжение Правительства РФ от 25 августа 2008 г. № 1244-р О Концепции развития образования в сфере культуры и искусства в Российской Федерации на 2008-2015 гг. (с изменениями и дополнениями) Система ГАРАНТ: URL:http://base.garant.ru/193788/#ixzz3GwQAOMj3(дата обращения: 31.01.2015).

по своему вкусу в каком направлении развивать способности в качестве свободного времяпрепровождения. На самом деле главная задача школ искусств – обеспечить детей тем уровнем подготовки, который необходим для поступления в специализированные ССУЗы. Без предпрофессионального обучения такое поступление по основным направлениям профессионального искусства за редким исключением становится невозможным.

II уровень – среднее профессиональное образование, представленное училищами или колледжами по специализациям разных видов искусств. По окончании такого образовательного учреждения выпускник получает возможность выбора: работать по полученной специальности или продолжить обучение уже в высшем учебном заведении. При этом для поступления в вузы музыкального, хореографического и изобразительного искусств является необходимым наличие среднего профессионального образования. Программы I и II уровней могут также реализовываться в музыкальных, хореографических и художественных школах (колледжах) непрерывно. Особенно важно на данной ступени предоставить условия для комфортного индивидуального обучения особо одаренным детям, имеющим ярко выраженные способности в области музыкального, хореографического и изобразительного искусств.

III уровень – высшее профессиональное образование. В общероссийском классификаторе специальностей по образованию[1] предусмотрены 14 направлений подготовки (специальностей) высшего и среднего профессионального образования укрупненной группы «культура и искусство». В сфере культуры это «библиотечно-информационные ресурсы», «народная художественная культура», «социально-культурная деятельность», «светорежиссура», «реставрация», «художественное проектирование изделий текстильной и легкой промышленности», в сфере искусства – «музыкальное искусство», «театральное искусство», «хореографическое искусство», «изобразительное искусство», «литературное творчество», «киноискусство», «дизайн», «декоративно-прикладное искусство и народные промыслы». Каждое из перечисленных направлений имеет свои особенности профессиональной подготовки, определяемые спецификой определенного вида искусства, не всегда регламентируемые юридическими нормами.

Учреждения высшего профессионального образования могут реализовывать помимо этого программы повышения квалификации и переподготовки специалистов сферы культуры. Образовательные программы всех уровней по направлению «культура и искусство» осуществляются также в непрофильных государственных, муниципальных и частных образовательных учреждениях.

---

[1] Общероссийский классификатор специальностей по образованию ОК 009-2003 (ОКСО) (принят и введен в действие постановлением Госстандарта РФ от 30 сентября 2003 г. № 276-ст) (с изменениями и дополнениями). Система ГАРАНТ: URL:http://base.garant.ru/186755/#ixzz3QOcW3ax3 (дата обращения: 31.01.2015).

Начало художественному образованию Якутии, в частности, по музыкальному направлению, было положено в XIX веке – через деятельность Русской православной церкви. Следует отметить, что это было характерно в целом для системы образования, которая всецело складывалась в лоне православия.

«Якутская епархия создала сеть духовных учебных заведений, широкую настолько, насколько это было возможно на огромной, слабо заселенной территории, – отмечает в своем исследовании В.Г. Никулин. – Вместе с богослужением в быт якутов внедрялась русская духовная музыка, было положено начало музыкальному образованию, организована подготовка учителей пения, певцов и регентов для церковных хоров»[1].

Музыкальное образование в Якутии в 1920-е годы существовало в виде студийного движения. В 1931 году была создана Музо-мастерская при Якутском драматическом театре. В целом это было связано с общими процессами, характерными для развития музыкального искусства в Сибири. С 1920-х годов музыкальное образование активно развивается в автономных республиках. В середине 1930-х годов начинает повсеместно складываться система подготовки кадров для дошкольных, общеобразовательных учреждений и самодеятельности: открыты музыкальные отделения при педагогических училищах и институтах, создаются культпросветучилища[2].

Но только через десятилетие создается основа для возникновения первого в Якутии учреждения предпрофессионального музыкального образования. В суровом военном 1944 году начала свою деятельность Якутская республиканская детская музыкально-хореографическая школа-семилетка (ЯРДМШ).

Первый набор одаренных детей был произведен из детских домов Вилюйска, Нюрбы, Сунтар, Олекминска, Намцев и Якутска. Школа располагалась на улице Дзержинского в доме № 17, занимала два деревянных здания общей площадью 240 квадратных метров и была на полном государственном обеспечении, обеспечивая детей интернатскими условиями. Между тем в помещениях было очень холодно, воспитанники часто болели, подолгу лежали в больницах, и по этой причине педагоги иногда преподавали у себя на дому. Воспоминания первых выпускников школы рисуют не самую радужную картину тех военных лет: «В интернате мы жили в трех комнатах: в одной – мальчики, в двух других – девочки… Хлеб на каждого давали по весу. Если был недовес, то хлеб добавляли. Когда нас звали на завтрак, обед или ужин, мы, полуголодные, бежали в

[1] В.Г. Никулин. Марк Николаевич Жирков. К 100-летию со дня рождения. Публикации. Статьи. Материалы конференции. Новосибирск, 1994.

[2] Энциклопедия Сибири. Головнева Н.И. Становление Якутской профессиональной музыкальной культуры (1920-1985). Новосибирск, 1994; Музыкальная культура Сибири. Новосибирск, 1997. Т. 2, кн. 2; Музыкальная культура Новосибирска. Новосибирск, 2005; Справочник для поступающих в вузы. М., 2005; Музыкальная культура Сибири: учебник. Новосибирск, 2006. URL: http://russiasib.ru/muzykalnoe-obrazovanie-v-sibiri/ (дата обращения: 31.01.2015).

столовую, которая находилась во дворе. Тогда мы не понимали тяжести такого существования. Нам было весело и радостно»[1].

Одной из первых заведующих фортепианным отделением стала Заслуженная артистка РСФСР, Народная артистка ЯАССР П.К. Розинская, внесшая неоценимый вклад в развитие классического музыкального образования в республике. Первым педагогом класса хореографии стал артист балетного отделения музыкального театра И.Д. Христофоров. С 1946 года хореографическое отделение возглавила первая профессиональная якутская балерина А.В. Посельская.

Испытывая трудности материального и кадрового характера, поскольку школа не имела штатных педагогов, ее становление происходило долго. Между тем, уже в 1948 году первые талантливые ученики Майя Иванова, Лидия Новгородова, Роза Скрябина-Петрова, Евдокия Степанова, Марк Слепцов, Василий Федотов, Анна Данилова-Попова, Надежда Охлопкова-Федотова и другие были направлены на учебу в Ленинградскую музыкальную школу-десятилетку. Впоследствии они окончили Ленинградскую, Московскую, Уральскую консерватории и вернулись в Якутск в качестве первых преподавателей.

В начале 1950-х годов Якутская республиканская детская музыкальная школа становится центром обучения детей музыке в республике. Ее выпускники продолжают обучение в открытом в 1948 году Якутском музыкальном училище имени М.Н. Жиркова и в Якутском педагогическом училище № 2. После укрепления кадрового потенциала музыкальной отрасли и организации ее стабильного, качественного обновления начинается крупномасштабный интенсивный процесс формирования сети детских музыкальных школ Якутии. С 1956 по 1958 годы открыты 12 школ в ближайших районных центрах республики: Олекминске, Алдане, Амге, Вилюйске, Борогонцах, Чурапче, Верхневилюйске, Батагае, Верхоянске, Майе, Ытык-Кюеле, Покровске (в порядке открытия).

В течение 1960-х годов формируется сеть из 37 детских музыкальных школ и 3 филиалов. В основном за счет северных районных центров, а также промышленных городов и поселков: 1960: Усть-Нера, Намцы; 1962: Тикси, Усть-Мая; 1963: Сангар, Нюрба; 1964: Мирный, Ленск, Чульман, Хандыга, Томмот; 1966: Чернышевский филиал Мирнинской музыкальной школы, Депутатский; 1967: Бердигестях, Сунтар, Джебарики-Хая и ее филиал в Теплом ключе; 1968: Зырянка, Черский, Оленек, Покровск, Пеледуй; 1969: Чокурдах, Хону, Среднеколымск, Мохсоголлохский филиал Покровской музыкальной школы, Жиганск и Жатай.

В 1971 году на базе Художественного училища открыла свои двери Детская художественная школа. Процесс создания нового учреждения инициировал один из первых художников Якутии Л.А. Ким, который впоследствии стал ее первым директором. Это было единственное детское учебное заведение подобного рода в республике, только спустя годы в составе музыкальных школ стали организовываться

[1] Первая музыкальная школа Якутии. Сост. Н.Д. Стручков Якутск, 2014. С.8-9.

художественные отделения. В 1978 году открыта Покровская детская художественная школа.

К концу 1970-х годов в республике действует сеть уже из 64 детских музыкальных школ и 9 филиалов. В течение 1970-х годов открываются детские музыкальные школы: 1970: Саскылах, Эльгэй; 1971: Алмазный, Харбалах, Айхал; 1972: Белая Гора, Кобяй, Крест-Хальджай; 1973: Кызыл-Сыр, Томтор, Удачный; 1974: филиал в Тюнгюлю, Малыкай; 1975: Нижний Куранах, филиал в Хатырыке, Нерюнгри, филиал в Солнечном, Булгунняхтях; 1976: Дирин, филиал в Абаге, Тикси (Тиксинская детская музыкальная школа №2), филиал в Чернышевском, филиал в Усть-Куйге; 1977: филиал в Арылахе, Усть-Татта; 1978: Беркакит; 1979: Витим, филиал в Техтюре, филиал в Хомустахе, Серебряный Бор. В 1974 года Приказом Министерства культуры ЯАССР № 267 в Якутске была открыта городская детская музыкальная школа № 2 (с 1992 года – Детская школа искусств г. Якутска № 1).

Таким образом, в 1960-70-е годы была проведена колоссальная организационная работа по формированию сети учреждений предпрофессионального художественного образования. Основанием для такого всплеска послужило то, что к этому времени в Якутии накопился необходимый кадровый потенциал, формируемый тремя средними специальными учебными заведениями – музыкальным и художественным училищем, а также культпросветучилищем, которые готовили преподавателей-музыкантов. Кроме того, благодаря кадровой политике Министерства культуры ЯАССР в Якутию приезжало большое количество молодых специалистов в области искусства – выпускников центральных вузов и ССУЗов. Курирующее ведомство направляло в центральные города России целые комиссии для отбора претендентов.

В 1980-е годы, когда, по сути, завершается формирование сети детских музыкальных школ республики, она насчитывает уже 75 школ и 12 филиалов. А именно в 80-е годы открыты: 1980: Баяга; 1981: Хампа, Иенгра, Нерюнгри (Детская музыкальная школа №2); 1983: Светлый; 1984: Сайылык; 1985: Верхний Бестях, Качикатцы; 1986: Колымское, Синск, Эбэлэх; 1987: Мегино-Алдан, Хатассы; 1989: Табага.

В 1989 году приказом отдела культуры администрации г. Нерюнгри создана Детская музыкальная хоровая школа «Соловушка». Это учреждение и по сей день остается единственной хоровой школой в регионе и самым известным музыкальным учебным заведением начального звена. Все учащиеся с самого основания школы занимаются на двух отделениях – хоровое пение и инструментальное. Гордостью школы по праву считается Старший концертный хор – неоднократный лауреат Всероссийских и Международных хоровых конкурсов.

В 1990-е годы были сформированы коллективы только пяти школ: Беченчинская музыкальная школа (1991), Вилюйская детская художественная школа (1991), Хатын-Арынский филиал Намской детской музыкальной школы (1991), Курбусахский филиал Усть-Алданской

детской музыкальной школы (1991), Табагинский филиал Майинской Детской музыкальной школы (1996).

По данным 2013-2014 учебного года во всей системе начального дополнительного предпрофессионального образования республики функционируют 85 детских школ искусств, детских музыкальных школ, из них 3 – детские художественные школы, детская хоровая музыкальная школа, детская театральная школа и 36 филиалов. Всего обучается 14 473 учащихся в возрасте от 7 до 16 лет, что составляет 7 % от детского населения республики. В целом по Российской Федерации на этот же период насчитывается 5 328 детских школ искусств, охватывающих 12,1 % детского населения. Таким образом, наши показатели охвата значительно ниже. А в среднем на один субъект РФ приходится 64 школы. При этом наша республика занимает 55 место среди 83 субъектов по численности населения.

Вместе с тем отличительная особенность функционирования сети образовательных учреждений культуры в Якутии состоит в том, что населенные пункты равномерно распределены по всей площади региона. Внутри некоторых районов Якутии отсутствует круглогодичная транспортная доступность. Даже на самом краю Земли, в маленьких поселках на побережье Северно-Ледовитого океана работают детские музыкальные школы, и перед отраслью стоит задача – обеспечить их нормальное функционирование и переход на федеральные государственные требования.

Учреждения начального художественного образования функционируют не во всех районах, а именно в 33 муниципальных образованиях из 35. В 2013 году открыты два новых здания детских школ искусств: Амгинская детская школа искусств и Центр детского творчества в поселке Хандыга.

Началом среднего специального образования в сфере искусства и культуры в Республике Саха (Якутия) можно считать дату создания культпросветучилища, ныне Якутского колледжа культуры и искусств, одного из старейших учебных заведений региона. В условиях социалистического преобразования страны приказом № 25 Наркомпроса ЯАССР от 19 января 1937 года Якутская восьмимесячная областная совпартшкола была реорганизована в двухгодичную школу культпросветработников, и были приняты первые курсанты. Выпускники работали в избах-читальнях, красных чумах, библиотеках и занимались ликвидацией безграмотности, организацией политического самообразования, организацией художественной самодеятельности и так далее.

30-е годы стали периодом активного формирования сети культурно-досуговых учреждений. Государство обязало предприятия, колхозы и совхозы строить и содержать учреждения культуры. Началась реорганизация изб-читален в колхозные клубы. В городах и селах увеличилось число Дворцов и Домов культуры, киноустановок и массовых библиотек. Для обеспечения активно развивающейся отрасли культуры профессиональными кадрами и была образована

школа культпросветработников, переименованная в 1938 году в Республиканскую политпросветшколу.

В военные годы большая часть работников культурно-просветительских учреждений была мобилизована на трудовой фронт для работы в промышленности, на транспорте, лесозаготовках, добыче рыбы. В связи с этим в 1941 году Республиканская политпросветшкола была ликвидирована. Сразу по окончании Великой Отечественной войны в 1945 году школа возобновила свою работу в качестве Якутской республиканской культпросветшколы.

Постепенно в школе, позже Республиканском культпросветучилище (1966) и Якутском республиканском училище культуры (1989) открываются специализации: заочное библиотечное отделение (1950), театрально-режиссерская специализация (1957), дирижерско-хоровая (1959), хореографическая (1966), режиссура клубных мероприятий (1976), народных инструментов (1979), отделение традиционной культуры (1990). В 1992 году училище реорганизовано в Колледж культуры и искусств РС(Я), тогда же открыты отделения: эстрадного искусства, искусства цирка, актерского искусства.

В настоящее время Якутский колледж культуры и искусств ведет подготовку по специальностям «Музыкальное искусство эстрады» (специализации «Эстрадное пение» и «Звукооператорское мастерство»), «Актерское искусство», «Библиотековедение», «Социально-культурная деятельность и народное художественное творчество» (специализации «Этнохудожественное творчество», «Постановка театрализованных представлений», «Театральное творчество», «Хореографическое творчество»). Профессиональное становление студентов осуществляется через творческие коллективы при колледже.

Якутский колледж культуры и искусств сегодня считается признанным учебно-методическим центром республики в области подготовки кадров в сфере культуры и зачастую представляет Якутию на конкурсах и фестивалях российского и международного уровня, но прежде всего ориентирован на подготовку кадров культурно-досуговых учреждений муниципальных образований. 19 марта 2014 года в рамках Культурологического форума «Культура и цивилизация Арктики» состоялся торжественный ввод в эксплуатацию нового здания для Колледжа культуры и искусств по адресу: Якутск, ул. Халтурина, 14/5.

По данным на 2015 год в Республике Саха (Якутия) действуют 15 театрально-зрелищных учреждений, 10 из которых – театры, Национальная библиотека, Республиканская библиотека для слепых, 8 республиканских музеев, Государственная национальная компания «Сахафильм», Государственное национальное хранилище кинодокументов о Республике Саха (Якутия), Агентство реализации креативных технологий и инноваций культуры Арктики. На муниципальном уровне в сфере культуры функционируют 526 библиотек, 80 музеев, 541 культурно-досуговое учреждение, активно развиваются самодеятельные творческие коллективы, около 150 из них имеют статус народных хоров,

ансамблей и театров. Многообразие проявлений национальных культур и профессиональных искусств Якутии опирается на многолетнюю целенаправленную деятельность образовательной системы, направленную на совершенствование и повышение уровней качества и методов подготовки квалифицированных творческих и обеспечивающих кадров.

Профессиональное образование в сфере культуры и искусств в Республике Саха (Якутия) представлено шестью учебными заведениями, в том числе четырьмя учреждениями среднего профессионального образования (Якутский колледж культуры и искусств, Якутский музыкальный колледж (училище) имени М.Н. Жиркова, Якутский художественный колледж имени П.П. Романова, Якутский хореографический колледж имени А. и Н. Посельских), учебным заведением высшего профессионального образования (Высшая школа музыки РС(Я) (институт) им.В.А. Босикова), а также образовательным учреждением высшего образования федерального подчинения (Арктический государственный институт искусств и культуры). Подготовка осуществляется по 18 из 23 возможных специальностей укрупненной специальности 070000 «Культура и искусство»

Перед системой образования в сфере культуры и искусства Республики Саха (Якутия) стоят задачи сохранения и модернизации непрерывной системы школа – училище – вуз; совершенствования структуры учреждений среднего и высшего профессионального образования сферы культуры и искусств, развития форм целевой и контрактной целевой подготовки специалистов; повышение уровня компетентности специалистов.

Табл. 1

Количество образовательных учреждений сферы культуры и искусства в субъектах Дальневосточного федерального округа и национальных субъектах Российской Федерации (по данным ФГУП «Главный информационно-вычислительный центр Министерства культуры Российской Федерации» (ФГУП «ГИВЦ Минкультуры России») на 2013 год).

Наименование субъекта Российской Федерации	количество ССУЗов, вузов культуры, центров переподготовки и повышения квалификации	количество школ искусств, музыкальных, художественных, хореографических, театральных школ
Республика Саха (Якутия)	7	86
Амурская область	2	35
Хабаровский край	2	44
Приморский край	5	60

Чукотский автономный округ	0	8
Камчатский край	2	33
Магаданская область	2	16
Сахалинская область	1	33
Еврейская автономная область	1	10
ИТОГО по Дальневосточному федеральному округу	21	325
Кабардино-Балкарская Республика	4	38
Карачаево-Черкесская Республика	1	31
Ненецкий автономный округ	0	2
Республика Адыгея	2	21
Республика Алтай	2	14
Республика Башкортостан	11	145
Республика Бурятия	2	52
Республика Дагестан	7	98
Республика Ингушетия	1	7
Республика Калмыкия	0	19
Республика Карелия	3	33
Республика Коми	3	45
Республика Марий Эл	2	47
Республика Мордовия	2	58
Республика Северная Осетия-Алания	0	26
Республика Татарстан	12	104
Республика Тыва	1	31
Республика Хакасия	0	37
Удмуртская Республика	2	56
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	8	58
Чеченская Республика	2	36
Чувашская Республика	4	48
Ямало-Ненецкий автономный округ	0	40

Листвина Е.В.
(Саратов)

КУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ КАК КОНСОЛИДАЦИОННАЯ ОСНОВА ОБЩЕСТВА: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Современное состояние Российской Федерации в обстановке сложных внешнеполитических трендов и внутренних социокультурных процессов, в ситуации стратегического прорыва и качественного рывка в новое социальное качество[1] настоятельно требует формирования максимально благоприятных условий для реализации данного проекта. Поэтому нельзя обойти вниманием роль культуры в консолидации современной России. О ее значении говорит появление такого документа, как Указ Президента РФ № 808 от 24.12.2014 «Основы государственной культурной политики национальной политики»[2], объявление Года культуры (2014) и Года литературы (2015) в России. Роль культуры в качестве объединяющей фундаментальной основы с одной стороны аксиоматична, но именно это порой умаляет качество обращения к культурным механизмам при решении серьезных государственных задач. Отсюда необходимо привлечение внимания к культурному ресурсу не только академической среды, но и, в первую очередь, органов власти, общественных организаций, учреждений культуры для того, чтобы стало возможным стабильное и результативное сотрудничество.

Как отмечает О.Н. Астафьева, анализируя «Основы государственной культурной политики национальной политики», одной из важнейших задач данного документа является «развитие гражданского общества и внедрение принципов социального взаимодействия»[3]. О.Н. Астафьева отмечает также неравномерность и разнотемповость развития культурной среды, что делает особенно актуальным региональный аспект реализации «Основ государственной культурной политики национальной политики»[4]. В этом смысле обращение к региональным социокультурным ресурсам для решения общегосударственных задач становится необходимым компонентом существования современного общества. Правда, на основании указанной неравномерности О.Н. Астафьева справедливо выделяет проблемные точки культурной

---

[1] См.: Пуляев В.Т. Российское общество: основные тенденции его развития // Социально-гуманитарные знания, 2015.№ 1. С. 209.

[2] Указ Президента РФ № 808 от 24.12.2014 «Основы государственной культурной политики национальной политики» // http: // www. consultant.ru / document / cons_doc_ LAW_17106/.

[3] Астафьева О.Н. Культурная политика государства в изменяющихся условиях : актуализация принципов гражданского общества // Социокультурные факторы национальной безопасности России. Сборник научных трудов. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2015. С. 222.

[4] См.: Астафьева О.Н. Там же. С 223.

политики, заключающиеся в «неравномерности культурной среды, обусловленной сохраняющейся региональной дифференциацией и состоянием местного самоуправления, слабой разработанностью системы взаимодействия местных органов власти и населения; наметившейся тенденции на переформатирование «Основ…», адресованных всему обществу, ведомственной властно-управленческой вертикали, что неминуемо приведет к ослаблению социокультурной самоорганизации, соответственно, затормозит процесс внедрения принципа «партисипативного управления; медленном внедрении механизмов гражданского общества, таких как общественная экспертиза государственной культурной политики, мониторинг взаимодействия ее субъектов и оценка результатов государственно-общественного диалога; потребности в профессиональных управленческих кадрах и обучении их программным технологиям развития культурной среды»[1].

Но именно эти узловые точки становятся теми проблемами, на которые должно быть направлено основное внимание при реализации «Основ…». Мы понимаем, насколько велика роль регионов в их максимально полном внедрении и донесении основных задач до населения и работников регионального уровня. И «Основы государственной культурной политики национальной политики» предлагают пути консолидации региона с использованием социокультурного ресурса, который может быть реализован благодаря взаимодействию различных организаций, учреждений, которые способны с учетом региональной специфики создать необходимую почву для стабильного и перспективного существования и развития региона.

Определимся, что мы понимаем под региональной культурой: «Региональная культура – это совокупность ценностей, обычаев, верований, традиций, символов, норм и правил поведения, доминирующих в конкретном регионе как сложном территориально-экономическом комплексе, отличающемся своей культурной самобытностью, т. е. имеющем характерную структуру внутренних культурных коммуникаций, свои собственные культурные ресурсы и культурные приоритеты, специфические культурные связи с внешней социокультурной средой»[2].

Постараемся на примере региона Саратовской области проследить, какие ресурсы задействованы в решении «Основ государственной культурной политики национальной политики», что является проблемным и что, наоборот, оказывается успешным в региональной специфике осуществления национальной культурной политики. На региональном уровне возрастает роль и умение создать внутрирегиональные связи различных организаций, принадлежащих к различным ведомствам и с структурам, но призванным решать эти задачи. Особенно хочется отметить в этом роль вузов и те гуманитарные направления, которые

[1] Астафьева О.Н. Там же. С. 225-226.

[2] Листвина Е.В. Культура региона // Основы регионоведения. Опыт разработки лекционного курса. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2003. С 183.

они реализуют. Об этом можно говорить на примере Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского в подготовке и создании особых условий для развития региональной культуры и объединении всей гуманитарной сферы региона.

Так, СГУ им. Н.Г. Чернышевского является старейшим вузом в регионе, последним императорским университетом, созданном в 1909 году, имеющим богатую историю, наличие ряда научных школ и богатых традиций. Во многом – это бренд города и области, становящийся объединяющим началом региона, особенно в последние десятилетия. Почти двадцать лет университет выпускает культурологов, концентрируя и отслеживая культурные тренды региона. Это проявляется в различных направлениях деятельности.

В первую очередь СГУ им. Н.Г. Чернышевского готовит специалистов, которые работают в ряде министерств области, вузах, школах, музеях, библиотеках, общественных организациях, создавая, таким образом, тесный личностный, профессиональный, рабочий контакт между научной, академической средой и учреждениями, способными реализовать культурную политику в регионе.

Так, в известном Государственном художественном музее им. А.Н. Радищева, музее Н.Г. Чернышевского, выставочных залах выпускники трудятся от простых сотрудников до начальников отделов. Кроме этого, вузовские преподаватели – участники грантовой деятельности музеев, члены ученых советов музеев, определяющих стратегию развития музеев и всего музейного пространства в регионе. Например, в одно из последних начинаний города Саратова – проект создания Музейного квартала – вовлекаются представители общественности, вузовские преподаватели, студенты, молодые выпускники, чья деятельность охватывает не только традиционные музейные площадки, но и альтернативные организации. К таким относится галерея ИМХО – первая галерея современного искусства в Саратове как объединение независимых художников, универсальная платформа культурной коммуникации.

Также сотрудники СГУ им. Н.Г. Чернышевского реализуют многолетний опыт культурологической экспертизы, откликаясь на запросы авторов художественных произведений, общественных и политических организаций и сотрудничая с различными органами региона – от частной галереи до областной прокуратуры, подкрепляя конкретными консультационными и экспертными услугами практические ресурсы культурологического знания.

Другим весьма актуальным для Саратовского региона аспектом социокультурного пространства является деятельность по созданию устойчивого межкультурного, межэтнического взаимодействия в области. Этническая культура, являющаяся ресурсом коллективной общественной силы этноса, реализующейся в стремлении поддержания и обновления культурного бытия социума, сейчас воспринимается как одна из центральных тем в рамках «Основ государственной культурной политики

национальной политики». Таким образом, этнокультурологические аспекты существования современного социума становятся одними из фундаментальных и социообразующих.

Как справедливо отмечает А.П. Садохин, проблемы реальной этнополитики заключаются в «профессиональном анализе этнокультурных и социально-экономических процессов на региональном уровне и принятии на основе этого анализа *комплекса управленческих решений,* обеспечивающих социальное благополучие местных культурных групп и исключающих совмещение этнической топографии с топографией бедности и неблагополучия; мониторинге и профилактики межэтнической и межконфессиональной конфликтности; интеграции российских регионов в единое экономическое и политическое пространство, формировании российской *гражданской нации* как основы российской государственности с помощью целенаправленной интеграционной политики в центре и на местах; укреплении культуры толерантности, воспитании гражданской солидарности, формирование общероссийской идентичности; защите культурных прав граждан и удовлетворение их культурных интересов»[1]. Регионам необходимо решение этих насущных вопросов, и без серьезной теоретической и кадровой подготовки это осуществить трудно.

Состояние Саратовского региона как полиэтничного, насчитывающего на своей территории представителей более 135 народов, 33 национально-культурных объединения, настоятельно требует подготовки специалистов в области этнокультурологии, которые будут способны анализировать этнокультурную ситуацию региона, этнодинамику и миграционные процессы в регионе, решать вопросы социально-этнической устойчивости и взаимодействия представителей различных народов, принимать активное и квалифицированное участие в работе культурных, культурно-просветительских организаций, национально-культурных объединений, административных органов, что и было реализовано в виде открытия магистратуры по профилю «Этнокультурология». Этнокультурология как отрасль культурологии, выделяющая в качестве определяющего фактора влияния культурной среды развитие этносов и в совокупности всего общества, становится необходимым элементом и в анализе и в формировании целостности культурной среды, являющейся фактором устойчивости социума.

СГУ им. Н.Г. Чернышевского имеет опыт фундаментального и практического исследования этнокультурологических проблем. На его базе с 2006 г. функционирует межрегиональный центр теоретических и прикладных исследований культуры «АРТЕФАКТ», целью которого, в частности, является изучение современных процессов и тенденций отечественной и мировой культуры в области развития этносов

[1] Садохин А.П. Этнополитические процессы в современной России: практики и ресурсы // Социокультурные факторы национальной безопасности России. Сборник научных трудов. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2015. С. 234.

России. В рамках его работы, начиная с 2007 года, ежегодно проводятся научно-практические мероприятия, направленные на изучение социокультурной среды и этнодинамики региона. В 2007 году проводилась Региональная научная конференция «Идентичность в современном мире», межрегиональная научная конференция «Межкультурные коммуникации в современном мире» (Москва, 2007 г.), межвузовский круглый стол «Субкультуры: pro et contra» (2008 г.), всероссийская научно-практическая конференция «Региональная культура: наследие и перспективы развития» (2013 г.). Посредством МЦТиПК «АРТЕФАКТ» СГУ им. Н.Г. Чернышевского тесно сотрудничает с СРОО «Ассамблея народов Саратовской области», 33 Саратовскими региональными национальными общественными организациями (национально-культурными объединениями), МУК «Городской центр национальных культур», фольклорно-этнографической студией «Забава» (Областной дом работников искусств), Саратовским областным музеем краеведения, на базе которых осуществляется волонтерская деятельность и прохождение ряда практик студентов. Это позволяет осуществлять отслеживание и выявление новых типов социокультурных, коммуникативных, межэтнических рисков; исследование факторов межэтнических коммуникаций; разработка модели взаимодействия в этнической среде и выявление методологических основ исследования процессов формирования стабильной межэтнической ситуации в регионе; также проведение мониторинга социокультурных, коммуникативных, межэтнических процессов, изучение их особенностей. Вуз может предложить данным организациям осуществление поиска оптимальных моделей межэтнических отношений как способа обретения социального здоровья, разработку модели этнической экологии, специфику этносов как особых общностей людей, проявляющейся как в биологической, так и в социально-культурной сфере.

Сотрудники СГУ им. Н.Г. Чернышевского в течение ряда лет входят в Совет по взаимодействию с национально-культурными объединениями при Губернаторе Саратовской области, были членами рабочей группы по разработке целевой программы «Социальное и национально-культурное развитие народов области в 2008-2010 гг.», взаимодействуют с Комитетом общественных связей и национальной политики Саратовской области, принимают участие в проектной деятельности Комитета, реализации его мероприятий (становятся организаторами переговорной площадки «Культура народов Поволжья – стратегическая безопасность страны» в рамках Приволжского молодежного окружного форума (2008 г.) «Мы – россияне», участвуют в мероприятиях проекта «Просвещение: языковая и культурная адаптация трудовых мигрантов» (2014 г.), являются членами экспертной группы при Комитете общественных связей и национальной политики Саратовской области).

Таким образом, можно сделать вывод, что региональные вузы, осуществляющие культурологическое образование, могут служить и служат мощной площадкой для реализации ряда задач «Основ

государственной культурной политики национальной политики». На примере конкретного региона (Саратовская область) мы может видеть, что они успешно создают следующие условия для их воплощения. Во-первых, это формирование социокультурной среды, координирующей многие социокультурные процессы региона. Во-вторых, это постоянная подготовка кадров для региона, мобильно откликающаяся на региональный запрос. В-третьих, оказание консультационных услуг достаточно широкого спектра при высоком качестве. В-четвертых, это формирование культурных коммуникаций с учетом специфики региона, поскольку вуз имеет все возможности для ее мониторинга и создания необходимых направлений регионального развития. Все это в результате создает необходимые условия для целостного, устойчивого и в то же время динамичного развития каждого региона и страны в целом.

Чукуров А.Ю.
(Санкт-Петербург)

ГОД ЛИТЕРАТУРЫ В РОССИИ: ТВОРЧЕСКИЕ ИНДУСТРИИ И СУБСЕКТОР КНИГОИЗДАНИЯ В КОНТЕКСТЕ МЕЖСЕКТОРАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Начать этот материал хотелось бы с цитаты: «В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 12 июня 2014 г. № 426 в Российской Федерации 2015 год объявлен Годом литературы. Это одно из важнейших культурных событий, основными задачами которого являются привлечение внимания к чтению и литературе, решение проблем книжной сферы и стимулирование интереса россиян к книгам. Сформирован Оргкомитет Года литературы, утвержден План основных мероприятий, разработан фирменный стиль Года литературы и паспорт стандартов его использования». Данный текст размещен на всех официальных правительственных сайтах, в том числе на сайте Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.[1] Иными словами, все в высшей степени серьезно. В Плане мероприятий и правда есть много яркого, интригующего и интересного. Согласно этому документу, утвержденному еще 29 октября 2014 года, все проекты

[1] Режим доступа: http://www.fapmc.ru/rospechat/newsandevents/newsagency/2014/12/item21.html свободный яз. рус. (10.08.2015).

разбиты на несколько групп. Помимо официальных правительственных встреч и заседаний, весьма обширен блок конференций и научных собраний. Есть здесь и «Вольтеровские чтения-2015» и «Волошинский сентябрь», и многое другое. Для любителей и специалистов в области славянской литературы – славянский литературный форум «Золотой витязь». Есть конференции институционального порядка. Так в этом году литературные музеи решили обсудить насущные проблемы. Жизнь не стоит на месте, и современная книжная индустрия сталкивается с новыми или относительно новыми проблемами. Своеобразным откликом на этот вызов станет Деловой форум «Книгобайт» и бизнес-школа для молодых российских редакторов, книгоиздателей и книготорговцев.

Это лишь небольшой перечень мероприятий Года книги в России, но он показывает, что власть заинтересована в сохранении культуры слова. Так же как об этом свидетельствует и возвращение сочинения в программу вступительных экзаменов в ВУЗы. Однако, здесь уместно напомнить, что литература – это не только творчество, но и весьма серьезный бизнес и рабочие места. Книга не достигнет читателя, если не пройдет полный круг: от писателя к редактору, от редактора – к корректору, после – к выпускающему редактору, потом – в книготорговые сети, а тут уже подключаются маркетологи и специалисты по рекламе. А ведь есть еще дизайнеры, художники и т. д. Не лишним будет также напомнить, что, как правило, когда речь идет о книгоиздательском бизнесе, то имеется в виду бизнес малый и средний.

Книгоиздание и книготорговля – это один из субсекторов творческих индустрий. Еще в 1988 году Департамент культуры, медиа и спорта правительства Великобритании (Creative Industries Mapping Document, 1989) выпустил документ, в котором впервые дал определение творческих индустрий, что, по сути, является более широким вариантом «культурных индустрий». В этом документе огромный сектор экономики, каковым, безусловно, являются творческие индустрии, был разбит на 13 субсекторов. Среди прочих были выделены реклама, художественный и антикварный рынок, дизайн, ремесла и прикладное искусство, кино и видео, исполнительские искусства литература и книгоиздание, мультимедиа и другие. Все представленные субсектора были тщательно проанализированы на предмет доходности, возможностей, финансовой емкости и многого другого. Перед каждым субсектором поставили свои специфические задачи.

В Россию понятие «творческие индустрии» приходит сравнительно недавно – в начале этого тысячелетия. Санкт-Петербург становится одним из первых городов России, где творческие индустрии стали развиваться целенаправленно. Первый проект, напрямую связанный с этим сектором экономики, при поддержке программы TACIS Европейской комиссии был реализован еще в 2001-2003 годах. В результате был создан Центр развития творческих индустрий. Впрочем, деятельность этой организации освещалась крайне слабо и во многом так и осталась вне поля зрения общественности города.

Таким образом, когда мы говорим о книгоиздании и более широко – о культуре слова и культуре книги, мы затрагиваем сразу несколько крупных секторов российской экономики и, шире, социокультурного бытия: малый и средний бизнес, творческие индустрии и творческие кластеры, и, разумеется, гражданское общество, ибо без культуры слова нет ни передачи знаний, ни демократии, ни диалога.

К сожалению, на сегодняшний день во всех вышеозначенных секторах мы наблюдаем весьма печальную картину. Во-первых, в России не развивается малый и средний бизнес – локомотив экономики в целом и творческих индустрий в частности. Очевидно, что система государственного капитализма привела страну к экономическому тупику, а структурные реформы жизненно необходимы, но их проведение не просто отложено, а вовсе вычеркнуто из повестки дня. Малый и средний бизнес не могут развиваться в тех условиях, который сложились сегодня в России и от того, что на всех форумах правительственные чиновники постоянно говорят о его важности, ситуация не меняется. Во-вторых, все достижения в сфере конкретно творческих индустрий остаются на уровне разовых проектов и, как правило, не имеют серьезного продолжения, поскольку под продолжением мы имеем в виду прежде всего экономическую отдачу. Создание «фольклорных деревень» и фестивали народных ремесел не могут считаться удачными проектами. Творческие индустрии в России по прежнему недооцениваются, между тем как «ресурсная» экономика со всей очевидностью дает сбой, а промышленность уже давно не приносит того дохода, который позволил бы России выйти на новый уровень. Таким образом, то, что лежит в основе книгоиздательского бизнеса и книжной культуры, пребывает в глубочайшем системном кризисе.

Между тем Россия всегда отличалась высокой книжной культурой, а девяностые годы XX века дали самый настоящий всплеск книгоиздательского дела. Ситуация медленно ухудшалась с начала XXI века, но особенно катастрофично она выглядит с 2012 года, когда с рынка ушло значительное количество издательских домов, которые не смогли выжить в новых условиях налогообложения. Так прекратили самостоятельное существование такие крупные торговые марки как «Иностранная Литература» и «Домино», став частью крупных холдингов. А что происходит, когда на смену малым и средним издательствам приходят крупные корпорации? Исчезает разнообразие, поскольку крупная корпорация – это единая книгоиздательская политика. А еще сокращаются рабочие места, пропадает и индивидуальный подход к автору, даже интересы потребителя, как ни парадоксально, учитываются меньше.

Одновременно наблюдается сокращение потребительского спроса, поскольку цена на книги оказывается за пределами финансовых возможностей рядового читателя. Помимо экономических причин на будущем книги в России плохо сказывается также и тот факт, что читатель в нашей стране не воспроизводится. Программы по литературе

в школе кроятся по старым лекалам и состоят по большей части из имен, безусловно важных, но утративших актуальность и не представляющих интереса сегодня. Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, А.П. Чехов и многие другие – это наша классика, которая, вне всякого сомнения, должна изучаться, но, что называется, «без фанатизма». Любая попытка воскрешения классики XIX века в полном объеме подобна работе доктора Франкенштейна. Маниакальная эксплуатация текстов этих, вне всяких сомнений, великих людей, во многом и привела к формированию стойкого отвращения у школьников к литературе вообще. Необходимо обращать более пристальное внимание на литературу сегодняшнего дня, более злободневную и актуальную. Впрочем, последний тезис не имеет прямого отношения к творческим индустриям.

Более 70 % книжного рынка в России по-прежнему захвачено пиратами. Причем не только отечественными – значительная часть книжной пиратской продукции доставляется с территории Украины. Так уже неоднократно было с нелегальными тиражами В. Пелевина и Б. Акунина, когда их новые книги еще не успевали официально выйти в России. В такой ситуации издатели просто вынуждены поднимать цены на книги, чтобы окупить хоть какие-то затраты. Казалось бы, хороший выход – электронные издания, но в России не развита система электронных платежей. Кстати, последнее – залог успешного развития творческих индустрий, с учетом того, что многие проекты существуют лишь в сети и осуществляют продажу именно через систему электронных платежей.

С каждым годом новых имен в литературе все меньше и меньше. У молодого начинающего автора шансов опубликоваться практически нет. Издательства находятся в такой ситуации, когда не могут позволить себе вкладывать деньги в начинающего. Потому ставка делается на переводные тексты. Так, если в США книга разошлась тиражом 40 тыс., то у нас есть шанс продать хотя бы 4 тыс. В результате мы рискуем потерять отечественную литературу в ближайшие 7-10 лет.

В результате возникает сразу как минимум два вопроса:

1. Кто будет читать, если в России не воспроизводится читатель? Через поколение мы превратимся в принципиально не читающую страну.

2. Какие книги будут читать? Книжный рынок России – один из самых бедных рынков цивилизованного мира.

Между тем в соседней Финляндии – книжный бум. В последние годы доходы финских магазинов возросли в несколько раз. Когда в Финляндии возникла угроза потери читателя, правительство ввело в действие программу по «возвращению книги». Началась пропаганда чтения. И сегодня – это вполне читающая страна. И не просто читающая, но активно издающая. Огромное количество организаций, клубов, издательских домов, книготорговых ассоциаций пересекаются в одной точке – Финском литературном информационном центре, основанном в 1977 году. Основная цель, как не сложно догадаться, популяризация национальной литературы за рубежом. Но и внутренний рынок также находится в фокусе внимания центра. Данная организация оказывает

финансовую поддержку, выдает литературные гранты и проводит самые разные мероприятия.

Есть еще одно важное направление, призванное поддержать национальную литературу. Это целенаправленное и продуманное выстраивание диалога литературного субсектора и театра. Серьезные шаги были сделаны Национальным театром Финляндии с 2010 года, когда художественным руководителем стал Мика Мюллюахо. Он вовлек многих молодых финских писателей в искусство драмы, предложив им сочинять пьесы или адаптировать для сцены уже написанные произведения.

Так же как и в других странах, книжный рынок Финляндии испытывает трудности. При общей весьма благополучной картине, в 2013 году книг продано в среднем на 4 % меньше, чем в 2012. Но продажи электронных изданий за это же время выросли вдвое. Было продано 87 000 копий десяти самых популярных книг. Эксперты считают, что расширение рынка электронных книг отчасти тормозит многообразие форматов (которые не всегда поддерживают устройства для чтения), но вскоре это будет преодолено. Появляются новые возможности: расширяется общение автора и читателя, сокращаются сроки доставки потребителю новой продукции, удешевляются книги. И не надо забывать, что современные цифровые устройства позволяют превратить книгу в захватывающее интерактивное пространство.

Но Финляндия – это лишь одни, самый географически близкий нам пример. Что до англоязычного книжного рынка, то он по-прежнему самый масштабный в мире. Он каждый год дает нам огромное количество новых имен, позволяя людям и творить, и читать. Английская и американская литература находится в постоянной положительной динамике. Поразительно, что при всем этом отельные «горячие головы» еще что-то говорят о «бездуховности Запада» и «тлетворности западных ценностей».

В «Основах государственной культурной политики» книгоизданию и литературе уделено особое внимание, ибо понимание остроты ситуации в данной сфере есть даже в высших эшелонах власти. Кроме того, сам документ составлялся в тесном диалоге с научной общественностью и с учетом поступивших предложений. А общественность никак не могла проигнорировать кризисное состояние книжной культуры России. Но, как это часто это бывает с хорошими начинаниями, разработчики «Основ государственной культурной политики» в попытке учесть интересы всех групп и слоев, сгладить острые углы, снять то острое напряжение, которое возникло после опубликования первых проектов, создали документ «обо всем». В нем содержится много полезных и умных мыслей, но в целом он носит декларативный характер, что отмечают даже студенты на занятиях по прикладной культурологии. Не выявлены приоритеты, не прописаны механизмы реализации, много общих слов и заявлений. Документ вообще характерный для России последних лет – много слов, которые никогда не приведут ни к каким делам.

И опять же приходится возвращаться к изначальному тезису: творческие кластеры и культурные индустрии, к которым относится

книгоиздание, – это, прежде всего, малый и средний бизнес. А этот бизнес может иметь положительную динамику лишь при условии ликвидации системы государственного капитализма, каковую мы имеем в России сегодня, т. е. при условии глубоких структурных трансформаций. Иными словами, чтобы в «Основах государственной культурной политики» не прописали, пока не изменится экономическая модель, никаких улучшений в данной сфере не будет.

Что касается предложений, то можно констатировать, что сегодня назрела необходимость внедрения программы поддержки издательского дела в России, в том числе посредством льготного налогообложения. Необходимы также механизмы маркетинговой поддержки отечественных литераторов и творческих литературных объединений. Очевидно, что такие организации, как, например, петербургский союз писателей, не справляются с функцией популяризации и продвижения литературных текстов. Необходимо создание сети клубов любителей чтения на базах районных библиотек, домов культуры и книжных магазинов. Подобным организациям необходимо оказать именно рекламную и маркетинговую поддержку. Клубное движение – это достойный механизм не только популяризации чтения, но и активизации гражданского общества. Примеры подобных «сетевых» клубных структур мы можем найти во всех европейских странах. И одни из наиважнейших моментов – это популяризация и совершенствование системы электронных платежей в целях развития и распространения электронных изданий, без которых невозможно развитие творческих индустрий в XXI веке. Разумеется, радует тот факт, что сегодня активизировалась борьба с «книжными пиратами» и можно надеяться, что скоро она даст свои результаты.

Существует огромное количество стран, где нет никаких специальных документов, так или иначе определяющих культурную политику. Есть даже такие государства, где нет единого министерства культуры (Нидерланды, например), при этом диалог бизнеса, власти и гражданского обществе прекрасно налажен, культурные индустрии приносят колоссальный доход, а образовательные учреждения известны по всему миру и дают престижное и востребованное на мировом уровне образование. Возможно, все дело в том, что в этих странах изначально сформировали жизнеспособную экономическую модель, а власть знает свое место? Вполне традиционная для России идея «человек для государства» вместо идеи «государство для человека», очевидно, сбивает власть с толку, а значит, гражданское общество должно взять на себя ответственность за исправление ошибок власти, за формирование новой системы ценностей.

РАЗДЕЛ ПЯТЫЙ

РУССКИЙ ЯЗЫК – ОСНОВА КУЛЬТУРЫ И КОНСОЛИДАЦИИ НАЦИИ

Русецкая М.Н.
(Москва)

СИСТЕМА ДИСТАНЦИОННОЙ УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В РЕГИОНАХ С ОГРАНИЧЕННОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ СРЕДОЙ

В принятых Основах государственной культурной политики русский язык определен как один из краеугольных камней, на которых строилась и стоит российская государственность. Русский язык признается нематериальным объектом культурного наследия, ключевым инструментом консолидации российского общества и межкультурной коммуникации, выразителем и хранителем культурной информации нашего народа. Устанавливая государственный статус русского языка, российское законодательство гарантирует соблюдение языковых прав народов России, предоставление гражданам возможности свободного выбора языка для общения, получения образования, реализации творческих потребностей.

В настоящее время в субъектах Российской Федерации существует множество общеобразовательных организаций с преподаванием всех или целого ряда предметов на национальных языках. Низкие результаты сдачи ЕГЭ во многих школах регионов с ограниченной русскоязычной средой указывают на необходимость пересмотра существующих подходов к организации учебно-воспитательного процесса и выработки стратегии билингвального образования в школьных и дошкольных организациях субъектов Российской Федерации. В России с ее многонациональной этнокультурной картой развитие билингвального образования дает возможность создания единого государственного образовательного пространства, предоставляющего обучающимся равные возможности для продолжения обучения и личностной самореализации.

Существует два основных толкования билингвизма: узкое – одинаково свободное владение двумя языками, и широкое – относительное владение вторым языков, умение им пользоваться в определенных сферах общения. При анализе проблем школьного образования в РФ, предполагающего в качестве итоговой аттестации ЕГЭ, целесообразно придерживаться более узкого толкования билингвизма и интерпретации билингвальной личности.

Хорошо известно, что именно учебная деятельность обеспечивает высокую динамику в овладении новой лексикой и новым грамматическим материалом. Именно во время образовательного процесса язык получает мощнейший импульс развития, происходит активное наращение нового словаря, связанного с учебно-предметной деятельностью. Происходит активное «взросление» речи ребенка, который стремится говорить так, как

говорит учитель, как написано в учебнике. Усложняется синтаксическая структура речи, формируется способность построения развернутых монологических высказываний, что требует неких новых механизмов планирования, прогнозирования и коррекции речи. В условиях ограниченной русскоязычной среды обучение на русском становится единственным условием освоения русского языка как государственного языка РФ.

В существующих в субъектах Российской Федерации 4,5 тысячах общеобразовательных организаций с преподаванием всех или целого ряда предметов на национальных языках реализуются разные модели учебного процесса. Среди наиболее распространённых схем можно назвать следующие:

1. национальная школа с родным языком обучения с 1 по 11 класс;
2. национальная школа с обучением на родном языке по 9 класс, с дальнейшим обучением на русском языке;
3. национальная школа с обучением на родном языке по 5 класс, с дальнейшим обучением на русском языке;
4. национальная школа с обучением на русском языке с углубленным изучением родного языка.

Анализ приведённых схем показывает, что дети, обучающиеся в школах по схеме 1, 2, 3 попадают в неравные образовательные условия по сравнению с теми, кто учится в школах 4-ого типа, так как лишаются возможности овладеть русским языком на уровне, обеспечивающем успешное прохождение (высокие результаты) итоговых экзаменов (ЕГЭ). Следствием этого является неравенство стартовых позиций (возможностей) для продолжения образования на территории страны, что противоречит Конституции РФ.

В связи с необходимостью выполнения требований российских образовательных стандартов в национальных школах РФ предлагается следующая концептуальная модель билингвального школьного образования: это школа с обучением на русском языке с углубленным изучением национального языка. Совмещение языкового и предметного компонентов в содержании обучения позволяет овладеть коммуникативными компетенциями на русском языке в полном объеме, что способствует формированию гармоничной билингвальной языковой личности, имеющей доступ к глобальным потокам информации как в Интернет-ресурсах, так и в учебном и научном дискурсе.

Поставленная в Основах культурной политики задача создания в России единого образовательного пространства равных возможностей, независимо от места проживания и первого (родного) языка, может быть успешно решена только в условиях равного и непрерывного доступа к качественным образовательным ресурсам, обеспечивающим освоение русского языка как предмета, получение учебной информации на русском языке и предоставление методической поддержки педагогам, работающим в условиях ограниченной русскоязычной среды. В современных условиях такой системой равного и непрерывного доступа к образованию являются

открытые электронные образовательные среды, способные обеспечить дистанционную учебно-методическую поддержку учеников и педагогов независимо от места их проживания.

Портал «Образование на русском», разработанный и развиваемый Государственным институтом русского языка им. А.С. Пушкина, является первым проектом в области русистики по созданию единой образовательной среды для обучающихся и преподавателей, обеспечивающей все возможности для изучения русского языка в условиях иноязычной или ограниченной русскоязычной среды, включая собственно языковые курсы, систему профессиональной поддержки преподавателей и общеразвивающий контент.

Одна из ключевых задач, стоящих перед создателями этой открытой электронной образовательной среды, заключалась в том, чтобы предоставить пользователям инструмент для изучения русского языка, позволяющий сформировать комплекс знаний, умений и навыков во всех четырех видах речевой деятельности. Для большинства онлайн-проектов типичным является обучение чтению и аудированию (т. е. развитие пассивных видов речевой деятельности). Однако для полноценной коммуникации наряду с этим необходимо обучать пользователей активным видам речевой деятельности, к которым относится говорение и письмо. Комплексность обучения достигается за счет формирования в учебном процессе компетенций, связанных со всеми уровнями языковой системы: фонетикой, морфемикой и словообразованием, лексикой и грамматикой, а также прагматикой.

Над проектом работала большая команда экспертов в области лингвистики, психологии, педагогики, IT-технологий из числа сотрудников Института Пушкина и других ведущих научных и образовательных центров: Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургского государственного университета, Российского государственного университета дружбы народов, Зальцбургского университета им. Париса Лодрона, Московского государственного лингвистического университета, Национального исследовательского Томского политехнического университета, Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета и др.

Портал был открыт 1 сентября 2014 года. С этого времени до августа 2015 года ресурс посетили более 300 000 пользователей из почти 171 страны. В десятку наиболее активных входят пользователи России (51,1 %), США (24,4 %), Украины (1,95 %), Мексики (1,53 %), Германии (1,52 %), Италии (1,34 %), Испании (1,15 %), Казахстана, Болгарии, Японии. Среди российский регионов в двадцатку наиболее активных входят Москва и Московская область (47,2 %), Санкт-Петербург и Ленинградская область (7,5 %), Челябинская область (2,4 %), Краснодарский край (2,12 %), Республика Татарстан (1,82 %), Свердловская область (1,7 %), Ростовская область (1,6 %), Новосибирская область (1,4 %), Нижегородская область (1,34 %), Республика Башкортостан (1,33 %), Крым (1,26 %), Самарская

область (1,24 %), Пермский край (1,03 %), Кемеровская область (0,98 %), Ставропольский край (0,97 %).

Отметим, что более 55 % пользователей портала – это молодые люди, находящиеся в возрасте от 18 до 34 лет, когда потребность в получении качественного образования проявляется наиболее остро.

Портал предоставляет возможность повышения квалификации и переподготовки преподавателей русского языка как иностранного в дистанционном формате. Уже сегодня более 4 300 преподавателей являются зарегистрированными пользователями портала, свыше 3 000 из них приняли участие в обучении по программе повышения квалификации «Практическая методика преподавания русского языка как иностранного». Набирает популярность в преподавательской среде 380-часовая программа профессиональной переподготовки «Русский язык как иностранный и методика его преподавания». Являясь первым опытом реализации дистанционной программы педагогической переподготовки в сфере русистики, она реализуется с обязательной поддержкой преподавателей Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина. По результатам успешного прохождения итоговой аттестации, включающей подготовку и защиту выпускной квалификационной работы, уже сегодня более 50 слушателей программы получили диплом, дающий право на преподавание РКИ.

Для преподавателей, обладающих необходимой квалификацией в сфере преподавания русского языка для иноязычных обучающихся и желающих получить возможность стать тьюторами и оказывать консультационные услуги на портале, разработана программа повышения квалификации «Информационно-коммуникационные технологии и мобильные приложения в преподавании РКИ».

На решение проблем обучения русскому языку детей-билингвов нацелен разработанный в Институте Пушкина и представленный на портале уникальный ресурс «Русский язык для наших детей». Образовательный комплекс включает в себя систему интерактивных учебно-методических и обучающих материалов, а также систему сертификационного тестирования, которая, как мы полагаем, станет важным элементом мотивации к изучению русского языка. Активными пользователями ресурса для детей-билингвов сегодня являются как тысячи наших соотечественников – дети, родители, педагоги, так и изучающие русский язык тысячи жителей десятков зарубежных стран.

Портал обладает большим научным потенциалом, он является неисчерпаемой эмпирической базой, универсальной экспериментальной площадкой для исследований по такому молодому научному направлению, как цифровая педагогика. Исследователям и педагогам предстоит получить достоверные научные данные о пределах применимости дистанционных инструментов в преподавании иностранного языка, оценить эффективность учебного процесса в условиях электронной образовательной среды, установить и подробно описать оптимальные педагогические траектории. Фактическим материалом для нас являются статистические данные о

посещаемости портала, результатах тестирования (как промежуточного, так и итогового), скорости прохождения курсов, количестве и типах ошибок в ходе выполнения заданий. Не лишним будет проведение психолого-педагогического обследования самих обучающихся, выбравших портал в качестве своей образовательной среды. Какова их реальная мотивация? Стало ли их обучение более эффективным? Удовлетворены ли они? Думается, ответы на эти вопросы могут быть даны только по итогам полномасштабных научных исследований, выполняемых международными творческими коллективами. Институт Пушкина открыт для таких проектов и готов расширять свою партнерскую сеть.

Стремительно развиваясь, портал «Образование на русском» становится ядром системы дистанционной поддержки обучения русскому языку в регионах, где русскоязычная среда ограничена. Он дает равные возможности ученикам и педагогам, проживающим во всех регионах России и за рубежом, для получения непрерывной учебно-методической и профессиональной поддержки. Создать такой образовательный продукт, отвечающий современным вызовам, стало возможным благодаря совместным усилиям сообщества экспертов в области лингвистики, методики преподавания русского языка, инновационной педагогики и психологии. Сегодня портал «Образование на русском» – это не просто средство обучения русскому языку, набор грамматических правил, упражнений и контрольно-измерительных материалов. Он становится той «умной» средой, которая направляет учащегося и педагога по образовательной траектории, формируя и корректируя их совместную творческую деятельность, задавая высокий уровень владения русским языком как государственным в едином образовательном пространстве равных возможностей.

Исходя из сказанного, вместе с коллегами Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина нами предлагаются следующие рекомендации в итоговые документы Культурного форума регионов:

Рекомендации по развитию межсекторного партнерства в сфере социокультурного развития в контексте Основ государственной культурной политики

Сохранение русского языка как объекта культурного наследия России возможно лишь при условии совместных усилий государства, общества и бизнеса. Источником и сферой функционирования русского языка является общество, государство ответственно за сохранение русского литературного языка, бизнес во многом является стимулом развития русского языка, вызванного потребностью участников бизнес-процессов в новой лексике и стилевых формах.

Наиболее эффективной видится следующая модель взаимодействия государства, бизнеса и гражданского общества:

гражданское общество на уровне экспертных сообществ вырабатывает требования к уровню владения русским языком;

государство закрепляет данные высокие требования нормативно, контролирует соблюдение этих требований в сфере общественной

коммуникации, создает условия для развития и распространения эталонного русского языка;

бизнес поддерживает высокие корпоративные стандарты владения русским языком, ориентируясь на мнение экспертного сообщества и требования государства.

В целях повышения эффективности межсекторного взаимодействия, направленного на сохранение русского языка, рекомендуем:

- включать во все профессиональные стандарты требования к уровню владения русским языком с градацией в зависимости от квалификации и отрасли;
- ввести процедуру добровольной сертификации уровня владения русским языком для соискателей вакансий в крупных государственных и частных компаниях.

Полухина Д.М.
(Москва)

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ГОСУДАРСТВЕННОГО В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Статьей 68 Конституции Российской Федерации русский язык определяется как государственный язык Российской Федерации на всей ее территории[1]. Кроме того, как следует из статьи 111 Устава Организации Объединенных Наций, русский язык имеет также статус официального языка Организации Объединенных Наций[2].

Сфера применения русского языка как государственного также отражена в различных нормативных правовых актах, главенствующим из которых является Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» (далее – Федеральный закон о языке). Федеральный закон о языке регулирует такие вопросы, как сфера использования государственного языка, его защита и поддержка, а

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.

[2] Устав Организации Объединенных наций. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XII. М., 1956. С. 14-47.

также ответственность за нарушения указанного федерального закона. Следует отметить, что с момента его принятия в 2005 году изменений в Федеральный закон о языке вносилось немного, в частности, на наш взгляд, можно отметить изменения, внесенные в него в 2014 году.

Так, Федеральным законом 5 мая 2014 г. № 101-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового регулирования в сфере использования русского языка» в Федеральный закон о языке были внесены изменения, касающиеся перечня слов и выражений, которые запрещено использовать в русском языке при его использовании как государственного. В частности, кроме «слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка», запрещено использовать также нецензурную брань. В связи с данным изменением представляется интересным вопрос о возможном использовании нецензурной брани при применении русского языка как государственного (в частности, в проектах нормативных правовых актов, судебных решениях и т. д.). Представляется, что в силу характера стиля русского языка, применяемого в указанных целях, основной характеристикой которого является отсутствие эмоциональной окраски и средств выразительности, использование нецензурной брани является затруднительным, если не невозможным как в письменной, так и устной формах.

Итак, Федеральный закон о языке определяет русский язык как государственный, а норма Федерального закона, рассмотренная выше – особенности использования русского языка как государственного. Что же подразумевается под термином «государственный»? Пункт 2 Федерального закона о языке определяет статус русского языка как государственного языка Российской Федерации, который «предусматривает обязательность использования русского языка в сферах, определенных Федеральным законом о языке, другими федеральными законами, Законом Российской Федерации от 25 октября 1991 года № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, его защиту и поддержку, а также обеспечение права граждан Российской Федерации на пользование государственным языком Российской Федерации»[1].

В данном определении мы можем выделить основные признаки русского языка как государственного, в частности, такие, как: определенные сферы использования русского языка, возможность его защиты, поддержки, возможность обеспечения граждан Российской Федерации на пользование русским языком.

В настоящее время остро встают проблемы, связанные как с использованием русского языка, так и его защитой. Не секрет, что в русский язык приходит множество новых заимствованных слов из других языков,

[1] Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» от 01 июня 2005 года. № 53-ФЗ // Российская газета. 2005. № 3897.

на него оказывает большое влияние сеть Интернет, развитие электронных технологий и т. д. Остро также встают вопросы защиты русского языка, так как эффективных мер защиты и мер ответственности в настоящее время на законодательном уровне в России нет.

Отдельно следует отметить, что, хотя пунктом 7 статьи 1 Федерального закона о языке предусмотрена обязательность использования государственного языка Российской Федерации, это не должно толковаться как отрицание или умаление права на пользование государственными языками республик, находящихся в составе Российской Федерации, и языками народов Российской Федерации[1]. Зачастую на практике толкуется наоборот. Особенно четко такое толкование можно проследить в республиках, в которых наряду с русским языком используется национальный язык, например, в Татарстане, Башкортостане и т. д. Например, как отмечает Ляшенко Н.В., «недостаточная правовая урегулированность вопросов функционирования и использования государственного языка Российской Федерации и государственных языков республик в ее составе явилась причиной того, что в ряде республик сократился объем использования русского языка в различных сферах общественной жизни, особенно в сферах государственного управления и образования»[2].

Определяя статус русского языка как государственного, Федеральный закон о языке в то же время не дает определения «государственный», что восполняет, в свою очередь, доктрина. Ляшенко Н.В. дает следующее определение государственного языка, в соответствии с которым «государственный язык – это язык, который в соответствии с законодательством государства в обязательном порядке используется в нем во всех официальных сферах и который выполняет в этих сферах интеграционную функцию»[3].

Одной из важнейших сфер использования русского языка как государственного является законотворчество – та сфера, в которой роль русского языка очень трудно переоценить на всех стадиях подготовки проекта нормативного правового акта, вплоть до его опубликования и вступления в силу.

При подготовке любого нормативного правового акта основная роль языка заключается в формулировке и выражении воли законодателя, а также доведении ее до сведения участников общественных отношений. Право, доводя волю законодателя до сведения общественности, через язык целенаправленно воздействует на сознание людей, побуждает их вести себя должным образом и избегать соответствующего недолжного поведения.

---

[1] Там же.

[2] Ляшенко Н.В. Русский язык как государственный язык Российской Федерации: конституционно-правовой анализ: автореф дисс. к.ю.н. М., 2004. С. 3.

[3] Там же, С. 3.

Среди общих принципов правотворческой деятельности можно выделить такие принципы, как демократизм, законность, гуманизм, научность, профессионализм, системность и оперативность[1].

Проект нормативного правового акта, прежде чем быть принятым законодателем, опубликованным и введенным в действие, проходит несколько самостоятельных и последовательных стадий, одной из которых является разработка проекта нормативного правового акта, включающая, в том числе, и его лингвистическую экспертизу. В процессе лингвистической экспертизы проводится, в том числе, проверка употребления терминов, применяющихся для обозначения тех или иных понятий в уже практически готовом акте.

Термины могут употребляться как в начале нормативного акта (например, в федеральном законе), так и появляться в его тексте (например, в кодифицированном акте). В случае если значение термина указывается в федеральном законе, то его определение чаще всего можно найти в первых статьях федерального закона. Приведем несколько примеров: *Антарктика – район южнее шестидесятой параллели южной широты, включая все шельфовые ледники[2].*

В кодифицированном акте мы можем увидеть, что термин может содержаться в названии статьи, а его определение – в ее тексте. Например, **пункт 1 статьи 21 Гражданского кодекса Российской Федерации** *Дееспособность гражданина:*

Способность гражданина своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их (гражданская дееспособность) возникает в полном объеме с наступлением совершеннолетия, то есть по достижении восемнадцатилетнего возраста[3].

Вместе с тем, по общему правилу, термины используются только в одном значении и в соответствии с терминологией, принятой в нормативном правовом акте, иначе возможно возникновение ситуации, при которой будет происходить неверное толкование нормы нормативного правового акта и, как следствие, неверное ее применение на практике.

На основании изложенного мы видим, что в правотворческой деятельности должно быть уделено особое внимание употребляемым терминам в законодательном акте, который должен быть понятен не только ученому-юристу и специалисту в практической деятельности, но и человеку, не имеющему правовых знаний, но желающему ознакомиться с тем или иным нормативным актом.

В заключение мы можем сделать вывод о том, что использование современного русского литературного языка как государственного

---

[1] Чашин А.Н. Теория государства и права. М., Дело и Сервис, 2008. С. 426.

[2] См. статью 1 Федерального закона от 05 июня 2012 г. № 50-ФЗ «О регулировании деятельности российских граждан и российских юридических лиц в Антарктике» // Российская газета. № 130. 2012.

[3] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ // Российская газета. 1994. № 238-239.

должно осуществляться в соответствии с законодательством о языке, с использованием выработанных норм и правил, а также ограничений, установленных законодательством Российской Федерации.

Киянова О.Н.
Панова М.Н.
(Москва)

ЯЗЫКОВЫЕ ВАРИАНТЫ В ТЕКСТАХ ЗАКОНОВ И СЛУЖЕБНЫХ ДОКУМЕНТОВ: К ВОПРОСУ О ПРИДАНИИ НОРМАТИВНОГО СТАТУСА НЕКОТОРЫМ КОРПОРАТИВНЫМ ВАРИАНТАМ НОРМЫ

Русский язык – одна из важных основ российской государственности, выполняющая консолидирующую роль в обществе. Именно он «формирует общее гражданское, культурное, образовательное пространство. И знать его, причём на высоком уровне, должен каждый гражданин Российской Федерации»[1].

Владение государственным языком является обязательным для каждого специалиста административно-правовой сферы. В соответствии с законодательством Российской Федерации[2] на государственную службу имеют право поступать граждане Российской Федерации, «владеющие государственным языком Российской Федерации». В Федеральном Законе Российской Федерации от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» определены сферы, в которых русский язык как государственный подлежит обязательному использованию. Прежде всего, это деятельность федеральных органов государственной власти; органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов; органов местного самоуправления, организаций всех форм собственности, в том числе деятельность по ведению делопроизводства, судопроизводства, проведению выборов и референдумов и т. д.

[1] Путин В.В. Речь на открытии Российского литературного собрания 21 ноября 2013 г. // http://www.kremlin.ru/news/19665.

[2] Часть 1 ст. 21 Федерального Закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и часть 1 ст. 12 Федерального Закона «О системе государственной службы Российской Федерации».

Совершенно очевидно, что в качестве языка, применяемого в сфере государственного и муниципального управления, на государственной службе и др., в функции языка законодательства и судопроизводства выступает высшая (образцовая, обработанная) разновидность государственного (национального) языка – русский *литературный* язык, обладающий богатым лексическим фондом, упорядоченной грамматической структурой и развитой системой стилей.

Важнейшим признаком литературного языка является его нормированность. Нормы литературного языка – это правила использования речевых средств в определенный период развития литературного языка, т. е. правила произношения, постановки ударения, употребления слов и других языковых средств, принятых обществом, воспринимаемых им как образцовые и закрепленных общественно-языковой практикой. Норма обязательна как для устной, так и для письменной речи и охватывает все языковые уровни.

Владение государственными служащими профессиональным языком означает необходимость соблюдения ими *норм современного русского литературного языка и стилевых норм*, предполагающих знание специфики официально-делового стиля.

Нормы русского литературного языка закреплены в словарях, учебниках и справочниках. Однако список словарей[1], в которых фиксируются нормы русского языка как государственного, предложенный несколько лет назад Минобрнауки, вызвал недоумение и резкую критику филологов-русистов. Он требует корректировки и пополнения другими авторитетными изданиями.

Кроме того, анализ узуса, реальной речевой практики в сфере государственного управления показывает, что существует и такое явление, как *традиции корпоративного языка госслужащих*, или *корпоративные нормы*[2], которые, в первую очередь, проявляются в письменном профессиональном общении. Именно эти традиции определяют непривычный для образованного носителя языка, читающего служебный документ, выбор варианта написания слова, грамматической формы, постановки знака препинания, прописной или строчной буквы (например, для маркирования высокого социального статуса служебных должностей, названий подразделений органов управления, учреждений) и т. д.[3] То, что, с точки зрения лингвиста, является языковой ошибкой, у рядового государственного служащего не вызывает вопросов, поскольку

[1] Приказ Министерства образования и науки РФ от 8 июня 2009 г. N 195 "Об утверждении списка грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации // http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/96093.

[2] Термин, предложенный Кияновой О.Н..

[3] См. подробнее: Панова М.Н. Языковая личность государственного служащего: опыт лингвометодического исследования. М., 2004. С.223-225; Киянова О.Н. Основы построения текстов административно-правового характера : учебник. М.: РПА Минюста России, 2012.

является для него совершенно естественной вещью, привычным фактом повседневной речевой практики.

Вместе с тем сотрудники, отвечающие по долгу службы за качество подготовки документов, обратившись к справочной лингвистической литературе, встречаются с противоречивыми рекомендациями, содержащимися в ортологических словарях, с одной стороны, и ведомственных инструкциях и правилах подготовки служебных документов, с другой. А поскольку пользователями таких рекомендаций выступают работники органов государственного управления, для них авторитетными являются именно предписания государственных законов и служебных документов.

Нормализация и кодификация литературного языка предполагает анализ национального корпуса текстов, относящихся к различным функциональным стилям, ведь в идеале национальный корпус языка характеризуется представительностью, сбалансированным составом самых разнообразных с точки зрения языка и стиля текстов. Однако при определении нормативного варианта, авторы правил орфографии и пунктуации и составители лингвистических словарей, отслеживая современные тенденции развития литературного языка, на наш взгляд, не в полной мере учитывают целый пласт текстов, относящихся к корпоративной культуре, имеющей многолетнюю историю и традиции, – государственной службе. Это тексты официально-делового стиля, в том числе служебных документов.

Анализ трудных случаев словоупотребления, грамматики, орфографии и пунктуации, актуальных для административно-правовой сферы, нахождение компромисса лингвистов-«теоретиков» и лингвистов-«практиков», упорядочение рекомендаций, способствующих повышению качества документов, – важная задача государственной языковой политики.

Требует скорейшей реализации задача ассимилирования «корпоративных» (традиционных) норм русского языка, сложившихся на государственной службе, в частности, и в административно-правовой сфере в целом, в систему норм, зафиксированных словарями современного русского языка. Существующая де-факто корпоративная норма нуждается в некоторых случаях в кодификации – описании и закреплении ее в словарях, справочниках и учебных пособиях в качестве варианта, то есть диспозитивной нормы, а в некоторых случаях она должна быть заменена общепринятым и кодифицированным в академических словарях написанием, словоупотреблением и т. д. и изъята из служебных инструкций как языковая ошибка.

В русском языке существует большое количество трудных случаев словоупотребления, использования грамматических форм, различных орфографических и пунктуационных трудностей. Причинами являются недостаточно полное и непротиворечивое описание того или иного случая в лингвистических справочниках, разночтения в словарях, вариативность языковой нормы.

Если речь идет о преподавании русского языка школьникам и студентам, такие трудные случаи не должны включаться в экзаменационные материалы, необходимо также найти разумные критерии оценки работ. Иное дело – профессиональная деятельность людей, связанных с составлением служебных документов, нормативных правовых актов. С одной стороны, работники административно-правовой сферы сталкиваются с разными толкованиями языковых феноменов в лингвистических справочниках и словарях, с другой – с противоречиями между рекомендациями лингвистов и составителей различных служебных справочников и инструкций, авторами которых нередко являются не специалисты-филологи, а юристы и представители других направлений гуманитарных наук.

Официально-деловой стиль, используемый при составлении документов, практически не приемлет наличия в тексте вариантов нормы, так как его доминантой является «фактическая и смысловая точность, не допускающая инотолкований»[1]. В данном случае, безусловно, необходимо единообразие, использование одного из существующих в языке вариантов, стандартизация языкового оформления документного текста, высокая степень регламентированности.

В настоящее время сложилась абсурдная ситуация: если госслужащие пишут с прописной буквы оба слова в словосочетании *«Государственная Дума»* (то есть так, как в тексте Конституции Российской Федерации), они тем самым нарушают нормы современного русского литературного языка. Ведь в соответствии с правилами орфографии в этом словосочетании, являющемся официальным названием органа власти, с прописной буквы пишется только первое слово[2]. В список исключений из этого правила по традиции входят *Общество Красного Креста и Красного Полумесяца* и некоторые другие названия международных организаций, но для названия одной из палат представительного и законодательного органа нашей страны в этом списке места не нашлось. Если в тексте внутреннего документа слово *«министр»* или другие названия должностей пишутся с прописной буквы, то, по мнению ряда лингвистов, это не корпоративная традиция, а исключительно проявление чинопочитания. Хотя составители документа в данном случае, выбирая вариант написания, руководствуются Указом Президента РФ[3]. Получается, что составители лингвистических словарей всегда правы, а чиновники, составители документов, которые обязаны в совершенстве владеть государственным языком, находятся в положении постоянных нарушителей норм русского литературного языка.

Занимаясь преподаванием культуры деловой речи госслужащим, выступая перед филологами-практиками, работающими в отделах

---

[1] Кожина, М.Н. Стилистика русского языка // Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. М.: Флинта. Наука, 2012.

[2] Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник // Под ред. В.В. Лопатина. М.: Эксмо, 2007. С. 182-183.

[3] Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2005 г. N 1574«О Реестре должностей федеральной государственной гражданской службы» // Российская газета. Федеральный выпуск № 3968. 12 января 2006 г.

лингвистических экспертиз органов государственной власти, преподаватели-русисты испытывают неловкость из-за того, что рекомендации авторов лингвистических словарей и справочников часто не устраивают госслужащих и в тех случаях, когда речь идет о выборе из нескольких вариантов литературной нормы. Официально-деловому стилю присуща не только стандартизация оформления, способа изложения материала, но и стандартизация языка. Нежелательно предлагать пользователю выбрать один из нескольких вариантов литературной нормы, когда речь идет о составителе документа.

С другой стороны, юристы, законодатели не всегда прислушиваются к разумным требованиям лингвистов. Так, 21 октября 2009 г. Государственная Дума, несмотря на возражения общественности, приняла решение о единообразии использования в законодательстве слов «паралимпийский» и «сурдлимпийский», якобы приведя их в соответствие с международной терминологией (ср.: *paralympicgames*). К мнению лингвистов в Госдуме никто не прислушался. И уже не только в законе «О физической культуре и спорте в РФ», но и в ряде других законов рекомендованные *Русским орфографическим словарем* написания слов *параолимпийский*, *сурдоолимпийский* и *сурдолимпийский*[1] заменяются новыми – *паралимпийский* и *сурдлимпийский*. В ежегодном Послании Президента РФ Федеральному Собранию в 2010 г. тоже употребляется слово *паралимпийцы*.

Такое положение нельзя считать приемлемым.

Проблема урегулирования некоторых спорных случаев несоответствия норм, принятых в языке документов, нормам современного русского литературного языка, рекомендованным лингвистическими словарями, проблема нахождения разумного компромисса между авторами словарей и служебных инструкций представляется нам чрезвычайно своевременной. Она является актуальной и общественно важной в условиях реформирования и повышения эффективности государственной и муниципальной службы.

Совершенно очевидно, что необходима унификация и систематизация тех трудностей русского языка, которые мешают грамотному составлению и оформлению деловых текстов государственными и муниципальными служащими и законодателями.

Проблемы нормы языка, используемого в сфере государственного управления[2], являются чрезвычайно важными и для лингвистов. Необходимость унификации вариантов нормы литературного языка, представленных в ортологических словарях и служебных документах, очевидна.

---

[1] Русский орфографический словарь // РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова // О.Е. Иванова, В.В. Лопатин (отв. ред.) и др. 3-е изд., испр. и доп. М., 2012.

[2] Постановление Правительства РФ от 23 ноября 2006 г. N 714 "О порядке утверждения норм современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, правил русской орфографии и пунктуации" // http://base.garant.ru/190239.

Не вызывает сомнения тот факт, что языковые нормы, не связанные с системными закономерностями языка, а являющиеся результатом установленной обществом конвенции, то есть некоторым набором условных соглашений, в случае их пересмотра, уточнения и адаптации применительно к сфере государственного управления, не вызовут болезненной реакции лингвистов – составителей словарей. Подобные ортологические[1] трудности следует рассмотреть в первую очередь и сформулировать четкие рекомендации для госслужащих, поскольку для них владение литературным языком – это профессиональное требование.

Назрела настоятельная необходимость решить вопрос о легитимности понятия *корпоративной нормы*, о подготовке *единых рекомендаций по языковому оформлению служебных документов на государственной гражданской службе.*

Калашникова Е.А.
(Республика Карелия)

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КАРЕЛИЯ И НАСУЩНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ

Россия – это страна языкового разнообразия. Язык каждого этноса является культурным достоянием всего человечества, бесценным свидетельством особого видения мира тем или иным народом. Языковое разнообразие – это результат естественного развития и функционирования языков. Умрет язык – исчезнет народ.

Современная языковая ситуация в России характеризуется национально-русским двуязычием и многоязычием.

Сегодня в эпоху глобализации приходит осознание того, что сохранение и защита русского языка является стратегической проблемой национальной безопасности РФ. Русский язык обеспечивает

[1] Мы разделяем точку зрения В.В. Свинцова, который предлагает ввести в научный обиход термин «ортологическая трудность». Автор подчеркивает, что есть практические языковые трудности, актуальные для конкретной языковой личности, но не являющиеся «общезначимыми» для всех, кто говорит по-русски и, в частности, для сообщества профессиональных филологов. Но есть и действительно трудные случаи, причина которых кроется, в частности, «в объективном несовершенстве «языкового законодательства», то есть либо в лакунарности, либо в избыточности норм и правил использования языка» (см. Свинцов В.В. Как правильно, или о причинах языковых затруднений // Русская речь. № 4. 2012. С. 38).

единое информационное пространство, общероссийское культурное пространство, является компонентом базовой триады «язык – нация – культура».

2007 год, объявленный Годом русского языка, 2014 год – Год культуры, привлекли внимание общественности к проблеме владения родным языком, актуализировали вопросы государственной политики в сфере языка, что потребовало оценки сложившейся языковой ситуации как в России, так и в Республике Карелия, освещения государственной языковой политики, направленной на сохранение, сбережение и пропаганду русского языка и русской речевой культуры.

Языковая ситуация сегодня описывается и трактуется по-разному. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» термин «языковая ситуация» понимается как «совокупность форм существования (а также стилей) одного языка или совокупность языков в их территориально-социальном взаимоотношении и функциональном взаимодействии в границах определенных географических регионов или административно-политических образований»[1]. Иными словами, языковую ситуацию формирует все языковое сообщество, говорящее на одном (нескольких) языках в определенную историческую эпоху. На состояние языковой среды влияют многочисленные языковые (внутренние законы развития языков) и экстралингвистические факторы: социально-экономические, политические, культурные, национальные, этнические, демографические. Если системы языков в своей основе остаются практически неизменными, то языковая ситуация меняется под воздействием происходящих в обществе экономических преобразований, политических и идеологических процессов.

Описать языковую ситуацию можно посредством количественных, качественных и оценочных признаков[2]. К количественным характеристикам относятся: число составляющих ее идиомов[3], число носителей того или иного языка в пропорциональном отношении к общему составу населения, сферы функционирования, количество доминирующих идиомов. По этим параметрам мы имеем в Республике Карелия (далее – РК) *поликомпонентную* (несколько идиомов) и *неравновесную* (разная коммуникативная и демографическая мощность идиомов) языковую ситуацию. Качественные характеристики языковой ситуации определяют: лингвистический статус языковых образований, наличие или отсутствие генетического и типологического родства, функциональное доминирование или равнозначность идиомов.

---

[1] Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. С. 616.

[2] Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. С. 616.

[3] Идиом – общий термин для обозначения различных языковых образований – языка, диалекта, говора, литературного языка, его варианта и других форм существования языка. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. С. 171.

По качественным признакам языковая ситуация в РК может быть охарактеризована как *гетерогенное* и *гетероморфное многоязычие*, так как языки, распространенные на территории республики, принадлежат к разным генетическим семьям и обладают различными типологическими характеристиками. Наконец, оценочные признаки «касаются внешней и внутренней оценки идиомов, т. е. оценки языка носителями других языков и исконными носителями в плане его коммуникативной пригодности, эстетичности, культурной престижности и т. д.»[1]. В РК имеет место *недиглоссная* языковая ситуация, так как функционально сосуществуют национальные языки и русский язык как язык межнационального общения. По данным переписи населения 2002 г., в РК говорят на 110 языках и наречиях, относящихся в основном к индоевропейской и уральской языковым семьям, в меньшей степени представлены языки алтайской и кавказской языковых семей. Русским языком владеют практически все проживающие на территории Карелии (99,3 % населения). Наряду с русским языком, наиболее распространенными в республике являются карельский (35,1 тыс. чел.), финский (22,8 тыс. чел.), немецкий (12,3 тыс. чел.), украинский (11,4 тыс. чел.) и белорусский (8,5 тыс. чел.) языки. Соответственно современная языковая ситуация в Карелии характеризуется национально-русским двуязычием и многоязычием. Основную функциональную нагрузку в РК несет русский язык, выступая в качестве языка межнационального общения.

Востребованность русского языка в сферах науки, политики, права, культуры и образования, межэтнического общения невероятно высока. Провидческими оказались слова русского языковеда Н.С. Трубецкого: «Русский литературный язык ... не утратит своего культурного и государственного значения. Не говоря уже о том, что он остаётся сейчас общим государственным языком всего «Союза Советских Социалистических Республик» и останется таковым и впредь, независимо от того, какие перемены произойдут со временем в государственной конструкции и строе этого «Союза», – можно с уверенностью утверждать, что он останется и языком культурного и делового общения между представителями разных народов, входящих в состав России – Евразии. Образованный зырянин будет всегда говорить с образованным грузином именно на русском литературном языке»[2].

Многокомпонентная языковая модель РК будет неполной, если не упомянуть о миноритарных языках. Миноритарные языки – это языки малочисленных этносов (менее 50000 человек).

К миноритарным языкам, функционирующим на территории РК, относится вепсский (чудский). Традиционно в вепсском языке выделяется три диалекта: северный, средний и южный. Северными

[1] Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. С. 616.

[2] Трубецкой Н.С. Общеславянский элемент в русской культуре // Вопросы языкознания, 1990. № 3. С. 127.

называются вепсы, проживающие на территории Карелии. Число полноценных носителей северного диалекта может сейчас составлять 3-4 тысячи человек[1]. По данным Всероссийской переписи 2002 года, на территории РФ насчитывается 8240 вепсов, из них 8235 владеют русским языком, т. е. практически 100 % знают русский язык. Что касается родного языка, то «в настоящее время вепсским языком достаточно свободно владеют несколько меньше половины всех вепсов»[2]. До последнего времени вепсский язык функционировал в обиходно-бытовой сфере. Сейчас он преподается в ряде школ РК, изучается в вузах, звучит на Карельском радио и в телепередачах местного телевидения, материалы на вепсском языке печатаются в районных газетах, издается литература на этом языке.

Карельский язык является титульным, т. е. его название совпадает с наименованием этноса, по которому названо национально-территориальное образование. По данным Всероссийской переписи 2002 года, на территории РФ проживает 93 344 карела, из них 93 184 владеют русским языком, т. е. 99,8 % хорошо знают русский язык. Из проживающих в РК считают родным карельский язык 40 663 карела, или 51,5 % [6; С. 144]. В карельском языке выделяется три диалекта: собственно карельский, ливвиковский и людиковский. До недавнего времени карельский язык был бесписьменным. 90-е годы XX века знаменуют возрождение интереса к карельскому языку. Значительно расширилась сфера функционирования карельского языка: в ряде школ республики и вузах ведется обучение карельскому языку, транслируются радио- и телепередачи на карельском языке, изданы букварь и книги для чтения, школьные словари, словари диалектов и говоров карельского языка, издается газета, появилась художественная литература на карельском языке.

Основную функциональную нагрузку в РК несет русский язык, выступая в качестве языка межнационального общения. Карелы и вепсы двуязычны. В Республике Карелия, на наш взгляд, достигнута межъязыковая толерантность.

Государственная языковая политика должна быть направлена на ревитализацию миноритарных языков, т. е. на их обязательную письменную фиксацию и сохранение, а также на всестороннюю поддержку титульных языков.

В узком смысле слова под языковой ситуацией подразумевают в совокупности формы существования (устная и письменная), разновидности (литературный язык, диалект, просторечие, социальные и профессиональные жаргоны), многочисленные сферы употребления (обиходно-бытовая, научная, политическая, правовая, официально-деловая, массовой коммуникации, сфера искусства) одного языка.

---

[1] Языки народов России: Красная книга. Энциклопедический словарь-справочник. М., 2002. С.53.

[2] Языки народов России: Красная книга. Энциклопедический словарь-справочник. М., 2002. С.52.

Другими словами, языковая ситуация отождествляется с состоянием языковой системы и структуры конкретного языка, динамических процессов, происходящих в них, характером функционирования, степенью распространенности и т. п.

Современная языковая ситуация задана последними тремя десятилетиями новейшей истории России. Смена общественно-политического строя, повлекшая за собой изменения во всех сферах, сказалась на языке. Можно отметить как положительные, так и отрицательные процессы, происходящие в современном русском языке.

К положительным тенденциям относятся: появление новых сфер употребления языка (например, Интернет, породивший язык электронных СМИ), развитие новых подстилей и жанров внутри стилистической системы языка; особенно интенсивное развитие официально-делового и публицистического стилей; увеличение словарного запаса языка за счет новых заимствований в сферах политики, права, экономики, современных технологий; активизация ряда словообразовательных моделей; возникновение новой идиоматики; возвращение пласта церковнославянской лексики; активное использование изобразительно-выразительных средств языка; стремление к экспрессивно окрашенной разговорной речи и т. д.

Однако заметны и устойчивы тенденции негативные, разрушительные, среди которых можно назвать следующие: сокращение пассивного и активного словарного запаса носителей языка; расшатывание литературно-языковых норм; снижение речевой культуры: несоблюдение норм русского речевого этикета, предельная насыщенность речи словами-паразитами, ошибочное формо- и словоупотребление, распространенность бранной, вульгарной лексики; ориентация на сниженный, разговорный или разговорно-просторечный стиль речи; слабое владение литературной нормой; обилие немотивированных внутренних и внешних заимствований; отсутствие ориентации на образцовую речь; многочисленные стилистические нарушения и т. д.

Особое влияние на языковую ситуацию оказывают средства массовой информации. Периодическая печать, радио и телевидение, документальное кино способствуют либо развитию, совершенствованию, либо разрушению русской речи. СМИ не только доносят до нас информацию и воздействуют на общественное мнение, но и задают речевые образцы, формируют «языковой вкус эпохи»[1]. С другой стороны, СМИ отражают состояние языка в целом. Осмысление языковой ситуации позволяет выстроить грамотную и рациональную языковую политику, направленную на сохранение и развитие национального и государственного языка РФ – русского.

[1] Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений за речевой практикой масс-медиа. СПб.: Златоуст, 1999. С. 7.

Необходимо проводить последовательную государственную политику в сфере национального языка. Она предусматривает такие приоритетные направления деятельности, как просветительская, образовательная, научно-исследовательская и издательская. Просветительское направление должно служить всемерной популяризации образцовой русской речи. Эту задачу призваны решить культурные и образовательные учреждения, научные институты. Издательская деятельность должна быть направлена на публикацию научных работ, посвященных языковым проблемам, учебно-методической и справочной литературы по русскому языку. Надо обратить внимание на доступность для населения классической и современной художественной литературы на русском языке, справочных изданий, словарей, рассчитанных на массового читателя. Чтобы сберечь, сохранить и передать все богатство языка другим поколениям, необходимо возродить культуру чтения в обществе и обеспечить эффективное обучение русскому языку.

К насущным проблемам языковой политики можно отнести книгоиздательскую деятельность на территории РК, создание при Правительстве РК службы русского языка, призванной контролировать исполнение Федерального закона о русском языке, разработку республиканской целевой программы «Русский язык», рассчитанной на пять и более лет. Хотелось бы подчеркнуть, что программа должна иметь долговременный характер.

Просветительское направление предполагает организацию следующих мероприятий:

1. Проведение цикла передач на карельском радио, посвященных русской речевой культуре.

2. Организация прямого телеэфира с обсуждением проблем владения русским языком, оценкой сложившейся языковой ситуации, освещением государственной языковой политики.

3. Создание сайта в Интернете «Мир русской речи», служащего повышению социоречевой культуры населения Карелии.

4. Информационно-аналитический мониторинг состояния речевой культуры СМИ в РК.

5. Создание республиканского справочно-аналитического центра «Экологическая служба русского языка». На протяжении ряда лет эта идея неоднократно высказывалась доктором филологических наук, профессором кафедры русского языка ФГБОУ ВПО КГПА Л.В. Савельевой – руководителем гранта «Русская речевая культура на северо-западе России».

6. Организация языкового патруля и введение административных (штрафных) санкций за нарушение норм литературной речи во всех сферах общественной жизни. Информирование широкой общественности о принятых юридическими и физическими лицами мерах к устранению лингвоэкологических нарушений.

7. Организация широкой информационной кампании, включающей публикации, материалы для прессы и радио, выступления филологов на темы русского коммуникативного поведения.

8. Проведение развлекательных интерактивных языковых мероприятий (конкурсов, игр, бесед, марафонов грамотности).

В образовательной деятельности возможно:

1. Создание школьных лингвокраеведческих и лингвоэкологических центров.

2. Проведение серии обучающих, информационных, научно-методических семинаров для учителей русского языка и литературы г. Петрозаводска и РК.

3. Организация лектория «Русская речевая культура XX-XXI веков».

4. Открытие дискуссионного клуба «Язык. Культура. Нация».

5. Регулярное проведение Республиканских олимпиад и участие во Всероссийских олимпиадах школьников по русскому языку.

6. Открытие риторических классов в школах, лицеях, колледжах и вузах РК.

7. Организация творческого конкурса среди учителей-словесников РК.

В последнее время в научный обиход вошел термин «лингвистическая экология» или «лингвоэкология», экология языка», под которым понимается сохранение русского языка как национального достояния народа и обеспечение благоприятной среды для его дальнейшего развития и функционирования. Основы этого направления исследований были заложены академиком Д.С. Лихачевым в 80-е годы прошлого века. Уже тогда ученый рассматривал языковую ситуацию в русле экологии культуры: «Экологию нельзя ограничивать задачами сохранения природной биологической среды. Для жизни человека не менее важна среда, созданная культурой его предков и им самим. Сохранение культурной среды – задача не менее существенная, чем сохранение окружающей природы. Если природа необходима человеку для его биологической жизни, то культурная среда столь же необходима для его духовной, нравственной жизни, для его «духовной оседлости», для его привязанности к родным местам, для его нравственной самодисциплины и социальности»[1].

Необходимо создать «Экологическую службу русского языка», призванную следить за исполнением Федерального закона «О государственном языке РФ». Такой лингвистический центр мог бы привлекать внимание общественности к проблеме владения родным языком, оценивать сложившуюся языковую ситуацию, освещать государственную языковую политику, направленную на сохранение, сбережение и пропаганду русского языка и русской речевой культуры, давать оценку и проводить мониторинг языковой ситуации, представлять лингвоэкспертизы, разрабатывать рекомендации, готовить материалы для прессы и радио, консультировать население, задавать образцы коммуникативного поведения, применять санкции за нарушение норм литературной речи во всех сферах общественной жизни и т. п.

[1] Лихачев Д.С. Заметки о русском. М.: Сов. Россия, 1984. С. 54.

Составной частью охранительной политики является языковая цензура, введение которой позволило бы ограничить проникновение в литературный текст нецензурных, бранных выражений, вульгарных и просторечных слов, сделала бы его более грамотным, без нарушений литературно-языковых норм. С радиослушателями и телезрителями часто заигрывают, пытаясь говорить языком улицы, а ведь за языком стоит культура, осознание себя гражданином своей страны, с ним связано чувство патриотизма и ощущение принадлежности к русскому сообществу. Опошляя, вульгаризируя, обедняя свою речь, мы наносим урон своей культуре.

Культура языкового поведения складывалась веками, передавалась из поколения в поколение. Мы несем ответственность перед потомками за сохранение языковой среды. От нас зависит, будут ли наши правнуки читать А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова свободно или со словарем, от нас сегодняшних, говорящих и пишущих, зависит, умрет язык, а вместе с ним и народ, или сохранится во всем величии и самобытности. Русский язык – составная часть многовековой национальной культуры, а для каждого из нас – способ самовыражения. Родной язык позволяет полноценно раскрыть себя, осознать свое место в мире, свою самобытность, передать культурно-исторические традиции.

В современной России русский язык предстает фактором консолидации общества и народа, важнейшим фактором укрепления российской государственности. Известный писатель-прозаик А.И. Солженицын предложил национальную идею – «сбережение русского народа», которая естественно подразумевает сбережение его языка и культуры.

Шишов А.К.
Шишов К.А.
(Челябинская область)

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ТРАНСАЗИАТСКОЙ ДОРОГИ (ВЗГЛЯД С ЮЖНОГО УРАЛА)

Один из наших современников (Ч. Буковски, США, умер в 95 лет) сказал: “Проблема мира в том, что воспитанные люди полны сомнений, а подлецы и наглецы не сомневаются ни в чем…”

Мощная глобальная подвижка мировой экономики на создание скоростной Трансазиатской магистрали из Китая в Европу вызывает сегодня соответствующую ответную реакцию социума. Настоящие

заметки призваны сосредоточить внимание на социокультурных и социотехнических аспектах этого мегапроекта, особенно в зонах межконтинентальной этногеографии, каковой является Южный Урал.

Хорошо известна роль Транссибирской магистрали, созданной в конце XIX века, последствия которой – не только русско-японская война и великий поток переселенцев на Восток (более 10 млн.), но и рост инвестиций в индустрию и сельское хозяйство, позволивший обеспечить победный исход Великой Отечественной войны и послевоенного соперничества в атомно-ракетной гонке в холодной войне.

Возврат к интенсивным и трансазиатским логистическим связям России в наши дни закономерен на фоне санкционной политики Евросоюза и США, однако прогноз возможных следствий требует системного подхода, в котором необходимо рассмотреть не только экономические и социотехнические аспекты, но и социокультурные, этнокультурные, экологические и даже психологические варианты последствий столь грандиозного строительства.

Общественной палатой Челябинской области (Комиссия по сохранению культурного наследия, межнациональным отношениям и искусству) давно проводится такая работа, базируясь на известном философско-историческом мировоззрении “Евразийства”, созданном отечественной гуманитарной наукой в XX столетии (Н.С.Трубецкой, Г.В.Вернадский, Л.Н.Гумилёв и др.).

Хорошо изученные памятники Южно-Уральской степной культуры Евразии помогли открыть устойчивые торгово-экономические связи континента на протяжении четырех тысячелетий, начиная с Аркаима (XIX в до н. э.) и кончая XX веком эпохи I и II мировых войн. Не перечисляя всех сторон этих открытий, коснемся лишь главнейшей констатации: устойчивость связей Китая, Монголии, Индии, Персии в жизни уральцев-россиян и их предков, несомненно, положительна.

Так обстоит и в Аркаиме – степном заповеднике эпохи ранней бронзы, и в Златоусте – уникальной столице оружейного булата, и в Магнитогорске – городе металлургов, наследников броневого металла танкистов-уральцев…

Недавно в Посольстве Монголии Общественной палатой Челябинской области и УСДЗ[1*] были доложены результаты изучения средневекового торгового пути через Золотую Орду, Казань и Новгород к балтийским ганзейским городам. Товары Востока в обмен на оружие и товары Западной Европы позволили археологам и историкам совсем иначе понять Возрождение Руси в эпоху санкции католического Рима и торговой блокады XIII-XV веков.

Сегодня ситуация на рубежах Южно-Уральской пограничной линии снова вернулась к XVIII веку: Троицк, Оренбург и даже Омск – зона торговых и межэтнических контактов со всеми тонкостями психологии,

[1*] Урало-Сибирский Дом Знаний (г. Челябинск, ул. Плеханова, д. 32), эл. адрес: usdz@mail.ru

тайных расчетов, многослойности этнических ценностей и уловок. Ввод в эксплуатацию многих инженерных объектов (ж.-д. сооружений, мостов, терминалов, электростанций, агрегатов и т. д.), инвестиции в которых принадлежат зарубежным собственникам, будет иметь разные последствия, если не впишется в российский культурно-исторический контекст.

Так же – и с потоками мигрантов, проблемы которых требуют исследований. На Южном Урале более четверти века функционируют более 100 национальных культурных центров, опыт которых, к сожалению, не стал предметом исследований ни ученых, ни политиков Края. Считаем, что этнопроблемы будущего требуют создания этнологических направлений в нашей высшей школе, о чем неоднократно сообщала Общественная палата нашей власти (в ЗСО и Администрацию Губернатора).

Не менее парадоксальна туристическая увлеченность, рассчитанная лишь на экономическую отдачу. Гуманитарная составляющая такой деятельности состоит в тонком возрождении отечественных евразийских памятников мирового уровня в крае.

Аркаим, Пороги (электростанция начала XX века в горах), Арсенал (музей булатной стали в Златоусте), Белый Дом в Кыштыме (бывшее Горное правление лучшего округа чугунного художественного литья) – все эти ансамбли должны стать хотя бы общероссийскими памятниками культуры, а ныне – в плачевном состоянии.

Ныне, когда Европа переживает период антикрестовых походов – возмездие за пренебрежение социокультурой Востока, Россия не может игнорировать проблему взаимопонимания между азиатским сознанием и российским менталитетом. Термин “дружбы народов” уже дал трагический крах, приведя к крушению Великой Державы СССР.

Евразийская концепция, созданная в России и за рубежом нашими соотечественниками, стучится в двери нашей страны.

В Челябинске есть созданный на общественных основаниях Музей-квартира народного артиста России Леонида Оболенского, друга Сергея Эйзенштейна. В одном из своих писем он писал: “Для того, чтобы была межнациональная дружба, нужно хоть малость национальных чувств. А чтобы другие не обманули – знай язык соседа. Лермонтов знал тюркский: он нужен востоку, как французский на Западе. Когда работал в Туркмении – учил тюркский сам. Молва прошла: “Урус могалым” – учитель… С тех пор помнят меня там…”.

Евразийство выстрадано нашим народом, дав основу многих столетий. Билингвизм – не прихоть, а будущее наших детей.

Дошинский Р.А.
(Москва)

ОБРАЗОВАНИЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ КАК ПРИОРИТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Начнем с цитаты из одного письма, присланного в Общественную палату Российской Федерации из Татарстана. Заявитель интересуется, есть ли у Комиссии по развитию науки и образования определенная позиция по вопросу статуса родного языка для русскоговорящего. Сообщается, что сын восьми лет учится во втором классе в одной из казанских школ. Родители русских, и не только русских, детей борются за право получения их детьми полноценного знания русского языка, но безрезультатно. Новый Федеральный государственный стандарт начального общего образования предусматривает, наряду с изучением государственного языка Российской Федерации, изучение в школе родного языка из числа языков народов России.

О чем свидетельствует данное письмо? Фактически о принудительном обучении детей татарскому языку за счет изучения русского языка.

Действительно, в новом Стандарте образования обозначена некая формула изучения русского языка и родного языка. Суть этой формулы заключается в паритетном (равном) соотношении русского языка и родного языка, то есть если на изучение русского языка отводится 3 учебных часа в неделю, то и родного языка должно быть столько же. При этом, как мы понимаем, существует в целом лимит часов, отводимых на предметы филологического цикла. Такая ситуация имеет место быть прежде всего в наших национальных регионах.

Мы обратились к анализу нормативных и законодательных актов о языках субъектов Российской Федерации. И что же обнаруживаем? Так, п. 4 ст. 3 Федерального Закона «Об образовании в Российской Федерации» предусмотрены «единство образовательного пространства на территории Российской Федерации, защита и развитие этнокультурных особенностей и традиций народов Российской Федерации в условиях многонационального государства». Причем положения пунктов 1, 3 ст. 14 настоящего Закона прямо устанавливают, что в Российской Федерации гарантируется получение образования на государственном языке Российской Федерации, а также выбор языка обучения и воспитания в пределах возможностей, предоставляемых системой образования. Тем самым на уровне уже федерального законодательства мы имеем существенное противоречие.

А вот законодательный акт «Об образовании в Республике Калмыкия», в котором изначально отмечено, что граждане Российской Федерации на территории Республики Калмыкия имеют право на получение основного общего образования на родном языке. В то же время п. 5 ст. 2 вышеуказанного

Закона установлено, что во всех имеющих государственную аккредитацию образовательных организациях, кроме дошкольных, изучение русского языка как государственного языка Российской Федерации и Республики Калмыкия регламентируется Федеральными государственными образовательными стандартами. Однако п. 6 ст. 2 предусмотрено, что в общеобразовательных организациях, профессиональных образовательных организациях, в которых обучение ведется на русском языке, калмыцкий язык вводится в качестве обязательного учебного предмета как один из государственных языков Республики Калмыкия.

Развитию русского языка в национальных республиках на самом деле долгое время не уделялось должного внимания, несмотря на декларативные заявления, официальные отчеты и даже солидное финансовое обеспечение (например, через Федеральную целевую программу «Русский язык»). Свидетелями чему мы были неоднократно, например, в приграничных с Грузией территориях Республики Дагестан? Начнем с самого очевидного – отсутствия теплых туалетов в школах, отсутствия отопления в принципе, отсутствия необходимого учебно-методического обеспечения (один учебник русского языка на класс – это вполне нормальное там явление). А далее то, что приоткрывается не сразу: учителя русского языка на своих уроках общаются с обучающимися не на русском языке. Объясняют они данный факт очень просто. Учителя боятся элементарного непонимания со стороны учеников.

Когда в 2014 году Рособрнадзор получил посредством результатов ЕГЭ объективную картину владения русским языком, впервые за долгие годы был проведен мониторинг ситуации. Этот мониторинг выявил самое страшное: сами учителя русского языка в национальных республиках, в силу невостребованности их профессиональных умений, перестали в должной мере владеть русским языком. Из школ в наших национальных республиках постепенно исчезли «русские» учителя. Напомним, что через инструмент распределения дипломированных педагогов в советской системе образования постоянное присутствие «русских» учителей на периферии считалось одним из приоритетных направлений кадровой работы.

Развитию русского языка в регионах должна способствовать и организация широкой переводческой деятельности, задачей которой среди прочего является трансляция достижений народов России на русском языке. Русский язык в этом смысле действительно язык-посредник, язык-помощник, язык-распространитель.

Важно подчеркнуть необходимость образования именно на современном русском литературном языке. Первое ключевое слово – современный язык. Как известно, создателем современного русского литературного языка признан А.С. Пушкин. При всех нюансах в понимании смысла некоторых слов пушкинской поэзии, прозы, драматургии, критики, эпистолярного наследия, в сравнении с ломоносовским творчеством и даже державинским, не говоря уже о древнерусском искусстве, язык Пушкина предстает наиболее понятным, ясным и «современным». Другой планки современности у нас нет – да и нужна ли она?

Второе ключевое слово – литературный язык. Сегодня Общественная палата Российской Федерации готовит открытое письмо Министру культуры РФ Мединскому В.Р. и Министру образования и науки РФ Ливанову Д.В. относительно языка, присутствующего в сетке радио- и телевещания, в частности в передаче «Камеди-клаб» на телевизионном канале «ТНТ». Такую концентрацию жаргонизмов, обсценной (бранной) лексики, о которой нетрудно догадаться через «пикающий» сигнал, неадекватного содержания невозможно было представить себе в прошедший Год культуры и наступивший Год литературы! Но реалии нашей действительности убеждают нас в обратном.

В письме есть персональное обращение и к участникам телевизионного проекта. «Кому Вы служите, деятели культуры? Сколько Вам за этот «высоконравственный урок» для Ваших юных зрителей платят? Прекратите растлевать российскую молодежь, дискредитировать многовековые традиции отечественной культуры и образования». «Актерам» (резидентам «Камеди-клаб») предлагается прийти на месяц поработать учителями, к которым каждый день приходят дети, насмотревшиеся подобных передач, «впитавшие» в себя все хорошо разрекламированные в них словесные формулы и их смыслы.

В обращении лично к министрам же сообщается: «Учителя не знают, какими глазами смотреть детям после увиденных передач. Не мы ли с Вами больше других понимаем важность не самого образования, а именно образовательной среды? Уроки литературы – это 45 минут в день в лучшем случае и 90 минут в неделю, а все остальное время в сутках – это и есть образовательная среда. Мы так много сегодня говорим о духовно-нравственной составляющей, о традиционных ценностях, о российской идентичности… И все это меркнет на фоне образования, транслируемого посредством передач, подобных «Камеди-клаб».

Конкретная просьба к министрам звучит следующим образом: «Ориентируясь на статью 1 пункт 6 Закона о государственном языке Российской Федерации от 1 июня 2005 года № 53-ФЗ («При использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации не допускается использование слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка, за исключением иностранных слов, не имеющих общеупотребительных аналогов в русском языке»), используя Ваш административный ресурс, в Год литературы инициировать серьезную кампанию борьбы против присутствия в сетке радио- и телевещания подобных программ. Необходимо воспринимать такие факты не как безобидную случайность, а исключительно как угрозу национальной безопасности, как самое страшное, что может быть в любом государстве, – официальную пропаганду абсолютной бездуховности и безнравственности. Именно вверенные Вам министерства давно должны были бить тревогу, во всеуслышание заявлять о своей твердой гражданской позиции в отношении такого рода явлений».

Аргументом противников «сильного» присутствия современного русского литературного языка в образовательном пространстве регионов

часто звучит следующее утверждение: мол, русский язык – это язык православной культуры, что создает определенную угрозу для свободы вероисповедания. Но данный тезис нельзя назвать вполне состоятельным потому, что языком православия на самом деле является старославянский язык (как известно, когда-то язык южнославянских народов). Это то же самое, если бы мы начали сравнивать арабский язык (язык Корана) и языки современных тюркских народов, в составе которых, безусловно, много арабизмов и фарсизмов, но что абсолютно не дает никакого основания считать тюркские языки языками арабскими или персидскими.

Завершить хотелось бы фрагментом из «Конституции горца» Расула Гамзатова (а на самом деле из Речи на конгрессе соотечественников в Махачкале в апреле 1997 г.). После перечисления в виде «статей закона» основ жизни настоящего кавказца («Мужчина», «Женщина», «Дети», «Память», «Дружба», «Гость, гостеприимство», «Сосед, добрососедство») особое внимание автор сосредотачивает именно на добрососедстве: «Русская нация, Россия сама много страдала от своих царей, властителей, от всевозможных режимов и насилия. Но русская учительница, которая учила в далеких аулах наших детей, и русские врачи, которые в трудных условиях лечили наше население, и русские ученые, которые создавали институты для нас, ничего общего не имеют с теми, кто возглавлял репрессии в отношении нашей интеллигенции». И как тут не вспомнить стихи самого Расула Гамзатова:

Сколько бы в аулы бедствий
Чужеземцы принесли,
Если б с нами по соседству
Русской не было земли!

Таков был исторический выбор народов России. И это не только выбор, но и ответственность, взаимная ответственность.

Сайко Е.А.
(Москва)

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК МОДЕЛЬ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Уровень и качество владения русским языком как языком государственным и языком межнационального общения детерминирует культуру российского общества, будучи важным фактором в создании конструктивного межкультурного и межрелигиозного диалога, становлении гражданской идентичности.

Эффективная реализация ценностного и коммуникативного потенциала русского языка способствует формированию у россиян толерантности, патриотизма, ответственности – качеств, атрибутивных для гражданского общества.

Снижение уровня владения русским языком, обусловленное общественными трансформациями, происходившими в России с середины 1980-х гг., обострило в 1990-е гг. проблемы культурного и социального неравенства, в том числе социальной дезадаптации граждан, для которых русский язык не являлся родным языком. В этот период в школах с родным русским языком, а также с родным (нерусским) и русским (неродным) языками обучения уделялось недостаточно внимания методике преподавания русского языка и литературы. В целом значительно уменьшилась емкость обучения (в часах) в отношении данных учебных дисциплин в школах, средних специальных учебных заведениях и вузах.

Процессы глобализации, экспансия массовой культуры, интенсивное развитие новых информационных технологий и, как одно из следствий, возможность стать пользователем Интернет с самых ранних лет также повлияли на уровень владения русским языком. Не секрет, что языковая практика пользователя Интернет реализуется в коммуникативном пространстве со сниженным уровнем грамотности, что объясняется не только изначальной «безграмотностью» коммуникантов, но и использованием в сети «модных» (особенно в молодежной среде) диалектов и сленгов («олбанский язык» и др.), отрицательно влияющих на культуру речи.

Отсутствие языковой культуры, которая могла бы сформироваться при должном качестве методики преподавания русского языка и литературы в школах, а также непосредственно в процессе чтения произведений, ставших классикой русской и мировой литературы, сужает возможности личности для самореализации уже в детском и юношеском возрасте, ограничивает поле выбора как в общегражданском, так и в профессиональном понимании.

Таким образом, изучение русского языка в школах, средних специальных учебных заведениях и вузах следует рассматривать в современной социокультурной ситуации, прежде всего, с точки зрения ценностных, смысложизненных ориентиров подрастающего поколения, а также в аспекте обретения обществом толерантности, преодоления языковых и психологических барьеров в межкультурной коммуникации, воспитания патриотизма у будущих граждан России.

Столь важные для всех и каждого в нашей стране задачи могут быть решены, если будут реализованы инициативы, направленные на совершенствование обучения русскому языку в системе образования в целом.

В этом контексте особого внимания заслуживают проблемы преподавания русского языка в школах с родным (нерусским) и русским (неродным) языками обучения, во многом обусловленные отсутствием эффективного методического обеспечения: учебники, предназначенные для данной категории, не всегда и не во всем отвечают потребностям

обучающихся, ценностным основаниям формирующегося гражданского общества и вызовам информационного общества.

Не менее важной представляется проблема подготовки и переподготовки педагогических кадров, которые сумели бы привить обучающимся уважение к русскому языку – прежде всего как к основному культурообразующему фактору, обеспечивающему «связь времен», накапливая, сохраняя и передавая многонациональный историко-культурный опыт нашей страны от поколения к поколению.

Рассмотрим подробнее обозначенные вопросы.

Анализируя проблемы преподавания русского языка и литературы в школе во взаимосвязи с проблемами книжной культуры и чтения, специалисты на протяжении последнего десятилетия делают неутешительные выводы: «школа не поддерживает интерес к чтению, даже если он был приобретен в более раннем возрасте. Кроме того, как показало международное исследование PISA, школа не прививает интерес к книге и умение работать с ней»[1]. Это обусловливает низкий уровень владения русским языком, неразвитый литературный вкус, пренебрежение к нормам культуры речи и речевому этикету.

О снижении интереса к чтению и качества осмысления российским читателем текста говорят в России с 1990-х гг., когда общественные трансформации вошли в острую фазу, а вместо отечественной литературы, с традиционными для нее высоким ценностным измерением, социокультурной значимостью и институциональным статусом, «воцарился «рынок» *(В. Розанов)* и, как следствие, – экспансия массовой литературы, ангажированная критика, отсутствие нравственной (да и в целом какой-либо «внятной») стратегии в формировании читательских ориентиров и хорошего литературного вкуса.

При этом, начиная с 1990-х гг., издатели, писатели, литературоведы, литературные критики и др. искренне озабочены поиском читателя – того, которого *«мы потеряли»*. Справедливости ради стоит заметить, что поиск именно такого читателя («читателя-почитателя» *(А. Белый)*, читателя – идеального собеседника, читателя-интеллектуала) в России во все эпохи был частью национальной идеи, а его дефицит – реальностью. Как констатировал А.С. Пушкин: «Круг писателей делается час от часу теснее – скоро мы будем принуждены, по недостатку слушателей, читать свои стихи друг другу на ухо»[2].

Вопросы, связанные с чтением, книгоизданием, литературным вкусом наших соотечественников, стали в последние десятилетия мейнстримом в печатных и электронных СМИ, теле-, радиопередачах и др. В дискуссиях на эту тему участвуют известные ученые, политики, журналисты, критики,

---

[1] См. подробнее: Мелентьева Ю.П. Книжная культура молодых россиян: некоторые аспекты // Книжная культура: Опыт прошлого и проблемы современности: К 280-летию академического книгоиздательства в России: Материалы Международной научной конференции (Москва, 18-19 декабря 2008 г.). М.: Наука, 2008. С. 229.

[2] Из письма А.С. Пушкина П.А. Вяземскому (1820). См.: А. Пушкин – критик. М.: Художественная литература, 1978. С. 68.

актеры и др. Однако декларативное заявление: «Читать надо!» – вовсе не предполагает столь же бравый ответ: «Будем читать!».

Как отмечают специалисты, «при огромном количестве практически ежемесячно появляющихся новых писательских имен и изданий массовый читатель, испытывая информационный шок, перестает читать. Современные издательства стремятся привлечь читателя различными способами (используются серийность, яркое оформление, броские слоганы и т. д.). Интересен в этом отношении гриф «Читать [модно]», сопровождающий книги петербургского издательства «Амфора»[1].

Однако мода и вкус – не всегда вещи совместные, особенно в литературе, где, несмотря, а порой и вопреки всем неблагоприятным обстоятельствам, приоритет остается за культурно-генетическим кодом, традициями, – если их развивать, а не реставрировать в декларативном режиме. Подобная «реставрация-реконструкция» приводит к необратимым последствиям.

В связи с этим реализация на государственном уровне идеи создания списка из 100 книг, который должен прочитать каждый школьник, несмотря на свой, казалось бы, очевидный социально позитивный потенциал, вызвала в обществе, в том числе в научном и педагогическом сообществе, дискуссии. К примеру, Лев Айзерман, известный российский учитель литературы, считает, что «основа – это программа. О каких 100 книгах можно говорить, когда школьники не читают даже те 20 книг, которые есть в программе <…> Сегодня гораздо проще прийти в книжный магазин и купить книгу из серии «За 30 минут», «Тихий Дон» за 30 минут или «Война и мир» за 30 минут <…> во многом литература изучается без самой литературы, дается какая-то информация, но по непрочитанным книгам. И это одна из самых печальных реальностей, которые существуют»[2]. В такой ситуации «нравственные коды» отечественной литературы, как правило, классической, навсегда останутся неразгаданными «шифрами» для молодого поколения.

Об этом, наряду с ЕГЭ, свидетельствуют и результаты итоговых сочинений, «возвращенных» в общеобразовательные школы в 2014-2015 учебном году. Конечно, можно иронизировать над фразами: «Андрей Болконский столкнулся с дубом и сознание его изменилось…»; «Татьяна полюбила Онегина всей душой, а он не созрел…»; «роман известной немецкой писательницы Эрих-Марии Ремарк…» и т. п. Казусов – лексических, фразеологических, фактических в этих сочинениях было немало, ошибкам – «несть числа»… Но «над кем смеетесь?»

Ведь это же мы, взрослые (педагоги, родители), не смогли сохранить вековые традиции, существовавшие в отечестве по отношению к «живому» слову, книге, хорошей литературе, не уберегли «человека читающего» и «человека пишущего», не сформировали нового «читателя-почитателя» и «читателя-гражданина», столь атрибутивного для российской культуры. Такого читателя «выращивают» на классической литературе, представленной

[1] Черняк М.А. Массовая литература XX века. М.: Флинта: Наука, 2007. С. 204.

[2] См.: Литература в школе: проблемы выживания (Интервью Л. Айзермана в программе «Особое мнение») // lea-aizerman.ru (дата обращения 10.11.11).

не в «дайджесте», не в адаптированной версии, не в экспериментальной экранизации, а в аутентичном виде. Очевидно, что не классическую литературу надо адаптировать для современного читателя, а современного читателя упорно и последовательно обучать восприятию литературы – хорошей, очень хорошей и лучшей, тогда проблемы грамотности и культуры речи будут решены.

С этой точки зрения особое внимание специалистам в области чтения и литературы предстоит уделить не только проблеме психологии чтения «вообще», а, прежде всего, психологии обучения чтению[1], с учетом той специфики формирования интенции к чтению и моделей восприятия прочитанного, которые существуют в контексте информационного общества.

Заметим, что Василий Розанов высказывал свои опасения на этот счет в начале XX века, задолго до «эсхатологических» для судьбы книги прогнозов постмодернистов и «фантастических», сугубо информационно-технологических моделей будущего книги, предлагаемых трансгуманистами.

Нет смысла отрицать, что сегодня место навигатора в эстетическом воспитании, формировании культуры речи, как и в воспитании в целом, занято гаджетами, интернет-пространством, обеспечивающим общение в социальных сетях в режиме нон-стоп, компьютерными играми и т. п. Об этом свидетельствуют и остро звучащие темы современных дискуссий, бросающие вызов осознанно читающему меньшинству: «Не пора ли книге умереть?» и др.

Но на каждый вызов существует ответ. Взять хотя бы известные диалоги Жана-Клода Карьера и Умберто Эко под знаковым названием: «Не надейтесь избавиться от книг...». И этот совет актуален, прежде всего, для детей и подростков.

Детская литература, как и литература в целом, существует ныне форматах книги печатной и e-book. Появились кинокниги, книги, основанные на отечественной анимационной классике, которые можно эффективно использовать в процессе изучения русского языка и литературы, в частности, той категорией учащихся, для которых русский язык не является родным.

Как свидетельствуют современные исследования и результаты литературных конкурсов, все-таки детские писатели в России существуют, причем живут они не только в мегаполисах. В регионах постепенно возрождаются этнонациональные традиции в отечественной детской литературе, и их необходимо поддерживать, используя инструменты образовательной и культурной политики.

Впрочем, внимание к проблемам детской литературы не ограничивается лишь сферой художественной литературы для детей.

Не менее ценны в этом смысле учебники, учебные пособия и справочные издания для детей. Уточним, что авторы и издатели учебной и учебно-научной литературы по-прежнему в долгу у маленьких и юных читателей. Это касается,

[1] См., в частности: Борисова О.А. Чтение глазами участников первой конференции, посвященной читательской культуре в XXI веке // Homo Legens-3 // http://rusreadorg.ru/issues/borisova/3.htm (дата обращения 10.11.2011).

прежде всего, учебников по русскому языку, литературе, предназначенных для разных категорий учащихся (носителей русского языка и тех, для которых русский язык не является родным), истории и др.

Инициативы, которые могли бы изменить ситуацию с методическим обеспечением этих учебных дисциплин и сделать процесс обучения более эффективным, постепенно трансформируются в стратегии государственной политики[1], в том числе образовательной и культурной политики (введение итогового сочинения в общеобразовательных школах; реализация профильных проектов: «Русский язык для наших детей», Летние курсы русского языка (Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина); развитие литературно-образовательного туризма в регионах и др.). Но для практической реализации этих стратегий необходимы предложения, рекомендации, разработки эффективных моделей, способствующие совершенствованию форм и видов учебников, учебных пособий, справочной литературы и т. п. с учетом особенностей восприятия адресной аудитории, детерминируемого коммуникативной и, прежде всего, языковой компетентностью.

Это очень важно в настоящий период, когда «добыть» знания в интернет-пространстве достаточно примитивным и необременительным способом становится привычкой – школьной, вузовской и т. д. Вот только качество этих знаний вызывает сомнения, если пользователь игнорирует полнотекстовые электронные версии литературных произведений, учебников, учебных пособий и т. п.

В то же время одна из проблем учебной и учебно-научной литературы в конце XX – начале XXI века состоит в том, что авторам учебников и др. не хватает порой «филологического воспитания». Это означает отсутствие уважения к языку, к адресной аудитории, и, прежде всего, самоуважения, которое должен испытывать каждый автор по отношению к своему тексту.

К слову, еще в 1920-е годы в научном сообществе обсуждали вопрос о «неумеренности и неуместности использования жаргонных слов и неологизмов, которые не только портят язык, но и заставляют читателя ломать себе голову над их значением, что задерживает процесс речи-мысли»[2]. К примеру, Л.В. Щерба для активизации филологического воспитания предлагал два средства: «экономическое, т. е. платить лучше тем деятелям пера, которые пишут лучшим и более удобопонятным русским языком, и педагогическое, т. е. всемерно содействовать основательному изучению лучших представителей русского слова XIX и XX вв.»[3].

---

[1] См. в частности: Федеральная целевая программа "Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014-2020 годы)" // government.ru (дата обращения 17.12.14); идея единой концепции преподавания русского языка и литературы в общеобразовательных организациях (заседание рабочей группы по ее разработке состоялось 24.08.15 г.; участвовали спикер Госдумы РФ Сергей Нарышкин, вице-премьер Правительства РФ, глава Совета по русскому языку при Правительстве РФ Ольга Голодец) // http://www.pushkininstitute.ru (дата обращения 25.08.15).

[2] См. подробнее: Из дискуссии 20-х годов о культуре речи. Л.В. Щерба // Русская речь. 1991. № 3. С. 47-52.

[3] Там же.

Очевидно, что эти средства и сегодня не потеряли своей актуальности и эффективности. Поэтому целесообразно осуществлять переподготовку и повышение квалификации педагогических кадров в различных сферах знания, принимая во внимание основные аспекты филологического воспитания.

В свою очередь, образовательные программы, ориентированные на подготовку преподавателей для школ с родным (нерусским) и русским (неродным) языками обучения, также нуждаются в совершенствовании с учетом особенностей коммуникативной, в том числе языковой, компетентности как обучающих, так и обучаемых. В частности, эти вопросы обсуждались на педагогических совещаниях, проведенных Федеральной службой по надзору в сфере образования в августе 2015 г. в Чеченской Республике, Республике Ингушетия, Республике Северная Осетия-Алания и др.[1]

В существующих образовательных программах превалирует теоретико-методологическая составляющая, при этом особенностям методики преподавания русского языка в школах с родным (нерусским) и русским (неродным) языками обучения не уделяется должного внимания.

Однако современному специалисту данного профиля необходимо не только владеть базовыми навыками работы с учебным и учебно-научным текстом, т. е. уметь анализировать, редактировать и рецензировать подобные тексты, но и создавать их, основываясь на практическом опыте, обретенном в процессе обучения русскому языку различных, в этнонациональном контексте, категорий учащихся.

Современные учебники, учебные пособия, справочные издания, предназначенные для изучения русского языка в школах с родным (нерусским) и русским (неродным) языками обучения, должны отвечать требованиям развивающего и личностно ориентированного образования, реализуемого в процессе диалога преподавателя и ученика и шире – диалога культур. Для этого необходимо исследовать модели и практики, которые разрабатывают и внедряют преподаватели русского языка в школах с родным (нерусским) и русским (неродным) языками обучения, выявить наиболее эффективные из них с целью обобщения и использования этого опыта в учебниках и учебных пособиях.

Интересная и эффективная педагогическая практика не должна пребывать в статусе эксперимента десятилетиями и оставаться локальной методикой преподавания русского языка в отдельно взятой школе – она неизбежно стареет. Только в синтезе с другими локальными методиками и универсальными методами обучения, основанными на современных информационных технологиях, подобная образовательная практика может стать востребованной и эффективной. Современные учебники русского языка для школ с родным (нерусским) и русским (неродным) языками обучения должны основываться именно на таком опыте.

[1] См. подробнее: http:// www.pushkininstitute.ru (Дата обращения 25.08.15).

Авторы учебников, учебных пособий, справочных изданий, ориентированных на школы с родным (нерусским) и русским (неродным) языками обучения должны обладать высоким уровнем профессиональной, общекультурной, межкультурной, информационно-коммуникативной компетентностями и способствовать формированию данных компетентностей у целевой читательской аудитории (обучающихся).

В процессе преподавания русского языка в школе с родным (нерусским) и русским (неродным) языками обучения необходимо учитывать, что, в отличие от носителей русского языка, для данной категории обучающихся русский язык представляет собой единство цели и средств достижения этой цели. Эта особенность должна быть отражена в концепции учебников, учебных пособий, справочных изданий.

Очевидно, что необходимо совершенствовать жанры, виды и формы методического обеспечения в отношении обучения русскому языку и литературе в ценностном измерении во всех образовательных учреждениях страны. И делать это нужно с учетом восприятия обучающимися своей и иной, другой культуры; их уровня языковой, коммуникативной компетентности.

Возможно, данные факторы будут приняты во внимание в процессе формирования базовых оснований новой единой концепции преподавания русского языка и литературы в общеобразовательных организациях[1], которая разрабатывается в настоящий период.

Лисицына И. А.
(Москва)

РОЛЬ БИБЛИОТЕК В ДЕЛЕ РАЗВИТИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И ПОДДЕРЖКИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В РЕГИОНАХ РОССИИ

Русский язык имеет огромное значение не только для Российской Федерации, но и для мировой цивилизации, поскольку он сохраняет за собой статус мирового языка и остается одним из важнейших инструментов познания другими народами непреходящих гуманистических ценностей российской культуры, образования и науки.

В настоящее время русский язык занимает 6-е место по распространенности в мире. Русский язык является официальным или

[1] См. подробнее: Заседание рабочей группы по разработке единой концепции преподавания русского языка и литературы // http://www.pushkininstitute.ru (Дата обращения 25.08.15).

рабочим языком многих авторитетных международных организаций – Содружества Независимых Государств (СНГ), Евразийского экономического союза, Организации Договора о коллективной безопасности, Шанхайской организации сотрудничества, Организации Объединенных Наций, Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, Совета Европы, Международного агентства по атомной энергии, Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры, Всемирной организации здравоохранения.

По данным исследований, проведенных Центром социологических исследований Министерства образования и науки Российской Федерации, а также по оценкам ряда иностранных экспертов, общее число владеющих русским языком как родным, как вторым или как иностранным составляет около 260 млн. человек (некоторые российские эксперты, в том числе представители Российской академии образования, приводят цифры до 350 млн. человек). Родным русский язык считают около 150 млн. человек, в том числе более 120 млн. человек – в России, и около 22 млн. человек – в государствах – участниках СНГ. В Российской Федерации в 46 тыс. школ на русском языке обучаются более 13 млн. учащихся. В государствах – участниках СНГ и странах Балтии, а также в Грузии, Абхазии и Республике Южная Осетия количество русскоязычных школ, гимназий и лицеев составляет более 5 тысяч, а количество двуязычных (с классами (параллелями) на русском языке) – около 4 тысяч. Общее число школьников, обучающихся на русском языке в бывших республиках Советского Союза, составляет около 3,2 млн. человек.

В иностранных государствах насчитывается 18,4 тыс. школ и организаций среднего профессионального образования, в которых 1,3 млн. человек изучают русский язык как иностранный, а в вузах русский язык как иностранный учат около 230 тыс. студентов.

Обучение проводится также при российских центрах науки и культуры за рубежом, где ежегодно на курсах русского языка обучаются до 19 тыс. человек.

В настоящее время русский язык, будучи государственным языком Российской Федерации, является одним из фундаментальных факторов, формирующих гражданскую идентичность и объединяющих многонациональный российский народ, что обусловливает необходимость расширения мер, направленных на поддержку русского языка как родного языка и как языка межнационального общения народов России. Укрепление позиций русского языка является стратегическим приоритетом Российской Федерации, на что указывается в многочисленных исследованиях по культурной политике, когда речь идет о формировании коллективной идентичности, выстраивании общих ценностно-смысловых оснований культурной политики и пр., что, несомненно, репрезентируется не только государственными документами и актами, но и посредством культурологических дискурсов[1].

[1] См.: Аванесова Г.А., Астафьева О.Н. Социокультурное развитие российских регионов: механизмы самоорганизации и региональная политика // РАГС при Президенте РФ. Каф. теории и практики культуры. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Изд-во РАГС, 2004; Астафьева О.Н.

С начала XXI века Россия активно осуществляет системные меры по поддержке и развитию русского языка, в числе которых ряд соответствующих документов, принятых руководством страны. За последние годы создана необходимая законодательная база, направленная на защиту и поддержку русского языка как государственного языка Российской Федерации, а также принят ряд основополагающих документов, предусматривающих меры по продвижению русского языка за рубежом[1]. Специальные Советы по русскому языку образованы при Президенте Российской Федерации и при Правительстве Российской Федерации. В целом, учтены и многие важные аспекты поддержки и развития русского языка на длительный период[2]. Кроме того, ключевые направления политики государства в области русского языка, отечественной литературы нашли свое отражение в Основах государственной культурной политики, утвержденных Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 года № 808.

Кроме созданных советов, общественных организаций, планомерную работу по изучению, сохранению и продвижению русского языка за рубежом ведут Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, по международному гуманитарному сотрудничеству, а также фонд «Русский мир», Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы, другие общественные объединения и научные организации.

Таким образом, в сфере сохранения русского языка, его поддержки и развития, в том числе через СМИ, путём публичного обсуждения вопросов в части выработки единых подходов, деятельность органов государственной власти взаимодействует с инициативными группами граждан и общественными организациями. Большое внимание уделяется обеспечению эффективного функционирования русского языка внутри Российской Федерации, а также расширению географии и сфер его применения в мире. Масштабный комплекс мероприятий, направленных

Культурная политика в пространстве прикладной культурологии// Обсерватория культуры. 2010. № 1. С. 4-11; Астафьева О.Н. Культурная политика России: теория – реальность – перспектива // Государственная служба. 2010. № 1. С. 68-73; Астафьева О.Н. Культурная политика современной России: процесс поиска // Государственная служба. 2006. № 3. С. 35-41; Библиотечное дело – XXI век: науч.-практ.сб.:вып.2 (18) 2009 и др.

[1] Постановление Правительства Российской Федерации от 29.07.2015 «О внесении изменений в федеральную целевую программу «Русский язык» на 2011-2015 годы, утвержденный 30.05.2013 О.Ю. Голодец «Комплекс мероприятий, посвященных Дню русского языка, на 2013-2016 годы.

[2] Указ Президента Российской Федерации о Совете при Президенте Российской Федерации по русскому языку от 09.06.2014 № 409; Постановление Правительства Российской Федерации от 05.11.2013 № 992 Постановление Правительства Российской Федерации от 20.06.2011 (в ред. от 29.07.2015 № 492 «О федеральной целевой программе "Русский язык" на 2011-2015 годы»; Постановление Правительства Российской Федерации от 20.05.2015 № 481 «О федеральной целевой программе "Русский язык" на 2016-2020 годы»; Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 25.02.2015 № 51-СФ "О сохранении и развитии русского языка, повышении его роли в области международных культурных и гуманитарных связей"; Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 декабря 2014 г. № 2647-р «Об утверждении Концепции федеральной целевой программы "Русский язык" на 2016-2020 годы» и др.

на реализацию функции русского языка как государственного языка и как языка межнационального общения, а также на поддержку русского языка за рубежом, был осуществлен в ходе выполнения трех федеральных целевых программ «Русский язык».

Вместе с тем наряду с положительными тенденциями в области сохранения, развития и продвижения русского языка существует ряд серьезных проблем. Анализ реализуемых федеральных целевых программ показал, что полученные социальные эффекты и текущая практика не в полной мере обеспечивают решение важнейших задач и не всегда соответствуют стремительно меняющимся реалиям. Так, сокращение количества часов, отведенных на изучение русского языка в общеобразовательных организациях, приводит к снижению качества знаний учащихся по русскому языку и литературе. В российском обществе растет беспокойство по поводу качества использования русского языка в электронных и печатных средствах массовой информации. В информационном пространстве страны почти отсутствуют образовательные передачи по русскому языку, формированию культуры чтения. При этом в вопросах сохранения и развития русского языка, русской литературы, популяризации современной литературы не в полной мере используется потенциал творческих союзов и организаций высшего образования.

С конца XX века проявились и продолжают сохраняться такие тревожные тенденции, как снижение присутствия русского языка на зарубежном пространстве, в том числе в государствах – участниках СНГ, уменьшение числа русских школ за рубежом, сокращение в государствах – участниках СНГ количества преподавателей русского языка, снижение уровня их профессионализма. В настоящее время сужается область применения русского языка в странах ближнего и дальнего зарубежья, практически не переводятся на государственные языки государств – участников Содружества Независимых Государств и европейские языки произведения художественной литературы, в том числе для детей и подростков. Ощущается нехватка квалифицированных кадров – преподавателей русского языка, владеющих современными методиками преподавания, отсутствуют соответствующие учебники и утвержденные программы обучения русскому языку как второму языку.

Существуют и другие проблемы:

недостаточный уровень координации организаций, их ресурсов, программ, в том числе некоммерческих организаций и организаций соотечественников за рубежом, ухудшение условий для изучения русского языка в большинстве стран, особенно на пространстве СНГ;

неполнота и неточность статистических данных о функционировании и распространении русского языка, образования на русском, слабый учет особенностей ситуации в различных странах при реализации мер поддержки русского языка;

недостаточная оснащенность и поддержка русских школ за рубежом, в том числе ресурсная и учебно-методическая, неудовлетворенные потребности

стран в российских преподавателях русского языка, командируемых за счет средств федерального бюджета в иностранные учебные заведения;

слабое использование возможностей информационных, электронных и игровых технологий для изучения и продвижения русского языка и осуществления образования на русском языке.

Таким образом, нерешенность указанных проблем является существенным фактором ограничения укрепления позиций русского языка в современном мире. Также следует отметить, что размер средств, выделяемых на продвижение русского языка за рубежом, на порядок меньше размера средств, выделяемых ведущими странами на мировом образовательном рынке.

Со стороны федеральных и региональных органов исполнительной власти, органов местного самоуправления предпринимаются попытки объединить усилия в сфере продвижения русского языка и литературы, структурировать мероприятия комплексом мер, в частности, обозначенных в Плане основных мероприятий по проведению в 2015 году в РФ Года литературы, утвержденным С.Е. Нарышкиным от 29.10.2014 № 1.1-0745 (открытие которого состоялось в РГБ).[1] Вместе с этим, представители профильного Департамента Минкультуры России, а также федеральных библиотек входят в состав рабочей группы Минобрнауки России по совершенствованию методик преподавания русского языка и литературы в общеобразовательных организациях, в том числе с использованием возможностей библиотек и иных учреждений культуры.

Учитывая значимость поиска путей решения подобных задач в регионах, одним из пунктов постановления Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации[2] стала рекомендация органам государственной власти субъектов Российской Федерации: «разрабатывать региональные программы государственной поддержки, сохранения и развития русского языка и языков народов Российской Федерации; обеспечивать библиотеки общеобразовательных организаций словарями, включая толковые, исторические, этимологические и другие; проработать вопрос о комплектовании библиотек общеобразовательных организаций научными и научно-методическими журналами «Русский язык», «Русский язык в школе», «Литература в школе», «Искусство в школе»; проводить творческие конкурсы среди детей и молодежи, иные мероприятия, позволяющие формировать бережное отношение к речи, потребность в чтении русской художественной литературы; способствовать разработке экскурсионных маршрутов по памятным местам, связанным с жизнью и творчеством известных литераторов; содействовать популяризации современной русской литературы, в том числе при проведении книжных ярмарок и встреч писателей с читателями».

---

[1] Указом Президента Российской Федерации от 12 июня 2014 года № 42 утверждено проведение в 2015 году Года литературы.

[2] Постановление СФ ФС РФ от 25.02.2015 № 51-СФ "О сохранении и развитии русского языка, повышении его роли в области международных культурных и гуманитарных связей".

Учреждениями культуры реализуется ряд значимых социально-культурных проектов. Ведущие позиции занимают библиотеки как исторически сложившиеся институты, совместившие в своей деятельности осуществление просветительских, воспитательных и образовательных функций. В связи с этим возрастает важность подготовки библиотекарей на высоком профессиональном уровне, в том числе педагогов-библиотекарей, притом, что потребность в этих специалистах постоянно растет.

В целях решения актуальных проблем по поддержке и продвижению чтения, воспитания книжной культуры на базе федеральных и региональных библиотек реализуются международные и всероссийские литературно-просветительские акции. В качестве примера приведем Межрегиональный открытый заочный конкурс творческих работ учащихся 3-4 классов «Я изучаю русский язык», организованный Российской государственной детской библиотекой.

В конкурсе приняли участие дети из Москвы, Московской области, а также регионов (Санкт-Петербург, Череповец, Вологодская область, Берлин, Федеративная Республика Германия, Белград, Республика Сербия). В сентябре в РГДБ состоится открытый урок «Всероссийский час литературы: Чувства добрые я лирой пробуждал». Данный формат позволит привлечь внимание школьников к творчеству великого русского поэта. Дистанционно примут участие в уроке Саратовская областная библиотека для детей и юношества им. А.С. Пушкина, Пензенская областная библиотека для детей и юношества и Гимназия № 2 им. А.П. Чехова г. Таганрога.

В среде профессионального библиотечного сообщества объединение и взаимодействие национальных библиотек стран Содружества Независимых Государств для консолидации усилий в деле сохранения и развития информационно-библиотечной и социокультурной деятельности на постсоветском пространстве послужило основой для возникновения Библиотечной Ассамблеи Евразии (БАЕ), штаб-квартира которой находится в РГБ. Основными целями БАЕ являются:

консолидация усилий в деле сохранения и развития общего библиотечно-информационного пространства, национального культурного достояния;

обеспечение доступности библиотечных фондов, в том числе электронных баз данных, электронных библиотек и каталогов;

взаимообогащение культур, социальная защита и поддержка библиотек, библиотечных работников и общественных объединений;

содействие поддержанию высоких стандартов библиотечных и информационных услуг, широкому распространению понимания их ценности и важности;

развитие международных контактов между библиотечными, информационными, книгоиздательскими, архивными, музейными и другими организациями и учреждениями, связанными с библиотечным, книжным и информационным делом;

сохранение рукописного наследия, памятников книжной и рукописной культуры, духовное развитие личности, особенно подрастающего поколения.

В рамках своей деятельности БАЕ реализует различные социокультурные и просветительские проекты, в том числе направленные на продвижение русского языка и образования на русском языке в государствах – участниках Содружества Независимых Государств, странах дальнего зарубежья с учетом разработок отечественных и зарубежных педагогов.

В Российской Федерации с 2004 г. реализуется проект по созданию и развитию Национальной электронной библиотеки (НЭБ). НЭБ представляет собой федеральную государственную информационную систему, публичную электронную библиотеку, включающую фонды научной и образовательной тематики преимущественно на русском языке.

Доля общедоступных (публичных) библиотек, подключенных к сети Интернет, в общем количестве библиотек отрасли культуры, составила в 2014 г. 55 % (от 39 683 общедоступных библиотек в стране). В 2014 г. на подключение к сети Интернет регионам страны из федерального бюджета было выделено около 80 млн. рублей.

В 2014 г. в рамках ФЦП «Культура России» был реализован комплекс мероприятий по развитию информационных порталов библиотек субъектов РФ. В рамках этих проектов обеспечивалось создание и развитие электронных информационных ресурсов библиотек (в том числе информационных порталов, электронных справочных служб, обеспечение поддержки создания публичных электронных библиотек региональных библиотек) для шести регионов.

По итогам конкурсного отбора были выделены субсидии на создание общероссийской системы доступа к Национальной электронной библиотеке 32 регионам **(**Республики: Северная Осетия-Алания, Адыгея, Марий Эл, Чувашская, Хакасия, Чеченская, Ингушетия, Саха, Коми, Тыва, Башкортостан; области: Псковская, Владимирская, Тамбовская, Астраханская, Архангельская, Рязанская, Курганская, Ульяновская, Белгородская, Тверская, Брянская, Орловская, Свердловская, Ярославская, Оренбургская, Липецкая, Амурская, Костромская, Калужская; края: Забайкальский, Алтайский). Таким образом, была оказана поддержка информатизации библиотек в регионах, включающая покупку оборудования и оплату подключения к сети Интернет.

По состоянию на 1 августа 2015 г. общий фонд электронных документов НЭБ составляет 1,62 млн. экз., включая книги, оцифрованные в рамках исполнения Указа Президента Российской Федерации от 07.05.2012 № 597, диссертации и специальные коллекции. Это – электронные фонды изданий 6 федеральных и 29 региональных библиотек. За 2014 г. количество обращений к документам НЭБ составило более 3,5 млн. обращений.

К НЭБ подключены электронные каталоги всех библиотек – участниц НЭБ в объеме более 34,0 млн. библиографических записей на издания в традиционном и электронном виде. Реализована возможность узнать, где есть интересующая книга не только в электронном, но и в традиционном виде: для этого «подгружены» записи Сводного каталога библиотек России с привязкой к карте. К части ресурсов доступ возможен через мобильные устройства.

Также обеспечено подключение почти 600 виртуальных читальных залов в общедоступных и вузовских библиотеках в России, СНГ и Европе. В них в соответствии с действующим российским законодательством можно ознакомиться с текстами произведений, защищенных действием авторского права и диссертациями.

Среди мероприятий по продвижению русского языка и литературы, проводимых библиотеками страны, крупнейшим уже несколько лет является Международная конференция «Библиотеки и информационные ресурсы в современном мире науки, культуры, образования и бизнеса» («Крым»). В организации и проведении данного проекта поддержку оказывает и Минкультуры России. Главным организатором конференции является Государственная публичная научно-техническая библиотека России (Минобрнауки России). Рабочими языками конференции признаны русский, английский и украинский. Конференция освещает последние достижения и инновации в библиотечно-информационной сфере, а также в образовании, книжном, музейном и архивном деле.

Сохранение и поддержка русского языка, литературы в регионах в значительной степени реализуется за счет многогранной деятельности библиотек в сочетании с федеральными, муниципальными проектами социально-культурной сферы. Выстроенная на основе высокого профессионализма, взаимодействия, библиотечная система требует поддержки государства в части финансирования, правоприменения, обеспечения социальных гарантий.

Шульженко В.И.
(Республика Северная Осетия-Алания)

РУССКИЙ ЯЗЫК НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: ПАРАДОКСЫ СТАТУСА И ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Нынешние трудности на Северном Кавказе усугубляются тем обстоятельством, что исторически Россия, русскоязычная российская культура, утрачивает в этом регионе былые приоритеты. Национализм, приобретший в целом ряде субъектов РФ (в том числе и на Северном Кавказе) очевидные признаки этнократии, трансформировал это когда-то благотворное свойство в ряд проблемных. Особенно остро дело обстоит там, где русские являются не-титульной нацией, что, зачастую, служит основанием для радикально настроенных националистов

предъявлять русским различные необоснованные претензии или даже огульно обвинять русских во всех неприятностях, имеющих место быть. Специфика возникновения и развития национальных противоречий на Северном Кавказе, особенности менталитета и условия бытия живущих здесь людей, помноженные на мощную религиозную компоненту, оказывающую значительное влияние на формирование отношений между представителями различных этносов и конфессий, обусловили необходимость многопланового подхода к вопросу прогнозирования, изучения и урегулирования межнациональных конфликтов в этом регионе Российской Федерации. Мы полагаем, что одним из таких факторов является исторически сложившееся на данной территории доминирование русской культуры, что обеспечивало в регионе в течение длительного времени в основном бесконфликтное развитие ситуации.

В то же время недавно проведенный в ряде республик мониторинг об отношении простых людей к этническим русским показал, что о них в положительном смысле высказалось около трех четвертей опрошенных, тем самым продемонстрировав, что усердно навязываемые общественному мнению стереотипы о русских не имеют массового распространения. Долгие годы неопределенности начинают убеждать именно этих людей в том, что судьба России, как уже не раз бывало, во многом разрешается именно на Юге, и что без цивилизованного государственного строительства невозможно ни восстановление экономики, ни их собственное благополучие.

(Оставим пока в стороне то, что отмеченные обстоятельства актуализировали идею этнополитического самоопределения самих русских, так как перед ними как никогда прежде стоит необходимость сформулировать новый модус национального самосознания, который позволил бы обеспечить русскому этносу прочную духовно-идеологическую основу и определить русских по отношению к новым реалиям бытия. Нам, к примеру, представляется чрезвычайно важным, что вряд ли кто ныне возьмется серьезно оспаривать факт возникновения первого древнерусского государства именно на территории Северного Причерноморья и Северного Кавказа. Об этом свидетельствует не только «Книга Велеса», где имя древнего русского государства звучит как «Русколань», но и античные и раннесредневековые историки, которые под латинским названием «Роксалания» также подразумевали объединение сарматских племен – прародителей русов. В тех же областях определял расселение славян итальянский философ и поэт XV века Ф.Б. Каллимах, подчеркивавший приход русов с Северного Кавказа. Там и в Подонье с древности и вплоть до нового времени жили и живут донские казаки-черкасы, как нередко именовали в Европе и южнорусские, и малорусские народы. Или как не верить историкам – швейцарскому К. Геснеру, польским М. Меховскому и М. Стрыйковскому, австрийскому С. Герберштейну, английскому А. Дженкинсону, наконец, отечественному Д.И. Иловайскому, представившим то ли на составленных ими картах, то ли в трактатах свидетельства существования Пятигорского княжества славян-христиан, отделенных от Московской Руси Диким полем,

где кочевали сначала половцы и печенеги, а до середины XVI века крымчаки и ногайцы. Следовательно, появление в 1769 году на Северном Кавказе казачьих поселений никак нельзя считать пресловутой колонизацией, а всего лишь возвращением своих древних, исконных земель).

Но, прежде всего, всем живущим на Северном Кавказе необходимо наконец-то понять, что проблемы наши не столько собственно экономического, сколько духовно-мировоззренческого характера. Возникшая именно в этой сфере дилемма в значительной мере отравляет интеллектуально-психологический климат в нашем регионе, хотя, признаемся, иногда возникает ощущение ее ложности, эфемерности, кем-то искусственно выстраиваемой значимости. Но в любом случае она может быть преодолена только при условии, что мы осмысливаем перспективы России в горизонте большой общечеловеческой, формационной перспективы.

В этом контексте предельную актуальность получает вопрос о культурной унификации – этот болезненный вопрос есть одновременно и вопрос единства России. Подобное положение в перспективе способно привести к установлению духовного тоталитаризма, где в одномерном унифицированном мире люди, лишенные ценностей национальной культурно-религиозной идентичности получат, пользуясь словами Достоевского, «смиренное счастье, счастье слабосильных существ». С одной стороны, в культурной глобализации невозможно избежать стремительно нарастающего интегративного фактора, но с другой стороны, понятно, что необходимо сохранить определяющее «лицо» этноса» и, стало быть, культурное многообразие. По природе своей полиэтнический и поликонфессиональный характер русской культуры создает предпосылки для сохранения в ее рамках основ национальных традиций, противоядие от унификации культурных стандартов и утраты культурной идентичности. Этот действительно наиболее сложный и проблематичный вариант взаимодействия русских со своими российскими согражданами, требующий выработки современных институциональных форм и политических структур, состоит, особо подчеркнем, в постепенной интеграции в единое федеральное (но не имперское!) сообщество всех культур при сохранении их субъективности – политической, экономической, культурной. Такой тип интеграции, например, осуществленный Японией и некоторыми другими государствами, требует отказа от прежних имперских амбиций и государственно-патерналистских комплексов (сложная и тяжело решаемая для России проблема). Подобный вариант межкультурной интеграции А. Дугин называет «соборной моделью» глобализации, когда «в общую копилку человечества вносятся проекты и тезисы, обобщающие исторический, культурный, хозяйственный, социальный, политический, национальный, религиозный опыт различных народов и государств»[1].

[1] Дугин А. Эволюция национальной идеи для Руси (России) // Отечественные записки, 2002. № 3. С. 42.

В связи с этим лишь напомню, что в современной науке получило развитие такое понятие, как блок культурного наследия. Есть славянский, есть тюркский блоки культурного наследия. Скажем, блок культурного наследия евразийских степей сложился на территории от Молдавии до Монголии в период времени от эпохи бронзы до кочевничества. Внутри такого блока происходили со временем трансформации, менялись этносы. Но для всех народов, составляющих блок культурного наследия, были характерны общие черты в одежде, в организации жилища, в менталитете и так далее. Народы, живущие сегодня на территории СНГ, в разное время входили в единые блоки культурного наследия, и изучение этих блоков – одна из важнейших задач научного пространства СНГ. Говоря откровенно, именно блоки культурного наследия являются идеологической основой существования СНГ, а не пресловутая «дружба народов».

Отсюда вывод: культурная стратегия в регионе должна основываться на обеспечении и гармоничном взаимодействии всех трех культурных потоков (северокавказского, русского и мирового), к которым добавляется также важный срез местных межкультурных взаимодействий. Главным направлением культурно-языковой политики должно быть повсеместное развитие национально-русского двуязычия как единственной формулы обеспечения дальнейшей модернизации и интеграции северокавказцев в общероссийскую культуру, основанную на русском языке, и сохранении местных языков как важного элемента национального самосознания и культурной идентификации. Таким образом, можно принадлежать карачаевской культуре и русской, осетинской и русской, еврейской и русской, чеченской и русской. А можно и не принадлежать, оставаясь в границах исключительно этнокультуры своих предков. Это выбор каждого человека, чаще всего сознательный и самостоятельный. Отсюда неизбежно вытекает мораль (почти христианская): грех не в ошибке, грех – это *настаивание* на своей ошибке. Настаивание на неадекватных интеллектуальных стратегиях, приводящее к созданию неполноценного образа нашей страны, ее интеллектуальной, культурной и художественной истории, ее языка и способов ее идентификации.

Говоря не так давно о своем видении России, ее идеальном образе будущего, очень неординарный современный писатель Ю. Мамлеев отмечал такие его черты: во-первых, она станет сильным, но миролюбивым демократическим государством с социально ориентированной экономикой; во-вторых, Россия образует собственную, абсолютно самостоятельную цивилизацию, отличающуюся как от Запада, так и от Востока; в-третьих, духовная составляющая, одна из важнейших черт будущей России, будет включать не только православную веру, но и все проявления высокого порядка в искусстве, литературе, философии, мировоззрении. Это был ответ самого, пожалуй, из метафизических русских художников на результаты работы «группы Александра Аузана», куда входили кинорежиссер Павел Лунгин, наш коллега филолог Александр Архангельский и экономист Виталий Найшуль. «Группа» представила на общественный суд доклад «Культурные факторы модернизации», которые были представлены в виде семи тезисов.

Остановимся в данном случае только на тех из них, которые должны быть непременно в процессе обсуждения «отягощены» наличием этнокультурной полифонии, столь неотъемлемой для таких регионов страны, как Северный Кавказ. Нам представляется хорошо доказанным фактом мысль докладчиков о том, что в традиционных установках русской культуры есть факторы, которые не только не противоречат целям модернизации, но и могут служить ее опорой: от создания науки, армии и флота при Петре I до модернизации русского литературного языка пушкинским поколением писателей. Однако авторы не проявили глубокой озабоченности его состоянием в связи с оценкой сегодняшнего положения в регионе Северного Кавказа. Повисшей в воздухе оказалась мысль о невозможности межкультурной коммуникации в отсутствии общих для всех россиян «синтетических ценностей». Учитывая геокультурную и экономическую специфику Большого Кавказа, соседство с такими странами, как Украина, Армения, Азербайджан, Грузия, Турция, Иран, Индия, а также печальный результат продемонстрировавшей свою полную беспомощность западной модели мультикультурализма, сегодня мы нуждаемся в вынесении в политическую повестку таких вопросов, которые будут способствовать поиску не только новых «партнеров по интересам», но и настоящих друзей, придерживающихся общих духовно-этических идеалов. Только возвращение (де-факто, а не де-юре) русскому языку и культуре прежнего статуса в этнокультурных обществах Северного Кавказа, его упрочение во всех сферах человеческого общения сможет искоренить терроризм, которому здесь – это стало сейчас особенно очевидно – способствует не бедность, а забвение идеалов, которые несла на протяжении веков русская культура. В противном случае – коммуникативная невнятица, душевная глухота и полное исчезновение уже становящейся реликтом способности к комфортному межэтническому общению, строго ныне ограниченному только кругом своих соплеменников, что абсолютно неприемлемо в цивилизованном мире.

Кроме того, авторы упомянутого доклада особенно упирают на замену «культурной константы», под которой в условиях Северного Кавказа может подразумеваться в первую очередь только русский язык, на «неформальные институты» и «культурные установки», идентифицированные в качестве «драйверов модернизации». Забытыми в одночасье оказались хрестоматийные истины, смысл одной из которых заключается в том, что для любой интеллектуальной личности язык – способ постижения истины, открывающий иные координаты, иные пространства, иную перспективу бытия.

Только напомним здесь, что необходимый билингвизм, свойственный представителям национальных меньшинств на Кавказе, связан с определенным косвенным давлением на них. Данные этносы не могут оградить себя от нашествия представителей других культур, особенно если занимаемые ими районы богаты природными ресурсами. В этом случае даже самая щадящая в отношении малых этнокультурных групп политика не в состоянии нейтрализовать конкурирующее влияние чужого языка.

Проблема двуязычия и сосуществования двух культур имеет особый ракурс, если рассматривается с точки зрения национальных меньшинств,

лингвистический выбор которых диктовался языковой и культурной зависимостью. В этом случае основной язык не является родным и рассматривается как эффективное средство вхождения в современный мир и «истинную» цивилизацию. Именно поэтому выбор языка связан в большей мере с культурой, выражаемой тем или иным языком.

Это выбор каждого человека, чаще всего сознательный и самостоятельный, подобный тому, который в свое время сделал Коста Хетагуров, утверждавший, что «осетинскому народу по пути с русской культурой», и потому совершенно искренне призывавший своих соплеменников «видеть и непосредственно наблюдать русскую гражданственность и жизнь, деятельность культурных людей, слышать русскую речь», которая и сегодня, в период резкого обострения духовного кризиса – кризиса ценностей – демонстрирует способность стать общим языком в поиске нестандартных путей выхода из создавшегося сложного положения.

В правоте слов К. Хетагурова убеждаешься всякий раз, когда размышляешь о творчестве родившихся на Кавказе писателей, создающих свои произведения на русском языке. К известным еще по позднесоветской эпохе Ф. Искандеру, Ч. Гусейнову, Б. Кенжееву, А. Эбаноидзе, Р. Ибрагимбекову, Ч. Абдуллаеву в конце XX века прибавились А. Асриян и Г. Маркосян-Каспер, Д. Эсакия и Д. Иосилиани, В. Варжапетян и И. Гаручава, И. Оганов и С. Чахкиев, М. Гиголашвили и А. Теппеев, Г. Джугашвили и А. Евтых, Р. Гаджиев и Хачилав, А. Черчесов и Н. Джин, Д. Зантария и Л. Цаголова, А. Мамедов и К. Ибрагимов. Каждый из них вслед за И. Бродским мог бы сказать, что жизнь с одним языком для них просто бессмысленна. И тем более, вряд ли кому из них придет в голову видеть в русском языке угрозу полноценному сохранению родного национального языка. На такой трактовке делается нередко преднамеренно негативный акцент, искусственно вычеркивается из памяти исторически сложившаяся и существовавшая на протяжении веков традиция русско-кавказского (армянского, грузинского, осетинского, адыгского и пр.) двуязычия, которая воспринимается любым беспристрастным исследователем как феномен, с положенным в его основу принципом относительно толерантного сосуществования различных культур и языков. В российском контексте это тем более представляется естественным и где-то предсказуемым, связанным с исторически сложившимся статусом русского языка, поликонфессиональностью говорящих на нем издавна народов и глубинным смыслом самой русской культуры. Думается, что такая оценка русского языка есть признак нравственной ответственности северокавказской художественной элиты за модус существования собственной этнокультурной общности – за ее прошлое, настоящее и за выстраиваемое в настоящем будущее.

Учеными региональных университетов подготовлен культурно-гуманитарный проект «Русский язык и литература в формировании культурной идентичности граждан России: северокавказский регион». Данная инициатива, к осознанию важности которой подтолкнула

нарастающая тревога об отсутствии общих для всех россиян «синтетических ценностей», представляется одной из немногих (возможно – единственной) перспективных программ, которую уже более десяти лет с нетерпением ждут и, безусловно, адекватно воспримут не только политические элиты субъектов федерации, но и большинство их жителей, обеспокоенное своим и своих детей будущим, пребывающих сегодня в перманентной болезненной растерянности из-за потери когда-то объединяющих культурных ценностей, доказавших свою жизнеспособность в нашей общей истории, нашей общей судьбе.

И о взаимодействии языковой, образовательной и политической сфер. Оно, бесспорно, существует, несмотря на дифференцированность субстанции их концептуального аппарата. Более того, политические отношения детерминируются актуально существующим соотношением сил, формируемым на основе передаваемых в рамках языковой культуры поведенческими образцами, ценностями, представлениями о мире. Такой лингвокультурологический подход отражается на педагогическом уровне. Педагогические факты и явления при таком подходе анализируются с учетом реально протекающих социальных и культурных процессов в прошлом, настоящем и будущем.

На Северном Кавказе сегодня находится центр глубинных социокультурных трансформаций, косвенным результатом которого следует признать неоднозначные метаморфозы как со статусом русского языка, так и со всем комплексом организационно-учебно-методических вопросов. Причем это происходит в то время, когда в условиях очевидной ментально-духовной конфронтации Кавказ может обеспечить свое взаимодействие с другими народами Европы главным образом через русский язык.

Гасанова У.У.
(Республика Дагестан)

ЯЗЫК МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО И МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ

Российская Федерация – многонациональное государство. И это накладывает отпечаток в социально-политической, культурной жизни общества. Роль национального фактора стала особенно проявляться во второй половине XX в. В этот период стали активнее происходить общественно-политические перемены, оказавшие влияние на жизнь, культуру и язык населявших ее народов. Ведь на территории Российской

Федерации проживают более 200 народностей. Соответственно, столько же и языков. Через языки развивается взаимопонимание народов, складывается их духовная общность. Язык является той силой, которая способна вернуть Россию в русло мировых тенденций развития, ведущих к интеграции обществ.

На Северном Кавказе сложившейся языковой нормой является национально-русское и русско-национальное двуязычие. Русский язык востребован всеми народами региона не только потому, что он является государственным языком, но прежде всего потому, что реально необходим народам, что он давно и прочно утвердился в качестве языка межнационального и межэтнического общения. К сожалению, не всегда учитывается важность того фактора, что изучение языков и культур титульных этносов Северного Кавказа в общеобразовательных учреждениях как естественная форма межкультурной коммуникации способствует развитию и становлению подлинно двуязычной и бикультурной личности, воспитывает уважительное отношение к языкам и культурам всех народов.

Кавказ издавна связан со многими культурами и является одним из древнейших очагов мировой цивилизации. Лингвистические исследования доказывают, что разные языки – это не просто разные слова для названия одного и того же предмета, часто это и разный взгляд на мир. Великим достижением народов является язык, и именно в нем заключена позитивная динамика развития отношений между народами.

В последнее время особую актуальность приобрели проблемы взаимосвязи и соотношения языка и особенностей этносов, что, в первую очередь, связано с возрождением национальных культур. Сегодня для решения межнациональных отношений, как предпосылки мира и содружества, возникла необходимость в создании новой гуманитарной парадигмы, предполагающей комплексное исследование особенностей межкультурной коммуникации на Северном Кавказе и изучение языков его народностей. Вопросы, связанные с особенностями функционирования русского языка на Северном Кавказе, подлежат рассмотрению в контексте этнического состава населения, необходимо также учитывать специфику идеологии регионального образования и сложившуюся политическую и экономическую систему.

На сегодняшний день на достаточно высоком уровне находится социокультурная востребованность русского языка как языка культуры, образования и бизнеса. Поэтому важна сбалансированная позиция к формированию и развитию естественного двуязычия и воспитанию бикультурной личности. Также следует осуществлять обмен опытом в научной, культурной и практической деятельности. Важным моментом является также разработка целенаправленных ориентированных учебных программ для школ и вузов данного региона. Потребуется взаимная связь педагогов, методистов, филологов и психологов.

В последнее время контакты народов сопровождаются кризисными ситуациями. Наиболее эффективный способ – это процесс взаимообогащения культур. Вследствие экономических и иных связей народов в жизнь любого

этноса как органического целого проникают духовные ценности, не задевая чувств и не мешая сохранять свою самобытность. Взаимосвязи народов Северного Кавказа позволяют проследить контакты в области науки, культуры, образования, литературы и фольклора. История подтверждает, что образцы культуры преодолевают этнические барьеры и становятся общим достоянием. Народы Северного Кавказа через русский язык знакомятся с научными исследованиями. С русским языком связано становление у многих народов изобразительного, музыкального и художественного искусства. Сегодня коллективам, представляющим национальные культуры, также необходим обмен опытом. Как говорил А.С. Пушкин, «лишь русскому языку суждена миссия единения и сбережения языков и культур соседних малочисленных народов».

Значителен вклад научных учреждений и вузов Северного Кавказа в изучении наследия своих народов. Исследования истории, лингвистики, культурологии, литературы, этнографии – это золотой фонд всех культур и народов, который следует приумножать. Сосуществование различных культур рождает новизну, новые темы для описания колорита Кавказа. Проведение всевозможных конгрессов, фестивалей, форумов будет только способствовать единству народов. Издание двуязычных словарей и разговорников языков народов Северного Кавказа, перевод фольклорных материалов также будет способствовать пропаганде многоязычия и приобщению к культурам народов. Все это станет фундаментальной основой сотрудничества и взаимопонимания всех народов Российской Федерации.

Творчество выдающихся поэтов и писателей Северного Кавказа – аварца Расула Гамзатова, даргинца Ахмедхана Абу-Бакара, аварки Фазу Алиевой, калмыка Давида Кугультинова, кабардинца Алима Кешокова, балкарца Кайсына Кулиева, ингуша Ахмета Бокова и многих других – пронизано великой идеей – идеей дружбы народов.

Сегодня велением времени является установление мира и согласия на Северном Кавказе. Вклад народов Северного Кавказа в этом деле огромен. Но без консолидирующей силы сохранить мир трудно. Русский язык и есть та самая сила, способствующая консолидации и развитию всех субъектов Российской Федерации.

Проведение сбалансированной языковой политики и развитие полилингвизма является одним из важных факторов поддержания политической стабильности в регионе.

Цукренко О.Н.
(Москва)

О СОХРАНЕНИИ И РАЗВИТИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

На фоне современных вызовов и угроз, имеющих внешнее и внутрироссийское измерение, актуальным становится укрепление гражданского и духовного единства российской нации.

Острая необходимость сохранения и укрепления единого, целостного социокультурного пространства страны, усиление влияния глобализационных тенденций высветили очевидность того факта, что эффективность социально-экономических изменений в мировых масштабах, в рамках одного государства во многом зависит от признания обществом особой роли культуры в динамике социальных процессов, в конечном счете – от выбора модели государственной культурной политики. Как показал переходный период – начало XXI века, ценностно-смысловые основания и социокультурные параметры, роль и функции государства в сфере культуры влияют на результаты реформирования социальной системы. В настоящее время в России идея прорыва в будущее через культуру уже не рассматривается как абстрактная.

Государство, участвуя в становлении пространства культурно-идеологического взаимодействия, использует разные каналы, обеспечивая условия для коммуникации социальных субъектов, выдвигающих альтернативные ценности, идеи, концепции. Концептуальные основания современной культурной политики государства не могут выстраиваться без учета принципов системной модернизации России. В этой связи требуют решения проблемы, связанные с необходимостью закрепления в национальной культуре нравственных установок и моделей поведения, предопределяющих успешное развитие личности и нации в целом, сбережением единого культурного пространства страны во всем его многообразии. Актуальными в условиях модернизации России видятся проблемы развития и совершенствования программ обучения русскому языку, воспитания молодежи в духе интеллектуальной свободы и гражданской ответственности.

Кроме того, опасны и могут привести к снижению общего уровня культуры в обществе цивилизационные отставания от мировых тенденций, расширение разрывов между показателями уровня жизни населения разных регионов и серьезные расхождения по индикаторам качества жизни населения. Отсутствие интегративной культурной политики приводит к усилению детерминации культуры со стороны экономики. Существующая дифференциация населения по экономическим показателям сохраняет и различия по уровню доступности культурных благ и услуг. Существует связь между тенденциями увеличения числа потенциальных потребителей,

то есть доли тех, кто хотел бы приобщиться к культуре, но не имеет для этого реальной возможности, и динамикой культурных потребностей той части населения, к кому это имеет прямое или косвенное отношение. В настоящее время соотношение потребностей современных российских потребителей культурных услуг с возможностями для их удовлетворения стало меняться. Однако, по мнению О.Н. Астафьевой, без кардинального обновления инфраструктуры культуры в нашей провинции, позволяющей достичь современного уровня культурной среды, без развития творческих индустрий как формы соединения возможностей креативной культурной деятельности и экономики, способствующих не только формированию «точек роста» в культурных ландшафтах российских территорий, но и решению социальных проблем, в стране позитивных перемен не произойдет. Наступило время пересмотра стратегии культурной политики России, которая должна быть направлена на выравнивание социальной среды при сохранении уникальности и многообразия региональных культур и плюрализма субкультур российского общества; продвижение культурной политики на муниципальный уровень как самый близкий к человеку[1].

Инструментом регулирования социокультурных процессов разного уровня в России призваны стать Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента РФ от 24.12.2014 г. № 808.

В Основах государственной культурной политики зафиксирована ключевая, объединяющая роль русского языка, великой русской культуры в историческом сознании многонационального российского народа, а также в числе объектов государственной культурной политики выделены русский язык и языки народов Российской Федерации. Язык всегда был объектом культурной политики как феномен культуры, как знаковая система, как средство познания и общения и как важный компонент социализации.

Язык существует в обществе и для общества, поэтому имеет отдельные стороны, на которые может и должно влиять государство. Это стороны сравнительно новые для языка, возникшие сравнительно недавно – в основном, письменный литературный язык. Литературная письменность основана на договоре людей, и на этот договор может и должно влиять государство, а именно: определять нормы письменной литературной речи. Закреплять общественные функции языка – это языковая политика: провозглашать язык государственным, определять его функции в обществе, где он обязательно должен применяться, а где могут применяться и другие языки, проводить реформы письменности. В сфере образования государство должно регламентировать обучение языку, утверждать программы обучения и учебники русского языка. Вертикаль власти не может влиять на устную речь людей, которая носит стихийный характер, развивается сама по себе, и, в конце концов, из нее складывается и литературная норма, но может и должна вмешиваться, когда переносится разговорное употребление в литературный язык, например, в публичной сфере – в СМИ, в официальных

[1] Астафьева О.Н. Культурная политика России: теория – реальность – перспектива // Государственная служба, 2010. № 1. С. 71.

государственных учреждениях. Таким образом, государство может вмешиваться в развитие языка в ограниченных сферах. В данной ситуации вмешательство государства должно быть профессиональным, отвечать общественным потребностям и не противоречить законам существования и развития языка.

На сегодняшний день наблюдается снижение культуры речи в повседневной практике, особенно среди представителей молодого поколения, что влияет на сокращение числа носителей ценностей русской культуры в мире. Общение в молодежной среде основано на языке, пронизанном рекламными слоганами, общепринятыми сокращениями, намеренными искажениями в произношении и правописании русских слов. Замена языковых элементов, «кодировка» смыслов в новые стандартные речевые «форматы», ставшие привычными в общении молодежи, не отвечают ценностно-нормативной системе русского литературного языка и негативно влияют на его функционирование в российском обществе.

Кроме того, упрощение, заимствования и унификация проникают в специализированные сферы культуры. Осуществляющие свою деятельность на территории России совместные предприятия, объединения, транснациональные корпорации порождают новый тип деловой культуры со своей языковой системой. Язык «делового общения» лишен национально-ментальных обозначений, эмоционально обеднен и естественным образом влияет на повседневную жизнь, будучи вписанным в систему индивидуальной культуры и стиль поведения человека. Деловой язык, формируемый под влиянием разных языков, переносится на все типы коммуникационных ситуаций, в сферу обыденного общения, лишая его красоты, глубины и ценностного отношения.

Люди, включенные в систему властных отношений, в подавляющем большинстве имеют хорошее образование, обладают высоким уровнем культуры, однако среди современных политиков и не только немало людей, отдающих предпочтение «псевдонародному» разговорному стилю, полагая, что культура повседневности с ее бытовым стилем более доступна для понимания слушателей, а формируемый таким образом языковой дискурс позволяет им тиражировать свои идеи, укореняя подобный стиль и неуважительную манеру обращения с языком в сфере повседневного общения людей. На элите всегда лежала ответственность за культуру общества, и овладение подлинно литературным языком – это не частное дело политика или государственного служащего.

На сегодняшний день русский язык авторитетен лишь на территории России, и даже в странах – бывших республиках СССР – происходит постепенное вытеснение русского языка в маргинальную сферу, что не удивительно, ведь идет процесс формирования собственной национальной идентичности, и доминирование в культуре бывшего общеимперского, а ныне чужого языка не способствует этому. И в мире отнюдь не русский является языком международного общения, а английский. Именно из последнего сегодня заимствуются десятки слов, которые используются нашими соотечественниками как в профессиональной сфере, так и в быту.

Состояние языка является одним из индикаторов, свидетельствующих об авторитетности и силе влияния русской культуры в мировом сообществе. Вышеперечисленные проблемы, ярко иллюстрирующие состояние русского языка в России и за ее пределами, нашли свое отражение в определении основных целей государственной культурной политики, направленных на формирование гармонично развитой личности и укреплении единства российского общества посредством приоритетного культурного и гуманитарного развития. Задачи государственной культурной политики в области русского языка, языков народов Российской федерации, отечественной литературы направлены на решение проблем, связанных с их сохранением и развитием[1].

Так, способствовать сохранению и развитию, в том числе русского языка, помогут меры по возрождению интереса к чтению. В поддержке нуждается книжная культура, благодаря которой происходит освоение литературного языка, составляющего основу государственного. Дефицит знаний и конструктивных идей в российском обществе во многом обусловлен снижением интереса к чтению у населения. Сегодня в российском обществе увеличивается доля россиян, вообще не читающих или читающих от случая к случаю, утрачиваются традиции семейного чтения, растет невзыскательность вкусов и предпочтений в области чтения, ухудшается владение родным языком, снижается уровень грамотности населения; возрастают сугубо развлекательная составляющая чтения и стремление людей свести к минимуму затраты интеллектуальных усилий при чтении; утрачиваются ценностные ориентиры в литературной культуре: нет авторитетных лиц, инициирующих моду на чтение качественной литературы; в обществе закрепляются – даже на уровнях управления и «интеллектуальной элиты» – представления и мнения о том, что роль книги, библиотек в обществе уменьшается в сравнении с Интернетом и вообще сойдет на нет при полном развитии его возможностей. Разработанная и принятая в 2006 году Федеральным агентством по печати и массовым коммуникациям, Российским книжным союзом Национальная программа поддержки и развития чтения в России направлена на изменение в обществе, в государственных структурах отношения к книжной, читательской культуре и должна стать стартовой площадкой для планомерного, логически последовательного формирования и осуществления эффективной национальной политики в области поддержки и развития чтения силами государственных структур, общественных объединений и бизнеса. Программа, рассчитанная на период с 2007 по 2020 годы, в 2010 году завершила первый этап реализации, констатировав постепенное развитие деятельности по поддержке чтения в России, а также об определенных позитивных сдвигах в целом ряде регионов, но, несмотря на возрастающую активность, ситуация в сфере чтения продолжает оставаться проблемной.

[1] Указ Президента РФ от 24.12.2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики». Документ предоставлен Консультант Плюс www.consultant.ru. Дата сохранения: 26.12.2014 г.

В этой связи необходима обширная, комплексная, финансово обеспеченная реализация системы мер поддержки чтения, русского языка, современной художественной, научной и научно—популярной литературы. Эти меры должны закрепляться в специальных политических документах и программах на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, реализовываться государственными и негосударственными институтами. Поддержка и развитие чтения – это важнейшая общенациональная задача, которая должна стать новым ответственным направлением национальной политики не только в области культуры, но и в сфере образования и массовых коммуникаций.

Чтение – это важнейший способ освоения базовой социально значимой информации: профессионального и обыденного знания, культурных ценностей прошлого и настоящего, сведений об исторически непреходящих и текущих событиях, нормативных представлений, – составляющей основу, системное ядро многонациональной и многослойной российской культуры. Чтение является самым мощным механизмом поддержания и приумножения богатства родного языка»[1].

Рамазанова П.К.
(Республика Дагестан)

ОБЩЕРОССИЙСКИЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТЫ КУРСА «РУССКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА РЕЧИ» НА ЮРИДИЧЕСКИХ ФАКУЛЬТЕТАХ ДАГЕСТАНСКИХ ВУЗОВ

В настоящее время издано много учебников и учебных пособий по русскому языку и культуре речи, но содержание их довольно сильно отличается друг от друга, и это говорит о том, что концепция данного курса ещё не сформировалась, авторы по-разному представляют его структуру и содержание.

Мы убеждены в том, что преподавание данной дисциплины должно строиться с учётом будущей специальности студентов. В содержание предмета должен входить и общероссийский компонент, обязательный для изучения во всех вузах России. Этот компонент отражён в Федеральном государственном стандарте, однако Стандарт ориентирован, прежде всего,

[1] Национальная программа поддержки и развития чтения и методические рекомендации по ее реализации: сборник материалов // Сост. Е.И. Кузьмин, А.В. Паршакова. М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2009. С. 25.

на стилистический и коммуникативный аспекты изучения дисциплины, в меньшей степени в нём представлен нормативный аспект. Наш опыт преподавания предмета свидетельствует, что без овладения нормами современного русского языка невозможны как грамотно организованная речевая деятельность, так и стилистическое оформление речи. Особенно это необходимо в Дагестане, так как общий уровень владения русским языком у школьников, завтрашних студентов, снижается. Дагестанские русисты констатируют падение уровня как устной, так и письменной культуры речи. Особенно тяжело приходится выпускникам сельских школ: слабое владение языком, весьма скромный словарный запас, с трудом усваивают абстрактную терминологическую лексику.

При определении содержания общероссийского компонента в данном курсе, на наш взгляд, необходимо учитывать следующие принципы: принцип формирования культурно-исторического мировоззрения студентов, принцип реализации нормативного аспекта культуры речи, принцип развития коммуникативного потенциала обучаемых, принцип воспитания культурно-эстетических норм общения. Взаимосвязь и специфика этих аспектов изучения культуры речи описывается в работах, обеспечивающих образовательный процесс[1]; эти идеи перекликаются с мыслями М.Ю. Сидоровой[2].

Предмет «Русский язык и культура речи», являясь интегративной дисциплиной, призван формировать культурно-историческое мировоззрение студентов, обучающихся по всем специальностям, раскрывать менталитет русской нации и тем самым воспитывать чувство любви и уважения к русскому языку. Рассмотрению мировоззренческих вопросов мы посвящаем специальную лекцию «Из истории русского языка», в которой говорим о происхождении русского языка, о связи истории языка с историей народа; даём понятие о древнерусском, старославянском и церковнославянском языках, о национальном русском языке и литературном русском языке; раскрываем роль М.В. Ломоносова в укреплении и распространении русского языка, в развитии лингвистической науки, а также роль А.С. Пушкина в формировании современного русского литературного языка; показываем роль русского языка в современном мире, говорим о современной языковой ситуации. Представители дагестанского образования на сегодняшний день пытаются реализовать национально-языковую политику, направленную на сохранение русского языка в данном регионе.

В целях повышения культуры речи одной из наиболее важных задач является овладение нормами современного русского литературного языка. Нормативный аспект изучения культуры речи предполагает реализацию определённых принципов изучения языка: это принципы опоры на лингвистическую теорию при изучении норм современного русского

[1] Культура русской речи: учебник для вузов. // Отв. ред. Л.К. Граудина, Е.Н. Ширяев. М., 2002. С. 15-16.

[2] Сидорова М.Ю. Пять лет спустя: высокие идеалы и суровая реальность курса «Русский язык и культура речи». // Мир русского слова, 2006. № 1. С. 20-31.

литературного языка, принцип отбора тех лингвистических сведений, которые необходимы для овладения нормами, и принцип раскрытия выразительных возможностей языковых средств разных уровней.

«Русский язык и культура речи» занимает особое место в системе подготовки любого специалиста, но на юридических факультетах роль этого предмета особенно велика. Слово – это основное оружие, строительный материал в любой сфере профессиональной деятельности юриста. Лекции на правовые темы, речи государственного обвинителя и адвоката в судебном процессе, оглашаемые обвинительные заключения, судебные решения и приговоры оказывают воспитательное воздействие на присутствующих. Поэтому ко всем следственным и судебным процессуальным документам, устным выступлениям юриста предъявляются высокие требования не только с точки зрения их политической выдержанности и юридической грамотности, но и с языковой стороны. Учитывая небольшой объём часов, отводимый учебными планами на изучение предмета, а также то, что студенты нашего вуза готовятся стать юристами, мы определяем принципы организации практических занятий и отбора дидактического материала. Важным организационным и структурным принципом считаем комплексное построение занятий, что наиболее методически целесообразно: так, на каждом занятии должна быть лексическая работа, орфоэпическая разминка, работа по орфографии и пунктуации, работа над совершенствованием изучаемых норм, задания коммуникативного характера, задания по овладению основами делопроизводства.

Определяющим принципом подбора дидактического материала для юридических факультетов считаем принцип мировоззренческой, общеобразовательной и правовой направленности. На каждом занятии должно звучать красивое русское слово, и для этой цели как нельзя лучше подходят высказывания известных людей о государстве, законе, о праве, которые читаются, анализируются, затем заучиваются наизусть и выразительно воспроизводятся на следующем занятии. Актуально чтение судебных речей известных адвокатов и обвинителей второй половины 19 – первой половины 20 веков. На этом материале отрабатываются орфографические и пунктуационные нормы, выявляются изобразительно-выразительные средства русского языка.

Особую роль на юридических факультетах играет овладение основами ораторского искусства, приобретение навыков публичного выступления. Каждый студент должен подготовить ораторское выступление на одну из предложенных тем. Вот примеры таких тем: «Стоит ли узаконить суд Линча?», «Самопрезентация», «Эвтаназия: “За” и “против”». Одним из обязательных заданий является составление судебной речи.

В заключение подчеркнём, что чёткое определение каждым преподавателем основных содержательных аспектов курса «Русский язык и культура речи», выделение основных методических приёмов реализации этих аспектов применительно к конкретной студенческой аудитории поможет сделать наш предмет профессионально ориентированным и, следовательно, важным, поднимет его статус в глазах наших студентов.

Грачев М.А.
(Нижегородская область)

ИЗУЧЕНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТА СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА КАК ОДНА ИЗ ВАЖНЕЙШИХ ЗАДАЧ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ

За последние двадцать пять лет в речи россиян появилось большое количество агрессивных слов, связанных с понятиями «убить», «ограбить», «украсть», «изнасиловать», «обмануть» и т. п. Во многом этому способствуют жаргонно-арготические слова. В современной лексике преобладает зло (Дьявол), хотя должно было бы преобладать добро (Бог). Речь части россиян ориентирована на стандарты низших слоёв общества – криминальных элементов.

Средства массовой информации и политики не только распространяют ненужные иноязычные заимствования, арготизмы и жаргонизмы, но и допускают многочисленные лексические ошибки.

В настоящее время ряд лингвистов, писателей и режиссёров призывает сделать даже нецензурную брань легитимной. Легализация мата, блатных слов означает крах культуры русской речи и потерю многих духовных ценностей. Главный козырь подобных «любителей русской словесности» – свобода слова. Свобода нужна, но не своеволие. И потом, культура – это не только разрешение, но и запрет. В настоящее время частотность использования населением нецензурной брани по сравнению с дореволюционным прошлым намного выше.

Матерные слова, как раковые метастазы, проникли во все слои общества и употребляются всеми: от воспитанника детского сада до седовласого старца, от крестьянина до интеллигента-гуманитария.

Падение и девальвация образования резко сказались на культурном и языковом уровне: стали меньше читать книг, газет, стали больше употреблять ненормативной лексики. И, как ни странно, это сблизило в языковом отношении город и деревню (именно лингвистическая убогость некоторых слоёв города и деревни!). С одной стороны, это «забывание слов», с другой стороны – урбанизация и отехничивание деревни. Русский язык «усыхает», из него исчезают прекрасные, полновесные звучные слова.

Известно, что до распада СССР общество хотело стереть грань между городом и деревней. В лингвистическом отношении действительно началось активное изучение языка деревни, но затормозилось изучение языка города. Сейчас наблюдается совершенно иная картина: стали активнее изучать речь города и в меньшей степени языковые изменения, происходящие в сельской местности. Всё меньше организуется диалектологических экспедиций и всё больше средств и усилий

отводится на изучение языка города. Между тем лингвистические изменения, которые происходят в стране, имеют место и в деревне. Экономика сильно влияет на восприятие лингвистических новшеств. В связи с мизерной зарплатой сельских жителей, резким снижением уровня образования, недополучения новостей языковой барьер между городом и деревней уже реальность.

С другой стороны, деревенские жители сильно отстали от города в области овладения иностранными языками. Выпускники факультетов иностранных языков не едут в деревню из-за низких зарплат, неблагоустроенного жилья и неуважительного отношения в обществе к учителю. Следует констатировать, что без знания английского языка молодой человек хуже разбирается в компьютере и – шире – в любой иностранной технике. Незнание, или слабое знание иностранных языков, как известно, усиливает нелюбовь к русскому языку.

Недостаточно полно изучен и городской лингволандшафт. Между тем его исследование в настоящее время крайне актуально. Оно помогло бы решить ряд проблем собственно лингвистического, культурного и коммуникативного характера.

В первую очередь в лингволандшафте современного города следует изучить замену топонимов, изменение качества устной и письменной речи горожан, иноязычные заимствования и жаргонно-арготические слова; внешний языковой облик города: уличную рекламу, объявления, вывески, названия учреждений.

Другой аспект – это изучение культуры речи современного горожанина. В него должны входить исследование социально-речевых портретов носителей современного русского языка: представителей интеллигенции, бизнесменов, учащейся молодёжи, сотрудников правоохранительных органов, представителей криминальных и околокриминальных групп; политиков. Следует провести анализ политического дискурса различных регионов, структуру интенциональных составляющих в текстах предвыборных выступлений; язык СМИ (в том числе их социальные предпочтения); тексты региональных СМИ с точки зрения лингвистической конфликтологии; средства манипулирования сознанием в рекламных текстах телевидения. Должны иметь место лингвистическое прогнозирование и рекомендации по изменению языковой ситуации города.

Нам кажется первостепенным сбор и классификация социолингвистического материала (социальных диалектов (арго, жаргонов, элементов условных языков), топонимов (официальных и «народных»), антропонимов (имён, отчеств, фамилий; прозвищ, кличек); анализ прессы (использование арготизмов, иноязычных заимствований); изучение лингвистического ландшафта города; создание картотеки социолингвизмов (традиционный + электронный варианты); определение понятийно-терминологического аппарата, определение базовых и производных понятий; определение основных положений (направлений) в социолингвистике.

Каким видится практический выход? Это, прежде всего, научно-учебный аспект: создание фундаментальных социолингвистических словарей; написание курсовых, дипломных работ, кандидатских и докторских диссертаций; рекомендации школьным и вузовским педагогам; рекомендации прессе; в учебно-методическом аспекте: разработка и чтение учебных дисциплин, связанных с социолингвистикой, обучение будущих исследователей.

Прикладные аспекты социолингвистического направления: «оздоровление» лингволандшафта городов (приведение в определённую норму системы вывесок, рекламы и проч.); связи с общественностью; журналистика, юриспруденция и др.

В настоящее время в отечественной науке о русском языке стал весьма актуальным целый ряд проблем, связанных с социальной лингвистикой: фиксация социальных диалектизмов в словарях, разработка методики и сбора социолингвизмов в общем массиве лексики, принципы описания социолингвизмов, изучение роли и места социолингвизмов в общенародном русском языке, отражение результатов многочисленных частных исследований в фундаментальных социолингвистических словарях, упорядочение терминологии социолингвистики.

В последнее время составлен ряд словарей социальных диалектов, прежде всего арго деклассированных элементов, военного и молодёжного жаргона. Наряду с удачными работами есть и ряд неудачных, составленных дилетантами. Достойно сожаления, что на работы такого рода нередко ссылаются учёные-лингвисты. В связи с этим весьма остро встала проблема отделения научного от лженаучного. Нужна чёткая классификация социальных диалектов, так как имеющиеся классификации противоречивы, в них много путаницы. Эта методика будет составной частью в создании общей методики по разграничению типов социальной лингвистики.

До сих пор социальная диалектология не выделяется (во всяком случае, в вузовских учебниках) как особый раздел науки о языке. Её нет как обязательной дисциплины у студентов-филологов, читается она чаще всего как факультатив. Давно изучаются территориальные диалекты, и известно, что в них сохраняется прошлое языка, но почему-то не принято упоминать о социальных диалектах, в которых также отражена история русского языка, см., например, арго, жаргон военных – в этих социолектах имеются старинные лексемы.

Словарный состав социальных диалектов и других объектов социальной лингвистики изучен ещё недостаточно, даже не собраны материалы местных социодиалектизмов. Поэтому одной из основных задач социальной лингвистики является восполнение этого пробела. Сейчас нужны максимально полные и максимально точные словари социолингвизмов. Они могут быть созданы на основе тщательно проверенных материалов.

Поэтому следует решить задачи социолингвистического направления:

а) теоретическая разработка вопросов, связанных с работой социолингвистического направления: классификация социальных вариантов языка; определение понятийно-терминологического аппарата, базовых и производных понятий, основных положений (направлений) в социолингвистике;

б) учебно-методические аспекты: разработка и чтение учебных дисциплин, связанных с социолингвистикой, обучение будущих исследователей.

в) прикладные аспекты социолингвистического направления: «оздоровление» лингволандшафта г. Нижнего Новгорода (приведение в определённую норму системы вывесок, рекламы и проч.); связи с общественностью; журналистика, юриспруденция и др.

В нормативно-юридическом аспекте нужно следить за тем, чтобы россияне выполняли законы о языке.

Средства массовой информации должны пропагандировать культуру русской речи, литературный язык.

В то же время важно учитывать: что сейчас раздражает как нарушение нормы литературной речи, то, с чем мы боремся (жаргонизмами и арготизмами), может приобрести смысл исторического лингвистического памятника.

Козловцева Н.А.
(Москва)

СТРАТЕГИЯ ПЕРЕХОДА ОТ КОНЦЕПЦИИ «РУССКИЙ ЯЗЫК ДЛЯ ВСЕХ» К КОНЦЕПЦИИ «РУССКИЙ ЯЗЫК ДЛЯ КАЖДОГО»

Как известно, в постсоветский период наблюдается резкое уменьшение количества людей, владеющих русским языком, в мире, а также ухудшение качества владения языком среди его носителей. Так, при СССР русским языком по разным данным владели от 350 до 500 миллионов человек, а сразу же после распада СССР по геополитическим причинам эта цифра значительно уменьшилась, в первую очередь, за счёт союзных республик и стран социалистического лагеря. В 2012 году на русском языке говорили уже только 250 млн. человек. Прогнозируется, что число говорящих на русском языке будет уменьшаться и к 2025 году

составит лишь 152 млн. человек[1]. Для сравнения: английским языком владеет полтора миллиарда человек, китайским – 1,3 млрд. человек, а испанским – 336 млн. человек.

Сегодня вопрос о поддержке и продвижении русского языка стоит очень остро. Укрепление позиций русского языка становится стратегическим приоритетом Российской Федерации[2] в связи с тем, что русский язык, являясь государственным языком РФ и важнейшим элементом русской культуры[3] и Русского мира[4], призван исполнять роль мягкой силы[5], основное назначение которой – созидание.

Вопросами обучения русскому языку и его продвижения за рубежом занимаются разные институции: Правительство РФ, Министерство образования и науки, Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество), Фонд «Русский Мир» и др., которые решают данную проблему посредством реализации федеральных целевых программ, внутрироссийских и международных проектов[6].

Отметим, что, наблюдается высокая активность в сфере продвижения русского языка со стороны этих организаций, однако существенной проблемой функционирования такого количества структур является отсутствие единой стратегии, системного подхода, согласованной программы совместных действий, чёткой координации между структурами, единых требований к содержанию и технологиям качественной реализации программ, а также некоторое «пересечение» функций данных организаций, что не всегда позволяет оптимизировать расходование бюджетных средств[7]. Об этом упоминается в разных источниках[8].

---

[1] См.: Арефьев А. Сколько людей говорят и будут говорить по-русски? // Демоскоп Weekly, № 251-252, 19.06-20.08.2006.

[2] См.: Вербицкая Л.А. Русский язык как государственный: современное состояние и меры по его укреплению и развитию // Liberal Arts in Russia, 2015, Vol. 4 № 2.

[3] Под культурой нами понимаются «такие области человеческой практики как наука, образование, экономика, философия искусство, литература, политика» (Астафьева О.Н. Культурная политика: Теоретические аспекты и практика реализации // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки, 2013. № 1-2. С. 22-29).

[4] Мы придерживаемся понимания Русского мира как «глобального феномена цивилизации, который охватывает 300 миллионов человек, говорящих по-русски и интересующихся русской культурой как в России, так и в ближнем и дальнем русском зарубежье». (Пивовар Е.И. Русский язык и русский мир как факторы социокультурного диалога на постсоветском пространстве. // X Международные Лихачевские научные чтения. СПбГУП, 2010).

[5] Мягкая сила (англ. soft power) – одна из форм политической власти, отличительной особенностью которой является способность добиваться желаемых результатов на основе добровольного участия, симпатии и привлекательности, в отличие от «жёсткой силы», которая подразумевает принуждение. (См.: Загребнов Е. Триста лет китайского языка в России // http://russian.people.com.cn/31517/6969230.html).

[6] В рамках данной статьи мы придерживаемся понимания международных проектов как любых работ, планов, мероприятий и других задач, осуществляемых в рамках проектной деятельности при участии и/или для использования жителями зарубежных стран.

[7] См.: Власова-Куриц Н, Куриц С. О программном решении проблемы сохранения русского языка в мире // http://baltija.planet.ee/problemobrrusmir.doc.

[8] См.: Голованов В. «Советник по русскому языку», интервью с В. Толстым // Русский мир.

Например, целью Фонда «Русский мир» названа «популяризация русского языка… и поддержка программ изучения русского языка в РФ и за рубежом», а Россотрудничества – «поддержка, сохранение и распространение русского языка, в том числе среди соотечественников, проживающих за рубежом». Конечно, это общие задачи государственной культурной политики, но их уточнение и содержательное раскрытие будет, несомненно, полезно для выбора конкретной аудитории, с которой можно будет осуществлять деятельность.

В данный момент в сфере русского языка реализуется ряд инициатив, охватывающих как сферу русского языка для нужд Российской Федерации (государственный русский язык), так и сферу русского языка международного общения (русский как иностранный, русский как неродной и др.).

1. Государственный (официальный) русский язык – это язык, который выполняет интеграционную функцию в рамках Российского государства в политической, социальной и культурной сферах, а также выступает в качестве символа России, язык государственного управления, законодательства, судопроизводства[1]. Русский язык как единственный государственный язык нашей многонациональной страны, указанный в Конституции, должен уважаться и приниматься на всей территории страны. Сохранение и развитие государственного русского языка – это проблема безопасности Российской Федерации[2].

В актуальных исследованиях учёных и методистов отмечается низкий уровень владения русским языком как родным носителей языка (об этом свидетельствуют, в частности, результаты ЕГЭ по русскому языку). В целях кардинального улучшения ситуации было проведено несколько масштабных мероприятий.

Последней инициативой в области государственного русского языка является создание к началу учебного года 2016 единой концепции преподавания русского языка в школе, поставленное спикером Госдумы С. Нарышкиным. Итоговую концепцию планируется интегрировать в Федеральные образовательные стандарты[3].

Успешной инициативой в работе по данному направлению можно считать «Тотальный диктант»[4]. В последние годы из внутрироссийского проекта «Тотальный диктант» перерос в международный. Например, в 2015 году он привлёк внимание не только жителей России (на территории

---

ru, 2015, январь.

[1] См.: Дьячков М.В. Миноритарные языки в полиэтнических (многонациональных) государствах. М., 1996.

[2] См.: Клокова Л. «Язык и культура – это код нации», интервью с Л.А. Вербицкой // Русский мир.ru, 2015, июнь.

[3] См.: «Не терять Герцена. Появится единая концепция преподавания русского языка и литературы» // Российская газета – Федеральный выпуск № 6717 (146) от 07.07.2015 г.

[4] «Тотальный диктант» – ежегодная образовательная акция, призванная привлечь внимание к вопросам грамотности и развить культуру грамотного письма. Суть акции —добровольный бесплатный диктант для всех желающих, который проходит одновременно в десятках городов России и мира (См.: http://totaldict.ru/about/).

РФ его написали 83 653 человека), но и соотечественников за рубежом, а также иностранцев, изучающих русский язык (за рубежом проверили свои знания по русскому языку 9 459 человек из 57 стран).

Акция «Тотальный диктант» является проектом, учитывающим индивидуальные особенности отдельных социальных групп. Например, в этом году были созданы площадки для пенсионеров (были приглашены чтецы с громкими голосами и более чёткой артикуляцией), а также для любителей экспериментов (текст диктанта на этой площадке читал робот).

По мнению участников акции, в свете событий мировой политики, необходимо обратиться к «великому и могучему» для сохранения языка, который во многом стал символом независимости. Проведение «Тотального диктанта» даёт толчок для возрождения интереса к русскому языку, чтению, способствует выработке общего интереса к языку у людей разных возрастов и уровня образования. Организаторы акции надеются, что диктант вдохновит на новые инициативы, которые будут способствовать сохранению русского языка и культуры[1].

Также существует ряд инициатив, реализация которых представляется достаточно перспективной. Например, создание системы добровольной сертификации по русскому языку для выпускников российских вузов с выдачей документа, признаваемого ведущими кадровыми агентствами. В рамках реализации данного проекта 25 января 2015 г. состоялась акция «Я знаю русский язык!», которая сумела привлечь более 28 000 участников (при отсутствии широкой рекламной компании). Эта цифра даёт основания полагать, что российская молодёжь ощущает необходимость в качественном владении своим родным языком[2].

Одной из перспективных инициатив видится введение обязательного тестирования по русскому языку для госслужащих и работников СМИ. В отдельных субъектах РФ такой экзамен будет проводиться уже с этого года. Введение подобного тестирования на всероссийском уровне находится в стадии обсуждения федеральными органами государственной власти.

Также известно о практиках крупнейших российских компаний, таких, как «Газпром» и «Сбербанк России», среди служащих которых культивируется грамотность путём внедрения системы штрафов за ошибки в письменной и устной речи[3].

Одной из важнейших законодательных инициатив по русскому языку как иностранному для нужд Российской Федерации было введение обязательного экзамена по русскому языку для лиц, претендующих на получение российского гражданства[4], а также введение комплексного экзамена по русскому языку, истории и основам законодательства для

---

[1] См.: «Мечта о тотальной грамотности» // Русский мир.ru, 2015, май.

[2] См.: http://www.pushkin.institute/projects/ya_znayu_russkiy_yazyk/.

[3] См.: Клокова Л. «Язык и культура – это код нации», интервью с Л.А. Вербицкой // Русский мир.ru, 2015, июнь.

[4] См.: Указ Президента РФ № 1325 «Об утверждении положения о порядке рассмотрения вопросов гражданства РФ» от 14 ноября 2002 г.

лиц, желающих получить разрешение на временное проживание, вид на жительство или разрешение на работу (патент) в РФ[1].

Итогом данных законодательных решений можно считать не только количественные (с 1 января 2015 года комплексный экзамен по русскому языку сдало более 1 млн. трудящихся мигрантов), но и качественные результаты (массовое открытие платных и бесплатных курсов по русскому языку в России и в странах-поставщиках рабочей силы, повышение уровня владения русским языком у мигрантов и т. д.).

Между тем, все описанные выше инициативы не координируются единым центром, не имеют разработанной научной стратегии и схемы расходования бюджетных средств, что приводит к дублированию действий различных организаций и, как следствие, к увеличению расходов на их осуществление. Для проведения грамотной политики по продвижению и распространению русского языка в регионах России необходимо принимать пластичные[2] управленческие решения, учитывающие особенности разных целевых аудиторий, придерживающихся различных позиций по вопросам русского языка, что предотвратит возникновение конфликтов и недопонимание государственной политики[3].

Рассмотрим другую сферу применения русского языка – русский язык как язык международного общения.

2. Русский язык как язык международного общения – это язык, который используется значительным количеством людей разных национальностей по всему миру для осуществления коммуникации и взаимодействия. Русский язык является одним из шести официальных языков ООН, официальным или рабочим языком в важнейших международных организациях, таких как МАГАТЭ, ЮНЕСКО. Одним из важнейших свидетельств этого можно считать организацию компании по приданию русскому языку статуса официального языка Евросоюза в его структурах и документообороте[4].

Значительным актом признания международной роли русского языка в мире было учреждение Организацией Объединённых Наций (ООН) 6 июня 2010 года Дня русского языка с целью повышения информированности человечества об истории, культуре и развитии каждого из языков ООН. В

---

[1] См.: Приказ Минобрнауки РФ № 1156 «Об утверждении формы, порядка проведения экзамена по русскому языку, истории России и основам законодательства РФ и требований к минимальному уровню знаний, необходимых для сдачи указанного экзамена» от 28 августа 2014 г.

[2] Под пластичностью понимается способность управленческой деятельности реализовывать целостный подход при решении частных задач для гармоничной работы в рамках поставленных глобальных целей с учётом возможности гибкого регулярного реагирования для внесения внешние корректив в соответствий с меняющейся ситуацией в реальной жизни.

[3] Один из примеров такого непонимания: статьи о положении русского языка в регионах РФ «Может ли русский язык быть родным?» и «А родной – стать чужим?» // Литературная газета, № 21 (6510) от 27.05.2015 г.

[4] В соответствии с законом ЕС о гражданской инициативе «Regulation (Eu) No 211/2011 Of The European Parliament And Of The Council of 16 February 2011 on the citizens' initiative», дополненного 11 июля 2011 года актом Regulation (EU) No 887/2013.

России День русского языка стали отмечать годом позже – с 6 июня 2011 года, в соответствии с Указом Президента РФ «О Дне русского языка[1].

Задержка с учреждением важного для Русского мира праздника в РФ представляется административной неудачей, связанной с отсутствием последовательного мониторинга гражданских инициатив населения, т. к. с данным предложением ещё в 2007 году выступил автор Русской игры слов Иван Клименко, но оно не нашло поддержки в органах власти.

Огромное значение в продвижении русского языка играет место, которое занял в последние годы российский интернет (Рунет) в международном киберпространстве (первое место в Европе по количеству и активности пользователей, второе место в мире по объёмам создания и потребления русскоязычного контента, второе место в мире по количеству национальных доменов).

Осуществление современных коммуникаций в рамках интернет-сообществ и социальных сетей формируют особый тип личности, который характеризуется готовностью к новым контактам и открытостью к диалогу с представителями других культур, а также является дополнительной мотивацией для изучения русского языка за рубежом[2]. В связи с этим поддержка и развитие интернет-ресурсов Рунета должны рассматриваться в качестве приоритетных задач единой государственной языковой стратегии.

Для поддержки русскоязычных сайтов, создаваемых нашими соотечественниками, проживающими за пределами Российской Федерации, при поддержке Российской Ассоциации электронных коммуникаций (РАЭК) был учреждён международный конкурс «RUCCKOE ZARUБЕЖЬЕ», прошедший в этом году в четвертый раз и привлекший участников из 20 стран мира. По мнению организаторов конкурса, культура и участие в совместных общественных и деловых проектах могут стать основой для обретения утраченного мирового равновесия и наладить взаимоотношения людей из разных стран[3]. Примечательно, что большинство сайтов-участников и победителей конкурса были сайтами образовательных организаций с преподаванием русского языка.

На создание интернет-ресурсов по обучению РКИ и популяризации российского образования направлена «Программа продвижения русского языка и образования на русском языке», реализуемая с 2014 года по инициативе Совета по русскому языку при Правительстве РФ и Министерства образования и науки РФ.

Основным продуктом программы стал портал «Образование на русском», старт которого был назначен на сентябрь 2014 года. На данном портале предполагается размещение ведущих разработок в области методики преподавания РКИ и образования на русском языке (в качестве соисполнителей в проекте участвуют вузы из 9 регионов России). На

[1] См.: Указ Президента РФ № 705 «О Дне русского языка» от 06.06.2011 г.

[2] См.: Погорский Э.К. Человек в сетевом пространстве // Знание. Понимание. Умение. 2012, № 3.

[3] См.: www.konkrus.com.

данный момент пользуются сайтом чуть менее 100 000 человек, однако инициаторы проекта планируют, что к концу 2015 года количество пользователей составит уже более миллиона человек.

Хотелось бы отметить, что в соответствии с «Основами культурной политики» следует в первую очередь обращать внимание «на качественные критерии при оценке деятельности»[1], оценивать качество «начинки». Действительно, счётчики посетителей портала малоинформативны, т. к. учитывают разовые посещения, безотносительно интереса пользователей к контенту.

Также необходимо помнить, что электронные ресурсы должны использоваться в роли *дополнительных* образовательных инструментов. Такие выводы были получены в рамках реализации проекта «Электронная Европа» ещё в 2004-2005 году. По статистике, европейские пользователи не заинтересованы в полной виртуализации процесса обучения, наоборот, с каждым годом всё более ценится личное общение, индивидуальный подход к обучению, отказ от компьютерных технологий. Например, в Германии действуют школы выходного дня, которые принципиально не оборудованы компьютерами и не имеют доступа в Интернет. Это связано с желанием педагогов построить личные отношения с учащимися, создать для них более уютную, домашнюю атмосферу человеческого общения.

Самым значимым проектом по интеграции русского языка в европейскую образовательную систему, обеспечению эквивалентности российских дипломов по языку соответствующим европейским документам (конвертируемости европейских сертификатов) был проект по созданию системы сертификационного тестирования по русскому языку как иностранному Государственным институтом русского языка им. А.С. Пушкина под эгидой Совета Европы[2], и, как следствие этого – внедрение в практику обучения РКИ уровневого подхода. Разработка системы началась в 1992 году, первое тестирование прошло в Болгарии в мае 1995 года. За 20 лет существования системы тестирования создано 5 тестовых программ, включающих в себя 29 сертификационных уровней.

Тесты отвечают цели современного образовательного процесса, заявленные в документе комиссии ЮНЕСКО «Образование для XXI века»: как кандидат научился познавать, как он научился действовать, как он научился сосуществовать с русскими, как он научился «быть» с помощью языка[2].

Тестовые блоки реализуют концепцию коммуникативного (по требованиям Ассоциации Линвистических Тесторов Европы – ALTE) и личностно-ориентированного подхода (разработаны программы тестирования по русскому языку для школьников, представителей бизнеса и туристических отраслей, в перспективе – разработка гендероориентированных модулей[3] и создание тестовых блоков с

---

[1] Указ Президента РФ № 808 «Основы государственной культурной политики» от 24 декабря 2014 г.

[2] См.: Корчагина Е.Л. В интересах взаимопонимания // Русский язык за рубежом, 2006 № 5.

[3] См. Козловцева Н.А. Гендероориентированные модули в контексте формирования

использованием электронных ресурсов[1]). Приоритетным направлением по продвижению русского языка названы страны СНГ. По данным экспертов, сейчас в этих странах русским языком владеют только 63,6 млн. человек, из них родным его считают 23,5 млн. человек[2].

Важнейшей основой поддержки русскоязычной среды в государствах СНГ являются проекты, реализуемые Россией в рамках ФЦП «Русский язык» и программы работы с соотечественниками за рубежом[3].

Существует ряд базовых организаций СНГ (около 50) по различным вопросам, статус которым придаётся Советом глав правительств СНГ. Так 20.11.2013 года статус базовой организации по преподаванию русского языка в СНГ был придан Государственному институту русского языка им. А.С. Пушкина. К сожалению, на практике этот статус является лишь «декларацией, смысл которой состоит разве что в определении вектора развития государственной политики в области языкового регулирования»[4], т. к. фактически координацией и преподаванием русского языка в странах СНГ продолжает заниматься значительное количество различных организаций[5].

Поддержка местных инициатив российских соотечественников за рубежом также является одним из важнейших направлений государственной языковой политики. Удачной инициативой работы в этом направлении видится, например, премия «Лучшие билингвальные практики с русским языком как одним из родных», учреждённая Международным методическим советом по многоязычию и межкультурной коммуникации совместно с Казанским федеральным университетом[6].

Для реализации непрерывного образования детей соотечественников в возрасте от 3 до 14 лет (владение русским языком как неродным или вторым родным языком) в центрах дополнительного образования вне РФ Елабужским институтом Казанского федерального университета в рамках Лаборатории с международным участием были разработаны тесты по русскому языку с учётом специфики национально-русского двуязычия и возраста тестируемых. Тесты, на разработку и апробацию которых ушло 5 лет, реализуют личностно-ориентированный и коммуникативный подход, а также позволяют выявить уровень сбалансированности естественного двуязычия («компенсаторность»). В рамках проекта организуется

русской национальной системы уровневого тестирования // Сборник статей XIII Конгресса МАПРЯЛ, 2015.

[1] См. Корчагина Е.Л. Компьютерное сертификационное тестирование: Контент. Контингент. Контекст. // Сборник статей XIII Конгресса МАПРЯЛ, 2015.

[2] См.: Воронцов А.В. Русский язык в современном мире // Выступление перед участниками семинара «Русский язык: языковая ситуация и речевая культура», 21.03.2011.

[3] См.: Пьянов А.Е. Статус русского языка в странах СНГ // Вестник КемГУ 2011, № 3(47).

[4] Вербицкая Л.А. Русский язык как государственный: современное состояние и меры по его укреплению и развитию // Liberal Arts in Russia, 2015, Vol. 4 № 2.

[5] См.: Астафьева О.Н. Русский язык в контексте современных стратегий и практик культурной политики Кириллица: От возникновения до наших дней. СПб.: Алетейя, 2011. С. 419-443.

[6] См.: BeBiLin.Ru-2015.

ряд семинаров по повышению квалификации педагогов центров дополнительного образования, а также тестирование детей[1].

Эффективным инструментом популяризации русского языка является командирование российских специалистов по русскому языку в зарубежные страны. «Для того, чтобы преподавать русский язык, нужна армия преподавателей, которые поедут в страны, которые заинтересованы в тесном сотрудничестве с Россией, или в те, где мы хотим добиться влияния»[2].

Совместную программу по командированию российских преподавателей в зарубежные страны в 2014-2015 гг. реализуют Фонд «Русский мир» и Министерство образования и науки РФ. Ключевым условием организации командирования являлось наличие у принимающей стороны потребности в конкретных курсах[73]. Здесь требуется организация серьёзной методической подготовки и переподготовки современных кадров на основе единых учебных планов.

Таким образом, как в отношении управления в сфере русского языка как государственного, так и в отношении управления в сфере русского языка как языка международного общения, можно констатировать одни и те же «слабые места»:

- отсутствие единого центра управления;
- отсутствие единой признанной концепции продвижения русского языка;
- необходимость создания единой базы данных и по бюджетным средствам, и по контингенту, изучающему русский язык, и по средствам обучения русскому языку;
- недостаточный мониторинг и контроль эффективности реализации проектов и расходования бюджетных средств.

Острая ситуация с изучением русского языка, разрозненность действий государственных структур в связи с отсутствием централизации управления приводит к невозможности осуществления эффективной государственной языковой политики, что выдвигает на первый план необходимость поиска новых управленческих решений по поддержке и продвижению русского языка как в России, так и во всём мире. Своевременно появившиеся «Основы государственной культурной политики» придали русскому языку и русской культуре статус национального приоритета, который будет способствовать гармонизации общественных отношений и сохранению единого культурного пространства и территориальной целостности страны[4].

---

[1] См.: www.kpfu.ru/elabuga/innovacionniye-tehnologii-v-sfere-polikulturnogo-43383.

[2] Голованов В. «Советник по русскому языку», интервью с В. Толстым // Русский мир.ru, 2015, январь.

[3] См.: «Российские преподаватели – зарубежным университетам» // Пресс-служба фонда «Русский мир», 29.07.2015.

[4] См.: Указ Президента РФ № 808 «Основы государственной культурной политики» от 24 декабря 2014 г.

Культурная политика в области укрепления русского языка может осуществляться при учете общестратегических рекомендаций экспертного сообщества[1], исходя из стратегических целей, сформулированных в «Основах государственной культурной политики», основные из которых следующие:

1. Повышение качества владения русским языком гражданами России.

2. Продвижение русского языка в мире, поддержка и содействие расширению русскоязычных сообществ в зарубежных странах, повышению интереса к русскому языку и русской культуре во всём мире.

3. Развитие системы преподавания русского языка как иностранного. Поддержка деятельности профессиональных русистов за рубежом. Поддержка сети государственных и общественных институтов русского языка и культуры в зарубежных странах.

4. Расширение присутствия русского языка в сети «Интернет», увеличение количества качественных ресурсов, позволяющих иностранным гражданам изучать русский язык.

5. Расширение межгосударственного сотрудничества в области образования на русском языке в зарубежных странах и изучения русского языка как иностранного[3].

Для достижения перечисленных целей необходимо научное обоснование стратегии и тактики продвижения русского языка, исходящее из актуальных концепций.

Как представляется, в качестве такой концепции может служить концепция, базирующаяся на основном требовании современного поликультурного мира, а именно, на личностно-ориентированном подходе к обучению языкам. Данный подход позволяет сформировать мобильную личность, обладающую способностью успешно контактировать с носителями разных культур.

В предыдущий период развития методики РКИ наиболее полно *концепция* обучения, заключавшаяся в обеспечении массовой аудитории изучающих РКИ эффективным учебным комплексом без учёта их личностных характеристик, была выражена в названии самого популярного в то время учебника – *«Русский язык для всех».*

Актуальная же геополитическая и социокультурная ситуация требует формирования и внедрения в практику иной *концепции: «Русский язык для каждого»*, реализующей личностно-ориентированный подход не только в обучении, но и в рамках управленческих решений.

Личностно-ориентированный подход требует учёта интересов всего Русского мира, всех его пользователей, которые имеют разные изменяющиеся функции и интересы: дети, родители, учителя, организаторы обучения (детей и преподавателей), авторы учебной литературы, издатели учебников, книготорговые сети, рекламные и другие СМИ, органы народного

[1] Астафьева О.Н. Культурная политика: Теоретические аспекты и практика реализации // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 1-2. С. 22-29.

образования зарубежных государств и России, государственные структуры, работающие в этом направлении, а также частные организации, созданные российскими соотечественниками за рубежом[1].

С точки зрения современной теории управления, можно обоснованно подходить к выбору структур управления и формулировать управленческие задачи и функции, только исходя из глобальных целей Российского государства: сформировать на международной арене аутентичный образ Русского мира (а это удобнее всего делать на уроках русского языка) в рамках концепции «Русский язык для каждого».

Научное обоснование данной концепции и её реализация возможны в рамках форсайт-проекта, который:

- определит перспективы продвижения русского языка;
- посредством языка создаст желаемый образа Русского мира и будет исполнять роль мягкой силы;
- выработает единую государственную стратегию;
- разработает тактику достижения целей с учётом возможных путей развития событий, потенциальных проблем и путей их решения;
- сформулирует цели продвижения русского языка, в рамках которых выделит ряд конкретных S.M.A.R.T.-задач (проектов), ориентированных на конкретные количественные и качественные результаты;
- разработать практические меры, способные обеспечить оптимальную траекторию развития концепции,
- обеспечить постоянный мониторинг реализации концепции с возможностью пластического управления изменениями,
- увеличить эффективность расходования бюджетных средств.

Привлечение в проект значительного количества российских и зарубежных экспертов в области русского языка и в смежных областях, а также использование ряда экспертных методов (в том числе SWOT-анализа, PEST-анализа, мозгового штурма, построения сценариев, дорожных карт, деревьев релевантности и др.) позволит сформировать актуальную статистическую картину и учесть интересы всех целевых групп, изучающих русский язык в мире.

На основе предварительного анализа можно выделить следующие основные целевые аудитории продвижения концепции «Русский язык для каждого»:

1 Государственный русский язык
1.1 Российские школьники
1.2 Студенты
1.3 Педагоги
1.4 Чиновники
1.5 Трудящиеся-мигранты
1.6 Иностранные граждане, желающие жить, учиться или работать в РФ

[1] См.: Власова-Куриц Н, Куриц С. О программном решении проблемы сохранения русского языка в мире // http://baltija.planet.ee/problemobrrusmir.doc.

1.7 Иные категории граждан.

2 Русский язык международного общения
2.1 Соотечественники за рубежом
2.1.1 Взрослые
2.1.2 Дети соотечественников
2.2 Иностранные граждане
2.2.1 Жители стран СНГ
2.2.2 Жители славянских стран
2.2 .3Жители стран Европы и США
2.2.4 Жители стран Азии
2.2.5 Жители стран Африки и Латинской Америки

2.3 Представители разных возрастов
2.3.1 Иностранные школьники
2.3.2 Иностранные студенты
2.3.3 Взрослые иностранцы
2.3.4 Иностранные пенсионеры

2.4 Представители разных профессий
2.4.1 Иностранные бизнесмены
2.4.2 Работники в сфере туристического бизнеса
2.5 Иные категории граждан.

Уточнение контингента и составление карты пользователей русского языка является одной из задач форсайт-проекта при формировании стратегии продвижения «Русского языка для каждого».

Таким образом, первоочередной задачей разработки научной стратегии продвижения русского языка является учреждение единого авторитетного органа управления (ЕАОУ), задачами которого станут разработка, координация, обеспечение реализации и мониторинг достижения целей государственной политики в области русского языка. Необходимость создания новой структуры продиктована невозможностью решения данных задач в рамках имеющихся административных структур только за счёт изменения их полномочий, функций, форм деятельности, регламентов[1].

Создание ЕАОУ ознаменует переход к новой системе управления проектами в сфере русского языка: от управления затратами к управлению результатами.

Для эффективной реализации такого управления требуется обеспечить ЕАОУ и иные структуры специально подготовленными кадрами, обладающими управленческими, дипломатическими, коммуникационными навыками и специальным образованием, способными сделать Русский мир «полюсом притяжения в многополярном мире»[2].

Полиадресность и личностная ориентированность международных проектов по продвижению «Русского языка для каждого» требует

[1] См.: Указ Президента РФ № 808 «Основы государственной культурной политики» от 24 декабря 2014 г.

[2] Керби Тим: Русский язык против английского – как Apple против Windows // RT, 16.06.2015.

применения гибких вариативных тактик управления и пластичных управленческих решений, позволяющих связать в единое целое все международные проекты области культуры, в том числе в сфере русского языка как части культурной политики, целенаправленно, последовательно и «мягко» формировать аутентичный образ современной России и русских, освободиться от неактуальных и неверных стереотипов.

Для осуществления пластичных управленческих тактик от сотрудников ЕАОУ потребуется также овладение ключевым умением «примирить острое желание сохранить свою культурную самобытность, но при этом вписаться в другие культурно-цивилизационные рамки, научиться понимать иные жизненные принципы и при этом сохранить свою самобытность»[1].

Важнейшим аспектом эффективной работы ЕАОУ представляется поиск, отбор и распределение между организациями удачных проектов и инициатив для их реализации в рамках единой государственной стратегии.

Итак, для решения задачи эффективного продвижения русского языка и реализации стратегии перехода от концепции «Русский язык для всех» к концепции «Русский язык для каждого» следует:

1. Создать форсайт-проект с привлечением значительного количества российских и зарубежных экспертов не только в сфере русского языка, но и в смежных сферах для формирования и получения экспертной оценки стратегических направлений продвижения русского языка в средне- и долгосрочной перспективе с учётом средств, необходимых для реализации, решения потенциальных проблем и прогнозирования последствий.

2. На основе полученных экспертами сценариев и рекомендаций разработать общенациональную государственную стратегию по продвижению русского языка с учётом личностно-ориентированного подхода («Русский язык для каждого»), сформировать план реализации национальной идеи России с помощью образа Русского мира через русский язык и культуру, обозначить её этапы и приоритеты.

3. Учредить единый авторитетный орган управления (ЕАОУ) проектами в сфере культуры с целью экономичности и централизации управления государственной стратегией продвижения русского языка и определить его функционал.

4. Перейти к новой системе управления проектами в сфере русского языка: переход от управления затратами к управлению результатами. Основным целевым показателем деятельности должно быть качество, оцениваемое экспертами по утверждённым критериям и параметрам.

5. Обеспечить подготовку специальных кадров для ЕАОУ и иных структур.

---

[1] Астафьева О.Н. Межкультурный диалог как фактор преодоления кризиса идентичности в условиях глобализации // XI Международные Лихачевские научные чтения, 2011 [Электронный ресурс].

Кушнир О.Н.
(Республика Коми)

ЯЗЫКОВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ КАК КРИТЕРИЙ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА ГОСУДАРСТВЕННОГО СЛУЖАЩЕГО

Актуальное понятие «компетенция», обозначающее осведомленность в каком-нибудь круге вопросов, какой-нибудь области знаний, необходимая и достаточная для выполнения круга чьих-то полномочий[1], определяется главным образом требованиями к профессиональной деятельности. Языковая компетенция государственного служащего, несомненно, является одним из главных, общественно оцениваемых критериев его профессионализма, поскольку деятельность государственного служащего – деятельность публичная, сопряженная с коммуникацией не только на уровне коллектива, но и на уровне широкой общественности.

Государственный служащий – это не профессия, а правовой статус лица, находящегося по отношению к государству или его органу в специально установленной законом правовой связи[2]. Деятельность конкретного государственного служащего может быть связана по преимуществу с правоведением или экономикой, политологией или психологией, медициной или педагогикой как науками и сферами социальной практики и основывающимися на них конкретными профессиональными компетенциями прокурора или экономиста, врача или педагога, однако в любом случае основное содержание этой деятельности – работа с информацией, информационная деятельность[3]. В связи с этим государственный служащий прежде всего вступает в письменные деловые коммуникации, то есть создает документы.

Непросто говорить о значимости документов в нашей стране, где сложилось стойкое отторжение к любому документу и к «бумаготворчеству» вообще. Достаточно вспомнить ставшее крылатым высказывание генерального директора Ивановского станкостроительного производственного объединения В.П. Кабаидзе на XIX Всесоюзной конференции КПСС в 1988 году: «…безнадежно бороться с бумагами, надо убивать их авторов». Желание вполне оправдано, поскольку проблема не только и не столько в объеме документов, сколько в их содержании. Другими

[1] Толковый словарь иноязычных слов // Сост. Крысин А.П. М.: Русский язык, 1998.

[2] См.: Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации».

[3] Кушнир О.Н. Лингвокультурный концепт «информация» в компетентностной парадигме подготовки государственных служащих // Вестник Челябинского государственного университета. Филология и искусствоведение. Вып. 41. № 7 (188). Челябинск: Изд-во Челябинского госуниверситета, 2010. С. 92-97.

словами, тексты документов (основной реквизит, определяющий не форму, а содержание) демонстрируют низкое владение их авторов нормами официально-делового стиля русского литературного языка, пренебрежение принципами коммуникации и прежде всего – учетом адресата документа.

Назначение официально-деловой речи – в регуляции конкретно-практического взаимодействия между людьми, организациями и учреждениями, и строится она с позиций семантической (тематико-интенциональной) специализации стилей литературного языка на номинативной (денотативной) основе её[1]. Письменная деловая речь реализуется главным образом в документах, при этом важно, что язык и стиль документа соотносятся с его видом (нормативный, правовой, распорядительный, информационно-справочный и др.), статусом (официальный/неофициальный), правовой природой (имеющий юридическую силу / юридическую значимость) и многими другими свойствами и признаками.

«Мера вероятности прагматической информации» (новой, полезной, воспринимаемой потенциальным читателем) для официально-делового текста принципиальна[2], этим в большой степени определяется и главная черта документа – «его предельно стандартная форма»[3]. Стандартизация языка документов обеспечивает необходимую степень коммуникативной точности, обеспечивает юридическую силу / юридическую значимость документа. Как известно, достигается это главным образом посредством выбора в повторяющихся ситуациях унифицированных форм текстов (трафарет, таблица, анкета и др.) и использования терминов, языковых/речевых формул.

Для проектирования законодательных и нормативных правовых актов действуют специальные правила (напр., Правила подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации, утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 13.08.1997 № 1009), разработаны рекомендации (напр., Методические рекомендации Государственной Думы Федерального Собрания по лингвистической экспертизе законопроектов от 06.08.2013) и др., однако количество некачественных документов ничуть не уменьшается. Приведу один пример: *Порядок организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры*, утверждённый приказом Минобрнауки России от 19.12.2013 № 1367.

---

[1] Кушнир О.Н. Эволюция русской концептосферы на рубеже XX-XXI веков. // Вопросы динамической лингвоконцептологии. Сыктывкар: КРАГСиУ, 2012.49-54.

[2] Валгина Н.С. Теория текста: учеб. пособие. М., 2004.

[3] Шмелев А.Д. Функциональные разновидности русского языка: константы и переменные // Деловой и публицистический стили в истории русского языка и культуры: сборник докладов II Международной научной конференции (17-20 июня 2015 г., г. Петрозаводск) / отв. ред. З.К. Тарланов. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2015. С. 21.

Содержание документа закреплено в виде порядка, однако в первом же пункте документа заявлено, что «настоящий Порядок… определяет правила…», между тем это разные виды документов[1]; раздел II документа называется «Организация разработки и реализации образовательных программ», но *организовать разработку* – языковая ошибка, при этом о *реализации* в разделе речи не идет, ей посвящены следующие разделы документа: III «Организация образовательного процесса по образовательным программам» и IV «Особенности организации образовательного процесса по образовательным программам для инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья». Вместе с тем выясняется, что раздел II вообще не об образовательном процессе, а о процессе обучения: в официальном документе допущена весьма распространенная ошибка отождествления понятий *образование* и *обучени*е, тогда как закон «Об образовании в Российской Федерации» чётко определяет *образование* как «единый целенаправленный процесс воспитания и обучения» и кодифицирует понятия *воспитание* и *обучение* как самостоятельные.

Анализ структуры данного документа и соответствия содержания наименованиям разделов позволяет сделать вывод, что его наименование некорректно, поскольку содержание документа не покрывает всего объёма заявленного наименования: в документе не идёт речь об осуществлении образовательной деятельности. В связи с этим точным было бы наименование *Порядок (правила) организации обучения по образовательным программам высшего образования.* Возможно, в наименовании такого документа следует раскрыть законодательно закреплённое понятие *образовательные программы высшего образования*, но точно не тем способом, который применён здесь: правила пунктуации требуют в такой конструкции постановку не тире, а двоеточия, можно уточняющие элементы предложения зафиксировать в скобках.

В документе введено новое понятие *контактная работа* (обучающихся с преподавателем), при этом его дефиниция не приведена, назначение не определено, содержится лишь указание на еще один вид «учебных занятий» – *самостоятельная работа обучающихся*; кроме того, и сам термин *учебное занятие* не определен, при этом последовательно в документе используются термины *учебная деятельность / работа,* приводятся её виды. Добавлю, что определение объема *контактной работы* преподавателя с обучающимися стало притчей во языцех в процессе различных проверок, в том числе при работе комиссий при аккредитации образовательных программ: требуется высчитать *контактную нагрузку*, определить, какую её долю выполняют штатные/нештатные преподаватели, «остепененные»/«неостепененные», а вот

[1] Янковая В.Ф. Юридическая техника при подготовке локальных нормативных актов организации: виды документов, их назначение, этапы подготовки // Современные технологии делопроизводства и документооборота, 2012. № 6. С. 6-16.

как ее считать, что в нее включать – определяет по своему усмотрению проверяющий.

Не определено и понятие *инновационные формы учебных занятий;* добавлю, что весьма распространенное сегодня в образовательной среде прилагательное *инновационный* употребляется в разных сочетаниях: *инновационные формы обучения, инновационные технологии в обучении / в образовании, инновационные формы работы на уроках* и др. Нам не удалось найти ни одного кодифицированного определения данных понятий, в результате – еще одна проблема для образовательного учреждения: что-то *инновационное* (форму обучения / форму работы / форму учебных занятий, технологию обучения?) надо зафиксировать в плановых и отчетных документах, а уж угадали или не угадали их значение – решает проверяющий.

Весьма беглый анализ только одного нормативного правового акта высвечивает серьезную проблему: на основании таких ведомственных документов разрабатываются локальные нормативные акты (последний термин законодательством не закреплен, однако имеет широкое распространение в деятельности любой организации и активно применяется в текстах законов), регламентирующие социальную и профессиональную жизнь каждого и определяющие правовую базу всех внутригосударственных взаимоотношений. Принципиально важен сам механизм разработки локальных нормативных актов: текст такого документа должен соотноситься с соответствующим текстом нормативного правового акта высшего уровня (ведомственного) и детализировать уже кодифицированные нормы, определяющие специфику конкретной организации. Другими словами, текст нормативного правового акта становится образцом для проектирования текста локального нормативного акта, по сути, приобретает статус типового.

Между тем так называемые ведомственные нормативные правовые акты часто неудачны по назначению и нецелесообразны по действию, поскольку в них актуализируются все известные проблемы документного текста: от адекватности применяемых терминов до логичности структуры. Этот не самый яркий пример показывает, что стандартизация текста – задача не для любого носителя языка, решить её могут лишь специалисты, обладающие комплексом профессиональных компетенций, в том числе – языковой. О серьезности проблемы свидетельствует и факт появления особого вида судебной лингвистической экспертизы – экспертизы документов (главным образом, нормативных правовых актов[1]). Если адресаты (юридические/физические лица) по-разному понимают смысл правовой нормы, значит, для её закрепления выбраны неправильные языковые средства.

[1] См., напр., о лингвистической экспертизе: Российская Е.Р., Галяшина Е.И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. Москва: Проспект, 2010.

Важно отметить, что стремление к стандартизации и даже унификации текстов документов не всегда оправдано. Самый яркий пример – деловые письма. Все помнят историю об официальном ответе Министерства здравоохранения и социального развития Тульской области руководителю музея-усадьбы Л.Н. Толстого «Ясная поляна», который облетел весь Интернет и даже послужил информационным поводом для репортажа в программе «Время» (2012 г.). Но ведь это типичный пример текста официального письма, так пишут все! Приведу фрагмент ответа районной администрации пожилой малограмотной жительнице села на ее эмоциональное требование наказать главу сельского поселения: «Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» подчиненность органа местного самоуправления или должностного лица местного самоуправления одного муниципального образования органу местного самоуправления или должностному лицу местного самоуправления другого муниципального образования не допускается…».

Замечу, что письма, в отличие от внутренних документов, не скроешь, они ярко демонстрируют уровень культуры общения, культуры письменных деловых коммуникаций, поэтому в программы обучения государственных служащих органы власти и управления часто включают тему, связанную с отработкой навыков ведения такой переписки, но при этом тщательно прописывают в задании, что научить нужно правильно расставлять знаки препинания и предложить для запоминания и использования комплекс стандартных языковых клише. Таким образом, речь идет уже об унификации текстов писем. Можно ли такое допускать в ответах на обращения граждан? Вряд ли, ведь получив такой «никакой» ответ, наши граждане раздражаются властью и теряют к ней всякое доверие.

Безусловно, для формирования корпуса профессиональных государственных служащих необходимо сделать многое, но не может быть принят на работу человек, которого нужно обучать расстановке знаков препинания и который может общаться с гражданами, применяя лишь языковые штампы. Полагаю, что обучение письменным деловым коммуникациям (составлению разных видов документов) должно стать обязательным требованием Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования по всем направлениям/специальностям и не только потому, что на государственную службу поступают представители разных специальностей, но и потому, что практически от каждого в любой организации сегодня такие умения требуются. Необходимо, вероятно, и при поступлении на государственную службу, и при аттестации государственных служащих оценивать уровень языковой компетенции каждого, предлагая не бессмысленные тесты, а задания на проектирование разных видов документов по заданной ситуации, для действующих государственных служащих – производить оценку документов / проектов документов, которые они уже готовили.

Раздел шестой

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ В КОНТЕКСТЕ НОВЫХ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ЗАДАЧ

Николаева Е.В.
(Москва)

РОЛЬ КУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ ПРИГРАНИЧНЫХ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ (НА ПРИМЕРЕ КАЛИНИНГРАДА)

Глобальная интерференция и ассимиляция инокультурных образцов в современном мире, тенденции «мультикультуральности»[1] и «транснационализации культурного пространства»[2] порождают все новые модели самореализации локальных культур и регионов. Эти модели транслируются и опредмечиваются в семиосфере культуры, кардинально трансформируя и переозначивая все элементы и аспекты культурной среды. Основными «центрами силы» транснационализации локальных культур являются крупные города – столицы государств и административных образований. При этом городское социокультурное пространство – как исторически сложившееся, так и сознательно сконструированное – играет особую роль в трансляции общенациональной объединяющей идеи и формировании общегосударственной идентичности различных регионов большой страны.

Поле символических значений, образующее смысловые доминанты городской культурной среды, в значительной степени задается пространственно-архитектурными формами, совокупностью культурных объектов, расположенных на соответствующей территории, а также семантикой городской топонимики и знаковых мест. Именно физические и символические культурные артефакты – улицы и площади, памятники и здания, музеи и парки, театры и развлекательные центры – в своей типичности и уникальности в рамках общегосударственной культуры служат символическими реперами, с которыми связаны коллективные представления о городе и регионе и их месте в общей истории и культуре государства.

Очевидно, что культурные «тексты» российского провинциального города и, скажем, столичного мегаполиса сильно различаются, при этом образуемые в процессе культурного семиозиса смыслы и коннотации служат основой специфических картин мира, складывающихся в (под) сознании жителей. Иными словами, любая территория представляет собой знаковую систему и формирует с помощью самых разных проксемических знаковых средств особые символические сообщения, которые прочитываются и интерпретируются ее жителями в соответствии

[1] Флиер А.Я. Мультикультуральность // Обсерватория культуры. 2008, № 2. С. 23.

[2] Астафьева О.Н. Культурная политика государства: вопросы о реально существующем и потенциально возможном // Знание. Понимание. Умение. 2008, № 3. С. 52.

с коллективными культурными кодами и индивидуальным культурным бэкграундом. Эти сообщения осмысливаются в качестве наиболее общих характеристик культуры конкретной страны или региона и интериоризируются в виде априорных культурных норм и ценностей. Так, например, памятник вождю, храм или небоскреб в центре города репрезентируют очевидную аксиологию той или иной культуры, а повседневные социокультурные коммуникации (от ежедневного маршрута на работу по улицам города до встреч с друзьями в знаковых городских местах) закрепляют соответствующие идеологемы и мифологемы, воспринимаемые жителями как естественную культурную и ментальную среду своей малой и большой родины.

Чрезвычайно большое значение символический капитал территории приобретает в случае ее приграничности и, особенно, при эксклавном положении региона. Для таких территорий обычно характерно смешение культурных кодов, повседневных социокультурных практик, языковых, ментальных и поведенческих паттернов. Близость соседней культуры, с присущими ей иными правилами смыслополагания и иными экзистенциальными параметрами порядка, приводит к размыванию общегосударственной идентичности региона и, нередко, к образованию центробежного вектора культурного развития приграничных территорий.

Рассмотрим проблемы, касающиеся социокультурной интеграции приграничных территорий, на примере самого западного российского региона-эксклава – Калининградской области и ее центра, города Калининграда.

Территория современной Калининградской области, исторически являвшаяся частью немецкой провинции Восточная Пруссия, в 1945 г. в соответствии с Потсдамским соглашением была передана Советскому Союзу. Необходимо отметить, что в результате британских бомбардировок Кенигсберга во время II Мировой войны его центральная часть, где располагались Королевский замок и Кафедральный собор, подверглась сильным разрушениям. В 1946 г. центральный город новой советской территории был переименован из Кенигсберга в Калининград. К 1948-49 гг. практически все немецкое население области было депортировано в Германию, восстановлением города занимались переселенцы, приехавшие из разных регионов СССР.

Новая культурная среда Кенигсберга-Калининграда начала формироваться в первую очередь посредством вербальных текстов города: улицы и площади получили новые названия, многие из которых отсылают к персонифицированной военной истории России (ул. Суворова, ул. Багратиона, ул. маршала Баграмяна, ул. Черняховского и др.). Символическое единство региона с «центром» и принадлежность к общегосударственной культуре (как во всех городах СССР) были закреплены с помощью «советской» (Советский пр., Ленинский пр., ул. Коммунистическая, пр. Мира, ул. Энергетиков, и т. п.), «революционной» (ул. Дзержинского, ул. Чекистов, ул. Павлика Морозова и т. п.) и «историко-культурной» (ул. Горького, ул. Чайковского,

ул. Репина, ул. Юрия Гагарина и пр.) городской топонимики. Особые фрактальные связи «город-страна»[1] выстраиваются в городском социокультурном пространстве посредством таких топонимических знаков, как Московский пр., ул. Киевская, ул. Омская, ул. Барнаульская, ул. Ростовская, ул. Можайская, ул. Камская, ул. Нарвская, и др. Знаковый характер в Калининграде имеет улица Б. Хмельницкого, актуализирующая коннотации (воссо)единения российских территорий. Отсылки к прусской истории и культуре, хотя и не столь многочисленные, также присутствуют в вербальном «тексте» города (р. Преголя, ул. Литовский Вал, ул. Канта, ул. Шиллера, ул. Вагнера, ул. Брамса, ул. Генделя, ул. Ольштынская и др.).

В ходе нового культурного строительства в рамках советской парадигмы некоторые архитектурные артефакты, относящиеся к немецкому прошлому города, были утрачены (Королевский замок, памятники германским историческим личностям и др.), часть из них уцелела (форты, ворота, Кафедральный собор), хотя отчасти по идеологическим, а главное, по финансовым причинам задачи по их реставрации до 1990-х годов не ставилось. При этом, несмотря на полувековую советскую историю и расширение семантического поля православной культуры в постсоветские десятилетия, культурные акценты в визуальном образе Калининграда остаются в большей степени «прусскими», чем российскими. И в последние годы эта тенденция только усиливается. Так, в дополнение к сохранившимся немецким постройкам, например, в районе Амалиенау, в 2006-2010 гг. в городе появился новый квартал «Рыбная деревня» на Октябрьском острове, стилизованный под архитектуру довоенного Кенигсберга. Не будем спорить, что новая застройка выглядит привлекательно для туристов, и развитие туризма, безусловно, важно для региона, однако, «прусская» тема отнюдь не способствует усилению российской идентичности самих калининградцев. Можно и нужно находить туристические аттракторы, связанные с российской культурой. Одним из самых очевидных репрезентантов Калининградского региона является культурный бренд «Янтарный край», однако кроме Музея янтаря и многочисленных ювелирных магазинов, продающих в основном стандартные изделия из «солнечного камня», эта тема в Калининграде практически не представлена.

В настоящее время сильная семантическая индукция «прусской культуры» наблюдается во всем культурном пространстве Калининграда – от дизайна новых домов до названия художественных салонов, предлагающих изделия из янтаря (например, «Прусский мед»). Амбивалентность индивидуальной культурной идентичности жителей города легко заметить по текстовым «номерам» на автомобилях: «Калининград» vs. «Кенигсберг».

Снесенные в 1968 г. стены и полуразрушенные башни Королевского замка и возвышающиеся на его месте «руины» недостроенного Дома Советов составляют отдельный сюжет для культурологической

[1] Николаева Е.В. Фракталы городской культуры. СПб.: Страта, 2014. С. 61-65.

рефлексии. Споры о судьбе советского долгостроя, возможном восстановлении Королевского замка, также как и о названии города идут многие годы. Однако, при всем уважении к прошлому, с позиций экологии культуры, как отмечал Д.С. Лихачев, «нельзя восстановить здание как "документ", как "свидетеля" эпохи»[1]. Любая заново построенная копия ранее утраченного памятника истории лишена документальности и представляет собой только «видимость»[2]. С точки зрения воссоздания исторической культурной среды «Королевский замок» может быть только новоделом, симулякром, игрой в традицию, точно такой же как «Китайгородская стена» в Москве или столичная гостиница «Москва» 2013 г. Восстановление разрушенного памятника имеет смысл только тогда, когда символическим становится сам факт его возвращения в семиосферу культуры, как в случае с Храмом Христа Спасителя в Москве. Но в Калининграде с точки зрения семиотики культуры воссоздание Королевского замка в центре города будет означать возникновение сильной инокультурной доминанты, которая символически зафиксирует нероссийское содержание региональной культуры. По этой же причине, при всей немотивированности существующего названия города, крайне нежелательно его переименование в Кенигсберг.

Нельзя считать отвечающим требованиям культурной политики в отношении региона-эксклава и проекты, представленные в рамках Международного архитектурно-градостроительного конкурса на разработку концепции развития территорий исторического центра города Калининграда (2014 г.)[3]. Согласно проекту архитектурного бюро «Студия 44» и Института территориального развития Санкт-Петербурга, получившему 1-ю премию, предлагается на основе сохранившихся старых фундаментов построить квартал «Новый Альтштадт» и другие «исторические» кварталы, где на первых этажах должны разместиться коммерческие объекты, а на верхних – жилье. Дом Советов сохраняется и приспосабливается под офисы, на месте Королевского замка появляется напоминающее замок современное здание. Исчезает Эстакадный мост, но воссоздаются старинные пешеходные мосты Кенигсберга, а вокруг «исторического» квартала поднимаются стеклянные высотки в стилистике «неоурбанизма». Остров Канта при этом остается пустынным ландшафтным парком[4].

Не вдаваясь в дальнейшие градостроительные и инфраструктурные детали и тем более в критическое рассмотрение архитектурных решений (их эклектичности или симулятивности), отметим, что семантика новых кварталов значительно усиливает инокультурную, нероссийскую

[1] Лихачев Д.С. Экология культуры // Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2006. С. 346.

[2] Там же.

[3] «Сердце города»: итоги конкурса концепций развития исторической части Калининграда. 2014. URL: http://tehne.com/event/novosti/serdce-goroda-itogi-konkursa-koncepciy-razvitiya-istoricheskoy-chasti-kaliningrada.

[4] Там же.

компоненту культурной среды Калининграда. В этой связи может оказаться полезным опыт культурной политики в градостроении, примененной при преобразовании бывшего советского города Целиноград в новую столицу Казахстана – Астану, где в новых урбанистических кварталах евразийский технократизм сочетается с ярко выраженной трайбалистской мифологией, а социокультурное пространство новой столицы символически тесно связано со всеми регионами страны[1].

Выводы. В начале XXI века, как и любой другой город, Калининград представляет собой диахроническую мультикультуральную систему знаков истории и современности. В результате сложной истории региона образовалась своеобразная культурная среда города Калининграда в виде многослойной семантической системы, в которой знаки прусской истории и советской культуры сосуществуют и пересекаются, но не складываются в единый культурный текст. В целом можно констатировать существенный «крен» в сторону прусской истории города: в культурной среде Калининграда российская история (некоторое исключение составляет Великая отечественная война) оказывается на втором плане, подобно тому, как монумент Славы морякам-балтийцам оказался «заслоненным» каменными нагромождениями на бывшей Королевской горе.

С превращением Калининградской области после распада СССР в российский эксклав ее социокультурная интеграция с основной территорией страны имеет стратегическое значение. Государственная политика в отношении культурной среды самого западного региона России должна быть направлена на прочную интеграцию города и области в единое культурное пространство России через усиление символической составляющей городской культурной среды, формирующей устойчивую российскую идентичность жителей Калининградской области.

Одним из вариантов конкретного решения этой задачи может, на наш взгляд, стать концепция «старого города» в центре – на острове Канта и острове Октябрьский с воссозданием малоэтажной «исторической» застройки, выполняющей музейно-этнографические, историко-просветительские и развлекательно-туристические функции. По этому пути идут сегодня многие европейские города, «законсервировавшие» историческую часть города, вокруг которой выросли современные кварталы. *Одновременно* стоит разработать и воплотить в жизнь проект культурного преобразования огромного пустыря на центральной площади Калининграда. Символическая брешь в культурном мироощущении города может быть устранена, например, через возведение современного, высокотехнологического комплекса строений: развлекательных и музейных зданий «футуристической» модальности, тематически соотнесенных с развитием *российской* науки и техники, наподобие Городка науки и искусства в испанском городе Валенсия. В этом случае недостроенное здание Дома Советов несложно интегрировать в общую

[1] Николаева Е.В. Указ. соч. С. 64, 70-76.

постнеклассическую планировку комплекса, центром которого мог бы стать, к примеру, музей космоса с планетарием. (Заметим в скобках, что в Калининграде, который является родиной четырех российских космонавтов, существует экспозиция, посвященная истории освоения космоса, но располагается она на борту судна космической связи «Космонавт Виктор Пацаев» неподалеку от музея Мирового океана.).

Другой вариант: вполне уместным и оправданным с точки зрения политики социокультурной интеграции Калининградской области и большой России было бы создание в центре города архитектурного квартала «Россия», аналогичного «Испанской деревне» в Барселоне, где в натуральную величину построены некоторые знаковые здания всех регионов страны, а на первых этажах этих зданий расположены мастерские традиционных ремесел и кафе национальной кухни разных провинций. В конце концов, можно последовать примеру многих городов – от Брюсселя до Паттайи, где существуют парки архитектурных миниатюр, и разместить в центре города «Всю Россию». Тем более что, согласно опросу общественного мнения, жители Калининграда хотели бы видеть на месте пустыря в первую очередь именно ландшафтный парк[1].

В любой из предложенных вариантов можно включить или реализовать как самостоятельный проект в рамках развития центральной территории города Калининграда концепцию «Янтарного замка» – большого музея, ремесленного, выставочного и коммерческого центра международного уровня. Это в значительной мере помогло бы Калининградскому региону справиться с трудностями, которые он испытывает в продвижении российской янтарной продукции на внутреннем и международном рынке. Янтарный/темно-желтый цвет мог бы стать хроматическим символом города и использоваться как декоративный элемент городской среды.

Необходимо также сохранить непрерывность Московского проспекта, не разрывая его новой застройкой в центре, не только как важную городскую автомагистраль, но и как символическую линию связи региона и столицы страны.

Все эти идеи вполне реализуемы и в художественном, и в финансовом отношении, необходимо лишь понимание на самом высоком, государственном уровне исключительной важности социокультурной интеграции приграничных российских регионов, в частности, Калининградской области, в единое культурное пространство России.

[1] Ненько А., Адаменко Т. Калининград «Сердце города». Проект развития глазами калининградцев. СПб.: Школа городских трансформаций, 2014. URL: http://tehne.com/assets/i/upload/event/serdtce-goroda-proekt-razvitiia-glazami-kalinigradtcev.pdf.

Мироненко Е.Н.
(Красноярский край)

БРЕНДОВЫЕ «СПЕЦИАЛЬНЫЕ СОБЫТИЯ» КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ: ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Современная российская социально-экономическая парадигма детерминирует изменение культурной политики государства с отраслевого понимания культуры как сферы досуга и развлечений на формирование единого пространства, где культура пронизывает другие общественные системы, изменяя качество жизни человека, трансформируя его отношение к своему здоровью, мышлению, духовности, личности в целом и другим людям.

Инновационность данного подхода заключается в широких перспективах межведомственного взаимодействия государственных органов власти с разными управленческими и общественными структурами[1].

В региональных масштабах сотрудничество творческих союзов, молодежных и профессиональных субкультур, различных ведомств и общественных организаций создаст культурные центры с уникальными человеческими активами, благодаря которым край будет позиционироваться как опорный в русле общероссийской модернизации[2].

Современная культура Красноярского края многопланова и, безусловно, развивается в русле мировых социально-экономических тенденций, которые обозначаются как «экономика впечатлений», «экономика знаний».

Свободное время населения теперь становится предметом конкурентной борьбы различных развлекательных учреждений, и это требует от учреждений культуры применения новых подходов и технологий для привлечения аудитории. В информационном обществе одной из таких технологий являются брендовые «специальные события», организация которых немыслима вне межведомственного взаимодействия.

Цель данной статьи заключается в описании опыта проведения наиболее успешных брендовых «специальных событий» Красноярского края с рекомендациями по их концептуальной разработке. Понятия «бренд», «имидж», «образ» используются в данной статье как синонимы.

---

[1] Основы государственной культурной политики. Режим доступа: http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d526a877638a8730eb.pdf (дата обращения: 20.08.2015).

[2] Культура как фактор социальных изменений: Сборник материалов по итогам Съезда работников культуры Сибирского федерального округа. 5-7 ноября 2014 год. Красноярский край. Красноярск: «Арт-стиль», 2014.

По сути, «специальные события» – это основные формы событийной коммуникации, фундаментальный способ создания социокультурных связей, известный с древнейших времен. Особенность нашего времени состоит в том, что презентация людей, идей, ценностей происходит не только в реальном, но и виртуальном пространстве.

Актуальность особого внимания к имиджевым «специальным событиям» обусловлена спецификой потребительского общества с его направленностью на индустрию развлечений. Происходит взаимопроникновение массовости и элитарности, профессионального и самодеятельного искусства. В сфере культуры необходимо находить баланс между транслированием высоких духовно-нравственных идеалов и экономической выгодой. Имиджевое «специальное событие» есть один из эффективнейших инструментов для равновесия в современной культуре.

В широком смысле, в имиджевом «специальном событии» происходит управление трансляцией смыслов и значений, способов интерпретаций того или иного явления для огромной целевой аудитории, именно таким образом регулируется социокультурное равновесие современного глобального социума.

В более узких функциональных аспектах посредством «специальных событий» происходит формирование культурной идентичности на основе идеалов, заданных ценностей, легитимации комплекса идей для его коллективного признания, аккумулирования и трансляции социального и культурного опыта от поколения поколению.

Единство общества достигается через причастность общезначимым символам. Следование единому культурному коду позволяет формировать региональную идентичность через символическую коммуникацию, в которой имиджевое специальное событие является широко применяемой технологией.

Красноярский край позиционирует себя как инвестиционно привлекательный регион с развитым человеческим потенциалом.

Мы выделяем два уровня имиджевых «специальных событий»: международный и локальный.

Первый уровень событий позиционирует регион на международной арене. В концептуальных основах организации таких «специальных событий» в Красноярском крае есть несколько магистральных направлений:

- укрепление имиджа Красноярского края как региона, сохраняющего и поддерживающего многообразие культур, развивающего новые формы межкультурных коммуникаций (Международный музыкальный фестиваль стран Азиатско-Тихоокеанского региона, культурная программа Федерального Сабантуя);
- поддержка имиджа края, где сохраняется нематериальное культурное наследие России, пропагандируются и развиваются этнические культуры Сибири, популяризируется среди широких слоев населения народная культура во всем ее многообразии,

укрепляются культурные связи со странами ближнего и дальнего зарубежья (Международный фестиваль этнической музыки и ремесел «МИР Сибири»);
- образ региона высокой профессиональной культуры оперы и балета международного уровня, где воспитывают талантливую молодежь, популяризируя классические и современные оперное и балетное искусства (фестиваль «Парад звезд в оперном», форум «Балет XXI век»);
- имидж территории развития креативных индустрий, смелых молодежных проектов и творческой свободы (магазины «Федормихалыч», «Корнейиваныч», проекты «Театр на крыше», «Креативный город», «Каменка»).

Второй уровень специальных событий края направлен на формирование локальной идентичности, «закрепление» людей на территории. Эта задача решается не только материальными стимулами, здесь важен символический фундамент как основание идентичности, как каркас, скрепляющий души людей в единой целое чувством сопричастности родной земле.

Мы активно работаем над децентрализацией культурного процесса. Край огромный и нельзя концентрировать все мероприятия в столице, поэтому в каждом муниципальном районе проводятся свои брендовые события. Это технология повышения туристической привлекательности территорий. Специальные события способны поднять интерес к ним, их культурному и историческому наследию, природному своеобразию. Активно развивается событийный туризм, когда доминантой туристической поездки являются определенный праздник, ритуал, характерный для национальной, религиозной или профессиональной культуры района.

В каждом муниципальном образовании организуется событие по различным критериям самобытности.

Имиджевые события территорий нашего региона базируются на разных аспектах фундаментальных культурных идей и ценностей.

Идеи прославления природного изобилия и богатства родного края, развития сельского туризма, дань уважения земле предков, единения людей в коллективном труде и отдыхе заложены в основу знаменитых брендовых праздников «Золотой подсолнух» (с. Селиваниха Минусинского района), фестиваль «Минусинский помидор» (г. Минусинск), Августовская ярмарка (г. Енисейск).

Ценность мирного сосуществования умельцев различных вер и национальностей в творческом процессе и выражение природной уникальности принимающей земли выражены в концепциях фестивалей «Каратаг у Большой воды» (с. Холмогорское Шарыповского района), «Земля мастеров» (п. Курагино Курагинского района), «Родники народные» (г. Иланский Иланского района).

В регионе проходит специальное событие, посвященное славянской культуре, популяризации народных традиций, праздников славян,

ремесел, ритуалов, обычаев предков, культура которых является основой российской идентичности. Это фестиваль «Солнцеворот» (с. Новобирилюссы Бирилюсского района).

Идея реконструкции славянских народных праздников и обычаев, но с сибирским колоритом и размахом, выражена в фестивалях «Сибирская масленица» («Взятие снежного городка») (с. Сухобузимское Сухобузимского района), православные традиции отражены в Пасхальной ярмарке, которая проходит в г. Енисейске, в центре православных святынь красноярской земли.

В Красноярском крае живут уникальные коренные народы Севера, язык, фольклор, традиции и обряды которых нуждаются в бережном сохранении. Эвенкийский праздник «Мучун» (с эвенк. «время, когда земля обновляется, переодевается, зеленеет») (Эвенкийский муниципальный район, п. Тура, с. Байкит, с. Ванавара) связан с началом лета, обновлением земли. Содействие преемственности этнических традиций, повышение самосознания молодого поколения эвенков лежит в основе проведения этого праздника.

Для популяризации наследия коренных народов Севера и развития событийного туризма также проводится этнотуристический фестиваль «Сэвэки – легенды Севера» (Сэвэки – у эвенков добрый дух, покровитель охотников и оленеводов) (п. Северо-Енисейский Северо-Енисейского района).

В крае есть территории, которые основывают свой бренд на ассоциативных связях с названием местности, что является одной из эффективных технологий в его развитии. В г. Бородино проводится фестиваль исторического моделирования «Бородинское поле – связь времен», в г. Канске – «Международный Канский видеофестиваль», в с. Дзержинское – Международный музыкальный фестиваль «Железный Феликс».

Преемственность творческих традиций, прославление именитых земляков или творцов, связанных с нашим краем, выражены в концепциях Назаровского кинофорума отечественных фильмов имени М.А. Ладыниной, которая начала свой творческий путь в небольшом городке Красноярского края Назарово, а также в фестивале авторской песни и поэзии «Высоцкий и Сибирь». Фестиваль носит имя великого поэта не случайно: в 1968 году в поселке Выезжий Лог Манского района снимался фильм «Хозяин тайги» с Владимиром Семеновичем в главной роли.

Перечислены самые яркие брендовые «специальные события», но мы постоянно совершенствуемся, идет работа по продвижению новых привлекательных для туристов брендов территорий.

Сегодня различные сферы социокультурной деятельности пересекаются и интегрируются. События в сфере культуры стали бизнесом, бизнес инициирует и организует культурные, социальные события и проекты. Различные сферы социокультурных практик проецируются и оказывают значительное влияние друг на друга.

В качестве рекомендаций по разработке концепций брендовых «специальных событий» в регионах в русле межведомственного взаимодействия для формирования региональной идентичности предлагаем учитывать следующие аспекты:

- эффективная концепция брендового «специального события» создается на основе традиционных ценностей и представлений местного населения, которые необходимо проявить, символизировать, означить;
- потенциально брендовые ценности территории должны обладать такими характеристиками как архетипичность и ментальная укорененность, гарантированное качество, известное за пределами местности, общедоступность, распространенность, узнаваемость;
- в основе создания брендового «специального события» лежит четкое целеполагание с фиксируемыми и проверяемыми результатами;
- важность общественного, наряду с властным, инициирования «события» и публичного обсуждения, верификации планируемого события, в ходе которой определяются имеющиеся финансовые и человеческие ресурсы, условия и сроки реализации, выявление целевой аудитории и возможных рисков;
- определение заинтересованных во взаимодействии партнеров, создание рабочей команды для реализации «специального события»;
- освещение планируемого события в средствах массовой информации, Интернете, формирование «ожидания» у целевой аудитории;
- сценарный план брендового «специального события» должен содержать драматургические приемы, которые произведут на аудиторию сильное эмоциональное впечатление, при сохранении цели транслирования определенных ценностей, традиций и норм;
- сочетание интеллектуальной эмоциональности «специального события» формирует эффект самопорождения, самопродолжения событийности, эффект ожидания участниками следующего действа.

В нашем крае в 2019 году планируется проведение студенческой Универсиады – Всемирных спортивных игр молодежи. Культурная Универсиада уже началась, и это будет огромное экспериментальное поле для развития в регионе имиджевых «специальных событий».

В итоге произойдет формирование нового образа Красноярского края как региона открытой перспективы, инициативы и пространства, «где хочется жить».

Безрукова Е.Е.
(Алтайский край)

ГОД ЛИТЕРАТУРЫ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ: ЛИТЕРАТУРА КАК ИНВЕСТИЦИИ В ЧЕЛОВЕКА

В Год литературы в России, объявленный Президентом страны, Алтайский край вошел с устойчивыми традициями и наработками в сфере поддержки и развития литературного и издательского процессов в крае. В культурной политике обозначились несколько направлений, в полной мере отвечающие поставленным Годом литературы задачам. О событиях, которые проводятся на территории нашего края, знают очень многие, потому что имена наших соотечественников включены во многие энциклопедические издания, как отечественные, так и зарубежные.

Речь идет о **литературных чтениях**, которых в регионе ежегодно проводится восемнадцать – это традиционные краевые литературные чтения, посвященные землякам-писателям. В их числе – Всероссийские Шукшинские дни на Алтае, масштабный фестиваль, включающий более 30 мероприятий, неизменной составляющей которого являются литературные чтения. Межрегиональный формат имеют литературные чтения имени Роберта Рождественского, родившегося в с. Косиха Алтайского края. Помимо этого, 16 чтений посвящены выдающимся писателям, родившимся и творившим на Алтае, при этом каждые такие чтения начинаются в Барнауле – в Государственном музее истории литературы, искусства и культуры Алтая, и продолжаются на малой родине писателя.

Очевидна «литературоцентричность» культурной среды отдельных районов, поддерживаемая местным населением. Именно от них исходит инициатива расширения информации и знания о писателях и их жизни в регионе. Поэтому можно говорить о беспрерывном процессе актуализации имен и творчества разных писателей.

Второе направление деятельности – это организация и учреждение **Литературных премий**. В крае учреждены совместно с Союзом писателей России и вручаются раз в два года две всероссийские литературные премии: Шукшинская – в прозе, Рождественская – в поэзии. Важно, что победитель не только получает денежную премию, но также издается его книга за счет бюджета края.

Особое направление работы составляет координация деятельности **Научно-консультативного совета при Губернаторе Алтайского края**. Если в крае существует такой совещательный орган на уровне первого лица края, то возникает вопрос: «Что он делает?»

Прежде всего, это орган, позволяющий взаимодействовать власти и обществу, власти и творческому сообществу. На заседаниях

совета собираются профессионалы (писатели, филологи, издатели, библиотекари), обсуждают проблемы, вносят предложения. Они тщательным образом анализируются, и затем с учетом мнений специалистов решается вопрос о том, что будет издаваться в рамках «губернаторского издательского проекта». Фактически это очень помогает найти партнеров. Второй раз Министерство культуры именно таким образом формирует план на пятилетку.

Здесь речь не идет об издании ныне живущих и работающих авторов (для этого есть свой издательский проект), а о выпуске глобальных художественных, художественно-публицистических и других изданий: многотомников, книжных серий, мемориальных изданий. Пришлось даже разделить эти издания на:

— издания мемориальные/статусные;

— издания современных писателей.

Результаты изданий прошлого пятилетнего плана хочется отметить особо: это восьми- и девятитомники Шукшина, шеститомник Георгия Гребенщикова, пятитомник «Образ Алтая в русской литературе», серия «Музеи Алтая» и другие.

План 2015-2020 года не менее грандиозен: среди примеров планируемых изданий многотомник Вячеслава Шишкова, новая издательская серия «Алтай. Судьба. Эпоха» – по сути, алтайский аналог серии «ЖЗЛ» о знаменитых людях Алтая; авторы книг – также наши журналисты и писатели. Уже в плане этого года 4 книги этой серии, в том числе о втором космонавте планеты Германе Титове и оружейнике Михаиле Калашникове.

Этими книгами мы комплектуем краевые и муниципальные библиотеки, частично школьные библиотеки, небольшую часть оставляем на продажу через государственные библиотеки и музеи. И, конечно, начинаем размещать в электронных ресурсах. Кроме того, краевой научной библиотекой разработаны методические материалы для муниципальных библиотек по презентации и популяризации данных издательских проектов для населения; устраиваются презентации и для школ.

Каждый регион выпускает свои издания, но именно системность этой работы (от планирования – до популяризации изданий), ее объем и тот уровень, на котором находится рассмотрение данного вопроса в регионе, очень эффективны.

Издательский конкурс учрежден с целью отбора произведений для публикации. Около 100 рукописей принимается в начале года и по итогам конкурсного отбора специальной комиссии 10 издается. Номинации: «Художественная проза», «Поэзия», «Публицистика», «Литература для детей и юношества», «Первая книга», «Краеведение». Автор получает 100 экземпляров, гонорар, а также поставку его книг в муниципальные библиотеки края.

Литературные музеи (Государственный музей истории литературы, искусства и культуры Алтая в Барнауле, Всероссийский мемориальный

музей В.М. Шукшина в Сростках, Филиал ГМИЛИКА – мемориальный музей Роберта Рождественского в Косихе) – это гордость края, постоянно требующая внимания со стороны власти и общества.

Что очень важно для нашей работы – это поддержка семинаров молодых литераторов. Они проводятся два раза в год, имеют межрегиональный формат. В обоих случаях руководители семинара приглашаются со всей России, в том числе из правления Союза писателей России. Семинары эти – с правом приема в Союз писателей. Это очень важно для региона, потому что только за счет последних двух семинаров мы смогли пополнить Союз на 7 человек.

Разумеется, наряду с очевидными достижениями есть и проблемы в данной сфере. Как регионального, так и общефедерального уровней.

К сожалению, в силу кризиса и вынужденной оптимизации учреждений культуры некоторые учреждения культуры изменились: более мелкие были присоединены к более крупным. В том числе существовавшее в крае в последние года учреждение – Алтайский дом литераторов – объединено с краевой универсальной научной библиотекой. Однако в результате нам удалось создать отдел литературно-издательских проектов. Экономический эффект несомненен, но понимание и поддержку данного решения нам еще предстоит заслужить.

Общеизвестно, что во главе и Года литературы, и издательских процессов стоит не Минкультуры России. Библиотеки относятся к Минкультуры, а издательские процессы – к Минсвязи. А литература как вид искусства вообще к Минкультуры РФ как будто бы и не относится. Такого раздела, как финансирование литературных мероприятий, а уж тем более издательской деятельности – нет. Поэтому регион, с учетом его профилизации, постоянно стоит перед дилеммой: как адаптировать литературный проект? В итоге он перерабатывается как проект в области народного творчества, либо музейный. Более того, в ведомственном перечне услуг ничего из этой сферы нет, и издание книг и журналов вскоре также будет поставлено под вопрос.

Существует множество мелких вопросов, к обсуждению которых мы еще не раз будем возвращаться.

Левочкин В. В.
(Республика Саха (Якутия), Якутск)

ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ КИНОИНДУСТРИИ НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)

Актуальность вопроса развития регионального сектора национальной киноиндустрии подтверждается проведением в Якутске круглого стола «Кино – средство сохранения национального кода и развития культурной самоидентичности» в рамках Якутского Международного кинофестиваля, организуемого с 2013 года при поддержке Министерства культуры Российской Федерации и Союза кинематографистов России. То, что кино должно и обязано стать действенным инструментом, способным активизировать национальный код россиян, является сегодня одной из самых обсуждаемых тем. Не случайно объявлена инициатива Министерства культуры Российской Федерации об объявлении 2016 года Годом российского кино. «Социокультурная детерминация, осуществляемая кино, оказывает мощное воздействие на миллионы людей. Развиваясь в русле общегосударственной культурной политики, российский кинематограф все более целенаправленно следует ее главным приоритетам, транслирует их в общественное сознание», – говорится в пояснительной записке к проекту соответствующего указа[1].

В Якутии кинопроизводство началось в 1990 году с создания киностудии «Северфильм», в 1992 году реорганизованной в Государственную национальную кинокомпанию «Сахафильм». С первых самостоятельных шагов кинематограф делает попытки формирования собственного неповторимого почерка, отражающего культуру и мировоззрение народов Якутии. Самобытные режиссеры, «работая в разных направлениях и жанрах, одинаково стремятся нащупать тот нерв, который бы стал основой для формирования национального якутского кино, и каждый из них вносит в это общее дело свою лепту. Естественно, что в попытках найти свой путь якутское кино обратилось к народному эпосу – олонхо»[2].

Национальный кинематограф как составная часть духовной культуры народа саха – результат развития и взаимодействия ряда существенных социальных и общественных факторов. Наряду с многовековой традицией художественного слова, а также современным уровнем развития театрального, изобразительного, музыкального искусств, формирование национального кино в Якутии в первой трети XX века связывалось с такими социальными явлениями, как установление навыков и устойчивых

[1] http://regulation.gov.ru/projects#npa=38281(дата обращения: 20.08.2015).
[2] Красильникова Г. Кино в культуре Якутии // Илин. 2009. № 1(66). С. 54.

форм городской жизни, широкомасштабное развитие промышленности, целенаправленное освоение профессионального образования и повышения мастерства специалистов[1].

Кроме Сахафильма на сегодняшний день в Якутии существует несколько компаний с профессиональными кинорежиссерами и операторами, занимающихся созданием и прокатом фильмов. Например, «Detsat», «Алмазфильм», «Ургэл-В», «Арктик Синема», «Кэскил», «Арт-лайн», «Алгыс-фильм», «Стайс-студия», «D&A», «Туйма-фильм» и другие, работы которых имеют несомненный коммерческий успех и фестивальную биографию.

Благодаря их активности в настоящее время Якутия является единственным регионом России, активно и результативно занятым в сфере кинематографии. За один только 2010 год на экраны кинотеатров Якутска вышло 18 картин местных кинорежиссеров. Ежегодно кинокомпании региона стабильно производят более 10 полнометражных картин, некоторые из которых имеют коммерческую прибыль и конкурируют в республиканском прокате с голливудскими. Возрастает доля фильмов, создаваемых практически без государственной поддержки, ориентированных на повышенный зрительский интерес. В городах и селах республики стало очевидным желание зрителей посещать кинотеатры и киноклубы.

Средний и крупный бизнес проявляют интерес к кинопроизводству, реконструкции действующих и строительству новых кинотеатров. В 2009 году в Якутске введен в эксплуатацию современный трехзальный кинотеатр «Cinema-Center», стабильно работают старейшие кинотеатры «Центральный» с двумя залами и кинотеатр «Лена». Общая вместимость кинотеатров Якутска составляет 1172 места при населении города более 300 тыс. человек. До перестройки население города не превышало 220 тыс. человек, но тем не менее кинотеатров было больше: «Центральный», «Лена», «Айхал», «Мир», «Космос» с общим числом зрительских мест порядка 1515.

Согласно градостроительным нормам, для кинотеатров норматив посадочных мест на 1000 жителей составляет порядка 10 единиц (в населенных пунктах с численностью населения от 250 до 500 тысяч человек). Подсчеты дефицита посадочных мест в Якутске составляют более 1500 мест, то есть необходимо увеличение количества залов более чем в 2 раза. Практически все уик-энды в кинотеатрах проходят при полном аншлаге, на премьерные показы билеты покупаются как минимум за неделю. Особую популярность кинематографу в столице республики придает ее статус образовательного центра: один только студенческий городок Северо-Восточного Федерального университета им.М.К. Аммосова насчитывает около 15 тыс. студентов.

[1] Сивцев С.Н. Становление кинематографа в культуре Якутии. Дис. и автореф. ВАК 17.00.09, М., 2005. С. 9.

Кинотеатры работают также в других районных центрах республики: Мирный, Ленск, Нерюнгри, Алдан, Нюрба, Вилюйск. За последние года открылись новые коммерческие кинозалы в Сангаре, Чурапче, Айхале, Покровске, Тикси, которые демонстрируют как голливудские кинокартины, так и фильмы местного производства при стабильной зрительской нагрузке.

Талантливые любители успешно осваивают новые способы создания образов. В районах республики появилось много энтузиастов, занимающихся съемкой видеофильмов, иногда на базе местных народных театральных коллективов. Художественная ценность этой продукции во многом оставляет желать лучшего, но сам факт того, что люди за свои собственные средства приобретают аппаратуру, занимаются созидательным трудом, организуют местному сообществу творческий досуг, заслуживает внимания и поддержки со стороны государства. В некоторых районах кино снимают целыми селами. В основном это киноновеллы по мотивам местного фольклора, часто в жанре ужасов. После съемочного процесса и монтажного периода во внерабочее время по селу отправляют диск с «новым шедевром», который затем страстно обсуждают и порой нещадно критикуют: кто играл хорошо, кто плохо, какие «ляпы» были допущены и т. д.

«Игровые картины снимают в разных точках российской Азии. Но кинематограф на этой территории развивается неравномерно. Якутия переживает подлинный бум кинопроизводства, за год здесь делается от двух до трех десятков полнометражных картин. В других национальных республиках вспышки режиссерской активности случаются спорадически. В Туве торжествуют кустарные «фильмы действия». В Республике Алтай создавались пока лишь короткометражные картины», – отмечает российский кинокритик, член Международной федерации критиков FIPRESCI С.Н. Анашкин[1].

«Основными помехами в становлении национальных экранных традиций оказываются демографические факторы – немногочисленность этноса или его распыленность по нескольким административным образованиям, – считает С.Н. Анашкин. – На одной территории могут существовать несходные типы кино – локальный и этнический кинематограф. К первому типу относятся «провинциальные примитивы», кустарные адаптации московских или голливудских образцов с внесением местных примет и реалий. Авторы этих картин втихомолку надеются на триумф федеральных масштабов. Режиссеры этнического кино ставят перед собой иные задачи – пробуют выявить ценности определенного народа, показать на экране его modus vivendi и психотип. Такое кино – вольно или невольно – отражает динамику этнического самосознания, процессы поиска идентичности, стремление определить границы собственной самобытности».

[1] Анашкин С. Азиатское кино? Душанбе-2012 // Искусство кино. 2013. № 6. С. 92. URL: http://kinoart.ru/archive/2013/6-iyun/aziatskoe-kino-dushanbe-2012 (дата обращения: 03.11.2013).

Якутский кинематограф – редкий пример этнического кино, образующего жизнеспособный поток, параллельный мейнстриму и общенациональной традиции. Якутское кино опиралось на опыт национального театра, на отточенное мастерство актеров, получивших образование в Москве, но сумевших не растерять этническую самобытность. Распространение цифровой техники поколебало границы между профессиональным, полупрофессиональным и любительским кино. Появились независимые кинематографисты, возникло множество самостоятельных студий не только в Якутске, но и в улусах (сельских районах республики). Окупаются, прежде всего, фильмы массовых жанров – недорогие комедии и мелодрамы, не слишком затратный экшн, страшилки с малым бюджетом про местную, языческую нечисть, дешевые мюзиклы с участием звезд национальной эстрады. Находится ниша и для тех постановщиков, которые рискуют снимать авторское кино.

Региональным «тяжеловесом» могбыстатьбурятскийкинематограф,но развитие его тормозит дискретность (разобщенность, территориальный разброс) адресной аудитории. Буряты живут не только в Республике Бурятия, но и в Иркутской области и Забайкальском крае. В Бурятии наибольшее развитие получило «региональное кино» – русскоязычные комедии и авантюрные фильмы. Полнометражные картины на родном языке и на основе эндемичных сюжетов здесь пока еще редкость…

Пример якутского кинематографа позволяет обозначить три фактора, определяющие жизнеспособность этнического кино. Это содействие (или хотя бы доброжелательный нейтралитет) региональных властей. Это наличие собственных творческих кадров, не копиистов и не халтурщиков – оригинально мыслящих авторов. Это – самое главное – энтузиазм зрителя, который желает смотреть национальные фильмы, узнавать привычные лица, слушать родную речь, погружаться в истории, порожденные знакомыми реалиями – «духами места»[1].

Работы якутских кинорежиссеров получают высокую оценку на международных фестивалях. Художественный короткометражный фильм режиссера Прокопия Бурцева «Тот, кого никогда не знал» принял участие в Международных кинофестивалях Франции, США, Пуэрто-Рико и Таиланда. Фильм «Тыын» Сергея Потапова принял участие в Московском Международном кинофестивале. «Покидая благоухающую гавань» Сюзанны Ооржак дебютировал на Каннском фестивале и получил приз за выдающееся художественное достижение на VI Международном благотворительном кинофестивале в Монако. Фильм Андрея Борисова «Тайна Чингисхана», созданный по роману якутского писателя Николая Лугинова, с успехом прошел на кинофестивале в Монреале. Никита Аржаков был признан жюри 7-го Благотворительного фестиваля в Монако лучшим режиссером за фильм «Снайпер саха». В рамках международного кинофестиваля «imagineNATIVE», посвященного проблемам коренных народов, в Торонто прошли показы фильмов «Покуда дует ветер»

[1] Там же. С. 93.

Сергея Потапова и «Путь к солнцу» Марины Калининой. Фильм Никиты Аржакова «Аанчык» завоевал приз симпатий жюри на Международном кинофестивале «Nuits Polaires 2011» («Полярные ночи 2011»). Фильм Николая Попова «Чтобы бегать за солнцем» принял участие в Ханты-Мансийском международном кинофестивале «Дух огня». Фильм Вячеслава Семенова «Мотылек» демонстрировался в основном показе кинофестиваля «Окно в Европу» в Выборге и получил специальный приз. Фильм Сергея Потапова «Подснежники» показывался в подпрограмме XXXV Московского международного кинофестиваля.

Кинокритик С.Н. Анашкин объясняет фестивальную притягательность якутского кино следующим образом: «И дело не только в разрезе глаз. Не только в многочисленных реминисценциях из японских, корейских, китайских лент, рассыпанных по якутским картинам. Заимствование происходит по принципу сродства. Если посмотришь подряд, без разбивки на категории хотя бы с десяток авторских и коммерческих лент, сделанных местными режиссерами разных творческих генераций, начнет проступать неочевидное прежде родство. И осознаешь вдруг: базовым жанром якутского кинематографа является вовсе не чинная драма (как в традиции Запада), а сентиментальная мелодрама (как на Востоке). Известно, что именно мелодрама – формообразующий элемент, хребет азиатского кинематографа. На всем пространстве Индии – до Кореи. Разумное объяснение особой роли азиатской мелодрамы дал в свое время Мирон Черненко. Вывод был сделан на материале монгольских фильмов шестидесятых-семидесятых годов: «<Мелодрама более прочих жанров> соответствовала навыкам и законам национального восприятия, с его склонностью к структурированию сюжета и характеров, к вычленению из простенькой фабулы готовых нравственных и дидактических блоков, легко воспринимаемых и осознаваемых». Мелодраматический каркас различим и в военных картинах, в фильмах про рэперов, в маньеристских межжанровых коллажах и даже в неигровом кино. Самые смелые режиссеры деконструируют эту парадигму, но не отвергают ее»[1].

Одним из главных индикаторов «самобытности» остается также язык. В якутском кино предпочитают изъясняться по-якутски, но в последнее время наметилась тенденция использования субтитров. Зрителей привлекает родная речь – и уроженцев улусов, и жителей Якутска. Прокат единственной русскоязычной комедии местного производства «Дневник начинающего предпринимателя» завершился финансовым фиаско. Адресная аудитория (включающая этнических саха, горожан, подзабывших уже наречие предков) не удостоила вниманием эту картину, предпочтя ей общероссийские хиты или спектакли национального драмтеатра.

Таким образом, развитие кинематографа Якутии последних лет впечатляет своими достижениями – молодое кино Якутии стабильно

[1] Анашкин С. Чорон, осохай и каверзы абаасы // Сеанс. 2011. № 49-50. URL: http://seance.ru/blog/yakutkino (дата обращения: 03.11.2013).

радует зрителей новыми разножанровыми кинокартинами, фильмы принимают участие в международных фестивалях и получают награды. Опираясь на опыт мирового кинематографа можно отметить, что в республике имеются все предпосылки для создания эффективной отрасли, способной производить самобытные, высокохудожественные фильмы, которые будут по достоинству оценены мировым сообществом. Однако стремительное развитие национального кинематографа в настоящее время ставит задачи выявления и поддержки талантливых кинематографистов, повышения профессионального уровня и популяризации якутского кино за пределами Республики Саха (Якутия), поскольку Якутия кинематографическая остается «terra incognita» для широкого зрителя и мировой кинообщественности.

Кроме того, на сегодняшний день отсутствуют условия, необходимые для качественного конвейерного кинопроизводства, так как в первую очередь отсутствует кинопавильон, оснащенный кинооборудованием, соответствующим современным стандартам. Кинооборудование, имеющееся в Государственной национальной кинокомпании «Сахафильм» и используемое частными кинокомпаниями в качестве производственной базы на условиях государственно-частного партнерства, требует технологического совершенствования. Государственное национальное хранилище кинодокументов о Республике Саха (Якутия) размещено во временном помещении, условия которого не соответствуют требованиям и стандартам хранения киновидеодокументов.

Остро стоит проблема подготовки и эффективного вовлечения специалистов киноотрасли. На рынке кинопроизводства Якутии ощущается дефицит специалистов по следующим направлениям: режиссер, продюсер кино, кинодраматург (сценарист), художник–постановщик, художник-аниматор, художник по компьютерной графике, менеджер производства аудиовизуальной продукции, менеджер реализации аудиовизуальной продукции, менеджер на предприятиях киновидеопроката и показа и многих других.

В системе программных мероприятий Государственной программы Республики Саха (Якутия) «Создание условий для духовно-культурного развития народов Якутии на 2012-2016 годы» предусмотрена Подпрограмма № 4 «Развитие киноискусства», общий объем финансирования которой должен составить 229 822,6 тыс. руб. Большая часть средств (201 063,3 тыс. руб.) направляется на осуществление деятельности Государственной национальной компании «Сахафильм» (133 616 тыс. руб.) и Государственного национального хранилища кинодокументов о Республике Саха (Якутия) (67 447,3 тыс. руб.). Основными мероприятиями задачи по развитию и укреплению национального кинопроизводства являются создание игровых фильмов (авторское, дебютное, любительское, конкурсное (продюсерское) кино (10 458,7 тыс. руб.)), создание документальных фильмов (научно-популярное, образовательное, просветительское кино (4 564 тыс. руб.)) и создание анимационных фильмов, в том числе фильмов для детей (4 672 тыс. руб.).

За счет регионального бюджета также поддерживается фестивальное движение в области киноискусства (4 864,6 тыс. руб.) в части проведения кинофестивалей в Республике Саха (Якутия) (1 263,9 тыс. руб.), участия во всероссийских и международных кинофестивалях (2 195,9 тыс. руб.), проведения Дней якутского кино в регионах России (1 404,8 тыс. руб.). Кроме того, в 2013 году по линии Министерства культуры Российской Федерации из федерального бюджета было профинансировано 1 000 тыс. руб. на проведение I Якутского Международного кинофестиваля. В отдельную задачу региональной программы выделены мероприятия по поиску и приобретению киновидеоматериалов аудиовизуального наследия народов Республики Саха (Якутия) в архивах, хранилищах, библиотеках, музеях России и за рубежом (4 200 тыс. руб.).

Разумеется, данные объемы финансирования могут лишь в некоторой мере обеспечить функционирование отрасли, направленное на поступательное развитие. Так, объем государственного финансирования кинематографии Российской Федерации в 2013 году составил 6 612 200 тыс. руб.[1] Для сравнения по Якутии этот показатель равняется 45 687,1 тыс. руб. При этом средний производственный бюджет игрового фильма в России с 2006 года составляет порядка 72 млн. руб. Большинство российских фильмов (233 наименования или 68 %), выпущенных с 2006 по 2009 годы, имели производственный бюджет от 25 до 80 млн. руб. И только 12 фильмов имели бюджет свыше 200 млн. руб. А средний производственный бюджет полнометражного анимационного фильма в России составляет 84 млн. руб.[2]

Но при этом по сравнению с другими национальными субъектами Российской Федерации объемы финансирования киноотрасли в Якутии остаются достаточно устойчивыми. Так, например, в Бурятии кинематография не финансируется из регионального бюджета вообще, а в Татарстане объем финансирования кинематографа за 2012 год составил 35 100 тыс. руб.[3] Сопоставим этот показатель за 2013 год и в Ханты-Мансийском автономном округе – 39 883,7 тыс. руб.[4] В Башкортостане он существенно ниже – 5 810 тыс. руб.[5]

---

[1] Стенограмма совещания по вопросам развития отечественной кинематографии при Президенте Российской Федерации В.В. Путине от 24 мая 2013 г. URL: http://www.kremlin.ru/news/18182 (дата обращения: 03.11.2013).

[2] Киноиндустрия Российской Федерации. Исследование «Невафильм» при участии «RFilms» («Инвест Коллегия») для Европейской аудиовизуальной обсерватории. Под ред. Ксении Леонтьевой. © Европейская аудиовизуальная обсерватория, 2009. С. 46-51.

[3] Отчет об итогах деятельности Министерства культуры Республики Татарстан в 2012 году и задачах на 2013 год. С. 203. URL: http://mincult.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_189085.pdf (дата обращения: 03.11.2013).

[4] Об утверждении ведомственной целевой программы Департамента культуры Ханты-Мансийского автономного округа-Югры «Обеспечение выполнения функции государственных учреждений по предоставлению государственных услуг в сфере культуры, кинематографии и образования в сфере культуры на 2013-2015 годы и на период до 2020 года». С. 18. URL: http://www.depcultura.admhmao.ru/wps/wcm/connect/5060182d-8a91-4b18-b7e0-707130daee82/hppscan965.pdf?MOD= (дата обращения: 03.11.2013).

[5] Отчет о результатах социально-экономического развития Министерства культуры

В свете исследованных нами процессов можно говорить о наличии необходимых условий для дальнейшего развития в Республике Саха (Якутия) киноиндустрии, ее оснащения высококвалифицированными специалистами, современными аудиовизуальными технологиями, комплексной материально-технической базой, отвечающей профессиональным требованиям и мировым стандартам. Одним из действенных механизмов реализации мероприятий по развитию кинематографии Якутии можно считать принятый 9 августа 2013 года Указ Президента Республики Саха (Якутия) Е.А. Борисова «О развитии киноиндустрии Республики Саха (Якутия)».

В первой части Указа Правительству Республики Саха (Якутия) поручено утвердить до 1 октября 2013 года Концепцию развития киноиндустрии Республики Саха (Якутия) до 2020 года. Во второй части Указа говорится о проведении до 1 апреля 2014 года республиканского конкурса сценариев игровых и анимационных полнометражных фильмов, посвященных формированию консолидирующей идеи на основе истории народов Якутии, с последующим представлением победителей на участие в федеральном конкурсе по предоставлению средств Федерального фонда социальной и экономической поддержки отечественной кинематографии на производство и прокат игровых и анимационных полнометражных фильмов, а также о выпуске серии научно-популярных документальных фильмов по истории Якутии, посвященной 100-летию образования Якутской АССР в 2020 году.

Указ Президента о развитии киноиндустрии в регионе не только фиксирует в сознании определенный наработанный этап, но и задает огромный объем работы, направленной на консолидацию творческих и производственных усилий вокруг формирования сильного национального кинематографа, способного ставить перед собой идеологические задачи.

В настоящей момент назрела необходимость укрепления материальной базы Государственной национальной компании «Сахафильм» как основной кинопроизводящей компании в Республике Саха (Якутия) и одного из основных игроков кинопроизводства Российской Федерации. Необходимо строительство киносъемочного павильона Государственной национальной кинокомпании «Сахафильм», оснащенного современным кинопроизводственным оборудованием. Государственная национальная кинокомпания должна стать современным киносъемочным комплексом, представляющим весь спектр услуг как съемочного, так и монтажно-тонировочного процесса, в том числе цифрового мастеринга и тиражирования, аренды съемочной и осветительной техники для производителей из разных регионов России.

Необходимо продолжить работу по совершенствованию правовых основ, регулирующих отношения в области национальной киноиндустрии, а также организации государственного учета, государственного хранения,

Республики Башкортостан в 2012 году. С. 8. URL: http://www.minkult-rb.ru/upload/doc/otchet_result_social--ecomomich.pdf (дата обращения: 03.11.2013).

использования и управления аудиовизуальным наследием Республики Саха (Якутия), которые послужат основой политики и практической деятельности законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти Республики Саха (Якутия) и органов местного самоуправления муниципальных образований Республики Саха (Якутия), взаимодействия между учреждениями и предприятиями.

Игнатьева С.С.
Харлампьева Н.К.
(Республика Саха (Якутия), Якутск)

РОЛЬ И МЕСТО ЖУРНАЛА «КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО АРКТИКИ/ARCTIC ART&-CULTURE» В СТРАТЕГИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ АРКТИКИ

Включенность Арктики в процесс принятия решений и реализации принципов Устойчивого развития была теоретически обоснована О. Янгом (O. Young). Определение, данное автором («Устойчивое развитие – это условие, выполнение которого способствует росту человеческого благосостояния без ущерба биофизической и культурной системе»[1]) показало необходимость выбора трех направлений для установления критериев Устойчивого развития Арктики: экологическое, социальное и культурное.

Эти направления стали главными в начале XXI века в Арктике – в «регионе, населенном разнообразными экономическими системами и обществами»[2], – при разработке концепций Устойчивого развития Арктики в целом и российской Арктики в частности[3].

Разработка Концепции Устойчивого развития в международной межправительственной организации «Арктический Совет», объединяющей восемь арктических государств – Исландию, Данию, Канаду, Норвегию, США, Россию, Швецию и Финляндию, – началась в 1998 года с заседания Арктического совета в Икалуите (Канада), когда была принята Программа

[1] Young O.R. Creating an Arctic Sustainable Development Strategy. Stefansson Memorial Lectures, December 8, 1998.

[2] Нуукская Декларация по случаю Седьмой Министерской Сессии Арктического Совета, 12 мая 2011 г., Нуук, Гренландия.

[3] Додин Д.А. Устойчивое развитие Арктики (проблемы и перспективы). СПб, 2005.

устойчивого развития Арктики и создана Рабочая группа по устойчивому развитии (РГУР). В 2000 г. в Барроу (США) был одобрен Рамочный документ по устойчивому развитию. После Всемирного Саммита по устойчивому развитию в Йоханнесбурге 2002 г. на заседании сессии Арктического Совета в Инари (Финляндия) 9-10 октября 2002 г. было принято решение о разработке Плана действий по устойчивому развитию Арктики (ПДУР). В апреле 2003 г. Старшие должностные лица (СДЛ) Арктического Совета на своем заседании в Рейкьявике (Исландия) поручили Рабочей группе по устойчивому развитию (РГУР) выработать План действий под руководством Российской Федерации. В октябре 2003 г. в Рейкьявике (Исландии) была одобрена Концепция Плана действий по устойчивому развитию (ПДУР), представленная Российской Федерацией. План действий по Устойчивому развитию еще не принят Арктическим Советом, и работа продолжается в рамках Программы Устойчивого развития Арктики. Одним из критериев принимаемых проектов в Арктическом Совете является *поддержка культур народов, проживающих в Арктике*[1].

Научно-обоснованная концепция *поддержки культуры народов, проживающих в Арктике* может быть представлена с помощью нового научно-популярного журнала «Культура и искусство Арктики» – проекта автономной некоммерческой организации Международный Центр культуры и искусства Арктики (МАЦКИ), созданной при образовательной и научно-исследовательской государственной бюджетной организации Арктический государственный институт культуры и искусств (АГИКИ)[2].

Международный Арктический центр культуры и искусств создан в 2014 году – в год проведения в Российской Федерации Года культуры, согласно Указу Президента Российской Федерации от 22 апреля 2013 г. № 375 «О проведении в Российской Федерации Года культуры», а также в развитие подпункта «н» пункта 1 Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики», в обеспечение Указа Президента Республики Саха (Якутия) от 25 декабря 2013 г. № 2415 «Об объявлении 2014 года в Республике Саха (Якутия) Годом Арктики» и в рамках председательства России в Северном форуме.

Создание Центра соответствует основным положениям Всеобщей декларации ЮНЕСКО о культурном разнообразии (2001), которая подчеркивает, что защита культурного разнообразия «является этическим императивом, она неотделима от уважения достоинства человеческой личности. Она подразумевает обязательство уважать права человека и основные свободы, особенно права лиц, принадлежащих к меньшинствам, и права коренных народов»[3].

---

[1] Программа Устойчивого развития Арктики URL: http://www.arctic-council.org/index.php/ru/about-us/working-groups/sustainable-development-working-group-sdwg (дата обращения 29.08.2015).

[2] Официальные документы. URL: http://agiki.ru/agiki.aspx?id_articles=383 (дата обращения 29.08.2015).

[3] Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии. Париж, 2001.

Первый номер журнала выходит по инициативе главы Республики Саха (Якутия) Е. А. Борисова при финансовой поддержке Министерства культуры и духовного развития Республики Саха (Якутия).

Структура журнала состоит из двух взаимосвязанных блоков – традиционной академической составляющей с научными теоретическими и критическими статьями, обзорами, комментариями и рецензиями, а также практически значимыми публицистическими разделами, показывающими доказательную базу актуальных вопросов развития социокультурного пространства в Арктике в виде аналитических зарисовок, репортажей и информационных материалов. Электронный формат журнала предоставляет возможность публикации не только традиционного статического материала (текстов и изображений), но и мультимедийного контента – видео, аудио и анимации. Современная Арктика будет представлена достижениями в культуре, искусстве, архитектуре и дизайне. Лучшие произведения традиционной культуры, сохранившиеся в хранилищах знаменитых музеев, библиотек и в личных архивах, интервью с интересными людьми помогут читателям понять истоки современной жизни в Арктике.

В первом номере журнала представлены извлечения из нормативно-правовых документов о международном сотрудничестве в сфере культуры и образования. Для обсуждения предлагается Декларация прав культуры (окончательный вариант проекта), Итоговый документ пленарного заседания высокого уровня Генеральной Ассамблеи под названием «Всемирная конференция по коренным народам», принятый Генеральной Ассамблеей 22 сентября 2014 года, извлечение из Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года февраля 2013, утвержденной Президентом Российской Федерации.

Концептуальное видение обустройства социокультурного пространства Арктики с Международным Центром в Республике Саха (Якутия) представлено в статье Габышевой Ф.В., Тихонова В.И., Игнатьевой С.С. «Международный Арктический центр культуры и искусства».

В номере включены работы Чонка И., Швейцер П. (Дания/США) «Общества и культуры: изменения и устойчивость», Гутторм Г. (Норвегия) «Смена парадигмы с точки зрения duodji в 21 веке: высшее образование в duodji», Хилтунен М., Земцовой И.В. (Финляндия/Россия) «Северные территории: финно-угорские следы в местах традиционной культуры», собраны мнение жителей Чукотки и Сахалина о пространстве культуры и искусства Арктики, жителей Якутии о будущем арктической культуры.

Философское осмысление цивилизационных ценностей дается Замятиным Д.Н. в статье «Метагеография культуры: российская цивилизация и северо-евразийский вектор развития», Винокуровой У.А. «Российская научная школа арктической циркумполярной цивилизации».

Учет особенностей климата в архитектуре Арктики показан в статье Габышевой Ф.В. «Новая архитектура арктического образования».

Основы прикладного изобразительного искусства представлены в статьях Йокела Т. (Финляндия) «Прикладное изобразительное искусство Севера и Арктики», Ивановой-Унаровой З.А. «Николай Курилов – певец юкагирской земли», музыкального фольклора – в статье Добжанской О.Э. «Оппозиция музыкальных стилей обрядового и необрядового фольклора нгнасан как отражение представлений об организации пространства». Информацию о лучших произведениях, сохраненных в музеях, можно найти в работах Скатовой И.А. «Творчество Б.Н. Молчанова в коллекции Таймырского краеведческого музея», Романовой И.И. «Косторезное искусство Чукотки». С научным наследием северянина и североведа Таксами Чунера Михайловича знакомит Будай Л.П., с первыми книгами коренных народов Арктики – Жабко Ш.С.

Научно-обоснованные культурные ценности подтверждаются материалами о Международном арктическом фестивале «Притяжение Таймыра», премьерой фильма в Центре СМИ коренных народов (Канада), началом творческого пути Екатерины Корякиной – лауреата второй премии Международного конкурса вокалистов имени М.И. Глинки, письмами студентов международной образовательной Программы «Север-Северу» о работе мастера из Коми Махова О.П., о начинающем дизайнере теплой одежды для климата Арктики из Финляндии Н. Невиа и др.

Творческий коллектив подготовки издания состоит из специалистов Москвы (Осадчая Е.В., Минаева Т.М.), Санкт-Петербурга (Харлампьева Н.К., Кузнецова А.Е., Касьянов С.Д.), Якутска (Габышева Ф.В., Пестрякова Т.И., Божедонова А.Н., Погодаев М.А., Шадрин В.И., Николаева А.А., Никифорова В.С., Максимова С.В., Саввина С.Р., Басыгысова Л.Г., Рахлеева О.А., Черкашин В.В., Павлова Т.К.). Перевод текстов произведен Ассоциацией профессиональных переводчиков «Бюро переводов Санкт-Петербург».

Международный состав ученых и специалистов, представивших материал, удалось собрать благодаря большой заинтересованности представителей многих государственных ведомств и учреждений, налаженных связей Арктического государственного института культуры и искусства с зарубежными партнерами, ведущими институтами и университетами Российской Федерации, региональными и республиканскими муниципалитетами.

Таким образом, подготовка к изданию научно-публицистического журнала «Культура и искусство Арктики/Arctic Art&Culture» на русском и английском языках с электронной версией и мультимедийным сопровождением позволила показать не только научно-технологический потенциал проекта, но и создать атмосферу международного взаимопонимания специалистов в деле сохранения *культуры народов, проживающих в Арктике* – основного критерия Устойчивого развития в благополучной Арктике.

Окольникова С.А.
(Республика Хакасия)

РЕГИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА В ГОД ЛИТЕРАТУРЫ: СТРАТЕГИИ И ПРАКТИКИ

Основные направления социокультурного развития территории Хакасии составляют целевое ядро, основу для стратегии региональной культурной политики и организационно-управленческой деятельности Министерства культуры Республики Хакасии. Реализация положений «Основ государственной культурной политики»[1] началась в этом году в контексте объявленного Года литературы в Российской Федерации[2] и выразилась в укреплении влияния культуры на все области социальной жизни, на организацию культурной среды, в которой литература была представлена интересными событиями, появлением новых изданий и книг, а также расширением мер поддержки писателей и поэтов, осуществляемых Правительством Хакасии.

Очень трудно переоценить роль литературы в обществе, поскольку в любые времена литература, помимо конкретных задач, эстетических и информационных, всегда была отражением общественной жизни и являлась одним из двигателей культурологического процесса.

Возрождение интереса общества к чтению, воспитание художественного вкуса и любви к родному языку, особенно среди молодежи, определены как главные задачи Года литературы, объявленного в Российской Федерации. Безусловно, каждый регион в данном направлении предлагает свои программы и выбирает приоритеты. В Республике Хакасия таким приоритетом мы считаем развитие и продвижение национальной литературы, а также расширение читательской аудитории и активное вовлечение жителей села, в том числе отдаленных и малых сел, в культурную жизнь республики. Поэтому совершенно не случайно Год литературы в Хакасии открылся с презентации приобретенного при поддержке Министерства культуры России специализированного библиомобиля. Это первый в Хакасии и юге Красноярского края современный мобильный комплекс информационно-библиотечного обслуживания (КИБО). Он оснащен компьютерным, сервисным и мультимедийным оборудованием; необходимой стационарной и переносной мебелью. Фонд КИБО (2370 экз. книг и электронных изданий) позволяют удовлетворить

[1] Указ Президента Российской Федерации об утверждении основ государственной культурной политики № 808, от 24 декабря 2014 года Электронный ресурс: http://docs.cntd.ru/.

[2] Указ Президента РФ от 12.06.2014 № 426 «О проведении в Российской Федерации Года литературы» / [Официальный интернет-портал правовой информации]. Электронный ресурс: http://pravo.gov.ru:8080/page.aspx?105500 (дата обращения 25.08.2015).

потребности различных категорий граждан, в т. ч. детей и молодежи. Кроме того, КИБО обеспечивает доступ к сети Интернет. Библиомобиль имеет гидроборт, обеспечивающий его доступность для людей с ограниченными физическими возможностями, позволяющий быстро и легко организовать около автомобиля импровизированную площадку для читального зала или проведения различных мероприятий, а также генератор, позволяющий КИБО работать автономно.

В течение года Национальная библиотека, которой присвоено имя выдающегося хакасского писателя Николая Георгиевича Доможакова, осуществляет плановые выезды КИБО в населенные пункты Хакасии, а наиболее ярким и значимым можно назвать библиофестиваль, охвативший все города и районы республики и посвященный 70-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне.

Республиканские библиотеки работают в тесном взаимодействии с региональной писательской организацией и автономным учреждением «Дом литераторов», созданным в 2009 году постановлением Правительства Республики Хакасия в целях формирования, развития и поддержки литературного процесса в Республике Хакасия, пропаганды художественных произведений местных авторов и оказания всесторонней помощи писателям и молодым литераторам.

Это небольшое учреждение ведет не только издательскую деятельность; здесь стоит отметить, что решение о поддержке и публикации тех или иных литературных произведений местных авторов принимается экспертным советом, созданным при Министерстве культуры. Дом литераторов осуществляет серьезную просветительскую и воспитательную деятельность, привлекая колоссальный интеллектуальный и творческий потенциал писателей Хакасии. За несколько лет сформирована эффективная система поиска, выявления и поддержки литературно одаренных детей и юношества.

Ежегодно Дом литераторов Хакасии проводит конкурс «Молодые авторы Хакасии», основная цель которого – найти и представить культурному сообществу, издателям, широкому кругу читателей наиболее яркие, увлекательные, этически и эстетически значимые художественные произведения, созданные молодыми авторами. Лучшие произведения победителей конкурса (стихи, рассказы, небольшие повести), публикуются в сборнике «Молодые авторы Хакасии».

В перечень мероприятий государственной программы Республики Хакасия «Культура Республики Хакасия» включено проведение Республиканского летнего литературного лагеря. Уже два года этот проект реализуется на базе литературного музея имени Михаила Еремеевича Кильчичакова в аале Верхняя Тея, на родине поэта и драматурга. Для пишущей молодежи проводятся мастер-классы, творческие беседы и обсуждения, молодые авторы представляют свои работы, а известные в республике прозаики, поэты, драматурги делятся своим опытом. Непосредственное, живое общение с мастерами, творческая атмосфера и удивительная вдохновляющая красота этого отдаленного уголка в

заповедной Тейской тайге дает сильнейший импульс к дальнейшей творческой деятельности и развитию молодых талантов.

Особенным стимулом и серьезной поддержкой для молодых литераторов является ежегодное предоставление двух именных стипендий Главы Республики Хакасия – Председателя Правительства Республики Хакасия. Стипендиатам выплачивается по 2000 рублей в месяц в течение года.

В 2014 году Правительством Республики Хакасия учреждены две ежегодные литературные премии Главы Республики Хакасия, присуждаемые на конкурсной основе за создание поэтических, прозаических и публицистических произведений. Соискателями премии могут стать как члены Союза писателей Хакасии, так и члены творческих и общественных организаций, литературных объединений, авторы, проживающие в Республике Хакасия. Премия имени Моисея Баинова присуждается за создание поэтического произведения, а премией имени Николая Доможакова награждается писатель-прозаик. Размер каждой премии составляет 100 тысяч рублей.

Ведя речь о литературе, и в том числе о национальной литературе Хакасии, невозможно не затронуть вопрос сохранения языка. И если в отношении русского языка все чаще обсуждается вопрос о сохранении чистоты, богатства языка и культуры речи, то в отношении языков малочисленных народов, к сожалению, все чаще мы говорим об утрате языков как таковых.

Существует такая проблема и в отношении хакасского языка. И решение столь сложного и важного вопроса мы видим в комплексном подходе, сохранении, развитии и популяризации хакасской культуры во всех ее проявлениях, будь то национальные праздники с традиционными обрядами и угощениями, концертные программы и театральные постановки на хакасском языке или создание авторской коллекции костюмов в этническом стиле.

Особенную роль в сохранении языка играет, безусловно, литература.

В Год литературы Хакасский республиканский национальный музей-заповедник впервые организовал так называемые «посиделки», на которых гости получили возможность ближе познакомиться с хакасскими сказками и героическим эпосом. Артисты Хакасского национального драматического театра им. А.М. Топанова не просто озвучили и оживили героический эпос, но и объяснили значение всех образов, встречающихся в хакасских сказках и легендах, увлекая и детскую, и взрослую аудиторию. Такой образовательно-литературный опыт оказался очень востребованным, поэтому музейщики решили включить «литературные посиделки» в свою постоянную программу.

Литературный конкурс «Мудрость предков – детям» проводится с целью сохранения и популяризации фольклорного наследия хакасского народа, с целью привлечения внимания детей к традиционным ценностям хакасского народа, отраженным в эпосе, фольклоре, притчах, тахпахах.

2015 год для Республики Хакасия – это не только год литературы и год 70-летия Великой Победы, это еще и год 130-летия нашего выдающегося соотечественника, сказителя и хайджи, замечательного чатханиста Семена Кадышева. По инициативе Министерства культуры Республики Хакасия решением Постоянного Совета министров тюркоязычных стран (международной организации «ТЮРКСОЙ») 2015 год объявлен Годом хакасского хайджи, члена Союза писателей СССР Семена Прокопьевича Кадышева. Потомственный хайджи, он знал свыше 30 героических сказаний, десятки легенд, преданий и сказок, сам являлся исполнителем и импровизатором своих произведений, в совершенстве владел горловым пением. Сегодня его произведения хранятся в архивах Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Первые героические сказания «Албынжи» и «Богатырь на буланом коне» были опубликованы в 50-е годы XX века. Кроме искусства хайджи Семен Прокопьевич обладал поэтическим даром: с его слов записано 21 героическое сказание.

С 16 по 22 июля в столице Казахстана городе Астана состоялась Всемирная конференция по традиционной музыке, проводимая Международным советом по традиционной музыке (ICTM). Крупнейший международный форум искусства и культуры был посвящен 130-летию великого хакасского хайджи Семена Прокопьевича Кадышева и собрал свыше 800 ведущих ученых, экспертов и организаторов в сфере музыкального искусства из более чем 70 стран мира. На протяжении недели проходили тематические пленарные заседания, семинары и круглые столы, посвященные изучению национальной традиционной культуры и искусства. Представители Казахстана, России, США, Японии, Китая, Бразилии, Турции, Южной Африки, Чехии, Великобритании, Канады, Португалии и других стран обменивались опытом в области изучения национальной традиционной культуры и искусства.

Традиционное музыкальное творчество Хакасии на всемирном форуме в Казахстане представил Олег Чебодаев – музыкант, владеющий игрой на всех хакасских музыкальных инструментах, заслуженный деятель искусств Хакасии. В концертном зале Казахского национального университета искусств он исполнил эпические сказания, хранящие древнюю историю хакасского народа. Его выступления воодушевили участников форума, полторы тысячи зрителей рукоплескали яркому представителю современного поколения хакасских хайджи.

В программе всемирного научно-творческого форума был показан документальный фильм «Чоохчыл» о жизненном и творческом пути выдающегося мастера хакасской словесности Семена Кадышева, снятый киностудией «Хакасфильм». Именно презентацией фильма «Чоохчыл», созданного Марией Канадаковой и Юрием Курочкой, 3 марта был открыт Год Кадышева в Республике Хакасия в Центре культуры и народного творчества, носящем его славное имя. В праздничной программе приняли участие ведущие творческие коллективы и исполнители Хакасии, посвящая свои выступления памяти этого удивительного человека.

Постановлением Главы Республики Хакасия – Председателя Правительства Республики Хакасия «Об объявлении 2015 года в Республике Хакасия Годом Кадышева» утвержден план республиканских мероприятий.

Одним из наиболее ярких и массовых среди них можно назвать XXVI республиканский конкурс носителей и исполнителей хакасского традиционного музыкального творчества «Айтыс». В конкурсе, который состоялся 27 июня в аале Верхняя Тея, приняли участие 88 тахпахчи. Все участники были награждены дипломами и ценными подарками, а обладательница гран-при, победившая в итоговом состязании – айтысе, получила приз и денежное вознаграждение. Айтыс – это своеобразный певческий диалог, участники которого стараются превзойти друг друга в исполнении песен, это состязание интересно своим неповторимым колоритом и искусством импровизации.

Домом литераторов Хакасии издан сборник статей-воспоминаний «Семен Прокопьевич Кадышев – народный сказитель-хайджи» на хакасском и русском языках. Дочь сказителя Анна Семеновна Торина, которая является составителем сборника, собрала воспоминания известных деятелей культуры, таких как композитор Георгий Челбораков, ученые Яков Сунчугашев и Дмитрий Чанков, поэт Моисей Баинов и др. Это не только воспоминания о творчестве сказителя, но и воспоминания о времени, о жизни народа в военное и послевоенное время, впечатления слушателей сказителя. Также в сборнике представлены отрывки из героических сказаний, тахпахи и стихотворения С.П. Кадышева.

Закрытие года, посвященного Семену Кадышеву, мы планируем провести на его родине в аале Трошкин Ширинского района, где в 2011 году открыт Дом-музей хакасского сказителя – хайджи. Музей находится в доме, где он жил, в экспозиции представлены книги из личной библиотеки Кадышева, фотографии, рукописи, аудио кассеты с произведениями автора. Одним из главных экспонатов является музыкальный инструмент чатхан, на котором играл Семен Прокопьевич.

В течение года по всей республике, в домах культуры, библиотеках, образовательных учреждениях проходят памятные мероприятия, посвященные Году Кадышева. В рамках Года литературы в Хакасии проходят творческие встречи с нашими земляками, современными писателями и поэтами, литературные гостиные и конкурсы, акции и научно-практические конференции, на которых, обсуждаются различные проблемы, связанные с литературным творчеством, книгоизданием, поддержкой писателей и литераторов и многие другие.

Событийный ряд, который только обозначен нами, имел для расширения внимания к литературе и культуре, в целом, огромное значение. Множество их участников – это были не только деятели культуры и искусства, не только профессиональные поэты и писатели, но чаще всего – молодежь, люди, вовлекаемые в пространство слова и литературы в частности. Особо следует упомянуть о V Международном культурно-туристском форуме «Историко-культурное наследие как

ресурс социокультурного развития» – «Сибер Ил» (2-5 сентября 2015 г.), на котором рассматривались проблемы развития книжной культуры, прошло открытие первого модуля Республиканского музейно-культурного центра, проведена Международная конференция «Музейная гастрономика как инновационная форма развития музея» и множество других мероприятий.

Региональная культурная политика, несмотря на все сложности, социальные и природные «вызовы», нацелена на развитие человека. Не случайно основная тема форума – «Инвестиции в культурный капитал личности»[1].

Тихоненкова Т.В.
(Тульская область)

ГРАНТОВАЯ ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ КАК РЕСУРС РАЗВИТИЯ БИБЛИОТЕЧНОЙ СФЕРЫ РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ ГУК «ТУЛЬСКАЯ ОБЛАСТНАЯ УНИВЕРСАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА»)

За последние годы перед многими организациями социальной сферы в субъектах Российской Федерации остро встала проблема дополнительного финансирования отдельных направлений деятельности. Одним из его источников стали гранты, выделяемые на конкурсной основе, соответственно, большое развитие получила грантовая политика органов исполнительной власти, особенно в этой связи следует отметить активную проектную деятельность учреждений культуры вообще, и библиотек, в частности[2].

В Тульской области в обозначенный период существенным образом изменилась грантовая политика регионального правительства: изменения произошли как в количественном, так и в качественном отношениях. В настоящее время грантовую политику органов исполнительной власти, реализуемую в Тульской области, необходимо рассматривать в аспекте

[1] Сайт форума: http://культфорум.рф/.

[2] Холодцова О.И. Гранты, фонды, конкурсы: большие возможности для библиотек / О.И. Холодцова // Вестник Библиотечной Ассамблеи Евразии, 2012. № 4. С. 69-76.

системного подхода, оценивая её как важнейший ресурс стратегического социально-экономического развития региона. Грантовая политика правительства Тульской области в отношении библиотечной отрасли охватывает исследовательскую деятельность, науку, технику, поддержку творческой молодежи и др.

Пристальное внимание грантовой деятельности государственное учреждение культуры «Тульская областная универсальная научная библиотека» стала уделять с 1994 года, взяв на вооружение инновационный инструмент фандрайзенговой деятельности, – программно-целевой метод. Благодаря принятой «Программе развития и реформирования библиотечного дела Тульской области на 1995-1998 годы», Тульской областной универсальной научной библиотеке удалось не только положить начало, но и существенно продвинуться в таком направлении деятельности, как страховое микрофильмирование фондов. На следующих витках развития региональной программы сохранения и развития культуры Тульской области появилась возможность внедрить комплексно-гибридный подход в сохранение библиотечных фондов как части культурно-исторического наследия России, перейдя к активному использованию компьютерных технологий.

Современная Тульская областная универсальная научная библиотека – это не только книги. Это многообразие информационных услуг, новые сервисы и эффективные проекты, способствующие решению социально-экономических задач региона.

В «Основах государственной культурной политики» подчеркивается, что современный этап развития России требует максимального вовлечения потенциала культуры в процессы общественного прогресса. Учитывая, что Тульской областной универсальной научной библиотекой накоплен значительный опыт проектной деятельности, министерство культуры и туризма Тульской области использует богатый ресурсный потенциал библиотеки. «Главная» библиотека Тульской области есть многофункциональный институт, развивающийся и динамически меняющийся в соответствии с потребностями местного сообщества.

Благодаря грантовой поддержке губернатора Тульской области был открыт Публичный центр правовой информации, который не только предоставляет пользователям возможность работы с законодательными и нормативно-правовыми документами, но и участвует в правовом просвещении граждан и, прежде всего, молодого поколения, способствует взаимодействию населения с органами государственной власти. При Центре правовой информации действует Общественная юридическая приемная, где граждане могут бесплатно получить квалифицированную юридическую помощь. Центр регулярно проводит занятия в «Школе правовых знаний» для учащейся и студенческой молодежи.

Одним из проектов, инициированных Центром правовой информации Тульской областной универсальной научной библиотеки, стал проект «Библиотека как информационный центр жизнедеятельности местного сообщества», направленный на создание системы распространения

социальной информации, оказание консультационной помощи населению в работе с региональными и нормативно-правовыми документами и активное вовлечение граждан в процесс их формирования.

Второй проект «Мобильная правовая библиотека на пути к сельскому жителю» обеспечил внедрение новых технологий и методик взаимодействия с органами местного самоуправления и общественными организациями, способствующих повышению информированности и правовой грамотности населения, обеспечению защиты прав граждан.

Тульская областная универсальная научная библиотека также последовательно реализует проекты, направленные на решение задач информационного обеспечения научно-технической и инновационной деятельности. Этому способствует созданный в 2001 г. на базе библиотеки Патентно-лицензионный центр, в задачи которого входит информационное обеспечение патентно-лицензионной деятельности в регионе, участие в подготовке и обучении специалистов и руководителей предприятий по вопросам патентно-лицензионного сопровождения научно-технической, инновационной, инвестиционной и хозяйственной деятельности, участие в развитии отношений между единой государственной патентной системой, местными органами власти, предприятиями и организациями региона.

Создание Патентно-лицензионного центра на базе Тульской областной универсальной научной библиотеки стало новым витком развития данного направления деятельности, к которому библиотека приступила еще в конце 50-х годов XX века. Именно тогда в библиотеке стал комплектоваться фонд отечественных описаний изобретений. Сегодня Тульская областная универсальная научная библиотека единственный обладатель этого фонда в Тульской области и продолжает его пополнять, но уже на электронных носителях. Отметим, что подписка на патентную информацию осуществляется благодаря грантам правительства Тульской области[1].

С 1999 года в Тульской области вручается грант в виде премии им. С.И. Мосина (известного конструктора-оружейника, создателя знаменитой трехлинейной винтовки), в 2002 году ряд сотрудников Тульской областной библиотеки был удостоен данной премии.

Премии Тульской области в сфере науки им. К.Д. Ушинского в 2004 г. была удостоена научно-исследовательская работа Тульской областной библиотеки «Библиотеки и книжные коллекции: историко-краеведческие исследования и создание информационных баз данных», включающая комплексные исследования по истории библиотечного и книжного дела Тульского края, книжных памятников в фондах библиотек Тульской области и создание информационных баз данных открытого доступа, а также участие в различных научно-исследовательских проектах, позволяющих объединить ресурсы Тульской областной универсальной

[1] Тихоненкова Т.В. Сохранить культурно-историческое печатное наследие региона: миссия не выполнима? / Т.В. Тихоненкова // Информ. бюл. РБА. 2013. № 66. С.133-135.

научной библиотеки с информационными массивами российского и международного уровня.

Неоднократно библиотека становилась победителем грантов правительства Тульской области в сфере науки и техники, включая период 2013-2015 гг.

За прошедшие годы основной формой грантовой поддержки, выделяемой из средств областного бюджета, являются направления и статьи подпрограммы «Сохранение и развитие библиотечного дела» государственной программы «Развитие культуры и туризма Тульской области» (2014-2020 гг.).

Таким образом, роль целевой грантовой поддержки учреждений культуры со стороны правительства Тульской области трудно переоценить. И это суждение вполне справедливо, учитывая не только регулярный характер проведения конкурсов, но и постоянно увеличивающиеся суммы, выделяемые для финансирования проектов учреждений культуры, образования, вузов Тульской области. Наконец, грантовая поддержка позволяет учреждениям культуры, образования, науки развиваться стабильно, строить и реализовывать долгосрочные перспективные планы и проекты.

Магомадов З.И.
(Москва)

О ПРАКТИКЕ РАБОТЫ ОРГАНИЗАЦИЙ НЕКОММЕРЧЕСКОГО СЕКТОРА В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СФЕРЕ

Сегодня роль некоммерческих организаций (НКО) возрастает во всех отраслях социальной жизни нашей страны. Статьей 31.1. Федерального закона «О некоммерческих организациях» установлены направления деятельности, по которым организации могут быть отнесены к социально-ориентированным НКО (СО НКО), при условии, что данные направления деятельности зафиксированы в Уставе некоммерческой организации.

Согласно ФЗ-422 «О социальном обслуживании населения» некоммерческие организации могут оказывать гражданам социальные услуги и получать возмещение расходов из бюджета.

Развитие некоммерческого сектора экономики системно осуществляется в рамках субсидирования Минэкономразвития России региональных программ развития НКО из федерального бюджета и

субсидирования программ инфраструктурных НКО, направленных на оказание методической, информационной, консультационной помощи и поддержки другим НКО.

В соответствии с ФЗ-122 «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», НКО, хотя и не являются субъектами общественного контроля, могут выступать инициатором общественных проверок, участвовать в проведении общественного мониторинга, в общественных слушаниях. Кроме того, НКО на основании результатов общественного контроля вправе: направлять в органы власти, местного самоуправления, в организации предложения и рекомендации по совершенствованию их деятельности; выдвигать общественную инициативу в соответствии с законодательством Российской Федерации, а также оспаривать в судебном и (или) административном порядке НПА, решения и действия (бездействие) органов власти, местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций.

Финансирование социально-значимых проектов на конкурсной основе осуществляется как на федеральном уровне в рамках грантовых конкурсов проводимых ежегодно в соответствии с Распоряжениями Президента Российской Федерации, так и в рамках региональных конкурсов проектов СО НКО.

На укрепление системного взаимодействия органов власти и СО НКО направлены поручения Заместителя Председателя Правительства Российской Федерации О.Ю. Голодец, сформулированные в Протоколе Совещания от 4.12.14 № 02-П44-32пр. В данном протоколе министерствам социального блока, в т. ч. и Министерству культуры России даны конкретные поручения по части установления конструктивных взаимодействий с СО НКО, работающими по следующим направлениям деятельности, закрепленным в ст. 31.1. 7-ФЗ. Для Минкультуры России это НКО, осуществляющие деятельность по трем направлениям: (1) деятельность в области культуры, искусства, содействие духовному развитию личности; (2) сохранение, использование и популяризация объектов культурного наследия, в т. ч. охрана и содержание зданий, имеющих историческое, культовое, культурное или природоохранное значение и мест захоронений; (3) сохранение и защита самобытности, культуры, языков и традиций народов РФ. Исполнение данного протокола контролирует Минэкономразвития и Общественная палата России.

Однако, мониторинг показывает, что пока нет системного взаимодействия органов власти, работающих в сфере культуры с некоммерческими организациями, исполнение поручения О.Ю. Голодец происходит формально, имеющийся потенциал НКО, действующих в социокультурной сфере, используется не полностью, существует потенциал повышения эффективности и результативности реализации проектов НКО для решения задач государственной культурной политики.

Задачи комплексного и системного включения в процессы реализации задач государственной культурной политики, зафиксированных в Основах государственной культурной политики, стоят и перед самими

НКО, которые, с нашей точки зрения, сами должны занять проактивную позицию во взаимодействии с органами власти, действующими в социокультурной сфере, в создании и продвижении необходимых механизмов взаимодействия этих органов власти с НКО, разработке необходимых изменений в законодательство и т. п.

Также необходима системная поддержка инфраструктурных НКО в социокультурной сфере, повышение прозрачности деятельности самих НКО. Важным является отбор и обобщение лучших практик СО НКО в области культуры. Нужно укрепление внутрисекторального взаимодействия между некоммерческими организациями, решающими задачи социокультурного развития. Требуется повышение уровня и качества экспертного сопровождения реализации не только государственных программ в сфере культуры, но и программ некоммерческого сектора.

Последние две задачи являются одними из ключевых при реализации проекта «Культурный форум регионов России», который проводится НКО Фонд поддержки и развития отечественной культуры, театрального искусства, русского языка «МТФ «Русская классика» на средства государственной поддержки, выделенной в 2015 году Фондом в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 25.07.2014 № 243рп и на основании конкурса, проведенного Обществом «Знание» России. Данная работа началась в 2014 году, когда Фонд выступил в качестве соорганизатора Культурного форума регионов России «Культура – стратегический ресурс регионального развития», который прошел в Москве 23 декабря. Организатор Форума – Министерство культуры Российской Федерации. Соорганизаторы Форума: Межрелигиозный совет России, Синодальный Отдел Московского патриархата по взаимодействиям Церкви и общества. В 2014 году в Форуме приняли участие представители из более 50 регионов России. В 2015 году в Форуме ожидается не менее 350 участников из 50 регионов России.

Если говорить о самом Фонде, то НКО Фонд поддержки и развития отечественной культуры, театрального искусства, русского языка «МТФ «Русская классика» создано в ноябре 2008 года. Фонд является не имеющей членства некоммерческой организацией, преследующей социальные, благотворительные, культурные, образовательные и иные общественно-полезные цели.

Целью деятельности Фонда является поддержка и развитие отечественной культуры, театрального искусства, русского языка, реализация социальных, культурных, образовательных проектов.

Основные задачи организации:

— осуществление межрегионального и международного сотрудничества в области культуры, театрального искусства, русского языка;

— установление и развитие межкультурных связей;

— воспитание подрастающего поколения на основе русской и мировой классической литературы и искусства;

— содействие распространению отечественной культуры;

— пропаганда русской литературы и театрального искусства в СМИ.

При взаимодействии с Центром национальной политики Социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова в 2011 году Фондом организованы и проведены круглые столы по вопросам разработки и реализации Стратегии национальной политики Российской Федерации («Актуальные проблемы межнациональных отношений и национальной политики в Российской Федерации»; «Основы стратегии национальной политики России в условиях глобальной социальной турбулентности»).

С 2012 года Фонд является участником программы «Развитие корпоративного добровольчества» Межрегиональной благотворительной общественной организации «Социальная сеть добровольческих инициатив – «СоСеДи».

В 2012-2013 гг. Фондом разрабатывались проекты в области социокультурного развития совместно с кафедрой ЮНЕСКО и Научно-образовательным центром «Гражданское общество и социальные коммуникации» Международного института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

С 2014 года Фондом реализуется программа информационной поддержки некоммерческого сектора Чеченской Республики. По инициативе и при методической поддержке Фонда совместно с Министерством экономического, территориального развития и торговли Чеченской Республики был организован Первый Конкурс проектов СО НКО и общественных инициатив Чеченской Республики, проведено два круглых стола с участием экспертов федерального уровня.

С 2010 года Фондом проводится Акция «Любимые стихи ко Дню Победы». Акция представляет собой создание и размещение в СМИ ЦФО видео и радио роликов «Любимые стихи ко Дню Победы» под девизом «Пока сердца стучатся – помните...». В роликах свои любимые стихи о Великой Отечественной войне читают общественные деятели, представители органов власти, школьники, ветераны, молодежь. Цель акции – подчеркнуть единство народа в лице власти, общественности, граждан разных поколений в сохранении народной исторической и эмоциональной памяти о Победе над фашизмом. В 2010-2011 годах акция проходила под эгидой Общественного совета Центрального федерального округа при поддержке Полномочного представителя Президента Российской Федерации в Центральном федеральном округе. За два года в Акции приняли участие 11 регионов Центрального федерального округа, на сайте Общественного совета ЦФО размещены около 70 лучших аудио и видеороликов участников Акции. В целом в эфир теле- и радиокомпаний регионов ЦФО вышло более 200 роликов с исполнением стихов о Великой Отечественной войне и Победе.

В 2015 году акция прошла при поддержке Союза городов воинской славы, отделения журналистики Института государственной службы и управления РАНХиГС при Президенте РФ, Научно-образовательного центра «Гражданское общество и социальные коммуникации» ИГСУ РАНХиГС. В Оргкомитет Акции поступило 150 роликов из Владимирской, Новосибирской, Самарской областей, Чувашии, Благовещенска, Москвы, городов Воинской Славы: Владивостока, Пскова, Ельца, Орла, Вологды, Полярного, Твери, Волоколамска, Орла, Великих Лук, Грозного, Гатчины, Брянска, Владикавказа. В общей сложности в медийном пространстве субъектов РФ более 5 часов звучали стихи самых известных поэтов России о войне и Победе: Юлии Друниной, Алексея Суркова, Булата Окуджавы, Константина Симонова, Риммы Казаковой, Роберта Рождественского, Давида Самойлова, Андрея Дементьева и др. В Акции приняли участие телерадиокомпании регионов России, предоставившие информационное пространство для размещения и ротации роликов со стихами: ЧГТРК «Грозный», 8 телеканал и радио «Лемма» (Владивосток), Елец ТВ, Рен-ТВ Великие Луки, Телекомпания ЗАО «Телеком.7 канал» (г. Псков). Награждение лучших участников Акции 2015 года планируется провести в рамках Культурного форума регионов России 25 сентября в Общественной палате Российской Федерации.

Думается, что таких примеров, описывающих реально осуществляемую некоммерческими организациями деятельность по развитию социокультурной сферы России, можно назвать и описать предостаточно. В этой связи считаем необходимым появление специального информационного ресурса для взаимодействия СО НКО, действующих в области культуры России, обмена ими практиками, укрепления взаимодействия и консолидации усилий в решении задач, определенных Основами государственной культурной политики. Таким информационно-коммуникационным ресурсом для социокультурных НКО мог бы стать сайт Культурного форума регионов России (культфорум.рф). Также необходимо обучение и повышение квалификации некоммерческих организаций и органов власти по вопросам социокультурного развития России в контексте Основ государственной культурной политики и включения СО НКО в оказание услуг в сфере культуры. Эту задачу мог бы взять на себя НОЦ «Гражданское общество и социальные коммуникации» ИГСУ РАНХиГС. Опыт участия НКО в формировании и насыщении информационного пространства России контентом, отвечающим общественным интересам (в частности, вышеизложенный опыт Фонда, наработанный во взаимодействии с некоммерческими организациями, такими, как Союз городов воинской славы, и органами власти по созданию и размещению социальных роликов в эфире СМИ) может послужить основой теоретической и методической проработки концепции общественной информационной политики, направленной на возрождение духовности, патриотического воспитания подрастающего поколения и сохранения исторической памяти граждан.

Таким образом, некоммерческий сектор в сфере культуры России обладает существенным потенциалом для решения вопросов социокультурного развития во взаимодействии с экспертным сообществом и органами власти. Остается запустить процессы его самоорганизации и реализации системных мер, направленных на повышение его устойчивости и компетентности.

Кубанова Т.А.
(Санкт-Петербург)

РОЛЬ ХУДОЖНИКОВ СИБИРИ В СОХРАНЕНИИ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ РЕГИОНА НА РУБЕЖЕ XX-XXI ВЕКОВ

Рубеж XX–XXI вв. в мировом пространстве наряду с важными достижениями в области наук, новейших технологий характеризуется также и опасностью экологической катастрофы, ядерными испытаниями, разрушением окружающей среды. Это состояние усугубляется формированием единого информационного пространства, сложного для освоения человеком. По прогнозам специалистов, в ближайшее время существенная часть информационных ресурсов человечества будет переведена на цифровой формат, а выход в Интернет будет доступен почти всем жителям планеты[1]. В перспективе это приведет, с одной стороны, к стиранию пространственных и временных границ, плюрализму идей и мнений, формированию современного и мирового художественного опыта. А с другой – грозит зыбкостью человеческого существования, разочарованием, потерянностью, трудностью самоопределения отдельного человека, испытывающего «шок будущего» (Э. Тоффлер). В связи с этим остро стоит вопрос об адаптации человека к изменившимся условиям. И насущной задачей современной культуры является поиск форм отношений человека с миром, которые будут способствовать выработке целостного воззрения на мир и формированию единой взаимопроникающей и взаимодополняющей культуры человечества[2]. Это позволит сформировать и защитить внутреннее пространство людей, придать им уверенность и

[1] Костина А. В. Национальная культура – этническая культура – массовая культура: «Баланс интересов» в современном обществе. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.: С. 132-136.

[2] Философия культуры. Становление и развитие / под ред. М.С. Кагана, Ю.П. Перова, и др. СПб.: Издательство «Лань», 1998.: С. 359–360.

жизнеспособность. В связи с этим актуальным является проблема изучения, сохранения и, главное, использования отечественного культурного наследия. Наряду с интернационализацией все активнее заявляют о себе этнические культуры, этническое самосознание, стремление к так называемой «самобытности сопротивления»[1]. Обращение к устойчивым базовым ценностям, связанным, прежде всего, с мировоззрением и основанным на едином опыте, помогает не только сохранить традиции, но и выявить «продуктивные» связи традиций и инноваций, обеспечив процесс преемственности современного культурного процесса. Все это характеризует «типологический признак переходной эпохи от биполярной системы к системе многополярной, обладающей значительным компенсаторным потенциалом», в которой определяющими факторами выступают разнообразные традиционные типы культур, культуры предков[2]. Именно они, по мнению американских ученых П. Престон и Б. Нейчман, стоят у истоков становления «новой политической архитектуры», способствующей прогрессивному, бесконфликтному развитию мирового сообщества, предотвращению катаклизмов различного уровня[3].

В настоящее время в Российской Федерации все активнее заявляет о себе локально-региональное направление культуры, переживая такой же всплеск интереса, который испытывали к себе национальные республики бывшего СССР в 1970–1980-е годы. Пространство региона, обладая высокой степенью устойчивости базовых ценностей, продолжает развиваться, находя отражение в различных областях культуры[4]. Изобразительное искусство, как одна из динамичных сфер культурной практики, одновременно остается одной из наиболее традиционных сфер, формирующей «вечные ценности» каждого этнического типа культуры. И в первую очередь в нем отражается картина мира, в которой при всех новаторских изменениях сохраняются элементы предыдущей картины мира. Но самое ценное, что в век всеобщей глобализации, которое влечет за собой одиночество человека, оно способно моделировать целостное представление о мироздании, его структурах и элементах. Какую бы культурную парадигму мы ни рассматривали, внутри нее всегда будут присутствовать отдельные представления об исторически прошлых картинах мира. В культурной парадигме XXI века до сих пор сохраняется исторически первая картина мира, основанная на мифологической парадигме, раннем способе освоения реальности, способе мироощущения и миропонимания. Она занимает свое важное

[1] Кастельс М. Могущество самобытности // Новая индустриальная волна на Западе: антология. М., 1999. С. 298–310.

[2] Костина А. В. Национальная культура – этническая культура – массовая культура. С. 30, 37–38, 44, 52

[3] Нейчман Б. Четвертый мир: нации против государств // Глобализация: контуры XXI в.: в 3 ч. М.: ИНИОН РАН, 2002.

[4] Мосолова Л.М. Теоретические основания исследования истории культуры регионов России // Истоки региональных культур России: сб. науч. статей. СПб.: Изд-во РГПУ им. Герцена, 2000. С. 4–15.

место наряду с научной картиной мира, вбирающей все характеристики исследования человеком мироздания и понимание им своего места в нем. Для современного человека мифологическая и научная картины мира взаимопроницаемы, и одна легко переходит в другую. Совмещение представлений о картине мира, ее воплощение в изобразительном искусстве и их сравнение позволяет выявить тот мифологический компонент, который до сих пор присутствует и обеспечивает художественную неповторимость региону.

Регион Сибири – конгломерат живых этнических культур, отношение которых к миру не может не оказывать существенного влияния на представителей современных культур. С конца 90-х гг. XX столетия в изобразительном искусстве Сибири наблюдается настоящий «этнический ренессанс», связанный с потребностью современных художников поиска первоначала мира и человека – первозерна истины, которое во все времена будет оставаться залогом созидания и осмысленного понимания ответственности человечества за судьбу культуры. Источником мощного импульса для творческой деятельности современных художников становятся культуры народов, населяющие пространство Сибири со времен палеолита, и продолжающие вести традиционный образ жизни. Причем если рассматривать явления ремифологизации в России, то в ближайшие к нам два столетия оно наблюдалось на рубеже XIX-XX, середине XX и в анализируемом рубеже XX-XXI веков. Но, справедливости ради следует сказать, что в Сибири это явление характеризуется не просто «мифоностальгией», но большей активизацией и осмыслением на современном уровне всегда существующих в сознании человека важнейших элементов мировоззрения предков.[1]

Немного истории. Сибирь с самого начала освоения ее была для художников своеобразным художественным оазисом, и, будучи членами различных экспедиций, они оставили для потомков зарисовки национальной одежды и этнических типов эвенков, эвенов, хакасов и др. народностей, их обычаев и обрядов. К этому материалу чуть позже студентами Петербургского университета из числа коренных народов Сибири во время каникул в родные места по заданию преподавателей были добавлены художественные описания быта и отдельных традиции. В начале уже XX века для художников не было сомнения, что именно на этой земле может вырасти уникальное изобразительное искусства. Так, в 1927 году руководитель студии-мастерской из Иркутска И. Копылов на первом съезде художников-сибиряков провозгласил путь на формирование особенного сибирского изобразительного искусства. Он говорил: «За границей (художники) мечтают съездить в Африку: там тяга к негритянскому, первобытному, там усталость от однообразия европейской жизни. А у нас, в Сибири…под руками все первобытное,

[1] Васильева В.В. Эволюция мифа: от архаической онтологии к современному мифоконструированию // Системные исследования культуры / Под ред. Г.В. Иванченко, В.С. Жидкова, 2008. СПб.: Алетейя, 2009.: С. 158-181.

азиатское…Я думаю, Сибирь даст в будущем и Венецию, и Флоренцию, и Мюнхен»[1]. И уже через девять лет, в 1929 году в Русском музее произошло первое знакомство зрителя с искусством Сибири. На выставке «Искусство народностей Сибири» было представлено творчество студентов Севфака Ленинградского Восточного института им. А. Енукидзе. Выставка стала сенсацией, которую устроители объяснили необычностью увиденного и страстным желанием обновить творческие силы «через соприкосновение с простым и могучим искусством народов, не задетых буржуазной культурой «. Сибирь, как «самое удобное место для развития большого искусства», могла стать примером его новых «революционных преобразований.[2] Национальное искусство было пронизано совершенно иным мировоззрением, таинственным и непонятным, воплощающегося в особой стилистике художественного языка. 1960-е годы, овеянные в Сибири этнографическим ароматом в изобразительном искусстве, когда художники, как и их предшественники, подчинялись художественному видению народных мастеров. Через 20 лет этот этнографический бум прошел, и наступило время осмысления увиденного, прочувствованного, переживаемого. Художников не удовлетворяло только пассивное отношение в культуре этносов. Они подолгу живут в местах локального проживания этносов, думают, анализируют.

Появляются первые опыты осмысления этнической культуры не только художниками, но и искусствоведами, культурологами, историками, которые работают и над терминологией, методами исследования. Это направление в изобразительном искусстве было поддержано ведущими исследователями из Москвы и Санкт-Петербурга А.М. Кантором, А.И. Морозовым, А.Ф. Дмитренко. Почти через 80 лет пророчество, провозглашенное на первой выставке в Ленинграде, сбылось. Уникальность ситуации сложившейся в изобразительной культуре рубежа Сибири XX-XXI веков подтвердилось во время организованного в Русском музее масштабного проекта «Прорастая Сибирь». В рамках него в Государственном Русском музее прошли выставки «Искусство Якутии» (2006) и «Сибирский миф. Голоса территорий»(2008). В последней выставке приняли участие художники многих городов Сибири (Омска, Горно-Алтайска, Новосибирска, Новокузнецка, Барнаула, Красноярска, Междуреченска), представив уникальное искусство своей территории. Впервые искусство Сибирского региона так масштабно вышло за пределы региона (всего в рамках проекта было представлено более 500 произведений), получив высокую оценку не только зрителей, но и искусствоведов, культурологов, историков, музейных работников, которые отметили неповторимость культуры региона.

Жизнеспособность этого явления была подтверждена на Международном форуме «Мировая культура как ресурс устойчивого

[1] Тугендхольд Я.А. Изобразительное искусство СССР // Искусство народов СССР: Сб. ст. М., Л., 1930. С. 52.

[2] Выставка "Искусство народностей Сибири". Л., 1930. С. 6.

развития» (Москва, май 2015 г.), которая проводилась под эгидой ООН по вопросам образования, науки и культуры и кафедры ЮНЕСКО изобразительного искусства и архитектуры РАХ РФ. На секции «Национальная идентичность в визуальной культуре России» из восемнадцати выступающих восемь были специалисты, изучающие изобразительное искусство Сибири.

Человеку традиционной культуры мир представляется в образе Мирового Древа, состоящего из трех частей (верхний, средний, нижний). Определяющие отношения складываются между средним, земным миром, где пребывает сам человек и его предки и небесным, где обитают покровители человека – Боги, создавшие мир. Человек живет по законам неба, сверяя с ним свои дела и помыслы, обеспечивая, таким образом, непрерывность ритма Вселенной, ее вечное существование. Художник осуществляет свою миссию Создателя на земле, радуясь и прославляя величие мира. Именно поэтому в творчестве художников так очевидно особое отношение к природе как к живому существу и органическая связь с ней.

Еще в 1920-х инициатор ленинградской выставки И. Пунин, говоря о работах студентов Севфака, подчеркивал: «Человек – это человек-зверь, человек-камень, человек-дерево, человек-тайга». Созданное по этим неписаным правилам произведение венчается настоящей радостью, которая возникает всегда, когда встречаешься с подлинным искусством.[1] Мастер создает радостный гимн небу, лесу, оленю, медведю, реке, своим предкам – всему космосу! В этом естественном умении созидать ощущается всеобщая радость жизни. Она проявляется не только в самом содержании произведения, но и в особом отношении к материалу, с которым работает мастер. Художник не порабощает материал, а, наоборот, «подчеркивает его свойства и качества, максимально используя возможности».[2] Именно материал, как нечто одушевленное, скрывает те загадки для художника, которому дан талант проникновения в мир таинственный. Поэтому пространственные задачи художник решает не за счет создания иллюзии его глубины, а за счет расширения границы поверхности листа, того одушевленного пространство, которое окружает человека. Ведь для северного мастера материал представляет собой бескрайнюю территорию, на которой он живет, прекрасную Вселенную, которая дарит ему радость новых открытий. Л. Штернберг пророчески определил направление дальнейшего развития изобразительного языка мастеров Сибири, от «примитивного реализма к метареализму»[3]. «Первозданное, азиатское», по-прежнему волнует художников и проникает в саму плоть их творчества.

---

[1] Пунин И. Искусство примитива и современный рисунок // Искусство народностей Сибири. Л., 1930. С. 14.

[2] Месс Л. Работа художественных мастерских Севфака // Искусство народностей Сибири. Л., 1930. С. 46.

[3] Иванов С.В. Л.Я. Штернберг и примитивное искусство // Памяти Л.Я. Штернберга. 1861 – 1927. Л., 1930. С. 172.

Как и их предшественники, они неравнодушны к проблемам мира, почтительно относятся к памяти своей земли и страстно жаждут творческого обновления. Художники-сибиряки живут напряженной творческой жизнью: работают, участвуют в художественных проектах, пишут стихи и прозу, рассуждают о проблемах бытия, проводят лето в археологических, этнографических экспедициях, пишут статьи в научных журналах и беззаветно любят сибирские просторы. В последнее время изобразительное искусство достойно заявляет о себе и на мировой арене, завоевывая гран-при в международных проектах. И речь не идет о чисто национальной этнической специфике малочисленных народов Сибири (она почти во все времена была востребована), речь касается искусства сегодняшнего дня. Это некий симбиоз, в котором проявляются элементы мифологического мышления и сознания. Они очевидны в новых формах, техниках, с помощью которых художники передают одушевленность мира, свою сопричастность к его явлениям. Создание произведения – своеобразный ритуал, в котором художник выступает шаманом, совершая свой главный обряд, направленный на чистоту человеческих помыслов, гуманизм и всеобщую радость. Таким образом, они выступают хранителями и продолжателями культуры региона, истинными полпредами России на мировой арене.

Итак, изобразительное искусство Сибири на рубеже XX-XXI веков по-прежнему сохраняет свои корни и, используя инновационные приемы, развивает лучшие черты, тем самым обеспечивая уникальность и неповторимость региона. Несмотря на сегодняшние мировое противостояние, оно сохраняет культурные традиции региона и утверждает истинные духовные ценности человечества, воплощая культурную память предков и формируя систему человеческих ценностей, находясь на первом рубеже защиты цивилизации от уничтожения.

В контексте сказанного **предложения для включения в решения «Культурного форума регионов»** следующие:

Только консолидация художников и широкого отряда специалистов, искусствоведов, культурологов, историков, этнографов, археологов, краеведов, музейных сотрудников, представителей института власти способно сформировать и реализовывать генеральную линию культурной политики региона.

Организация Института наследия с исследовательскими лабораториями (по истории, археологии, этнографии, культурологии и др.), секциями (изобразительное искусство, театральное искусство, танцевальное искусство и др.) позволит комплексно изучать историю развития культуры региона, научно определять ее дальнейшее направление и пути сохранения чистоты региональной культуры. (Подобную работу уже начали на кафедре теории и истории культуры РГПУ им. А. Герцена под руководством профессора Л.М. Мосоловой)[1].

[1] Издание Поликультурное пространство Российской Федерации в 7 книгах.

Это позволит выполнить одну из важных задач: написать историю изобразительного искусства регионов России, выявив уникальность и специфические черты каждого из них. Этот материал должен быть адаптирован для всех возрастных групп, начиная с дошкольного возраста (издание книг, учебников, тетрадей, интерактивных программ, фильмов и т. д.). Более углубленное изучение должно быть в училищах, вузах, выпускники которых будут заниматься как педагогической, так и творческой работой.

Продуктивны могут быть обменные выставки культурологической направленности между различными регионами, субъектами РФ. Диалог необходим не только для осознания различий в идеях, обычаях, культурных традициях, присущих разным народам, но в осмыслении общечеловеческих ценностей.

Лопатина О.А.
Долгорук Н.Г.
(Хабаровский край)

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АМУРСКОЙ ОБЛАСТНОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ КАК УСЛОВИЕ ЕЕ ВОСТРЕБОВАННОСТИ В РЕГИОНЕ

В национальной библиотечно-информационной сети центральные библиотеки субъектов Российской Федерации занимают особое место, совмещая функции библиотечно-информационного ресурсного центра и крупнейшей универсальной общедоступной библиотеки региона.

Через центральную библиотеку местные органы исполнительной власти реализуют свои полномочия по организации библиотечного обслуживания населения, которые закреплены за ними федеральным законом 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Современная социально-экономическая ситуация, складывающаяся на рынке предоставления библиотечно-информационных услуг, позиционирование библиотеки как самостоятельного субъекта хозяйственной деятельности, осознание ее причастности к развитию общественного производства территории, расширение прав и повышение уровня ответственности областной/краевой библиотеки за

состояние библиотечного обслуживания населения в соответствии с ее региональным статусом, потребовали пересмотра и уточнения системы оценки эффективности ее функционирования путем определения оптимальной модели индикаторов и показателей ее деятельности в новых социально-экономических условиях.

С этой целью в рамках было проведено исследование по определению оптимальной модели совокупности индикаторов и показателей оценки эффективности функционирования региональной библиотеки. Объектом исследования стала деятельность региональных библиотек. Предметом – совокупность индикаторов и показателей системы оценки эффективности функционирования ГБУК «АОНБ им. Н.Н. Муравьева-Амурского».

Для реализации цели и задач исследования был проведен контент-анализ базовых понятий, нормативно-законодательных документов, анализ документов интернет-представительств региональных библиотек России[1]. Важнейшей составляющей исследования стал ситуационный анализ деятельности библиотеки, анализ нормативно-правовых актов, планово-отчетной документации, результатов опроса пользователей по качеству обслуживания Амурской областной научной библиотеки им. Н.Н. Муравьева-Амурского».

Термин «эффективность» появился в публикациях библиотековедов еще в начале 60-х годов. Эффективность предлагалось измерять нагрузкой (продуктивностью труда) библиотечных работников и обращаемостью фондов. Уже в 1970-е годы термин «эффективность» в библиотековедении стал употребляться не только как соотношение затрат и результатов, а как достижение некого «качества» библиотечной работы[2].

В 80-е годы понятие «эффективность» библиотечной деятельности значительно расширилось. Кроме экономической эффективности в нее включаются социальная и функциональная эффективность[3].

---

[1] Методические рекомендации по разработке органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления показателей эффективности деятельности подведомственных учреждений культуры, их руководителей и работников по видам учреждений и основным категориям работников // Независимый библиотечный адвокат, 2014. № 1. С. 82-89; Общероссийский классификатор услуг населению. Утвержден постановлением Госстандарта РФ № 163 от 28.06.1993 http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_158755/.

[2] Карташов Н.С. Об эффективности работы научной библиотечки. Постановка проблемы / Н.С. Карташов // Библиотеки СССР, 1969. С. 53-67; Клюев В.К. Основы инициативной хозяйственной деятельности библиотеки: учеб. пособие для вузов культуры и искусств. М.: Изд-во МГУКИ; Либерия, М, 1998; Кожевникова Л.А. Экономика библиотечной деятельности: учебник / Л.А. Кожевникова ; Гос. публ. науч.-техн. б-ка Сиб. отд-ния Рос. акад. наук. Изд. 2-е, доп. Новосибирск, 2005; Лапичкова В.П. Библиотечная статистика: Статистический отчет как показатель эффективности услуг библиотеки // Справочник руководителя учреждения культуры, 2007. № 1. С. 43-53; Редькина Н.С. Совершенствование системы технологического менеджмента в библиотеке / Н.С. Редькина // Сборник материалов научной сессии молодых ученых информационно-библиотечной сети СО РАН : сб. ст. / Гос. публич. Науч.-тех. б-ка СО РАН. Новосибирск, 2008. С.51-65; Столяров Ю.Н. Критерий оценки библиотечного обслуживания: Учеб. пособие / МГИК. М., 1982; Фрумин И.М. Библиотечное дело: Организация и управление. М. : Книга, 1980.

[3] Фрумин И. М. Библиотечное дело: Организация и управление. М.: Книга, 1980.

Однако несмотря на накопленное к началу нового тысячелетия научное знание по оценке деятельности библиотеки, оно еще не представляло собой законченной, стройной, непротиворечивой системы и было явно недостаточным, чтобы успешно решать всю совокупность экономических и социальных проблем эффективного функционирования библиотеки. Изучение системы показателей эффективности функционирования библиотеки в основном осуществлялось в контексте экономики библиотечной деятельности (экономического анализа).

Кардинальные социально-экономические изменения в стране в начале XXI века актуализировали эту проблему. С 1 января 2003 года библиотека становится полноправным участником системы народного хозяйства в соответствии с утвержденным Общероссийским классификатором видов экономической деятельности (ОКВЭД). Меняется не только хозяйственная деятельность библиотеки, но и система ее взаимоотношений с государственными органами управления, политика предоставления библиотечно-информационных продуктов и услуг.

Нельзя не согласиться с Н.С. Редькиной, которая полагает, что формирование системы оценки эффективности функционирования библиотеки – это достаточно тонкий инструмент, который необходимо настраивать с учетом целей и задач, стоящих перед библиотекой. Система ключевых показателей не может существовать сама по себе, при отсутствии четкого стратегического планирования внутри библиотеки. Внедрение этого инструмента требует целого комплекса дополнительных мероприятий, включая разработку систем контроля, сбора и анализа данных, мотивации персонала. Для большинства библиотек, как считает Н.С. Редькина, анализ и планирование деятельности, а также количество генерируемых и приобретаемых библиотекой информационных ресурсов давно стали стандартной практикой оценки эффективности работы, но остальные показатели, предложенные международным стандартом ИСО 11620-1998, используются еще далеко не во всех библиотеках[1].

Важнейшими научными задачами в этом направлении становятся, по мнению Л.А. Кожевниковой: уточнение подходов к оценке социальной и экономической эффективности библиотечных ресурсов и продуктов как посредников продвижения на рынок социально-экономических благ; освоение приемов и правил, связанных с оценкой и диагностикой экономического потенциала библиотек[2].

Таким образом, решение проблемы технологии и методики оценки эффективности функционирования региональной библиотеки в условиях рыночной экономики становится принципиально важной задачей для региональной библиотеки, так как позволяет измерить в конкретных

[1] Редькина Н.С. Совершенствование системы технологического менеджмента в библиотеке / Н.С. Редькина // Сборник материалов научной сессии молодых ученых информационно-библиотечной сети СО РАН : сб. ст. / Гос. публич. Науч.-тех. б-ка СО РАН. Новосибирск, 2008. С. 51-65.

[2] Кожевникова Л.А. Экономика библиотечной деятельности: учебник / Л.А. Кожевникова ; Гос. публ. науч.-техн. б-ка Сиб. отд-ния Рос. акад. наук. Изд. 2-е, доп. Новосибирск, 2005.

показателях ее деятельность как важнейшего социального института общества.

В результате проведенного исследования было установлено соотношение компонентов оценки эффективности функционирования библиотеки, выявлена система показателей и индикаторов оценки деятельности библиотеки, изучен опыт областных/краевых библиотек России в этом направлении.

Контент-анализ нормативных документов, профессиональных публикаций и web-сайтов региональных библиотек России позволил выявить количество и наименование групп индикаторов и показателей эффективности функционирования библиотек в нормативном, теоретическом и практическом представлении:

Таблица № 1.

Количество индикаторов и показателей эффективности функционирования библиотеки

№ п/п	Источник информации	Кол-во групп индикаторов	Кол-во показателей
1	Нормативные документы	12	65
2	Публикации	13	97
3	Web-сайты региональных библиотек России	14	111

Ранжирование выявленных групп индикаторов и показателей позволило установить наиболее значимые. В частности, приоритетным показателем в группе индикатора «Показатели спроса информационно-библиотечных услуг» определен показатель «Доступность фонда» (28 %); в группе индикатора «Экономическая эффективность, использование ресурсов» определен показатель «Расходы на одного пользователя» (12,5 %); в группе индикатора «Определение перспектив развития» определен показатель «Удовлетворенность пользователей» (4,8 %).

Таблица № 2.

Ранжирование индикаторов и показателей эффективности функционирования библиотеки

№ п/п	Наименование показателей и индикаторов	Частота распространенности индикаторов и показателей по массивам документов			Ранжирование индикаторов и показателей по итогам контент-анализа	
		I	II	II	Абс. ч.	%
	Показатели спроса информационно-библиотечных услуг					
1	Доступность фонда	31	13	33	77	28,2
2	Качество организации СПА	8	2	12	22	8
3	Посещаемость	5	5	10	20	7,3

4	Охват пользователей	5	4	5	14	5,1
5	Организация доступа к СПА	3	3	6	12	4,4
6	Количество информационно-просветительных мероприятий	0	4	4	8	2,9
7	Методические консультации для библиотек области	0	0	7	7	2,6
	Экономическая эффективность, использование ресурсов					
8	Расходы на одного пользователя	13	21	0	34	12,5
9	Эффективность работы руководителя	0	0	17	17	6,2
10	Эффективность использования (загрузка) помещений, оборудования, технических и программных средств	10	2	0	12	4,4
11	Доля средств, полученных от проектной и предпринимательской деятельности	5	3	2	10	3,7
12	Эффективность использования (загрузки) имеющегося персонала в целом	3	4	0	7	2,6
13	Процент исполнения федерального и областного бюджета	0	0	5	5	1,8
14	Количество работников учреждения, прошедших повышение квалификации или профессиональную переподготовку	0	2	3	5	1,8
	Определение перспектив развития					
15	Удовлетворенность пользователей	11	0	2	13	4,8
16	Обеспечение доступности к услугам в сфере культуры путем информатизации работы учреждения	0	2	3	5	1,8
17	Научно-методическая работа	1	0	2	3	1,1
18	Удовлетворенность персонала работой в организации	1	0	0	1	0, 4
19	Влияние организации на общество	1	0	0	1	0,4
	итого	97	65	111		
	Всего				273	100

В результате ситуационного анализа внешней и внутренней среды Амурской областной научной библиотеки были определены индикаторы и показатели по следующим объектам ее деятельности:

– структурные компоненты и статистические показатели ГБУК «Амурская областная научная библиотека им. Н.Н. Муравьева-Амурского» как юридического лица;

— показатели финансирования;

— основные компоненты и показатели, определяющие инфраструктуру и производственную среду библиотеки;

— показатели производства продуктов и услуг библиотечно-информационного обслуживания пользователей в соответствии

с государственным заданием и административным регламентом (организация библиотечного информационного обслуживания пользователей, предоставление доступа к изданиям, переведенным в электронный вид, в том числе к фонду редких книг с учетом соблюдения требований законодательства Российской Федерации об авторских и смежных правах, предоставление доступа к справочно-поисковому аппарату и базам данных и др.);

— показатели формирования, использования и доступа документных ресурсов библиотеки;

— показатели научно-методического обеспечения библиотечно-информационной деятельности;

— показатели кадровых (интеллектуальных) ресурсов библиотеки;

— показатели качества функционирования Амурской областной научной библиотеки.

Таким образом, ситуационный анализ внешней и внутренней среды функционирования ГБУК «Амурская областная научная библиотека им. Н.Н. Муравьева-Амурского» позволил на основе выявленных индикаторов и показателей эффективности функционирования библиотеки разработать оптимальную модель оценки эффективности функционирования ГБУК «Амурская областная научная библиотека им. Н.Н. Муравьева-Амурского», которая включала 3 группы индикаторов и 19 показателей.

Таблица № 3.

Оптимальная модель оценки эффективности функционирования ГБУК «Амурская областная научная библиотека им. Н.Н. Муравьева-Амурского»

№ п/п	Наименование показателей и индикаторов
1. Показатели спроса информационно-библиотечных услуг	
1	Доступность фонда
2	Качество организации СПА
3	Посещаемость
4	Охват пользователей
5	Организация доступа к СПА
6	Количество информационно-просветительных мероприятий
7	Методические консультации для библиотек области
2. Экономическая эффективность, использование ресурсов	
8	Расходы на одного пользователя
9	Эффективность работы руководителя
10	Эффективность использования (загрузка) помещений, оборудования, технических и программных средств
11	Доля средств, полученных от проектной и предпринимательской деятельности
12	Эффективность использования (загрузки) имеющегося персонала в целом

13	Процент исполнения федерального и областного бюджета
14	Количество работников учреждения, прошедших повышение квалификации или профессиональную переподготовку
3. Определение перспектив развития	
15	Удовлетворенность пользователей
16	Обеспечение доступности к услугам в сфере культуры путем информатизации работы учреждения
17	Научно-методическая работа
18	Удовлетворенность персонала работой в организации
19	Влияние организации на общество

Вопросы оценки деятельности работы библиотеки всегда рассматривались в контексте повышения эффективности системы управления библиотечным делом. При этом, важно подчеркнуть, что определяющее значение имели политические, социально-экономические, культурологические и т. п. факторы, влияющие на развитие библиотеки в конкретный исторический период. Все ведущие концепции и взгляды специалистов в конечном итоге сводились к разработке системы показателей оценки деятельности библиотеки.

Выработка совокупности индикаторов и показателей, позволяющих качественно оценить результативность работы библиотеки, является сложной проблемой, требует согласованности действий ученых и практиков библиотечного дела.

Результаты проведенного исследования показали, что успешное, полноценное и системное оценивание показателей эффективности выполнения библиотечных процессов должно проводиться на основе актуальных требований к функционированию краевой/областной библиотеки с учетом изменений внешней среды. Изучение данной темы послужит основой для комбинирования возможных подходов с целью создания интегрированных методик и их эффективного применения в работе библиотек.

Расширение прав областных/краевых центральных библиотек значительно повышает их ответственность за качество библиотечного обслуживания региона. В своей деятельности они должны исходить из принципа социальной и экономической целесообразности, поддерживать в актуальном состоянии реализацию возложенных на них функций социального института общества.

Ахти Е.Г.
(Санкт-Петербург)

ОТ КОРПОРАТИВНОЙ СЕТИ ОБЩЕДОСТУПНЫХ БИБЛИОТЕК К «ЕДИНОЙ СИСТЕМЕ БИБЛИОТЕЧНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА»

Важную роль в имидже Санкт-Петербурга как культурной столицы играют библиотеки, являющиеся центрами культурного просвещения и воспитания.

Являясь центральной библиотекой мегаполиса, методическим центром, головным сетевым центром Корпоративной сети общедоступных библиотек Санкт-Петербурга, библиотека им. В.В. Маяковского во многом определяет вектор развития библиотечной сферы Санкт-Петербурга.

Это большая честь, но и огромная ответственность и перед горожанами, и перед библиотечным сообществом. Являясь «Большой Библиотекой большого города» ЦГПБ им. В.В. Маяковского стремится предложить горожанам, читателям, коллегам новые услуги, новые идеи, новые интересные события.

Именно поэтому мы не останавливаемся на достигнутом – Корпоративной сети общедоступных библиотек, а идем дальше к Единой системе библиотечного обслуживания Санкт-Петербурга.

В 2005 году была принята Программа модернизации общедоступных библиотек Санкт-Петербурга, которая представляет собой комплексное переоснащение библиотек современным оборудованием, организацию их доступа к сети Интернет и объединение для совместного создания информационных ресурсов, предоставления сервисных услуг и, в конечном итоге, организации городской системы автоматизированного библиотечного обслуживания на основе единого читательского билета.

В основу Программы модернизации вошли три документа:

Первый этап был регламентирован Постановлением Правительства Санкт-Петербурга от 26.04.05 № 550 «О плане первоочередных мероприятий по модернизации деятельности общедоступных библиотек Санкт-Петербурга на 2006-2007 гг.».

Перед началом второго этапа, в декабре 2008 г. Комитетом по культуре был принят стратегический документ: «Концепция развития обслуживания населения Санкт-Петербурга общедоступными библиотеками на 2009-2015 годы». Она является основой второго этапа программы модернизации.

Регламентирован второй этап Распоряжением Правительства Санкт-Петербурга от 19.03.10 № 26-рп «Об организации деятельности исполнительных органов власти Санкт-Петербурга по материально-

техническому обеспечению деятельности общедоступных библиотек Санкт-Петербурга на 2010-2012 гг.».

Модернизация материально-технической базы общедоступных библиотек **на первом этапе** Программы привела к формированию привлекательной, комфортной среды в библиотеках для пользователей и позволила расширить спектр, предоставляемых жителям города, услуг и информационных ресурсов. Библиотеки были отремонтированы, было проведено техническое и программное переоснащение, подключение библиотек к Единой мультисервисной телекоммуникационной сети исполнительных органов государственной власти Санкт-Петербурга (ЕМТС), что обеспечило их взаимодействие и выход в Интернет. Все это позволило создать Корпоративную сеть общедоступных библиотек.

На втором этапе были созданы медиатеки, библиотеки оснастили системами безопасности хранения фондов и внедрили новейшие информационные технологии в практику работы библиотек (автоматизация регистрации пользователей; заказа, выдачи и возврата литературы на основе RFID-технологий).

Реализация двух этапов Программы модернизации позволила библиотекам создать Единый электронный каталог, отражающий фонды библиотек Санкт-Петербурга. А также создать единую систему виртуальных услуг (Единый межбиблиотечный абонемент, виртуальную справку, электронную доставку документов, услугу бронирования документов).

Доступ для населения к Единому электронному каталогу и единой системе услуг библиотек обеспечивается через созданный Интернет-портал Корпоративной сети общедоступных библиотек Санкт-Петербурга (КСОБ СПб).

Библиотеки СПб пошли путем создания **единого** библиотечного пространства в рамках города, и к 2015 году внедрили технологию обслуживания по **единому читательскому билету.**

Таким образом, среди устойчивых положительных тенденций в работе петербургских общедоступных библиотек сегодня:

— развитие деятельности библиотек как информационных центров, осуществление модернизации системы информационно-библиотечного обслуживания;

— укрепление роли и значения библиотек как социальных институтов, создание и реализация программ и проектов, направленных на социальное включение социально незащищенных категорий населения;

— активизация деятельности библиотек как культурно-досуговых и культурно-образовательных центров.

Эти тенденции положительным образом сказываются на привлечении все более широких слоев населения в общедоступные библиотеки.

Реализация существующей Концепции завершается в 2015 году. С 2014 года идет активная работа над созданием новой концепции развития общедоступных библиотек города **«SMART-БИБЛИОТЕКА ДЛЯ SMART-ГОРОДА: Петербургская библиотечная стратегия – 2020»,** цель которой – определение стратегических приоритетов развития

и формирование инновационной динамичной модели качественного и эффективного библиотечного обслуживания населения Санкт-Петербурга на период 2016-2020 гг.

Идеология Концепции направлена на создание условий для формирования и развития интеллектуального и социального капитала личности, на высокотехнологичное развитие библиотек как площадок для предоставления свободного и равного доступа к информации, на содействие инновационному развитию региона.

В проекте новой Концепции определены цели и задачи деятельности общедоступных библиотек города:

— формирование инновационной динамичной модели качественного, эффективного и устойчивого развития библиотечного обслуживания населения на основе дальнейшей модернизации библиотек;

— повышение роли и значимости библиотек в создании информационной культурной среды для формирования и развития общества знаний;

— развитие библиотек как высокотехнологичных площадок для предоставления свободного и равного доступа к информации, для осуществления коммуникаций социальных институтов и граждан и международного информационного обмена;

— развитие библиотек как центров качественного времяпрепровождения, духовного развития горожан; центров общественной и культурной жизни местного сообщества;

— достижение лидирующих позиций в профессиональном библиотечном сообществе.

Для реализации всех этих задач сети общедоступных библиотек необходимо:

финансирование в размере 340 000 000 рублей;

ежегодная финансовая поддержка в размере 11 300 000 рублей;

финансирование ремонтов и реставраций библиотек.

Предполагаемый социально-экономический эффект от мероприятий по дальнейшей модернизации сети общедоступных библиотек Санкт-Петербурга к 2018 г.:

Рост количества посещений с 920 000 до 950 000 посещений в год;

Увеличение количества услуг для жителей Санкт-Петербурга, в том числе виртуальных на 30 % по сравнению с 2014 г.

Модельный стандарт деятельности общедоступной библиотеки, принятый в октябре 2014 г. Министерством культуры Российской Федерации, ставит перед библиотеками страны ряд задач, направленных на реализацию государственной культурной политики. Библиотеки Санкт-Петербурга готовы решать эти задачи, но без содействия Правительства города в обеспечении уровня обслуживания жителей города, соответствующего современным условиям и технологическим инновациям современного общества, мы эти задачи решить не сможем.

Библиотечное сообщество Санкт-Петербурга всегда отличалось тем, что стремилось использовать все существующие возможности

взаимодействия с законодательной и исполнительной властью. И здесь необходимо отметить уникальную роль библиотеки им. В.В. Маяковского как центральной библиотеки субъекта федерации. Библиотека осуществляет постоянный мониторинг библиотечных процессов региона, прекрасно осведомлена обо всех достижениях и проблемах общедоступных библиотек города. Выступая посредником между властями и библиотечным сообществом, библиотека имеет возможность непосредственно участвовать в формировании региональной библиотечной политики, прежде всего, инициируя разработку и принятие основополагающих документов и приоритетных проектов в сфере библиотечного дела.

За предшествующие годы библиотечное сообщество Санкт-Петербурга добилось впечатляющих результатов, в настоящий момент общедоступные библиотеки нашего города находятся в авангарде преобразований, направленных на построение информационного, интеллектуально развитого общества.

Терентьева Е.И.
Терентьев Н.И.
(Севастополь)

КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО КАК ЭЛЕМЕНТ ИННОВАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

Поддержка концертной и театральной деятельности исполнителей классической музыки является главной составляющей культурной политики современного государства. Однако в этом сегменте сохраняется множество нерешенных проблем. Один из вопросов заключается, по нашему мнению, в следующем: как в нынешней хронической «материальной неустроенности» классического музыкального искусства вернуть ему престиж и «славу былого». Для этого, как считают многие специалисты, нужно восстановить как общественный, так и журналистский интерес к этому виду искусства. После первой, второй и третьей ветвей власти, которыми являются в государстве, соответственно, законодательная, исполнительная и судебная, четвёртая власть (англ. Fourth Estate) – СМИ, поскольку при их влиянии в социуме могут происходить существенные перемены; зачастую они могут играть и решающую роль в создании общественного мнения.

Осознание этой власти её представителями должно сочетаться с чувством долга перед человечеством. Во все времена представители «четвертой власти» добивались признания благодаря высокому уровню точности, беспристрастности, соблюдению ими правил честной игры и ответственности перед обществом.

Конечно, термин «четвёртая власть» отражает лишь огромное влияние СМИ на общество, при этом не имея реальной власти, поскольку не имеют законного права насильно принуждать к совершению какого-либо действия, например, к уплате штрафа за разврат молодежи и насаждение в сознании категории низменного.

В таких культурных и научных центрах страны – городах, подобных Севастополю, проживают тысячи людей, которые читают серьёзные книги, а боевикам и стриптиз-фильмам предпочитают интеллектуальное кино и высокохудожественные театральные постановки. Однако этих потенциальных поклонников Моцарта, Чайковского, Верди нужно еще включить в активный музыкальный процесс. Наши местные СМИ в этом процессе играют важнейшую роль.

Во многих странах мира профессиональные исполнители классической музыки находятся под пристальным наблюдением СМИ. Общество, ведомое такой прессой и телевидением, понимает, что классическая музыка дело важное и очень престижное.

Севастополь отличается от других городов большим интересом жителей к высокопрофессиональным концертам классической музыки. Этот интерес долгие годы поддерживают коллективы симфонических оркестров Крыма и Севастополя. Концерты, как правило, проходят при полных залах. Вообще во многих странах мира, и в столицах, и в маленьких городах регулярно проводятся оперные фестивали, привлекая массу туристов. Опера как жанр, отметив свое 400-летие в 2000 году, вошла в XXI век на своем подъёме. Кроме того, искусство приносит и финансовую прибыль; стимулирует культурный туризм. Сегмент креативной экономики в самых разных странах возрастает год от года.

Приведу примеры. Столица Чехии гордится тем, что именно в небольшом пражском театре в 1787 году была впервые поставлена опера В.А. Моцарта «Дон Жуан». Этим Прага опередила Вену. Экскурсоводы с упоением рассказывают о годах и местах пребывания великого Амадеуса в Златой Праге. Множество магазинов и киосков, наряду с традиционным чешским стеклом, гранатом и пивом, предлагают куклу-марионетку Дон Жуана. А билеты в старейшем «Театре сословий», где проходила знаменитая премьера, на оперный спектакль «Дон Жуан», по цене были доступны средне обеспеченному жителю.

Многие туристы, бывая в Египте, стараются обязательно попасть на оперу Дж. Верди «Аида». Она была написана гениальным итальянцем по заказу египетского султана к открытию Суэцкого канала. Для первой постановки оперы в Каире был специально построен оперный театр, в котором и состоялась премьера «Аиды» в 1871 году. Грандиозными

являются современные постановки этой оперы среди величественных египетских пирамид.

Севастополь имеет уникальную возможность ставить оперы на античные сюжеты в Херсонесе, а «Итальянский дворик» – естественная декорация для оперы П.И. Чайковского «Иоланта».

С чего началось восстановление оперного дела в городе-герое Севастополе? С оперного фестиваля, посвященного памяти великой оперной певицы, уроженки нашего города Оксаны Андреевны Петрусенко. Уникальный голос и прекрасное актерское мастерство позволили ей быть примадонной в оперных театрах Казани, Самары, Екатеринбурга, Киева. Это имя буквально гремело по всему Советскому Союзу, а пластинки с её голосом раскупались в городах и селах. У настоящего искусства нет провинции.

С 2008 года состоялись уже три оперных фестивальных концерта с участием Севастопольского муниципального оркестра, солистов из Севастополя, Киева, Донецка. Этот инновационный проект начался благодаря усилиям предпринимателей города и Севастопольской торгово-промышленной палаты, создавшим попечительский совет и профинансировавшим первый концерт.

Севастополь входит в новый этап своего развития. Высокий потенциал академической и прикладной науки, высших учебных заведений, наукоёмкие производства, колоссальный исторический и музейный потенциал обеспечивают вхождение города-героя в число лидеров мировой культуры и туризма. Но не хватает одной важной детали – оперного театра.

С июня 2011 года для формирования общественной оперной культуры в городе при содействии руководства Дома Москвы в Севастополе начали проводиться Собиновские музыкальные ассамблеи. Первая ассамблея была посвящена 90-летию открытия в городе Севастополе народного оперного театра и народной консерватории.

Известно, что в трудные 20-е годы XX века благодаря усилиям великого русского певца Леонида Витальевича Собинова, возглавлявшего тогда подотдел культуры в отделе народного образования Севастополя, был создан народный оперный театр и народная консерватория. Настала пора их возродить, возродив и принцип, что всяким делом должен управлять профессионал. Как известно, Л.В. Собинов долгие годы был директором Большого театра в Москве.

Проекты только стартовали, находятся в развитии. Оперный фестиваль – сложная разветвлённая структура с продюсерским центром по организации концертов и постановок спектаклей, развернутая система мастер-классов для молодых певцов, школа-студия оперного искусства для детей и молодёжи, создание музыкальной библиотеки и студии звукозаписи. А для деловых людей и бюджета города оперный фестиваль может стать источником дополнительного дохода – инвестиции из культуры. Вложив средства в организацию фестивалей, которые могут стать традиционными и известными во всем мире, мы

получим отдачу в виде новых деловых и культурных контактов, развития туристической инфраструктуры города, создания новых рабочих мест для её обеспечения. Главный же результат на долгие годы – формирование и воспитание новых поколений жителей нашего всемирно известного города на высоких образцах отечественной и мировой музыкальной классики.

Оперному театру города-героя Севастополя быть. Это дело престижа общественности города, городского Совета и Севастопольской администрации.

Подкар С.Б.
(Нижегородская область)

РОДИНА ХОХЛОМЫ: СОЦИАЛЬНЫЙ ЛАНДШАФТ ТЕРРИТОРИИ И ОРИЕНТИРЫ КУЛЬТУРНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ[1]

Анализ сложившейся ситуации на территории района и ряд всем известных фактов, приведенных, в том числе, в данном исследовании, позволяет утверждать: район добьется богатства и процветания лишь при условии, что параллельно с другими важнейшими делами мы безотлагательно займемся культурной проблематикой, а точнее, культурным возрождением данного региона.

Почему мы отводим одно из первостепенных мест именно культуре и проблеме ее возрождения?

Выдающийся российский культуролог Л.Б. Переверзев (1930-2006), теоретик дизайна и образования XX века писал: «Культура – это не «надстройка», не украшение и не роскошь. Для полнокровной экономической жизни культура столь же важна, как воздух для жизни биологической. Культура – это совокупность идеалов, конечных целей и основных ценностей человеческого существования. Иными словами, она составляет тот инструментарий личности, то духовное оснащение человека, без которого нам не построить ни передовой промышленности, ни уважаемой народом торговли, ни устойчивой финансовой системы.

[1] Статья в полном объеме опубликована в Сборнике «Ковернино – территория перемен: Развитие бренда района», НИСОЦ, Н. Новгород. 2014. http://docme.ru/doc/821061/kovernino-%E2%80%93-territoriya-peremen--razvitie-brenda-rajona#expanded:on.

Культура есть исходная предпосылка и залог успеха любой здоровой предпринимательской деятельности, рассчитанной на длительную перспективу»[1].

Культурной политике на территории стоит уделить первостепенное значение по нескольким причинам:

- Возросшие экономические и цивилизационные вызовы;
- Резкие сдвиги в характере экономики;
- Усиление роли знаний и креативности населения в конкурентной гонке территорий;
- Рост общественной активности через создание гражданских союзов;
- Негативные глобальные изменения и наметившийся кризис западных христианских ценностей побуждают нас к мерам по укреплению института семьи в сложившихся условиях;
- Потребность в новом качестве муниципального управления в условиях движения к бережливости;
- Неготовность к новым видам деятельности, например, к туризму;
- Экспортная ориентация экономики (на вывоз продуктов и услуг) территории, в том числе туризма;
- Возросшая цифровая экспансия и усиление роли Интернета, digital в экономической и культурной конкуренции;
- Влияние ландшафта территории и благоустройства населенных пунктов на привлекательность туристских услуг и образа гостеприимства в целом;
- Появление новых видов активов капитала территории – бренда места, способного повлиять на известность района и его продуктов, и, как следствие, на рост экономического богатства и культурного многообразия, включенности в контекст глобального мира.

Сложность такой политики заключается в том, что в связи с упущенным временем и возможностями, обусловленными политической неопределенностью на территории в течение последних 5-лет, отсутствием необходимой воли и знаний, способных привести к изменениям и улучшениям, нам нужно все проблемы решать параллельно и одновременно. Но, тем не менее, среди всех аспектов культурной политики стоит выделить сегодня приоритетную и трансдисциплинарную проблему, т. е. проблему, решение которой «пронизывает», либо увязывает, либо оптимизирует решения по всем вышеперечисленным причинам.

Это проблема так называемого «цифрового разрыва», которую еще год назад квалифицировали как техническую, связанную с физической доступностью интернета и всей широкополосной связи. Худо ли бедно ли, но эта проблема где-то решена, кое-где решается. 3G видимо скоро появится и в Ковернино. Но возникла не менее сложная задача,

[1] Переверзев Л.Б. Ориентиры культурного возрождения (Свободная экономическая зона в Калининграде. Дизайн-концепция). М. Рукопись.1996. С.5.

связанная с отсутствием пользовательских навыков и умений, которые нужны как для целей экономики района, так и для решения задач в области доступного образования и креативного развития населения.

В связи с этим возникает необходимость формировать эти навыки, прежде всего у подрастающего поколения, которому необходимы современные знания, и специалистов, от работы которых зависит «экспорт» продукта за территорию района. Недостаток таких знаний присущ не только Ковернинскому району. Проблема повсеместная, но пилотный проект для сельского района целесообразно начать здесь. Это можно реализовать отчасти силами специалистов ННГУ (ИНИГО, Лаборатория ИНФОКОМ ННГУ).

Особый характер исторического формирования территории дает основания предположить, что выдающиеся проявления креативного духа ковернинцев, всемирно известные промыслы и бренд хохломы появились благодаря мобильному и разнокультурному населению, историческим «пришельцам» на территорию. Поэтому художественные традиции хохломской и других видов промыслов должны поддерживаться, развиваться и умножаться. Особенно в молодежной среде. Это дает уникальную почву для создания ценностно-ориентированной платформы для туризма и обеспечивает ему уникальную привлекательность. Но для этого необходимо решить задачу взаимопроникновения, конвергенции туристских маршрутов и посещений самих промыслов. Что требует понимания, выделения времени и места, некоторых организационных решений, например, создания мастер-классов, учебных комплектов и пособий, которые посетители смогут увезти с собой.

Основная трудность конвергенции, однако, не в отсутствии желания собственников и менеджеров отрасли НХП, а скорее в недостатке необходимых компетенций, специалистов, способных актуализировать реалистичные сценарии (можно и музейно-исторические) посещения; арт-менеджеров, аниматоров, умеющих вовлечь посетителей в действие, в народное шоу. Индустрия восторга, как часть экономики, построенной на впечатлениях требует и таланта, и инноваций[1].

Последние четыре года на территории обнаруживаются ростки гражданского самосознания, что проявилось в создании гражданских союзов: сначала Нижегородской региональной общественной организации «Родина Хохломы», а затем и начала формирования Ковернинского Землячества, призванных стать хорошей социальной базой наметившимся преобразованиям. Такой опыт гражданской активности и обретения самостоятельности в решениях собственных проблем появился не случайно, и вызван движением граждан района и бывших его жителей, земляков к осознанию собственной

[1] Подкар С.Б. .Модернизация 2.0.Туризм и народные художественные промыслы (НХП): Проект для конвергенции и инноваций. Нижегородская область. Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. Национальный исследовательский университет, 2013. С.5.

территориальной идентичности, гордости за землю своих предков, всемирную известность Родины Хохломы. Такие организации Третьего (некоммерческого) сектора призваны сыграть немалую роль в движении граждан к улучшениям, поиску ресурсов для необходимых позитивных изменений, расширению влияния бренда территории и росту лояльности потребителей к бренду Родины Хохломы. Землячество же способно, при достаточной активности, через своих *агентов влияния* формировать благоприятный климат отношения к бренду и территории Ковернинского района. Гражданские традиции родились не на пустом месте, и связаны они с особым, свободолюбивым характером местного населения, состав которого формировался в течение продолжительно периода из людей, способных совершать поступки и принимать непростые решения под действием обстоятельств. Недаром жители района говорят о нем, как о *ковернинской республике.*

Потребности развития, дефицит бюджета и рабочих мест подталкивают предпринимательское сообщество и власти района к поиску новых деловых активностей. Туризм может стать таким бизнесом, который создаст новые рабочие места и пополнит бюджет района. Однако для этого предстоит решить немало проблем, среди которых главная – это подготовка необходимого персонала, способного создать и реализовать качественную программу гостеприимства. От создания информационной системы для туристов (туристского информационного центра, сайтов, карт, буклетов, указателей и проч.) до гостиниц и хостелов, транспортной логистики и мер обеспечения безопасности туристов, *центров экипировки* пеших туристов. Пока район не готов качественно обсуживать гостей, значит, *средний чек* посещения туристом территории будет минимален, а основную прибыль получат турагентсва из других мест, способные организовать и доставить сюда гостей. Но основная масса может приехать без посредников, и к этому надо быть готовым. В этом случае мы сможем рассчитывать на более серьезный доход.

Известность бренда хохломы подталкивает нас к поиску таких решений, которые бы существенно повлияли на увеличение капитализации территории, стоимости ее продуктов и услуг. Бренд территории, как актив, способный влиять на брендовую наценку к основным продуктам, должен быть не только защищен, но и широко известен. Для этого мы должны обратить особое внимание на разработку фольклорных праздников, связанных с обычаями и обрядами, бытующими на нашей территории. Таким, например, как фестиваль «Камешки», который должен вырасти из местного события, в федеральный народный праздник. Такой праздник станет реализацией программы *событийного туризма,* мероприятия, где мы можем серьезно поторговать нашими промыслами и другой продукцией. Нет нужды доказывать, какое значение такой этнографический фестиваль (ЭтноФест), подкрепленный этномузыкой, этнотеатрами, может иметь для улучшения известности бренда территории и местных продуктов.

Событийная ориентация в продвижении бренда места способна иметь значительные последствия не только для туризма, но и существенно обогатит инновациями местно креативное сообщество, будет способствовать включенности территории в контекст глобального мира, как самобытной русской местности, несущей в своем ядре *национальную идентичность*, воплощенную в материальных объектах: произведениях русских народных художников, предметах НХП.

Реализация программы столь глобальных изменений на пространстве района потребует новой культуры муниципального управления, включенности местного самоуправления на всех уровнях в процесс качественных преобразований, в реализацию экономических и культурных задач. Это небыстрый путь: сознание людей меняется медленно, сказывается всегдашняя инерция. Промышленные корпорации прошли такой путь в условиях жесточайшей конкуренции, и нам его тоже предстоит пройти в конкуренции уже не компаний и продуктов, но в конкуренции территорий и их брендов. Поэтому мы возьмем на вооружение у корпораций то лучшее, что создано в области менеджмента для улучшения нашего муниципального управления. Начиная от внедрения Систем Менеджмента Качества до ЛИН-технологий (бережливости) в практику деятельности муниципалитета, чтобы улучшать обслуживание населения, поднять качество услуг для гостей и туристов, качество иной продукции, производимой на нашей территории. Нижегородский регион является родиной национальной системы менеджмента качества – КАНАРСПИ, так что не боги горшки обжигают. Наши земляки в Нижнем давно используют такие системы как для повышения производительности, так и снижения издержек в управлении.

Возросшие угрозы и новые цивилизационные вызовы побуждают учитывать характер предстоящих экономических и культурных изменений. Так автоматизация и роботизация в ближайшее время (3-5-7 лет) приведет не только к повышению производительности, но снижению количества рабочих мест в основных производствах района. Поэтому так важно сегодня создавать новые производства, развивать традиционные и новые креативные индустрии: НХП и сопряженные с ними деловые активности. Это потребует технологических и дизайнерских инноваций. Значит, надо будет готовить людей, получать новые знания, перестраиваться на ходу. Резкие сдвиги в характере современной экономики, ее турбулентность заставляет нас тщательнее планировать текущую деятельность и прогнозировать изменения. Изменениями надо управлять, не то они будут управлять нами.

Невозможно отгородиться от внешнего мира, поэтому нам предстоит серьезно заняться укреплением института традиционной семьи, в условиях, когда в западной цивилизации, частью которой мы являемся, наблюдается кризис традиционных христианских ценностей.

Наблюдаемый рост влияния ЛГБТ-сообществ, легализация однополых браков и прочие негативные ценностные изменения западного мира несут в себе угрозу разрушения российской цивилизации, института

традиционной семьи. В эпоху глобальных информационных систем, Интернета невозможно перекрыть каналы вредоносной информации. Спасением может стать просвещение и своевременное информирование об угрозах и опасностях такой «глобализации».

Центральное место в ориентации на пространстве культурного возрождения принадлежит основному активу – человеческому капиталу места, гражданам и менеджерам, специалистам и модернизаторам, способным спроектировать и воплотить лучшие решения на путях изменений и улучшений. Поэтому нужно научиться брать *ответственность* на себя. И, если есть уверенность в своей идее, важно научиться отвечать за свою работу, бороться за свои идеи, продвигать их ради развития нашей территории, страны.

«Действуйте, чтобы испытать величайший успех или небывалое падение. Но только такие дела достойны граждан нашего района и интересны истории»[1].

Плакида А.А.
(Республика Крым)

ЗАДАЧИ ИНТЕГРАЦИИ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ В ЕДИНОЕ КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИИ

Уникальность Крыма как территории, имеющей особое геополитическое положение и богатые историко-культурные корни, поддерживается и его традициями – литературными, театральными, музыкальными, кинематографическими, художественными. Они были заложены в разные времена великими драматургами, писателями, поэтами и художниками, для многих из которых Крым стал своеобразной Меккой: И.К. Айвазовский, А.С. Пушкин, М.А. Волошин, А.П. Чехов, А.А. Ахматова, М.И. Цветаева, Н.С. Гумилев, К.Г. Паустовский, А.С. Грин, и многие другие гении создавали свои великие произведения. Крым всегда был местом театральных встреч и гастролей. Крымский академический русский драматический театр имени М. Горького – старейший театр полуострова; на симферопольской сцене творили Михаил Щепкин,

[1] Подкар С.Б. Вступление к Сборнику «Уроки свободомыслия». Материалы Восьмой городской научно-практической конференции Сахаровских чтений. 20 мая 2009 года, Н. Новгород.

Мария Савина, Гликерия Федотова, Вера Комиссаржевская, Павел Орленев, братья Рафаил и Роберт Адельгейм, Исаак Дунаевский, Павла Вульф, Фаина Раневская.

Крым уникален не только природой, его земля хранит ещё многочисленные артефакты исторических периодов: это огромный музей под открытым небом, который привлекает ученых, исследователей, историков и археологов. Более 300 музеев во всех уголках республики являются сокровищницей духовного и материального наследия человечества. Многие из них имеют почтенную историю и бережно сохраняют свои традиции. Феодосийский музей древностей – старейший музей, ему более двухсот лет, Керченский историко-археологический музей – более 185 лет, Дом-музей А.П. Чехова, Дом-музей М.А. Волошина, Дворцовые комплексы республики – Ливадийский, Воронцовский, Юсуповский, Ханский дворец и многие другие архитектурные ансамбли.

В настоящее время Крым – общепризнанная площадка для реализации культурных творческих проектов, которые не имеют географических и политических границ. Международный фестиваль «Великое русское слово», основанный в 2007 году, стал традиционной образовательной, культурной, политической и идеологической платформой, которая ежегодно собирает делегации субъектов РФ и других стран, объединенные духом русской культуры и русского мира. Международный Телекинофорум «Вместе» родился на стыке веков и с 2000 года получил постоянную «прописку» в Ялте. Телекинофорум – крупнейшая культурно-деловая акция на постсоветском пространстве. Ежегодно в его конкурсах, творческих дискуссиях, других мероприятиях обширной деловой и культурной программы участвуют журналисты и кинематографисты, а также артисты эстрады многих стран. Основная идея форума – культурная и духовная интеграция народов – уже в течение шестнадцати лет не теряет своей актуальности как для крымчан, так и для всех народов постсоветского пространства.

Международный фестиваль театрального искусства «ТЕАТР. ЧЕХОВ. ЯЛТА» – актуальный проект, идущий в ногу со временем, творческий симпозиум профессиональных театров, включающий в себя конкурсный показ лучших художественных достижений в области международного театрального искусства. С 2008 года он объединил театральные коллективы разных стран, развивая театральные связи, прежде всего с театрами России и сохраняя историко-культурное наследие Ялтинского театра имени А.П. Чехова[1].

Международная конференция «Библиотеки и информационные ресурсы в современном мире науки, культуры, образования и бизнеса» проходит ежегодно (начиная с 1994 г.) в Республике Крым. Благодаря этой конференции крымские библиотеки пополняли свой фонд

[1] См.: Международный фестиваль театрального искусства «ТЕАТР. ЧЕХОВ. ЯЛТА» URL: theatreyalta.com.

русскоязычной литературой, доля которой за последнее двадцатилетие была сведена к минимуму. Инициатор и главный организатор конференции – Государственная публичная научно-техническая библиотека России.

В культурной сфере Крыма давно зародилась традиция меценатства благодаря российским коллегам. Рамочное соглашение о сотрудничестве с Государственным Эрмитажем, взаимодействие с ведущими центрами культуры и представителями бизнеса – их поддержка помогала сохранять и развивать культурное наследие республики в непростые времена. Это лишь малая доля совместных проектов, которые живут и поныне и интегрируют крымскую культурную сферу в единое культурное пространство не только России, но и всего славянского мира.

История крымской земли сформировала многонациональный и поликонфессиональный состав региона с уникальным культурным многообразием. В настоящее время в Крыму проживают представители 175 этносов: русские (68 %), украинцы (16 %) и крымские татары (более 10 %). Согласно проведенной переписи, 84 % жителей Крыма считают родным языком русский; почти 8 % – крымско-татарский язык, 3,7 % – татарский, 3,3 % – украинский. При этом русским языком владеет 99,8 % населения Крыма. В силу такой картины, самобытность и идентичность оказались в центре политических противостояниях на полуострове в современной истории. Решение крымчан на референдуме 2014 года положило конец политическим спекуляциям в области межнациональных, языковых и религиозных отношений в Крыму.

Однако вопрос интеграции потребовал дополнительных усилий: за каждым муниципалитетом и районом Крыма были закреплены целые регионы России (например, Республика Татарстан). Правовое поле Российской Федерации дает возможность развивать социокультурную сферу с учетом региональных особенностей, принимая законы на уровне субъекта РФ. Законодательная интеграция – важнейший инструмент для реализации целей и задач Основ государственной культурной политики России. И в этом направлении в Республике Крым еще многое предстоит сделать для развития и консолидации гражданского общества, власти и бизнеса.

Алимский О.Н.,
(Амурская область, г. Благовещенск)

ЛУЧШИЕ ПРОЕКТЫ И ПРАКТИКИ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ: ФЕСТИВАЛЬ «РОССИЙСКО-КИТАЙСКАЯ ЯРМАРКА КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА»

У России и Китая давние и крепкие связи, охватывающие различные сферы жизни и деятельности народов. При этом сфере культуры и туризма традиционно отводится значительная роль. И это неслучайно: огромные просторы России и Китая, богатейшая многовековая культура народов двух стран – всё это несёт в себе огромный потенциал для дальнейшего развития и укрепления добрососедских отношений.

Амурская область на протяжении многих лет является активным участником культурного и туристического обмена между нашими странами, их приграничными территориями. Более пятидесяти лет Амурский областной Дом народного творчества успешно выполняет миссию по сохранению и развитию культуры, любительского искусства во всех его жанрах и видах на территории Амурской области. Среди важных направлений деятельности учреждения – развитие международного культурного сотрудничества в сфере самодеятельного народного творчества.

Нами накоплен богатейший опыт проведения крупных региональных и международных проектов, среди которых можно назвать фестивали: «Амур – река дружбы» (2000-2014 гг.), «Содружество – Дальний Восток» (2009 г.), «Российско-китайская ярмарка культуры и искусства» (2010-2014 гг.), «Амур-PHOTO» и предшествовавшие ему фотоконкурсы – открытый и международные на приз имени амурского фотохудожника Владимира Стеганцева (2010-2014 гг.).

Одним из наиболее ярких и успешных примеров сотрудничества в сфере культуры на территории Амурской области и провинции Хэйлунцзян является фестиваль «Российско-китайская ярмарка культуры и искусства». Учредителями и организаторами фестиваля являются: Министерство культуры РФ, Министерство культуры КНР, Правительство Амурской области, Народное Правительство провинции Хэйлунцзян (КНР), министерство культуры и архивного дела Амурской области, департамент культуры провинции Хэйлунцзян, Народное Правительство г. Хэйхэ.

Значимость проекта и перспективы его развития обсуждались в 2014 году участниками Второго Российско-Китайского культурно-туристического форума, прошедшего под эгидой Министерства культуры РФ и Министерства культуры КНР в г. Пекине. Проект министерства

культуры и архивного дела Амурской области – фестиваль «Российско-китайская ярмарка культуры и искусства» в том же, 2014 году, был удостоен 1 места в номинации «Лучший проект в области культуры» на региональном этапе национальной премии в области событийного туризма «Russian Event Awards» (г.Владивосток).

На протяжении шести лет Российско-китайская ярмарка культуры и искусства объединяет широкие круги творческой интеллигенции двух стран, самодеятельных и профессиональных артистов, творческие коллективы, писателей, фотографов, мастеров декоративно-прикладного и изобразительного искусства, специалистов сферы культуры. В круг международного культурного обмена включены музеи, библиотеки, Дома и центры народного творчества; задействованы открытые площадки: набережные, площади, улицы и скверы городов Амурской области РФ, провинции Хэйлунцзян КНР.

С 2012 по 2015 год фестиваль объединил около двух тысяч участников из России и Китая и более 100 тысяч зрителей с российской стороны.

При активной поддержке федерального центра РФ, участие в фестивале принимали известные не только в России, но и во многих странах мира коллективы: государственный академический театр танца «Гжель» (г. Москва, 2012 год), хор имени Пятницкого (г. Москва, 2013 год), Красноярский государственный академический ансамбль танца Сибири имени Михаила Годенко (2014 год). Российские зрители тепло встречали артистов Театра Пекинской оперы и цирка провинции Хэйлунцзян (2012 год), монахов Шаолиня (2013 год), творческий коллектив автономного округа Внутренняя Монголия КНР (2014 год) и многих других исполнителей.

В год празднования 70-летия Победы в Великой Отечественной войне и окончания Второй мировой войны ярким событием VI фестиваля «Российско-китайская ярмарка культуры и искусства» стало выступление Академического ансамбля песни и пляски Российской армии имени А.В. Александрова и Академического ансамбля политуправления военной полиции КНР.

В 2015 году Россию на фестивале представили г. Москва, Приволжский и Дальневосточный федеральные округа, включая Амурскую область, Хабаровский и Приморский край. География участников из Китайской Народной Республики была представлена провинцией Хэйлунцзян и г. Хэйхэ, городами Харбин, Пекин, Ичунь, Муданьцзян, Ляоян, Цицикар, Цзилинь и другими.

Программа мероприятий Шестой ярмарки культуры и искусства включала торжественные церемонии открытия, концерты, творческие встречи, мастер-классы, экспозиции, выставки-продажи работ декоративно-прикладного искусства мастеров КНР и РФ в учреждениях культуры, на открытых площадках двух приграничных городов и многое другое.

В состав делегации КНР по традиции вошли мастера изобразительного и декоративно-прикладного искусства, чьи работы представлены на

выставке-продаже в сквере Амурского областного Дома народного творчества, а также на центральной площади г. Благовещенска в день официального открытия фестиваля на российской стороне. Изделия народных художественных промыслов Китая, выполненные в разных техниках и из различных материалов: вышивка, керамика, резьба по дереву, художественное вырезание из бумаги и многое другое – традиционно вызывают большой интерес у жителей и гостей приграничного города. Только за три последних года российскими гражданами приобретено более пяти тысяч работ китайских мастеров. В рамках выставки отдельные мастера охотно демонстрировали приемы каллиграфии, игры на традиционном музыкальном инструменте пипа, отдельные участницы представляли женские национальные костюмы, что способствовало лучшему пониманию культурных традиций Китая.

Китайская сторона, как и в предыдущие годы, с большим радушием принимала творческую делегацию из России. Своеобразие нашей культуры было представлено профессиональными и самодеятельными творческими коллективами и отдельными исполнителями, мастерами декоративно-прикладного искусства. В музее русско-китайской дружбы г. Хэйхэ была организована выставка-продажа изделий Ордена «Знак Почёта» ЗАО «Хохломская роспись» г. Семёнов Нижегородской области, мастеров декоративно-прикладного искусства из Амурской области и Дальневосточного федерального округа. Было представлено около четырёх тысяч работ, выполненных в разных техниках декоративно-прикладного искусства: керамика, художественная обработка дерева и бересты, корнепластика, декупаж, вышивка, текстильная кукла, лоскутное шитье, бисероплетение, пэчворк, обработка кожи и меха, национальная вышивка, интерьерная игрушка и другие. Общее количество посетителей выставок в музее г. Хэйхэ, организованных российской стороной, составило более пяти тысяч человек. Следует отметить, что китайские художники проявляют большой интерес к технике написания картин масляными красками, где объем, динамика, перспектива зависят от наложения краски, ее толщины и поворота кисти. В свою очередь, российским художникам крайне интересна китайская национальная живопись Го Хуа с ее ощущением воздуха, пространства, перспективы.

В дни проведения фестиваля 2015 года дальнейшее развитие получило культурное взаимодействие между коренными малочисленными народами Дальнего Востока России и Китайской Народной Республики. С 2012 года в рамках фестиваля осуществляется активный обмен делегациями орочонов провинции Хэйлунцзян КНР и эвенков Амурской области, Камчатского края России.

Опираясь на богатый опыт, организаторы фестиваля ежегодно расширяют и обогащают культурную программу пребывания делегаций орочонов и эвенков на приграничных территориях двух стран. Представители малочисленных коренных народов провинции Хэйлунцзян КНР побывали в Ивановском районе Амурской области. В с. Ивановка гостей с хлебом-солью встречали у районного историко-краеведческого

музея. Сотрудники музея ознакомили делегацию с экспозициями «Крестьянская изба» и «Вторая Мировая война». Гости посетили районную библиотеку и узнали, как организована ее работа в рамках российского Года литературы. Орочонам было подарено полное собрание сочинений Салтыкова-Щедрина на русском языке, которое они обещали передать в библиотеку поселения Бейиньна (район Айхой провинции Хэйцлунцзян). На берегу искусственного водоёма с лотосами была проведена чайная церемония «Цветок Будды – цветок мудрости».

В с. Солнечное Ивановского района гостей из КНР встречали народные мастера Амурской области Сергей Петрович и Любовь Николаевна Гуцаны и их дочь Юлия Соколова. Орочонам продемонстрировали полный цикл по изготовлению керамики, провели мастер-классы по работе за гончарным кругом, а также росписи готового изделия – под руководством народного мастера Амурской области, педагога-керамиста из г. Благовещенск Галины Анатольевны Ананенко. Гостей в доме-мастерской Гуцанов угощали чаем из лекарственных трав собственного приготовления. Каждый из состава делегации орочонов увёз в Китай на память о России по глиняной крынке, украшенной росписью из полевых цветов; чайный сбор трав с ивановских полей. Кроме того, все желающие смогли купить работы мастеров «солнечного круга».

12 августа состоялась обзорная экскурсия по г. Благовещенск, орочоны посетили также Амурский палеонтологический музей динозавров и Амурский областной Дом народного творчества. В АОДНТ гости стали участниками мастер-класса по изготовлению лоскутной куклы «Коза-Дереза» – оберега и символа 2015 года, приняли участие в колядках согласно русской традиции, в преддверии «нового года» культурных связей между орочонами КНР и эвенками Амурской области. Сотрудники областного Дома народного творчества организовали русское чаепитие и фотосессию для орочонов: в русских костюмах и доспехах эпохи Древней Руси подготовили подарки. Встречу провела Оксана Головачёва, руководитель проекта «Музей Лоскутной Куклы», ведущий методист АОДНТ по объектам нематериального культурного наследия и культуре коренных малочисленных народов Севера.

В концертном зале областного Дома народного творчества орочоны посмотрели короткометражный фильм «Дальний Восток» о красотах Камчатки, Сахалина, Приморья и Приамурья, республики Саха.

Международный фестиваль позволил заговорить о проблеме национального языка. Эвенкийский язык помнят и используют только старейшины родов, молодежь родного языка не знала ни с русской, ни с китайской стороны. Орочоны Китая предложили эвенкам России присоединиться к созданию Орочоно-Эвенкийского словаря. С целью обсуждения работы по его созданию руководитель делегации Мо Шао Хуа встретился в АОДНТ с Ольгой Морозовой, заведующей кафедрой иностранных языков филологического факультета Амурского государственного университета (выход издания АмГУ запланирован на 2017 год). Было отмечено, что при создании словаря могут возникнуть

трудности, связанные с различием в говоре эвенков Селемджинского и Тындинского районов Амурской области, хотя, как показала китайская часть программы фестиваля, орочоны с лёгкостью понимают и общаются с эвенками обоих районов.

В качестве гостей орочоны были приглашены на мероприятия фестиваля, проводимые в г. Благовещенск: открытие выставок в областном Доме народного творчества и Амурском областном краеведческом музее им. Г.С. Новикова-Даурского, торжественную церемонию открытия фестиваля в Общественно-культурном центре, праздничную программу на площади им. Ленина и фейерверк.

14 августа делегация орочонов вернулась на родину. Её руководители продолжили участие в мероприятиях фестиваля совместно с делегацией Российской Федерации, в которую вошли представители единственного в Амурской области коренного малочисленного народа Севера – эвенков.

В состав делегации эвенков было включено 20 человек: старейшины родов с. Ивановское Селемджинского района, выполнившие задачу Президента РФ по формированию Единого электронного Реестра объектов нематериального культурного наследия РФ; руководитель театра эвенкийской моды п. Бомнак Зейского района, исполнители горлового пения, мастера декоративно-прикладного искусства; носители языка, участвующие в формировании эвенкийско-орочонского словаря, участники народного ансамбля северного танца «Дюгэлдын» из Селемджинского района. Отдельное приглашение орочонов приняла глава Тындинского района Амурской области Т.А. Лысакова и два представителя – мастер эвенкийского декоративно-прикладного искусства и глава поселения Усть-Уркима.

В рамках культурного обмена участники делегации привезли с собой:

— 30 посланий на русском языке от эвенкийских детей Амурской области детям КНР, в каждом – рассказ о себе, своей семье и увлечениях, вложенная открытка или гербарий. Цель посланий – найти друзей в КНР и завести с ними переписку. В итоге 20 писем получили дети поселения Бейиньна района Айхой, оставшиеся письма были переданы воспитанникам школы-интерната с.Синьшэн;

— мастер-классы по выделке оленьей шкуры. Каждому участнику были выданы заготовки размером 10х10см, при этом половина заготовки обработана, а другую предстояло выделывать под руководством эвенкийского мастера и старейшины рода Татьяны Николаевны Софроновой (с. Ивановское Селемджинского района);

— пять презентаций в рамках показа эвенкийской одежды из натуральных материалов;

— презентацию «Символы и знаки эвенкийского орнамента», которая была проведена в музее культуры орочонов поселения Шибаджан учителем средней образовательной школы п. Бомнак Зейского района Мариной Михайловной Захаровой. С интересом амурчане ознакомились с представлениями орочонов о трёх составляющих мира: низшим, средним и высшим. Тряпичные идолы высшего мира, в отличие от

обереговой куклы России, были с прорисованными глазами, чтобы видеть нужды орочонов и донести их до высших богов;

— презентацию под названием «Таёжный сбор». Традиционно эвенки используют вместо чая таёжный сбор, в него входят лист брусники, собранный по весне, иван-чай, тысячелистник, почки берёзы, плоды шиповника, а также взвар на основе гриба чаги. Презентация включала дегустацию чаёв;

— танец дружбы «Гэркил», который подготовил специально для Российско-китайской ярмарки культуры и искусства народный ансамбль северного танца «Дюгэлдын» (художественный руководитель – Дмитрий Макаров). Танец был исполнен в программе большого заключительного концерта в поселении Бейиньна.

С 14 по 18 августа в рамках программы пребывания на территории КНР амурские эвенки открывали большое российско-китайское шествие, приняли участие в церемонии открытия ярмарки на набережной г. Хэйхэ (14 августа). Посетили четыре национальных поселения орочонов: Бейиньна, Шибаджан, Хума – Большой Хинган, VIP-персоны участвовали в празднике в деревне Синьшэн (15-17 августа): побывали в музеях культуры орочонов и выставочных залах берестяного искусства, участвовали в выставках-ярмарках работ декоративно-прикладного искусства, зажигали Большой костёр Дружбы…

17 августа амурские эвенки вернулись в г. Хэйхэ, в Амурскую область – днём позже, тем самым завершив в рамках фестиваля свою часть миссии по укреплению дружбы между народами России и Китая.

Анализируя опыт и результаты фестиваля, можно с уверенностью сказать: у Российско-китайской ярмарки культуры и искусства большое будущее. Уверенность в этом придает и всесторонняя поддержка на всех организационных уровнях, от федерального, со стороны Министерства культуры РФ, до местного – со стороны городских и сельских администраций и учреждений культуры Амурской области. Не менее значимы крепнущие год от года личные дружественные контакты между организаторами и участниками, позволяющие успешно решать напрямую целый ряд вопросов.

Мы убеждены, что совместная деятельность в сфере культуры позволяет лучше узнать друг друга и укрепить связи между нашими государствами на многие десятилетия вперед – благодаря воспитанию все новых поколений граждан в духе дружбы и уважения к богатейшим культурным традициям наших стран.

Сильверсан-Максимов А.В.
(Республика Саха (Якутия), Якутск)

ИНФОРМАЦИОННАЯ СИСТЕМА «ОНЛАЙН КУЛЬТУРА» КАК ЕДИНОЕ ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

Одним из главных направлений развития доступности услуг в сфере культуры и искусства является развитие информационных систем, объединяющих всю отрасль (контроль-управленческие органы, отраслевые учреждения, профессиональная среда работников).

Создание единого информационного пространства вовлекает культуру села в общий поток развития всей отрасли. Создание такой системы отразится на уровне развития и качества предоставления государственных услуг в области культуры и искусства. Современные условия диктуют внедрение новых инновационных технологий, методов и способов эффективного взаимодействия государственных органов власти и гражданского общества. Это позволит решить основную цель государственной системы – создание условий для развития каждой личности в отдельности и интересов общества в целом.

База внедрения:

Орган государственной власти сферы реализации: Министерство культуры и духовного развития Республики Саха (Якутия)

Основные понятия и сокращения:

СОК – Система «Онлайн Культура»

Три объекта Системы «Онлайн Культура» (Субъект, Организатор, Контрольный орган) – лица, работающие с системой СОК.

Контрольный орган – полномочная организация или подразделение по управлению сферой культуры и искусства от имени государственной или муниципальной власти (министерство культуры и духовного развития Республики Саха (Якутия), управления культуры муниципальных районов и пр.).

Организатор – юридическое или физическое лицо, организующее и регистрирующее мероприятие (событие).

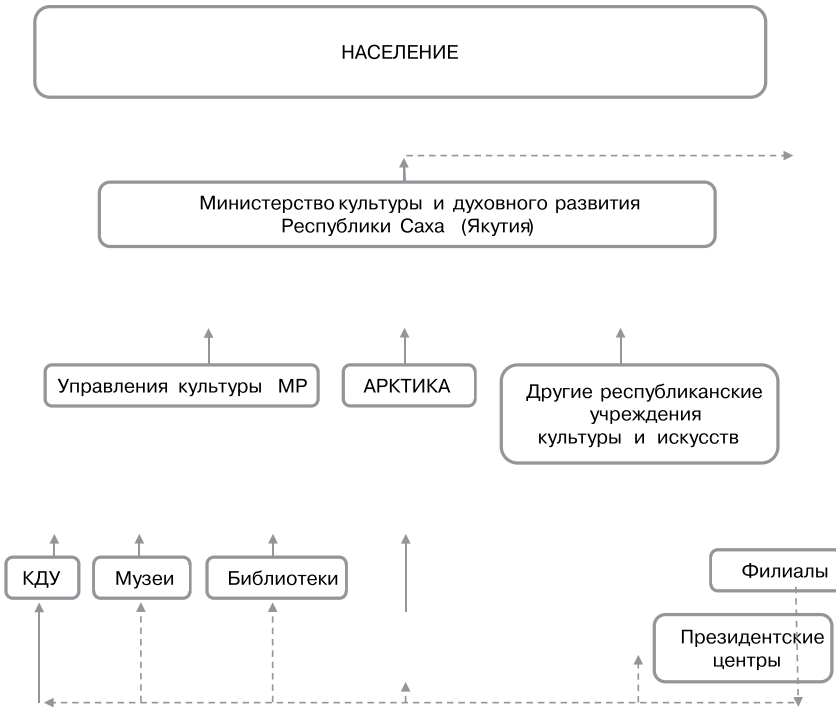
СЕО-Администратор – официальный представитель Организатора (учреждения), имеющий доступ к системе “Онлайн Культура” и вносящий данные о мероприятии (событии), с необходимыми навыками.

Субъект – юридическое или физическое лицо, получающее услуги Организатора.

ID (УРН) – уникальный регистрационный номер, присваиваемый в момент регистрации мероприятия (события) в системе «Онлайн Культура».

Тэг – это уникальное слово или фраза, записанная без пробелов в СОК, являющееся дополнительным идентификатором мероприятия помимо ID (УРН).

Структура



Описание

Система «Онлайн Культура» – это информационно-коммуникационная система регистрации, контроля, мониторинга, публикации, оценки и анализа событий в сфере культуры и искусства. Является многопользовательской, многофункциональной системой, предназначенной для эффективной поддержки деятельности по планированию, контролю и прогнозированию отрасли культуры и искусства. СОК позволяет упростить прием/передачу информации о событии от организатора до участника, с последующей отчетностью.

Система охватывает практически все сферы культурной жизни населения (музеи, библиотеки, образовательные учреждения, театрально-зрелищные учреждения и пр.).

Функционирование СОК поддерживается общесистемным и прикладным программным обеспечением (неотъемлемыми элементами СОК) и внешними сетями передачи данных, обеспечивающими взаимодействие с другими внешними информационными системами.

Система «Онлайн Культура» создана для организации эффективного взаимодействия по трехмодельной системе: Субъект, Организатор, Контрольный орган.

Система «Онлайн Культура» позволяет:

— реализовать профессиональный диалог деятелей культуры и искусства;

— обмениваться методической информацией, столь необходимой для сельского работника культуры;

— создать общедоступность населения к услугам учреждений культуры и искусства;

— получать оценку населением деятельности учреждений культуры;

— повысить привлечение населения к услугам учреждений культуры и искусства;

— упростить текущую работу, создавая больше времени на творческую и профессиональную реализацию работников культуры и искусства, через автоматизированную систему отчетности;

— повысить качество предоставляемых услуг населению;

— получать достоверную статистическую информацию для дальнейшего анализа в целях усовершенствования своей деятельности;

— создать условия для более эффективного управления отраслью в современных условиях.

Принципы

Принцип простоты – система должна отвечать следующим критериям: легкость восприятия, интуитивно понятный интерфейс и простота взаимодействия человека и СОК.

Принцип достоверности: система стремится к прямому получению первичной достоверной информации от объектов СОК (Субъект, Организатор, Контрольный орган) и прямой передаче полученной обработанной информации.

Принцип оперативности: система должна позволять в режиме реального времени взаимодействовать объектам СОК (Субъект, Организатор, Контрольный орган).

Принцип равенства: система стремиться к равенству уровня взаимодействия объектов СОК.

Миссия: Создание единого культурного пространства на стыке трех объектов взаимодействия: Субъект (зритель), организатор (учреждение) и Контрольный орган (Органы управления сферой культуры и искусства).

Цели: Разработка и внедрение единой информационной системы управления, контроля и отчетности деятельности учреждений культуры и искусства.

Задачи:

- Систематизация и упорядочивание информации о проводимых мероприятиях (событиях) путем регистрации и присвоению им Уникального Регистрационного номера (ID) и индивидуального тэга (для удобства поиска в социальных и иных сетях) в единой базе данных.

- Разработка форм отчетности, в контексте общепринятых форм и форматов отчетности.
- Регистрация и последующее обучение CEO-администраторов от учреждений (организаторов) в системе «Онлайн Культура».
- Организация удаленного доступа CEA-администраторов системы «Онлайн Культура» для регистрации мероприятий (событий) (см. Приложение этапов).
- Обеспечение безопасности хранимых данных от несанкционированного доступа, взлома и DOS-атак в системе «Онлайн Культура».
- Правовое сопровождение системы «Онлайн Культура».
- Обеспечение синхронизации системы «Онлайн Культура» с другими смежными информационными системами.
- Разработка нормативно-правовой базы системы «Онлайн Культура»
- Организация масштабного доступа открытой информации СОК населению.

Дугаров Б.Б.
(Республика Бурятия)

ТИБЕТСКАЯ МЕДИЦИНА КАК ЧАСТЬ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ НАРОДА

Тибетская медицина является частью буддийской философии и представляет собой систему знаний о психологическом и физическом состоянии человека, его здоровье, болезнях, методах диагностики и лечения болезней.

Начало распространения тибетской медицины на территории России относится к XVI-XVII векам, когда получила распространение философия Буддизма на территории этнической Бурятии.

Уже более 250 лет назад высочайшим указом Екатерины II было учреждено звание главы буддистов Восточной Сибири и Забайкалья – Пандита Хамбо Ламы. 1764 год считается годом официального признания буддизма одной из действующих религий на территории России. В свою очередь, в 1766 году бурятские ламы, признали Екатерину Великую воплощением на земле Белой Тары – богини мудрости и сострадания.

Введение Императрицей в 1764 году титула Пандито Хамбо Ламы для главы буддистов-бурят стало основой формирования в России

собственного института буддийских иерархов. Ранее ламы находились под влиянием зарубежных духовных лидеров. За более чем 250 лет на этой должности прослужили России 24 Пандито Хамбо Ламы.

Во второй половине XIX века благодаря братьям, известным докторам тибетской медицины Сультиму (Александр Александрович Бадмаев) и Жамсарану Бадмаевым (Петр Николаевич Бадмаев), тибетская медицина стала известной в европейской части России (городах Санкт-Петербурге, Москве, Саратове, Казани) и в последующем распространилась в Польшу, Австрию, Швейцарию, США и другие страны.

В результате исследований, проводимых в отделе тибетской медицины Бурятского научного центра СО РАН, был создан и издан уникальный труд под названием «Атлас тибетской медицины», в котором даны интерпретации листов Атласа тибетской медицины, лекарств в современных терминах, изучены принципы диагностики, лечения, установлены общие закономерности составления многокомпонентных лекарственных препаратов.

В лаборатории радиобиофизики Бурятского научного центра создан автоматизированный диагностический комплекс «Пульс», основанный на принципах пульсовой диагностики заболеваний, позволяющий одновременно исследовать 12 внутренних органов.

В России, в городах Москва, Санкт-Петербург, Казань и Екатеринбург уже 26 лет успешно функционирует клиника тибетской медицины «Наран», которая занимается оказанием медицинских услуг, лечением пациентов, научными исследованиями в области методов диагностики и лечения, технологиями фитопрепаратов и их производством.

В Бурятии в полной мере используется арсенал тибетской медицины в республиканском госпитале для ветеранов войн и других государственных и негосударственных медицинских учреждениях.

Клиникой «Наран» осуществляется систематическая подготовка и повышение квалификации врачей и среднего медперсонала по основным методам тибетской медицины. Формируется система, сочетающая достижения современной медицины и рациональный опыт традиционной тибетской медицины.

Таким образом, тибетская медицина в Бурятии и в России существует на протяжении нескольких веков и является достоянием культурной традиции народов России.

С точки зрения медицины, тибетская медицина – это система профилактики, диагностики и лечения болезней, основанная на глубоком понимании организма как единого целого.

В своем арсенале средств диагностики тибетская медицина использует три, на первый взгляд, очень простых метода: опрос пациента, осмотр пациента и диагностика по пульсу.

Так же необходимо отметить, что по канонам тибетской медицины, все люди подразделяются на три группы (конституции, физиологические начала): это конституции (Три доши) Ветер, Желчь и Слизь. Каждому типу конституции присущи свои разновидности заболеваний.

Как методы лечения тибетская медицина использует четыре метода: коррекция образа жизни пациента; коррекция питания пациента; внутреннее воздействие на организм человека – назначение 100% натуральных фитопрепаратов (лекарств из трав, минералов и компонентов животного происхождения) и внешние процедуры или внешнее воздействие (иглорефлексотерапия, точечный, лечебный массаж, кровопускания, прогревания – стоунтерапия, моксотерапия, баночный массаж и многое другое).

Ранее тибетская медицина широко использовала в лечении методы хирургического вмешательства. Но данный метод лечения сегодня не практикуется и полностью находится в ведении аллопатической, европейской медицины.

Несмотря на свое древнее происхождение, тибетская медицина – это развернутая система знаний, основывающаяся не на эмпирических, а на исключительно точных и осознанных теоретических постулатах, которые до сих пор изучены европейской наукой недостаточно, и только сейчас начинают подтверждаться современными исследованиями.

Впрочем, наилучшей рекомендацией тибетской медицине являются не научные подтверждения правильности ее теории, а количество излеченных больных, которые не получив помощи в европейской медицине, нашли ее у тибетских врачей. Речь идет не о конкуренции двух систем лечения – каждая из них сильна по-своему, – а о точном знании возможностей каждой из них.

Тибетская медицина, по мнению ее приверженцев, это синтез науки, искусства и философии, которые обеспечивает целостный подход к оздоровлению организма. О научности тибетского знания свидетельствуют принципы, изложенные в стройную логическую систему, основанную на знании функционирования тела и его взаимодействия с окружающей средой. Тибетская медицина – это искусство, так как используются методы диагностики, которые основаны на тонкости восприятия, интуитивном постижении и сострадании врача. Тибетская медицина – это философия, так как она охватывает основные принципы Буддистской философии, такие как альтруизм, карма и этика.

В первую очередь причиной заболеваний являются неправильный образ жизни (условия быта, трудовой деятельности, режим сна и отдыха, общения, особенности половой жизни) и неподходящая диета. Поэтому большое внимание уделяется изменению диеты пациента и образа жизни. Существуют различные формы лекарств: отвары, порошки, пилюли, драгоценные пилюли, сиропы и другие.

Тибетские лекарства – это средства природного происхождения. Главным образом это травы, цветы, плоды деревьев, листья, кора, а также минералы и многое другое. Тибетская медицина полностью исключает применение химикатов. В лечении хронических заболеваний тибетской медицине нет равных. Очень часто чтобы излечить хроническую болезнь полностью, нужно учитывать состояние других органов, которые могут быть не пораженными болезнью, а ослаблены функционально и не дают

организму вылечиться полностью. Например: образование камней в почках связано не только с работой почек, но и с работой пищеварения. Не исправив нарушение пищеварения, камни будут образовываться опять. Или: хроническое воспаление придатков повторяется многократно, потому что ослаблена энергия почек, без лечения которых эффект будет кратковременным.

Еще одной сильной и особенной стороной тибетской медицины является анализ образа жизни и питания пациента. Никто толком не подозревает, насколько сильно могут пищевые пристрастия или привычки поведения влиять на болезнь.

Сейчас возникла плодотворная ситуация, когда диагностические методы европейской медицины включаются в тибетскую систему диагностики; и с другой стороны, результаты лечения методами тибетской медицины подтверждаются европейской медициной.

Тибетская медицина – самодостаточная и полная медицинская система. В ней нет узких специалистов, один врач лечит всё: глаза, желудок, сердце. Это возможно потому, что здесь весь организм рассматривается во взаимосвязи органов и систем. Поэтому, казалось бы разрозненные симптомы могут «чудесным» образом быть объединены единым пониманием; разные болезни могут быть проявлением одной и той же более глубокой болезненной тенденции. Поэтому врач тибетской медицины – это специалист, которого интересует о вашем организме все, а не только жалобы, связанные с конкретным органом. Поэтому на вопрос: «Какие болезни лечит тибетская медицина?», можно ответить: «Любые, потому что лечится весь организм».

Тибетская медицина берет за основу выражение: «Любая болезнь человека порождена его разумом и отрицательными мыслями». Неведение разрушительно влияет на эндокринную систему, приводя к развитию сахарного диабета и избыточному весу, а гнев и ненависть разрушают нервную и пищеварительную системы. Поэтому доктор прежде всего пытается изучить разум и мысли человека, а потом уже назначает лечение с помощью тибетских методов.

В настоящее время наработанные веками традиции изучаются, а положительный опыт тибетской медицины учитывается во врачебной практике.

Мухин Д.
(Вологодская область)

ТРАДИЦИОННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОЙ МУЗЕЙНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ПРОЕКТА «МЫ, СОБРАВШИСЬ, ПОСТАНОВИЛИ...»)

Система крестьянского самоуправления на Русском Севере формировалась на протяжении нескольких веков и, адаптируясь к изменяющимся условиям, существовала вплоть до 30-х годов XX века. Эта система не была идеальной, она имела свои сильные и слабые стороны, но она может служить эффективной призмой для рассмотрения и осмысления сегодняшней ситуации. Сходы не менее чем 8 типов проводились регулярно, существовало порядка 30 выборных должностей, службы в которых не могла избежать ни одна семья. Существовали традиции, связанные с выборами, службой должностных лиц и контролем со стороны общества за их деятельностью.

Экспозиционный проект «Мы, собравшись, постановили...» посвящен вопросам крестьянского самоуправления рубежа XIX-XX веков и отношения крестьян к участию в этой системе. В основе проекта лежит многолетняя исследовательская работа: в архивах Вологодской области было выявлено более 1000 ранее не введенных в научный оборот документов, раскрывающих различные стороны процесса крестьянского общественного управления.

В результате реализации проекта была создана интерактивная экспозиция «Мы, собравшись, постановили...», позволяющая не только познакомиться с системой крестьянского самоуправления рубежа XIX-XX веков, но и самому почувствовать себя сельским старостой.

Существующая экспозиция и богатый собранный материал могут послужить базой для дальнейшего развития проекта. На сегодняшний день именно музей может стать площадкой для трансляции и обсуждения исторического опыта в контексте современных процессов. Этому способствует ряд предпосылок: политическая нейтральность; высокий уровень доверия в обществе к транслируемым сведениям; наличие языка и форм трансляции, понятных для широкого круга посетителей.

Определенный опыт уже имеется. В ходе реализации проекта музей «Семенково» и Общественная палата Вологодской области организовали круглый стол «Крестьянская общественная служба: история и современность». Идея Круглого стола состояла в том, что сегодняшнему управлению деревней предшествовали века формирования особых систем управления, самоуправления, и именно этот опыт, понимание

механизмов жизни крестьянской общины, могут позволить рассмотреть не только современные проблемы, но и возможные пути их решения.

Таким образом, сведения о традиционной политической культуре через музейную деятельность не только могут быть введены в общественный оборот, но и послужить основой для диалога о современном развитии гражданского общества и самоуправления.

Алексеева Г.В.
(Приморский край)

О РАЗРАБОТКЕ СТРАТЕГИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ В ПРИМОРСКОМ КРАЕ

В Приморском крае есть определенные успехи, которые демонстрирует деятельность Администрации края и Департамента культуры. Несмотря на наличие развитой культурной и образовательной инфраструктуры: учебные заведения искусств, университеты, музеи, театры, выставочные залы, памятники, появившиеся скверы, в летний период город Владивосток мало привлекателен для туристов из-за слабой взаимосвязи всех звеньев инфраструктуры. Вхождение в международное экономическое и культурное пространство бурно развивающего АТР все больше становится особой заботой администрации города и края. В связи с этим позиционирование города и края как ДОМА с точки зрения его культурных и исторических героев, духовно наполняющих ХРАМ города и края, должно стать приоритетной задачей приморского общества.

Сегодня Общественная палата Приморского края получила информацию из ряда муниципальных районов: Большой Камень, Яковлевский район, Пожарский район, Пограничный район, Лесозаводский район, Партизанск, Арсеньев, Уссурийск, Хасанский район, Шкотовский район, Красноармейский район, Находка о состоянии кадров в сфере культуры и искусства в Приморье. Получены ответы от Приморского Театра оперы и балета, Приморской государственной картинной галереи и Приморского краевого отделения Союза дизайнеров России. Из ответов видно, что на уровне муниципальных учреждений культуры *не сформирована система повышения квалификации кадров культуры и искусства, слабо развития важнейшая составляющая популяризации искусства – недостает качественного искусствоведческого анализа событий культуры.*

По статистике за 2010 год в 920 учреждениях культуры и образовательных заведений культуры и искусства края работали 7698 человек, из которых молодежь до 30 лет составляла только 8,4% а специалисты с высшим образованием составляли 29,7%[1].

Статистика в учреждениях культуры Приморского края за 2011 не лучше: 8526 – всего работников культуры, 890 - до 30 лет (10,4 %), 3157 – 30-50 лет, 2759 – старше 50 лет, 2909 имеют высшее образование (34.1%), 222 – неоконченное высшее, 2774 – среднее специальное, 1215 – общее[2].

По данным за 2013 год в крае осталось 6805 работников культуры (в соответствии с указом президента РФ от 07.05.2012 № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» была значительная часть работников уволена или переведена на неполные ставки). Из них 5970 работников – штатные, основной персонал составляет 3717 человек. Высшее образование имеют 1950 человек (по отношению к штатному составу 32,6 %, по отношению к основному персоналу 52,5 %)[3] .

Как видим, процент работников сферы культуры с высшим образованием колеблется в одних и тех же параметрах – около 30 процентов от штатной численности. Безусловно, качество работы таких специалистов остается за гранью понимания актуальных проблем национально-культурной безопасности государства.

Опросы Общественной палаты Приморского края, проведенные в октябре-ноябре 2014 года, отражают запросы муниципальных районов края в области развития культуры. Во всех поступивших отзывах высказаны примерно одни и те же пожелания:

1. Необходимость качественного анализа событий культуры региона (Шкотовский, Яковлевский, Театр им. А.М. Горького, Находка, Союз дизайнеров, Приморский театр оперы и балета, Приморская краевая картинная галерея, Уссурийск, Лесозаводск, Арсеньев), для которого нужны арт-критики – искусствоведы и музыковеды, подготовленные журналисты;

2. Необходимость постоянной системы повышения квалификации кадров культуры (Пограничный муниципальный район, Большой Камень, Союз дизайнеров, Уссурийск, Театр оперы и балета, Партизанск, Арсеньев);

3. Дефицит квалифицированных кадров, отсутствие кадрового резерва. Среди необходимых квалификаций называются режиссеры массовых праздников, хореографы, концертмейстеры, хормейстеры, искусствоведы, специалисты в области культурно-досуговой и библиотечной деятельности, в области государственного управления.

4. Отсутствие выделенных управлений культуры (Хасанский район).

---

[1] Данные Информационно-аналитического центра Министерства культуры РФ – доступно из URL -http://givc.ru – дата обращения 29.01.2012.

[2] http://givc.ru/projects/passportculturalregions/455/item4430/ - дата обращения 23.05.2013.

[3] (http://givc.ru/projects/passportculturalregions/562/item6806/ дата обращения 20.11.2014).

Каждый муниципальный район имеет свои муниципальные программы по развитию культуры, но, как видно из поступивших документов, несмотря на дефицит кадров, муниципальные районы не планируют проводить обучение по необходимым для них специальностям культуры из муниципальных средств, хотя сейчас такие полномочия у муниципалитетов имеются.

Мониторинг состояния культуры в муниципальных образованиях Приморского края показал, что нужно вносить изменения в 44-ФЗ, в 131-ФЗ, в 98 Закон Приморского края (пока в стадии рассмотрения). Внесение краевых предложений для введения изменений в ст.14 и ст. 28 ФЗ № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления», где а) при рассмотрении бюджета поселения или муниципального образования процент средств на культуру должен быть постоянным; б) должны быть увязаны с 98 Краевым законом об охране памятников (пока на утверждении во втором чтении) и 73 ФЗ вопросы о бесплатном выделении муниципальным образованием границ территории памятника и бесплатной постановке на кадастровый учет.

Необходимо от количественных показателей в культуре переходить к качественным – в программе развития культуры Приморского края на 2013-2017 годы превалируют количественные показатели.

Владивосток располагает большими возможностями подготовки кадров культуры и искусства. Дальневосточная государственная академия искусств, Дальневосточный федеральный университет, МГУ им. Г.И. Невельского, ВГУЭС предоставляют возможности подготовки кадров в сферах искусства и культуры. Тем не менее, край не всегда ознакомлен с программами краевого центра и нередко планирует свое обучение в сфере культуры в Хабаровске (Уссурийск, например). Достойная презентация России в Азиатско-Тихоокеанском регионе невозможна без дальнейшей реализации и расширения образовательных программ по культуре и искусству. Утверждение образовательных направлений по истории искусства и культуры на Дальнем Востоке через создание полноценных исследовательских и популяризаторских работ о заслуженных артистах и художниках края (коих на сегодняшний день более 200 человек – но пока никто из них не удостоен ни одной монографией), - должны стать украшением региона, средством привлечения иностранных туристов и студентов во Владивосток.

Вместе с тем, Министерство образования и науки уже не первый год не выделяет бюджетные места на обучение специалистов в области искусствоведения, социально-культурной деятельности и народной художественной культуры для Дальнего Востока. В вузах края не ведется подготовка по такому образовательному направлению, как «Литературное творчество», в то время как есть молодые талантливые мастера слова, способные «глаголом жечь сердца людей». А это именно то, что способно обеспечить духовную составляющую развития молодежи. В таких условиях было бы целесообразно *сформировать систему софинансирования образования талантливой молодежи с мест*

за счет средств муниципального и краевого бюджета. Гибкая система подготовки кадров в ДВФУ в состоянии внести необходимые для районов края коррективы в образовательные программы.

В полномочиях департамента культуры Приморского края не прописаны а*) функции софинансирования подготовки кадров культуры, б) нет строки о тарификации работников культуры через обязательное повышение квалификации 1 раз в 2 года.*

Слабо используются возможности муниципальных образований Приморского края для подготовки кадров культуры в новых условиях развития Приморского края и свободного порта Владивосток, в условиях развития туристической инфраструктуры ТОРов края (*национальные подворья*).

Должна быть активизирована работа по проекту «Об установлении границ территорий культурного наследия…», обозначенному в постановлениях Приморского края и необходим в связи с этим многолетний проект, финансируемый из средств федерального или краевого бюджета. На сегодня по статистике из 121 объектов владивостокской крепости описаны только 32. Не описаны 3000 археологических объектов федерального наследия края, 98 региональных (из 1300) объектов края, для которых нужны архитекторы, историки, искусствоведы, геодезисты. Должна быть либо отдельная структура, либо краевой проект.

Пора осуществить перевод проекта из краевой программы развития культуры на 2013-2017 годы «О распределении субсидий из бюджета Приморского края некоммерческим организациям на возмещение части затрат, связанных с организацией и проведением культурных проектов…» в Постановление Приморского края.

Необходимо вносить изменения в закон 181-ФЗ в части пункта 7 статьи 5: «Участие органов государственной власти субъектов Российской Федерации в обеспечении социальной защиты и социальной поддержки инвалидов» для создания условий социально-трудовой адаптации людей с ограниченными возможностями здоровья через создание брендовых изделий декоративно-прикладного творчества, стимулируя тем самым развитие декоративно-прикладного искусства и народных промыслов в регионах.

В соответствии с парламентскими слушаниями в Совете Федерации 26 марта 2015 года на тему «Государственная культурная политики и вызовы времени» необходимо включение в состав федеральной рабочей группы по разработке Стратегии государственной культурной политики представителей Приморского края, а также необходим тщательный анализ предлагаемых от нашего региона законодательных инициатив.

Василенко С.А.
(Москва)

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ДОСТУПА ГРАЖДАН РОССИИ К СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ В 2015 – 2017 ГОДАХ

В настоящее время в регионах России складывается ситуация, при которой граждане практически не имеют доступа к выходящим в издательствах произведениям современной художественной литературы на русском языке. Тому есть ряд причин. Основной негативный тренд в книгоиздательской отрасли связан с тем, что цена на книги растёт и будет продолжать расти в ближайшее время, в то время как доходы населения, резко сократившиеся в декабре 2014 года из-за падения курса рубля, продолжают падать. Каждый третий россиянин признаёт уровень своего благосостояния неудовлетворительным и экономит на духовных потребностях в пользу товаров первой необходимости. Читатели откладывают покупки «до лучших времён». Кроме того, основные реализаторы книг – книжные магазины, по-прежнему удерживают высокие цены на книжную продукцию – наценка чаще всего составляет 100-120% от издательской цены.

Независимые книжные магазины сталкиваются с чрезвычайно высокими ценами на аренду в центре города, она ничем не отличается от той цены, которую платит продуктовый магазин или продавцы алкоголя и табака. В то время как в европейских странах арендная плата для книжных магазинов, библиотек и других объектов культуры снижена в 3-4 раза, по сравнению с остальными участниками рынка. Кроме того, в сегодняшних жёстких условиях, практически лишены льгот небольшие издательства, которые тщательно подходят к выбору авторов и переводчиков, часто издавая книги более высокого качества, чем крупные игроки рынка. В высоких ценах на книги виноваты и законодатели – в период принятия в Думе второй части Налогового кодекса была допущена ошибка, в результате которой НДС на книги рассчитывался дважды (цена выросла на 20-30% за экземпляр).

Учитывая, что Россия тратит на приобретение бумаги за рубежом более 7 млрд. долларов ежегодно, а отечественные целлюлозно-бумажные комбинаты предпочитают продавать свою продукцию за валюту, книжный рынок является в высокой степени импортозависимым. При дальнейшем падении курса рубля цена бумаги будет расти, и книги будут дорожать. К числу факторов, влияющих на цену книг, относится также и сложность покупки авторских прав (как в России, так и за рубежом), переход на отечественную полиграфическую базу.

К продолжающимся негативным тенденциям относится снижение объёма книжного рынка, кризис традиционного книгопечатания. За последние семь лет, средний тираж одной книги убавился почти на 30%, а объём 1 экземпляра издания упал на 14,3%. По данным за 2014 год, наблюдается падение основных показателей печати (по сравнению с 2013 годом число названий снизилось на 7%, 112126 названий книг и брошюр), общий тираж – 485,5 млн. экземпляров, сократился на 10,4%, на душу населения число печатной продукции уменьшилось на 12,2%.

К положительным трендам можно отнести двукратный рост легального рынка электронной книги и укрепление позиций Интернета, как канала распространения литературы. В 2014 году наблюдался рост продаж электронных книг до 950 млн. рублей (+ 90% к уровню 2013 года), по данным самой крупной Интернет – компании «ЛитРес». Идёт активная борьба с интернет-пиратством, сайты, разместившие ворованный контент, блокируются в соответствии с законодательством об авторских правах. Книжный интернет-магазин «Озон» зафиксировал 208млн. посещений в год. Такие известные издательства, как «Альпина» и «Самокат» от 40 до 60% оборота делают на интернет-продажах своей продукции.

Лидирующие позиции занимает издательская группа «ЭКСМО-АСТ» - 10,9% рынка, 12257 названий книг и брошюр, затем идёт издательство «Стандартинформ» и замыкает тройку «ОЛМА Медиа Групп». По-прежнему основная доля продаж – учебная литература (47,1%), потом детская и юношеская, художественная литература для взрослых по тиражам составляет 12,6%, по названиям – 13,3%. Издательства активно распространяют литературу через социальные сети, 56,6 % издательств работают через «Facebook», посредством публикации пресс-релизов, анонсов, отрывков и т.д. Тем не менее, 48% подростков ответили, что предпочитают бумажные книги электронным. Дети демонстрируют более интенсивное чтение, по сравнению с 2006 годом.

Среднестатистический россиянин прочитывает 4,55 книги за три месяца (в 2013 г. – 4,23). Он отводит 8 час.36 мин. в сутки на медиапотребление, жертвуя 30 минутами сна или работы. При этом собственно на книги приходится 1,8% времени, 47,7% - на телевидение. Телевидение занимает первое место среди досуговых предпочтений россиян – примерно из 500 видов досуга. В некоторых семьях взрослые посвящают ему от 6 до 8 часов в сутки. За 24 часа по всем каналам демонстрируется примерно 60 эпизодов различных сериалов, российских и зарубежных, не считая достаточного количества развлекательных и спортивных передач. 56% героев отечественных сериалов так или иначе связаны с криминальным миром, полицией, и т.п[1].

[1] Отчет о деятельности Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям за 2014 год// http://www.fapmc.ru/rospechat/activities/pokazateli/otchety.html; В 2015 году книжную отрасль в России ожидает спад производства // http://www. pro-books.ru; Книжный рынок России. Состояние, тенденции и перспективы развития. Отраслевой доклад. – М.: Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, 2015 / Книжная индустрия. Журнал // www. bookind.ru.

Передачи, посвящённые книжным новинкам, почти исчезли с основных каналов, либо идут в неудобное время. Постоянно покупают новую художественную литературу и читают её, по разным данным, от 1,5 до 2% взрослого населения. В провинции существует проблема бедности ассортимента книжных магазинов – там отсутствует 30-40% названий книг, продающихся в Москве и Петербурге. Единственным выходом из сегодняшней непростой ситуации может стать переосмысление роли библиотек, которые испытывают проблемы с формированием фондов не только в провинции, но и в Москве. Они могли бы в условиях «нового книжного дефицита», связанного с падением тиражей и продаж, стать центрами книжной культуры, обеспеченными как электронными, так и бумажными книгами. И, конечно, библиотеки высших учебных заведений.

Московская Н.В.
(Москва)

РОЛЬ МОРАЛЬНО-НРАВСТВЕННЫХ И ЭСТЕТИЧЕСКИХ ДОМИНАНТ В РЕАЛИЗАЦИИ ЦЕЛЕЙ И ЗАДАЧ АКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

В «Основах государственной культурной политики»[1] сформулированы стратегические цели и задачи культурной политики, достижение которых призвано обеспечить основу экономического процветания, государственного суверенитета и национальной безопасности. Сказать – не сделать. Потребуются силы и время, чтобы сформулированные в Основах принципы адекватно реализовывались. Потребительская психология как современное массовое явление примитивно интерпретирует понятие «инвестиции» исключительно как предоставленные кем-то финансовые средства для реализации потребностей – каких? при потере духовной целостности личности и общества?, опять же – простейших материальных. Поэтому указание в Основах на необходимость инвестиций в культурное развитие должно не только обнадежить, но и насторожить. Сумеем ли достойно понять и реализовать насущную цель культурной политики. Инвестиции в человека и культуру предполагают не только материально-финансовую поддержку. В первую очередь это человеческие затраты сил,

1 Указ Президента Российской Федерации об утверждении основ государственной культурной политики N 808, от 24 декабря 2014 года

энергии, воли, желания, - всего того, что рождается и поддерживается высшими духовными чувствами: этическими и эстетическими.

Пожалуй, ни одна область знания не может так, как этика столь полно описать взаимодействие людей в процессе жизнедеятельности на всех уровнях: теоретическом, философско-научном, духовно-религиозном, а также на практическом, вплоть до самого обыденного. Мораль и нравственность есть внешний и внутренний нормативно-регулятивный мотиватор индивидуального и общественного поведения, обеспечивающий совместное выживание людей в природной и социокультурной среде.

В свою очередь, эстетическое восприятие действительности и потребность эстетического преобразования окружения – сущностная особенность человеческого мышления, высшей психической деятельности, дарованная каждому человеку от рождения. Это не излишество, не добавка к жизни, которая может быть красивой или некрасивой. Эстетическое чувство, мышление, память – отличие человека от животного.

И этическая, и эстетическая сфера человеческого бытия выражаются в единстве и гармонии высших духовных чувств, имеющих амбивалентную природу: Добро и Зло, любовь и ненависть, преданность и предательство, ответственность-безответственность, прекрасное и безобразное, трагическое и комическое и т.д. Потеря ценностных ориентиров ведет к гуманитарному кризису.

Отказавшись от марксистско-ленинской идеологии, наше общество с неистовой силой под идеологией рынка продолжает доводить идею первичности материального фундамента и вторичности духовной надстройки до абсурда. За двадцать пять лет духовно-нравственный мир, эмоционально-чувственная система социокультурной среды сведены до уровня низменной потребительской психологии. Законы общества таковы, что голоса отдельных представителей и групп тонут в потоке массовой культуры и необходим целый ряд факторов и наличие политической воли, чтобы консолидировать усилия сторонников высоких морально-нравственных требований и ценностей культуры – единственно возможных двигателей культурной самобытности и качественных ответов на цивилизационные вызовы.

После периода гегемонии ограниченного экономического мышления с пробуксовкой программ модернизации приходит время возвращения к присущей российскому обществу системе ценностей. В том числе, к пониманию того, что экономику и материальное благосостояние невозможно рассматривать вне этической ценности «трудолюбие», эстетической категории «красиво сделано», «прекрасное», в отрыве от удовольствия наслаждения и «любования» результатами своего труда. Меняются время, пространство деятельности, но субъектом культуры остается человек. Его природная потребность в целостности самоощущения, т.е. в гармонии с окружающим миром, другими людьми и самим собой остается по-прежнему острой.

Патриотизм – этическая категория, но она отчетливо демонстрирует интеграцию этической и эстетической сфер. Подвиг во имя Родины,

Отечества характеризуется как проявление возвышенного, а равнодушие, трусость, предательство - как низменное. Таким образом, патриотизм, его проявления или отсутствие констатируются одновременно в терминах высших этических и эстетических категорий. Они и есть, безусловно, проявления высших духовных чувств. Предстоит вернуть отношение массового сознания, особенно в молодежной среде, к содержанию понятия «пафос». Его нынешнее значение стало носить насмешливый, уничижительный характер, диаметрально противоположный возвышенному значению этого нравственно-эстетического чувства, определяющего патриотизм, гражданственность, восхищение прекрасным.

В соответствии с целями культурной политики многое делается в этом плане: например, эстетическое преобразование Москвы с любовью к москвичам и гостям столицы вызывает ответные чувства к городу, власти, усиливая, пробуждая чувство патриотизма. Участники Московского областного молодежного форума «Я - гражданин Подмосковья 2015» в секции «Наследники Победы» с энтузиазмом поддержали мысль автора, о том, что патриотизм и гражданственность – это чувства. Что они не являются продуктом отдельных акций, кампаний. Для их формирования необходимы особые подходы, требующие времени, постоянства воздействия, соответствия слова и дела. И, конечно, консолидации усилий. Форум привлек более двух с половиной тысяч представителей молодежи Подмосковья, обсуждались разнообразные социально-культурные проблемы, присутствовал позитивный настрой. Этот, третий по счету, Форум молодежи Подмосковья был значительно содержательнее предыдущих, но, по мнению автора, необходимо совершенствовать воспитательный и просветительский уровень таких мероприятий, обеспечивать единство целей и средств.

Высшие чувства можно и необходимо воспитывать как в детях, подростках, так и у взрослых. Это подтверждает и многолетний опыт автора, а в последнее время опыт по организации межвузовских студенческих форумов в музее-заповеднике «Царицыно», в «Галерее Ильи Глазунова». Тематика последних двух форумов «Россия: в поисках идентичности» и «В начале было Слово…» вызвала живое участие студентов Российской таможенной академии, Российской Академии народного хозяйства и государственной службы, Московского городского педагогического университета, Московского государственного института культуры, Государственной специализированной академии искусств, Московского Института телевидения и радиовещания «Останкино», всего более десяти вузов. Творчество Ильи Сергеевича Глазунова, просветительская и образовательная деятельность галереи искренне привлекают молодежь. Замечено, что историческая живопись И. Глазунова, его монументальные произведения особенно волнуют юношей, пробуждают в них интерес к гражданским вопросам, потребность обсуждать сложные социально-культурные проблемы.

Было бы наивно и примитивно свести проблему социально-культурной консолидации лишь к пропаганде искусства и морально-нравственной

назидательности. Необходимо обратить внимание на объективный «диагноз нашего времени» с точки зрения информационного хаоса, перенасыщения, связанного с ними ускорением темпа жизни, «эмоциональным голодом» по определению психологов. Патриотизм, жажда творчества, развития не совместимы с равнодушием, отсутствием чувства. Поэтому считаю необходимым обращение к высшей чувственной природе человека при реализации целей и мероприятий как федеральной, так и региональных программ актуальной культурной политики. Это не только не противоречит традиционному менталитету России, но, наоборот возвращает нас к исконным ценностям нашей славной истории. Обращение к ней в чувственной форме гордости, чести и достоинства, восхищения славными подвигами, как показывает практика, находит отклик на генетическом, ментальном уровне.

Технологии обеспечения эмоционально-чувственного переживания событий и формирования ценностно-смыслового отношения к ним имеют богатый арсенал средств, накопленных миром музыки, литературы, театра, живописи: темпо-ритм, мелодика, интонация, художественный образ, цвет, композиция, мера, художественный язык и т.д. Грамотное использование этих средств требует профессионализма, и, кроме того, прибегнем к вполне узаконенному в искусстве термину – «заразительности». Соответственно и те, кто призван разрабатывать и реализовывать программы культурной политики, должны быть сами убедительными и увлеченными, чтобы одухотворить массовую аудиторию. И одновременно кропотливо работать с различными социальными группами и каждым отдельным человеком с раннего возраста. Вспомним, что эстетическое развитие по определению практически не доступно взрослому человеку «с нуля», если не накоплены эстетический опыт, опыт рефлексии, эстетическая память на протяжении долгого времени, а по сути, с детства. Так и нравственные устои прививаются ребенку с первых шагов.

«Ум с сердцем не в ладах»[1] - констатируем сегодня вместе с классиком русской литературы. Но через двести лет, обобщив огромный исторический опыт, учитывая выводы культурной антропологии, мы способны не только констатировать сложившееся положение, но и руководствоваться идеей того, что знания, подкрепленные чувствами – залог гуманитарной и социальной гармонии. В краткой статье невозможно детально аргументировать, иллюстрировать заявленную в названии мысль, но можно уверенно утверждать, что наше общество сегодня нуждается в особом внимании к этической и эстетической природе человека как доминантам духовности российского менталитета. От степени единства и непротиворечивости системы координат нравственных и эстетических ценностей будет зависеть успешная или неуспешная реализация культурной политики в современных политических и социально-культурных условиях.

[1] А.С. Грибоедов «Горе от ума»

Павлова-Борисова Т.В.
РЕСПУБЛИКА САХА (ЯКУТИЯ)

КУЛЬТУРНЫЙ ИМИДЖ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)

В условиях глобализации второй половины XX в. продолжается борьба за сферы влияния, ресурсы, инвестиции, развитие туристического бизнеса. Для привлечения населения и инвестиций стали использоваться особенности природы, экономики, культуры регионов, из которых формируется их положительный образ, складывается имидж.

В наши дни образ территории является важной составляющей национального капитала. От его привлекательности зависит успех и эффективность развития всей страны в целом. Поэтому проблема продвижения имиджа регионов рассматривается наряду с важнейшими, стратегически важными задачами в развитии страны, её национальной экономики.

Актуальность избранной темы обусловлена поиском новых средств достижения устойчивого развития регионов и механизмов управления ими, делающими регион способным составить конкуренцию и создать условия для притока в его экономику инвестиций. Среди них видное место занимает позитивный образ региона, который может стимулировать деловую активность и заинтересовать крупные компании в разработке и внедрении современных инвестиционных проектов, задействовать скрытые ресурсы региона, а также решить проблему занятости населения.

Создание позитивного имиджа региона – задача первостепенной важности, так как закрепление такого образа в сознании людей и особенно молодежи открывает множество перспектив, создавая благоприятное впечатление и формируя уважительное отношение к России за рубежом, что способствует эффективности международного сотрудничества. Возможность управления процессом продвижения позитивного имиджа регионов, который способствовал бы их социально-экономическому развитию, вызывает большой интерес с научной и практической точки зрения.

Термин «имидж» в переводе с английского image означает «образ», с латинского imago – «имитировать». В русском языке он связан с понятием образа, облика, представления, отражения. В контексте исследований имиджа в большей степени используется широкое понятие «образ», поскольку оно является родовым для большого круга явлений, более или менее отражающего реальность, в результате чего и возникают различные картины мира, знаки, стереотипы, символы и архетипы.

Под регионом подразумевается социальный организм, социокоммукативная общность людей, проживающая на той или территории и обладающая своими атрибутивными и функциональными свойствами.

На сегодня под имиджем региона понимается вся совокупность характерных черт, которая формирует образ, складывающийся из исторически сложившихся традиций, опыта людей, эмоциональных и рациональных представлений, коммуникативных свойств в данный исторический момент. Он становится существенным фактором перспективного развития территории.

Выделение ключевых характеристик региона и четких ориентиров, которые указывают на территориальную особенность региона, является основной целью регионального позиционирования.

В своем Послании к Государственному собранию (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) Глава РС (Я) Е.А.Борисов заявил, что «формирование позитивного имиджа Республики Саха (Якутия) как привлекательного для инвесторов региона России, производящего качественную конкурентоспособную продукцию, также играет определяющую роль». При этом обращено внимание не только на прежние ассоциации республики с алмазами, золотом и углем, но и с достижениями в культуре. В этой сфере намечены следующие направления: 1) обеспечение условий для создания программ по сохранению национальных культурно-этнографических объектов Якутии; 2) поддержка и сохранение традиционных культур народов, представители которых живут на территории РС (Я); 3) сохранение достопримечательностей, культурных и природных памятников Якутии[1].

Так, в Министерстве культуры и духовного развития РС (Я) действует Департамент духовного развития и профессионального искусства. Вот уже многие годы функционирует республиканская Академия духовности, куда входят ведущие деятели культуры и искусства. Заметно расширилась сеть театрально-зрелищных учреждений, растет количество учащихся в детских музыкальных школах и т.д.

Для реализации вышеназванной стратегической цели выделены следующе задачи:

- сохранение и создание духовно-культурных ценностей народов Якутии, развитие новых форм деятельности в сфере культуры и искусства;
- усиление доступности и расширение предложения населению культурных благ и информации;
- развитие литературы и искусства как высшей формы развития культуры, где наряду с театром, изобразительным искусством, традиционных ремесел ныне начинает уделяться внимание и музыке;
- формирование имиджа республики как региона больших культурных традиций и т.д.[2]

В республике действуют долгосрочные программы: «Земля Олонхо», «Музыка для всех» и др. В последнее время музыке отводится особое место среди других видов искусств. Именно музыка наиболее тонко и полно передает эмоциональный мир человека. Ведущие деятели российского

[1] Послание Президента Республики Саха (Якутия) от 9 ноября 2011 г.

[2] Постановление Правительства Республики Саха (Якутия) «О государственной поддержке общественных инициатив по созданию положительного имиджа Республики Саха (Якутия) от 26 июля 2012 г. №320.

искусства всегда говорили о высокой гражданской и воспитательной миссии музыки, её огромном духовно-нравственном потенциале в деле развития подрастающего поколения и общества в целом. Несмотря на рост музыкальных учреждений, интенсивность концертной жизни, активизацию научной музыкальной мысли все больше ощущается нехватка взаимодействия названных учреждений, а музыкантам необходим обмен информацией. Задачу восполнения данного пробела ныне выполняет журнал «Якутия музыкальная» как один из факторов имидж-моделирования региона. При реализации данного проекта происходит интенсивный информационный музыкально-культурный обмен 1) между учреждениями музыкального профессионального искусства, 2) в данный информационный оборот будут включены республиканские учебные заведения и что важно детские музыкальные школы.

Реализация приоритетных направлений государственной политики в сфере культуры к 2030 г. позволит создать условия, обеспечивающие равный и свободный доступ населения ко всему спектру культурных благ и высококачественных услуг в сфере культуры и искусства, совершенствовать творческий потенциал жителей Якутии, добиться успехов в экономическом положении всей отрасли, последовательной интеграции республики в российском и мировом культурном пространстве.

Гусева Н.М.
(Москва)

ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАСХОДОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ СРЕДСТВ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ, С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

В настоящей статье речь пойдёт о выработке подхода к планированию и оценке эффективности выделения общественных средств на финансирование культуры. Следует отметить, что целью настоящей статьи не является попытка оценки конкретных форм и объектов искусства как таковых, особенно с точки зрения их художественной ценности.

Выделим важнейшие принципиальные свойства общественных финансовых средств, основной объём которых сконцентрирован в государственном бюджете:

1) обязательность их уплаты всеми членами общества (при соблюдении определённых критериев), например, в форме налогов;

2) объективная ограниченность общественных средств, необходимость делать общественный выбор в рамках определённого бюджетного ограничения.

Таким образом, если любая деятельность в сфере культуры подразумевает выделение общественных средств, общество вправе требовать подотчётности и обоснования соответствия выделения средств общественным приоритетам. Государство и государственный бюджет здесь должны рассматриваться в качестве средства достижения общественных приоритетов и быть соответствующим образом организованы. Для понимания принципов подобной организации следует рассмотреть, по крайней мере, следующие вопросы:

1) Культура как объект управления (государственная политика в области культуры)

2) Методика и практика разработки государственных программ и стратегий в области культуры.

Рассмотрим кратко каждый из них.

1) Культура как объект управления.

С точки зрения государственного управления, а именно с нее и надлежит рассматривать проблематику национальной безопасности, методически корректно говорить не о «развитии культуры», но о «государственной политике» в области культуры. Принципиальная разница здесь состоит в том, что культура может и развиваться (или деградировать) вне государства и управления. Типичный пример тому – первобытная культура, уклады жизни народов, живущих изолировано и т.п. Здесь мы «упираемся» в проблему некорректного определения понятия «культура», используемого официально, о чем мы сказали выше. Само по себе выражение «развитие культуры» вызывает целый ряд вопросов, даже если культура здесь предстает в «официальном» понимании, как вполне конкретный вид человеческой деятельности (типа актерства, ваяния, зодчества, писательства и т.п.). Что есть развитие и деградация, в данном случае, как ни субъективная оценочная категория определенной социальной группы, составляющей т.н. «культурную элиту», фактически оценивающую саму себя и формирующую соответствующее мнение «массового потребителя» собственного «искусства». Данный вопрос, при всей его дискуссионности по его содержанию, имеет вполне конкретное рассмотрение с точки зрения государственной политики – как то или иное проявление культуры влияет на достижение или не достижение национальных приоритетов. Например, в рассмотренных выше стратегиях «развития культуры» декларируется достижение «общности нации на основе единого культурного кода, государственная поддержка культур различных народов, и т.п.». На практике же мы наблюдаем серьезное нарастание национальных противоречий в нашей стране. Одной из важнейших причин здесь является тот факт, что, сегодня на концептуальном уровне не сформулировано, в чём именно заключается

тот самый «единый культурный код», так что каждый небольшой народ или социальная группа живет, в основном, в рамках собственного «культурного кода». В принципе конкретные достижения культуры (к примеру, театральные постановки, предметы изобразительного искусства, ваяния и зодчества, и т.п.) должны обобщать и представлять в наглядной форме элементы «культурного кода». По крайней мере, на это, в частности, должна быть деятельность в сфере культуры, получающая государственную поддержку.

Важный вопрос, который неизбежно возникает при обсуждении вопроса осуществления государственных вложений в культуру – выбор объектов для таких вложений. Среди упрёков со стороны культурного сообщества слышится, что «чиновник не должен определять границы и вмешиваться в творчество». Принципиально не высказываясь против этого тезиса необходимо ответить, что сам вопрос о выборе приоритетов для государственного финансирования в современных условиях фактически лишён смысла, соответственно, невозможно и дать на него сколько-нибудь вразумительный ответ. Это связано с тем, что отсутствует необходимая методологическая и методическая база. Такой базой должно стать выраженное системно (например, в виде государственной стратегии) видение развитие человеческого потенциала и состояния общественного согласия в России. Только на этой основе можно всерьёз говорить об эффективности государственных вложений в культуру, так как разговор об эффективности всегда подразумевает, в первую очередь, понимание целевых начал оцениваемой деятельности.

Кроме того, следует сказать, что рассматривая культуру как отрасль (что фактически делается в рассмотренных государственных документах) из них не следует, почему ей должна быть оказана государственная поддержка, а значит, выделены государственные средства, в ущерб другим отраслям.

Учитывая изложенное, основной задачей государства является способствовать достижению национальных приоритетов. Национальные приоритеты должны выражаться с точки зрения состояния человеческого потенциала, одной из форм проявления которого является культура в наиболее широком понимании. Поэтому нужно говорить не о развитии культуры, но о государственной культурной политике, как о части политики развития человеческого потенциала.

2) Методика и практика разработки государственных программ и стратегий в области культуры. Недостатки методики разработки стратегий в области культуры полностью повторяют аналогичные в других областях, где разрабатываются государственные стратегии.[1] Целесообразность использования общепринятой в мире методической концепции утвержденной в рамках «Лимской декларации руководящих принципов

[1] Гусева Н.М., Медведев Г.Б. Программно-целевые методы в бюджетом процессе// Проблемы теории и практики управления 2011, №4

контроля ИНТОСАИ»[1] в целом в комментариях не нуждается. Однако случаи ее применения для оценки эффективности государственных расходов в РФ являются эпизодическими и не являются установленной практикой. Причина этого - не только отсутствие соответствующей законодательной базы и разъясняющих ее методических рекомендаций, но и практики применения рассматриваемой методики. Важнейшие на наш взгляд нюансы применения методики оценки эффективности государственных расходов достаточно подробно описаны нами в научных публикациях и их рассмотрение не укладывается в формат данной записки. Уместно лишь напомнить, что эффективность трактуется с точки зрения трех ее уровней (снизу вверх) – экономности, продуктивности, результативности. Каждый уровень подразумевает оптимизацию (а не минимизацию, подмена данных понятий наблюдается в практике повсеместно) расходования средств. Экономность - на получение любых ресурсов, необходимых для осуществления функции. Продуктивности – на достижение определенных непосредственных результатов функции, а результативность на обеспечение конечных результатов. Таким образом, на первом месте должны стоять результаты, а не расходы. Отечественная практика использования рассматриваемых методических положений крайне бедна. Несмотря на кажущуюся простоту методики, ее положения, исходя из нашего практического опыта, являются трудно формализуемыми, так что понимание корректности применяемого подхода и полученных результатов лежит вне области формальных определений. Наш опыт показывает, что ключевым фактором адекватности разработанной системы оценки эффективности осуществления любой государственной функции является понимание разработчиком методических принципов ее построения и знание оцениваемой области деятельности.

В российской практике бюджетного планирования и контроля внимание уделяется только низшему уровню рассмотрения эффективности. Все мероприятия находятся на уровне «экономность» (т.е. анализа величины затрат на закупки и текущие расходы в целях осуществления функции) или на уровне «продуктивность» (т.е. уровне непосредственных результатов деятельности). Высший уровень эффективности «результативность» (т.е. уровень конечных результатов деятельности) практически не рассматривается. Например, для оценки эффективности работы бюджетных учреждений культуры, таких как государственные музеи в рамках т.н. «государственного задания» наиболее часто используемый показатель – «число посетителей за период» в различных его вариациях (по возрастным и социальным группам, и т.п.). Его нельзя относить даже к уровню непосредственных результатов – «продуктивности», к которому относится в данном случае усвоение посетителем музея определенных установок, или получение

[1] Лимская декларация руководящих принципов контроля. Принята IX Конгрессом Международной организации высших органов финансового контроля (ИНТОСАИ) в г. Лиме (Республика Перу) в 1977 году

определенных впечатлений ради которых и создавалась экспозиция. Нам неизвестны случаи рассмотрения на государственном уровне влияния «потребления» услуг культуры населением на качество жизни, экономическую, социальную сферу жизни общества, хотя именно на это в конечном итоге направлены государственные средства (даже при отсутствии какого-либо рассмотрения и анализа данных процессов). Следует отметить, что достижение определенных целей по уровням «экономность» и «продуктивность» может противоречить достижению конечных результатов по уровню «результативность». К примеру, ситуация часто являющаяся объектом споров между работниками культуры и «финансистами» когда в целях «оптимизации» работы бюджетных учреждений проводится сокращение штата, тормозится повышение заработной платы, работники культуры, образования не направляются на повышение квалификации и т.п. Таким образом, по уровню «экономность» достигается уменьшение затрат, однако по уровню «продуктивность» можем иметь ухудшение качества работы учреждения в виду перегруженности и ухудшения морального состояния сотрудников. Очевидны и негативные результаты по уровню «результативность», состоящие как просто в оттоке квалифицированных кадров высокого культурного уровня из профессии, так и в появлении общественных стереотипов о непрестижности и общественной не значимости ряда областей культуры. Конечным результатом будет снижения доли культурных людей в обществе. Для решения данной проблемы необходимо развитие и повышение квалификации как финансовых, так и отраслевых специалистов в вопросах эффективности расходов. Нынешний уровень квалификации особенно финансовых работников не позволит им выйти за рамки уровня «экономность» в рассмотрении вопросов эффективности государственных расходов.

С точки зрения методики описания результатов выделения государственных средств следует выделить ещё одну важную проблему – возможность количественной оценки непосредственных, а тем более конечных результатов (используется терминология аудита эффективности в рамках упомянутой Лимской декларации). Приведенные выше рассуждения показывают, что зачастую количественная оценка или затруднительна, или чересчур упрощают представления о реальных результатах, не давая возможности раскрыть всю их совокупность. Возможным решением проблемы здесь будет соблюдение строго методического принципа описания результата. Так – конечные общественно значимые результаты должны быть, прежде всего, сформулированы с точки зрения будущего (после выделения финансирования) состояния человеческого потенциала и уровня общественного согласия. Должна быть выполнена концептуальная проработка идей и концепций, которые будут выдвинуты и показаны, в результате осуществления той или иной «культурной» деятельности. Напомним, речь идёт об общественных средствах, поэтому общество вправе требовать ясности в системе критериев выбора расходования

собственных средств. Одним их ярких примеров является, например, возведение так называемых «Пермских ворот» - сооружения в виде буквы П из брёвен в г. Пермь. Сооружение имеет высоту 12 метров и рассчитано на 5 лет «эксплуатации». Стоимость его возведения составила 9 млн. рублей.[1] Приняв средний уровень оплаты труда работника бюджетной сферы в 15 тысяч рублей в месяц, имеем 180 тысяч рублей в год на одного бюджетника. Таким образом, получаем возможность оплачивать услуги 500 (!) сотрудников, например, сферы культуры или здравоохранения в течение года! На наш взгляд, довольно трудно объяснить обществу подобный выбор в распоряжении его денежным средствами. При этом, следуя текущей логике методологии «государственных заданий», проект был бы признан крайне успешным, так как, сооружение было воздвигнуто на привокзальной площади, значит, широкая аудитория из разных социальных слоёв была ему обеспечена. Таким образом, один из популярных «оценочных показателей» - «число просмотров» находился, скорее всего, на высоком уровне. Подчеркнём, что это не проблема ограничения свободы творчества, но выбора объекта для выделения общественных средств. Подобные проекты могут быть реализованы за счёт частных средств, если они востребованы. Ещё раз хотим подчеркнуть, что здесь работает жёсткая логика «альтернативной стоимости», так что любые замыслы всегда находят конкретной воплощение в сумме общественных средств, выделяемых на осуществление именно этого замысла, а, значит, не выделенной на осуществление какой-либо другой идеи. Поэтому общество вправе получать достоверную и развёрнутую информацию о том, куда идут его средства, насколько расходование средств реально будет способствовать достижению общественных приоритетов. Здесь недопустим любой «налёт таинственности» или «прогрессивности замысла». Безусловно развитие новых направлений в искусстве также может выступать одним из общественных приоритетов. Однако здесь важно не допускать подобных указанному выше дисбалансу в уровнях государственной поддержки. Количественным оценкам должно предшествовать тщательное качественное описание всей совокупности результатов. Таким образом, аудит эффективности не может сводиться только к проверке количественных показателей, пусть даже нефинансовых и выражающих какие-либо отдельные характеристики результата. Оценке должна подлежать, прежде всего, качественная модель рассматриваемого явления.

Методика измерения человеческого потенциала находится в стадии формирования. Однако уже можно говорить о зарождении некоторых подходов в этом направлении. Например, подход Г.Б. Медведева и введённое им понятие «социально-функциональная группа», определяемое как «группа, выделяемая в связи с рассмотрением определенного вида экономической деятельности, включающая в себя субъектов – участников данного вида деятельности, субъектов,

[1] www.wikipedia.ru – «Пермские ворота»

обслуживающих потребности участников, а также всевозможных субъектов прямо или косвенно заинтересованных в осуществлении данного вида экономической деятельности, выделяемых по критериям, учитывающим разнообразные социальные и функциональные характеристики данной группы».[1] Таким образом, оценка степени реализации интересов различных социально-функциональных групп, на которые оказывают влияние государственные расходы должна стать одной из основ системы измерения человеческого потенциала. К примеру, рассмотренная с данной точки зрения экономическая сторона вопроса с выделением общественных средств, для группы выполнившей проект «Пермских ворот» будет явно положительна, так как их интересы в самовыражении и получении материальных благ будут удовлетворены за общественный счёт. Противоположная ситуация будет наблюдаться, например, с точки зрения работников городских музеев и театров не получивших указанные средства в целях поддержания, например, народных традиций, реальной просветительской работы среди молодёжи и просто в целях общественного признания важности роли работников культуры, по крайней мере, путём выплаты им заработной платы, позволяющей иметь достойный уровень жизни. Налицо «простой» экономический выбор, сделанный вне применения методологии, позволяющей объективно обосновать его с точки зрения общественной выгоды.

Вывод: системное и объективное рассмотрение вопроса об эффективности государственных расходов на культуру в России в настоящее время крайне затруднено. Для выхода из сложившейся ситуации необходимо формирование и инстуционализация представлений о развитии человеческого потенциала и общественного согласия как важнейшего национального приоритета. Именно с этих позиций следует оценивать государственные вложения в культуру. Высказывания о том, что в этом случае имеет место ограничение свободы творчества не обосновано, так как творчество по тем или иным причинам не соответствующее общественным приоритетам развития человеческого потенциала может развиваться на рыночных основах.

[1] Медведев Г.Б. Обеспечение баланса интересов социально-функциональных групп в стратегии развития машиностроения// Реальный сектор экономики: условия формирования и развития/ Отв. Ред. Никифоров Л.В., Наумов А.С., М. ИЭ РАН, 2013

Миловзорова М.А.,
Раскатова Е.М.
(Иваново)

КУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ ИВАНОВСКОГО РЕГИОНА КАК ПЛАТФОРМА КОНСТРУИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ИНСТРУМЕНТ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ: ТЕНДЕНЦИИ, ОПЫТ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Сегодня становится очевидным, что наиболее действенным механизмом консолидации современного полиэтничного и мультикультурного общества является формирование коллективной идентичности, в основе которой лежат образные и символические составляющие, отражающие характерные для региона локализации данного общества культурные смыслы и значения. Это позволяет, как минимум, сформировать поле внутрисоциумного взаимодействия, благоприятное для динамичного развития города или области.

Различные регионы нашей страны имеют полезный опыт работы с системами местных культурных кодов («индустриальная риторика Урала» и «риторика Перми Великой» (В.В. Абашев); использование в инновационных культурных практиках древнерусского культурного наследия в старинных городах России и др.), что приносит как морально-психологические, так и материальные дивиденды этим регионам, позволяя в большей или меньшей степени решать обозначенные государством задачи культурной политики.

Если рассматривать в данном контексте Ивановскую область, то ее можно охарактеризовать как весьма сложное для конструирования коллективной культурной идентичности пространство, что связано не только с общим состоянием экономики региона, не позволяющим в достаточной степени финансировать культурные проекты, но также и с тем, что до сих пор отчетливо не сформулированы концептуальные идеологические основания для символической политики.

Этому может быть много причин, среди которых основными можно назвать, как исторически неизбежный отказ от советских «культурных брендов» («красный Манчестер», «Родина Первого Совета», «текстильный край» и т.д.) и образовавшуюся, в соответствии с этим, символическую лакуну, которую не так просто заполнить; так и специфику культурной истории города и региона, где соединились разные временные и содержательные пласты (от эпохи монгольского ига или истории

старообрядчества до советской индустриализации и архитектуры конструктивизма).

Своеобразную роль в этом процессе сыграли активные поиски «региональных брендов», характерные для «нулевых», как попытки сделать регион более привлекательным для инвестиций и внутреннего туризма, а также способствовать развитию культурных индустрий (Международный кинофестиваль «Зеркало», различные инновации в культурном развитии отдельных населенных пунктов области, в первую очередь, Палеха и Плеса, как наиболее привлекательных объектов культурного туризма, сельские фестивали и др.). С одной стороны, этот опыт, возможно, не дал ожидаемых коммерческих результатов, но с другой, активизировал, в целом, работу в направлении изучения региональной культурной истории как основы для формирования адекватной сознанию жителей региона платформы культурной идентичности.

Сегодня вполне понятно, что «продать» можно только то, что представляет ценность для самого продающего, поэтому, можно сказать, что процесс формирования культурной идентичности в Ивановской области вышел на новый уровень – более глубокого понимания связи между культурным сознанием жителя региона и качеством социокультурной жизни в целом, так же, как и ее коммерческих сегментов, в частности.

В настоящее время работа по созданию культурно-исторической платформы, необходимой для формирования коллективной идентичности жителей Ивановского региона, осуществляется как экспертным сообществом (ученые, научные сотрудники музеев и др.), так и городскими сообществами (творческими, досуговыми и др.) при поддержке Правительства Ивановской области и отдельных бизнес-структур.

Если попытаться структурировать основные направления этой работы, то можно, на наш взгляд, выделить следующие:

поиск «гения места» (историческая личность, связанная с регионом) и попытки сформировать вокруг нее событийную среду. Наиболее яркий пример – Международный кинофестиваль им. А.А. Тарковского «Зеркало», требующий, правда, дальнейшего развития культурных механизмов взаимодействия данного события и социума; интерес к фигурам Иваново-Вознесенских меценатов (Д. Г. Бурылин, Я. П. Гарелин и др.), также нуждающийся в большем событийном обеспечении. В целом это направление можно оценить как перспективное, дальнейшее расширение которого может принести интересные результаты – организация новых событий, создание музеев, развитие информационной среды и т.д. Одним из факторов, способствующих развитию обозначенного направления можно считать организацию научных центров, связанных с изучением и проектным развитием потенциала «гения места» (в 2014 году при поддержке Правительства Ивановской области был организован «Научно-исследовательский и проектный центр им. А.А. Тарковского на базе Гуманитарного факультета ИГХТУ).

научный интерес к «индустриальной составлявшей» региональной культурной идентичности и отражение этого в ряде научных и культурных

событий, повышающих интерес сообщества к феноменам индустриальной культуры. В первую очередь, это имеет отношение к советской культурной истории (научно-философское направление, возглавляемое профессором М.Ю. Тимофеевым), но и в целом повышает привлекательность промышленной культурной истории места, вызывая к жизни новые культурные проекты, в активном продвижении которых участвует городские сообщества и бизнес-структуры (первый лофт-проект в Иваново «НИМ – новая территория культуры»). Хотя интерес к индустриальной истории Ивановской области всегда был неотъемлемой составляющей ее культурного развития, на современном этапе требуется новый уровень осмысления ее культурно-символического потенциала, а также включения в новые практики – научные, общекультурные, туристические, молодежные и др.

формирование «культурного образа» дореволюционного Иваново-Вознесенска, со специфической социально-классовой и конфессиональной структурой, привлекательной архитектурной и бытовой средой, особой динамикой развития. Здесь можно говорить как о стабильном научном развитии этой проблематики (издание статей, монографий краеведческой направленности, музейные проекты), так и о включении обозначенных смыслов в современную информационную среду, а также об организации соответствующих событий (в частности, проект «Прогулки по городу»). На наш взгляд это направление, хотя и является в наибольшей степени поддерживаемым как Правительством области, так и бизнесом, нуждается в существенной модернизации и формировании новых типов событийности, привлекательных для максимально широких слоев городского сообщества;

развитие относительно новых культурных позиций – в частности, «Иваново - город молодежи и студентов» (в связи с участием в конкурсе «Молодежная столица Европы»). В настоящее время мы является свидетелями довольно большого числа молодежных культурных событий, инициированных, как правило, государственными организациями и структурами. В этом направлении, в первую очередь, бизнесу и государству необходимо поддерживать инициативы самих молодежных сообществ (таких как «НИМ – новая территория культуры», «Мастерская современного искусства «6 этаж», предложения по развитию лофт-территорий и др.).

Таким образом, несмотря на сложности формирования региональной культурной идентичности, обусловленные локальной историей, в настоящее время мы можем говорить об активном развитии этого процесса в Ивановском регионе, о наличии устойчивых конструктивных тенденций и определенном инновационном опыте, требующем поддержки и развития, как со стороны государства, так и бизнеса. Пока, на наш взгляд, эти инновации в большей степени затрагивают «столицу» региона – Иваново, за редкими указанными исключениями, но это, конечно же, подразумевает как возможность включения менее крупных территориальных субъектов в инновационные культурные практики, так и формирование уникальных культурных проектов и продуктов, ориентированных на локальную культурную историю.

Московская Н.В.
(Москва)

РОЛЬ МОРАЛЬНО-НРАВСТВЕННЫХ И ЭСТЕТИЧЕСКИХ ДОМИНАНТ В РЕАЛИЗАЦИИ ЦЕЛЕЙ И ЗАДАЧ АКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

В «Основах государственной культурной политики»[1] сформулированы стратегические цели и задачи культурной политики, достижение которых призвано обеспечить основу экономического процветания, государственного суверенитета и национальной безопасности. Сказать – не сделать. Потребуются силы и время, чтобы сформулированные в Основах принципы адекватно реализовывались. Потребительская психология как современное массовое явление примитивно интерпретирует понятие «инвестиции» исключительно как предоставленные кем-то финансовые средства для реализации потребностей - каких? при потере духовной целостности личности и общества?, опять же – простейших материальных. Поэтому указание в Основах на необходимость инвестиций в культурное развитие должно не только обнадежить, но и насторожить. Сумеем ли достойно понять и реализовать насущную цель культурной политики. Инвестиции в человека и культуру предполагают не только материально-финансовую поддержку. В первую очередь это человеческие затраты сил, энергии, воли, желания, - всего того, что рождается и поддерживается высшими духовными чувствами: этическими и эстетическими.

Пожалуй, ни одна область знания не может так, как этика столь полно описать взаимодействие людей в процессе жизнедеятельности на всех уровнях: теоретическом, философско-научном, духовно-религиозном, а также на практическом, вплоть до самого обыденного. Мораль и нравственность есть внешний и внутренний нормативно-регулятивный мотиватор индивидуального и общественного поведения, обеспечивающий совместное выживание людей в природной и социокультурной среде.

В свою очередь, эстетическое восприятие действительности и потребность эстетического преобразования окружения – сущностная особенность человеческого мышления, высшей психической деятельности, дарованная каждому человеку от рождения. Это не излишество, не добавка к жизни, которая может быть красивой или некрасивой. Эстетическое чувство, мышление, память – отличие человека от животного.

[1] Указ Президента Российской Федерации об утверждении основ государственной культурной политики N 808, от 24 декабря 2014 года

И этическая, и эстетическая сфера человеческого бытия выражаются в единстве и гармонии высших духовных чувств, имеющих амбивалентную природу: Добро и Зло, любовь и ненависть, преданность и предательство, ответственность-безответственность, прекрасное и безобразное, трагическое и комическое и т.д. Потеря ценностных ориентиров ведет к гуманитарному кризису.

Отказавшись от марксистско-ленинской идеологии, наше общество с неистовой силой под идеологией рынка продолжает доводить идею первичности материального фундамента и вторичности духовной надстройки до абсурда. За двадцать пять лет духовно-нравственный мир, эмоционально-чувственная система социокультурной среды сведены до уровня низменной потребительской психологии. Законы общества таковы, что голоса отдельных представителей и групп тонут в потоке массовой культуры и необходим целый ряд факторов и наличие политической воли, чтобы консолидировать усилия сторонников высоких морально-нравственных требований и ценностей культуры – единственно возможных двигателей культурной самобытности и качественных ответов на цивилизационные вызовы.

После периода гегемонии ограниченного экономического мышления с пробуксовкой программ модернизации приходит время возвращения к присущей российскому обществу системе ценностей. В том числе, к пониманию того, что экономику и материальное благосостояние невозможно рассматривать вне этической ценности «трудолюбие», эстетической категории «красиво сделано», «прекрасное», в отрыве от удовольствия наслаждения и «любования» результатами своего труда. Меняются время, пространство деятельности, но субъектом культуры остается человек. Его природная потребность в целостности самоощущения, т.е. в гармонии с окружающим миром, другими людьми и самим собой остается по-прежнему острой.

Патриотизм – этическая категория, но она отчетливо демонстрирует интеграцию этической и эстетической сфер. Подвиг во имя Родины, Отечества характеризуется как проявление возвышенного, а равнодушие, трусость, предательство - как низменное. Таким образом, патриотизм, его проявления или отсутствие констатируются одновременно в терминах высших этических и эстетических категорий. Они и есть, безусловно, проявления высших духовных чувств. Предстоит вернуть отношение массового сознания, особенно в молодежной среде, к содержанию понятия «пафос». Его нынешнее значение стало носить насмешливый, уничижительный характер, диаметрально противоположный возвышенному значению этого нравственно-эстетического чувства, определяющего патриотизм, гражданственность, восхищение прекрасным.

В соответствии с целями культурной политики многое делается в этом плане: например, эстетическое преобразование Москвы с любовью к москвичам и гостям столицы вызывает ответные чувства к городу, власти, усиливая, пробуждая чувство патриотизма. Участники Московского

областного молодежного форума «Я - гражданин Подмосковья 2015» в секции «Наследники Победы» с энтузиазмом поддержали мысль автора, о том, что патриотизм и гражданственность – это чувства. Что они не являются продуктом отдельных акций, кампаний. Для их формирования необходимы особые подходы, требующие времени, постоянства воздействия, соответствия слова и дела. И, конечно, консолидации усилий. Форум привлек более двух с половиной тысяч представителей молодежи Подмосковья, обсуждались разнообразные социально-культурные проблемы, присутствовал позитивный настрой. Этот, третий по счету, Форум молодежи Подмосковья был значительно содержательнее предыдущих, но, по мнению автора, необходимо совершенствовать воспитательный и просветительский уровень таких мероприятий, обеспечивать единство целей и средств.

Высшие чувства можно и необходимо воспитывать как в детях, подростках, так и у взрослых. Это подтверждает и многолетний опыт автора, а в последнее время опыт по организации межвузовских студенческих форумов в музее-заповеднике «Царицыно», в «Галерее Ильи Глазунова». Тематика последних двух форумов «Россия: в поисках идентичности» и «В начале было Слово…» вызвала живое участие студентов Российской таможенной академии, Российской Академии народного хозяйства и государственной службы, Московского городского педагогического университета, Московского государственного института культуры, Государственной специализированной академии искусств, Московского Института телевидения и радиовещания «Останкино», всего более десяти вузов. Творчество Ильи Сергеевича Глазунова, просветительская и образовательная деятельность галереи искренне привлекают молодежь. Замечено, что историческая живопись И. Глазунова, его монументальные произведения особенно волнуют юношей, пробуждают в них интерес к гражданским вопросам, потребность обсуждать сложные социально-культурные проблемы.

Было бы наивно и примитивно свести проблему социально-культурной консолидации лишь к пропаганде искусства и морально-нравственной назидательности. Необходимо обратить внимание на объективный «диагноз нашего времени» с точки зрения информационного хаоса, перенасыщения, связанного с ними ускорением темпа жизни, «эмоциональным голодом» по определению психологов. Патриотизм, жажда творчества, развития не совместимы с равнодушием, отсутствием чувства. Поэтому считаю необходимым обращение к высшей чувственной природе человека при реализации целей и мероприятий как федеральной, так и региональных программ актуальной культурной политики. Это не только не противоречит традиционному менталитету России, но, наоборот возвращает нас к исконным ценностям нашей славной истории. Обращение к ней в чувственной форме гордости, чести и достоинства, восхищения славными подвигами, как показывает практика, находит отклик на генетическом, ментальном уровне.

Технологии обеспечения эмоционально-чувственного переживания событий и формирования ценностно-смыслового отношения к ним имеют богатый арсенал средств, накопленных миром музыки, литературы, театра, живописи: темпо-ритм, мелодика, интонация, художественный образ, цвет, композиция, мера, художественный язык и т.д. Грамотное использование этих средств требует профессионализма, и, кроме того, прибегнем к вполне узаконенному в искусстве термину – «заразительности». Соответственно и те, кто призван разрабатывать и реализовывать программы культурной политики, должны быть сами убедительными и увлеченными, чтобы одухотворить массовую аудиторию. И одновременно кропотливо работать с различными социальными группами и каждым отдельным человеком с раннего возраста. Вспомним, что эстетическое развитие по определению практически не доступно взрослому человеку «с нуля», если не накоплены эстетический опыт, опыт рефлексии, эстетическая память на протяжении долгого времени, а по сути, с детства. Так и нравственные устои прививаются ребенку с первых шагов.

«Ум с сердцем не в ладах»[1] - констатируем сегодня вместе с классиком русской литературы. Но через двести лет, обобщив огромный исторический опыт, учитывая выводы культурной антропологии, мы способны не только констатировать сложившееся положение, но и руководствоваться идеей того, что знания, подкрепленные чувствами – залог гуманитарной и социальной гармонии. В краткой статье невозможно детально аргументировать, иллюстрировать заявленную в названии мысль, но можно уверенно утверждать, что наше общество сегодня нуждается в особом внимании к этической и эстетической природе человека как доминантам духовности российского менталитета. От степени единства и непротиворечивости системы координат нравственных и эстетических ценностей будет зависеть успешная или неуспешная реализация культурной политики в современных политических и социально-культурных условиях.

1 А.С. Грибоедов «Горе от ума»

Медведев Г.Б.
(Москва)

РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА И ОБЩЕСТВЕННОЙ СОГЛАСИЕ – ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

В конце 2014 г. Президентом РФ был утверждён «Проект основ государственной культурной политики»[1], чему предшествовало его общественное и профессиональное обсуждение. Ещё до опубликования и представления на рассмотрение общественности первоначального варианта данного документа (в марте 2014 г.) нами были тезисно опубликованы наши представления об основах государственной политики в области культуры.[2] Как видно из «мартовского» варианта, он с ними во многом перекликается. 23 апреля 2014 г. второй вариант «Основ государственной культурной политики» утверждён Президентом РФ. В связи с открытием общественного обсуждения в своем докладе мы кратко представим основные положения по этому вопросу. Большинство из приведенных положений были представлены в Президиум РАН в рамках организованного обсуждения проекта научным сообществом.

1. Необходимо отметить узость базового понятия «культура», применяемого на официальном уровне. «Культура» - совокупность формальных и неформальных институтов, явлений и факторов, влияющих на сохранение, производство, трансляцию и распространение духовных ценностей (этических, эстетических, интеллектуальных, гражданских и т.д.).[3] Данное определение, тем более при применении профессиональным сообществом, сводится к доминирующему на сегодня представлению о культуре как определённого вида человеческой деятельности, наподобие писательства, ваяния, режиссуры, итп. То есть возникает известное «зауживание» предмета рассмотрения, которое в дальнейшем не позволит достигнуть важнейших государственных целей. Нам представляется целесообразным посмотреть на культуру через призму её влияния на:

1)Развитие человеческого потенциала отдельной личности, что включает в себя как мировоззренческий аспект, так и аспект поведения

[1] Указ Президента РФ от 24.12.2014 N 808 "Об утверждении Основ государственной культурной политики"

[2] Гусева Н.М. Медведев Г.Б. Анализ состояния государственного планирования в сфере культуры с точки зрения развития человеческого потенциала. Международная заочная научно-практическая конференция в сборнике научных трудов «Наука и образование в жизни современного общества» Россия, Тамбов, 29 ноября 2013 г

[3] Указ Президента РФ от 24.12.2014 N 808 "Об утверждении Основ государственной культурной политики"

в различных жизненных ситуациях, исходя из имеющегося личностного уровня культуры. Таким образом, на уровне личности, культура, которая является продуктом социализации личности является одним из мощнейших факторов поведения. Собственно говоря, человек должен рассматриваться как существо, определяемое культурой, как «творец и творение культуры».[1]

2)Достижения необходимого для успешного долгосрочного существования России как целостного образования уровня общественного согласия.

Фактически культура опосредует все виды отношений и взаимодействий между людьми. Мы говорим, среди прочего, о культуре быта, культуре семьи, культуре производства, и т.п. Данные «прикладные», а на самом деле фундаментальные основы общественных отношений должны найти выражение в государственной культурной политике, как общественно одобряемые нормы поведения людей в различных ситуациях. Собственно говоря, культура выступает формой проявления общественных отношений конкретного общества в конкретный исторический период. Одна из задач государства должно стать стимулирование следования общепринятым нормам поведения.

История свидетельствует, что русскому народу свойственно длительное накопление негатива и неприятия общественных отношений дискриминации («почему ему можно, а мне нельзя»), неприятие всякого рода социального расслоения. В этой связи критически важной для будущего России является заложить в Концепцию культурной политики представления о культуре как о факторе развития и форме проявления человеческого потенциала и общественных отношений, свойственных данному обществу в данный исторический.

Как мы уже отмечали, культура должна рассматриваться применительно к конкретному обществу и конкретным историческим условиям. При этом, хотелось бы сразу отметить некорректность использования, в ряде случаев, терминов «народ» и «нация», с помощью которых образуют странный термин «многонациональный народ

В рамках Российской нации следует говорить о развитии общих для всех народов России культурных ценностях. В этой связи в Концепции должны быть более чётко прописаны основы культуры русского народа, которые должны стать центральным связующим звеном во всей многообразной палитре культур народов России, вместе составляющей культуру российской нации.

Желания и понимание необходимости наличия общих, общенародных и общенациональных целей деятельности, «государственного» подхода к делу. Мировоззрения, ставящего общее выше личного.

Указанные особенности позволили русскому народу выживать в течение более чем 1000 лет официальной истории. Кроме того официальная история свидетельствует, что отход от этих принципов

[1] Трубачёв С.А.Философская антропология М. Ландмана//Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидат философских наук, М. 2006

в организации общественной жизни ставил русский народ на грань выживания и вызвал значительные общественные потрясения.

Указанные принципы принимались представителями не только русского, но и других народов объединённых с русским общей исторической судьбой. Собственно говоря, такое объединение вообще является возможным благодаря этому единству. В результате история знает имена многих представителей разных народов России, являющихся общенациональными героями. Кроме этого выдающихся успехов в разных областях деятельности в России достигали представители различных народов. Это является возможным только в условиях наличия и реального каждодневного проявления «единого культурного кода». В случае российской нации в основе этого единого культурный кода лежит русская культура.

Можно сказать, что подобные черты присущи многим народам. Однако не следует забывать, что мы говорим о конкретном обществе, с конкретным культурно-историческим наследием, живущим в конкретных природных и социальных условиях. Русский народ, очевидно, состоялся как обособленный этнос, со всеми вытекающими отсюда свойствами сознания человека и его самоидентификации. Русский язык является единым для всех народов России (что нисколько не препятствует, а в ряде случаев способствует развитию народных языков). Указанные соображения доказывают невозможность объединения народов на основе современной «глобализации», так как она противоречит базовым мировоззренческим представлениям русского народа и других народов России. Поэтому следует указать на необходимость концептуального отделения, например, технического прогресса, творцами которого во многом выступают сами россияне и насаждению чуждых россиянам ценностей, таких, например, как жажда наживы, отрицание семейных ценностей и т.п. Русскому мировоззрению свойственно использование технических достижений для общественного блага, а не для личной наживы.

3)Также одной из важнейших задач культурной политики должна стать выработка уважения к труду и продуктам труда своих соотечественников, справедливое распределение общественного продукта. Должна быть развита культура уважительного отношения к людям любой общественно полезной профессии, отношение к продуктам их труда

4)Нужно развивать направления, которые отвечают общегосударственным интересам. Важно поддерживать не книгопечатание вообще, особенно в части того, что касается современных авторов, но выпуск и распространение книг, направленных на достижение целей государственной культурной политики. Всё остальное может развиваться на рыночной основе. То же самое относится и к другим видам и формам культурной деятельности.

5) Необходимо вынести цель достижения общественного согласия как отдельную, важнейшую стратегическую цель. Основная внутренняя угроза для России – отсутствие общественного согласия, что и должно быть явно обозначено.

СПИСОК АВТОРОВ

Агапова Елена Анатольевна, д.филос.н., доцент. Институт философии и социально-политических наук ФГАОУ ВО «ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Алимский О.Н., директор ГАУКАО «Амурский областной Дом народного творчества», г.Благовещенск

Антипова Ирина Геннадьевна, доцент кафедры психологии образования Академии психологии и педагогики ЮФУ

Алексеева Г.В., доктор искусствоведения, профессор, Председатель Ассамблеи народов Приморского края, Член Общественной палаты Приморского края, Профессор Дальневосточного федерального университета, Член-корреспондент РАЕ

Астафьева Ольга Николаевна, профессор, доктор философских наук, Директор Научно-образовательного центра «Гражданское общество и социальные коммуникации» Института государственной службы и управления РАНХиГС при Президенте РФ, заместитель заведующего кафедры ЮНЕСКО, член Совета по государственной культурной политике при Председателе Совета Федерации Федерального собрания РФ

Ахти Елена Геннадьевна, заместитель директора по развитию Центральной городской публичной библиотеки им. В.В. Маяковского.

Балакина Елена Ивановна – кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры философии и культурологии Алтайского государственного педагогического университета.

Безрукова Елена Евгеньевна, министр культуры Алтайского края

Безуглова Надежда Павловна, доктор философских наук, профессор Всероссийской академии внешней торговли

Белозор Алина Федоровна, кандидат культурологии, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Брянского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Беспалова Татьяна Викторовна, доцент, доктор философских наук, кандидат политических наук, Южный федеральный университет, Институт Наследия.

Благородова Елена Александровна, преподаватель Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета, кандидат философских наук

Бондарев Алексей Владимирович, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, факультет философии человека, кафедра теории и истории культуры, доцент, кандидат культурологии, доцент

Василенко Виктория Валерьевна, зав. кафедрой культурологии и искусств, профессор Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета, председатель Ставропольского филиала Научно-образовательного культурологического общества

Василенко Сергей Александрович, доцент кафедры массовых коммуникаций, Институт гуманитарных наук МГПУ

Винокурова Евдокия Петровна, к. культурологии, доцент каф. менеджмента культуры ФГБОУ ВО «Арктический государственный институт культуры и искусств».

Винокурова Ульяна А., Руководитель научно-исследовательского Центра циркумполярной цивилизации Арктического государственного института культуры и искусств

Власенко Валентина Васильевна, к. культурологии, доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования, зам. зав. кафедрой ЮНЕСКО БГПУ им. М. Акмуллы (Уфа)

Володина Инна Сергеевна, доцент кафедры коррекционной педагогики Академии психологии и педагогики ЮФУ

Гасанова Узлипат Усмановна, доктор филологических наук, профессор каф. дагестанских языков ДГУ и каф. социально-гуманитарных дисциплин РПА СКФ

Грачев Михаил Александрович – заведующий кафедрой русской филологии и общего языкознания Нижегородского государственного лингвистического университета им.Н.А. Добролюбова, профессор, доктор филологических наук.

Гусева Наталия Михайловна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН

Дзякович Елена Владимировна, Доктор культурологии, доцент, Профессор кафедры теории культуры, этики и эстетики МГИК

Долгорук Наталья Григорьевна, директор государственного бюджетного учреждения культуры «Амурская областная научная библиотека им. Н. Н. Муравьева-Амурского», магистрант кафедры Книговедения и библиотечно-информационной деятельности Хабаровского государственного института искусств и культуры

Дощинский Роман Анатольевич, член Общественной палаты РФ

Драч Геннадий Владимирович, доктор философских наук, профессор Южного федерального университета, директор Северо-Кавказского центра этнокультурных исследований при Чеченском государственном университете.

Дугаров Биликто Борисович, член Общественной палаты Республики Бурятия, генеральный директор ООО «Зеленый лотос» (клиника тибетской медицины «Наран» г. Москва)

Егоров Владимир Константинович, доктор философских наук, заведующий кафедрой ЮНЕСКО ИГСУ РАНХиГС, Заслуженный деятель науки РФ

Ерохина Татьяна Иосифовна, проректор по учебной работе ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный театральный институт» доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой культурологии ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского»

Загребин Сергей Сергеевич, доктор исторических наук, профессор, зав. рубрикой «Культура» научного журнала «Социум и власть», профессор кафедры философии и культурологии ФГБОУ ВПО «Челябинский государственный педагогический университет», Заслуженный работник культуры РФ.

Заковоротная Маргарита Вилоровна, профессор кафедры теории культуры, этики и эстетики, доктор философских наук, ФГАОУ ВПО «Южный федеральный университет», исследователь Телеуниверситета университета Квебека (Монреаль)

Закс Лев Абрамович, д.филос.н., профессор, Ректор Гуманитарной академии (Екатеринбург)

Замараева Елена Ивановна, к.ф.н., доцент кафедры «Философия» Финансового университета при Правительстве РФ

Злотникова Татьяна Семеновна. Доктор искусствоведения, заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН, профессор кафедры культурологии, директор Научно-образовательного центра Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского)

Ившина Татьяна Александровна, министр искусства и культурной политики Ульяновской области

Игнатьева Саргылана Семеновна, ректор Арктического гос. института искусств и культуры, главный редактор журнала «Культура и искусство Арктики/ Arctic Art&Culture», профессор, канд. пед. наук.

Иларионова Татьяна Семеновна, доктор философских наук, профессор, ученый секретарь Ученого совета Института государственной службы и управления РАНХиГС, журнал «Государственная служба»

Калашникова Елена Александровна, ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции» (РПА Минюста России)» Северный институт (филиал) в г. Петрозаводске, декан юридического факультета, кандидат филологических наук, доцент

Калашникова Елена Александровна, Федеральное государственное бюджетное образовательно учреждение высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции *РПА Минюста России)», Северный институт (филиал) в г. Петрозаводске, декан юридического факультета , кандидат филологических наук

Капустина Людмила Борисовна, профессор кафедры философии и культурологии Северо-западного института управления РАНХиГС при Президенте РФ, доктор философских наук, доцент.

Карташева Наталья Валерьевна, кандидат культурологии, доцент кафедры сравнительного изучения национальных литератур и культур ФИЯР МГУ имени М.В. Ломоносова.

Кириллова Наталья Борисовна, заведующая кафедрой культурологии и социально-культурной деятельности Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, доктор культурологии, профессор, заслуженный деятель искусств РФ.

Киянова Ольга Николаевна, заведующий кафедрой русского языка, риторики и профессиональной культуры, доктор филологических наук, доцент, государственный советник РФ II класса, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)

Козловцева Нина Александровна, заместитель начальника Отдела сертификационного тестирования Центра языкового тестирования и содействия миграционной политике ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина»

Козьякова Мария Ивановна, доктор философских наук, профессор ФГОУ ВО Высшее театральное училище (институт) имени М. С. Щепкина

Кокшенева Капитолина

Кондаков Игорь Вадимович, доктор философских наук, кандидат филологических наук, профессор, профессор Российского государственного гуманитарного университета, Вице-Президент Научно-образовательного культурологического общества

Коротеева Оксана Васильевна, кандидат психологических наук, доцент Отделения журналистики Института государственной службы и управления РАНХиГС

Корякина Антонида Николаевна, начальник управления культуры и духовного развития Окружной администрации города Якутска

Кочеляева Нина Александровна, директор Нового института культурологии, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории моделирования и технологий межкультурных коммуникаций ИГСУ РАНхИГС.

Кубанова Татьяна Андреевна, ведущий специалист отдела развития проекта «Русский музей: виртуальный филиал» Государственного Русского музея, кандидат культурологии

Кузьмина Любовь Аркадьевна, канд. культурологии, зав. кафедрой культурологии, доцент Северо-Восточного федерального государственного университета имени М.К. Аммосова

Кушнир О.Н., Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина

Левочкин Владислав Валерьевич, заместитель министра культуры и духовного развития Республики Саха (Якутия), доцент, аспирант кафедры культурологии Института языков и культуры народов Северо-Востока Российской Федерации Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. Министерство культуры и духовного развития Республики Саха (Якутия)

Лисицына Ирина Анатольевна, советник отдела библиотек и архивов Департамента науки и образования Минкультуры России, кандидат культурологии

Листвина Евгения Викторовна, д.филос. н., профессор, зав. кафедрой философии культуры и культурологии Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, руководитель межрегионального центра теоретических и прикладных исследований культуры «Артефакт», член экспертной группы при Комитете общественных связей и национальной политики Саратовской области

Лопатина О.А., профессор Хабаровского государственного института искусств и культуры, канд. пед. наук

Магомадов Зелимхан Имранович, Президент НКО Фонд развития и поддержки отечественной культуры, театрального искусства, русского языка МТФ «Русская классика», лаборатория этнорелигиозных исследований ИГСУ РАНХиГС.

Медведев Георгий Борисович, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики РАН

Меняева Марина Петровна, кандидат культурологии, доцент кафедры философских наук Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Миловзорова Мария Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент, Ивановский государственный химико-технологический университет.

Мироненко Елена Николаевна, министр культуры Красноярского края.

Митрошенков Олег Александрович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры ЮНЕСКО ИГСУ РАНХиГС

Московская Наталья Владимировна, кандидат искусствоведения, Российская академия живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова

Музычук Валентина Юрьевна, доктор экономических наук, зав. Сектором Института экономики РАН; Государственный институт искусствознания

Муромцева Галина Александровна, к.пед.н., директор Фонда «Ульяновск – культурная столица»

Мухин Дмитрий, заведующий научно-экспозиционным отделом музея «Семенково» (г. Вологда)

Невелева Вера Сергеевна, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философских наук Челябинской государственной академии культуры и искусств

Николаева Елена Валентиновна, кандидат философских наук, доцент Московского государственного университета дизайна и технологий

Никонорова Екатерина Васильевна, заведующая отделом периодических изданий Российской государственной библиотеки, главный редактор журнала «Обсерватория культуры», доктор философских наук, профессор РАНХиГС

Огочонова Л.П., научный сотрудник Руководитель научно-исследовательского Центра циркумполярной цивилизации Арктического государственного института культуры и искусств

Окольникова Светлана Анатольевна, министр культуры Республики Хакасия, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, кандидат культурологии.

Василенко Сергей А., Московский государственный педагогический институт.

Павлова-Борисова Татьяна Владимировна, Главный специалист, кандидат искусствоведения Министерство культуры и духовного развития Республики Саха (Якутия)

Панова Марина Николаевна, профессор кафедры гуманитарных наук, деловой этики и социальной ответственности ИБДА (Института бизнеса и делового администрирования) РАНХиГС, доктор филологических наук, доцент, РАНХиГС при Президенте РФ

Плакида Алена Александровна, заместитель Председателя комиссии Общественной палаты Республики Крым по вопросам культуры и межнациональных отношений

Подкар С.Б., региональный представитель Фонда «Наше будущее» по Нижегородской области к.соц.н., зам.директора музея науки ННГУ

Полухина Диана Михайловна, советник Правового департамента Минобрнауки России

Привалова Мария Александровна, Московский институт социально-культурных программ на сессиях Культурного форума регионов России

Протасевич Александр Рудольфович, кандидат экономических наук

Пушкарева Анна Александровна, руководитель службы культурных проектов Фонда «Ульяновск – культурная столица»

Медведев Георгий Борисович, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики РАН

Рамазанова пати Казихановна, заведующая кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Северо-Кавказского филиала Российской правовой академии МЮ РФ, к.филол.н., доцент

Раскатова Елена Михайловна, доктор исторических наук, профессор, Ивановский государственный химико-технологический университет

Расторгуев Сергей Васильевич, директор-художественный руководитель автономного учреждения «Государственный цирк Республики Саха (Якутия)»

Русецкая Маргарита Николаевна, ректор ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина», доктор педагогических наук.

Садохин Александр Петрович, доктор культурологии, профессор Отделения журналистики ИГСУ РАНХиГС

Сайко Елена Анатольевна, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, зав. отделом Федерального государственного бюджетного учреждения науки Научный и издательский центр «Наука» РАН (ФГБУН НИЦ «Наука» РАН).

Сгибнева Ольга Ивановна, доктор философских наук, профессор Волгоградского государственного университета

Силкин Владимир Владимирович, д. полит. н, профессор, заведующий Отделением журналистики ИГСУ РАНХиГС

Сильверсан-Максимов Айал Викторович, Куратор по инновационным проектам Министерства культуры и духовного развития Республики Саха (Якутия)

Синецкий Сергей Борисович, доктор культурологии, проректор по научной работе Челябинского института экономики и права им. М. В. Ладошина, член комиссии по культуре Общественной палаты Челябинской области

Смирнова Анастасия Юрьевна, специалист научно-образовательного центра «Гражданское общество и социальные коммуникации», научный сотрудник Лаборатории моделирования и технологий межкультурных коммуникаций ИГСУ РАНХ и ГС при Президенте РФ

Суконкин Александр Владимирович, канд. тех. наук, старший научный сотрудник, докторант РАНХиГС при Президенте Российской Федерации

Суюнова Насыпхан Хусиновна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований, Карачаево-Черкесская Республика

Сямина Ольга Васильевна, кандидат культурологии, доцент, член ВТОО «Союз художников России», Тольятти

Тихоненкова Татьяна Викторовна, заместитель директора по научной работеГУК «Тульская областная универсальная научная библиотека» (Тула)

Тульчинский Григорий Львович – засл.деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор департамента прикладной политологии НИУ Высшая школа экономики – Санкт-Петербург

Урмина Ирина Александровна, доктор культурологии, зав.кафедрой гуманитарных и естественнонаучных дисциплин НОУ ВПО «Московский институт государственного управления и права»

Фортунатова Вера Алексеевна, профессор кафедрs культуры и психологии предпринимательства института экономики и предпринимательства Нижегородского научно-исследовательского университета им. Н.И.Лобачевского

Харлампьева Н.К., кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета, ответственный редактор журнала «Культура и искусство Арктики/Arctic Art&Culture»

Цукренко Оксана Николаевна, координатор Департамента региональной политики РАНХиГС при Президенте РФ.

Чумаков Александр Николаевич – доктор философских наук, профессор зав. кафедрой философии Финансового университета при Правительстве РФ, Первый вице-президент Российского философского общества.

Шадже Асиет – доктор философских наук, профессор Адыгейского государственного университета

Шеманов Алексей Юрьевич, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник ГБОУ ВПО «Московский городской психолого-педагогический университет», ФГБНИУ «Научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачева».

Шишов А.К., Д.э.н., к.т.н., Вице-президент Ассоциации кабельного телевидения России, эксперт Общественной Палаты Челябинской области, директор ГУК ЦКД «Арбат»

Шишов К.А., доцент, канд.тех.наук, член-корреспондент Российской Академии Естественных наук о природе и обществе

Шлыкова Ольга Владимировна, ведущий научный сотрудники Лаборатории моделирования и технологий межкультурных коммуникаций, заместитель директора НОЦ «Гражданское общество и социальные коммуникации» ИГСУ РАНХиГС, профессор, доктор культурологии

Шульженко В. И., Южный федеральный университет, Институт Наследия

НКО Фонд поддержки и развития отечественной культуры,
театрального искусства, русского языка «МТФ «Русская классика»»
Научно-образовательное культурологическое общество
Научно-образовательный центр
«Гражданское общество и социальные коммуникации»
Института государственной службы и управления РАНХиГС

Гражданская солидарность в реализации государственной культурной политики: взаимодействие власти, общества и бизнеса

Сборник материалов Культурного форума регионов России (Якутск – Москва, 25 сентября 2015 года)

Составители и общая редакция:
О.Н. Астафьева и О.В. Коротеева

Подписано в печать10.09.2015.
Бумага офсетная. Формат 60x90 1/16. Усл. печ. л. 36.
Гарнитура «PragmaticaC». Тираж 350 экз. Заказ № В-7327.
Отпечатано в ИП Лядов К.В.